

НОМИНА

Томас
Барфилд

ОПАСНАЯ ГРАНИЦА

Кочевые империи и Китай
(221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ
И ИСКУССТВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009

THE PERILOUS FRONTIER

Nomadic Empires and China
221 BC to AD 1757

by Thomas J. Barfield

Blackwell Publishers
Cambridge, MA & Oxford, UK
1992

Томас Дж. Барфилд

ОПАСНАЯ ГРАНИЦА

Кочевые империи и Китай
(221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.)

Перевод с английского Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова

Научный редактор Д. В. Рухлядев

Барфилд Т. Дж.

Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. — Санкт-Петербург, 2009.

Книга посвящена двухтысячелетней истории отношений Китая с его северными соседями — кочевыми племенами Центральной Азии. Автор теоретически обосновывает циклическую модель этих отношений, в рамках которой государственно-политическая история кочевников предстает неразрывно связанной с процессами внутривосточного развития в Китае. Главный тезис, отстаиваемый в книге, состоит в том, что феномен кочевой государственности в восточной части Центральной Азии был обусловлен необходимостью создания эффективной системы эксплуатации номадами экономических ресурсов китайских государств. Особое внимание уделяется истории Монгольской империи, явившейся, по мнению автора, не продуктом длительной эволюции степной имперской традиции, а аномальным отклонением от циклической модели.

The book presented here is a fresh and persuasive interpretation of the cultural and political history of Inner Asian nomads and their sedentary neighbors over a period of 2000 years. This very long-term history is drawn from a wide range of sources and told with unprecedented clarity and pace. The author argues that the relationship of the nomadic tribes with the Chinese was as much symbiotic as parasitic, and that they understood their dependence on a strong and settled Chinese state. He makes sense of the apparently random rise and fall of these mysterious, obscure and fascinating nomad confederacies.

© T. J. Barfield, 1989

© Д. В. Рухлядев, В. Б. Кузнецов, перевод, 2009

© Д. В. Рухлядев, предисловие, 2009

Предисловие автора

Кочевники евразийских степей периодически основывали могущественные империи и осуществляли вторжения на территории соседних оседлых цивилизаций вплоть до начала Нового времени. Хотя численность их была невелика, экономика неразвита, а культурные достижения ограничены, они оказали заметное влияние на ход мировой истории. В глазах своих соседей они были настоящими варварами, чужаками, правда, потенциально могущественными и опасными. Историки, как древние, так и современные, неоднократно пытались объяснить природу кочевых обществ и их взаимоотношений с окружающим миром, однако удовлетворительные ответы, подобно самим кочевникам, лишь проскальзывали на горизонте и тут же терялись из виду.

Трудности возникали во многом из-за того, что кочевые общества Внутренней Азии были организованы на совершенно иных принципах, чем их оседлые соседи. Движущие силы степной кочевой культуры — доминирование племенных структур в политике и приоритет скотоводства в экономике — были малопонятны этноцентрически ориентированным соседям. Сохранилось весьма значительное количество текстов о «варварах», оставленных историками оседлых культур (преимущественно китайцами), но их авторы редко рассматривают кочевников, так сказать, изнутри. Сами кочевники, разумеется, воспринимали свой уклад жизни как нечто естественное. Их собственные (немногочисленные) письменные памятники предполагают, что читатель хорошо знаком со степной жизнью и ее ценностями.

Эта книга представляет собой попытку осветить некоторые моменты истории Внутренней Азии, применяя антропологические модели государственного и племенного развития к сохранившимся в источниках сведениям о племенах, обитавших на северной границе Китая. Этот район был выбран в связи с тем, что именно здесь возникли наиболее крупные и сложные политические образования кочевников, такие как империи сунну, тюрков и монголов. К тому же китайские исторические хроники, в которых идет речь о северных соседях, отличаются уникальной информационной насыщенностью. Хотя автор данной работы в основном полагался именно на эти источники, он все же пытался исследовать взаимодействие между Внутренней Азией и Китаем с точки зрения обитателей степи. Историкам, которые сочтут описание событий и политических реалий китайской истории слишком краткими, следует помнить, что они освещаются только в той мере, в которой это необходимо для понимания проблем Внутренней Азии, что прямо противоположно распространенному в историографии подходу, при котором история Внутренней Азии сводится к нескольким обобщающим параграфам в рамках истории Китая. Антропологические модели политической и социальной организации сходным образом применяются к историческим данным — лишь для того, чтобы придать смысл кажущейся бесконечной череде войн, империй и вторжений, которые заставляют традиционно считать историю Внутренней Азии чем-то невразумительным.

Антропологи увлечены созданием генерализующих моделей, но они игнорируют детали. В этой работе я намерен продемонстрировать, что для того, чтобы объяснить исторический процесс, необходимо проверять антропологические модели взаимодействия на конкретном историческом материале. Антропология позволяет дать событиям теоретическое объяснение, а событийный ряд показывает, каким образом те или иные закономерности взаимодействия были реализованы на практике. В результате разработки этой темы на свет появилось что-то вроде обзора истории взаимоотношений степных кочевников со странами Восточной Азии, однако это всего лишь побочный результат предпринятого анализа. Настоящая работа ни в коем случае не есть исчерпывающее историческое исследование. В ней, например, лишь кратко обсуждается обширная литература, посвященная частным аспектам истории Внутренней Азии, а некоторым малоизвестным периодам истории уделено больше внимания, чем обычно. Специалиста заинтересует, будет ли согласовываться выдвинутая мною гипотеза с более детальными наблюдениями. Рядовому читателю будет интересно, возможно ли принять идею о Внутренней Азии со своим собственным своеобразным культурным паттерном как активной части мировой истории.

Взаимоотношения между кочевыми и оседлыми народами заинтересовали меня после серии этнографических исследований в Центральной Азии. В течение двух лет я работал среди центральноазиатских арабов-кочевников в Северном Афганистане. Они каждый год кочевали между заболоченными низменностями в долине Амударьи и высокогорными пастбищами Бадахшана. Специализируясь на разведении овец для поставки мяса на городские рынки, афганские арабы были чрезвычайно глубоко интегрированы в местную экономическую систему, несмотря на то, что являлись кочевниками. Их социальная организация была построена по модели

модифицированного конического клана¹, характерной скорее для Внутренней Азии, чем для Ближнего Востока. Изучая их историю, я обнаружил, что кочевые племена в Центральной Азии устанавливали весьма разнообразные взаимоотношения со своими оседлыми соседями. Несмотря на то что образ жизни и методы разведения скота у кочевников были весьма схожими (имевшиеся отличия были обусловлены в основном экологическими условиями), политическая организация каждого племени, его экономические связи с окружающим миром и степень централизации варьировали в очень широких пределах. Различия, по-видимому, были связаны не с внутренним развитием, а с характером внешних сношений. Так как современные кочевые народы почти полностью окружены большими группами оседлого населения, именно история, а не этнография должна стать основной сферой исследования широкого круга кочевых обществ, некогда доминировавших во Внутренней Азии.

Уже после окончания моих антропологических полевых исследований я узнал, что классические династийные истории имперского Китая содержат, как правило, обширные повествования об иноземных народах, живших вдоль его границ. Так как кочевники северной границы традиционно составляли серьезную проблему в международных отношениях Поднебесной, они описывались довольно подробно. Я не синолог, но существует более чем столетняя традиция переводов этих повествований об иноземцах на западные языки, иногда иронически именуемых «переводами на языки варваров». Авторы почти всех указанных работ ставили своей целью сделать тексты доступными тем, кто не занимается китаистикой, но очень немногие несинологи сознавали всю глубину содержащейся в них информации. Для антрополога, интересующегося пограничными отношениями, повествования об иноземцах представляются чрезвычайно важным источником сведений о политической жизни и о хозяйстве племен, обитавших на границах Китая, уникальным по длительности охватываемого исторического периода. Однако переводы различны по качеству и не годятся для исследования ряда сложных проблем лингвистики и географии. Правильность цитируемых в книге переводов была проверена компетентными учеными по текстам первоисточников, некоторые изменения были внесены для унификации системы транскрипции личных имен и топонимов. Ссылки на перевод и оригинал даются для того, чтобы синологи могли быстрее сверить перевод с текстом источника на китайском языке.

Я предпринял это исследование под руководством недавно ушедшего из жизни профессора Джозефа Флетчера, выдающегося историка Внутренней Азии, который использовал в своей работе самые различные кросскультурные методики. Он считал необходимым привлекать антропологию с ее богатой этнографической традицией для исследования истории народов, чья культура, экономика и социальная организация остаются малоизученными. Поскольку я был антропологом, знакомым скорее с маршрутами миграций кочевников, чем с историческими источниками, я поначалу выразил некоторое сомнение в том, смогу ли я достойно справиться с задачей, но он предложил провести меня мимо ловушек, которые поджидают исследователя на этом пути, — ловушек куда более многочисленных и опасных, чем ложные отступления Чингисхана. Он щедро делился со мной своими несравненными познаниями в области истории Внутренней Азии, ее источников и литературы. Мы встречались с ним, чтобы обсудить черновые варианты глав, которые я готовил, и ни один автор не мог бы пожелать себе более внимательного и при этом сочувственного критика. Его безвременная кончина отняла у всех нас выдающегося исследователя и у меня — хорошего друга. Эта книга посвящается его памяти.

Мне хотелось бы выразить признательность Фэрбенк-центру восточноазиатских исследований в Гарварде за помощь в реализации исследовательского проекта, выходящего за привычные рамки истории Восточной Азии. Благодаря любезности сотрудников Центра я получил доступ к необходимым библиотечным материалам, а также возможность консультироваться с учеными, чьи глубокие познания в области истории и лингвистики Внутренней Азии намного превосходят мои собственные. Среди ученых, которые непосредственно обсуждали рукопись, я чрезвычайно признателен Фрэнсису Кливзу, Элизабет Эндикотт-Уэст, Цзинь-фу Хуну, Анатолию Хазанову, Майклу Ходарковскому, Хо-дон Киму, Беатрис Мэнс, Нэнси Пак, Омеляну Прицаку и Лотару фон Фалькенхаузену за их предложения по исправлению и улучшению различных фрагментов чернового текста. За все фактические ошибки и неверные выводы, которые неизбежно содержатся в представленной монографии, ответственность, конечно, целиком несу я.

Я также чувствую себя обязанным выразить благодарность тем исследователям, которые известны мне только по работам и на критическом фундаменте которых базируется мой труд. Говорят, что книги и статьи в наше время привлекают к себе внимание лишь в течение нескольких лет или десятилетий после их публикации, а потом полностью устаревают. Это мнение

¹ Конический клан (*conical clan*) — структура, состоящая из групп родственников, иерархически выстроенных по принципу первородства с соответствующим ранжированием статусов. — *Примеч. науч. ред.*

несправедливо для весьма немногочисленных работ по истории Внутренней Азии. До сих пор испытываешь волнение, читая о радости первых открытий и об энтузиазме бурных дискуссий, запечатленных на пожелтевших от времени страницах книг, нашедших свое пристанище в тишине крупных научных библиотек. Ученые, чьи работы на долгие годы были преданы забвению (если верить карточкам библиотечных заказов), были моими коллегами по чрезвычайно затянувшемуся международному семинару. Мой интерес к этой проблеме, как и у многих из них, имел скорее сугубо личный, чем практический характер. На исследовательскую работу и написание этой книги я не запрашивал и не получал никаких грантов.

Благодарности

Автор благодарит авторов и издателей за любезное разрешение пользоваться материалами следующих работ: Дж. Дж. Сондерс (J. J. Saunders) — «История монгольских завоеваний» (*The History of the Mongol Conquests*) (Routledge); Карл Виттфогель и Фэн Цзя-шэн (Karl Wittfogel and Feng Chia-Sheng) — «История китайского общества: Ляо» (*History of Chinese Society: Liao*) (American Philosophical Society, Philadelphia); Бартон Уотсон (Burton Watson) — «Записки Главного историографа Китая» (*Records of the Grand Historian of China*) (©1961 Columbia University Press, New York); Джон Бойл (John Boyle) — «Преемники Чингис-хана» (*The Successors of Genghis Khan*) (©1971 Columbia University Press, New York); Дэвид Морган (David Morgan) — карта Монгольской империи из книги «Монголы» (*The Mongols*) (Blackwell, Oxford and Cambridge, MA, 1986).

Т. Дж. Барфилд

Предисловие редактора американского издания

На суд читателя представлена весьма многообещающая книга. Ее автор, Томас Барфилд, предпринимает смелый и всесторонний анализ природы взаимодействия между китайскими империями, последовательно сменявшими друг друга на просторах Поднебесной, и разнообразными империями кочевников, которые возникали в степях к северу от Китая и весьма успешно наживались за счет ограбления своего южного соседа. На протяжении почти двух тысячелетий кочевые империи формировали и видоизменяли облик степи; в XIII в. Монгольская империя в Евразии была, вероятно, самым обширным и могущественным государством мира. Тем не менее процветание такой огромной кочевой империи всегда расценивалось как явление исключительное, даже парадоксальное, и исследователи часто отказывали степным государствам в праве считаться настоящими устойчивыми империями. Вследствие этого отношения между кочевыми и китайскими империями, включая частые завоевания Китая его северными соседями и существование в Китае монгольской империи Юань, были и по сей день остаются темными и труднообъяснимыми страницами мировой истории.

Историки по привычке трактовали эти отношения как периферийную черту истории Китая, как составную часть «биографии» отдельных кочевых групп или как характерную особенность азиатского фронта¹. Нужен был антрополог, чтобы взглянуть на этот вопрос под другим углом и сделать проблему взаимодействия Китая с его северными соседями центральным пунктом исторического исследования. Анализируя свои полевые наблюдения над кочевниками Афганистана, Барфилд пришел к выводу, что все виды их социальной организации определяются не способом производства, а характером взаимоотношений с могущественными группами соседей. Этот вывод заставил его по-новому оценить исключительную устойчивость имперской организации в евразийской степи и выдвинуть гипотезу о том, что хищнические империи монголов и других кочевников процветали не благодаря эксплуатации собственных подданных, а благодаря взиманию дани с оседлых соседей. Он попытался обосновать этот тезис на материале двухтысячелетнего периода азиатской истории.

Аргументы делают его гипотезу убедительной, почти неоспоримой, и старая сказка предстает перед нами в новом свете. Например, то, в чем привыкли видеть церемонию признания монголами китайской власти, в действительности, оказывается, было удобным способом осуществления меновых сделок, которые приносили вождям кочевников немалую прибыль. Китайские правители старались подкупить своих северных соседей, и это позволяло последним держать в повиновении собственные народы и грабить окрестные земли. Могущество владык Монголии, однако, обычно приходило в упадок, когда Китай завоевывался выходцами из Маньчжурии, так как маньчжурские династии создавали специфическую военно-политическую структуру, противодействовавшую монгольским кочевникам на их коренных землях. «Никогда

¹ Т. е. пограничных областей «высоких» цивилизаций Азии. — *Примеч. науч. ред.*

ни одно кочевое государство не возникало в Монголии в тот период, когда в Северном Китае происходили междоусобицы, следовавшие за падением многовековой национальной династии», — отмечает Барфилд. Чем больше узнаешь об этой истории, тем больше она захватывает.

Эта история может заинтересовать не только китаистов. Хищные степные кочевники — гунны, тюрки, татары, монголы и другие — в течение столетий нападали на страны Восточной Европы, создавали пограничные государства и оказывали большое влияние на процессы государствообразования в Восточной Европе, не говоря уже о Ближнем Востоке. Анализ, осуществленный Барфилдом, помогает понять, каким образом они достигали столь впечатляющих результатов. Из его книги мы узнаём, что Чингис-хан и Хубилай были не только грозными военачальниками, но и организаторами весьма специфического и могущественного типа империй. Барфилд решительно оспаривает наше традиционное представление о том, что устойчивые империи обязательно должны основываться на системе внутренней иерархии, которая в свою очередь базируется на эксплуатации крупными землевладельцами труда подневольных крестьян в сельском хозяйстве. Кроме того, он показывает, каким образом имперское прошлое кочевников предопределило механизм функционирования их общественной структуры в более поздние эпохи. Эффективная политика экономического грабежа и вымогательства, осуществлявшаяся номадами на протяжении длительного времени, породила такую форму родственной и политической организации, которая продолжала сохраняться и в условиях невозможности получения легкой добычи, в значительной степени формируя поведение даже тех кочевых групп, все имущество которых состояло из скота, а военная активность ограничивалась междоусобными войнами. Барфилд с удивительным мастерством повествует обо всех этих сложных и представляющих большую важность вопросах.

Чарльз Тилли (Новая школа социальных исследований)

Предисловие редактора русского издания

Томас Барфилд известен как один из ведущих современных специалистов в области истории кочевых обществ. Его перу принадлежат работы о номадах Афганистана, Ирана, Средней Азии, однако наибольшую популярность он приобрел как создатель оригинальной теории возникновения и функционирования кочевых государств на границах Китая. Предварительно намеченная в статье о внутренней организации и внешней политике империи сюнну (1981), эта теория в окончательном виде была сформулирована в монографии «Опасная граница. Кочевые империи и Китай» (1989), в которой Барфилд предстал как исследователь огромного — двухтысячелетнего — отрезка времени, на материале которого он попытался сформулировать общие закономерности истории Внутренней Азии и предложить их объяснение с помощью методов культурной антропологии. Барфилд больше чем кто-либо другой сделал для распространения ныне широко известного тезиса о том, что кочевые государства возникли не в результате внутренней эволюции, а в процессе взаимодействия с оседлыми обществами. Он показал также, что на границе великого азиатского пояса степей и Китая это взаимодействие имело циклический характер, коррелируя с периодами централизации и децентрализации власти в Китае.

Логическая стройность и эвристическая ценность новой концепции привлекли к ней внимание историков-кочевниковедов во всем мире. Она заинтересовала также многих культурологов, социологов, этнологов, археологов, т. е. представителей тех отраслей науки, с которыми история тесно взаимодействует. Итогом развернувшихся дискуссий стало значительное преобразование интеллектуального ландшафта всей современной номадистики. Новаторские идеи Барфилда быстро приобрели статус «научной парадигмы» (хотя применение этого понятия в сфере гуманитарных наук и вызывает справедливые нарекания), переводя дискуссию о природе кочевой государственности на более высокий теоретический уровень, поэтому их рассмотрение в предисловии к русскому переводу представляется вполне правомерным. В данном обзоре я постараюсь изложить основные положения концепции Барфилда в том виде, в котором она представлена в «Опасной границе...» и некоторых других его работах. Подобные краткие обзоры были сделаны ранее в публикациях Р. Даннел (1991)¹ и Н. Н. Крадина (1995)², однако их авторы были ограничены рамками журнальных рецензий.

Томас Джефферсон Барфилд родился в 1950 г. в г. Атланта (штат Джорджия). В 1972 г. он

¹ Dunnell R. W. Review on: The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China by Thomas J. Barfield // The Journal of Asian Studies. 1991. Vol. 50. N 1. P. 126–127.

² Крадин Н. Н. [Рец.] Т. J. Barfield. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. 221 BC to 1757 AD. Cambridge, 1992 (First published 1989) // Восток. 1995. № 1. С. 208–210.

получил степень бакалавра в Пенсильванском университете по направлению «антропология». В дальнейшем продолжил образование в Гарвардском университете, где в 1974 г. защитил магистерскую, а в 1978 г. докторскую диссертацию по направлению «социальная антропология» с дисциплиной специализации «археология». В 1981–1982 гг. преподавал в качестве доцента на факультете антропологии в Колледже Уэллсли в пригороде Бостона, в 1982–1989 гг. — в качестве доцента, а потом адъюнкт-профессора на факультете антропологии Гарвардского университета. С 1989 г. по настоящее время является профессором и заведующим кафедрой социальной антропологии Бостонского университета.

Основными объектами интереса Барфилда являются история и культура кочевых народов Евразии. Он начинал свои исследования в Афганистане, куда ездил несколько раз в составе этнографических экспедиций. Наблюдения за кочевниками Афганистана, по его собственным словам, послужили отправной точкой для дальнейших размышлений. Анализируя социально-экономический уклад современных кочевников и их взаимоотношения с оседлыми соседями, Барфилд поставил перед собой задачу соединить историю и антропологию, т. е. создать антропологическую модель истории кочевников. Его первым опытом в этом направлении стал очерк социально-политической организации империи сюнну. За ним последовали фундаментальные работы о «циклах власти» на границе Китая и Внутренней Азии, международной политике на Великом шелковом пути, природе кочевых империй, проблеме взаимоотношений племени и государства у кочевников, типологии кочевых государств. Развивая идеи своих учителей О. Лэттимора и Дж. Флетчера, Барфилд создал оригинальную концепцию формирования государственности во Внутренней Азии и предложил новую, весьма интересную модель объяснения всего исторического процесса в этом регионе.

Проблема взаимоотношений Китая и «варваров», как, впрочем, и более широкая проблема взаимодействия оседлых и кочевых обществ, давно и пристально изучается историками. На этом пути было сделано немало открытий и точных наблюдений, многие факты были извлечены из мрака забвения и стали достоянием современных исследователей. Тем не менее история кочевников Центральной Азии и их политических объединений до сих пор изучена в гораздо меньшей степени, чем история оседлых цивилизаций. Во-первых, в кочевой среде отсутствовала развитая историографическая традиция. Следовательно, большинство сведений о кочевниках черпались и черпаются из памятников письменности их оседлых соседей, а эти памятники отличаются фрагментарностью и идеологической предвзятостью. Во-вторых, исследователи испытывают постоянные трудности с рациональным объяснением истории кочевников, т. е. с установлением ее внутренних закономерностей. Непросто отыскать логику в бесконечной череде войн, смут, восстаний, миграций и переворотов, совершавшихся кочевниками. Однообразные циклы возвышения и упадка их империй не обнаруживают признаков эволюционных изменений. В связи с этим некоторые исследователи рассматривали кочевые общества как целиком стагнационные, лишённые собственно исторического развития. Именно эти две причины — недостаток сведений о Центральной Азии и сомнения в исторической самостоятельности населявших ее народов — являются основными препятствиями, которые встают перед учеными, пытающимися объяснить ход исторического процесса в центральноазиатском регионе, не ограничиваясь при этом простым описанием фактической стороны дела.

В основе концепции Барфилда лежит тезис о том, что доступный нам из письменных источников и данных археологии материал по истории Центральной Азии может быть собран и размещен в хронологической или тематической последовательности, но совершенно недостаточен для того, чтобы рассматриваться в качестве «связной истории» (coherent history). Сам по себе этот материал предлагает слишком общие и тривиальные объяснения событий, которые мало что дают историку («война была вызвана соперничеством кланов», «восстание началось из-за голода», «заговорщики руководствовались корыстолюбивыми мотивами»). Такие объяснения могут служить скрепами, соединяющими блоки фактического материала в компилятивном историческом труде (примеров произведений такого рода немало), но дать целостную картину прошлого они не в состоянии. Для объяснения истории кочевников необходимо выработать некую единую схему, которая позволила бы обнаружить за внешне хаотичными событиями внутреннюю закономерность. Будучи антропологом по образованию и неоднократно участвуя в этнографических экспедициях, Барфилд обратил внимание на тот факт, что различия в социально-экономической структуре кочевых обществ связаны преимущественно не с особенностями их внутреннего развития, а с характером внешних связей (т. е. связей с оседлыми соседями). Эти связи в свою очередь обусловлены узкой специализацией кочевого хозяйства и его зависимостью от комплексной экономики оседлых обществ. Данный факт был хорошо известен этнографам, которые, однако, не были склонны делать из него далеко идущие исторические выводы. А историки, на практике охотно использовавшие этнографические параллели для реконструкции

социальной структуры кочевников ранних эпох, в теории предпочитали вписывать нomaдизм в стереотипные схемы мирового развития и утверждать, что он также знал периоды становления, развития и упадка и т. п. Барфилд проверил наблюдения этнографов на историческом материале и предположил, что внутренний мир азиатских кочевников был малоподвижным, экологически детерминированным, а его внешние проявления определялись фактами истории тех оседлых обществ, с которыми кочевники взаимодействовали. По его мнению, социальная природа кочевников была двойственной: она складывалась из племенного базиса, лишенного внутренней способности к эволюции, и иерархической квазигосударственной надстройки, делавшей кочевников активными участниками всемирной истории. Надстройка была порождением связей скотоводов с оседлым населением, поэтому история политических образований кочевников всегда была историей их контактов с оседлыми обществами.

Барфилд выдвинул тезис о том, что культурная антропология кочевников должна выступать как инструмент объяснения истории Центральной Азии. Действительно, если история кочевников есть следствие их внешних контактов, то объяснением ее нужно считать антропологический анализ внутренней структуры кочевого общества, которая эти контакты порождала и обуславливала. Не менее важен, конечно, и анализ «ответных действий», т. е. политики в отношении кочевников со стороны соседних оседлых государств. Можно констатировать, что первым компонентом объяснительной схемы у Барфилда стала функциональная антропология кочевников, другими словами, изучение механизмов и закономерностей существования кочевого общества как относительно обособленной целостности. Вторым компонентом этой схемы стала динамическая антропология, или изучение тех трансформаций и изменений, которые происходят с кочевым обществом под влиянием его контактов с оседлыми народами.

Итак, отправной точкой исследования стала антропология. Однако сразу же возникает вопрос: каким образом мы можем изучать антропологию древних и средневековых кочевников, если сведений о ней в письменных источниках даже меньше, чем об отдельных исторических событиях? По Барфилду, мы вправе предположить, что чрезвычайно консервативный общественный строй кочевых скотоводов в своих существенных чертах не претерпел большого изменения за рассматриваемый в книге период. Конечно, было бы упрощением считать, что он совсем не подвергался никаким изменениям. Изменения были, но незначительные и не затрагивавшие экономической основы строя кочевников. А если это так, то для целей исторической реконструкции вполне допустимо использование сведений, содержащихся в антропологических исследованиях кочевых обществ Новейшего времени. Эта идея, подсказанная Барфилду его личным опытом работы среди кочевников Северного Афганистана и трудами коллег-антропологов, позволила преодолеть одну из главных трудностей, стоящих перед историками Центральной Азии, — недостаток фактического материала. Барфилд показал, что его можно успешно восполнить с помощью методов сравнительной антропологии. Собственно же исторический аспект проблемы, по мнению Барфилда, оказывается столь тесно связанным с внешними контактами кочевников, что его следует рассматривать как своего рода эпифеномен истории оседлых цивилизаций. Не случайно книга Барфилда носит подзаголовок «Кочевые империи и Китай». Иначе говоря, по мысли автора, представить (и написать) историю кочевых народов в отрыве от истории их оседлых соседей невозможно, а так как одним из важнейших оседлых соседей кочевников на протяжении длительного времени был Китай, то именно хроника его северной границы становится основным объектом исторического анализа в книге, который позволяет увидеть вхождение кочевников в исторический процесс, не ограниченный взаимодействиями локального характера. Таким образом Барфилд убедительно демонстрирует, что кочевые народы не были придатком китайской империи и не являлись в культурном отношении ее составной частью. Тем не менее их нельзя рассматривать и как самостоятельные государственно-политические образования. Кочевники в истории, по мнению Барфилда, есть «тень», отбрасываемая оседлыми цивилизациями. Они одновременно принадлежат и не принадлежат истории этих цивилизаций. Все самые сложные и впечатляющие формы общественной организации кочевников — это результат не их внутреннего развития или культурной диффузии, а контактов с более высоко организованными оседлыми соседями.

Барфилд сосредоточивает основные усилия на изучении материальной и социальной адаптации кочевников к меняющемуся окружению. Подобное направление в культурной антропологии, именуемое культурной экологией, тесно связано с эволюционистскими теориями более раннего времени, хотя многие его представители отказались от концепции стадийного развития общества, так как эволюция в их понимании не подразумевает обязательного линейного процесса. По словам самого Барфилда, он задумывал свое исследование как культурно-экологическое, в котором особый интерес к вопросам политической организации был обусловлен влиянием французской «школы Анналов» и концепцией *longue durée* (длительной исторической

протяженности) Ф. Броделя. Барфилд рассматривает кочевую культуру как особую систему, изменения в которой определяются потребностью адаптации к специфическим для нее природным и социальным условиям. В зависимости от этих условий меняется и внутренняя структура культурной системы. Основным фактором внешнего воздействия на кочевые общества восточной части Центральной Азии был Китай, следовательно, историю кочевников можно представить как историю смены различных форм адаптации к этому внешнему фактору. Формы адаптации, естественно, не составляли самостоятельной линии развития, а были лишь отражением внутренней эволюции китайского общества. Логическим следствием этой концепции стал вывод о том, что динамика социальных процессов в кочевых обществах неизменно коррелировала с динамикой социальных процессов в Китае. Иными словами, все крупные изменения внутри Китая обязательно приводили к сходным по форме изменениям среди кочевников. Так, возникновение единой централизованной империи в Поднебесной происходило одновременно с политическим объединением степных народов (формировался биполярный мир). Периоды же политической раздробленности в Китае совпадали по времени с периодами децентрализации среди кочевников (многополюсный мир). Таким образом, наблюдается синхронность в динамике изменений государственно-бюрократического организма в Китае и военно-политической структуры кочевников в степи. Обнаружение названной закономерности (так называемых циклов власти) представляет собой основу всей теории Барфилда.

Однако автор книги не считает процессы на китайской границе односторонними, вызванными исключительно событиями внутри Китая. Напротив, имело место своего рода динамическое равновесие кочевников и Китая. «Циклы власти» предполагали сложную модель, в которой обитатели степи оказывали на Поднебесную не меньшее влияние, чем она на них. Можно сказать, что на границе степи и Китая сложилась и на протяжении двух тысячелетий функционировала своеобразная система взаимодействия кочевого и земледельческого обществ, обе части которой взаимно обуславливали друг друга. Так, протекавшие процессы были подвержены (по крайней мере, в Северном Китае) воздействию пограничного фактора, заключавшегося в постоянном вмешательстве кочевников в жизнь оседлого китайского населения. С одной стороны, единая централизованная империя в Китае служила притягательным объектом грабежа и эксплуатации кочевыми народами, заставлявшими китайское общество укрепляться и консолидироваться. С другой стороны, грабеж и эксплуатация подрывали экономическую базу китайских империй, порождали недовольство и восстания среди китайского населения. На поздних этапах существования китайских централизованных империй их правители были вынуждены обращаться к лидерам кочевников за помощью в подавлении этих восстаний. Подобная практика на какое-то время продлевала время существования той или иной династии, но окончательно истощала экономические ресурсы государства. В итоге обессилевшие централизованные империи в Китае рушились, увлекая за собой и своих кочевых «двойников».

Барфилд подчеркивает, что обычно целью кочевников была эксплуатация Китая посредством получения дани, а не собственно завоевание китайской территории, которой они не умели управлять. Но после того, как в Китае начинался процесс распада единой империи и возникало множество независимых государств, кочевники устремлялись на северную китайскую равнину, оккупировали некоторые из этих государств и основывали на их землях свои династии. Новые «варварские» государства находились в состоянии постоянной войны друг с другом и с государствами, основанными китайскими военачальниками. Экономическая ситуация в них была крайне нестабильной, потому что кочевники предпочитали грабеж организованному управлению оседлым населением. В дальнейшем эти эфемерные династии становились жертвами своих более могущественных и более стабильных соседей, которые восстанавливали экономику оседлых областей и начинали процесс централизации Китая. Политическая раздробленность кочевников способствовала этому, так как позволяла заниматься восстановлением Китая в условиях отсутствия значительной угрозы со стороны степных народов и «руками варваров подавлять варваров». Итогом этого процесса было объединение Китая под властью новой централизованной династии. Очевидно, что кочевники принимали активное участие как в интеграции, так и в дезинтеграции Китая, каждый раз выступая в роли неопременного катализатора внутрикитайских политических процессов. Их присутствие на северной границе делало китайскую историю такой, какой мы ее знаем, и придавало ей своеобразный циклический характер.

По мнению Барфилда, циклы взаимодействия кочевников и Китая можно сравнить с последовательностью смены экосистем (например, в растительных сообществах). По Барфилду, подобная аналогия правомерна, так как предполагает некую модель развития (pattern of development), а не существование законов. Классическая эволюционистская теория представляет собой попытку открыть универсальные законы развития человеческих культур, однако в случае с

кочевниками, как это не раз отмечалось исследователями, такие законы оказываются неприемлемыми. Барфилд, опирающийся в своем антропологическом анализе на экологические параллели, утверждает, что конкретные модели взаимодействия при сходных условиях ведут к появлению сходных результатов. Здесь мы имеем дело не с законом, а с закономерностью, т. е. с большей или меньшей регулярностью тех или иных процессов и состояний. Формулировки таких закономерностей представляют собой предложения, которые по всем показателям напоминают законы, но неизвестно, истинны они или ложны. Барфилд полагает, что экосистемы не могут эволюционировать как целостности, а могут только их отдельные части. Кроме того, на экосистемы (как и на культурные системы) могут воздействовать различные внешние факторы. В результате он приходит к выводу, что безусловно в человеческом поведении существуют закономерности, которые можно моделировать (например, степень сложности социальной организации кочевников всегда связана со степенью сложности социальной организации оседлых народов, с которыми им приходилось контактировать). Однако эти закономерности не имеют детерминистского характера.

Барфилд считает, что любую обобщающую схему объяснения истории (в том числе и его собственную), построенную на использовании закономерностей, необходимо постоянно испытывать и проверять на доступном историческом и антропологическом материале. Он сам, например, использует метод сравнения антропологических данных из самых различных, порой весьма удаленных друг от друга культурных ареалов. Отсутствие кочевых государств в Восточной и Южной Африке, где не было крупных оседлых империй, косвенно подтверждает его мысль о том, что формирование кочевых империй на границах Китая было вызвано централизацией государственного управления в самом Китае. Очевидно, что выдвинутая им гипотеза работает, хотя она и не универсальна. Неверно считать ее детерминистской. Нет ничего удивительного в том, что при объяснении исторического взаимодействия, основные параметры которого на протяжении длительного времени оставались неизменными, в нем обнаруживаются повторяющиеся закономерности (в виде «циклов власти»). Однако, как только некоторые из элементов прежней системы претерпевают изменения, она перестает функционировать. Предложенная Барфилдом модель взаимодействия кочевников и Китая удовлетворительно объясняет исторические события в период между 300 г. до н. э. и 1750 г., но для более раннего или более позднего периодов она не применима. Это очень длинный, но все же конечный отрезок времени. Причины регулярности взаимодействия на протяжении столь длительного периода следует искать, с одной стороны, в исключительном консерватизме социально-экономического уклада кочевников, а с другой — в консерватизме китайской имперской организации. Однако, когда китайская общественная и государственная системы существенно эволюционировали, взаимодействию прежнего типа пришел конец.

Когда Барфилд начинал работу над своей книгой, он не имел готовой объяснительной модели. Присутствовало лишь общее понимание того, что исторические данные следует объяснять на основе антропологии. Конкретная концепция была сформулирована методом проб и ошибок, когда отбрасывались односторонние или просто неверные варианты интерпретации событий и тщательно отбирались эффективные модели. Чем больший исторический период охватывался и чем шире становился круг используемых материалов, тем больше приходилось переделывать, видоизменять и дополнять первоначальную схему. В результате к той базовой схеме, которая была описана нами выше, добавились еще два фундаментальных аспекта.

Первый аспект связан с открытием и объяснением той исключительно важной роли, которую сыграли в процессе взаимоотношений кочевников и Китая народы Маньчжурии. Разработав схему биполярной границы на материале взаимодействия Хань и сюнну, Барфилд попытался применить ее для объяснения других исторических периодов. Однако оказалось, что она работает далеко не везде — в частности, совершенно не годится для объяснения истории возникновения маньчжурских династий в Китае. Между тем было ясно, что периоды маньчжурского господства представляли собой исключительно важные моменты в истории контактов Китая с кочевниками. Необходимо было создать модель объяснения маньчжурского феномена и согласовать ее с уже имеющейся циклической моделью. На основании критического изучения источников эта сложная задача была решена.

По Барфилду, после того как в Китае и степи рушились централизованные империи, на первый план выдвигались народы Маньчжурии. Эти народы, включавшие в себя как степные и лесные племена, так и земледельческо-городское население, играли чрезвычайно важную роль в пограничных отношениях. Когда степные территории и Китай были едины и могущественны, маньчжурские земли не были самостоятельным целым. Их делили между собой две великие державы, образовывавшие биполярную структуру. Однако, как только кочевая и китайская империи ослабевали и сходили со сцены, маньчжурские племена консолидировались и приступали

к завоеванию Северного Китая. Они приходили на смену первому поколению «варварских» государств, основанных кочевниками Монголии и очень нестабильных. Вторая волна завоевателей основывала на части территории Северного Китая более стабильные государства. В дальнейшем появлялась третья волна завоевателей, также маньчжурская, которая захватывала весь Северный Китай. Таким образом, Китай вновь объединялся, хотя и под властью иноземной династии, но это не приводило к аналогичному объединению степных народов. Маньчжурские династии гораздо лучше, чем китайские, представляли себе сильные и слабые стороны кочевников и имели возможность более эффективно противодействовать любым попыткам централизации в кочевой среде. В результате проведения этой политики кочевой мир оставался разобщенным и неспособным к проявлению широкомасштабной агрессии. Лишь тогда, когда внутри самого Китая вспыхивали народные восстания против маньчжурских династий и маньчжуры были вынуждены подавлять их, оставляя без внимания северную границу, кочевники в центральных степях объединялись. В тот момент, когда китайцы свергали маньчжурских правителей и основывали единую империю под властью собственной национальной династии, по ту сторону границы они сталкивались с могущественной централизованной степной империей.

Добиться успеха маньчжурам помогала их система дуальной организации. В отличие от кочевников из центральных степей, не умевших и не желавших управлять территориями с оседлым населением, маньчжуры еще у себя на родине приспособились сочетать на ограниченной территории разнообразные способы управления различными типами социально-экономической организации. Для этого они вводили разделение административных систем: кочевое население и военные дела находились в ведении администрации, следовавшей обычаям кочевников, а оседлое население и гражданские дела — в ведении административного аппарата, построенного по китайскому образцу. Дуальная организация управления способствовала значительному укреплению стабильности в маньчжурских государствах. Она позволяла соединить преимущества племенной армии кочевников и китайской бюрократической структуры. Безусловно в этой системе содержались противоречия, но на протяжении длительного периода времени она функционировала вполне исправно. Обнаруживается следующая закономерность в циклической модели чередования национальных и иноземных династий в истории Китая:

- 1) единая национальная империя в Китае / единая кочевая империя в степи →
- 2) крушение национальной империи в Китае / крушение кочевой империи в степи →
- 3) возникновение нестабильных государств, основанных кочевниками, на севере Китая →
- 4) консолидация народов Маньчжурии и захват ими части территорий Северного Китая →
- 5) новая волна маньчжурских завоевателей и захват всего Северного Китая →
- 6) консолидация Китая, ослабление власти маньчжурских династий / консолидация степи →
- 7) свержение власти маньчжуров, создание единой национальной империи в Китае / создание единой кочевой империи в степи.

Таким образом, история кочевников центральных степей, народов Маньчжурии и Китая переплетались настолько тесно, что функционирование описанной системы без какого-либо из этих компонентов становилось невозможным. Стержнем, на который нанизывались «циклы власти», была северная граница Китая, ставшая объектом основного интереса Барфилда.

Второй аспект, добавленный в базовой схеме, связан с выяснением аномального характера Монгольской империи, основанной Чингис-ханом. Ее возникновение явно не вписывалось в модель последовательной смены «циклов власти». Монголы создали свою империю в тот период, когда Китаем правила иноземная династия. Более того, они были единственными кочевниками из центральных степей, которые завоевали территорию всего Китая и основали там собственную империю, просуществовавшую более века. Как такое могло случиться с кочевниками, главными целями которых всегда были грабеж и контрибуция, а не завоевание территории с оседлым населением? Это казалось необъяснимым. Согласно модели Барфилда, чжурчжэньская династия Цзинь должна была пасть жертвой внутреннего китайского восстания, в Китае должна была восстановиться национальная династия, а степь — объединиться под властью монголов в традиционную хищническую империю, противостоящую Китаю.

В действительности этого не произошло. Барфилд предложил рассматривать Монгольскую империю как отклонение от общей схемы, вызванное стечением ряда обстоятельств. В этом пункте особенно четко проявляется отличие его циклической модели от моделей исследователей-эволюционистов. Последние считали Монгольскую империю высшей точкой развития прежних кочевых империй и классическим образцом степной государственности. Сложная социальная и политическая структура монголов имперского периода служила для них надежным доказательством того, что общественные отношения кочевников являются продуктом эволюции. Интересно, что, приступая к работе над книгой, Барфилд разделял многие идеи эволюционистов и планировал сделать главным объектом своего исследования историю монголов, добавив очерки о

сюнну и тюрках в качестве своего рода краткой прелюдии к основной теме. Однако тщательное изучение материалов источников заставило его кардинально изменить свою точку зрения. Он отказался от линейной модели эволюции кочевников, заменив ее циклической, а также обнаружил, что монголы весьма сильно отличаются от других кочевников в плане внутренней организации и отношений с Китаем. Вкратце его точка зрения на Монгольскую империю сводится к следующему. Монголы, по Барфилду, реализовали один из возможных, но обладавших сравнительно небольшой вероятностью вариантов развития событий на кочевническо-китайской границе. Первоначально, по-видимому, они не ставили своей целью захват Китая, а намеревались эксплуатировать богатства Цзинь на расстоянии. Чжурчжэни, однако, отказались следовать традиционной китайской политике умиротворения. Они начали против монголов военные действия и ожесточенно сражались до тех пор, пока не были окончательно разгромлены. Чингис-хан и его преемники стремились не к завоеванию Китая, а к уничтожению своего крупного военного противника. Завоевание Китая стало незапланированным следствием уничтожения империи Цзинь. Но даже после полного разгрома чжурчжэней монголы не торопились брать на себя ответственность по управлению территориями с китайским населением, предпочитая грабеж организованному извлечению прибыли. Лишь с образованием династии Юань начался медленный процесс восстановления разрушенной экономики Китая и привыкания монголов к своей новой роли правителей оседлой империи. Монгольские монархи, впрочем, управляли Китаем гораздо менее искусно, чем их маньчжурские предшественники, а основанная ими династия оставалась инородным телом на просторах Поднебесной вплоть до самого своего падения. Что же заставляло Цзинь сопротивляться так яростно? Думается, она, подобно большинству маньчжурских династий, хорошо осознавала угрозу, исходившую от кочевников центральных степей, и использовала все возможности, чтобы не дать им объединиться или усилиться. Ожесточенное сопротивление чжурчжэней было продиктовано осознанием ими того факта, что политика вымогательства подрвет экономическую базу их империи. Чжурчжэни были непреклонными врагами монголов и упорно следовали своей политике отказа от уступок варварам. Их сопротивление и нежелание выплачивать дань привели к эскалации боевых действий. Монголам посчастливилось выйти победителями из этой схватки.

Как им удалось это сделать? Барфилд полагает, что аномальность ситуации заключается как раз в том, что Чингис-хан создал политическую организацию, не имевшую аналогов в истории степных народов. Он сделал ставку не на племенную структуру кочевого общества, много раз доказавшую в условиях анархии свою полную ненадежность, а на государственность бюрократического типа. Не лояльные племена или родственники стали основой политической организации Чингис-хана, а военно-чиновничий аппарат, назначаемый приказами сверху. Гвардия из лично преданных Чингис-хану воинов заменила племенное ополчение. Местные наследственные вожди могли сохранить свою власть только в том случае, если превращались в чиновников новой власти. Подобная структура ликвидировала раздробленность кочевников и позволила им объединиться в мощную централизованную империю. Ее собственный экономический базис для поддержания государственно-бюрократического аппарата был явно недостаточен: такая империя могла существовать только за счет грабежа и дани, поэтому Чингис-хану и было так важно запугать своих оседлых соседей, устраивая против них походы. Централизованное монгольское государство не сумело подчинить чжурчжэней и было вынуждено ликвидировать их империю. Вслед за этим ему самому пришлось взять на себя управление Китаем и переместить центр власти во вновь завоеванные области Китая. Таким образом, резюмирует Барфилд, кочевники центральных степей в принципе могли создать политическую систему внеплеменного типа и завоевать Китай, но это было отклонением от традиционной циклической модели. Неизменность материальной основы номуадизма не позволила инновациям Чингис-хана сохраниться. Подобная аномалия имела место в истории Центральной Азии лишь однажды, и вскоре ей на смену пришла более традиционная последовательность смены династий. Случай с монголами лишний раз доказывает вероятностный, а не детерминистский характер схемы Барфилда.

Книга Барфилда и предложенная им модель объяснения истории взаимоотношений кочевников и Китая вызвали широкий резонанс среди научной общественности. Были высказаны критические замечания, в основном сводящиеся к двум пунктам. Во-первых, частью ученых оспаривалась сама идея отсутствия в среде кочевников социальной эволюции. Во-вторых, некоторые из исследователей акцентировали внимание на хронологических неувязках модели «циклов власти» и ее слишком жестком, недифференцированном характере. Критики первой группы, т. е. сторонники эволюционного номуадизма, усматривали в кочевой государственности итог постепенного внутреннего развития и отрицали, что кочевники создавали лишь квазигосударственные объединения, рассчитанные на эксплуатацию Китая. Представители второй (это были, как

правило, эмпирически мыслящие историки-практики, не имеющие явных теоретических предпочтений) отмечали, что обобщенный Барфилдом материал нередко подгоняется под заранее подготовленную стандартную схему, и указывали на случаи отсутствия хронологической корреляции «циклов власти» в степи и в Китае, когда, например, единая кочевая империя возникала раньше, чем централизованная империя в Китае. Они подчеркивали, что спектр адаптационных стратегий кочевников был довольно широким и номады не были в полном смысле слова заложниками своей среды обитания, а также считали упрощением сводить все разнообразие взаимоотношений кочевников и Китая к одной или двум моделям, разработанным на материале конкретных исторических периодов.

Эти замечания, если они не продиктованы принципиальным отрицанием любой теории, заставляют задуматься над адекватностью предложенной Барфилдом объяснительной конструкции. Разумеется, сейчас рано говорить об окончательном решении всех поставленных в ходе развернувшейся дискуссии вопросов. Тем не менее можно сделать некоторые предварительные выводы. Критика, высказываемая адептами самостоятельной эволюции кочевых обществ, в значительной степени носит догматический характер, что существенно уменьшает ее убедительность. «Стадиалисты», как правило, не приводят в защиту своей теории новых аргументов, варьируя давно знакомую линейную схему. Эта схема предполагает универсальный характер развития человеческого общества и механически переносит на историю кочевников стадии развития оседлых цивилизаций. Идея прогресса в такой схеме может трактоваться по-разному, но она обязательно предшествует любому критическому анализу и подчиняет его себе. В последнее время, правда, были высказаны также предположения о том, что кочевое общество развивалось по альтернативному эволюционному «каналу», отличному от пути развития оседлых обществ, который обеспечивал достижение высокой степени иерархической и культурной сложности, но не был связан с возникновением бюрократического государства. Однако сути дела это не меняет. Какова бы ни была природа эволюционных изменений в кочевой среде (классической или альтернативной), эти изменения, по-видимому, могли происходить только при наличии регулярных контактов кочевников с более высокоорганизованными аграрно-урбанистическими обществами. Эволюция кочевого социума всегда носила вынужденный, не-самостоятельный характер.

Гораздо более аргументированна критика сторонников «эмпирического» подхода. Действительно, детальное исследование почти каждого из рассматриваемых Барфилдом периодов может продемонстрировать, что конкретный исторический материал в каких-то деталях противоречит выдвинутой для него модели объяснения или делает ее излишней, тривиальной. Что-то удастся объяснить лучше, что-то — хуже. У каждого периода есть свои собственные особенности, которые не могут быть охвачены единой «парадигмой». Любая обобщенная схема игнорирует те или иные детали. Однако значит ли это, что ошибочен сам принцип моделирования исторического процесса и что его нужно заменить практикой описания бесконечного числа уникальных исторических феноменов? Мы полагаем, что нет. Подобная радикальная «фрагментаризация» сделала бы историю совершенно непонятным нагромождением фактов, обессмыслила ее. Чтобы история обрела смысл, ее нужно представить в виде взаимосвязанного, т. е. логически структурированного, целого. Поэтому обобщающие модели, подобные той, которую выдвинул Барфилд, важны и полезны даже в том случае, если они, стремясь уловить некоторую общую тенденцию, упускают из виду частности. Согласно крылатому выражению, популярному у представителей естественных и точных наук, «нет ничего практичнее хорошей теории». Теория Барфилда как комплекс взаимодополняющих объяснительных моделей подтверждает этот тезис. Она по сути дела первая в историографии кочевников попытка создания связной, последовательной, логически стройной модели исторического процесса во Внутренней Азии. В этом качестве она обладает огромной методологической ценностью и займет достойное место в ряду исторических исследований данного региона даже тогда, когда будет модифицирована или заменена другими, более совершенными теориями³.

³ Позволим себе процитировать в связи с этим слова А. М. Хазанова: «Выход один — максимально стремиться к типологиям, моделированию и генерализации, т. е. к неизбежному и сознательному упрощению и схематизации реальной действительности. На таком пути необходимо быть готовым к скептическому отношению коллег, к неизбежному наличию в исследовании ряда лакун, спорных положений, возможных неточностей и даже ошибок» (Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000. С. 70–71).

Благодарности

Я искренне признателен Томасу Барфилду за внимание, проявленное им к изданию настоящей книги на русском языке, и за то долготерпение, с которым он отвечал на возникающие у меня как переводчика и редактора вопросы.

Кроме того, я хочу выразить благодарность всем, кто помогал мне на разных этапах перевода книги и работы над ее русским текстом: Олегу Федоровичу Акимушкину, Олегу Георгиевичу Большакову, Севьяну Израилевичу Вайнштейну, Инне Феликсовне Гурвиц, Лидии Алексеевне Карповой, Сергею Григорьевичу Кляшторному, Николаю Николаевичу Крадину, Юрию Львовичу Кролю, Евгению Ивановичу Кычанову, Ирине Федоровне Поповой, Аделаиде Федоровне Троцевич, Владимиру Леонидовичу Успенскому, Татьяне Николаевне Чернышевой.

Д. В. Рухлядев

О передаче имен собственных, терминов и цитат из источников

Единой системы передачи на русском языке имен собственных, содержащихся в книге, не существует. В большинстве случаев приводится транскрипция тех вариантов их написания, которые были употреблены самим автором в оригинальном английском тексте. В тех случаях, когда имеется *общепринятое* русское написание имени собственного, отличающееся от его английского эквивалента, оно сохраняется. Перевод цитат из древних и средневековых источников дается по оригинальному английскому тексту, а не по русским переводам соответствующих источников, хотя лексика и стилистика последних частично сохраняются. Специальные термины, как правило, передаются в той форме, в которой они употребляются в русской научной литературе.

1. ВВЕДЕНИЕ. МИР СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ

Около 800 г. до н. э. евразийские степи пережили глубокую культурную трансформацию, которой суждено было оказать решающее влияние на мировую историю в течение последующих двух с половиной тысячелетий. Культурные цивилизации юга впервые столкнулись с кочевыми народами, мигрировавшими вместе со своими стадами по пастбищам Внутренней Азии. Эти народы отличались от своих предшественников тем, что изобрели конницу — стремительных всадников на лошадях, использующих составной лук для поражения своих противников лавиной стрел с большого расстояния. Несмотря на сравнительно небольшую численность, они в течение нескольких веков удерживали господство над степью и создавали огромные империи, которые периодически терроризировали оседлых соседей. Наивысшей точки могущество кочевников достигло в XIII в., когда войска Чингис-хана и его преемников завоевали большую часть Евразии. К середине XVIII в. революция в области технологии и транспортных средств решительно изменила соотношение военных сил кочевников и их оседлых соседей, и номады были поглощены расширяющимися Российской и Китайской империями.

Кочевники Внутренней Азии продолжали привлекать к себе внимание и быть предметом дискуссий и в более позднее время: они представляли типичными варварами в глазах тех, кто одновременно презирал и боялся их, и романтическим воплощением дикости и свободы в глазах тех, кто восхищался ими. Большинство исторических работ не дают ясного представления о Внутренней Азии и ее народах. Эти работы складываются из описания внешних, случайных событий, изложенных в хронологическом порядке, где одно племя неясного происхождения сменяет другое. В ту пору, когда кочевники впервые появились на мировой арене и атаковали своих соседей, такие события часто рассматривались как одно из проявлений естественной истории — вроде нашествия саранчи. Многие ханьские историки, например, утверждали, что Китай не может иметь непосредственных отношений с людьми, которые перемещаются туда-сюда, подобно зверям и птицам. В дальнейшем христианские и мусульманские комментаторы объясняли, что нашествия кочевых народов — таких как гунны или монголы — являлись попросту божьим наказанием погрязшим в грехах народам. В более позднее время полагали, что кочевники захватывают оседлые регионы, гонимые засухой. Самым главным препятствием к созданию связной истории Внутренней Азии, однако, всегда являлось отсутствие аналитической схемы, с помощью которой можно было бы осмыслить исторические события. Даже те ученые, которые избирали Внутреннюю Азию центральной темой своих исследований (а не использовали ее в качестве «придатка» к истории Ирана, России или Китая), часто оказывались в затруднении, лишь только касались фундаментальных проблем ее исторического развития. В основном специальная литература о Внутренней Азии касается очень узкой проблематики и почти не испытала воздействия современной методологии истории и общественных наук. Исследователи ограничиваются переводами исторических текстов или надписей, вопросами лингвистики, истории искусства и идентификацией мест обитания известных по историческим источникам племен.

Эта узкая специализация весьма удручает, так как изучение Внутренней Азии могло бы помочь в освещении многих гораздо более важных вопросов исторического и антропологического характера. Внутренняя Азия была зоной длительного взаимодействия двух противостоящих друг другу культур, обладавших устойчивыми представлениями о самих себе и своих соседях. На протяжении более 2000 лет кочевые народы степи враждовали с крупнейшим в мире аграрным государством и при этом не были включены в его состав и не восприняли его культуру. По одну сторону баррикад располагался имперский Китай, древняя культурная традиция которого требовала, чтобы в нем видели повелителя других народов и государств. Само его название, Чжунго (Срединное государство), указывало на то, что это центр всего цивилизованного мира. С течением времени, по мере продвижения на юг, к границам Юго-Восточной Азии, Китай включил в свое культурное пространство множество соседних с ним иноземных народов. Даже такие ревностно оберегавшие свою независимость восточноазиатские соседи Китая, как Корея, Япония и Вьетнам, восприняли китайскую модель государственной организации и международных отношений, идеографическую письменность, кухню, одежду и календарь. Однако примеру Восточной Азии не последовали могущественные противники Китая на степных просторах севера. Эти коневоды-кочевники не просто отвергали китайскую культуру и идеологию, но и упрямо отказывались видеть в них какую-либо ценность, за исключением ценности материальных товаров, которые могли предложить китайцы. Эти кочевые скотоводческие народы, рассеянные по огромной территории, жившие в войлочных юртах под огромным куполом синего неба, питавшиеся молоком и мясом, прославлявшие воинское

мужество и героические подвиги, представляли полную противоположность своим китайским соседям.

Как Китай, так и кочевники защищали превосходство своих культурных ценностей и образа жизни. Это хорошо известный антропологам этноцентризм, которому не стоит удивляться. Тем не менее оба общества поддерживали постоянные контакты на территории границы и наверняка должны были оказывать значительное влияние друг на друга. Современная антропологическая теория подчеркивает, что перемены, происходящие в структуре социальных и политических отношений, следует рассматривать скорее как результат взаимодействия между обществами, а не как продукт исключительно внутреннего развития. Уже с древнейших времен многочисленные «мировые системы» оказывали непосредственное влияние даже на самые отдаленные народы¹. Отношения между Внутренней Азией и Китаем представляют собой классический, хотя и не самый известный пример того, насколько эффективным может быть использование такой широкой перспективы. Если рассматривать политические образования Внутренней Азии изолированно, будет казаться, что они возникали и рушились почти беспорядочно, однако если взглянуть на них в общерегиональном контексте и на протяжении длительного периода времени, обнаружится масса поразительных закономерностей, связывающих их с циклами централизации власти в Китае.

Вслед за вопросом о взаимодействии встает еще более сложная проблема культурной коммуникации. События, происходящие в результате взаимодействия различных культур, часто интерпретируются совершенно по-разному. На какой общей основе могла состояться встреча двух принципиально различных обществ, и в какой степени они были способны осознать сильные и слабые стороны друг друга? Различия в картине мира кочевников и китайцев делали их взаимоотношения особенно проблематичными. Концепция власти племенного общества, чьим идеальным лидером был герой-воин, освященный небесной благодатью и харизмой и одаряющий своих сподвижников наградами, была совершенно противоположна китайской концепции императора Поднебесной, уединившегося в своем дворце и управляющего сложной бюрократической системой, изучая доклады, представляемые ему чиновниками. Китайским чиновникам, даже хорошо осведомленным о событиях на границе, было привычнее иметь дело с легко заменяемыми людьми-«винтиками» из государственных учреждений, нежели с харизматическими личностями, игравшими центральную роль в политической жизни степи. Они как правило были не в силах объяснить неожиданное возвышение или падение того или иного племенного лидера или его группы, так как не могли уяснить характер политических процессов, приводивших к переменам в жизни кочевников. Салинз в анализе структурно близких кочевникам полинезийских королевств отметил, что «для некоторых обществ повествования о правителях и сражениях не без основания являются привилегированным видом историографии. Этим основанием служит структура, которая представляет деятельность правителя как форму и путь развития всего общества»².

Долгое время проблема культурного непонимания, вероятно, озадачивала придворных историков куда больше, чем военные нападения кочевников, так как отказ последних воспринять китайские ценности наносил удар по самой концепции Китая как центра мирового порядка. Так было даже в те периоды, когда китайцам сопутствовал успех в применении их идеологической концепции международных отношений. Народы пограничья проявили себя довольно искусными в манипулировании этой системой, зачастую усваивая китайские формы, но отвергая их содержание и таким образом закрепляя свою репутацию высокомерных и коварных «варваров». Разумеется, верно также и обратное: быть может, нет более грандиозного примера взаимного культурного непонимания, чем разорение большей части Евразии Чингис-ханом и его непосредственными преемниками, видевшими мало проку в сохранении сельского хозяйства и городов, которым не было места в мире лошадей и кибиток.

Мы имеем возможность исследовать отношения Китая с его северными соседями на протяжении довольно длительного периода времени, так как располагаем источниками, упоминающими о кочевниках с древности вплоть до нашего времени. В основном это официальные китайские истории, подкрепляемые сведениями, содержащимися в надписях и исторических текстах, оставленных самими кочевниками после VI в. Китайские материалы уникальны, потому что представляют собой непрерывную цепь исторических свидетельств для всего периода имперской истории Китая — так как существовал обычай составления каждой новой династией официальной истории ее предшественницы. В этих историях всегда был подробный раздел, содержащий повествования о народах, живших вдоль северной границы Китая, потому что последние представляли собой военную и политическую проблему, привлекавшую

¹ *Wolf*. Europe and the People without History.

² *Sahlins*. Islands of History. P. XI.

пристальное внимание каждой династии. Негативное отношение к некитайским народам со стороны конфуцианских ученых — составителей историй — придавало этим памятникам тенденциозный характер. Однако, так как историю рассматривали как наставления царствующим монархам, вопросы политики в области пограничья не могли быть оставлены в ней без внимания, и историки обосновывали свои собственные позиции, пространно цитируя участников политических диспутов прошлого. Истории китайских династий иноземного происхождения часто содержат больше информации, так как сами эти династии происходили из пограничных областей.

Эти сочинения не были использованы в полной мере, ибо для историков китайской цивилизации они представляли собой маргинальные тексты, обладавшие незначительной внутренней ценностью. Кроме того, как правило, подлинная природа пограничных отношений была в них затемнена попытками представить племенные народы вечными вассалами Китая. Таким образом, мы читаем о кочевниках, приходящих «платить дань», «выразить почтение» или «присылающих заложников», тогда как в действительности это чаще всего было дипломатическое прикрытие, маскирующее выплаты огромных «откупных» пограничным народам с целью их умиротворения. Хотя предвзятость этих источников очевидна, она часто некритично увековечивалась в современной науке в результате процесса вторичного этноцентризма. Например, исследователи, посвятившие всю свою жизнь изучению истории императорского Китая, так глубоко погружались в классическую литературу этой страны, что часто неосознанно впитывали и усваивали ее ценности и картину мира. Внимательные и критически настроенные в пределах собственно китайской культурной сферы, они обычно писали о других народах, «варварах», которые угрожали их цивилизации, уже с точки зрения китайцев, с полным сочувствием относясь к сообщениям придворных ученых, повествовавшим о приеме некоего зловонного посла из степи, пришедшего с целью оскорбления империи своими возмутительными требованиями.

Даже имевшим лучшие намерения историкам оседлых обществ было нелегко осознать культурные ценности и социальные структуры кочевых племен, чей образ жизни столь сильно отличался от их собственного. Однако сочетая антропологию и историю, можно нарисовать гораздо более полную картину взаимоотношений между этими различными культурами — картину двухтысячелетнего противостояния, сыгравшего ключевую роль в развитии культурной и политической истории Евразии.

История кочевых скотоводческих обществ Внутренней Азии и их взаимоотношений с окружающим миром складывается вокруг пяти основополагающих пунктов, к которым мы будем постоянно возвращаться в этой книге.

1. Политическая организация: на основе чего кочевники создавали и поддерживали свои государства, объединившие региональные социально-политические структуры?
2. Сферы взаимодействия: что представляли собой взаимоотношения кочевников Внутренней Азии и их оседлых соседей, особенно Китая, и почему в какие-то исторические периоды кочевники были могущественны, а в другие — нет?
3. Династии-завоеватели в Китае: существовала ли какая-либо цикличность пограничных отношений, которая позволила бы объяснить, почему именно народы маньчжурского происхождения основали наибольшее количество династий-завоевателей в Китае, правивших северо-китайскими землями на протяжении примерно половины всего имперского периода его истории?
4. Всемирные завоевания монголов: Монгольская империя была кульминационной точкой политического развития в степи или же отклонением от генеральной линии этого развития?
5. Развитие кочевых скотоводческих обществ: существовали ли значительные диахронические различия между кочевыми скотоводческими обществами, которые могли бы послужить основанием для их аналитического разделения на древний, средневековый и современный (новый) периоды?

Исторические данные, пусть часто тенденциозные, достаточно обширны для того, чтобы ответить на эти вопросы и попытаться взглянуть на общества Внутренней Азии, так сказать, изнутри. Лучшая проверка любой гипотезы — ее практическое применение. Представленные здесь гипотезы помогут дать связное и логически стройное объяснение исторического материала. Ознакомившись с ними, неспециалист сможет уяснить последовательность смены событий и социальных формаций, а специалист — осуществлять дальнейшее исследование, тестируя всю полноту исторической информации по любому избранному периоду. Я полагаю, дальнейшие исследования внесут свои коррективы в предложенные мною схемы и позволят разобраться в локальных вариантах взаимодействия кочевников и Китая.

Политическая организация степных кочевников и пограничные отношения

Возникновение кочевых государств во Внутренней Азии остается предметом острых дискуссий, поскольку представляет собой логическое противоречие. Во главе кочевой империи находится организованная структура, управляемая автократическим лидером, но при этом основная часть членов племени сохраняет свою традиционную политическую организацию, объединяясь в различные родственные группы: роды, кланы, племена. В экономической сфере наблюдается сходный парадокс — государство базируется на экономике, являющейся экстенсивной и относительно недифференцированной. Чтобы разрешить эту дилемму, теоретики обычно пытались показать, что либо племенная структура является поверхностной оболочкой реально существующего государства, либо племенная структура действительно существовала, но подлинного государственного устройства не было.

Российский этнограф Радлов, опираясь на свои обширные наблюдения казахов и киргизов XIX в., трактовал политическую организацию кочевников как простое воспроизведение их низших политических форм на более высоком уровне. Рядовое скотоводческое хозяйство составляло основу производственной и политической жизни кочевников. Различия в уровне материального достатка и власти, имевшиеся внутри этих малых групп, позволяли отдельным лицам провозглашать себя лидерами; они регулировали внутригрупповые конфликты и организовывали защиту или нападение данной группы на внешних врагов. Радлов рассматривал появление более крупных коллективов как попытку честолюбивых сильных личностей объединить под своим контролем как можно большее число кочевников. Этот процесс мог в конце концов привести к созданию кочевой империи, однако могущество степного автократического лидера базировалось исключительно на его личности. Оно являлось результатом умелого манипулирования властью и богатством в рамках хорошо отлаженной племенной структуры. Такой правитель был узурпатором власти, и после его смерти созданная им империя тут же распадалась на составные части³. Бартольд, выдающийся историк средневекового Туркестана, модифицировал модель Радлова и предположил, что степное лидерство так же могло основываться на выборе самих кочевников, сделанном политическими силами внутри кочевого общества, как это случилось в период основания Второй Тюркской империи в VII в. Выборы, утверждал он, были дополнением к системе насилия в любом кочевом обществе, так как набиравшие силу лидеры притягивали своими военными и грабительскими успехами добровольных сподвижников⁴. Обе теории подчеркивали, что кочевые государства были по своей сути эфемерными и государственная организация распадалась после смерти их основателей. Кочевые государства, таким образом, лишь временно доминировали над племенной политической организацией, которая оставалась базисом социально-экономической жизни в степи.

Альтернативная группа теорий объясняла парадокс государственности, базирующейся на племенной организации, утверждая, что племенная организация разрушалась в процессе создания государства, даже если эта новая система взаимоотношений и была замаскирована использованием старой племенной терминологии. Венгерский ученый Харматта в своем исследовании по истории гуннов утверждал, что кочевое государство могло возникнуть только в результате процесса, в рамках которого сначала был разрушен племенной базис кочевого общества, а потом ему на смену пришли классовые отношения. Центральным пунктом анализа Харматты были не харизматические лидеры, а глубокие изменения социально-экономической структуры общества, вызывавшие появление автократических лидеров вроде Аттилы⁵. Несмотря на то что трудно привести очевидные доказательства такого процесса, Крэйдер, антрополог, писавший о кочевниках и проблемах образования государства, полагал, что, так как государство не может существовать вне системы классовых отношений, т. е. непосредственных производителей, обеспечивающих непроизводительный слой общества, следовательно, факт исторического существования кочевых государств предполагает наличие таких отношений⁶. Если таким государствам и не хватало стабильности, то это происходило потому, что ресурсная база в степи была слишком ограниченной для поддержания необходимого уровня устойчивости.

Существование кочевых государств было проблемой повышенной сложности для ряда марксистских интерпретаций из-за того, что кочевники-скотоводы не «укладываются» должным образом в какую-либо из стадий однолинейного исторического процесса, а также из-за того, что в периоды крушения таких государств кочевники, казалось, снова возвращались к своей прежней

³ Radloff. Aus Siberien. Vol. 1. P. 513–517.

⁴ Barthold. Zwölf Vorlesungen über Geschichte der Türken Mittelasiens. P. 11–13.

⁵ Harmatta. The dissolution of the Hun Empire.

⁶ Krader. The origin of the state among nomads.

племенной организации, что было бы невозможным, если бы эти институты были действительно уничтожены в ходе государственного строительства. Советские авторы в своих сочинениях много внимания уделяли этой проблеме, обычно отталкиваясь от концепции «кочевого феодализма», впервые предложенной Владимирцовым в его исследовании монголов и получившей широкое признание во многом благодаря тому, что сам Владимирцов никогда не давал ее четкого определения⁷. Эта форма «феодализма» основывалась на допущении, что внутри кочевого общества существовали классы, основу которых составляла собственность на пастбища. Такое предположение подкреплялось данными об организации монгольских знамен XVIII и XIX вв., в период правления Цинской династии, когда знаменные князья были отделены от основной массы общинников, которым не разрешалось покидать границы своих округов. Предполагалось также, что археологические раскопки в древней монгольской столице Каракорум, обнаружившие следы широкого развития сельскохозяйственных общин на прилегающей к городу территории, указывают на формирование класса осевших кочевников, являвшихся опорой феодальной знати. Однако другие советские теоретики подчеркивали, что ключевым моментом была собственность на скот, а не на землю: скот находился под контролем рядовых общинников, а развитие ремесла и сельского хозяйства вполне укладывалось в рамки существующих кровнородственных структур, так что хозяйственно специализированные производители никогда не образовывали отдельного общественного класса⁸. Кроме того, приведенные примеры из истории монголов эпохи Цин или казахов периода их вхождения в Российскую империю обладают довольно ограниченной ценностью для осмысления более ранних общественных формаций кочевников. Следуя политике непрямого управления, такие оседлые империи проводили политику протекционизма в отношении привилегированного класса туземных правителей, чья экономическая и политическая власть была продуктом колониальной системы.

Оба типа теорий, вне зависимости от того, рассматривали они феномен политического господства в кочевом обществе как классово-обусловленный или полагали его продуктом аккумуляции власти харизматическими лидерами, одинаково утверждали, что создание кочевого государства являлось результатом внутреннего развития. Однако известные из истории кочевые государства были организованы таким сложным образом, который далеко превосходил требования простого кочевого скотоводства. Радлов и Бартольд подчеркивали эфемерную природу кочевого государства, но многие кочевые империи надолго переживали своих основателей (примерами чему могут служить сюнну, тюрки, уйгуры и монголы) и сравнимы по своей династической стабильности с империями оседлых соседей. За исключением монголов, все остальные степные империи использовали государственные и политические структуры без завоевания сколько-нибудь значительной территории с оседлым населением. Такие теоретики, как Харматта и Крэйдер, признававшие наличие у кочевников государства, но отрицавшие сохранение у них племенной общественной организации, были вынуждены обосновывать необходимость классовой структуры в степи, но не могли при этом привести доказательства того, что эта структура возникла в малодифференцированной и экстенсивной скотоводческой экономике. Хотя в степных обществах всегда существовала кочевая аристократия, подобное иерархическое деление не было основано на контроле за средствами производства, так как доступ к ключевым скотоводческим ресурсам осуществлялся на основе племенной принадлежности. Классовые отношения играли незначительную роль во Внутренней Азии до того момента, когда кочевники были инкорпорированы в состав оседлых государств в течение нескольких последних столетий или покинули степи и стали частью уже существующей классовой структуры.

Возможное разрешение этой дилеммы было предложено на основании сравнительных реконструкций, содержащихся в новейших антропологических исследованиях кочевых скотоводческих обществ Африки и Юго-Западной Азии. Эти исследования поставили под сомнение утверждение, что кочевые государства являются в той или иной степени результатом внутренней эволюции. Бёрнхем в сравнительной реконструкции африканского кочевого скотоводства пришел к заключению, что низкая плотность населения и свобода передвижения по местности делали автохтонное развитие любой институализированной иерархии в таких обществах невозможным. В этих условиях наиболее эффективную и выгодную модель политической организации обеспечивает сегментарная оппозиция⁹. Следовательно, развитие государств у кочевых скотоводов не было ответом на внутренний вызов; скорее оно имело место в тех случаях, когда эти скотоводы были вынуждены регулярно контактировать с более высоко

⁷ Vladimirtsov. Le régime social des Mongols: le féodalisme nomade; см. также сводку советских теорий: Khazanov. Nomads and the Outside World. P. 228 ff.

⁸ Humphrey Caroline. Editor's introduction в Vainshtein, Nomads of South Siberia. P. 13–31.

⁹ Сегментарная оппозиция (*segmentary opposition*) — тип социально-политической организации, при котором группы более близких родственников объединяются против групп более дальних. — Примеч. науч. ред.

организованными оседлыми государственными обществами¹⁰. Айронз, используя примеры из Юго-Западной Азии, пришел к аналогичному выводу: «В кочевых скотоводческих обществах иерархические политические институты порождаются только внешними контактами с государственными обществами и никогда не развиваются как результат исключительно внутренних процессов»¹¹.

Это утверждение имеет целый ряд далеко идущих выводов для осмысления кочевых государств Внутренней Азии. Оно не является диффузионистским объяснением. Кочевники не «заимствуют» государство; скорее, они вынуждены развивать свою собственную, специфическую форму государственной организации, чтобы эффективно налаживать отношения со своими более крупными и более высоко организованными оседлыми соседями. Эти отношения требуют гораздо более высокого уровня организации, чем тот, который необходим для решения проблем скотоводства и политических разногласий в рамках кочевого общества. Не случайно, что наименее организованные в формальном отношении кочевники были обнаружены в Африке южнее Сахары, где они крайне редко сталкивались с государственными обществами в доколониальный период, а также то, что самые высокоорганизованные в формальном отношении кочевые общества возникали на границах Китая, самого крупного и наиболее централизованного оседлого государства в мире.

Хазанов в широкомасштабном антропологическом исследовании политической организации кочевников-скотоводов утверждал, что кочевые государства были продуктом асимметричных отношений между кочевыми и оседлыми обществами, — отношений, которые были выгодны кочевникам. Говоря о Внутренней Азии, он сфокусировал свое внимание прежде всего на отношениях, порожденных завоеванием кочевыми народами областей с оседлым населением, в которых кочевники превращались в правящую элиту общества смешанного типа¹². Однако многие кочевые государства устанавливали и поддерживали такие асимметричные отношения и без завоевания территорий с оседлым населением. Используя преимущество своей военной силы, они вымогали субсидии у соседних государств, облагали налогами и контролировали международную сухопутную торговлю, предоставляли свободу действий организованным бандам, специализировавшимся на «непосредственном присвоении» (грабеже), но не покидали при этом своего надежного степного убежища.

В Северной Азии именно взаимоотношения между Китаем и степью поддерживали государственную иерархию среди кочевников. Кочевое государство держалось за счет эксплуатации экономики Китая, а не за счет эксплуатации производительных сил разрозненных овцеводов, которых оно эффективно организовывало лишь для того, чтобы сделать вымогательство¹³ у Китая возможным. Следовательно, нет необходимости постулировать развитие классовых отношений в степи, чтобы объяснить существование государства у кочевников, и не обязательно видеть в таком государстве лишь частное предприятие кочевого автократического лидера, обреченное на дезинтеграцию после его смерти. В связи с тем, что государство в степи структурировалось с помощью внешних связей, оно значительно отличалось от оседлых государств, одновременно сочетая в себе и племенную, и государственную иерархии, у каждой из которых была собственная функция.

Кочевые государства Внутренней Азии представляли собой «имперские конфедерации», автократические и государствовподобные во внешней и военной политике, но придерживавшиеся принципов совещательности и федерализма во внутренних делах. Они включали в себя административную иерархию, состоявшую по крайней мере из трех уровней: 1) имперского лидера и его двора, 2) имперских наместников, назначаемых для контроля за племенами, входящими в империю и 3) местных племенных вождей. На местном уровне племенная структура оставалась неизменной; властью по-прежнему обладали вожди, которые черпали влияние и силу в поддержке народа, а не в императорских назначениях на должность. Таким образом, государственная структура внесла мало изменений на местном уровне, за исключением того, что она положила конец грабегам и убийствам, характерным для степи в период отсутствия политического единства. Вассальные племена контролировались империей через систему наместников, часто — членов императорского рода. Наместники занимались решением проблем локального характера, организовывали набор рекрутов и подавляли недовольство местных племенных вождей. Имперское правительство монополизировало сферу международных отношений и военного дела, на переговорах с другими державами выступая от имени всей империи.

Стабильность этой государственной структуры поддерживалась за счет извлечения ресурсов

¹⁰ Burnham. Spatial mobility and political centralization in pastoral societies.

¹¹ Irons. Political stratification among pastoral nomads. P. 362.

¹² Khazanov. Nomads and the Outside World.

¹³ Вымогательство (*extortion*) — часто используемый Барфилдом термин. Означает насильственное изъятие у оседлых обществ кочевниками продуктов сельского хозяйства, ремесла, предметов роскоши, денег и т. д. — *Примеч. науч. ред.*

за пределами степи. Имперское правительство обеспечивало кочевников добычей от набегов, торговыми правами и субсидиями. Хотя местные племенные вожди утратили свою автономию, взамен они получили от империи материальные выгоды, которых отдельные племена не могли бы добиться собственными силами. Эта племенная организация никогда не исчезала на местном уровне, но в периоды централизации ее роль была ограничена решением мелких внутренних дел. Когда данная система приходила в упадок и племенные вожди на местах становились независимыми, степь возвращалась к анархии.

Циклы власти

Имперская конфедерация была наиболее стабильной формой кочевого государства. Впервые она появилась у сюнну в период между 200 г. до н. э. и 150 г. н. э. и позднее была адаптирована жуаньжуанями (V в.), тюрками (VI–VIII вв.), уйгурами (VIII–IX вв.), ойратами, восточными монголами и джунгарами (XV–XVIII вв.). Монгольская империя Чингис-хана (XIII–XIV вв.) основывалась на гораздо более централизованной системе организации, ликвидировавшей существовавшие племенные связи и превратившей местных лидеров в имперских чиновников. Недолговечная империя сяньби, существовавшая во второй половине II в. н. э., была примитивной по своей структуре конфедерацией, которая распалась после смерти ее лидеров. В другие периоды, в частности между 200 и 400 и между 900 и 1200 гг., степные племена не подчинялись никакой централизованной власти.

Кочевые конфедерации имперского типа возникали только в тех случаях, когда они получали возможность установить связи с экономикой Китая. Кочевники использовали стратегию вымогательства, чтобы получить торговые права и субсидии от Китая. Они опустошали границу набегами, а затем заключали договор с китайским двором. Национальные династии в Китае¹⁴ стремились откупиться от кочевников, так как это было дешевле, чем вести войну с народом, который мог избежать китайского возмездия, уходя из пределов досягаемости императорских войск. В эти периоды вся область северной границы была поделена между двумя великими державами.

Вымогательство требовало совсем другой стратегии, нежели завоевание. Хотя и принято считать, что кочевники центральных степей рыскали, подобно волкам, за Великой стеной, надеясь завоевать Китай, как только он ослабеет, на самом деле они не стремились к захвату китайской территории. Материальное благополучие, достигаемое за счет торговли с Китаем и за счет получаемых от Китая субсидий, стабилизировало власть в империи, и кочевники отнюдь не желали уничтожать этот источник дохода. Например, уйгуры настолько зависели от китайских субсидий, что даже отправляли войска для подавления внутренних восстаний в Китае и удержания у власти уступчивой национальной династии. За исключением монголов, «кочевое завоевание» имело место только после падения централизованной власти в Китае, когда не было единого правительства, у которого можно было бы вымогать. Могущественные кочевые империи возникали и рушились вместе с национальными династиями в Китае. Империи Хань и сюнну появились одна за другой в течение одного десятилетия, а империя тюрков возникла, когда Китай был объединен династиями Суй и Тан. Так же последовательно, с промежутком в несколько десятилетий, Китай и степь вступали в периоды анархии. Когда Китай погружался в пучину тяжелой смуты и экономического упадка, поддерживать прежние отношения становилось невозможно и степь превращалась в конгломерат разрозненных племен, неспособных объединиться до тех пор, пока в Северном Китае вновь не восстанавливался порядок.

Завоевание Китая иноземными династиями было делом народов Маньчжурии — либо кочевников, либо лесных племен из бассейна реки Ляохэ. Одновременное падение централизованной власти в Китае и Монголии освобождало народы этого пограничного региона от господства обеих великих держав. В отличие от племен центральной степи, тамошние «варвары» обладали эгалитарной политической структурой и имели тесные контакты с оседлым населением Маньчжурии. В периоды раздробленности они основывали маленькие государства вдоль границы, соединявшие в своей системе управления китайские и племенные традиции. Будучи островками стабильности, эти приграничные княжества ожидали момента, когда недолговечные династии, основанные китайскими военачальниками или вождями степных племен в Северном Китае, взаимно уничтожат друг друга. Когда эти династии разваливались, маньчжуры приступали к завоеванию сначала небольшой части Северного Китая, а затем, обычно в эпоху второй маньчжурской династии, — к покорению северокитайских земель в целом. Хотя объединение Северного Китая под властью иноземной династии создавало благоприятные условия для

¹⁴ Т. е. династии китайского происхождения. — *Примеч. науч. ред.*

возникновения кочевого государства в Монголии, такие государства возникали редко, так как китайские династии иноземного происхождения проводили на границе политику, совершенно отличную от той, которой придерживались национальные китайские династии. Маньчжурские подрывали политическое и военное могущество степных племен и активно подавляли все попытки объединения кочевников. Кочевники из центральных степей, за исключением монголов эпохи Чингис-хана, никогда не основывали могущественные империи в тот период, когда их маньчжурские «кузены» правили в Китае. Лишь тогда, когда династии иноземного происхождения отказывались от агрессивной политики на границе, чтобы усмирить восстания внутри Китая, кочевники оказывались способны к объединению. К тому моменту, когда китайские повстанцы изгоняли иноземцев и основывали новую национальную династию, степь также объединялась и начинала вымогательские действия.

Эти взаимоотношения имели циклический характер, причем на протяжении 2000 лет каждый цикл повторялся трижды. Ледьярд, рассматривавший данную проблему в несколько отличном от нашего направлении, обнаружил в международных отношениях Маньчжурии, Кореи и Китая сходную трехчленную циклическую модель, которую он подразделял на фазы «инь» и «ян» в зависимости от того, выступал Китай в роли агрессора (*ян*) или обороняющейся стороны (*инь*). Его *ян*-фазы соответствуют периодам власти национальных династий в Китае, а *инь*-фазы — периодам правления династий иноземного происхождения. Интересно, что он также рассматривал монгольскую династию Юань как аномальный случай, хотя его анализ и не включал в себя исследование роли других кочевых империй в Монголии¹⁵. Однако наблюдения Ледярда не разъясняют того, каким образом и почему развивались подобные отношения.

Чтобы разобраться в том, как могла возникнуть подобная циклическая модель, мы должны сосредоточиться на исследовании изменчивой природы политического ландшафта в районе северной границы. Там сложился тип политической экологии, при котором династии одного типа сменялись династиями другого в достаточно предсказуемом порядке, поскольку при известном наборе условий определенная социально-политическая организация обладала значительными преимуществами перед теми, структуры которых основывались на других принципах. Когда условия менялись, то именно те преимущества, которые некогда привели к политическому успеху династии, становились причинами ее крушения. Этот процесс напоминает последовательность смены экосистем после пожара в старом климаксовом лесу. В многолетнем лесу небольшое количество крупных старых деревьев доминирует над ландшафтом, не допуская появления других видов, которые не выносят естественных гербицидов и тени от старожиллов. После того как лес уничтожается пожаром или другим бедствием, на смену мертвым деревьям быстро приходят более разнообразные, но менее стабильные виды растительности, которые осваивают выжженный участок. Сначала утверждаются быстрорастущие однолетние виды трав и кустарников, обладающие высокими репродуктивными показателями и образующие новый растительный покров. Они в свою очередь заменяются более стабильными видами быстрорастущих деревьев. В конце концов эти деревья образуют смешанный лес, который существует в течение многих десятилетий, пока один или два вида деревьев вновь не станут в нем доминирующими, не вытеснят остальные виды с данной территории и не возвратят лес в прежнее стабильное, климаксовое состояние, завершив тем самым полный экологический цикл.

Биполярный мир объединенного Китая и объединенной степи, деливший пограничные области пополам, был стабильным климаксовым состоянием. Пока оно существовало, не могли возникнуть никакие альтернативные политические структуры. Обоюдное разрушение порядка в степи и Китае приводило к крайне нестабильному состоянию. Возникавшие в этот период династии были многочисленны, плохо организованы, нестабильны и недолговечны; они были хорошей мишенью для атаки любого набирающего силу военачальника или племенного вождя, которому было под силу собрать войско. Им на смену приходили более организованные династии, которые восстанавливали порядок и успешно управляли обширными территориями. Династии китайского происхождения на юге и династии иноземного происхождения на северо-востоке и северо-западе делили территорию Китая между собой. В ходе войн за объединение, которые уничтожали иноземные династии и отдавали всю территорию Китая во власть национальной династии, беспрепятственно объединялась и степь, завершая тем самым очередной цикл. Временной интервал между падением крупной национальной династии и восстановлением порядка под властью стабильной иноземной династии с каждым циклом все более сокращался: столетия нестабильности следовали за падением Хань, десятилетия — после падения Тан и почти не было перерыва после свержения Мин. Продолжительность существования иноземных династий подчи-

¹⁵ Ledyard. Yin and Yang in the China-Manchuria-Korea Triangle.

нялась сходной закономерности: она была наиболее короткой в первом цикле и наиболее длинной в третьем.

В сущности, я отстаиваю точку зрения, что степные племена Монголии играли ключевую роль в пограничной политике, не становясь завоевателями Китая, а Маньчжурия, ввиду ряда политических и природных условий, выступала в роли питомника иноземных династий в то время, когда национальные династии рушились под напором внутренних восстаний. Эта схема значительно отличается от ряда предшествующих теорий, которые были предложены для объяснения взаимоотношений между Китаем и его северными соседями.

Виттфогель в своем широко известном исследовании «династий-завоевателей» в Китае упустил из виду важность для китайской истории степных империй сюнну, тюрков и уйгуров, подразделяя китайские иноземные династии на основанные кочевыми скотоводами и оседлыми земледельческими племенами, причем и те и другие, по его мнению, противостояли типично китайским династиям. Акцент более на экономической, чем на политической, организации в данном случае затушевывает тот примечательный факт, что, за исключением монгольской династии Юань, все «династии-завоеватели», исследованные Виттфогелем, имели маньчжурское происхождение. Виттфогелю также не удалось провести различие между кочевниками Монголии, которые основывали степные империи и совместно с китайцами долго и успешно властвовали над пограничьем, и кочевниками Маньчжурии, которые основывали династии внутри Китая, но никогда не создавали могущественных империй в степи¹⁶.

Быть может, наиболее значительной работой о проблеме взаимоотношений Китая и племенных народов севера является классический труд Лэттимора «Внутриазиатские границы Китая». Личное знакомство автора с Монголией, Маньчжурией и Туркестаном придало его исследованию такие яркость и силу, как ни в одной другой работе, и спустя 50 лет оно по-прежнему остается величайшим научным трудом в данной области. Особенно большую популярность приобрел «географический подход» Лэттимора (который мы назвали бы ныне культурной экологией), в соответствии с которым вся Внутренняя Азия подразделяется на несколько крупных областей со своей собственной динамикой культурного развития. Основным интерес для Лэттимора представляло возникновение на китайских границах степного скотоводства, а развитию пограничных отношений в имперский период он посвятил лишь небольшой раздел. Хотя мой настоящий анализ прочно укоренен в традиции Лэттимора, я все же хочу оспорить некоторые лэттиморовские гипотезы относительно циклов власти кочевников и происхождения династий-завоевателей.

Лэттимор описал цикл власти кочевников, согласно которому, как он считал, продолжительность существования кочевых государств составляла лишь три или четыре поколения, и ссылаясь при этом на пример сюнну. На первой стадии новое государство включало в себя только кочевников, на второй стадии кочевники учреждали государство смешанного типа, взимающее дань со своих оседлых подданных. Государство смешанного типа переходило в третью стадию, на которой гарнизонные войска, состоявшие из перешедших к оседлости кочевников, в конце концов получали львиную долю доходов за счет своих менее цивилизованных соплеменников, остававшихся в степи. Такие условия создавали четвертую, и последнюю, стадию, на которой происходило падение государства, потому что «различия между реальным благосостоянием и номинальной властью, с одной стороны, и реальной или потенциальной властью и относительной бедностью — с другой, становились невыносимыми, [открывая дорогу] к развалу государства смешанного типа и “возврату к кочевничеству” — в политическом отношении — у отдаленных и обособленных групп кочевников»¹⁷. На деле империя сюнну не обнаруживает подобной закономерности. Сюннуские лидеры утвердили и удерживали свою власть над кочевниками безо всякого завоевания оседлых регионов, которое требовало создания гарнизонных войск. Это было государство, чья правящая династия существовала непрерывно в течение не четырех поколений, а 400 лет. Когда же, после падения Ханьской династии, один из правителей сюнну основал недолговечную династию на границах Китая, отдаленные группы кочевников не вернулись в степь, а наоборот, захватили государство этого правителя, решив, что он обделяет их доходами от дани.

Говоря о династиях-завоевателях, Лэттимор признавал, что существовало различие между кочевыми народами открытых степей и народами смешанного культурного облика, населявшими окраинные зоны пограничья. Он отметил, что именно эти окраинные территории, а не открытые степи, были родиной династий-завоевателей¹⁸. Однако, подобно Виттфогелю, ему не удалось показать, что абсолютное большинство успешных династий-завоевателей происходило именно с маньчжурской окраины, а не откуда-нибудь еще. Так, полагая Чингис-хана выдающимся

¹⁶ Wittfogel and Feng Chia-sheng. The History of Chinese Society: Liao. P. 1–26.

¹⁷ Lattimore. Inner Asian Frontiers of China. P. 521–523.

¹⁸ Ibid. C. 542–552.

примером пограничного лидера, он проигнорировал свое собственное различие между обществами открытых степей и смешанными пограничными обществами, так как Чингис-хан был так же далек от пограничья, как и любой предшествующий ему сюннуский или тюркский лидер в Монголии. Причина этого кажущегося географического противоречия состоит в том, что само определение пограничья радикально изменялось в зависимости от того, управляла Северным Китаем национальная или иноземная династия. Южная Монголия становилась «переходной пограничной зоной» только тогда, когда иноземные династии проводили политику, рассчитанную на разрушение политической организации в степи. Но когда национальные династии и степные империи делили пограничье между собой, для политически автономных обществ смешанного типа не оставалось места.

Эти критические замечания указывают на сложность исторических процессов во Внутренней Азии и на необходимость исследовать их как результат меняющихся со временем отношений между народами. Монгольскую степь, Северный Китай и Маньчжурию следует анализировать как части единой исторической системы. Хронологическое сопоставление основных национальных и иноземных династий в Китае и империй в степи послужит отправной точкой для создания подобной модели (табл. 1.1). Оно даст нам самое общее представление о процессе «ротации» династий, состоящем из трех циклов (лишь монголы выпадают из фазового деления) и очерчивающем параметры пограничных отношений. Здесь мы дадим лишь краткое описание развития пограничных отношений, а проблемы отдельных исторических периодов будут более подробно рассмотрены в следующих главах книги.

Хань и сюнну были тесно связаны между собой как части биполярной пограничной структуры, сформировавшейся в конце III в. до н. э. Когда империя сюнну утратила свою гегемонию в степи около 150 г. н. э., ей на смену пришли племена сяньби, основавшие слабоструктурированную империю, жившую за счет набегов на Китай и распавшуюся после смерти ее лидера в 180 г. н. э. В том же году в Китае произошло крупное восстание. В течение последующих 20 лет династия Поздняя Хань существовала лишь номинально, население Китая стремительно беднело, а его экономика приходила в упадок. Следует подчеркнуть, что не кочевники, а китайские повстанцы уничтожили империю Хань. На протяжении последующих полутора столетий, пока военачальники всех мастей сражались друг с другом за власть в Китае, маньчжурские преемники сяньби основывали свои маленькие государства. Из последних наиболее жизнеспособным оказалось муьонское государство Янь, которое установило контроль над северо-востоком Китая в середине IV в. Оно создало структуру, целиком унаследованную тоба (тобасцами), другим сяньбийским племенем, свергнувшим власть Янь и подчинившим себе весь Северный Китай. Лишь после объединения Северного Китая кочевники Монголии вновь образовали централизованное государство, возглавляемое племенем жуаньжуаней. Жуаньжуани, однако, никогда реально не контролировали степь, потому что тоба учредили в пограничной зоне крупные гарнизоны и вторгались на территорию Монголии, чтобы захватывать максимально возможное число скота и пленников. Эти вторжения были столь успешны, что жуаньжуани не представляли опасности для Китая вплоть до последних лет существования тобасской династии, когда тоба китаизировались и начали проводить политику умиротворения, сходную с ханьской.

**Таблица 1.1. Циклы власти:
основные династии в Китае и степные империи в Монголии**

Китайские династии		Степные империи
Национальные	Иноземные	
1-й цикл		
(1) Цинь и Хань (221 г. до н. э. – 220 г. н. э.)		СЮННУ (209 г. до н. э. – 155 г. н. э.)
(2) Китайские династии периода раздробленности (220–581 гг.)		Сяньби (130–180 гг.)

	(3) Тоба Вэй (385–556 гг.) и другие династии до и после нее	Жуаньжуани
2-й цикл		
(4) Суй и Тан (581–907 гг.)		1-Я ТЮРКСКАЯ ИМПЕРИЯ (552–630 гг.)
		2-Я ТЮРКСКАЯ ИМПЕРИЯ (683–734 гг.)
		УЙГУРСКАЯ ИМПЕРИЯ (745–840 гг.)
(5) Сун (960–1279 гг.)		
	(6) Ляо (кидани) (907–1125 гг.)	
	(7) Цзинь (чжурчжэни) (1115–1234 гг.)	
	(8) Юань (монголы) (1206–1368 гг.)	МОНГОЛЫ
3-й цикл		
(9) Мин (1368–1644 гг.)	(10) Цин (маньчжуры) (1616–1912 гг.)	Ойраты Восточные монголы Джунгары

Примечание. Официальные даты, традиционно указывающие на год создания и падения династий, часто ошибочны. Для национальных династий даты их основания обычно правильны, а даты падения указаны более поздние, так как имена этих династий в течение десятилетий после их падения использовались в качестве вывески правящими военачальниками. Для большинства иноземных династий верно обратное. Даты их основания отодвигались в глубь прошлого и возводились к основателям маленьких пограничных государств, позднее ставших могущественными, но даты их падения — правильные (Wittfogel K., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society: Liao. P. 24–25). Прописными буквами обозначены сильные степные империи.

Внутреннее восстание уничтожило династию Вэй и положило начало новому объединению Китая под властью династий Западная Вэй и Суй в конце VI в. Жуаньжуаней сокрушили их прежние вассалы, тюрки, которые так напугали правителей Китая, что последние выплачивали им огромную дань шелком, чтобы сохранить мир. Пограничье опять стало биполярным, и тюрки начали политику вымогательства, сходную с той, которую практиковали сюнну. Во время падения Суй и возвышения Тан тюрки не предпринимали попыток захвата Китая, а, напротив, поддерживали различных китайских претендентов на имперский престол. Когда Танская династия начала клониться к упадку, она не могла справиться с внутренними восстаниями и стала призывать на помощь кочевников, чтобы подавлять бунты. Например, уйгуры в середине VIII в. подавили восстание Ань Лу-шаня, продлив существование Тан еще на столетие. После того как уйгуры пали жертвами атаки кыргызов в 840 г., в центральных степях начался период анархии. Династия Тан была уничтожена следующим большим восстанием в Китае.

Падение Тан дало возможность развиваться государствам смешанного типа в Маньчжурии. Наиболее важным из них было государство Ляо, созданное кочевниками-кидани. Кидани собрали осколки, оставшиеся после падения целого ряда недолговечных

династий, образовавшихся на руинах Тан в середине X в. В Ганьсу возникло Тангутское государство, а остальной Китай оказался в руках национальной династии Сун. Подобно существовавшему задолго до Ляо муюнскому государству Янь, кидани практиковали дуальную систему управления, соединяя китайскую и племенную модели организации. Так же, как и Янь, Ляо пало жертвой еще одной группы маньчжурского происхождения — лесных племен чжурчжэней, которые свергли господство киданей в начале XII в., провозгласили династию Цзинь и приступили к завоеванию всего Северного Китая, оттеснив Сун на юг страны. До этого момента первые два цикла были в целом сходными по структуре, однако возвышение монголов разрушило эту модель и породило важные последствия не только для Китая, но и для всего мира.

Никогда ни одно кочевое государство не возникало в Монголии в тот период, когда в Северном Китае происходили междоусобицы, следовавшие за падением многовековой национальной династии. Восстановление порядка иноземными династиями из Маньчжурии стабилизировало границу и было тем единственным стимулом, который вызывал к жизни формирование централизованных государств в степи. Эти иноземные династии осознавали опасность, исходившую из Монголии, и вмешивались в политическую жизнь степи с целью ослабления кочевников. Они использовали стратегию «разделяй и властвуй», организовывали массовые вторжения в степь, которые заканчивались угоном значительного количества людей и скота, устанавливали систему брачных союзов, чтобы привязать к себе часть племен. Эта стратегия хорошо работала: жуаньжуаням никогда не удавалось эффективно противостоять Тоба Вэй, а при династиях Ляо и Цзинь племена Монголии и вовсе не могли объединиться, пока не появился Чингис-хан. Позднейший успех Чингис-хана не должен затмевать те трудности, с которыми он столкнулся в деле объединения степи против чжурчжэней, — это потребовало большей части его взрослой жизни, и в ряде случаев он был близок к поражению. Его государство было весьма своеобразным по своей природе. Высокоцентрализованное, с дисциплинированной армией, оно покончило с властью автономных племенных вождей. Однако, подобно предшествующим объединителям Монголии, целью Чингис-хана первоначально было вымогательство у Китая, а не захват его. Чжурчжэньский двор, хотя и был сильно китаизирован в культурном отношении, отвергал политику умиротворения и отказывался договариваться с монголами. Войны, длившиеся на протяжении следующих трех десятилетий, опустошили большую часть Северного Китая и отдали его во власть монголов. Отсутствие у последних заинтересованности и готовности управлять Китаем (а не вымогать у него) выразилось в том, что они не объявляли имя новой династии и не учреждали регулярной администрации вплоть до правления внука Чингис-хана, Хубилай-хана.

Победа Чингис-хана демонстрирует, что та модель, которую мы представили, является вероятностной, а не детерминистской. В периоды беспорядка всегда выдвигались племенные вожди, подобные Чингис-хану, однако их шансы объединить степь несмотря на решительное сопротивление существовавших маньчжурских государств, опиравшихся на богатства Китая, были невелики. Таким образом, хотя жуаньжуани и были явными неудачниками, сменившие их тюрки создали огромную империю, более великую, чем империя сюнну, не потому, что были столь уж талантливы, а потому, что имели возможность эксплуатировать новые китайские государства, которые щедро оплачивали мир на своих границах. Чингис-хан вынужден был перебороть огромные трудности: чжурчжэни были могущественны, Монголия не знала единства с момента падения уйгуров (более трех столетий тому назад), сами монголы были сравнительно слабым степным племенем. Столкновение могущественного кочевого государства и сильной иноземной династии в Китае было уникальным и крайне разрушительным событием. Монголы использовали традиционную стратегию беспощадных атак, чтобы добиться заключения выгодного перемирия, но эта стратегия не сработала, так как чжурчжэни отвергли предложение о мире и вынудили монголов наращивать военное давление до тех пор, пока сами не пали его жертвой.

Монголы были единственными кочевниками из центральных степей, захватившими Китай, но это завоевание изменило отношение китайцев кномадам на все последующие эпохи. Описанный выше порядок смены циклов власти как будто предсказывал возвышение степной империи после свержения китайскими повстанцами чжурчжэней и объединения Китая под властью династии типа Мин. При Минах такие империи, возглавляемые сначала ойратами, а затем восточными монголами, возникали, но они были нестабильны, потому что до середины XVI в. кочевники были не способны организовать систему регулярной торговли и получения субсидий из Китая. Так как память о монгольском вторжении была еще свежа, Мин игнорировала ханьский и танский опыт и проводила политику изоляционизма, опасаясь, что кочевники могут свергнуть ее власть. Номады отвечали постоянными набегами на границу, атакуя Мин больше, чем какую-либо другую китайскую династию. Когда Мин в конце концов перешла к политике задабривания кочевников, атаки в основном прекратились и на границе был

восстановлен мир. Когда же в середине XVII в. Мин была уничтожена китайскими повстанцами, именно маньчжуры, а не монголы завоевали Китай и провозгласили династию Цин. Подобно прежним правителям из Маньчжурии, Цины использовали дуальную структуру управления и успешно предотвращали политическое объединение степи, кооптируя монгольских вождей в состав империи и разделяя племена на небольшие административные единицы под имперским контролем. Период традиционных взаимоотношений между Китаем и Внутренней Азией закончился, когда современное вооружение, транспортные системы и новые формы международных политических отношений разрушили китаецентричный мировой порядок в Восточной Азии¹⁹.

Культурная экология

Внутренняя Азия и Китай взаимодействовали в пограничной области, которую можно разделить на четыре основные экологические и культурные зоны: Монголию, Северный Китай, Маньчжурию и Туркестан²⁰. Монголия была родиной кочевников, разводивших скот в степях и на склонах гор. Кочевники, с сезонными миграциями, экстенсивной экономикой, низкой плотностью населения и племенной политической организацией, были почти во всех отношениях противоположны китайцам, чье общество зиждилось на интенсивном орошаемом земледелии на землях с высокой плотностью населения и управлялось централизованным бюрократическим аппаратом. Пропасть между этими двумя обществами была выражена также географически, так как граница между ними была линейной и проходила вдоль Великой Китайской стены — чрезвычайно величественного сооружения, первоначально построенного при династии Цинь в конце III в. до н. э., чтобы отграничить и отделить Китай от мира кочевников. Китай и Монголию можно легко выделить в отдельные категории, а географические ареалы к востоку и западу от них имеют более сложный характер. И Маньчжурия, и Туркестан включали в себя несколько экологических зон, населенных различными народами, — как кочевыми, так и оседлыми. Эти регионы находились под властью Китая и Монголии, когда те были могущественны, но когда Китай и степь периодически погружались в анархию, в пограничных регионах возникали собственные независимые государства, которые инкорпорировали элементы как китайской, так и кочевой культур.

Монголия занимает плато площадью 2 700 000 км² в центральной части Евразии. Для нее характерен континентальный климат с очень суровыми зимами, жарким летом и относительно небольшим количеством осадков. Монголия в основном покрыта степями, так как представляет собой восточную часть великой Евразийской степи, всхолмленные травянистые равнины и лесистые участки которой пересекаются горными хребтами, тянущимися от границ Маньчжурии на востоке до Черного моря и равнин Венгрии на западе. Монгольская степь расположена на большей высоте, чем тюркские степи к западу от нее, лежащие примерно на уровне моря, и достигает высоты 1500 м. над уровнем моря и более. Этот перепад высот очерчивает экологическую границу Монголии на западе и традиционно совпадает с границей ее политического и культурного влияния.

Пустыня Гоби занимает 2/3 площади Монголии. Как отмечали многие географы, Гоби в действительности не пустыня, а очень сухая степь. Она отделяет друг от друга северную и южную пастбищные зоны, обычно называемые Внешней и Внутренней Монголией на основании их географической близости к Китаю. Гоби имеет наиболее засушливый характер в центральной части, где обитает сравнительно небольшое количество людей и скота, а основная часть монгольского кочевого населения проживает на границах плато. Лучшие пастбища расположены на северной окраине, в бассейнах рек, впадающих в озеро Байкал, и притоков реки Амур, а также по склонам Алтайских гор. Пограничные с Китаем степи, в особенности плато Ордос, плато Жэхэ и Западная Монголия традиционно были местом обитания большого числа кочевников, хотя сегодня китайские земледельческие поселения значительно потеснили их²¹.

¹⁹ Названия типа «Хань», «Тан», «Мин» в тексте книги употребляются в женском роде, за исключением случаев, когда перед ними стоит слово «государство». Династии Мин и Цин периодически обозначаются в форме множественного числа («Мины», «Цины»). — *Примеч. науч. ред.*

²⁰ Эти названия применяются для обозначения географических регионов, но не подразумевают постоянного проживания современных этнических или лингвистических групп на территории последних. Ведь неясно, скажем, как были исторически взаимосвязаны монголы Средневековья и Нового времени с сюнну, обитавшими в тех же краях тысячелетием ранее. Можно также вспомнить, что Туркестан на протяжении первой половины своей истории был иранским по языку и культуре регионом, а термин «Маньчжурия» вообще предложен западными географами.

²¹ Murzaev. Die mongolische Volksrepublik, physisch-geographische.

Монгольское плато разделяет зоны, чрезвычайно различные в экологическом отношении. На севере и северо-востоке оно примыкает к сибирским лесам. Эта территория была населена малочисленными племенами охотников и оленеводов. Кочевники, лучше организованные и более могущественные в военном отношении, чем лесные племена, стремились установить свой контроль над Сибирью, чтобы получать оттуда меха и другие лесные богатства. Их взаимодействие, однако, не было односторонним, так как лесные племена, познакомившись с образом жизни кочевых скотоводов, переселялись на юг и становились частью степного мира. Однако сибирские леса были неподходящим местом для экстенсивного овцеводства или коневодства, а олени не могли питаться травой, поэтому эти регионы оставались различными в культурном отношении. История взаимоотношений народов и культур монгольско-сибирского пограничья по-прежнему остается темной из-за недостатка письменных источников и археологических изысканий по этому вопросу²².

Южный край монгольского плато, возвышающийся над Китаем, был очерчен Великой стеной. Линия границы здесь была твердо зафиксирована, так как она пересекала переходную зону, одинаково пригодную и для кочевников, и для земледельцев. Но не пастбища притягивали сюда кочевников, а богатства Китая, делавшие эту границу лакомым кусочком для всех степных племен. Для кочевников Китай был кладезем материальных благ, страной оживленных приграничных рынков и объектом набегов — за зерном, тканями и рабами, а также источником предметов роскоши, таких как шелк и вино, которые вымогались под видом подарков у китайского правительства. На протяжении всей истории Китая эта граница оставалась поразительно устойчивой, так как Китай стремился изолировать свое пограничное население от неподчинявшихся ему кочевников севера.

Граница, проходящая по монгольскому плато, представляла собой центральный отрезок северных рубежей Китая. Хотя с точки зрения Монголии сельскохозяйственный Китай казался единым целым, занимающим бассейн могучей реки Хуанхэ и ее притоков, с точки зрения китайцев в нем выделялись по меньшей мере четыре различных региона. На востоке лежала гладкая, низменная пойма Хуанхэ, где располагалось большинство имперских столиц, таких как Лоян, Кайфын и Пекин. Холмы и горы плато Жэхэ отделяли ее от Монголии, а на северо-западе, в долине нижнего течения реки Ляохэ, она соединялась узким коридором с Маньчжурской равниной. Ввиду того что восточная часть равнины была очень плоской, потенциальный агрессор, который смог прорваться в этом месте через границу, в дальнейшем уже не встречал на своем пути никаких естественных преград. Далее к западу располагались лессовые возвышенности — области сложной системы стока и глубокой эрозии, которые тем не менее были довольно плодородными. Здесь в периоды династий Ранняя Хань и Тан находилась имперская столица Чанъань (современный город Сиань). Непосредственно к северу от лессовых возвышенностей подковообразная излучина Хуанхэ прорезывала степи и пустыни Ордоса. Это был опасный и вечно беспокойный участок, так как Китай определял как свою естественную политическую границу излучину реки, невзирая на то, что она проходила прямо по степной территории и становилась объектом агрессии кочевников. Засушливый Ганьсуйский коридор был северо-западным продолжением Китая. Его население и культура были преимущественно китайскими, хотя здесь чувствовалось и мощное культурное влияние Туркестана. Область Ганьсу граничила с землями кочевников Монголии на севере и Кукунора на юго-западе, а в горах юго-востока смыкалась с территорией тибетских народов²³.

Другим важным регионом Китая, оказывавшим заметное, хотя и косвенное влияние на северную границу, был бассейн нижнего течения реки Янцзы, за которой начинался Южный Китай. В Северном Китае выращивали пшеницу и просо, там было холодно зимой и жарко летом, пехота и конница беспрепятственно двигались из одной области в другую. К югу от реки Фэй, в бассейне Янцзы, Китай становился совершенно другой страной — краем озер, рек и болот с теплым влажным климатом, способствующим возделыванию риса. Иноземным династиям было нелегко завоевать Южный Китай, потому что их лошади вязли в грязи, а военачальники не разбирались в методах ведения речных и морских сражений, что было необходимо для контроля над стратегическими водными путями региона. При династии Хань район Янцзы был южной окраиной империи, часто служил местом ссылки. Но после распада Поздней Хань политическая и экономическая значимость этого региона возросла. К эпохе Тан юг стал самым густонаселенным и производительным районом Китая, но в связи с тем, что север был колыбелью китайской цивилизации, там оставался центр государственной власти. Китайские династии никогда не покидали север по доброй воле, даже тогда, когда он утратил свою экономическую самостоятельность. Защита северных рубежей всегда была в большей степени общеимперским,

²² Vainshtein. Nomads of South Siberia.

²³ Ср.: Lattimore. Inner Asian Frontiers. P. 21–25.

нежели местным делом. Когда другие, более поздние, династии размещали на севере свои столицы и сосредоточивали вдоль границы с Монголией крупные регулярные армии, большая часть продовольствия и финансовых средств поступала на их поддержание с юга.

На востоке и западе Северный Китай и Монголия соседствовали с Маньчжурией и Туркестаном — двумя регионами, не входившими ни в один лагерь, так как они опирались на экономику смешанного типа. Когда Китай и степь объединялись в сильные империи, Маньчжурия и Туркестан становились пешками в большой борьбе на границе, но когда централизованная власть рушилась, они образовывали свои собственные государства, имевшие большую историческую значимость, так как большинство успешных иноземных правителей Китая происходили не из монгольских степей, а из пограничных земель Маньчжурии.

Монгольская степь была отделена от Маньчжурии Хинганским хребтом на севере и нагорьем Жэхэ на юге. Кочевые народы Монголии занимали западные склоны Хинганского хребта, которые были продолжением степной экологической зоны, но сравнительно мало использовали гораздо более обрывистые восточные склоны хребта, спускавшиеся в Маньчжурскую котловину. Большое пространство между Хинганским хребтом и нагорьем Жэхэ занимала всхолмленная травянистая равнина, выходившая за пределы плато в Маньчжурию, образуя степь Ляоси. В этом районе проживало значительное число кочевников, близких по культуре кочевникам монгольского плато, но отличавшихся от них политической историей и традициями.

Собственно Маньчжурия подразделялась на четыре большие зоны. Первая охватывала равнину нижнего течения реки Ляохэ и Ляодунский полуостров — область, пригодную для земледелия, население которой было по своей культуре китайским по крайней мере с эпохи Борющихся царств. Она соединялась с северокитайской равниной узким коридором, который проходил между горами и морем в местности Шаньхайгуань. Ляодунский полуостров весьма напоминал Шаньдун, с которым он был разделен коротким морским заливом. Так как Маньчжурская равнина и Ляодунский полуостров были физически изолированы от Китая, они становились уязвимыми для атак кочевников-скотоводов или лесных племен и в эпохи раздробленности в Китае попадали под их контроль. Второй экологической зоной в Маньчжурии были западная степь Ляоси и нагорье Жэхэ, район обитания кочевников-скотоводов. Несколько отдаленные от собственно Монголии, они провозглашали свою политическую независимость, когда это было возможно, а тесное соседство с земледельцами маньчжурской равнины обеспечивало им доступ к экономической базе оседлых народов, которая была богаче и проще в использовании, чем другие районы пограничья. Самая крупная экологическая зона Маньчжурии состояла из густых лесов, разделявших Сибирь и Корею. Эти леса были населены племенами, экономика которых имела смешанный характер — животноводческий и земледельческий. В отличие от степных племен на западе они разводили свиней — животных, не встречавшихся у кочевников-скотоводов. Тихоокеанское течение сформировало условия для образования четвертой, прибрежной морской зоны, расположенной далеко на севере. Эту зону населяли охотники и рыболовы, отрезанные от остальной части региона и игравшие незначительную роль в его истории. Богатая земля с суровыми зимами, Маньчжурия была родиной целого ряда разнообразных культур на сравнительно ограниченной территории.

Туркестан представлял собой обширный засушливый регион, состоящий из пустынь, оазисов и сухих степей, протянувшихся от Ганьсуйского коридора до Аральского моря, и ограниченный на юге горами Тибета, Памира и Гиндукуша, а на севере — Тянь-Шанем и великой Евразийской степью. Восточная граница Туркестана с Монголией не была отчетливо выражена, так как равнины Монголии постепенно переходили в сухие степи Туркестана, которые становились все более и более засушливыми и в итоге превращались в области, непригодные для кочевого скотоводства. Собственно Туркестан делился на западную и восточную части, отделенные друг от друга Памирскими горами. Поселения в Восточном Туркестане были сосредоточены в оазисах, нанизанных, как бусины на ожерелье, по периметру Таримской котловины. Каждый оазис использовал для орошения своих сельскохозяйственных угодий воду какой-нибудь небольшой горной речушки, и производство продовольствия в нем ограничивалось удовлетворением нужд местного населения. Обширная внутренняя часть котловины была почти необитаемой. Западный Туркестан занимал области стока Амударьи и Сырдарьи (называвшихся также Окс и Яксарт), образовывавших область, традиционно известную как Трансоксания. Эти реки были гораздо полноводнее тех, что текли в Восточном Туркестане, и здешний климат был менее суровым. Следовательно, запад был населен более густо, чем восток, и там могли существовать такие крупные города, как Бухара и Самарканд. Огромный по территории, но незначительный по населению, Туркестан традиционно связывал между собой восточную и западную части Азии караванными дорогами, по которым везли предметы роскоши. Это разделение восточной и западной частей Туркестана вдоль линии, проходящей по горам Алтая,

Тянь-Шаня и Памира, было не только физико-географическим, но и культурным. Оно знаменовало собой великую евразийскую культурную границу между теми кочевниками, которые ориентировались на Восток (Китай), и теми, которые ориентировались на Запад (Иран и Европу).

Кочевое скотоводство во Внутренней Азии

Кочевое скотоводство было господствующим образом жизни во Внутренней Азии на протяжении большей части ее известной истории. Хотя сторонние наблюдатели часто уничижительно называли это скотоводство примитивным, в действительности оно было совершенным экономическим инструментом для эксплуатации ресурсов степи. Однако такой образ жизни был столь чужд соседним оседлым цивилизациям, что недопонимание и неверное истолкование его были неизбежны. История кочевников и их взаимоотношения с окружающим миром определялись «врожденными особенностями» кочевого социума: циклами кочевок, потребностями скотоводческого хозяйства, экономической нестабильностью и структурой базовой политической организации.

Термином «кочевое скотоводство» обычно обозначают форму подвижного скотоводства, при которой семьи мигрируют вместе со своим скотом от одного сезонного пастбища к другому в течение годового цикла. Наиболее характерной культурной чертой этого типа экономической адаптации является высокая мобильность кочевых скотоводческих обществ, адаптированных к нуждам стада. Следует сразу же заметить, однако, что не существует взаимно однозначного соответствия между кочевничеством (номадизмом), скотоводством и определенным типом культуры. Существуют скотоводы, не являющиеся кочевниками (например, современные фермеры-животноводы), и кочевники, которые не являются скотоводами (например, охотничьи народы). Есть также общества, в которых мобильные формы скотоводства являются лишь разновидностью экономической специализации, при которой индивидуальные пастухи пасут скот за деньги (как, например, в овцеводческих хозяйствах Западной Европы и Австралии и на фермах по разведению крупного рогатого скота в Северной Америке). Когда разведение скота представляет собой специализированное занятие, прочно укорененное в оседлой культуре, не возникает обособленного скотоводческого общества.

Скотоводство во Внутренней Азии традиционно зависело от эксплуатации обширных, но доступных лишь в определенные сезоны степных и горных пастбищ. Поскольку люди не могут питаться травой, разведение скота, который ее усваивал, было эффективным способом эксплуатации энергии степной экосистемы. Стада состояли из нескольких видов травоядных животных, включая овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов и иногда яков. Не было специализированного разведения определенного вида животных, как, например, у бедуинов-верблюдоводов на Ближнем Востоке и оленеводов в Сибири. Идеал кочевников Внутренней Азии — иметь все виды животных, необходимые для пропитания и транспорта, чтобы семья или племя могли самостоятельно обеспечивать себя продукцией скотоводческого хозяйства. Конкретное распределение животных внутри стад отражало как экологические различия, так и культурные предпочтения, но в целом их состав был сходным вне зависимости от того, занимали кочевники степные или горные пастбища. Вариации в составе стада чаще всего встречались у кочевников, занимавших периферийные зоны, где, например, козы выживали лучше, чем овцы, или засушливость климата более располагала к верблюдоводству, чем коневодству.

Овцы, без сомнения, были самыми важными животными из тех, которых разводили ради пищи, и составляли основу скотоводства во Внутренней Азии. Они обеспечивали молоко и мясо для питания, шерсть и шкуры для одежды и жилища и навоз, который высушивался и использовался в качестве топлива. Овцы быстро размножались и кормились самыми разнообразными видами степных растений. На монгольском плато они составляли от 50 до 60 % поголовья всех стад, хотя их численность уменьшалась в тех частях Монголии, где пастбища были бедны травой, например в безводных пустынях, на больших высотах или на границах с лесными массивами. Процент овец в стаде достигал максимального уровня у кочевников, которые разводили их ради торговли овчиной или поставляли мясо на городские рынки. Например, в одних и тех же экологических условиях в районе Кульджи (долина реки Или, XIX в.) овцы составляли 76 % поголовья у тюркоязычных казахов, вовлеченных в торговлю овчиной, и лишь около 54 % — в стадах монгольскоязычных калмыков, ориентированных в основном на производство продуктов питания²⁴.

Хотя овцы играли более важную роль в экономическом отношении, самое почетное место у

²⁴ Krader. The ecology of central Asian pastoralism. P. 313.

степных кочевников занимала, бесспорно, лошадь. В традиционном скотоводстве Внутренней Азии использование лошади изначально получило очень большое значение. Лошади были жизненно необходимы для обеспечения благополучия кочевых обществ Внутренней Азии, так как они позволяли быстро перемещаться на большие расстояния и осуществлять коммуникацию и взаимодействие между племенами и народами, вынужденными жить вдалеке друг от друга. Степные лошади были низкорослы и выносливы, паслись на открытых пастбищах в течение всей зимы, обычно без фуража. Они обеспечивали дополнительный источник мяса, а сброженное кобылье молоко (*кумыс*) было излюбленным напитком в степи. Роль лошади наиболее ярко проявлялась в военных мероприятиях кочевников: лошади придавали их небольшим отрядам подвижность и боевую силу, которая позволяла сокрушать гораздо более крупных противников. Устные сказания Внутренней Азии воспевают лошадь, а принесение ее в жертву было важным ритуалом в традиционных религиях²⁵. Человек на коне стал символом степных кочевников и как метафорическое обозначение непобедимой мощи проник в культуры соседних оседлых обществ. Однако, хотя некоторые антропологи определяют кочевые культуры как культуры лошади, ее использование никогда не было приоритетным степных племен, несмотря на всю культурную и военную важность этого животного. Хотя об овцах и не было великих сказаний, мелкий рогатый скот всегда был основой степной экономики, а разведение лошадей служило лишь важным дополнением к труду овцеводов²⁶.

Для успешного разведения крупного рогатого скота и лошадей требовались регионы с более влажным климатом. По этой причине их численность была выше в тех частях степи, где имелись реки и хорошие пастбища. Лошадей и коров следовало выпасать отдельно от мелкого рогатого скота, учитывая особенности их питания. Овцы и козы съедали траву почти без остатка, и крупные животные не могли пастись вслед за ними. Нужно было либо отводить специализированные пастбища для крупного скота, либо выпасать его перед овцами и козами (если использовалось одно и то же пастбище). В засушливых областях, где разводить лошадей и крупный рогатый скот было очень трудно, увеличивалось поголовье верблюдов. Верблюды Внутренней Азии в основном двугорбые и относятся к виду, известному под названием «бактриан». В отличие от ближневосточных родственников у верблюдов-бактрианов густой шерстяной покров, который позволяет им переносить холодные зимы. На протяжении более 2000 лет верблюды были основным средством передвижения на сухопутных караванных дорогах, а их шерсть до сих пор является ценным экспортным продуктом, так как идет на изготовление тканей. Яки встречались во Внутренней Азии сравнительно редко, в основном близ границы с Тибетом. Они хорошо чувствовали себя на больших высотах, но их можно было скрестить с коровой и получить помесь (по-тибетски *дзо*, по-монгольски *хайнак*), которая неплохо переносила и низкие высоты, была более послушной и давала молоко лучшего качества.

Кочевой образ жизни основывался на сезонной миграции людей и скота. Жилище и предметы домашнего обихода должны были быть разборными и транспортабельными. В этом отношении нет ничего более удивительного, чем юрта, которой пользовались на территории всей евразийской степи. Ее основу составляет набор складных деревянных решеток, которые устанавливаются по кругу, обрамляя дверную коробку. Изогнутые или прямые деревянные планки укрепляются по верху деревянной решетки и присоединяются к круглому деревянному венцу таким образом, что образуют полукруглый или конический купол (в зависимости от угла, под которым крепятся). Полученная конструкция весит совсем немного, но исключительно крепка и обладает большой устойчивостью. Зимой юрту покрывают толстыми кусками шерстяного войлока, который обеспечивает ей герметичность и тепло даже в лютые морозы. Летом верхний слой войлока убирают и заменяют его тростниковыми циновками, которые не препятствуют циркуляции воздуха. В древности²⁷ юрты устанавливались на больших повозках и передвигались вместе с ними как единое целое, но к средневековью такой способ почти перестал применяться. Использование для перевозки грузов колесных повозок, запряженных быками или лошадьми, всегда было характерной чертой кочевничества во Внутренней Азии, тогда как на Ближнем Востоке кочевники не использовали колесных видов транспорта²⁸.

В большинстве скотоводческих обществ пастбища находились в общем пользовании крупных родственных групп, а скот находился в частной собственности. Сезонные миграции

²⁵ Имеются в виду домонотеистические верования кочевников. — *Примеч. науч. ред.*

²⁶ См. о культурных зонах: Bacon. Types of pastoral nomadism in Central and Southwest Asia. Эберхардт (Eberhardt) в *Conquerors and Rulers* предлагает образец типологии, основанный на небольшом количестве примеров, слабо подтвержденных этнографическим материалом.

²⁷ Т. е. в период, именуемый в отечественной литературе «эпохой ранних кочевников». — *Примеч. науч. ред.*

²⁸ Более подробно см.: Andrews. The white house of Khurasan: The felt tents of the Iranian Yomut and Goklen; Bulliet. The Camel and the Wheel.

носили не беспорядочный характер, а осуществлялись в пределах определенных пастбищных угодий, к которым та или иная группа имела доступ. Там, где пастбища были обильными, кочевники предпочитали иметь лишь несколько постоянных стоянок, на которые они ежегодно возвращались. Если же доступны были только скудные пастбища, миграционный цикл характеризовался более частыми перекочевками и большим разнообразием мест расположения стоянок. При отсутствии внешней власти пастбищная территория кочевника зависела также от могущества его родственной группы. Сильнейшие племена и кланы предъявляли права на лучшие пастбища в лучшее время года, а более слабые группы могли воспользоваться этими пастбищами лишь после того, как сильные уходили дальше. Для кочевников время и место были тесно связанными понятиями, что выражалось в праве пользования пастбищами в определенное время года, а также в установлении права собственности на постоянные природные ресурсы вроде источников воды; специальная собственность на землю как таковая обладала незначительной внутренней ценностью²⁹.

Цикл миграций скотоводов Внутренней Азии складывался из четырех сезонных компонентов, каждому из которых были присущи свои особые характеристики. Континентальный климат региона характеризуется резкими перепадами температуры, самым суровым временем года является зима. Расположение зимних стоянок было решающим моментом для выживания кочевников, так как эти стоянки должны были обеспечить убежище от ветра и предоставить подходящее пастбище. Однажды выбранные зимние стоянки обычно не менялись в течение сезона. Излюбленными местами стоянок были низкие горные долины, поймы рек и впадины в степи. Герметичность и гладкая округлая форма юрты обеспечивали необходимую защиту от сильного ветра даже при самых низких температурах. В связи с тем что заготовка сена впрок почти или вообще не практиковалась, плодородие зимнего пастбища накладывало ограничения на общее поголовье выпасаемого скота. Предпочтение по возможности отдавали открытым пастбищам³⁰, где не было снега, но если почва имела снежный покров, сначала выпускали лошадей, чтобы они смогли разбить копытами ледяную корку и сделать доступной находящуюся под ней траву. Этот участок затем мог быть использован для выпаса других животных, которые не умели добывать корм из-под снега. Зимние пастбища обеспечивали лишь самый необходимый минимум пропитания, причем на открытых пространствах скот значительно терял в весе.

После таяния снегов и выпадения весенних дождей наступала пора цветения новых пастбищ. Хотя в остальные времена года степь была бурой и безводной, весной ее обширные пространства превращались в мягкий зеленый ковер, вышитый алыми маками. Кочевники широко расселивались по степи, чтобы воспользоваться преимуществами обильных пастбищ. Они продвигались к озерцам талой воды, образовавшимся в низинах, чтобы напоить крупный рогатый скот и коней. Овец на этих пастбищах поить было не нужно, так как они получали всю необходимую влагу из трав и росы. Скот, ослабевший от зимних стуж и голода, начинал прибавлять в весе и набирать жизненную силу. Весной происходило ягнение овец и появлялось свежее молоко. Со взрослых животных стригли шерсть. Но даже летом, которое было одним из лучших времен года, всегда сохранялась опасность стихийного бедствия — когда на степь внезапно обрушивались снежные бури и она оказывалась скованной льдом. В такой ситуации большая часть скота, в особенности молодняк, могла погибнуть. Такие события случались редко, однако они травмировали скотоводческую экономику на многие годы.

Когда трава высыхала и озерца испарялись, начиналась перекочевка на летние пастбища. Кочевники, живущие в равнинных степях, должны были перемещаться на север, в области более высоких широт, а живущие в предгорьях отправлялись еще выше в горы, где их ожидала «вторая весна». На летних стоянках скот быстро прибавлял в весе. Кобыл доили, чтобы получить *кумыс*, легкий хмельной напиток, любимый кочевниками Внутренней Азии (более крепкие алкогольные напитки они получали, торгуя с оседлыми обществами). Молоко других животных, в основном овец, перерабатывали в творог, а потом высушивали до состояния крепких, как камень, шариков, которые заготавливали на зиму. Шерсть овец, коз и верблюдов промывали и скручивали в нити, из которых делали веревки; из окрашенной шерсти ткали коврики, переметные сумки или узелковые ковры. Большая часть овечьей шерсти шла на изготовление войлока, для чего ее сначала били, поливали кипящей водой, а потом раскатывали до тех пор, пока волокна не сплетались так плотно, что образовывали ткань. Войлок иногда украшали полосками окрашенной шерсти, накладываемой на его поверхность перед катанием. Тяжелые войлочные полосы, изготовленные из грубой шерсти, использовались для покрытия юрт, а более тонкая агнячья шерсть шла на изготовление накидок, зимней обуви и чепраков.

Летний лагерь оставляли с первыми признаками холодной погоды и возвращались на

²⁹ Barth. The land use patterns of migratory tribes of South Persia.

³⁰ Т. е. не защищенным от ветра. — Примеч. науч. ред.

зимние стоянки. Осень — время случки овец, чтобы окот пришелся на весну, так как ягнята, родившиеся вне сезона, очень часто погибали. Те кочевники, которые заготавливали сено, косили его именно осенью, однако гораздо более распространен был выпас скота вдали от зимних стоянок, чтобы сохранить близлежащие пастбища «на черный день». В тех областях, где кочевники не могли поставлять свой скот на рынки оседлых государств, они резали его и коптили мясо на зиму (особенно если зимние пастбища были ограничены). Кочевники старались содержать столько скота, сколько возможно, так как в случае стихийного бедствия, когда половина стада погибала вследствие мороза, засухи или мора, владелец 100 голов мог гораздо быстрее восстановить прежнюю численность своего стада, чем владелец 50. Традиционно именно осенью кочевники предпочитали делать набеги на Китай и другие оседлые регионы, потому что лошади были сильны, работы скотоводческого цикла в целом закончены, а земледельцы к этому времени завершали сбор нового урожая. Эти набеги доставляли кочевникам зерно, помогавшее им выжить в зимнее время.

Ежегодные перекочевки требовали мобильности, но происходили в определенных границах. Способность к быстрому перемещению людей и скота имела большое политическое значение. Когда кочевникам угрожала атака армий оседлых государств, они обращались в бегство, и нападавшие обнаруживали только пустую равнину и клубы пыли на горизонте. Когда нападавшие уходили, кочевники возвращались назад. В крайних случаях номады использовали полностью покидали какую-либо местность, чтобы не подчиниться другому кочевому племени. Целые народы переселялись на сотни и даже тысячи миль, прокладывая новые маршруты сезонных перекочевков. Массовые движения, разумеется, вынуждали другие племена сниматься со своих мест, приводя к вторжениям кочевников из окраин степи в оседлые области. Широкомасштабные миграции, однако, всегда были результатом политического решения, когда то или иное племя предпочитало искать себе новый район обитания, а не сражаться за старый. Причиной их были не голодные овцы, ищущие новые пастбища.

Племенная организация

Все известные историкам племена скотоводов Внутренней Азии имели сходные принципы внутренней организации, далекие от принципов организации оседлых обществ. Далее мы кратко рассмотрим основные черты социальной структуры кочевников, которые позволят лучше понять особенности их повседневной жизни.

Основной социальной ячейкой в степи была семья (домохозяйство), размер которой обычно определялся по количеству юрт. Родственники по мужской линии сообща владели пастбищем и, когда это было возможно, совместно кочевали. Описание калмыцкой семьи, принадлежащее перу Аберле, наглядно иллюстрирует характерный для всей Внутренней Азии образец подобного рода отношений:

Большая семья может состоять из нескольких поколений родственников-мужчин, более или менее тесно связанных происхождением от общего предка, живущих вместе со своими женами и несовершеннолетними детьми; такая семья возглавляется старшим мужчиной из старшей семьи. После свадьбы сын может потребовать свою долю скота и откочевать, но в идеале он должен оставаться с отцом и братьями. Откочевка есть признак неурядиц внутри рода. Существует тенденция сохранять стада больших семей в совместном владении как можно дольше³¹.

Кочевые группы, состоявшие из больших семей, были хорошо приспособлены к труду скотоводов. Один человек без посторонней помощи не мог выпасать отдельно стада лошадей, верблюдов, крупного и мелкого рогатого скота. Так как пастбищами пользовались сообща и один пастух мог выпасать сотни животных, личный скот объединялся в одно большое стадо. Кроме того, большие семьи облегчали выполнение коллективных женских работ, например переработку молока или изготовление войлока. Хозяином скота всегда оставался мужчина — если он был не согласен с тем, как с этим скотом обращаются, он всегда имел право забрать его и отправиться в другое место. Большие группы родственников обеспечивали своим членам защиту от воровства, а также поддерживали их в конфликтах с другими группами.

Состав кочевых групп отражал стадии развития домашнего хозяйства. Независимая семья образовывалась после заключения брака, когда мужчина обычно получал свою долю скота, а женщина — собственное жилище, однако молодоженам не хватало скота и рабочей силы для того, чтобы быть полностью автономными. После помолвки молодые мужчины иногда выполняли

³¹ Aberle. The Kinship System of the Kalmuk Mongols. P. 9.

отработку за невесту и жили вместе со своими свойственниками, но обычно новая семейная пара жила в кочевье отца мужа вплоть до свадьбы. Когда рождались дети и увеличивалось семейное стадо, семья становилась все более самостоятельной, но когда дети достигали брачного возраста, значительная часть семейного скота уходила на приданое невесты и выделение наследства. Каждый сын получал свою долю скота, размер которой зависел от общего количества сыновей, и одна доля оставалась родителям. Родительское хозяйство и скот обычно наследовались самым младшим сыном: это была форма социальной защиты родителей. Семейство взрослых супругов, таким образом, становилось все более влиятельным, поскольку его глава мог положиться на поддержку и рабочие руки своих взрослых сыновей и их семей. Развитие цикла домашних хозяйств обычно ограничивалось кругом братьев и их сыновей, смерть братьев приводила к распаду группы³².

Большая семья была культурным идеалом и имела много экономических преимуществ, но ее было нелегко сохранить, потому что большие группы были внутренне нестабильны. Так как отдельные лица владели своим собственным скотом и, если их что-то не устраивало, могли отделиться, сотрудничество носило добровольный характер. Группа братьев обычно сохраняла единство, необходимое для коллективного ведения хозяйства, однако их сыновья (двоюродные братья) редко поступали таким же образом. Было также трудно поддерживать большие семьи в прежнем виде, если количество скота, которым они владели, начинало превышать потенциальную емкость местных пастбищ. Адаптационные способности кочевого скотоводства основывались на возможности свободного передвижения, и попытка поддерживать существование в одной местности слишком большого количества людей и скота снижала его жизнеспособность. Когда местных пастбищ не хватало, некоторые семьи могли мигрировать в другие регионы, сохраняя политические и социальные связи друг с другом, но уже не кочуя совместно.

Женщины у кочевников обладали большим влиянием и независимостью, чем в соседних оседлых обществах. В среде политической элиты обычным делом была полигамия, но каждая жена имела свою собственную юрту. Невозможно было практиковать затворничество женщин, столь обычное во многих оседлых азиатских обществах. Повседневная жизнь требовала, чтобы женщина принимала более активное участие в хозяйственной деятельности. Хотя мы не можем судить о той роли, которую играли женщины на протяжении всей истории Внутренней Азии, большинство путешественников оставляли свидетельства, близкие тем, которые сделал Плано Карпини, папский посол к монголам, в XIII в.:

Мужчины ничего не делают, кроме своих стрел, да еще немного присматривают за стадами; но они охотятся и упражняются в стрельбе из лука... И как мужчины, так и женщины могут долгое время ездить верхом... Все работы лежат на плечах женщин; они шьют меховые шубы, одежду, башмаки, сапоги и все изделия из кожи. Они также правят повозками и чинят их, навьючивают верблюдов и очень проворны и искусны во всех своих делах. Все женщины носят штаны, и некоторые из них стреляют из лука так же метко, как и мужчины³³.

Несмотря на то что формальная социальная структура была строго патрилинейной, женщины также принимали участие в племенной политике. Межклановые брачные союзы предоставляли женщине важную структурную роль — связующего звена между племенами. Таким образом девушки, покидая свою родную семью, связывали ее с другими группами. Например, племя хунгиратов (из которого происходила жена Чингис-хана) постоянно подчеркивало, что его политическая власть коренится в силе брачных союзов, а не в военном могуществе: «Наши дочери и внуки, выйдя замуж и став царевнами, оберегают нас от врагов и с помощью просьб добиваются от своих мужей благосклонности к нам»³⁴. Даже после смерти мужа женщина сохраняла значительное влияние на своих сыновей и, если они были еще слишком молоды, нередко выступала в качестве главы семейства. Начиная с эпохи сюнну (II в. до н. э.) китайские источники регулярно сообщают о знатных женщинах, активно участвовавших в спорах о престолонаследии. Примеры подобного рода можно найти в ранней истории Монгольской империи, когда избрание старшей жены «великого хана» на пост регентши в период междоусобицы было обычным делом.

Семья и кочевая группа были наиболее важными единицами социальной структуры кочевников Внутренней Азии, но для того, чтобы вступать в контакты с внешним миром, они должны были объединяться в более крупные формирования. Племенная политическая и социальная организация базировалась на модели компактных родственных групп, или конического клана.

³² Более детальный анализ цикла развития хозяйства в скотоводческом обществе (на примере фульбе) см.: Stenning. Savannah Nomads.

³³ Spuler. History of the Mongols. P. 80–81.

³⁴ Mostaert. Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols. P. 10 (цит. по: Cleaves. The Secret History of the Mongols. P. 16. Note 48).

Конический клан представлял собой обширную патрилинейную организацию родственников, в рамках которой лица, принадлежавшие к группе общего происхождения, были иерархически ранжированы и сегментированы по генеалогическим линиям. Старшие поколения были выше рангом, чем молодые, точно так же, как старшие братья почитались выше младших. Эта схема сохранялась и на среднем уровне организации: роды и кланы были иерархически ранжированы на основе старшинства. Во многих группах политическое лидерство было ограничено членами старших кланов, однако все члены данного племени, от самых низших до самых высших, декларировали свое происхождение от общего предка. Эта генеалогическая хартия была очень важной, так как обосновывала права на пастбища, устанавливала социальные и политические обязательства между группами родственников и придавала легитимность местной политической власти. Когда кочевники утрачивали независимость и попадали под власть правительств оседлых государств, политическая значимость этой обширной генеалогической системы исчезала и родственные связи сохраняли свою роль лишь на местном уровне³⁵.

Описанная идеальная модель, однако, на высших уровнях организации была условной и нередко выполняла лишь «маскировочные» функции. Структура конического клана базировалась на ряде принципов, которые подвергались значительным изменениям и манипуляциям. В идеале лидерство определялось старшинством и особое значение имела солидарность патрилинейного рода против чужаков, но в мире реальной степной политики эти правила часто игнорировались или искажались в погоне за властью. Племенные вожди выбирали себе сподвижников, которые отрекались от собственных родовых связей, присягая на исключительную верность своему патрону. Представители молодого поколения захватывали власть, физически уничтожая представителей старого: эта практика была обычной во многих степных династиях. Точно так же элементарные принципы патрилинейности, в соответствии с которыми соплеменники декларировали свое происхождение от общего предка, часто видоизменялись с целью присоединения к племени неродственных групп. Например, некоторые группы обосновывали свое вхождение в состав того или иного племени тем, что их основатель был усыновлен представителями этого племени, или ссылались на существовавшие с ним матрилинейные связи или даже исторические клиентские отношения с данным племенем. Патрилинейные родственные группы также были связаны брачными узами, помещавшими их в систему долговременных отношений с другими кланами и племенами, в союзе с которыми они подчас выступали даже против своих прямых родственников. По этим причинам вопрос о том, действительно ли племена и племенные конфедерации основывались на генеалогическом принципе, породил особенно острые споры среди историков³⁶.

Эта проблема отчасти объясняется тем, что долгое время не удавалось провести различие между племенем, т. е. крупнейшим объединением, основанным на генеалогической модели, и племенной конфедерацией, т. е. объединением множества племен в целях создания надплеменной политической общности. В связи с тем что племенные системы Внутренней Азии на низших уровнях своей организации использовали родственные группы кочевников как элементарные строительные блоки, из которых складывались более крупные объединения, было принято считать, что и на высших уровнях их организации происходило примерно то же самое, только охватывался более широкий круг людей. Однако так редко бывало на самом деле. «Действительные» родственные отношения (основывавшиеся на принципах общего происхождения и породнения посредством браков и усыновлений) эмпирически наблюдались лишь в рамках небольших племенных подразделений: малых семей, больших семей и местных родов. На более высоких уровнях организации кланы и племена поддерживали между собой отношения скорее политического характера, в которых генеалогия играла незначительную роль. В могущественных кочевых империях интеграция племенных групп обычно была продуктом реорганизации, проводимой сверху, а не результатом объединения снизу.

Конечно, бывает и так, что политическая структура, базирующаяся на родственных связях, существует лишь в воображении людей, в нее входящих. Например, в африканском племени нуэр нет постоянных лидеров. Объединения организуются на основе сегментарной оппозиции, в которой индивид поддерживает группу своих близких родственников против группы более дальних. Оппозиция группы братьев к двоюродным братьям в семейных спорах может обернуться союзом с ними в борьбе против чужаков. Столкнувшись с нападением другого племени, враждующие роды и кланы могут объединиться для отпора захватчикам, но возобновить свои внутренние споры после того, как враг будет изгнан. Сегментарная оппозиция особенно хорошо

³⁵ Krader. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads; Lindholm. Kinship structure and political authority: The Middle East and Central Asia.

³⁶ Tapper. Your tribe or mine? Anthropologists, historians and tribespeople on tribe and state formation in the Middle East // Tribe and State in the Middle East / Joseph Kostiner and Phillip Khoury (eds.).

подходила скотоводам, поскольку она направляла экспансию против чужаков на пользу всего племени. Однако среди кочевников Внутренней Азии сегментарная структура была больше чем воображаемой конструкцией: она укреплялась постоянными вождями, которые обеспечивали руководство и внутренний порядок в родах, кланах и племенах. Эта иерархия власти далеко превосходила потребности простого скотоводческого хозяйства. Она была централизованной политической структурой, которая, хотя все еще базировалась на идее родства, была гораздо сложнее и могущественнее институтов власти кочевников в других регионах³⁷.

Короче говоря, родственные связи играли наиболее важную роль на уровне семьи, рода и клана. Организационные единицы на племенном или надплеменном уровне носили скорее политический характер. Племенные конфедерации, созданные посредством союзов или завоеваний, всегда включали в свой состав неродственные друг другу племена. Идея родства, однако, оставалась общепринятой для обозначения легитимности власти правящей элиты кочевой империи, поскольку у племен центральной степи существовала длительная культурная традиция избирать правителей из одного династического рода. Отклонения от этого идеала были замаскированы манипуляциями с генеалогиями, их искажением или даже изобретением новых генеалогий, которые оправдывали бы изменения в *status quo*. Влиятельные лица задним числом приписывали своим предкам славные биографии, а «структурная амнезия» предавала забвению почтенные в генеалогическом, но слабые в политическом отношении родственные группы. Эта традиция приводила к появлению династий беспрецедентной продолжительности. Прямые потомки сюннуского шаньюя Маодуня с большим или меньшим успехом правили степью на протяжении 600 лет, прямые потомки Чингис-хана — на протяжении 700 лет, а турецкая династия (происходящая из Внутренней Азии) непрерывно управляла Османской империей в течение более 600 лет. Однако эта иерархическая традиция поддерживалась не всеми кочевниками Внутренней Азии; кочевники Маньчжурии традиционно отвергали идею наследственной власти и выбирали своих правителей исходя из их талантов и способностей. Даже в центральной степи племена-завоеватели могли начинать с чистого листа, если они приходили к власти после того, как изгоняли своих соперников или вытесняли их на окраинные земли.

Возвышение степных скотоводов

Мы склонны считать, что верховая езда на лошади очень естественна и поэтому должна быть очень древним феноменом; однако в действительности она возникла только в эпоху письменной истории. Судя по археологическим данным, лошадь была одомашнена в южнорусских степях около 3200 г. до н. э., но лишь около 1700 г. до н. э. в Западной Азии появилась конная упряжка — колесница — с полным набором упряжи и спицевыми колесами. Колесница совершила переворот в военном деле. Хеттская и Ассирийская империи, образовавшиеся на южных окраинах степи, в бою полагались на колесницы, опрокидывавшие пеших воинов врага. Эта техника ведения боя быстро распространилась даже в те регионы, куда лошадей нужно было импортировать. Хотя пути ее передачи еще не до конца изучены, известно, что к 1200 г. до н. э. она была усвоена в Китае и стала составной частью военной организации³⁸. Во всех этих обществах колесницы были не только орудием войны, но и главным символом могущества правящей аристократии. Как это ни странно, использование колесницы, вероятно, предшествовало возникновению верховой езды на лошади, так как нет свидетельств существования всаднического снаряжения (вроде седел или удил) в раннюю эпоху, а на сохранившихся древних изображениях, где можно увидеть множество колесниц, всадники показаны сидящими на крупах лошадей, как будто они скачут на ослах³⁹.

Культуры с использованием верховой езды на лошади возникли в западной части степи между 900 и 800 гг. до н. э. и начали вытеснять полукошачьи земледельческие культуры на берегах рек. Первыми исторически известными кочевниками были киммерийцы и скифы, атаковавшие государства Ближнего Востока в конце VIII в. до н. э. Скифы первоначально были союзниками ассирийцев, заключив с ними брачный союз в 674 г. до н. э., но позднее участвовали в уничтожении Ассирийской державы и совершали грабительские набеги по территории всего Ближнего Востока. Мидийцы окончательно вытеснили их в понтийские степи около 600 г. до н. э. В 514 г. до н. э. скифы нанесли поражение персидскому экспедиционному корпусу, возглавляемому Дарием Великим.

Геродот посетил скифов в середине V в. до н. э. и оставил классическое описание их

³⁷ *Sahlins*. The segmentary lineage: an organization for predatory expansion.

³⁸ *Chang*. Archaeology of Ancient China. P. 279–280; *Shaughnessy*. Historical perspectives on the introduction of the chariot in China.

³⁹ *Downs*. The domestication of the horse.

культуры, подтверждаемое археологическими раскопками захоронений. Скифы пили много привозного вина, курили коноплю, поклонялись целому сонму божеств и воздвигали сложной конструкции гробницы, наполненные богатыми дарами и жертвоприношениями (подчас человеческими) в честь умерших. Знаменитый «звериный стиль» со скачущими оленями и борьбой зверей, воплощенный в золотых изделиях, резьбе по дереву и ярких аппликациях на войлоке, выражал собой дух культуры скифов, столь непохожей на культуру их оседлых соседей⁴⁰. Более всего ужасали военные обычаи скифов:

В том, что касается войны, их обычаи следующие. Когда скифский воин убивает первого врага, он пьет его кровь. Каково бы ни было число убитых, он всем им отрезает головы и относит царю; ибо таким образом он получает право на свою часть добычи, на которую лишается всяких прав, если не принесет голов... С черепами своих врагов, но не всех, а лишь самых ненавистных, они поступают следующим образом. Опилывают череп до бровей и вычищают, а потом обтягивают снаружи кожей. Бедняки заканчивают на этом; богатые же люди затем еще покрывают внутреннюю часть черепа позолотой; в обоих случаях череп используется как чаша для питья⁴¹.

Схожие с вышеописанными военные обычаи были позднее отмечены китайскими источниками, а материальная культура, описанная Геродотом, нашла свое подтверждение в находках из ледяных могил на юге Сибири⁴². Единообразие материальной культуры и ряда обычаев было результатом стремительного распространения культуры верховой езды на лошади по всей территории Евразийской степи. Лэттимор утверждал, что оно было связано не с миграциями народов — носителей новой культуры, а с восприятием новой технологии и образа жизни населением степной периферии. Земледельцы окраин Китая, лесные охотники Сибири и ранние аборигены степи могли отныне более полно использовать пастбища Внутренней Азии и осваивать кочевой образ жизни⁴³. То, что такие глубокие изменения могут протекать достаточно быстро, получило историческое подтверждение позднее, когда испанцы интродуцировали лошадь на равнинах Северной Америки. Культура индейцев равнин, основанная на верховой езде и охоте на бизонов, сложилась примерно в течение столетия после появления лошади у широкого круга местных племен, которые, несмотря на свое разнородное происхождение, усвоили одинаковые культурные навыки⁴⁴. Чужеземцам этот образ жизни стал казаться столь естественным, что превратился в массовом сознании в стереотип всей культуры североамериканских индейцев, хотя на самом деле возник в результате контактов с колонистами.

Конные кочевники-скотоводы появились на китайской границе вскоре после начала IV в. до н. э. Более ранние китайские источники по истории пограничных районов, собранные в сочинении «Цзо Чжуань», упоминают лишь слабо организованные племена жунов и ди, которые сражались небольшими пешими отрядами⁴⁵. «Ши-цзи» сообщает, что пограничные народы этого времени были воинственными, но плохо организованными. «Все они были рассеяны по своим долинам, и у каждого были собственные вожди. Время от времени они собирались числом до ста и более человек, но ни одно племя не было способно объединить другие под своей властью»⁴⁶.

Классическое произведение Сунь-цзы «Трактат о военном искусстве», датируемое серединой IV в. до н. э., уделяет значительное внимание использованию боевых колесниц, но ни разу не упоминает о коннице⁴⁷. Первым признаком грядущих больших перемен стали упоминания о ху — племенах конных кочевников, которые вошли в соприкосновение с китайскими государствами вдоль северной границы. Жуны и ди, «старые варвары», быстро исчезают из китайских источников, и их место занимают эти «новые варвары» верхом на лошадях, — вероятно, те же самые племена, но уже с совершенно иной культурой. Китайские государства вдоль северной границы были вынуждены ввести в своих армиях конницу. «...Чжаоский царь У-лин (325–299 гг. до н. э.) изменил обычаи своего народа, приказав ему перенять варварское платье и привычку ездить верхом и стрелять из лука, и

⁴⁰ Ср.: Jettmar. The Art of the Steppes. Holder.

⁴¹ Herodotus. The History. Book I V. Ch. 64–65.

⁴² Rudenko. Frozen Tombs of Siberia.

⁴³ Lattimore. Inner Asian Frontiers. P. 58–66.

⁴⁴ Holder. The Hoe and the Horse on the Plains.

⁴⁵ Прушек (Prušek) пытался доказать, что верховая езда появилась в китайском пограничье гораздо раньше, но, несмотря на обнаруженные им свидетельства существования в этом регионе лошади, он так и не смог представить убедительные примеры использования конницы у жунов и ди (*Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400–300 BC*).

⁴⁶ Ши-цзи (ШЦ). 110 : 5; Watson. Records of the Grand Historian of China. Vol. 2. P. 158.

⁴⁷ Sun Tzu: The Art of War / Griffith (trans.).

повел его на север, успешно атаковав лесных варваров и лоуфаней»⁴⁸.

Нововведения в методах ведения войны ускорили процесс консолидации Китая в единое государство. Аристократы-колесничие прежнего времени с их джентльментским кодексом поведения отступили перед государствами, использующими большие армии пехотинцев и конников⁴⁹. Степь и Китай вступали в новый период своей истории.

⁴⁸ *Шу-цзу* (ШЦ). 110 : 6; *Watson*. Records of the Grand Historian of China. Vol. 2. P. 159.

⁴⁹ *Hsu*. Ancient China in Transition. P. 68–71; *Kierman*. Phases and modes of combat in early China // Chinese Ways in Warfare / Frank Kierman and John Fairbank (eds.). P. 27–66.

2. ЭПОХА ОБЪЕДИНЕНИЯ СТЕПНЫХ ПЛЕМЕН: ИМПЕРИЯ СЮННУ

Конные кочевники северных степей впервые упоминаются в китайских исторических сочинениях в IV в. до н. э. под общим названием ху. После создания недолговечной империи Цинь в 221 г. до н. э. племена ху все более заметно фигурируют в китайских источниках, отражая новый и более осознанный интерес их авторов к северной границе. В это время вдоль китайской границы обитали три крупные группы номадов: юэцжи на западе, сюнну в области Ордоса и дунху на востоке.

После того как Цинь Ши-хуан-ди, первый император Цинь, сокрушил прежние, враждовавшие между собой царства Китая и создал единую империю, он повернул свои армии на север. Используя труд рабов, циньское правительство соединило оборонительные стены, построенные прежними государствами, в огромное сооружение, ставшее известным под именем Великой стены, которое должно было отделить Китай от степи. Этот строительный проект, несмотря на свои внушительные размеры, не был вызван непосредственной угрозой вторжения кочевников, так как кочевники в тот период предпочитали держаться подальше от могущественных китайских армий. Напротив, он представлял собой кульминационную точку в развитии древней традиции, согласно которой каждое государство окружало себя стенами как на севере, где проходила граница с кочевниками, так и внутри Китая, чтобы обозначить границы с другими китайскими государствами. Циньское завоевание сделало внутренние стены излишними, и они были заброшены. Стены вдоль северной границы, однако, были усилены и связаны воедино, чтобы обозначить границу империи. В этом смысле они были столь же политическими, сколь и военными сооружениями. В глазах всех покорившихся Китаю правителей Великая стена обозначала собой рубеж китайской цивилизации и начало территории варваров. Ее задачами были как отделение пограничного китайского населения от любых потенциальных союзников в степи, так и отделение кочевников от Китая. Лишь после падения династии Цинь и завершения своего строительства стена стала ассоциироваться с угрозой вторжения кочевников. В ретроспективе агрессивная циньская политика на границе, частью которой была стена, была истолкована как чисто оборонительная¹.

Экспансия циньской власти в глубь степи непосредственно сказалась на сюнну, которые в полной мере испытали тяжесть новых атак китайцев. Цинь Ши-хуан-ди изгнал их из коренных земель на Ордосе, чтобы провести более удобную с точки зрения обороны границу. Сюнну отступили на север, где пребывали в изгнании в течение 10 лет, пока неожиданное падение циньской династии не привело к началу гражданской войны и пограничные укрепления не были оставлены. Воспользовавшись беспорядками в Китае, сюнну вновь заняли Ордос.

Накануне падения Циньской династии сюнну были самой слабой кочевой конфедерацией в степи. Они уступили свою коренную территорию Китаю, отправили заложника к юэцжам (явный признак подчинения) и вызвали презрение со стороны своих восточных соседей — дунху. Неожиданное возвышение империи сюнну под главенством Маодуня, создавшего державу, которая господствовала в степи на протяжении многих столетий, требует, соответственно, некоторого разъяснения².

Маодунь был сыном Тоуманя (шаньюя, или надплеменного лидера сюнну), который вывел сюнну из изгнания и возвратил их в Ордос. Хотя Маодунь считался официальным наследником, Тоумань, имевший сына от второй жены, намеревался устранить Маодуня из числа претендентов на престол. Он отправил его в качестве заложника к юэцжам, а после этого атаковал их, ожидая, что Маодунь будет убит в отместку за вероломство. Но Маодунь похитил «прекрасную лошадь», бежал от юэцжей и вернулся в кочевья сюнну как герой. Смелость Маодуня была высоко оценена, и отец был вынужден назначить его темником конницы (высокая сюннская должность).

Маодунь вскоре собрал вокруг себя группу преданных сподвижников, которые были готовы беспрекословно выполнить любой его приказ. Метод Маодуня включал в себя жестокие испытания. Окружавшие его воины должны были стрелять туда же, куда он пускал свою свистящую стрелу. Однажды после охоты Маодунь выстрелил в одну из своих любимых лошадей. Те, кто отказался стрелять в нее, были приговорены к смерти. Потом он выстрелил в одну из

¹ Lattimore. *Studies in Frontier History*. P. 97–118.

² История сюнну в период династии Ранняя Хань изложена в *Ши-цзи* Сыма Цяня (ШЦ), гл. 110 и *Хань-шу* Бань Гу (ХШ), разд. 94 А и В. Другие материалы, касающиеся кочевников этого периода, содержатся в главах, посвященных Западному краю: ШЦ 123 и ХШ 96 А и В. Некоторые части данной главы впервые были опубликованы в работе: *Barfeld Th. Hsiung-nu Imperial Confederacy // Journal of Asian Studies*. Vol. 41. P. 45–61.

своих жен; и снова те, кто отказался стрелять, были казнены. Наконец он выстрелил в одну из дорогих лошадей своего отца и увидел, что его товарищи подчинились приказу беспрекословно. Удовлетворенный такой преданностью своих людей, Маодунь в следующий раз выпустил свистящую стрелу в Тоуманя, и отец погиб в граде стрел. Маодунь провозгласил себя шаньюем и последовательно казнил своего младшего единокровного брата, свою мачеху и тех сюннуских сановников, которые отказали ему в поддержке³.

Когда Маодунь в 209 г. до н. э. захватил власть, его великодержавные амбиции сдерживались осознанием того, что сюнну не были достаточно сильны, чтобы победить кого-либо из своих кочевых соседей в открытом военном столкновении. Завоевание Маодунем степи, следовательно, опиралось не только на военную силу, но и на дальновидную стратегию. Даже явные слабости сюнну он превращал в преимущества.

Сведения о насильственном захвате власти Маодунем быстро достигли дунху. Надеясь извлечь выгоду из этого переворота, они отправили к сюнну посла, который потребовал одну из лучших лошадей Тоуманя, предмет гордости сюнну. Такое требование было оскорблением для сюнну и являлось своеобразной проверкой их «на прочность». Маодунь встал перед выбором: пойти на уступки и признать подчиненный статус сюнну или отказаться и решиться на открытое военное столкновение, в котором сюнну вполне могли потерпеть поражение. Несмотря на возражения своих приближенных, Маодунь уступил требованиям дунху. Дунху сочли это признаком слабости, вызванной страхом, и снова отправили посла к Маодуню, требуя одну из его жен. И вновь, несмотря на возражения своих приближенных, Маодунь согласился. Дунху начали презрительно смотреть на сюнну и осуществлять набеги на их земли. Они также отправили третьего посла, который предъявил права на заброшенные земли, отделявшие территорию дунху от сюнну. И хотя многие сочли это требование пустяковым, Маодунь на этот раз отказал дунху, заявив: «Земля — основа государства», и казнил тех министров, которые склонялись к тому, чтобы отдать землю⁴. Маодунь немедленно предпринял нападение на дунху, которые, будучи слишком самонадеянными, не выставили дозоров и не наладили необходимой обороны. Они были застигнуты врасплох и потерпели жестокое поражение. Все люди из народа дунху и принадлежавший им домашний скот оказались в руках Маодуня. Правитель дунху, который оскорбил сюнну, был убит, и из его черепа сделали чашу для пиршеств.

По крайней мере для части сюннуских сановников прямолинейные требования отдать лошадь и женщину казались более серьезными, чем вопрос о владении какой-то пустыней, от которой не было никакого проку; лишь гораздо позднее война Маодуня против дунху была интерпретирована в том смысле, что даже кочевые народы придавали большое значение владению землей, так как именно требование территории положило начало конфликту. Это объяснение, однако, неполно, так как здесь упускается из виду политический контекст этого требования, и таким образом смешивается предыстория войны с ее непосредственным предлогом.

Требования дунху были проверкой силы сюнну, а ответ Маодуня являлся частью крупномасштабного замысла — превращения слабых в военном отношении сюнну в силу, способную одержать победу над мобильным противником. Маодунь использовал классическую степную тактику ложного отступления. Атакующего убеждали в том, что он преследует разгромленного врага, а на самом деле заманивали в засаду. Маодунь притворялся, что идет на уступки все возрастающим требованиям дунху. Разногласия при дворе сюнну по поводу этих уступок способствовали созданию образа нового правителя, который держится оборонительной тактики и не способен управлять страной. Последнее требование дунху насчет сюннуской земли продемонстрировало их самонадеянность и послужило причиной войны, которую уже давно планировал Маодунь, так как это был единственный путь ослабить бдительность противника и застать его врасплох. Чтобы стать успешной, атака должна была быть молниеносной и неожиданной. Кочевников не так-то легко разгромить, если у них есть возможность отступить в безопасное место. Но Маодунь смог ударить без промедления, потому что его подданные были всегда готовы к боевым действиям и чрезвычайно мобильны. Сюнну собрали войско в течение нескольких дней после приказа Маодуня.

Поглотив дунху, Маодунь обратил свои взоры на запад и нанес первое из множества поражений юэцзам, которые некогда господствовали над сюнну. Он захватил все земли к югу от Хуанхэ, которые циньские армии ранее отобрали у сюнну. Отсюда он предпринимал набеги на те районы Китая, которые из-за гражданской войны остались незащищенными. В ходе войны на севере Монголии он покорил пять племен. «Таким образом, знатные люди и высшие сановники

³ III Ц 110 : 7b–8a; *Watson. Records of the Grand Historian of China. Vol. 2. P. 161.*

⁴ *Ibid.*

сюнну подчинились Маодуню и стали считать его подлинно достойным государем»⁵. Затем Маодунь обратился к югу, и воссоединенный Китай увидел перед собой степную империю, обладающую огромной военной мощью.

Основание Маодунем степной империи совпало по времени с объединением Китая под властью Гао-цзу, первого императора династии Хань. Хотя степные кочевники не принимали участия в гражданской войне в Китае, начавшейся после падения династии Цинь, новые ханьские правители видели в них серьезную угрозу для Китая. Наиболее очевидной опасностью были набеги. У сюнну было достаточно сил для того, чтобы опустошать пограничные области, разрушать и грабить. Менее очевидная, но потенциально более серьезная опасность для династии заключалась в том, что правители северных пограничных областей могли объединиться с сюнну в борьбе против центрального правительства.

Первый конфликт между ханьским Китаем и сюнну в 201–200 гг. до н. э. произошел именно по этой причине. Война началась с нападения сюнну на пограничный город Май в провинции Дай, в котором пребывал князь Хань Синь, союзник Гао-цзу в гражданской войне. Он перешел вместе со своими войсками к сюнну. Потеря пограничного региона была не большой утратой для империи, но дезертирство непокорного князя внушало серьезные опасения. Гао-цзу был вынужден создать ряд автономных княжеств и пожаловать их своим союзникам. В одиночку противостоять верховной власти императора и его армиям князь не могли, поэтому шансов самостоятельно выйти из-под контроля Хань у них было мало. Однако, если князь или даже наместник провинции заключал союз с сюнну, его шансы на получение независимости от Китая (под эгидой кочевников, разумеется) увеличивались. Все князья опасались потерять власть над своими княжествами в случае укрепления династии. Таким образом, они были готовы к измене.

Гао-цзу не мог оставить предательство Хань Синя безнаказанным. Император собрал войско и лично повел его на границу. Кампания с самого начала была неудачной. Жестокий холод и снег обрушились на армию во время марша, и обморожения привели к потере 20-30 % личного состава. В конце концов сюнну были обнаружены, и китайцы начали преследовать, как им казалось, небольшой конный отряд «варваров». Гао-цзу лично возглавил передовую колонну. Незнакомый с тактикой степного боя, китайский авангард погнался за отступающими кочевниками и вскоре попал в засаду у Пинчэна. Обманутый ложным отступлением сюнну, Гао-цзу оказался отрезанным от основной ханьской армии и был окружен сюннуской конницей.

Главные ханьские силы не смогли прорвать окружение, и в течение семи дней император оставался в ловушке у кочевников. В отчаянии он отправил к жене шаньюя гонца и заключил с ней тайный договор с просьбой об освобождении. Супруга шаньюя убедила мужа в том, что пленение ханьского императора не в интересах сюнну, так как кочевники никогда не смогут захватить Китай. Согласно позднейшим свидетельствам, Гао-цзу склонил ее к сотрудничеству, пригрозив, что, если она не добьется урегулирования этого вопроса, он отправит шаньюю в жены несколько прекрасных китайских принцесс, которые завоюют его внимание⁶. Маодунь, однако, также имел серьезные практические основания для прекращения осады: его союзник Хань Синь не явился на запланированную встречу с сюнну, и было опасение, что он может вновь перейти на сторону китайцев. Так или иначе, в кольце окружения сюнну открылась маленькая брешь, и Гао-цзу выскользнул через нее вместе со своими войсками.

Это было наиболее значительное поражение, которое китайцы когда-либо потерпели от сюнну. На протяжении целых столетий одного лишь упоминания о Пинчэне было достаточно, чтобы правительство дважды подумало перед тем, как начинать против них военные действия. Отныне военная мощь сюнну вызывала уважение и «сюннуский вопрос» стал главным вопросом внешней политики ханьского двора.

Военное могущество Маодуня еще более увеличилось в дальнейшем, когда в начале правления ханьского Вэнь-ди (179–157 гг. до н. э.) сюнну наголову разбили юэчжей, которые бежали на запад. В результате этой победы сюнну установили контроль над маленькими оазисными государствами в Туркестане. Маодунь отправил ханьскому двору сообщение об этих победах. Он писал:

Все народы, натягивающие лук, ныне объединены в одну семью, и вся область севера умиротворена. Ввиду этого я хотел бы прекратить войну, дать отдых моим воинам, отпустить моих лошадей на пастбища, забыть недавние дела [с набегами на Китай] и возобновить старый договор, чтобы пограничное население могло жить в мире, которым оно наслаждалось в прошлом, молодые люди могли достигать зрелого возраста, старики — спокойно доживать свой век, и поколение за поколением наслаждались бы миром и покоем⁷.

⁵ ШЦ 110 : 8b; *Watson. Records. Vol. 2. P. 162.*

⁶ Ср.: *Dubs. History of the Former Han Dynasty. Vol. 1. P. 116–117.*

⁷ ШЦ 110 : 14a; *Watson. Records. Vol. 2. P. 168.*

Ханьский двор, решив, что сюнну обладают чрезвычайной военной мощью, согласился возобновить договор и открыть пограничные рынки. Маодунь умер естественной смертью в 174 г. до н. э., передав огромную империю своему сыну.

Имперская конфедерация **Внутренняя организация**

Маодунь создал империю сюнну с помощью обширных завоеваний. Однако гораздо примечательней масштаба этих завоеваний были структура и стабильность государства сюнну, которое существовало дольше, чем другие степные империи. На протяжении первых 250 лет своего существования империя сюнну безраздельно властвовала над степью, и на протяжении более чем 500 лет сюннуский шаньюй оставался важнейшим действующим лицом в вопросах пограничной политики Китая. Десять поколений сюннуских шаньюев мирно сменяли друг друга на престоле, пока в 57 г. до н. э. не разразилась первая междоусобная война, а потом еще десять их поколений без эксцессов царствовали вплоть до начала второй междоусобной войны в 48 г. н. э. В качестве правителей объединенной империи династия шаньюев существовала дольше династии Ранняя Хань, а в качестве правителей небольшого государства шаньюи пережили и Позднюю Хань. Истоки этой стабильности следует искать в своеобразной природе сюннуского государства и в тех взаимоотношениях, которые оно установило с Китаем. Это была «имперская конфедерация», автократическая и государствовподобная во внешней и военной политике, но придерживавшаяся принципов совещательности и федерализма во внутренних делах. Власть шаньюев коренилась в той двойственной роли, которую они играли как военные лидеры и одновременно единственные посредники между Китаем и степными племенами. Стратегия сюнну в отношении с ханьским Китаем как в области дипломатии, так и в области военного противостояния основывалась на том, что сюннуское правительство было обязано своей финансовой и политической стабильностью эксплуатации ресурсов за пределами степи. Сюннуское государство было не результатом внутренней эволюции, а попыткой кочевников самоорганизоваться для того, чтобы эффективно манипулировать Китаем. Организационные принципы сюннуского государства и его внешней политики могут быть изложены следующим образом.

1. Власть надплеменного шаньюя внутри страны была ограничена местными племенными вождями, и наследование императорского престола строго регламентировалось.
2. Шаньюй действовал как единственный посредник между правительством Хань и племенами империи, выступая в качестве верховного военачальника и дипломата и добиваясь от Китая предоставления субсидий и торговых привилегий.
3. Государство сюнну сознательно проводило хищническую политику в отношении Китая и поддерживало славу о своей жестокости для того, чтобы занять в переговорах с ханьским правительством максимально выгодные позиции.
4. Государство сюнну было организовано таким образом, что оставалось относительно неуязвимым для ответных действий со стороны Китая, чему отчасти способствовало непонимание ханьскими чиновниками различий между государством сюнну и их собственным.

Китайцы были знакомы с системой организации сюннуского государства и оставили ее описание в «Ши-цзи»:

Шаньюю подчиняются левый и правый мудрые князья, левый и правый лули-князья, левый и правый великие военачальники, левый и правый старшие воеводы, левый и правый управляющие хозяйством и левый и правый сановники гудухоу. По-сюннуски «мудрый» называется *туци*, и наследник шаньюя обычно зовется «левым туци-князем». От мудрых князей до управляющих хозяйством, самые сильные из которых командуют 10 000 всадников, а самые слабые — несколькими тысячами, всего насчитывается 24 чина начальников, но все они известны как «командующие 10 000 всадников». Высшие должностные посты наследственны, из поколения в поколения они передаются фамилиям Хуянь и Лань, а в более поздние времена — и членам фамилии Суйбу. Эти три фамилии образуют сюннускую аристократию. Эти князья и другие левые чины живут в восточной области, между [провинцией] Шангу и землями племен хуймо и чаосянь. Князья и чины правой стороны живут в западной области, между [провинцией] Шангу и землями племен юэчжей и цянов. Ставка шаньюя расположена в области провинций Дай и Юньчжун. Каждая группа обладает своим собственным участком земли, по которому она кочует в поисках воды и пастбищ. Левый и правый мудрые князья и лули-князья наиболее могущественны, а сановники гудухоу помогают шаньюю управлять народом. Каждый из 24 начальников, в свою очередь, назначает собственных тысячников, сотников и десятников, а также подчиненных князей, главных помощников, воевод, управляющих

хозяйством, цзюйцзюев и так далее⁸.

Согласно этому описанию, административная иерархия сюнну имела три уровня. На вершине находились шаньюй и сановники гудухоу, которые осуществляли общее руководство империей. На втором уровне размещались 24 чина имперских начальников, каждый из которых носил титул «командующего десятью тысячами всадников» («темника конницы»). Темники конницы управляли восточной и западной частями обширной империи. Они действовали как наместники шаньюя в различных областях империи и обычно были его близкими родственниками или представителями сюннских аристократических семей. Поскольку шаньюй назначал своего наследника левым мудрым князем, можно предположить, что отдельный человек на протяжении своей жизни мог занимать несколько имперских должностей. Власть и могущество чиновников, занимающих эти должности, определялись силой сюннского государства. Интересно отметить, что личная охрана шаньюя, так много сделавшая для прихода Маодуня к власти, не стала частью организационной структуры нового государства (в отличие от более поздней Монгольской империи Чингис-хана) и в разделах ханьских исторических хроник, посвященных сюнну, в дальнейшем не упоминается.

На третьем уровне административной иерархии находилась обширная группа местных племенных лидеров (подчиненные князья, главные помощники, воеводы, управляющие хозяйством, цзюйцзю и так далее), которые официально подчинялись 24 высшим чинам империи. Однако на практике они опирались на поддержку своих собственных племенных групп, каждая из которых обладала собственной территорией. Общее число этих племенных групп в составе империи неизвестно. Ханьские источники упоминают, по крайней мере, 12, но это число явно занижено, поскольку китайцы не располагали информацией о тех группах, с которыми не имели непосредственного контакта (даже если последние были достаточно крупными).

Использование таких титулов, как «темники конницы», «тысячники», «десятники», предполагает гораздо более жесткую административную иерархию сюнну, чем та, которая существовала в действительности. В «Ши-цзи» ясно сказано, что только наиболее важные персоны из тех, которые носили титул «темника конницы», на самом деле командовали десятитысячным войском. Менее важные персоны с таким же титулом командовали только несколькими тысячами воинов. Такое утверждение, похоже, было верным и для нижестоящих тысячников, сотников и десятников. Параллельно десятичному делению существовало также политическое деление (на подчиненных князей, главных помощников, воевод и т. д.). Поскольку известно, что 24 темника конницы имели различные политические титулы, из этого можно сделать вывод, что и их подчиненные обладали политическими титулами. Таким образом, в сюннской империи существовали две системы званий, десятичная и политическая, каждая из которых имела свою отдельную функцию. Политическая система званий использовалась для повседневного руководства племенами и территориями. Десятичная же система использовалась во время войн, когда под единое военное командование собиралось большое количество войск из различных частей степной империи.

Шаньюй и его приближенные были наследственными вождями коренных племен сюнну, которые, хотя и состояли из обыкновенных кочевников, имели наиболее тесные связи с правящей династией и обеспечивали ей неизменную поддержку. Местные племенные вожди, покорившиеся сюнну или заключившие с ними союз, находились под контролем одного из 24 темников конницы, действовавших как представители шаньюя. Самым слабым местом в этой системе была связь между вождями присоединенных племен и имперскими военачальниками. Хотя вождь присоединенного племени и занимал определенное положение в иерархии империи сюнну, его власть зиждилась на поддержке собственного народа. Такие вожди в значительной степени сохраняли самостоятельность на местном уровне. Именно на этом уровне обычно возникали проблемы, когда вожди племен начинали требовать себе большей независимости. Абсолютная власть шаньюя, неограниченная в теории, была ограничена на практике.

Недовольный вождь племени мог выбрать одну из трех возможностей: уйти на запад, присоединиться к Китаю или восстать. Использование каждой из этих стратегий имело свои недостатки, и племенные вожди обращались к ним лишь в исключительных случаях. Далее мы на конкретных примерах увидим, как применялись подобные стратегии и до какой степени шаньюй и государство сюнну были вынуждены признавать силу местной племенной знати.

Племенные группы на западной окраине империи могли стать независимыми, откочевав из земель шаньюя. Однако обычно это приводило к тому, что с насиженных мест вынуждены были сниматься и соседние племена, создавая эффект домино, при котором каждое племя заставляло своего соседа сдвигаться к западу или югу. Наибольший размах это явление приобрело после того,

⁸ ШЦ 110 : 9b–10b; *Watson. Records. Vol. 2. P. 163–164.*

как сюнну победили юэчжей. Вместо того чтобы подчиниться сюннуской империи, юэчжи перекочевали на запад и поселились в долине Амударьи, вытеснив оттуда сай (саков), перебравшихся в Афганистан.

Перемещение юэчжей освободило их прежние земли для усуней, которые были включены в состав империи сюнну примерно в 176 г. до н. э. Согласно сведениям «Ши-цзи», вождь усуней был убит, а его сын Гуньмо (на самом деле это не имя, а титул) был воспитан при сюннуском дворе:

После того как Гуньмо достиг зрелости, шаньюй поставил его во главе войска, с которым последний выиграл несколько сражений. Затем шаньюй сделал его предводителем тех же людей, которыми ранее управлял его отец, и поручил ему охранять укрепления на западе. Гуньмо собрал своих людей, позаботился о них и повел их в атаку на окрестные небольшие поселения. Вскоре у него имелось 20 000 или 30 000 опытных лучников, закаленных в жестоких боях. Когда шаньюй умер, Гуньмо далеко увел свой народ, провозгласил себя независимым правителем и отказался явиться на встречу к сюннускому двору. Сюнну посылали военные экспедиции для того, чтобы напасть на него врасплох, но победы достичь не смогли. В конце концов сюнну решили, что он, должно быть, дух, и оставили его в покое, продолжая называть его подвластным им, однако не предпринимая больше широкомасштабных попыток нападения⁹.

Несмотря на достигнутый успех, усунь все еще опасались могущества сюнну, и даже много лет спустя (около 121 г. до н. э.) Гуньмо отклонил предложение Китая возвратиться на свои старые родовые земли (оставленные князем Хунье) чтобы выступить в качестве союзника Хань.

Большинство племенных групп не имели возможности уйти на запад. В неблагоприятные времена они обращали свой взор на юг и искали прибежища в Китае. Правительство Хань предоставляло перебежчикам значительные суммы денег и жаловало их вождям титулы, однако лишало прежней автономии. Вождь перебежчиков мог вполне неплохо устроиться в Китае, но утрачивал свое влияние в степи. Поэтому решения о таких переходах давались вождям нелегко. В 121 г. до н. э. два племенных князя были разбиты в ходе внезапной атаки экспедиционного корпуса Хань и понесли большие потери, вызвав гнев со стороны шаньюя:

Шаньюй был разгневан князьями Хунье и Сючу, проживавшими в западной части владений, поскольку они потеряли в сражениях с ханьскими войсками несколько десятков тысяч человек убитыми и пленными; осенью шаньюй вызвал обоих с намерением казнить их. Князья Хунье и Сючу были напуганы и сообщили [представителям] Хань, что хотели бы предаться им. [Император] Хань отправил на встречу с ними Хо Цюй-бина. Тем временем князь Хунье убил Сючу и объединил его силы со своими¹⁰.

На границе младшие военачальники, которые были против сдачи, попытались дезертировать, но при попытке к бегству были уничтожены ханьскими войсками, которые подошли, чтобы встретить Хунье. В итоге сюннуские перебежчики численностью 30–40 тысяч человек пересекли границу и были размещены на землях Китая, где им было разрешено жить согласно их обычаям. Уход этих двух групп привел к образованию зияющей бреши на границах сюнну, поскольку из состава империи выбыло не просто отдельное воинское подразделение, а целый племенной компонент. Именно на этих землях ханьский двор безуспешно пытался заново поселить усуней¹¹.

Откочевка из земель шаньюя была наиболее популярной стратегией, используемой кочевниками, стремящимися освободиться от власти империи. Восстания происходили относительно редко. Характерно, что первое большое восстание было вызвано действиями шаньюя, который попытался сделать структуру управления империей более централизованной. Оно произошло в 60 г. до н. э., когда умер шаньюй Сюйлюй Цюаньцзюй и престол был узурпирован мелким аристократом Уяньцзюйди. Законный наследник, сын прежнего шаньюя, был отстранен от власти. Это вызвало волну недовольства, но новый шаньюй быстро подавил его, казнив родственников и ближайших сподвижников прежнего шаньюя, и назначил на должности 24 темников конницы своих родственников. Подобная кровавая борьба за престолонаследие была нехарактерна для сюнну, поскольку процесс наследования у предыдущих 10 поколений происходил без особых эксцессов. Установив контроль над имперским правительством, Уяньцзюйди обратил свое внимание на рядовые племена в составе конфедерации.

После того как умер князь племени юйцзянь, Уяньцзюйди нарушил традицию и вместо того чтобы отдать этот пост сыну умершего, назначил на него своего собственного сына. Оскорбленные старейшины племени юйцзянь отвергли это решение и провозгласили своим

⁹ ШЦ 123 : 9b–10a; *Watson. Records. Vol. 2. P. 271–272.* Еще одна версия этой истории об усунях, которая представляет их в более выгодном свете, содержится в: XIII 61 : 4a–b. Она ясно показывает, что слово «гуньмо» было титулом царя усуней, а не его собственным именем. Ср.: *Hulsewé. China in Central Asia: The Early Stage: 125 BC–AD 23, nn. 803–807.*

¹⁰ ШЦ 110 : 25; *Watson. Records. 181.*

¹¹ ШЦ 111 : 10b–11b; *Watson. Records. Vol. 2. P. 204–205.*

князем сына умершего. Затем они разбили армию шаньюя, посланную, чтобы наказать их.

Левый мудрый князь, который был официальным наследником и сыном нового шаньюя, также превысил свои полномочия в качестве надзирающего над восточными племенами. Своим надменным поведением он добился их отчуждения, «несколько раз обидел старейшин левых земель, чем вызвал возмущение против себя». Восточные племена восстали, и их пятидесятитысячное войско выступило против шаньюя. Оно разбило Уяньцзюйди, который был вынужден послать просьбу о помощи своему брату — правому мудрому князю. Ответ был холоден: «Тот, кто не имеет любви к своему народу и подвергает смерти своих братьев и знатных людей государства, должен умереть там, где находится. Не беспокойте меня». Разгромленный Уяньцзюйди кончил жизнь самоубийством. Он правил менее трех лет¹².

Эти примеры показывают, что племя подчинялось в первую очередь своим местным вождям и лишь во вторую — шаньюю и его двору. Князь Хунье мог пользоваться доверием своих людей, даже когда уклонялся от вызова на суд к имперскому двору. И хотя опасность угрожала лишь ему лично, он не перебежал в Китай в одиночку, а взял с собой все свое племя. Усуни также пошли за своим предводителем и покинули империю. Одной из трудностей управления кочевой империей было то, что ее составные части могли в буквальном смысле слова уйти прочь, а шаньюй не мог наказать племена, откочевавшие с его территории.

Теоретически шаньюй мог требовать полного подчинения и применять любые санкции к племенам внутри империи. На практике это было не так. Шаньюй осознавал, что князья племен были наследственными правителями, а не назначаемыми сверху чиновниками. Таким образом, связи между племенами и правительством империи носили скорее союзный, чем автократический характер. Попытка Уяньцзюйди создать более централизованное государство, в котором вожди племен были бы родичами шаньюя, спровоцировала уже не побег, а восстание, поскольку вся племенная знать на местном уровне ощутила угрозу своему положению. В конечном итоге власть шаньюя над племенами стала строго ограниченной. Одним из главных условий сохранения стабильности в империи была неприкосновенность внутренней автономии племен. Сюнну удерживали свое господство над степью так долго потому, что их политическая система была гибкой. Напротив, автократическая и централизованная степная империя была бы очень хрупкой и неустойчивой, так как у местных вождей в данном случае оставался небогатый выбор: либо полностью подчиниться, либо восстать. При первых признаках слабости империи они бы восстали. Однако, если бы взаимоотношения между племенами строились целиком на добровольной основе, это породило бы анархию. Тогда каждый вождь старался бы во всем действовать самостоятельно и отказывался подчиняться приказам, которые ему не нравились. Империя сюнну умело маневрировала между двумя этими полюсами. Вожди племен имели свободу проводить свою собственную политику на местном уровне, но они должны были подчиняться имперским приказам во внешних делах и при решении вопросов межплеменного характера. Как мы увидим далее, в дополнение к жестким военным санкциям против непокорных практиковали разнообразные материальные вознаграждения вождям племен, готовым сотрудничать.

Наследование власти

На протяжении нескольких столетий империя сюнну отличалась удивительной политической стабильностью. Эта стабильность была отчасти обусловлена системой наследования, позволявшей избегать междоусобных войн, которые являлись неизбежным атрибутом более поздних тюрко-монгольских степных империй. Хотя Маодунь, чтобы стать шаньюем, и убил своего отца и других противников, в последующем процесс передачи власти сопровождался минимальными разногласиями. Шаньюи мирно сменяли друг друга на престоле вплоть до 59 г. до н. э., пока не разразилась первая междоусобная война и не начался период пятнадцатилетней смуты. Когда порядок был восстановлен и старая династия вернулась к власти, престол вновь начал наследоваться без эксцессов. Так продолжалось еще один век, но в 48 г. вторая междоусобная война окончательно расколола ряды сюнну и положила конец их гегемонии в степи. В обоих случаях междоусобные войны были вызваны катастрофическим сочетанием экономических бедствий и ожесточенной борьбы за власть. В более поздние времена, будучи правителями мелких государств, шаньюи сюнну могли заявлять, что они принадлежат к непрерывной линии потомков Маодуня, сохранившейся вплоть до середины V в.

Наиболее важными чертами политической структуры сюнну были система

¹² XIII 94A : 35a–38b; Wylie. History of the Heung-noo in their relations with China. Vol. 3. P. 450–451.

фиксированных имперских титулов (24 темника конницы и сановники гудухоу) и определенный свод правил, регулирующих назначение нового шаньюя.

Сыновья и братья шаньюя занимали самые важные посты, в то время как представители трех аристократических кланов Сюйбу, Хуянь и Лань имели наследуемые права на более низкие чины и звания в системе империи¹³. Шаньюй назначал своего преемника на пост левого мудрого князя, который контролировал восточную часть империи. После смерти шаньюя левый мудрый князь имел наибольшие шансы занять престол, при условии, конечно, что он был достаточно взрослым. Сюнну не одобряли наследование престола детьми, и если наследник был слишком юн, по установленному обычаю правителем империи становился брат шаньюя. С течением времени схема наследования изменилась. Первоначально она была линейной — от отца к сыну. Наследование престола от старшего брата к младшему происходило в экстраординарных ситуациях. После первой междоусобной войны вследствие политических компромиссов эта система изменилась и наследование стало происходить исключительно по боковой линии — от старшего брата к младшему, до тех пор, пока все представители данного поколения не умирали. Однако и в первом, и во втором случае шаньюй должен был быть членом царствующего рода.

Аристократические кланы сюнну, не принадлежавшие к царствующему роду, играли важную роль в предотвращении конфликтов, вызванных соперничеством между наследниками Маодуня. Аристократические кланы традиционно были связаны брачными узами с представителями императорского рода, что приводило к образованию устойчивых родственных и свойственных связей между ними. Неспособные быть шаньюями, но получавшие выгоды от существования имперской системы представители аристократических кланов сюнну были кровно заинтересованы в ее сохранении, вне зависимости от того, кто становился шаньюем. В случае смерти шаньюя они играли важную роль в выборах преемника и провозглашали нового шаньюя. В исключительных случаях они могли отвергнуть притязания левого мудрого князя в пользу другого наследника. Поскольку все потенциальные наследники престола боролись за поддержку одной и той же сюннуской знати, проигравшему обычно было не на кого опереться, если его претензии на престол были отвергнуты. Аристократия сюнну редко позволяла раздорам внутри правящей династии перерасти в междоусобную войну: это могло произойти только в том случае, если внутри самой знати сюнну имелся значительный раскол.

Список шаньюев сюнну, представленный в табл. 2.1, показывает, что большинство актов наследования, происходивших по установленной схеме, не сопровождались какими-либо серьезными инцидентами. Три исключения из этого правила добавляют лишь некоторые детали к нашим познаниям в области политической системы и механизмов управления на уровне империи.

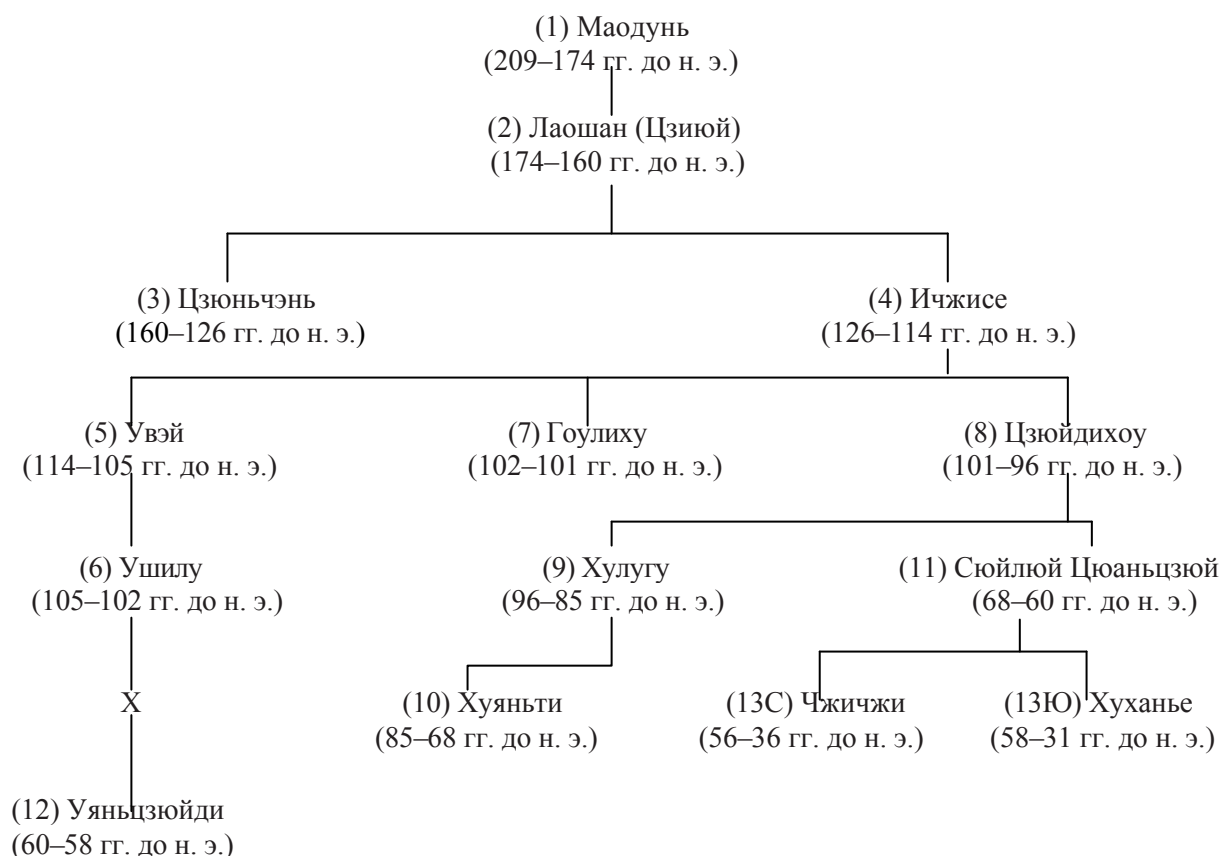
Первые имеющиеся сведения о разногласиях, касающихся наследования, относятся к 126 г. до н. э., когда «шаньюй Цзюньчэнь умер и его младший брат Ичжисе, носивший титул левого лули-князя, объявил себя шаньюем. Он атаковал и разбил наследника Цзюньчэня, Юйданя, который спасся бегством и перебежал на сторону Хань. [Император] Хань пожаловал ему титул Шэнь-хоу, но через несколько месяцев он [Юйдань] умер»¹⁴. Случай с этим переворотом показывает, что без поддержки представителей власти наследник был не в состоянии занять престол. Юйдань и его дядя боролись за поддержку одних и тех же сил. Когда такую поддержку получил Ичжисе, Юйдань остался в одиночестве и должен был либо примириться с ситуацией, либо покинуть степь. В отличие от вождей, которые уходили за границу вместе со своими племенами, Юйдань бежал в Китай в одиночку. Причины раздора не указываются в ханьских источниках, но, вероятно, не случайно, что он произошел после того, что Китай начал широкомасштабные атаки против сюнну. В подобных условиях кочевники наверняка предпочли испытанного воина необстрелянному юнцу. Во время войн существовала тенденция наследования по боковой ветви.

Во второй раз разногласия возникли в 96 г. до н. э. и были разрешены мирным путем. Эта ситуация высветила некоторые особенности политической системы сюнну и продемонстрировал активную роль их аристократии в решении вопроса о наследовании. Тогда имели место дискуссии относительно того, кто сменит на престоле умершего шаньюя Цзюдихоу. Сформировались две партии, которым удалось, однако, урегулировать конфликт. Перипетии этого процесса наглядно описаны в «Хань-шу».

¹³ ШЦ 110 : 9b–10b; *Watson. Records. Vol. 2. P. 163–164.*

¹⁴ ШЦ 110 : 22b; *Watson. Records. Vol. 2. P. 179.*

Таблица 2.1. Шаньюи сюнну в период до первой междоусобной войны

Примечания: 1) Китайские источники этого периода указывают титулы, а не личные имена шаньюев (за исключением Маодуня и его сына Цзюя), например: Цзюньчэнь-шаньюй, Увэй-шаньюй и т. д. 2) С — северный шаньюй; Ю — южный шаньюй.

Шаньюй Цзюйдихоу умер на пятом году своего царствования. На престол под именем шаньюя Хулугу вступил его старший сын, занимавший пост левого мудрого князя. Прежний правитель назвал его наследником на смертном одре. Хулугу, однако, в это время отсутствовал, а знатные лица, решив, что он болен, избрали на престол его брата — левого великого предводителя. Когда вести об этом достигли левого мудрого князя, он не решился выступить. Его брат, однако, послал ему предложение занять престол. Старший отказался под предлогом болезни, но младший брат не принял отказа, сказав: «Пока на смертном одре ты не передашь мне престол, я не приму его». Левый мудрый князь взойшел на престол и присвоил своему брату титул, который был у него самого (т. е. левого мудрого князя, официального наследника). Спустя несколько лет [вновь назначенный левый мудрый князь] заболел и умер... Тогда [новый] шаньюй назначил левым мудрым князем собственного сына¹⁵.

Если оба соперничающих брата имели поддержку, они договаривались править последовательно друг за другом. Это был обычный политический компромисс. Недостатком такого рода компромиссов было то, что они часто провоцировали конфликты между сыновьями шаньюя (или их матерями) и его братьями. Смерть Хулугу 85 г. до н. э. как раз и привела к подобной ссоре.

Следует заметить, что у шаньюя имелся младший брат, рожденный другой матерью, который был левым старшим воеводой и очень славился среди достойнейших людей своего народа. Супруга шаньюя, опасаясь, что шаньюй поставит на престол не их сына, а левого старшего воеводу, тайно велела убить последнего. Старший единоутробный брат жертвы был возмущен этим актом вероломства и никогда больше не появлялся при дворе шаньюя. Будучи на смертном одре, шаньюй сказал представителям знати: «Мой сын молод и не способен стать правителем народа, поэтому я назначаю преемником моего младшего брата, правого лули-князя». Когда шаньюй умер, Вэй Люй и другие в сговоре с царственной вдовой чжуаньцзюй яньчжи фальсифицировали указания умершего. Затем они возвели на престол ее сына, левого лули-князя, под именем шаньюя Хуяньти¹⁶.

¹⁵ XIII 94A : 27b; *Wylie. History. Vol. 3. P. 438.*

¹⁶ XIII 94A : 30b–31a; *Wylie. History. Vol. 3. P. 442.*

Правый лули-князь и левый мудрый князь были недовольны таким положением дел и начали замышлять бегство в Китай. Когда об этом стало известно, они отказались от своего намерения, но никогда больше не появлялись при дворе шаньюя. Несмотря на их недовольство, было очень трудно спровоцировать междоусобную войну после того, как выборы шаньюя состоялись. Отчасти это было связано с тем, что шаньюй имел настоящий двор с независимой экономической и политической базой. Он был не просто харизматическим лидером слабоцентрализованной конфедерации племен, но являлся жизненно важной, ключевой фигурой во взаимоотношениях между Китаем и степью. Основные разногласия возникали вокруг вопроса о том, кто будет шаньюем, а не о том, нужен ли он вообще.

Внешняя политика — связи с Хань

Существование государства, созданного кочевниками-скотоводами, требовало решения совершенно иных проблем, нежели проблемы государства, основанного на интенсивном земледелии. В земледельческом обществе власть правителя в конечном счете базировалась на контроле над запасами зерна. Взявая ежегодные налоги, оседлое государство изымало часть урожая зерновых, размещало его в резервных государственных житницах и использовало на различные нужды. Расходы на хозяйственное содержание таких житниц были невелики, а риск потери зерна в них сводился к минимуму.

Степной властитель находился в куда более неустойчивом положении, поскольку экономика степи была основана на экстенсивном скотоводстве, связанном с постоянными перекочевками. Богатство скотовода не могло быть эффективно сконцентрировано или складировано. Животные должны были распределяться по пастбищам таким образом, чтобы им хватало необходимой воды и травы, нуждались в постоянном уходе и в конце концов умирали. Даже если властитель накапливал большое количество скота, его богатство оставалось уязвимым и могло за одну ночь исчезнуть из-за болезни, снежного бурана или воровства¹⁷. Поскольку скот не мог быть конвертирован в более надежные и разнообразные виды продуктов, взимание ежегодных налогов было делом бесполезным, и кочевой правитель был вынужден полагаться на нерегулярные поборы для удовлетворения своих самых насущных нужд. Но даже эта его власть была ограничена внутренне присущей любому кочевому государству «текучестью»: если поборы расценивались как слишком тяжелые, кочевники могли покинуть своего вождя и забрать с собой скот¹⁸.

Эта внутренняя слабость заставляла властителей успешных кочевых государств создавать более безопасную экономическую базу. Во Внутренней Азии это делалось за счет субсидирования кочевого государства ресурсами, полученными за пределами степи. Правительство империи сюнну организовывало кочевые племена в единую силу, которую шаньюй использовал для получения торговых привилегий и товаров из Китая. Шаньюй обладал исключительным правом внешних сношений и использовал свою власть для контроля за распределением китайских товаров между различными племенами. В период войны шаньюй организовывал набеги, которые обеспечивали добычу для его сподвижников и всего государства сюнну. В период мира шаньюй выступал как единственный посредник между Китаем и степью, перераспределяя получаемые товары и субсидии по всем ступеням государственной иерархии. Черпая ресурсы извне, государство сюнну обретало стабильность, которой другим способом оно не могло достичь.

Установление официальных отношений между Хань и сюнну произошло после того, как ханьский Гао-цзу бежал из ловушки, подстроенной кочевниками близ Пинчэна в 200 г. до н. э. Император направил к шаньюю посланников для заключения мира и установления политики *хэцин*¹⁹ в качестве основы взаимоотношений между двумя государствами.

Политика *хэцин* включала в себя четыре основных пункта.

1. Китайцы производили фиксированное ежегодное субсидирование сюнну в виде поставок шелка, вина, зерна и других продуктов питания.
2. Ханьский двор отдавал в жены шаньюю принцессу.
3. Сюнну и Хань признавались равноправными государствами.
4. Великая стена становилась официальной границей между двумя государствами.

Эти положения показывают, что договор был основан на стратегии умиротворения,

¹⁷ Lattimore. Inner Asian Frontiers of China. P. 325–340.

¹⁸ Smith. Mongol and nomadic taxation.

¹⁹ Т. е. «мира, основанного на родстве». — Примеч. науч. ред.

поскольку он был весьма выгоден для сюнну. Взамен предоставляемых выгод сюнну согласились сохранять мир²⁰.

Шаньюй использовал этот договор и ханьские субсидии для укрепления своей собственной позиции в степи. Теперь он мог распределять ханьские субсидии внутри политической элиты империи и тем самым завоевывать ее поддержку. Помимо материальных преимуществ, договор поднимал престиж шаньюя, так как ставил его в один ряд с императором Хань и давал ему в жены ханьскую принцессу. С точки зрения степи, шаньюй получал дань от Китая. Однако какими бы великодушными ни казались условия договора, сюнну не были ими удовлетворены и возобновили пограничные набеги. Вслед за набегами они направили в Китай послов с предложениями о мире, в которых требовали улучшения условий договора, включая увеличение размера и расширение видов выплат, а также открытие пограничной торговли. Новый пункт о пограничной торговле был включен в мирное соглашение, заключенное в период правления ханьского Вэнь-ди (179–157 гг. до н. э.).

В ханьских источниках, посвященных установлению политики *хэцинь*, сюнну описываются как ненасытные алчные варвары, не желающие соблюдать договорных обязательств. Однако при более внимательном взгляде картина становится более сложной. При переговорах сюнну преследовали две цели. Первая, и самая неотложная, заключалась в попытке заполучить прямые субсидии, которые могли быть использованы для ублажения и вознаграждения политической элиты империи. Как только Хань удовлетворяла это требование, сюнну переключались на вторую цель и начинали требовать от Китая разрешить рядовым кочевникам торговлю на пограничных рынках.

Последовательность требований сюнну являлась частью стратегии шаньюя по сохранению своей власти в степи с помощью манипулирования Китаем. Для этого он должен был интегрировать в состав империи покоренные племена, вознаграждать политические элиты и предоставлять рядовым кочевникам преимущества, недоступные для них вне империи. Каждое требование или атака сюнну задумывались для того, чтобы удовлетворить одну из этих потребностей.

Нападения сюнну на Китай обеспечивали добычей бесчисленное множество кочевников, которые лишь недавно вошли в состав империи (в ходе завоевания или добровольно) и которых еще предстояло завоевать политически. Сюнну позволяли всем воинам, которые захватили в плен или убили врага, оставлять себе военные трофеи, и «поэтому, где бы они ни сражались, каждый боролся за свою собственную добычу»²¹. Нападения на Китай были прибыльными предприятиями, которые спланировали сюнну.

Шаньюй согласился прекратить набеги в обмен на субсидии из Китая. Однако объем и типы субсидий лишь в малой степени могли влиять на основу потребительского хозяйства скотоводов-сюнну. Даже в самые лучшие времена ежегодные ханьские субсидии (согласно договору *хэцинь*) составляли менее 5000 *ху* зерна, 10 000 *ши* вина и 10 000 *пи* шелка²². В то же время средняя норма зерна, выделявшегося ханьской администрацией в качестве пайка взрослому мужчине, служившему на границе, составляла 36 *ху* (примерно 720 литров)²³. Таким образом, зерно, поставляемое Хань для сюнну, могло обеспечить всего-навсего 140 человек ежегодно. Даже если считать, что сюнну в среднем потребляли зерна в пять раз меньше, чем китайцы, то все равно получается, что им могли быть обеспечены максимум 700 человек. Из этих цифр становится очевидным, что поставки продовольствия в степь были предназначены лишь для того, чтобы шаньюй мог должным образом содержать свой двор, но не поддерживать массу рядовых кочевников.

Основную ценность в ханьских поставках для шаньюя представляли дорогие предметы роскоши, недоступные в степи. Ежегодные поставки вина в объеме 10 000 *ши* (около 200 000 литров) давали шаньюю возможность обильно угощать своих много пьющих сподвижников. Поставки шелка, достигавшие 10 000 *пи* (92 400 метров), обеспечивали сюнну ханьским товаром, весьма востребованным в степи и на западе, который шаньюй мог перераспределить между вождями племен внутри империи или обменять на другие товары за ее пределами. Китайцы сами использовали шелк в качестве валюты, и его образцы широко представлены в могилах, обнаруженных в степи. Например, могильники, раскопанные в Ноин-Уле и относящиеся к несколько более позднему периоду, демонстрируют все богатство китайских изделий из шелка²⁴.

²⁰ Yü. Trade and Expansion in Han China. P. 41–42.

²¹ III Ц 110 : 11a; Watson. Records. Vol. 2. P. 165.

²² XIII 94A : 29b; Wylie. History. Vol. 3. P. 440. Перевод ханьской системы мер в современные единицы измерения (ср.: Loewe. Records of the Han Administration. Vol. 1. P. 161): длина: 1 *пи* = 9.24 метра, объем: 1 *ху* или *ши* = 19.986 литра, вес: 1 *цзинь* = 244 грамма.

²³ Loewe. Records of the Han Administration. Vol. 2. P. 65–75.

²⁴ Rudenko. Die Kultur der Hsiung-nu.

Кроме шелка ханьский двор поставлял шаньюю золото, комплекты одежды и разные другие ценные предметы. Эти дары и субсидии были теми экономическими выгодами, которые шаньюй предлагал вождям племен и которые, наряду с угрозой военных санкций, сохраняли целостность кочевой империи.

Прямые субсидии правительства Хань могли позволить шаньюю вознаграждать знать, но их было недостаточно для удовлетворения нужд основной массы кочевников. Самым простым способом обеспечить последних была организация набегов на Китай. Однако постоянные нападения ставили под угрозу поставку предметов роскоши, которая была пунктом мирного договора. Поэтому, как только шаньюй получал субсидии от Китая, он начинал настаивать на пограничной торговле, в ходе которой кочевники могли бы обменивать продукты скотоводства на продукты, производимые в Китае. Если шаньюй собирался сохранять мир с Китаем, торговля на границе была необходима. Скотоводческая экономика производила массу излишков, которые можно было легко обменять на продукты, производимые в Китае, если правительство Хань снимало запрет на торговлю с кочевниками.

Необходимо было заставить ханьский двор разрешить кочевникам торговлю на границе, несмотря на то, что Китай выступал против этого по политическим соображениям. Хотя сюнну и представляли собой естественный рынок для сбыта излишков зерна и ремесленных товаров из северных регионов, такая торговля могла породить у населения пренебрежение интересами ханьского двора и Китая в целом. Ханьский двор пытался привязать пограничные регионы к центру, даже если это создавало трудности для местного населения. Его политика заключалась в том, чтобы максимально отгородить степь от Китая; Великая стена должна была стать барьером для любого контакта со степью. Шаньюй был вынужден преодолевать эти изоляционистские тенденции, вымогая права на торговлю таким же образом, каким он вымогал субсидии, т. е. нападая или угрожая напасть на Китай. Таким образом преследовалась двойная цель. Добыча от набегов поддерживала кочевников-сюнну до тех пор, пока Китай наконец не соглашался на их требования и не открывал пограничную торговлю. Однажды возникнув, эти рынки быстро становились важными центрами торговли, куда стекались сюнну, меняя продукты животноводства на товары империи Хань. По ханьским законам, торговать на этих рынках можно было лишь товарами, не имевшими военного значения для сюнну. Несмотря на то что наказанием за нарушение данного предписания являлась смертная казнь, рынки на границах являлись и базами контрабандистов, снабжавших сюнну запрещенными товарами, например железом²⁵.

Открытие регулярной торговли с Китаем укрепило положение шаньюя. Он мог поддерживать свою экономическую базу без необходимости вступления в непрерывную войну с Китаем. Роль шаньюя как посредника в торговых взаимоотношениях между ханьским двором и степью стала такой же важной, как его положение верховного главнокомандующего сюнну. В целом отношения между Китаем и кочевниками стали более стабильными. Во время правления ханьского Цзинди (156–141 гг. до н. э.) северная граница стала мирной, пограничные поселения подвергались лишь небольшим набегам, а старые сражения были забыты. «Все сюнну, начиная с шаньюя, дружелюбно относились к Хань и общались [с ханьцами] у Великой стены»²⁶. Такое положение сохранялось до 133 г. до н. э., когда, в надежде нанести сюнну военное поражение, ханьский двор неожиданно отказался от политики *хэцинь*, снарядил войска для внезапной атаки на кочевников и начал пограничную войну, затянувшуюся более чем на полвека.

Другим экономическим ресурсом была продукция китайских земледельцев и ремесленников, захваченных во время нападений сюнну и угнанных в степь. Об этих китайских пленниках и их потомках известно немного. Однако есть свидетельства, что скотоводы сюнну имели в своем распоряжении очень большие запасы зерна, возможно, выращенного захваченными в плен земледельцами. Например, в 119 г. до н. э., когда ханьские войска захватили Монголию и опустошили столицу шаньюя, китайский генерал Вэй Цин и его 50 000 воинов питались за счет захваченного у сюнну зерна, остатки которого они сожгли перед возвращением на юг²⁷. Позднее, во время правления Хуаньти (85–68 гг. до н. э.), китаец-перебежчик предложил сюнну обезопасить имеющиеся у них запасы зерна, построив зернохранилища и ряд крепостей, в которых проживали бы пленники из Китая. Однако вскоре после начала осуществления этого проекта сюнну решили прекратить строительство, поскольку, будучи кочевниками, они не хотели жертвовать своей мобильностью²⁸. Кроме зерна, произведенного в Монголии и купленного на рынках вдоль китайской границы, сюнну имели его альтернативные источники в Южной Сибири и Восточном Туркестане. Возможно поэтому после серии войн с Китаем они в 105 г. до н. э.

²⁵ Yü. Trade and Expansion. P. 101, 117–122.

²⁶ ШЦ 110 : 21a; Watson. Records. Vol. 2. P. 176.

²⁷ XIII 96B : 5b; Hulsewé. China and Central Asia. P. 73.

²⁸ Gryaznov. The Ancient Civilization of Southern Siberia. P. 199–219.

перенесли свою столицу дальше на запад, чтобы лучше использовать ресурсы второстепенных по значимости регионов империи.

Китай был наиболее важным источником субсидий и крупнейшим торговым партнером сюнну, но они использовали также и ресурсы других областей. Оазисные государства Туркестана, особенно на севере, не были защищены от их набегов. Эти небольшие государства не имели достаточно сил для того, чтобы противостоять требованиям сюнну. Поставляя продукты сельского хозяйства и ремесленные товары, они оставались важной частью сюннуской империи вплоть до первой междоусобной войны (примерно 60 г. до н. э.), а потом попали под власть Хань. Сюнну не управляли этими землями непосредственно, но полагались на своих представителей, собиравших налоги с местных правителей. Такая практика наиболее соответствовала кочевому образу жизни.

Государства Западного края большей частью [имеют население], которое живет на земле оседло, имеет города, окруженные стенами, обработанные поля и одомашненных животных. Их обычаи отличаются от обычаев сюнну и усуней. Прежде они подчинялись сюнну; на западном краю державы сюнну жичжу-князь ввел должность командующего Дун-бу (корпусом невольников) с предписанием — руководить Западным краем. Он постоянно находился в районах Янь[-цай], Вэй-сюй и Вэй-ли и получал доход и все необходимое путем взыскания налогов с различных государств²⁹.

Вдоль северной границы своей державы сюнну контролировали ряд плодородных регионов в Сибири. Сведения, полученные косвенным путем в ходе археологических раскопок, указывают на то, что многие области, первоначально страдавшие от набегов кочевников и обезлюдившие, затем были восстановлены и процветали под контролем империй, подобных сюннуской и усуньской, которые могли защитить их в обмен на возможность торговать и собирать налоги. Например, в долине реки Оби захоронения, относящиеся к карасукской культуре бронзового века (XIII–VIII вв. до н. э.), содержат богатый погребальный инвентарь, в который никогда не входило оружие. Однако начальный этап последующей, большереченской, культуры (VII–VI вв. до н. э.) уже демонстрирует признаки упадка, что связано с появлением кочевников на соседнем Алтае. Погребальный инвентарь стал беднее, чем в предшествующие периоды (как количественно, так и качественно); половина обнаруженных могил содержит оружие. Раскопки показали также, что поселения, по-видимому, были внезапно покинуты их жителями. Примерно за два столетия до нашей эры ситуация начала улучшаться. Захоронения стали содержать более искусно сделанный погребальный инвентарь, останки принесенных в жертву коней и железное оружие. Советский археолог М. П. Грязнов связал это изменение с нормализацией отношений между местным оседлым населением и его соседями-кочевниками. В Минусинской котловине, знаменитой своими бронзовыми изделиями, захоронения эпохи сюнну также отличаются более крупными размерами и богатым внутренним убранством³⁰.

Стратегия внешней границы

Своим продолжительным существованием государство сюнну было обязано эффективному взаимодействию с Китаем, осуществлявшемуся как военными, так и мирными средствами. Численность кочевников была сравнительно небольшой и составляла, возможно, около миллиона, и тем не менее им удавалось противостоять государству Хань, в подчинении у которого находилось 54 миллиона человек³¹. Поэтому кочевники должны были быть организованы таким образом, чтобы заставить ханьский двор учитывать свои интересы. Шаньюй должен был влиять на принятие решений на самом высоком уровне ханьского правительства, поскольку политика на границах определялась двором, а не пограничными губернаторами или местными чиновниками. В этих целях сюнну разработали грабительскую политику вымогательства, нацеленную на то, чтобы запугать ханьский двор своим могуществом. Их стратегия «внешней границы» в полной мере использовала способность кочевников неожиданно проникать в глубь территории Китая, а затем отходить, не давая ханьским силам времени для нанесения ответного удара. Эта политика состояла из трех основных элементов: 1) жестокого нападения (для устрашения ханьского двора), 2) чередования войны и мира (для увеличения размера субсидий и расширения торговых привилегий, гарантируемых Китаем) и 3) сознательного отказа от оккупации китайской

²⁹ ШЦ 111 : 12b–13a; *Watson*. Records. Vol. 2. P. 207.

³⁰ XIII 94A : 31b–32a; *Parker*. The Turko-Scythian Tribes. Vol. 20. P. 118–119.

³¹ *Loewe*. The Campaigns of Han Wu-ti. P. 80–81. Китайцы полагали численность населения сюнну меньшей, чем численность населения одной провинции или даже одного большого округа государства Хань. Ср.: XIII 48 : 13b, ШЦ 110 : 16a.

территории даже после больших побед.

Сюнну использовали жестокие нападения или их угрозу в качестве инструмента при переговорах с двором Хань. Эти набеги, задуманные с целью разрушения, имели политическую цель. Ханьский двор опасался, что разорение северных пограничных областей может привести к распаду империи. Беспричинная жестокость и ужасающие сообщения с границы способствовали усилению таких страхов. Чем сильнее были разрушения, тем больше было их воздействие на ханьский двор. Даже маленькая группа кочевников могла нанести большой ущерб, если была хорошо организована. Сюнну использовали террор вдоль границы в качестве средства получения уступок со стороны Китая. Сюнну не беспокоились о последствиях своих нападений на места или установлении хороших взаимоотношений с земледельцами или чиновниками на границе. Они грабили провинции в расчете на то, что центральное ханьское правительство восстановит и обустроит эти районы таким образом, что их можно будет ограбить снова. Сюнну не были жестокими по своей природе, но они культивировали жестокость как тактику отношений с китайцами. Ханьский двор не мог игнорировать требования сюнну и был вынужден обращаться с шаньюем как с властителем, равным императору Хань. Подобный статус не предоставлялся ни одному другому иноземному правителю.

Сюнну чередовали периоды войны с периодами мира для получения все больших уступок со стороны Китая. За грабительскими нападениями следовало направление послов от шаньюя, которые всегда высказывали предположение, что имеющиеся проблемы могут быть решены с помощью заключения нового договора. Каждый раз, нарушая договор, шаньюй выдвигал требования новых субсидий и дополнительных торговых привилегий в обмен на обещание мира. Продолжительность мира в известной степени определялась содержанием нового договора. Первоначальные договоры, обеспечивавшие субсидии, но не торговлю, соблюдались только несколько лет. После того как они дополнялись торговыми соглашениями, периоды мира стали гораздо более продолжительными. Однако даже за самыми мирными взаимоотношениями таилась скрытая угроза того, что сюнну могут напасть на империю Хань, если их требования не будут удовлетворены, и осознание того, что никакой мирный договор не может постоянно сдерживать их. Это положение оставалось верным даже тогда, когда китайцы своими атаками позднее принудили сюнну к обороне. Последние продолжали требовать больших, а не меньших привилегий в качестве условия прекращения войны, поскольку они знали, что ведение военных действий было гораздо более дорогим и разорительным делом для правительства Хань, чем для кочевников. Ханьский двор расценивал эту усиливающуюся враждебность и требования заключения мирных договоров как верх нахальства «варваров» и свидетельство их неисправимой жадности. Как заметил один из чиновников Хань, «теперь сюнну, с одной стороны, высокомерны и наглы, а с другой стороны, они захватывают и грабят нас, что должно быть расценено как акт крайнего к нам неуважения. Ущерб же, который они наносят империи, в высшей степени безграничен. И все же Хань каждый год снабжает их деньгами, шелковой ватой и тканями»³².

В защиту кочевников высказывалось мнение, что обычно они были мирными и нападали на Китай, только когда им отказывали в торговле. Однако ни одна из этих интерпретаций полностью не объясняет политику сюнну. Чередование войны и мира рассчитывалось таким образом, чтобы постоянно напоминать правительству Хань о том, что мирные договоры обходятся дешевле и менее разорительны, чем пограничные войны. Даже за самыми мирными отношениями крылась угроза насилия, что совершенно ясно выразил китайский советник Чжунхан Юэ, который перебежал к сюнну. Когда посланники Хань предъявили жалобы на слишком большой размер субсидий и подарков, получаемых сюнну, он отклонил их, говоря:

Просто убедитесь, чтобы шелк и зерно, которые вы приносите сюнну, были в достаточном количестве и непременно лучшего качества, и все. Какой толк в разговорах? Если товары, которые вы доставили, будут в достатке и хорошего качества, то все в порядке. Но, если имеется какая-либо недостача или качество будет скверным, тогда, когда придет время осеннего урожая, мы возьмем наших коней и вытопчем все ваши посевы!³³

Сюнну эксплуатировали Китай на расстоянии и избегали захвата китайских сельскохозяйственных земель. Не будучи в силах противостоять большим китайским армиям, они взяли за правило отступать до того, как их атакуют: «Если сражение идет для них успешно, они будут наступать, а если нет, отступают, поскольку не считают позорным бежать. Они заботятся только о собственном преимуществе и ничего не знают о пристойности и справедливости»³⁴. Когда ханьский У-ди предпринял длительное наступление

³² XIII 48 : 12b; *Yü. Trade and Expansion*. P. 11.

³³ III Ц 110 : 17b; *Watson. Records*. Vol. 2. P. 172.

³⁴ III Ц 110 : 2a; *Watson. Records*. Vol. 2. P. 155.

на сюнну, они отступили через пустыню Гоби, чтобы сделать трудным и дорогостоящим преследование их войсками Хань. Во времена своего могущества сюнну проникали глубоко внутрь Китая, однажды дойдя даже до окрестностей ханьской столицы Чанъань, но никогда не оккупировали китайские земли, которые им в дальнейшем пришлось бы защищать. Хотя сюнну и представляли наиболее опасную внешнюю угрозу для династии Ранняя Хань, ни в одном из многочисленных дебатов по этому поводу при дворе не высказывалось опасений насчет того, что сюнну могут попытаться завоевать Китай. Сюнну осуществляли осторожную политику, удерживаясь от слишком близкого контакта с Китаем. Таким способом они могли эксплуатировать его, не обнаруживая недостатка в своей численности и не утрачивая мобильности.

Реакция Китая

На протяжении периода Ранней Хань все попытки Китая уничтожить сюнну не имели успеха. Неудачи ханьского двора в этом деле вызывали раздражение, поскольку сюнну считались грубыми варварами, которых можно превзойти в дипломатии или победить, используя большую военную мощь Китая. Однако сюннуское государство было хорошо приспособлено для противодействия давлению со стороны Китая. Оно было готово противодействовать и даже извлекать выгоду из стратегии Хань, направленной на его уничтожение.

Первоначально правительство Хань рассматривало политику субсидий *хэцинъ* и умиротворения сюнну как способ избежать дорогостоящих потерь на северной границе. Оно также надеялось, что подарки и субсидии могут быть использованы как экономическое оружие — для ослабления, а в конечном итоге и для уничтожения сюнну. Подобная стратегия получила название «пяти искушений».

1. Изысканные одежды и повозки для развращения их глаз.
2. Прекрасная пища для развращения их ртов.
3. Музыка для развращения их ушей.
4. Величественные здания, зернохранилища и рабы для развращения их вкусов.
5. Подарки и милости для отступников³⁵.

Стратегия «пяти искушений» также обладала способностью ослабить сюнну, сделав их зависимыми от Китая. Чжунхан Юэ предупреждал сюнну об этой опасности:

Все население сюнну по численности не сравнится с численностью населения одной провинции империи Хань. Сюнну сильны своими отличиями в одежде и пище, поэтому они ни в чем не зависят от Хань. Сейчас шаньюй обрел пристрастие к китайским вещам и пытается изменить обычаи сюнну. Таким образом, хотя Хань посылает сюда не более чем 1/5 своих товаров, она в конце концов достигнет победы над всем народом сюнну. Получая ханьские шелковые наряды, наденьте их и попытайтесь проскакать на своих конях через колючий кустарник! В момент ваши халаты и штаны будут разорваны в клочья, и каждый увидит, что шелковые одежды несравнимы по пригодности и качеству с войлочной и кожаной одеждой. Таким же образом, получая ханьские съестные продукты, выбрасывайте их, чтобы люди могли видеть, что они не так полезны или вкусны, как молоко и кумыс!³⁶

Хотя в теории казалось, что стратегия «пяти искушений» несет угрозу сюнну, она потерпела крах, поскольку основа существования последних никогда не подвергалась риску. Хотя торговля и была чрезвычайно важна для рядовых кочевников, которые могли обменивать излишки продуктов скотоводства на товары, произведенные в империи Хань, такие как ткань и металл, или продукты питания, — например, зерно и вино, их выживание не зависело от этой торговли. В действительности из товаров, поставляемых ханьским двором, наибольшим спросом пользовались предметы роскоши, которые затем распределялись шаньюем среди знати. Для сюнну ханьские подарки, субсидии и торговля, а также награбленная добыча представляли основной источник богатства, ведь, как заметил О. Лэттимор, «чистый кочевник — бедный кочевник»³⁷. Таким образом, шаньюй тщательно охранял свои исключительные права на сношения с Китаем от имени всех степных племен, оберегая тем самым собственную политическую власть. Хотя племенные вожди могли дезертировать в Китай, а ханьские изменники могли переходить к

³⁵ Yü. Trade and Expansion. P. 36–37.

³⁶ III Ц 110 : 16a; Watson. Records. Vol. 2. P. 170.

³⁷ Lattimore. Inner Asian Frontiers. P. 522.

сюнну, ни одному местному вождю сюнну, пока он оставался подданным империи, не разрешалось вести внешние переговоры от своего имени. Пограничные отношения никогда не поддерживались на местном уровне, а только через посланников шаньюя к ханьскому двору и обратно. Правительству Хань иногда удавалось переманивать в Китай большие группы кочевников с помощью щедрых подарков и титулов, но, вследствие централизованной структуры сюннского государства, оно не могло заключать союзы с вождями сюнну на местах и обходить центральную власть в лице шаньюя.

В 133 г. до н. э. ханьский У-ди попытался раз и навсегда решить проблему сюнну, отказавшись от политики *хэцинь* и начав агрессивные военные действия. Радикальное изменение внешней политики Хань во времена У-ди было реакцией на давно существовавшее недовольство договорами *хэцинь*, а также следствием активной политической философии, доминировавшей в то время среди министров двора.

Идеологи двора длительное время утверждали, что договоры *хэцинь* вынуждают Китай платить дань сюнну и уравнивают статус шаньюя со статусом ханьского императора, а само государство сюнну — с китайской империей. Эти два момента противоречили самой сущности китаецентричного мирового порядка, при котором все человеческие отношения рассматривались как взаимосвязанные части в иерархии порядка морального. В частности, император, как правитель всего поднебесного мира, не мог иметь равного себе правителя. В теории международные отношения надлежало иметь только с теми государствами и правителями, которые официально разделяли такие взгляды в своей внешней политике. Официальное признание китаецентричного мирового порядка было очень существенным, поскольку министры ханьского двора считали, что символический порядок во Вселенной был необходимой предпосылкой и отражением брэнного земного порядка. По их мнению, нарушение необходимого символического порядка — будь то в форме предзнаменований, стихийных бедствий или в регулируемых аспектах человеческого поведения — имело прямые политические последствия. Они остро чувствовали угрозы этому символическому порядку.

Наиболее явным и оскорбительным нарушением китаецентричного мирового порядка было то, что сюнну требовали и добились равного с Китаем статуса. Первоначально простодушные сюнну не осознавали, что подобное официальное признание их силы создавало огромные трудности для ханьского двора. До тех пор пока перебежчик из Китая Чжунхан Юэ не объяснил сюнну ситуацию, они воспринимали такое положение как само собой разумеющееся. Однако с помощью Чжунхан Юэ сюнну начали дразнить двор Хань, в изощренной манере манипулируя китайскими символами могущества и власти. Такова была форма мести ханьскому двору одного из его бывших чиновников.

Письма Хань, адресованные шаньюю, были всегда написаны на деревянных дощечках длиной один фут и один дюйм и начинались словами: «Император почтительно спрашивает о здоровье великого шаньюя сюнну. Мы посылаем Вам следующие предметы, и т. д. и т. п.». Чжунхан Юэ, однако, научил шаньюя использовать для ответа таблички длиной один фут и два дюйма, украшенные широкими, большими и длинными печатями, и писать ответ в следующей экстравагантной манере: «Великий шаньюй сюнну, Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, почтительно спрашивает о здоровье императора Хань. Мы посылаем Вам следующие предметы, и т. д. и т. п.»³⁸.

Эти письма вызвали ярость Цзя И — чиновника при дворе ханьского Вэнь-ди (правил в 179–157 гг. до н. э.). Он уже давно выступал против политики *хэцинь*, утверждая, что она находится в прямом противоречии с фундаментальными конфуцианскими принципами.

Положение империи может быть описано примерно как положение человека, подвешенного вверх ногами. Сын Неба находится во главе империи. Почему? Потому что он должен находиться на вершине. Варвары находятся у ног империи. Почему? Потому что они должны находиться внизу... Командовать варварами — это право, данное императору, находящемуся на вершине, а отдавать дань Сыну Неба — это ритуал, который должен исполняться вассалами, находящимися внизу. Теперь же ноги подняты наверх, а голова опущена вниз. Подвешивание вверх ногами — это что-то недоступное пониманию³⁹.

Тогда Цзя И выдвинул предложение — собрать войска для атаки на сюнну, чтобы заставить их знать свое место. Это предложение было оставлено без внимания из-за страха перед кочевниками.

При высказывании этого и других критических замечаний по поводу политики *хэцинь* в центре дебатов находился скорее символический порядок, чем практические соображения.

³⁸ ИШЦ 110 : 16a–16b; *Watson. Records. Vol. 2. P. 170–171.*

³⁹ ИШЦ 48 : 12b–13a; *Yü. Trade and Expansion. P. 11.*

Первоначально подобная критика не оказывала большого влияния. Ханьский Гао-цзу, начавший проведение политики *хэцинь*, не придавал особого значения символическому порядку. У него было достаточно проблем с установлением реального порядка после гражданской войны, которая последовала за падением династии Цинь и провозглашением династии Хань. Будучи поначалу неудачником в этой войне, он достиг успеха — отчасти благодаря своей склонности к выгодным, но непристойным сделкам. После того как его однажды чуть не поймал Маодунь, он с большим уважением относился к силе сюнну. Подарки, брачные союзы и дипломатическое признание сюннуской державы в качестве равного государства были самыми простыми способами умиротворения кочевников в то время, пока династия Хань укрепляла свои позиции в Китае. Гао-цзу даже был готов послать собственную дочь в жены Маодуню, пока ему не воспротивилась возмущенная императрица Люй. Впрочем, пересуды о непристойном характере подобной политики мало могли повлиять на человека, чье отношение к конфуцианским философам во время гражданской войны было хорошо известно: он мочился в их традиционные головные уборы всякий раз, когда они появлялись перед ним с предложениями⁴⁰.

Политика *хэцинь* продолжалась во времена правления императрицы Люй и императоров Вэнь-ди и Цзин-ди, несмотря на периодические нападения и оскорбления со стороны сюнну. К этому времени относится и грубое предложение замужества императрице Люй от Маодуня, разозлившее ее до такой степени, что она готова была начать войну, — однако министры двора напомнили ей, что ханьские войска безуспешно боролись с сюнну во времена правления ее мужа, и послали Маодуню любезный отказ. Терпимость к требованиям сюнну находилась в соответствии с доминировавшей тогда в империи Хань политикой невмешательства во внутреннюю экономическую жизнь страны, при которой правительственные поборы с китайского населения должны были быть сведены к минимуму. Император Вэнь-ди особенно славился отсутствием расточительства и скромным образом жизни. Несмотря на непристойную форму и другие трудности, политика *хэцинь* выполняла свою основную роль в устранении постоянного военного противостояния на границе, которое стало бы тяжелым бременем для казны Хань.

Ко времени правления императора У-ди (140–87 гг. до н. э.) Китай давно оправился от разрушений периода гражданской войны, в ходе которой была основана династия Хань. Договоры с сюнну снова превратились в политическую проблему и были подвергнуты критике как неподходящие для великой державы. В ходе острых дебатов чиновники, сторонники давнего предложения Цзя И, утверждали, что пришло время освободиться от сюннуской угрозы раз и навсегда. Защитники системы *хэцинь* отвечали, что такая война будет чрезвычайно дорогостоящей и в конце концов мало к чему приведет, поскольку Хань не сможет оккупировать степь и полностью изгнать сюнну. Вначале защитники старой политики победили, но в 133 г. до н. э. ханьский У-ди присоединился к партии войны. На протяжении последующих 40 лет его правления Китай предпринимал огромные усилия с целью уничтожения сюнну⁴¹.

Стратегия империи Хань в ее войнах с сюнну реализовывалась в четырех основных направлениях. Во-первых, граница Хань переносилась к границам старой династии Цинь, а в некоторых местах — и дальше нее. Граница на всем протяжении охранялась рекрутами, часто каторжанами, дислоцированными на территории крепостей. Считалось, что эти воины будут находиться на частичном самообеспечении за счет продукции созданных ими земледельческих колоний. Во-вторых, ханьский двор пытался заключить союз с соседями кочевников сюнну — усунями и юэжками. Юэжжи обосновались в области Окса (Амударьи) и не желали продолжения войн с сюнну. Они отвергли союз с Китаем. Усуни готовы были заключить союз, скрепленный свадьбой Гуньмо и ханьской принцессы, но не хотели связывать себя излишними обязательствами. Время от времени они помогали Китаю, нападая на сюнну с запада. В-третьих, войска Хань должны были продвинуться в бассейн реки Тарим и захватили расположенные там города-государства. Тем самым они попытались «отсечь правую руку сюнну», прервав их связи с кочевниками-цзянами на окраинах Тибета и перерезав канал поступления доходов из городов-государств Восточного Туркестана⁴². Наконец, большие карательные экспедиции ханьцев должны были уничтожить сюнну в самой степи.

Ханьские стратеги недооценили живучесть конфедерации сюнну и трудность достижения победы в степи. Китайцы смогли захватить и оккупировать лишь окраинные земли, расположенные вдоль линии границы. Они были не способны ни оккупировать всю степь, ни ввести там сельскохозяйственную экономику, подобную той, которую ввели в захваченных

⁴⁰ Ср.: ШЦ 97 : 1b; *Watson. Records. Vol. 1. P. 270.*

⁴¹ Лоу (Loewe) в работе, посвященной военным кампаниям ханьского У-ди (*Campaigns*), дает детальное описание и анализ этих войн на основании данных *Хань-шу*. Его исследование завершается кратким резюме, в котором особенно интересно приложение А — «Список основных военных событий (138–90 гг. до н. э.)».

⁴² XIII 61 : 4b; *Hulsewé. China in Central Asia. P. 217.*

районах на юге и западе. Действительно, даже военные действия в степи были весьма накладным предприятием, требующим наличия больших обозов для снабжения ханьских войск, поскольку сюнну не имели сельскохозяйственных угодий и богатых городов, которые можно было захватить. Вне зависимости от количества одержанных побед ханьские войска должны были в конце концов уйти из земель сюнну и оставить степь в руках кочевников.

Сюнну тем временем пересмотрели свою стратегию внешней границы, чтобы сделать ее соответствующей новой агрессивной политике Китая. Как и прежде, эта стратегия основывалась на непревзойденной способности кочевников к быстрому передвижению и неспособности ханьских войск оставаться в степи дольше, чем несколько месяцев (пока не кончатся припасы).

Враждебные действия начались с того момента, когда ханьские войска устроили ловушку для сюнну на рынке пограничного города Май. Шаньюй прибыл в этот район со своей армией, но обеспокоился, когда заметил в полях скот, пасущийся без пастухов. Заподозрив что-то неладное, он вовремя раскрыл планы китайцев, и сюнну ретировались без ущерба. Затем сюнну напали на границу, заставив ханьский двор направить основные военные усилия на обеспечение живой силой и припасами протяженных пограничных укреплений. Однако эти укрепления, которые были чрезвычайно важны для обороны Китая, никоим образом не способствовали разгрому сюнну. В войне с Китаем последние имели преимущество — выбор направления удара. Располагаясь в глубине степи, они заставляли Хань вкладывать много средств в защиту границы по всей ее длине, в то время как сами могли концентрировать силы для атаки на слабейшем участке границы. Китайцы вполне успешно обороняли стационарные укрепления, но им было трудно одновременно укреплять границу личным составом и посылать экспедиционные войска в степь. Основная тяжесть обеспечения защитных сооружений ложилась на плечи пограничного населения, которое также принимало на себя сокрушительные удары кочевников. Ханьский двор был обеспокоен тем, что жители пограничных областей, которые всегда считались политически неблагонадежными, могут перейти на сторону сюнну.

Когда на сюнну стали оказывать военное давление, шаньюй перевел своих людей и ставку подальше от пограничного района, на новые земли в Северной Монголии. Для того чтобы настигнуть сюнну на другой стороне пустыни Гоби, ханьским экспедиционным войскам необходимо было углубиться в степь на сотни миль. Сюнну, как правило, имели подробные сведения о передвижениях ханьских войск и, попросту уходя с пути их следования, часто избегали сражений. Племена, которым угрожало вторжение, могли временно переместиться на территории, обычно занимаемые соседями, без какого-либо сопротивления со стороны последних, так как и те и другие были составными частями единой империи. Многие ханьские армии никогда не видели своего противника. Другие выбивались из сил, преследуя сюнну только для того, чтобы быть атакованными и уничтоженными при попытке возвращения в Китай. Тактика уклонения от сражений путем постоянного отступления была частью старой стратегии кочевников, направленной на то, чтобы дать противнику нанести поражение самому себе. Подобно тому как они отказывались захватывать китайские земли, которые в дальнейшем пришлось бы оборонять от превосходящих ханьских армий, сюнну и в степи точно так же старались избегать сражений до тех пор, пока их шансы на победу не становились предпочтительнее. Не имея городов и деревень, которые надо было защищать, кочевники ограничивались тем, что выжидали, когда тяготы пути и неблагоприятные условия приведут ханьские армии к поражению. Крупные победы над кочевниками могли бы быть достигнуты только если бы ханьские армии переняли у сюнну военную тактику с использованием быстрой кавалерии и внезапных атак. Но ханьские войска и генералы в большинстве своем не были знакомы с этой тактикой и чувствовали себя в степи неуверенно. Те же из них, которые умели воевать в степи, в основном были выходцами из пограничных районов и часто, к неудовольствию ханьского двора, сражались на стороне сюнну, которым сдавались в плен, чтобы избежать смертной казни за поражение, предусмотренной военными законами Хань.

Сюнну продолжали тактику чередования жестоких набегов и предложений о мире. Они, по-видимому, были осведомлены о том, что продолжение военных действий давалось ханьскому правительству с большим трудом, чем кочевникам. В мирных предложениях сюнну всегда требовали возобновления политики *хэцинь*, настаивая на увеличении количества подарков по сравнению с довоенным периодом. Несмотря на потерю субсидий, шаньюй в степи оставался в безопасности. Во время мира он поддерживал свою власть, добиваясь у Китая привилегий для кочевников, а во время войны становился главнокомандующим степных армий и координировал организованную защиту от ханьских атак. Совместная оборона сплачивала племена под его властью. А в Китае продолжавшаяся война против сюнну истощала казну, нарушала нормальную работу правительства и приводила народ к обнищанию. Даже когда шаньюй не мог вымогать субсидии, непосредственно разрушая своими набегами китайскую границу, он использовал косвенный ущерб, который война с сюнну наносила правительству и экономике Китая. С помощью этого он про-

должал оказывать давление на ханьский двор, требуя возобновления торговли и поступления необходимых даров.

Анализ основных военных кампаний Хань и их стоимости показывает, какой огромной тяжестью они ложились на Китай. Потребовалось 10 лет, прежде чем ханьский двор смог заявить о первой значительной победе над сюнну. Прямые атаки впервые увенчались победой в Ордосе в 124 г. до н. э. В 121 г. до н. э. сдался князь Хунь с 40 000 своих людей. В 119 г. до н. э. военная экспедиция в Северную Монголию нанесла крупное поражение сюнну. Эти потери вынудили сюнну отказаться от активных действий примерно на десятилетие, но в 110 г. до н. э. ханьские войска начали покидать свои наиболее глубоко продвинутые на север рубежи. На западе экспансия Хань продолжалась и после этой даты. После первой неудачной попытки ханьский генерал Ли Гуан-ли в 102 г. до н. э. все же захватил Даюань⁴³, установив ханьский контроль над большей частью Восточного Туркестана. Три года спустя, когда этот выдающийся военачальник начал сражаться с сюнну, он потерял от 60 до 70 % своего войска во время одного из походов. В 90 г. до н. э. Ли Гуан-ли попал в плен к сюнну, когда предпринимал против них очередную неудачную экспедицию. Таким образом, после первоначальной серии побед над сюнну империя Хань потерпела крупные неудачи, которые заставили ее в конце правления У-ди перейти к оборонительной тактике.

Победы, так же как и поражения, очень дорого стоили Хань. Кампании 125–124 гг. до н. э., в которых, по официальным сообщениям, были захвачены в плен 19 000 сюнну и угнан миллион овец, обошлись правительству в 200 000 *цзиней* золота, которое было роздано в качестве награды генералам и солдатам, и в 100 000 потерянных лошадей. Сдача в плен князя Хунь обошлась в 10 миллиардов монет, пошедших на оплату подарков и продуктов питания для князя-перебежчика и его людей. (Один *цзинь* золота равнялся 224 граммам и официально оценивался в 10 000 монет.) Великая победа китайских войск в 119 г. до н. э. стоила Хань 10 000 жизней, 100 000 лошадей и 500 000 *цзиней* золота на награды. Эти цифры не включают в себя огромной стоимости снабжения полевой армии провиантом. Ли Гуан-ли потерял 80 % своих людей во время первой неудавшейся атаки на Даюань в 104 г. до н. э. главным образом из-за неправильной организации снабжения. Во время второй, успешной, попытки только 30 000 из имевшихся первоначально 180 000 воинов сумели достичь Даюани⁴⁴.

Для того чтобы понять, что значат эти цифры с точки зрения ханьской финансовой системы, следует учесть, что, согласно имеющимся подсчетам, ежегодные доходы государственной администрации составляли 10 миллиардов монет, а императорской казны — 8,3 миллиарда монет⁴⁵. Только деньги на разного рода премии и поощрения для участников кампании 119 г. до н. э. поглотили половину ежегодных поступлений в казну. Десять миллиардов монет, использованных для обеспечения капитуляции князя Хунь, заставили императорский двор и служащих радикально урезать свои расходы. Эти цифры приводит в описании побед дворцовый историк Сыма Цянь, который был против политики войны. Они показывают, что У-ди не без основания был позднее подвергнут критике за то, что обанкротил Китай в погоне за славой. Потеря большого количества лошадей в каждой кампании и необходимость огромных расходов на снабжение войск также означали, что ханьский двор был не в состоянии развивать свои успехи. Сюнну, таким образом, всегда имели время восстановить силы перед следующей атакой Хань. Даже защищаясь, они наносили ущерб ханьской экономике, заставляя китайцев изыскивать все новые и новые источники доходов для оплаты непрекращающихся войн.

С самого начала политика войны разделила ханьский двор. Воинственно настроенные министры полагали агрессивные действия необходимыми, чтобы поставить сюнну на место в соответствии с китаеццентричным мировым порядком, основанным на конфуцианских моральных принципах. Осуществление этой политики, однако, требовало наращивания вооруженных сил, централизации экономики путем установления государственных монополий, введения тяжелых налогов и повсеместного призыва на военную службу, т. е. действий, являвшихся отличительными признаками агрессивной философии легистов, которой руководствовалась исчезнувшая династия Цинь⁴⁶.

Критики, составлявшие дворцовые доклады, часто подчеркивали схожесть между политикой ханьского У-ди и политикой ненавистной Цинь. Влиятельный министр двора Чжуфу Янь представил пространный доклад, в котором, помимо прочего, отмечал:

Не только наше поколение находит, что сюнну трудно завоевать и управлять ими. Они сделали своим занятием воровство и грабеж, и это, по-видимому, их природные свойства. Со времен императора Шуня и

⁴³ Даюань, или Давань — Фергана. — *Примеч. науч. ред.*

⁴⁴ Loewe. Campaigns. P. 96–101.

⁴⁵ Yü. Trade and Expansion. P. 61–64.

⁴⁶ Ср.: Yang. Historical notes on the Chinese world order.

правителей династий Ся, Шан и Чжоу их ни к чему не обязывали и никак не контролировали, скорее их рассматривали как животных, которых надо выпасать, но не как представителей человеческой расы.

Сейчас Ваше Величество не обращает внимание на то, каким образом император Шунь и династии Ся, Шан и Чжоу смогли так долго сохранять свою власть, но лишь повторяет ошибки, допускаявшиеся в недавнем прошлом [т. е. во времена Цинь], что вызывает во мне глубокое беспокойство и причиняет горе и страдание простому народу.

Более того, война, затянувшаяся на долгий период, часто порождает восстания, а бремя военной службы может привести к недовольству, так как народ на границе испытывает такое огромное напряжение и такие трудности, что начинает думать только о том, как отшатнуться [от Вас], в то время как военачальники и командиры становятся подозрительными друг к другу и начинают вступать в сделку с врагом⁴⁷.

Длительная война наносила ущерб интересам гражданской бюрократии, традиционно контролировавшей государственную администрацию. Война возвышала военнотружеников и класс торговцев, которые были единственно реальными конкурентами гражданских бюрократов на руководящие посты в правительстве. В мирное время гражданские чиновники допускали к занятию руководящих постов только представителей своего класса, используя для этого систему экзаменов и рекомендаций, основанную на идеальной модели таланта и добродетели, которые нужно было продемонстрировать с помощью совершенного знания литературных классиков. Торговцы не допускались к системе экзаменов на основании закона, поскольку их занятие считалось постыдным, а солдаты по самой своей природе не обладали необходимой добродетелью. Во время войны возможность отсекал эти группы исчезала, и успешные военачальники могли претендовать на богатство, благородные звания и должности в правительстве. Торговцы же могли покупать должности и благородные звания, когда войны, ведшиеся императором, делали государственную казну пустой. В связи с появлением советников из военного и торгового сословий и необходимостью вести войну император был все менее склонен признавать границы собственной власти и все более — руководить правительством напрямую. В отличие от своих предшественников, обладавших благородным складом ума (особенно императора Вэнь-ди), император У-ди снискал репутацию тирана. По этим причинам при дворе всегда существовала влиятельная фракция, требовавшая положить конец военным авантюрам в степи. Вслед за серией поражений, закончившихся пленением Ли Гуан-ли, и рядом дворцовых интриг министры этой фракции смогли прекратить дальнейшие агрессивные кампании, а преемник У-ди полностью от них отказался.

Сюнну были способны противостоять давлению Китая, поскольку система управления в их империи была исключительно прочной. Потеря Ордоса, измена князя Хуньэ и поражение шаньюя в 119 г. до н. э., по-видимому, вовсе не уменьшили сюннуский контроль над степью. Несмотря на атаки и наступательную политику ханьского двора, сюнну не испытывали серьезных трудностей.

В итоге ханьское правительство изменило политику, перейдя к чисто оборонительной тактике и не предпринимая никаких активных действий, но не заключая, однако, при этом и мира. Эта политика неожиданно оказалась самой разрушительной для сюнну. Они могли победить ханьские войска в степи, но не могли с легкостью проникнуть сквозь мощные линии укреплений, в обороне которых у китайцев было военное преимущество. Это поставило шаньюя в неудобное положение. Когда ханьские войска вторгались в степь, он выступал в качестве защитника кочевников и мог быть уверен в их поддержке. Даже при поражениях кочевники собирались под его знамена, чтобы защитить самих себя, или переходили на сторону Китая, т. е. переставали быть частью государства сюнну. Когда китайцы ушли со своих передовых рубежей, сюнну перешли в наступление в надежде, что вслед за этим снова будут вознаграждены. Шаньюй должен был обеспечить их добычей от набегов на Китай или возобновить действие выгодного мирного договора, который гарантировал право торговли и субсидий от ханьского двора. Однако он ничего не мог поделать с мощной, но пассивной обороной Хань. Следовательно, совсем не случайно, что, по заявлениям самих сюнну, их упадок начался во время правления шаньюя Цзюйдихоу (101–96 гг. до н. э.), т. е. как раз в то время, когда они вытеснили китайцев из степи⁴⁸. Правление четырех преемников Цзюйдихоу было омрачено все более масштабными и острыми разногласиями. Впервые знать сюнну разделилась на несколько фракций. Разногласия, которые ранее возникали вокруг передачи власти и разрешались мирным путем, теперь привели к расколу. Многие степные племена вскоре решили проверить могущество сюнну на прочность.

Сюннская оборона от ханьских атак всегда базировалась на понимании того, что китайские войска не могут постоянно оккупировать степь. Но это не относилось к другим кочевым племенам в степи. Они имели возможность изгнать сюнну из региона или властвовать над ними — точно так же, как сюнну в свое время изгнали юэчжей и присоединили дунху (ухуаней),

⁴⁷ III Ц 112 : 7a; *Watson. Records. Vol. 2. P. 228–229.*

⁴⁸ XIII 94B : 3a–3b; *Wylie. History. Vol. 5. P. 44.*

установив собственную гегемонию в степи. Нападения на сюнну со стороны других кочевых племен, таким образом, качественно отличались от атак ханьцев. По этой причине сюнну смотрели на зависимые племена с тревогой. Разлад в империи зашел так далеко, что споры вокруг проблемы наследования дали возможность зависимым племенам, которые до этого остерегались задевать сюнну, напасть на своих бывших сюзеренов.

Первыми на сюнну около 78 г. до н. э. напали кочевники-ухуани, разграбившие могилы шаньюев. Этот акт святотатства взбесил сюнну, которые в ответ организовали карательный рейд и легко разгромили ухуаней. Несколько лет спустя конфликт разразился на западе, когда сюнну заняли пограничную территорию в Туркестане и угрожали усуням. Используя свой союз с ханьским двором, для которого они в прошлом мало что делали, усунь получили военную помощь для нападения на сюнну в 71 г. до н. э. Эта атака увенчалась лишь частичным успехом, однако на сюнну одновременно обрушились еще три крупные катастрофы. Во-первых, для того, чтобы избежать атак со стороны Китая, они были вынуждены в неурочное время года отвести своих людей и животных, что привело к смерти большого количества и тех и других. Во-вторых, после успешной зимней контратаки на усуней сюннская армия была застигнута бураном и почти полностью уничтожена. Весть об этом несчастье спровоцировала нападения на сюнну со всех сторон: динлины напали с севера, усунь — с запада и ухуани — с востока. В-третьих, в 68 г. до н. э. на сюнну обрушился голод; в том же году умер шаньюй. Однако, несмотря на эти бедствия, они удерживали контроль над степью. Только в 60 г. до н. э., во время очередного кризиса в престолонаследии, в сюннской империи вспыхнула междоусобная война, расколовшая ее на части. Именно эта война заставила сюнну вести с Китаем переговоры о мире. Они долго отказывались заключить мирный договор с Китаем, поскольку ханьский двор настаивал на отмене системы *хэцинь* и требовал присоединения сюнну к даннической системе в качестве одного из условий нового соглашения.

Новый мир

Одной из основных целей военной политики ханьского У-ди было установление даннической системы в качестве единственной формы взаимоотношений Китая с внешним миром. Эта система предполагала, что любое иностранное государство или народ должны признать свое подчиненное по отношению к Китаю положение. После своего поражения в 119 г. до н. э. сюнну предлагали возвратиться к старому мирному договору, основанному на политике *хэцинь*. Ханьский двор ответил им, что такой мир будет возможен только в том случае, если шаньюй согласится прислать заложника в Китай, воздаст почести императору и предложит ему дань. Шаньюй Ичжисе с гневом отверг эти требования. В 107 г. до н. э. подобное предложение отверг и его преемник, выразивший свое недовольство следующими словами:

Не таким образом делались дела при прежнем союзе, выражал неодобрение шаньюй. При старом союзе Хань всегда присылала нам императорскую принцессу, шелка, съестные припасы и другие предметы для того, чтобы сохранить мир вдоль границы, в то время как мы, со своей стороны, воздерживались от нападения на границу. Теперь Вы хотите пойти против старых правил и заставить меня послать моего сына в качестве заложника. Не надейтесь на это⁴⁹.

Сюнну продолжали отвергать новые требования Китая еще полвека. Затем, в 54 г. до н. э., много позже смерти У-ди и прекращения его агрессивной политики, они приняли условия Китая. С этого момента ни одна кочевая держава в степи всерьез не протестовала против даннической системы. Причиной столь резкой перемены в настроениях стало осознание того, что эта система является бутафорской, требующей лишь символического подчинения в обмен на огромные выгоды. Как только сюнну поняли, как она действует, они стали активно поддерживать эту систему, что позволило им восстановить свою власть в степи.

Первоначальный отказ шаньюя от даннической системы основывался на его ясном понимании своего места и роли в политической системе степи. Шаньюй и государство сюнну зависели от эксплуатации экономики Китая на благо степи в целом. Политическая система сюнну не могла допустить обратного: если бы шаньюй согласился выплачивать дань Китаю, он лишился бы основной опоры, поддерживающей его собственную власть. Сюнну не видели в даннической системе лишь идеологическую конструкцию для проведения внешней политики. Исходя из своего опыта правителей степной империи, они воспринимали предложение Китая как попытку принудить их к подчинению. Сюнну требовали дань и заложников от соседних племен, чтобы обеспечить

⁴⁹ ШЦ 110 : 28b; *Watson. Records. Vol. 2. P. 186.*

продолжение эксплуататорских отношений, которые были им непосредственно выгодны. У них не хватало воображения, чтобы представить, что Китай может интересоваться только символами формального подчинения, не представляющими практической ценности. Для прагматиков сюнну мир символов ограничивался в основном горящими городами и отрубленными головами врагов. То, что Китаю может потребоваться только символическое подчинение в обмен на значительное увеличение числа подарков, регулярные выплаты и возможность торговать, было, согласно определению Цзя И (сделанному, правда, в ином контексте), «чем-то недоступным пониманию, подобно подвешиванию вверх ногами». Сюнну, таким образом, продолжали бороться за возвращение к договорам *хэцин* как единственной основе мира. Потребовались междоусобная война и отчаянные усилия теряющих свою власть сюннуских правителей, чтобы они разобрались в действительном характере ханьской даннической системы.

Междоусобная война сюнну

Первая междоусобная война сюнну явилась кульминацией все более ожесточенных разногласий по поводу престолонаследия, описанных выше. Начало ей в 60 г. до н. э. положила смерть шаньюя Сюйлюй Цюаньцзюя, когда знать империи не смогла договориться о том, какой из двух родов должен унаследовать престол.

Когда шаньюй умер, Синвэйян, носивший титул князя Хэсу, разослал гонцов для того, чтобы собрать всех князей. Однако, перед тем как они прибыли, госпожа чжуаньцзюй яньчжи и ее младший брат Дулунци, занимавший пост левого старшего цзюйцзюя, организовали заговор и возвели на престол под именем шаньюя Уяньцзюйди правого мудрого князя. Последний получил пост правого мудрого князя по наследству от своего отца и был правнуком шаньюя Увэя⁵⁰.

В прежних конфликтах по поводу престолонаследия принимали участие претенденты лишь из одного семейства, и вопрос заключался в том, брат или сын умершего шаньюя станет наследником. На этот раз заговор привел к вражде двух могущественных родов царского происхождения. Будучи правнуком шаньюя Увэя, Уяньцзюйди в действительности представлял собой ветвь старших потомков Маодуня, которые уступили контроль над престолом потомкам младшего брата Увэя. Уяньцзюйди путем переворота отобрал престол не только у официального наследника, но и у членов всего его рода. Чтобы удержать власть, Уяньцзюйди казнил ближайших советников своего предшественника и снял всех сыновей и братьев Сюйлюй Цюаньцзюя с постов темников конницы, назначив на их место собственных родственников. Это раскололо знать сюнну на противостоящие друг другу роды, и для того, чтобы каким-то образом компенсировать недостаток поддержки на уровне знати, Уяньцзюйди попытался укрепить основу своей власти, введя систему персональных назначений на уровне местной племенной организации.

Именно этот его шаг (как мы уже отмечали) спровоцировал восстание племен внутри конфедерации, поскольку угрожал традиционной автономии местной племенной верхушки. Знатные лица племени юйцзянь отказались признать назначение сына шаньюя на должность князя своего племени — должность, по праву принадлежавшую их собственному правящему роду. Опираясь на помощь опальных членов императорского рода, племена внутри конфедерации восстали, и Уяньцзюйди в 58 г. до н. э. погиб. Однако, так как вопрос о старшинстве и якобы неправомерном наследовании в прошлом был уже поднят, быстро восстановить прежнее единство оказалось невозможно. Всякий, имевший хотя бы отдаленные права на престол, собирал войска, чтобы овладеть им. В какой-то момент насчитывалось не менее пяти самопровозглашенных шаньюев, боровшихся за власть. В конце концов противостоять выпало двум братьям (или единокровным братьям) Чжичжи и Хуханье, сыновьям Сюйлюй Цюаньцзюя.

В китайских хрониках Чжичжи, который изгнал своего соперника из столицы сюнну, именуется северным шаньюем. Хуханье, который ушел к ханьской границе, известен как южный шаньюй. Ни один из них не имел полного контроля над племенами в степи, но Чжичжи, по-видимому, был сильнее, так как в одной из битв он разбил южного шаньюя. В отчаянии один из советников Хуханье предложил последнему подчиниться Китаю, чтобы получить защиту от Чжичжи.

На совете, созванном для обсуждения этого предложения, большинство выступило против подчинения Китаю, и заявило:

Ни в коем случае! По своим обычаям сюнну выше всего ставят независимость, а ниже всего исполнение

⁵⁰ XIII 94A : 37a–37b; *Wylie*. History. Vol. 3. P. 450

повинностей. Мы создаем государство, сражаясь на коне, и поэтому прославились своей смелостью среди всех народов, чьи сильные воины бьются насмерть. Сейчас у нас есть два брата, борющиеся друг с другом за превосходство, и если оно не достанется старшему брату, то перейдет к младшему. И хотя оба могут умереть в борьбе, нетускнеющая слава об их смелости сохранится для сыновей и внуков, которые будут главенствовать над всеми народами. Хотя Китай и силен, нет причины, по которой сюнну должны быть поглощены им. Как можем мы в нарушение древних установлений подчиниться Китаю, позоря имена прежних шаньюев и становясь посмешищем для всех народов? Хотя такой ценой и можно достичь мира, как мы будем главенствовать в будущем над народами?⁵¹

В качестве аргумента в пользу подчинения один из министров указал:

Со времен шаньюя Цзюйдихоу сюнну постепенно уменьшаются в своем числе и никогда не смогут занять свое прежнее положение. Хотя мы неуклонно стремились к этому, мы никогда не сможем иметь ни одного спокойного дня. Сейчас, если мы подчинимся Китаю, наш народ сохранится в мире; но, если мы откажемся сделать это, то начнем движение к гибели. Мы не сможем предотвратить это с помощью наших планов⁵².

Хуханье колебался: если, как считало большинство сюнну, подчинение Китаю означало капитуляцию и аннексию, тогда он мог спасти свою жизнь, только оставив надежду вернуться в степь. Когда его союзники на совете напомнили ему, что междоусобная война была борьбой между двумя братьями, они имели в виду, что судьба народа сюнну не связана с судьбой самого Хуханье. Многие из них без сомнения перебежали бы к Чжичжи вместо того, чтобы подчиниться Китаю. Хуханье, впрочем, также знал и примеры перехода сюнну в прошлом на сторону Китая. Князь Хунье перешел к Хань и был щедро вознагражден подарками и титулами, но его люди были разделены и оказались под ханьским контролем. Самым недавним примером была капитуляция жичжу-князя вместе с большим числом сподвижников (около 59 г. до н. э.). Он также был лично хорошо принят и получил ханьский титул, но совершенно исчез как действующее лицо степной политики. Чжичжи был уверен, что если Хуханье подчинится Китаю, то он утратит всю власть и влияние, которые приобрел в степи. Учитывая, однако, военное превосходство, которое имел Чжичжи, Хуханье чувствовал, что у него нет другого выбора, кроме как подчиниться Китаю, и в 53 г. до н. э. выслал требуемого заложника.

Требования даннической системы оказались в основном церемониальными. Поскольку Хуханье был шаньюем, с ним обращались с особым уважением, ставя его выше всей ханьской знати, и осыпали подарками; кроме того, не делалось никаких попыток отобрать у него его людей. Когда Чжичжи получил эти известия, он изменил свою политику на противоположную и также послал к ханьскому двору заложника, чтобы побороться за преимущества новой системы. Сюнну наконец поняли, что китайцы были заинтересованы в первую очередь в символическом подчинении и были готовы щедро платить за него. Начиная с этого времени данническая система вместе со своей специфической лексикой («подчинение», «почести» и «дань») стала нормой. Как только характер ее действия стал понятен кочевникам, они перестали высказывать против нее серьезные возражения. Вместо этого они стали рассматривать ее как новую структуру, в рамках которой можно было продолжить манипулирование Китаем. Китайские критики часто неодобрительно отзывались об этом факте, отмечая, что кочевники как данники были не искренни в своей мотивации, но руководствовались исключительно корыстными намерениями. Для степных племен слова стоили дешево, и, если Китай соглашался платить за лесть, они были готовы продавать ее вместе со своими овцами и лошадьми. И ханьский двор, и сюнну знали, что под маской новых дружественных отношений скрывалась старая способность кочевников терроризировать Китай с помощью набегов и шантажа.

Стратегия внутренней границы

Установление истинной природы даннической системы позволило Хуханье применить новую стратегию в степной политике. По существу, южный шаньюй использовал военную поддержку и богатство Хань для того, чтобы победить в междоусобной войне в степи. Эта стратегия, которая использовалась и позднее, заключалась в том, что одна из сторон в межплеменной войне (обычно слабейшая) получала поддержку Китая для уничтожения своего противника. Речь не шла о полной капитуляции перед Китаем, при которой вождь племени принимал китайские титулы и включался в ханьскую административную структуру. Стратегия «внутренней границы» требовала от вождя сохранения внутренней автономии и уклонения от

⁵¹ XIII 94A : 37a–37b; *Wylie*. History. Vol. 3. P. 450.

⁵² XIII 94B : 3a–3b; *Wylie*. History. Vol. 5. P. 44.

прямого контроля со стороны китайцев. Осуществление такого курса было возможно только в период распада объединенной конфедерации в степи, поскольку, пока она оставалась единой, для автономного государства на границе не было места. Китайцы были готовы поддерживать конкурентов в междоусобной войне, «руками варваров подавляя варваров», иными словами, проводя политику, неизменно популярную при ханьском дворе⁵³. Они также полагали, что, поддержав победителя, смогут рассчитывать на дружественные отношения с ним в будущем. Действительно, на короткий срок обе эти цели могли быть достигнуты, однако в долгосрочной перспективе китайская помощь позволяла кочевникам восстановить свою империю.

С точки зрения кочевников, Китай финансировал восстановление расколотой конфедерации. Как уже отмечалось, влияние шаньюя зависело от его способности вознаграждать племена, входящие в состав империи. Претендент на престол, заручившийся поддержкой Китая, получал доступ к огромным богатствам, которые могли быть использованы для привлечения новых сподвижников и создания армии. Заключив союз с Китаем, вождь кочевников также получал военную помощь для защиты от соперников и необходимое время, чтобы сколотить собственную коалицию. Такую позицию можно было использовать и для наступления, чтобы изолировать соперника в степи, лишит его возможности торговать и получать дары от ханьского двора, а также затруднить его контроль над степными племенами. При самых благоприятных условиях союзный лидер мог убедить Китай профинансировать племенную армию или, что еще лучше, — послать китайскую армию воевать со своим противником. Действительно, когда китайцы оказывались вовлеченными в междоусобную войну в степи, они были готовы на многое, так как опасались, что сегодняшние их «союзники» завтра могут превратиться во врагов и начать набеги. Союзная Китаю сторона, обладая такими возможностями, почти наверняка выигрывала в междоусобной войне, после чего могла выбрать одно из двух. Можно было двинуться обратно в степь, объединить ее под своим началом и возвратиться к стратегии внешней границы в отношениях с Китаем, а можно — оставить степь расколотой и поддерживать контроль только над пограничными территориями (часто в роли «защитника» Китая), чтобы регулировать поток товаров в степь и удерживать менее организованных кочевников от доступа к даннической системе. Воссоединение сюнну под руководством Хуханье продемонстрировало стратегию внутренней границы в действии. В течение 10 лет он восстановил империю в ее былом величии, используя ресурсы Китая.

Визит южного шаньюя в китайскую столицу в 51 г. до н. э. был одним из крупных событий в истории Хань. При этом немедленно возник вопрос о соответствующем типе дипломатического протокола, который подтвердил бы превосходство Китая, не оскорбив шаньюя. Некоторые ханьские министры требовали, чтобы статус шаньюя считался ниже статуса любого представителя ханьской знати, дабы показать миру, что он просто сдавшийся варвар. Император отверг эту идею. На протяжении более 80 лет Хань и сюнну находились в состоянии войны, поскольку шаньюи отказывались признать принципы даннических отношений, и никакие военные кампании не могли заставить их изменить свое мнение⁵⁴. Император Сюань-ди не желал спугнуть сюнну в тот момент, когда они согласились признать формальную структуру взаимоотношений. «В честь данного случая были организованы особые церемонии, а его (шаньюя) статус рассматривался выше, чем статус сановников или князей империи». Как законный шаньюй, хотя и имеющий соперника, по занимаемому положению он приравнивался почти к самому императору Китая, причем разница по сравнению с полным равенством, гарантировавшимся договорами *хэцинь*, была едва ощутимой. Его не принуждали низко кланяться перед тронем, не жаловали ханьских титулов, показывая, что шаньюй не является частью административной структуры Хань. В обмен на визит ко двору Хуханье получил 20 *цзиней* золота, 200 000 монет, 77 комплектов одежды, 8000 кусков шелка, 6000 *цзиней* шелковой ваты, а его сподвижникам было выдано 34 000 ху риса. На следующий год и Чжичжи, и Хуханье направили посланников для сбора даров, но Хуханье получил больше. В 49 г. до н. э. Хуханье нанес второй личный визит и получил еще больше даров, включая 9000 кусков шелка и 8000 *цзиней* шелковой ваты. На следующий год Хуханье пожаловался, что его люди находятся в бедственном положении, и ханьский двор направил 20 000 ху риса, чтобы накормить их, хотя голод свирепствовал в некоторых частях самого Китая. Эти дары, зерно и торговля помогли Хуханье объединить сюнну⁵⁵.

В этом новом споре из-за выгод, предоставляемых даннической системой, Чжичжи оказался проигравшим. В 45 г. до н. э. он потребовал от ханьского двора возвращения заложника. Раздумывая, как быть, ханьский двор почти два года выжидал, прежде чем отправил заложника обратно с официальным эскортом. Чжичжи убил ханьского посла, а затем покинул старую

⁵³ Yü. Trade and Expansion. P. 14–16.

⁵⁴ Dubs. History of the Former Han Dynasty. Vol. 1. P. 305.

⁵⁵ XIII 94B : 3b–5a; Wylie. History. Vol. 5. P. 44–47.

территорию сюнну, уйдя далеко на северо-запад, где сразился с усунями и распространил свою власть на область Ферганы. Хуханье победил в междоусобной войне за счет экономических ресурсов Китая, даже не встречаясь со своим братом на поле боя. Позднее, в 35 г. до н. э., Чжичжи погиб от рук ханьских воинов во время военной кампании в Западном Туркестане⁵⁶.

Хотя повторные визиты южного шаньюя к императорскому двору и просьбы о предоставлении зерна создавали впечатление, что сюнну были весьма слабы, в действительности они быстро набирали силу. Два ханьских посланника, выехавших для расследования причин исчезновения миссии, направленной к Чжичжи, были поражены тем, насколько сюнну оправдись после потерь в междоусобной войне:

[Посланники] заметили по процветающему виду и многолюдности селения сюнну, что последние более чем вернули себе былое процветание и что местность вокруг укреплений не населяли больше звери из лесов и пустынь. Уверенный в своей силе шаньюй больше не испытывал опасений в отношении Чжичжи, и поговаривали, что его основные министры упорно рекомендовали ему двинуться на север⁵⁷.

В 43 г. до н. э. Хуханье действительно вернулся на север, на родину, «и его люди постепенно воссоединились, придя отовсюду, и страна вновь стала населенной и спокойной»⁵⁸.

Снова находясь в степи, Хуханье мог свободно использовать измененную форму стратегии внешней границы. Угроза осталась той же. Сюнну не были подконтрольны ханьскому правительству и могли при желании атаковать границу. Существенное отличие этого периода от прежних заключалось в том, что при даннической системе сюнну использовали скрытые, а не прямые формулировки угроз, как столетием ранее. В своих посланиях они использовали вежливые выражения, уверенные, что ханьский двор сможет подсчитать цену отказа их требованиям.

Склонив сюнну с помощью предусматривавшихся в рамках даннической системы субсидий и торговых преимуществ к мирному договору, ханьский двор был постоянно обеспокоен, что оскорбив сюнну, может спровоцировать ненужную и дорогостоящую войну на границе. При учете только официальных данных о выдаче шелка сюннским данническим миссиям становится ясно, что, чем дольше продолжался мир, тем более дорогостоящим он становился, так как постоянно увеличивалась стоимость даров, выдаваемых каждому шаньюю, прибывавшему с визитом к ханьскому двору⁵⁹:

Год визита	Шелковая вата	Шелковая ткань
51 г. до н. э.	6000 <i>цзиней</i>	8000 кусков
49 г. до н. э.	8000 <i>цзиней</i>	9000 кусков
33 г. до н. э.	16 000 <i>цзиней</i>	16 000 кусков
25 г. до н. э.	20 000 <i>цзиней</i>	20 000 кусков
1 г. до н. э.	30 000 <i>цзиней</i>	30 000 кусков

Первые три визита нанес сам Хуханье, использовавший два из них для получения средств на восстановление конфедерации сюнну. Резкое увеличение количества подарков во время его последнего визита в 33 г. до н. э. указывает на восстановление былого могущества сюнну. После смерти Хуханье у шаньюев появился обычай — один раз за время своего правления (как правило, после нескольких лет царствования) наносить визит ханьскому двору. Единственный шаньюй, который не нанес визита ханьскому двору, умер в 12 г. до н. э. по пути к императору. Сюнну, а не Хань, настаивали на этих визитах. Китай встречал шаньюев вовсе не с распростертыми объятьями, так как страшился огромных государственных расходов и укоренившегося мнения о том, что они приносят несчастья. Страх перед колдовством был широко распространен при ханьском дворе, и считалось, что шаманы сюнну накладывали проклятья на подарки императору⁶⁰. В 49 и 33 гг. до н. э. ханьские императоры умирали сразу же после визитов шаньюя. В 3 г. до н. э. ханьский двор первоначально отклонил предложение о визите, сославшись на то, что он слишком дорог и сопровождается дурными предзнаменованиями, однако опасение вызвать недовольство сюнну (после того, как один из министров указал на имеющиеся риски), заставило пересмотреть это решение:

Сейчас шаньюй, вновь вставший на путь справедливости и охваченный неподдельно искренними

⁵⁶ См.: Loewe. Crisis and Conflict in Han China. P. 211–243; Hulsewé. China in Central Asia.

⁵⁷ XIII 94B : 6a–6b; Wylie. History. Vol. 5. P. 47–48

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Yü. Trade and Expansion. P. 47.

⁶⁰ Loewe. Crisis and Conflict in Han China. P. 90.

чувствами, желает покинуть ставку, чтобы представиться императору; это традиция, которая передавалась с давних времен и воспринималась как благоприятная духовно мудрыми. Хотя она может дорого стоить государству, ее нельзя игнорировать... Ссориться с тем, кто имеет добрые намерения, значит возбуждать сердечную ненависть.

Отрекшись от своих прежних добрых намерений, [сюнну] вспомнят сказанное нами в прошлом и, пропитавшись горькой ненавистью к Китаю, разорвут все связующие узы и никогда более не будут выражать почтение в присутствии императора. И будет невозможно внушить им благоговейный страх, и будет бесполезно обращаться к ним... Теперь в деле управления сюнну, когда напряженные усилия сотен лет могут быть утрачены за один день и когда желание сохранить 1/10 часть может привести к утере целого, — это, по мнению Вашего покорного слуги, не приведет к миру для страны. Может ли Ваше Величество немного подумать над этим вопросом с тем, чтобы предотвратить бедствия пограничного населения прежде, чем возникнет смятение или будет объявлена война?⁶¹

Шаньюй прибыл с государственным визитом ко двору в 1 г. до н. э. и был щедро вознагражден. В том же году скончался император Хань.

При внимательном взгляде на данническую систему в течение последних 50 лет существования династии Ранняя Хань становится очевидным, что эта система, несмотря на свою специфическую терминологию, по-прежнему глубоко коренилась в традиции *хэцинь*. Требования предоставления заложника, выражения почтения и выплаты дани были по большей части символическими. Заложник при дворе мало что значил, поскольку при нанесении ему вреда ханьский двор рисковал развязать войну. Самое большее, на что могла надеяться Хань, — это возможность оказывать влияние на сюнну, но без принуждения. С точки зрения кочевников, данническая система являлась нелепым маскарадом.

Ханьские хроники не содержат деталей договоров между Хуханье и императорами Сюань-ди и Юань-ди. Возможно, это объясняется тем, что они слишком напоминали договоры *хэцинь*. До правления Ван Мана, когда переговорный процесс возобновился, договоры, очевидно, сохраняли свою прежнюю структуру. Договоры *хэцинь* содержали следующие четыре положения.

1. Ежегодно производились выплаты шаньюю в виде шелка, зерна и вина.
2. Ханьский двор отдавал в жены шаньюю принцессу.
3. Хань и сюнну признавались равноправными государствами, и их правители обладали суверенитетом в своих владениях.
4. Каждая из сторон признавала Великую стену в качестве границы между двумя государствами.

Данническая система внесла в эти положения очень незначительные изменения. Бань Гу, критически оценивая пограничную политику, отмечал: «Стоимость даров, положенных по договору *хэцинь*, не превышала 1000 *цзиней*», — а это значит, что шаньюю продолжали выплачиваться ежегодные субсидии, хотя по сравнению с дарами, получаемыми им во время визитов в рамках даннической системы, эти выплаты были не столь значительны⁶². Хуханье также получил от ханьского двора в жены благородную девицу⁶³, на которой, следуя традиции сюнну, позднее женился и его преемник. Во всем, кроме формальностей, касающихся даннической системы, государство сюнну рассматривалось как равное Китаю и законно управляло всеми народами к северу от Великой стены. Шаньюй сохранял за собой исключительное право брать заложников и взимать дань (натуральные налоги в государстве сюнну) с населения этого региона. Позднее, когда Ван Ман пожаловался на действия сюнну на западе, шаньюй указал, что они были предприняты в соответствии с положениями договора, который подписал Хуханье. Специальная печать, дарованная шаньюю, не подразумевала подчиненный статус, поскольку не походила ни на какую другую ханьскую печать и была похожа только на императорскую. Ни Хуханье, ни его преемники не принимали ханьских титулов. Наконец, Великая стена осталась границей между двумя государствами, и Китай, таким образом, признавал, что его власть не распространяется на степь.

В действительности данническая система являлась дополнением к старым договорам типа *хэцинь*, а не их заменой. В обмен на признание новых церемониальных требований сюнну получили новые преимущества. Основное внимание как ханьского двора, так и шаньюя сюнну было теперь приковано к этим новым и гораздо более дорогостоящим процедурам, далеко превосходившим по своей стоимости прежние ежегодные выплаты. Разобравшись в структуре даннической системы, сюнну немедленно стали ее использовать, часто демонстрируя удивительную изощренность в манипулировании ханьскими ценностными приоритетами для

⁶¹ XIII 94B : 17a–18a; *Wylie. History. Vol. 5. P. 62–63.*

⁶² XIII 94B : 32b; *Wylie. History. Vol. 5. P. 79.* Если имеются в виду *цзини* золота, то общая масса даров должна была составить 15 килограммов, а их стоимость — около 200 000 долларов [здесь и далее долларовые эквиваленты приводятся по курсу 1989 г. — *Примеч. науч. ред.*].

⁶³ Ее имя было Ван Цян. — *Примеч. науч. ред.*

достижения своих собственных целей. Именно шаньюй определял время и частоту визитов за подарками, именно он запрашивал и получал специальные подношения в виде зерна, а также требовал щедрые дары от каждого ханьского посольства, прибывавшего в его ставку, снабжая при этом своих посланников к ханьскому двору лишь символическими подарками. В конце своего правления Хуханье благородно предложил избавить Китай от обязанности охранять границу, передав эту функцию сюнну. Это предложение было отвергнуто после того, как один ханьский критик заметил, что подобный шаг даст сюнну еще больше власти, чем они уже имеют, и позволит держать Китай в качестве заложника в будущем.

Данническая система обеспечила 60 лет мира на границе. Как и в прежние периоды перемирия, устанавливавшегося в соответствии с договорами *хэцинъ*, этот мир был возможен только благодаря финансированию государства сюнну за счет Китая. Шаньюй постоянно получал шелк и другие товары, которые мог продавать или перераспределять внутри империи. Когда все сильные соперники шаньюя были разгромлены, сюнну восстановили свою гегемонию в степи. Рядовые кочевники опять получили доступ к пограничным рынкам, где они могли выменивать товары из Китая. Страх перед тем, что сюнну могут начать новую войну, было достаточно, чтобы ханьский двор постоянно увеличивал объемы подарков. Это длительное перемирие наконец было прервано, когда Ван Ман, подобно ханьскому У-ди, попытался изменить существующий *status quo* и спровоцировал конфликт с сюнну. Однако, усвоив сущность даннической системы, сюнну теперь использовали более изощренный вариант стратегии внешней границы — они устраивали набеги на границу Китая и одновременно смиренно испрашивали как можно большее количество даров.

Ван Ман: Китай пробует новый подход

Ван Ман происходил из аристократического рода, состоявшего по женской линии в родстве с ханьским императорским домом. В конце правления династии Ранняя Хань он занял пост высшего сановника империи и сосредоточил в своих руках всю политическую власть, а затем ненадолго основал собственную династию Синь (9–23 гг.). Ревностный последователь Конфуция, Ван Ман был полон решимости установить единый, идеологически выверенный порядок, который бы определял как внешнюю, так и внутреннюю политику. Он не одобрял компромиссы, которые позволили сюнну стать данниками без признания превосходства со стороны Китая. Поэтому было решено пересмотреть договор и изменить отношения «Хань — сюнну» в пользу Хань. Для осуществления этой политики Ван Ман применял две стратегии. Первоначально он требовал изменений в поведении сюнну, подкупая их щедрыми дарами, а когда сюнну доказали свою неискренность, принимая подарки и игнорируя требования, перешел к агрессивной политике военной мобилизации и назначил собственного шаньюя для раскола сюннуской конфедерации. Почти с точностью часового механизма Ван Ман примерно каждые пять лет менял свою стратегию, пока в 23 г. не погиб от рук китайских мятежников⁶⁴.

Реакция сюнну на действия Ван Мана показала, что они стали гораздо более искушенными в проведении внешней политики с тех пор, как приняли данническую систему. Сюнну добивались от Ван Мана продолжения использования этой выгодной для них системы на протяжении правления трех шаньюев. Именно китайцы, а не сюнну выступали в этот период инициаторами разрыва отношений. Лучше всего это можно видеть при изучении последовательно сменявшихся друг друга периодов войны и мира⁶⁵ на границе во время правления Ван Мана.

Первые разногласия возникли в 5 г., когда шаньюй принял группу беженцев из Туркестана, бежавших из-под власти Хань. Ван Ман потребовал их возвращения. Шаньюй в ответ сослался на договор, подписанный Хуханье, который давал ему право принимать лиц из всех областей, находящихся за пределами Великой стены, кроме беженцев из самого Китая. В качестве жеста доброй воли он, однако, вернул беженцев с просьбой помиловать их. Ван Ман обезглавил их и через посланников потребовал от шаньюя пересмотра договора специально для того, чтобы исключить из него беженцев и заложников из племен усуней и ухуаней, а также восточно-туркестанских подданных Китая. Примерно в то же время, пообещав щедрые дары, он попросил шаньюя сменить свою «варварскую» многосложную фамилию на китайскую. Шаньюй принял имя, взял дары и формально согласился с изменениями договора.

В действительности шаньюй не имел намерения менять характер своих отношений с Китаем и не считал себя связанным новыми условиями договора. Сюннуские сборщики налогов

⁶⁴ Хотя Ван Ман и провозгласил создание новой династии, ее история описывается в заключительной части *Хань-ши*, завершающей повествование о Ранней Хань.

⁶⁵ Всего таких периодов было четыре.

продолжали, как и прежде, брать поборы с ухуаней. Когда последние воспротивились этому, сославшись на то, что власть шаньюя больше на них не распространяется, сюнну атаковали их и захватили много пленных в качестве заложников с целью получения выкупа. Политика шаньюя заключалась в том, чтобы соглашаться с требованиями Ван Мана ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы поток даров не прерывался, и при этом поступать, по существу, так, как ему нравилось. Показательна, например, реакция шаньюя, когда в 9 г. Ван Ман послал ему новую печать династии Синь для замены полученной ранее ханьской. В отличие от ханьской синьская печать подразумевала, что шаньюй является чиновником новой китайской династии, да еще невысокого ранга. К сожалению, шаньюй распознал изменение только тогда, когда старая ханьская печать была уничтожена. Оскорбленный, он потребовал, чтобы Ван Ман восстановил ее прежний вид. Ван Ман отказался, но отправил шаньюю еще одну партию подарков. Вместо объявления войны Китаю шаньюй просто вышел из повиновения и начал организовывать набеги на границу.

После истории с печатью шаньюй принял вторую группу перебежчиков из Туркестана и атаковал аванпосты Китая на западе. В ответ Ван Ман постарался расколоть империю сюнну. Объявив о своем намерении назначить пятнадцать новых шаньюев для управления степью, он в 11 г. направил к границе посланников, чтобы соблазнить потомков Хуханье золотыми дарами. Два брата, Дэн и Чжу, были привлечены этим предложением и перешли на сторону Ван Мана. Позднее за ними последовал и их отец Сянь, один из сыновей Хуханье и единокровный брат правящего шаньюя. Сянь получил 1000 *цзиней* золота (1000 *цзиней* = 244 кг, или 3 500 000 долларов в современном эквиваленте) и титул Сяо-шаньюя («младшего шаньюя»). Чжу был назван Шунь-шаньюем («почтительным шаньюем») и получил 500 *цзиней* золота, а его брат стал князем Хань и генералом императорской стражи. Оба брата были отправлены в Чанъань, где после того, как Чжу умер естественной смертью, его титул перешел к Дэну. Шаньюй, придя в бешенство от этого прямого вмешательства во внутренние дела сюнну, приказал своим подчиненным напасть на границу, и впервые за многие годы граница Китая почувствовала на себе крупномасштабные сюннуские атаки. Сянь быстро сбежал от Ван Мана, бросив сына, и вернулся ко двору шаньюя, чтобы объяснить свои действия. Шаньюй разжаловал алчного единокровного брата до небольшого чина, лишив его таким образом возможности наследовать престол. Тем временем Ван Ман, узнав, что Сянь совершил ряд набегов на границу, публично казнил в отместку его сына Дэна. Он также начал снаряжать армию численностью в 300 000 воинов с запасом провианта на 300 дней, которая должна была изгнать сюнну из степи. Впрочем, хотя армия неизвестной численности и была направлена к границе, она никогда не покидала стен пограничных укреплений.

План, который придумал Ван Ман для разделения сюнну, основывался на предположении, что поддержка Китая, как и в случае с Хуханье, позволит китайскому ставленнику одержать победу в междоусобной войне. Однако эта историческая аналогия была ошибочной. Помощь Китая имела решающее значение только тогда, когда сюнну сами по себе были разделены. Когда они были едины, оснований для успеха в степи шаньюя, поддерживаемого Китаем, не было. Сянь признал этот факт, вернувшись в степь, как только началась конфронтация. К несчастью для Ван Мана, своими действиями он более напоминал ханьского У-ди, чьи грандиозные планы тоже не сбылись, и который втянул Китай в дорогостоящую и безрезультатную войну с сюнну.

Набеги, организованные шаньюем Нанчжиясы, не были слишком интенсивными, скорее они были призваны продемонстрировать Ван Ману, что война на границе обходится дороже, чем мир с сюнну. Политика сюнну была направлена не на эскалацию боевых действий, а на восстановление потока материальных благ в рамках даннической системы. После смерти Нанчжиясы в 13 г. сюнну предпочли всем другим претендентам на пост шаньюя прежде опального Сяня, так как решили, что он лучше других сможет убедить Ван Мана восстановить «дипломатию даров». С этой целью Сянь первым делом возвратил перебежчиков из Туркестана Ван Ману (который сжег их живьем) и получил взамен золото, шелк и одежду. Но хорошие отношения быстро испортились, когда Сянь узнал о казни своего сына.

Шаньюй был падок на подарки Ван Мана и внешне не нарушал старых порядков, установленных китайцами, но тайне извлекал выгоды от вторжений и грабежей. К тому же, когда послы вернулись и он узнал, что его сын Дэн был публично предан смерти, он преисполнился яростью и ненавистью, и из левых земель начались непрерывные нападения и захваты пленных. Когда послы [Ван Мана] спрашивали шаньюя [о причинах набегов], он неизменно отвечал: «Ухуани и порочный народ из сюнну нападают на укрепленную линию. Эти воры и разбойники подобны имеющимся в Китае. Когда я получил верховную власть, я обнаружил государственное достоинство и добрую волю в упадке, но без всякого двоедушия прилагал и прилагаю все мои силы к прекращению беспорядков и запрещению набегов»⁶⁶.

⁶⁶ XIII 94B : 27a; Wylie. History. Vol. 5. P. 74

Сянь умер в 18 г., и его преемник Юй попытался продолжить политику мира. Однако Ван Ман опять решил расколоть сюнну, сделав ставку на марионеточного шаньюя, после чего сюнну возобновили атаки на границу. Попытки Ван Мана сделать сюнну настоящими данниками Китая привели к нескольким безуспешным войнам, а вскоре он сам был свергнут в результате непопулярной внутренней политики. Армии восставших осадили столицу, и в 23 г. Ван Ман погиб от рук мятежников. Новые правители Китая постарались умиротворить шаньюя, вернув ему печати старого образца и возвратив пленных. Шаньюй отметил шаткость их положения:

Ныне Китай находится в состоянии смуты. Когда Ван Ман похитил верховную власть, сюнну послали войска для нападения на [Ван] Мана и опустошили его пограничные земли, в результате чего Поднебесная пришла в волнение, и народ своими мыслями вновь обратился к Хань. В том, что Ван Ман убит, его дело уничтожено, а династия Хань восстановлена, есть и наши усилия. Теперь нам должны быть оказаны великие почести⁶⁷.

Стратегия внешней границы во времена смуты

После смерти Ван Мана в Китае разразилась длительная гражданская война. В этот период сюнну были как никогда сильны в военном отношении и объединены под началом шаньюя, враждебно настроенного к Китаю. Однако они не принимали активного участия в гражданской войне, несмотря на многочисленные возможности повлиять на развитие событий в Китае. Как и в циньско-ханьское междуцарствие (и позднее в междуцарствие Суй-Тан), кочевники оставались нейтральными. Эта сдержанность опровергает распространенное мнение о том, что беспорядки в Китае всегда побуждали степных кочевников к немедленным попыткам его завоевания.

Объяснение этой сдержанности можно найти, изучая динамику взаимоотношений между Китаем и сюнну. Государство сюнну во многом подпитывалось ресурсами, получаемыми из Китая. Для того, чтобы вымогать их, требовалось наличие устойчивого правительства в Китае. Теоретически сюнну могли завоевать Китай и править им, но, будучи кочевниками, они не обладали ни административной структурой, способной выполнять такие функции, ни желанием использовать свои ограниченные войска в так называемых честных сражениях (с заранее определенным местом и временем битвы). А именно такие сражения требовались для того, чтобы удержать Китай, а не просто совершать набеги на его границу. Стратегия внешней границы, успешно применявшаяся сюнну на протяжении 200 лет, требовала от шаньюя избегать возможности захвата и удержания китайских земель. Набеги могли обеспечивать необходимый доход до того момента, пока не закончится гражданская война и пока прежние вымогательские отношения, уже с новой династией, не будут восстановлены. Шаньюй был заинтересован в том, чтобы вновь увидеть Китай единым. Китай, разделенный на маленькие враждующие государства, лишил бы государство сюнну той ресурсной базы и политической структуры, на которых оно паразитировало. С учетом этого становится понятной политика сюнну в период основания династии Поздняя Хань.

После смерти Ван Мана китайские повстанцы в районе границы искали помощи у сюнну, но кочевники были заинтересованы в установлении отношений с уже действующей центральной властью в Китае, а не в возведении на престол собственного кандидата. Похоже, они поддерживали пограничных мятежников исключительно для того, чтобы создать дополнительные трудности для Китая. Например, когда в 26 г. восстал Пэн Чун, он отдал в жены шаньюю свою дочь и преподнес ему дары в виде шелка, но мало что получил взамен и через два года был разбит. В то же время на северо-западе авантюрист Лу Фан, находясь среди сюнну, объявил себя императором и добился поддержки ряда мелких местных военачальников, но также получил мало помощи от сюнну и в конце концов перешел на сторону Поздней Хань⁶⁸.

Первый император Поздней Хань Гуан-у-ди (правил в 25–57 гг.) не обращал особого внимания на этих самозванцев, но постоянные атаки сюнну заставили его покинуть многие приграничные районы и создать ряд новых укреплений. Сюнну, со своей стороны, просто грабили границу и продвигались на юг, на территорию, оставленную китайцами во время гражданской войны. Еще в 30 г. Гуан-у-ди направил к сюнну посланников с дарами, однако шаньюй сохранил враждебность и остался верен стратегии беспощадных набегов, имеющих целью заставить новую династию пересмотреть условия даннической системы. Новый договор был неизбежен, поскольку Гуан-у-ди осуществлял на границе исключительно оборонительную

⁶⁷ XIII 94В : 27а; *Wylie*. History. Vol. 5. P. 74

⁶⁸ История сюнну в период Поздней Хань содержится в *Хоу Хань-шу* (XXIII), гл. 89 (или 119 — в тех изданиях, где она следует после биографий). Биленштейн (Bielenstein) в работе *The restoration of the Han dynasty* (с. 92 и след.) рассматривает внешнюю политику династии в период ее становления.

политику; за время своего правления он ни разу не помышлял о прямых атаках на сюнну. Как и во времена ханьского Гао-цзу, позиции сюнну были настолько сильны, что они стремились снова добиться дипломатического равенства, официально признанного Китаем в договорах *хэцин*. Но в тот самый момент, когда государство кочевников находилось на вершине своего могущества, а китайцы были вынуждены обороняться, сюнну неожиданно погрузились в пучину междоусобной войны, которая навсегда оставила их разделенными.

Вторая междоусобная война сюнну

Вторая междоусобная война сюнну явилась для Китая неожиданностью. Две попытки Ван Мана расколоть политическую структуру сюнну провалились. Теперь, после 100 лет стабильности и 7 мирных передач престола, сюннская империя вновь разделилась по вопросу о том, кто будет следующим шаньюем. И все же эта война была предсказуемым и, возможно, неизбежным результатом политического компромисса, который обеспечил устойчивое положение сюнну после первой междоусобной войны. После правления Хуханье сюнну перешли от модифицированной линейной системы наследования (по прямой линии) к латеральной системе (по боковой линии).

До конца первой междоусобной войны наследование по прямой линии (от отца к сыну) было традиционным для сюнну. Основное отступление от этого правила отмечалось тогда, когда прямого наследника считали слишком юным, и в качестве альтернативы использовалось наследование по боковой линии (от старшего брата к младшему). Затем линейная форма наследования восстанавливалась, так как младший брат передавал престол своему собственному сыну, а не возвращал его сыну старшего брата. Наследование по боковой линии чаще практиковалось во время войн, поскольку в качестве военачальников сюнну предпочитали зрелых лидеров. Это преимущество, однако, нивелировалось появлением многочисленных линий наследования. Любой сын одного из прежних шаньюев мог предъявить свои права на престол, хотя в связи с тем, что по традиции официальным наследником считался левый мудрый князь, он обеспечивал себе известное политическое преимущество. В смутное время, как, например, в период первой междоусобной войны, соперничавшие претенденты из родов, лишенных права наследования, составляли ядро оппозиции.

Сосуществование прямого и латерального принципов наследования создавало проблему. В большинстве систем с линейным типом наследования младшему брату не позволялось занимать престол, пока был жив сын предыдущего правителя. Проблема с юными наследниками решалась с помощью регентства, причем регентский совет часто возглавлял младший брат прежнего правителя. Иногда дядя убивал племянника, стоящего между ним и престолом, поскольку существующие правила делали последнего непреодолимым препятствием на пути наследования престола непрямыми наследниками. Линейная система данного типа исключала наличие большого числа наследников, но создавала напряженность между правителем и его братьями, которые отстранялись от власти. Система наследования только по боковой линии способствовала хорошим взаимоотношениям между братьями, каждый из которых имел шанс преуспеть, но приводила к появлению большого числа наследников в каждом следующем поколении. В обществе, где для верховного правителя многоженство было нормой, число сыновей могло быть достаточно большим. В идеале решением этой проблемы могло быть исключение потомков младших братьев из числа будущих наследников. Власть передавалась бы от старшего брата младшему вплоть до смерти последнего представителя поколения, а в следующем поколении наследником становился бы старший сын старшего из братьев.

Одновременное существование двух систем приводило к ситуациям, когда младшие братья отстаивали принцип наследования по боковой линии для собственного вступления на престол и принцип наследования по прямой для передачи престола своим сыновьям. Это приводило к возникновению взрывоопасной ситуации в тот момент, когда власть передавалась от одного поколения другому после длинного ряда переходов от брата к брату. Сыновья родных братьев, т. е. двоюродные братья, часто не соглашались с тем, что их лишали прав на престол, и начинали ожесточенно сражаться друг с другом, пока противостоящие ветви рода не устранялись. Это и привело к кажущейся парадоксальной смене многолетнего мирного правления братьев широко-масштабной междоусобной войной.

Ко времени смерти Хуханье в 31 г. до н. э. у него были две старшие жены, которые являлись сестрами из клана Хуань. Старшая сестра, известная как чжуаньцзюй яньчжи⁶⁹, имела двух сыновей — Цзюймочэ и Нанчжиясы. Младшая сестра, именовавшаяся старшей яньчжи⁷⁰,

⁶⁹ Главная жена шаньюя. — *Примеч. науч. ред.*

⁷⁰ Вторая по рангу жена шаньюя. — *Примеч. науч. ред.*

имела четырех сыновей — Дяотаомогао и Цзюймисюя, которые были старше обоих сыновей ее сестры, и Сяня и Лэ, которые были младше их. Хуханье имел, по крайней мере, еще десять сыновей от младших жен. На смертном одре Хуханье хотел назначить своим преемником Цзюймочэ, который был старшим сыном его главной жены, однако последняя высказала несколько практических возражений против такого выбора:

Более 10 лет сюнну пребывали в состоянии смуты и находились на волосок от гибели. Благодаря властям Китая мир был восстановлен. Но сейчас, когда мы едва обустроились и еще испытываем боль от наших ран, снова начались ссоры и борьба. Мой сын еще совсем молод, и народ не привержен ему, и я боюсь, что это поставит государство под угрозу. Я и старшая яньчжи — сестры, рожденные от одних родителей, и будет лучше назначить наследником ее старшего сына — Дяотаомогао⁷¹.

Таким образом, кандидатами на престол были выдвинуты юный сын из старшей линии наследования и его достаточно взрослый единокровный брат. После обсуждения этого вопроса сошлись на том, что сыновья двух сестер будут наследовать престол друг за другом в соответствии со своим возрастом. Такое сотрудничество между женами наблюдалось крайне редко. Обычно супруги правителя яростно боролись за право исключительного наследования. В этом случае, однако, обе супруги были сестрами и по представлениям той эпохи о кровном родстве их сыновья могли считаться родными братьями, поскольку у них были общие родственники по материнской и отцовской линиям. Это соглашение привело к необыкновенно долгому, семидесятисемилетнему правлению сыновей Хуханье, продолжавшемуся до смерти последнего представителя их поколения. Оно также изменило принципы наследования у сюнну, сделав принцип наследования по боковой линии основным, а по прямой — второстепенным. Таким образом, многолетняя прежняя традиция была изменена, однако вопрос о способе наследования власти после смерти сыновей Хуханье остался нерешенным.

Наследование по боковой линии обеспечивалось тем, что каждый шаньюй назначал своего младшего брата на пост левого мудрого князя в соответствии с системой званий, называемой «четыре и шесть рогов».

Из главных чиновников самым знатным был левый мудрый князь, следующими по важности был левый лули-князь, правый мудрый князь и правый лули-князь; их называли «четырьмя рогами». За ними следовали левый и правый жичжу-князь, левый и правый вэньюйди-князь, левый и правый чжаньцзян-князь. Это были «шесть рогов». Все перечисленные выше чиновники были сыновьями и младшими братьями шаньюя и могли стать шаньюями в соответствии с порядком наследования⁷².

Система работала без сбоев на протяжении правления трех шаньюев, и, когда престол в 8 г. занял Нанчжиясы, он продолжил эту традицию, назначив на пост левого мудрого князя своего младшего единокровного брата Лэ. Через некоторое время Лэ умер, и Нанчжиясы назначил на освободившуюся должность своего сына Судуху, а не Сяня или кого-либо другого из еще живых единокровных братьев. Такое изменение традиции спустя 40 лет после смерти Хуханье явилось попыткой Нанчжиясы использовать власть, приобретенную им за время долгого правления, для того, чтобы передать престол своим сыновьям, исключив младших единокровных братьев из числа прямых наследников. Эта политика исключения неугодных была, несомненно, одной из причин того, что Сянь временно перешел на сторону Ван Мана, поскольку по старшинству именно он должен был первым получить пост левого мудрого князя, а не его брат Лэ. Любопытно, что, когда в 13 г. Нанчжиясы умер, знать сюнну оставила не у дел его сына Судуху, выбрав шаньюем Сяня, так как было решено, что последний лучше справится с задачей восстановления выгодной даннической системы.

Сянь укрепил систему наследования по боковой линии, назначив своего младшего единокровного брата Юя на пост левого мудрого князя. Судуху был понижен в чине и исключен из числа наследников. К моменту смерти Сяня (18 г.) в живых оставались только два сына Хуханье: Юй, который в конце концов и был избран шаньюем в возрасте примерно 55 лет, и Чжияши, родившийся от супруги-китайки. Вопрос передачи власти новому поколению становился

⁷¹ XIII 94B : 10b–11a; *Wylie*. History. Vol. 5. P. 55.

⁷² XXIII 89 : 7b; *Parker*. The Turko-Scythian Tribes. Vol. 21. P. 257–258. По поводу различий в описании номенклатуры сюнну в *Хоу Хань-шу* и *Шу-цзи* до сих пор спорят. Прицак (Pritsak) в *Die 24 Ta-ch'en* утверждает, что в период Поздней Хань китайцы лучше познакомились с сюнну и внесли исправления в свое первоначальное описание. Мори (Mori) в *Reconsideration of the Hsiung-nu state*, напротив, доказывает, что позднечаньский текст является свидетельством изменений в системе управления самих сюнну. Основные споры вызывают значения различных китайских и сюннских титулов. Не вдаваясь в запутанный вопрос о титулах, я склоняюсь к точке зрения Мори, потому что система «четыре и шесть рогов» была, очевидно, предназначена для того, чтобы легализовать систему наследования по боковой линии, которая возникла после смерти Хуханье (см. табл. 2.2).

все более актуальным. Юй велел убить Чжияши, чтобы убрать последнего претендента на престол по боковой линии, и назначил на пост левого мудрого князя своего сына. По мере того как братья из одного поколения старели и умирали, возрастала напряженность в следующем поколении, представители которого должны были наследовать власть. Шанью Юй, хотя и обосновывал свое право на престол практикой бокового наследования, планировал передать власть сыновьям на основании принципа прямого наследования. Однако ожидаемая смена поколений была надолго отложена, поскольку Юй находился у власти дольше всех из сыновей Хуханье и умер в возрасте 80 лет в 46 г.

На протяжении 100 лет после первой междоусобной войны империя сюнну под властью Хуханье и его сыновей оставалась стабильной, даже когда в Китае царил хаос. Но у такой стабильности была высокая цена. Принцип наследования по боковой линии усиливал сплоченность родных братьев и преемственность власти, но одновременно готовил почву для раздоров между двоюродными братьями. Сыновья каждого шаньюя могли предъявить права на престол, и при отсутствии твердого правила, регулирующего отбор наследников при смене поколений, такое положение дел становилось взрывоопасным. Споры вокруг престолонаследия возникли уже в 13 г., когда был отстранен Судуху, и стали причиной убийства Чжияши. Однако ни одно из этих событий не было достаточно серьезным, чтобы произвести раскол в кругах сюннуской знати. Существовало, правда, некоторое недовольство, которое высказал по поводу возвышения Юя и убийства Чжияши старейший из выживших сыновей Нанчжиясы — Би, представлявший старшую линию наследования:

«С точки зрения братьев, престол должен был занять правый лули-князь [Чжияши]. С точки зрения сыновей, как старший сын покойного шаньюя престол должен был унаследовать я». В связи с этим в нем зародились чувства подозрения и страха, и он редко стал являться на собрания в ставке шаньюя⁷³.

Возникли две фракции. Первая, которую представлял Би, поддерживала права старшей линии наследования, к которой престол должен был вернуться после смерти последнего из сыновей Хуханье. Вторая, представленная наследниками Юя, утверждала, что престол должен наследоваться сыновьями последнего шаньюя. Этот спор расколол внешне крепкое государство сюнну, и чтобы понять, почему после 100 лет стабильности оно со смертью Юя оказалось разделенным и вступило в долгий период внутренней смуты, необходимо хорошо разбираться в динамике политических процессов у кочевников и в самой сущности наследования по боковой линии. Для китайцев, которым эти принципы были чужды, раскол империи сюнну принес желанное облегчение, но остался явлением загадочным, как и все дела «варваров» в целом.

По своим причинам и результатам две междоусобные войны сюнну были очень схожими. Обе явились результатом политических разногласий, возникших вокруг проблемы наследования по боковой линии, и обе усугублялись экономическими трудностями. Политическая стабильность обычно обеспечивалась назначением официального наследника на должность левого мудрого князя, хотя другие наследники также могли быть избраны шаньюями. У менее удачливых претендентов на престол почти не оставалось шансов после того, как знать сюнну решительно становилась на сторону нового шаньюя. Если предстояло сделать выбор из представителей многочисленной группы родных братьев, дядьев или сыновей, у сюннуской знати не было серьезных мотивов для разногласий по этому поводу. Более сложную проблему представлял собой случай, когда выбор надо было сделать между двумя или более группами двоюродных братьев. Выбор одного неизбежно означал исключение других, противопоставление сторонников одного рода всем прочим. Во время первой междоусобной войны, разразившейся около 60 г. до н. э., именно узурпация престола опальным родом послужила причиной конфликта. Вторая междоусобная война началась, когда сын Юя стал шаньюем вместо потомков Нанчжиясы. В обоих случаях дополнительную ожесточенность политической борьбе придавала жестокая засуха, которая ослабила экономику скотоводов.

Удатихоу наследовал своему отцу Юю в 46 г., но через несколько месяцев умер, и шаньюем стал его брат Пуну. Соперничающий с ним Би немедленно стал готовить заговор с участием Китая, предложив в 47 г. китайцам союз, и вскоре началась война между двумя конкурирующими фракциями. Позднее Би, вместе с племенами, провозгласившими его шаньюем, перешел к югу от Великой стены на территорию, покинутую большинством китайцев в период гражданской войны. Он предложил взять на себя охрану границы, и династия Поздняя Хань, полностью изменив политике прежних лет, приняла это предложение. Чтобы подчеркнуть особое значение своего союза с Китаем, Би провозгласил себя шаньюем Хуханье II. Сюнну

⁷³ XXIII 89 : 3b–4a; *Parker. Turko-Scythian Tribes. Vol. 21. P. 255.*

теперь были разделены на северных и южных.

Как и в первую междоусобную войну, южный шаньюй первоначально не имел преимущества. Но под давлением обстоятельств он, как лидер более слабой фракции, начал искать союза с Китаем. Заключив такой союз, южный шаньюй в своем противоборстве с соперником мог рассчитывать на военную и экономическую помощь Китая, причем последняя в долгосрочной перспективе оказалась решающей. Располагая ханьской помощью, Хуханье объединил сюнну и вернулся в степь. Южный шаньюй Би и его сподвижники использовали ту же самую стратегию внутренней границы. Пуну в отличие от Чжичжи хорошо представлял себе, к чему может привести эта политика, и попытался помешать ее осуществлению — вначале напад на Китай, чтобы обеспечить своих людей добычей, а затем путем переговоров с Хань, чтобы установить с ней торговые связи и даннические отношения.

Военная стратегия южного шаньюя состояла из трех компонентов. Во-первых, он установил экономическую блокаду, чтобы не допустить торговли Китая с северным шаньюем и таким образом ослабить своего соперника, чья власть основывалась на способности получать китайские товары. Во-вторых, он осуществлял единоличный контроль за действием прибыльной даннической системы, не позволяя ханьскому двору наладить даннические отношения с северным шаньюем и одновременно обеспечивая себя материальными ценностями для привлечения новых союзников. Наконец, в-третьих, южный шаньюй убедил китайцев предоставить ему военную помощь для уничтожения северных кочевников. В правление императора Гуан-у-ди из династии Поздняя Хань военная помощь заключалась преимущественно в выплатах ухуаням и сяньби за их набеги на северных сюнну. При императорах Мин-ди (правил в 58–75 гг.) и Чжан-ди (правил в 76–88 гг.) китайцы увеличили объемы помощи, обеспечивая снабжение войск и субсидируя вторжения на территорию северных сюнну.

Раскол в рядах сюнну впервые за 250 лет оставил степь без централизованной власти. Прежде, когда сюнну были едины и контролировали всю Монголию, внешние связи были монополией шаньюя. Ни один из вождей племен не мог действовать самостоятельно, только если бежал из степи или подчинялся Китаю. Вторая междоусобная война открыла новые возможности. Ухуани, а затем и сяньби, избавились от сюннуского контроля. Находясь со времен Маодуня в подчинении сюнну, эти народы имели неразвитую надплеменную организацию. Теперь же они обратились напрямую к Китаю и вошли в данническую систему в качестве небольших автономных племен. Это событие подстегнуло децентрализацию, поскольку данническая система Поздней Хань была открыта для всех и позволяла каждому мелкому вождю, пусть даже командующему сотней человек, действовать самостоятельно. Сяньби, в частности, извлекали выгоду из сложившейся ситуации и получали выплаты за головы убитых сюнну.

Китаю было нелегко контролировать эту систему, и огромные средства, расходовавшиеся на нее, часто, похоже, приносили больше пользы южным сюнну, чем Хань. Суммы выплат, упорядоченные между 50 и 100 гг., представлены ниже⁷⁴:

Сяньби	270 000 000 монет
Сюнну	100 900 000 монет
Западный край	74 800 000 монет
Всего	445 700 000 монет

Сходные суммы выплачивались племенам ухуаней и цянов, хотя их итоговые размеры и не были зафиксированы. По произведенным оценкам, ежегодные выплаты составляли одну треть от правительственных расходов на жалование чиновникам или 7 % от всех государственных доходов империи⁷⁵. Используя традиционный для Хань обменный курс (10 000 монет = 1 *цзинь* (244 грамма) золота), эту сумму по современным меркам можно оценить в 130 миллионов долларов ежегодно. Разумеется, эти суммы отражают в основном стоимость поставленных товаров, а не выплаты наличными.

Первая реакция северных сюнну на их исключение из этой системы выразилась в набегах на юг. Однако в 52 г. Пуну перешел от военного к дипломатическому наступлению, предложив мир в обмен на разрешение присоединиться к даннической системе. Принятие такого предложения могло быть выгодно для Хань, поскольку не позволяло децентрализованной степи объединиться, и сохраняло зависимость кочевников от помощи со стороны Китая. Но Китай не был способен свободно отстаивать свои интересы, так как любые связи с северным шаньюем угрожали вызвать гнев южного шаньюя, который «охранял» границу Китая. Ханьский престолонаследник и будущий император Мин-ди так выражал свои опасения по этому поводу:

⁷⁴ Уй. Trade and Expansion. P. 61.

⁷⁵ Ibid. P. 61–64.

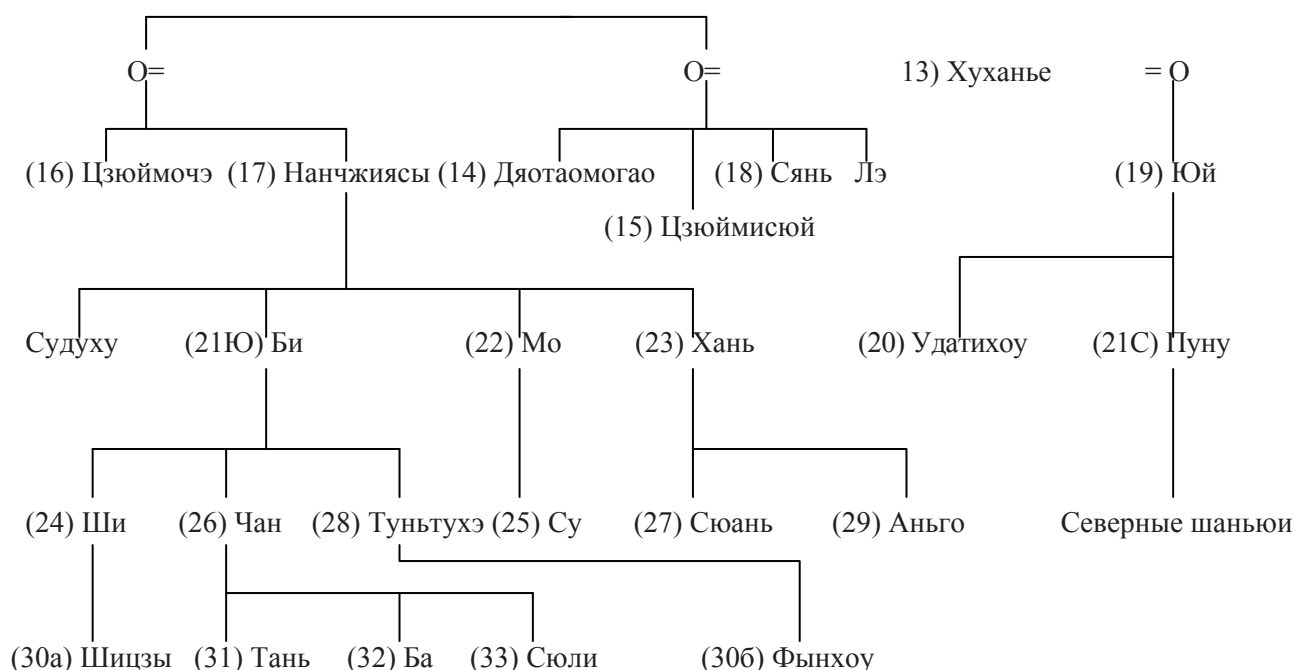
Южный шаньюй только недавно присоединился к нам, и северные разбойники опасаются подвергнуться нападению, поэтому они внимательно прислушиваются [к нашим предложениям] и соперничают друг с другом в выражении своего пылкого желания встать на правильный путь. Если сейчас, когда мы не способны выставить войско, вступить в связь с северными сюнну, боюсь, что преданность южного шаньюя может поколебаться, и те, кто уже подчинился, будут последними, кого мы когда-либо увидим пришедшими к нам⁷⁶.

В следующем, 53 г., еще одно мирное предложение Пуну было отвергнуто, но в письме к северному шаньюю китайцы выразили свою обеспокоенность тем, что ими манипулирует южный шаньюй:

Недавно южный шаньюй направился к югу и подошел к укрепленной линии со своей ордой, чтобы повиноваться нашим приказам. Поскольку он старший из прямых потомков Хуханье, мы посчитали, что он является наследником по праву. Лишенный, однако, права занять престол, он продолжил завоевания и нападения с подозрительной энергией, требуя войск с намерением уничтожить северную орду, приносящую нескончаемые беды. Мы не можем ограничиваться рассмотрением только его точки зрения, поскольку нужно учитывать, что северный шаньюй несколько лет подряд представлял подношения и выражал желание улучшить отношения. Поэтому мы отклонили предложения южного шаньюя, чтобы дать возможность [северному] шаньюю проявить чувство верности и сыновней почтительности⁷⁷.

Би умер в 56 г. н. э., но его преемники продолжили прежнюю политику. Наследование ими титула шаньюя происходило исключительно по боковой линии, поскольку китайцы, узнав, как у сюнну определяется старшинство, поддерживали кандидата, имевшего наиболее легитимные права на престол. Поскольку поддержка Китая была жизненно необходимой для южного шаньюя, она являлась равносильной избранию на царство. На протяжении примерно 80 лет, т. е. трех поколений, престол наследовался множество раз, переходя от старших братьев к младшим и даже к многочисленным двоюродным братьям, что нашло свое выражение в возникновении запутанной системы генеалогических связей (см. табл. 2.2). Довольно любопытно, что сами китайцы не признавали законности наследования по боковой линии, за исключением случаев отсутствия сыновей. Маловероятно, чтобы в обычных политических условиях степи мог сохраняться такой непривычный порядок наследования по боковой линии без периодических войн, направленных на уменьшение числа претендентов.

Таблица 2.2. Шаньюи сюнну до 140 г. н.э.

Примечание: С — северный шаньюй; Ю — южный шаньюй.

⁷⁶ XXIII 89 : 9a; Parker. Turko-Scythian Tribes. Vol. 21. P. 259.

⁷⁷ XXIII 89 : 10b; Parker. Ibid.

Таблица 2.3. Титулы и даты правления шаньюев с 58 г. до н. э. по 140 г. н. э.

- (13) Хуханье-шаньюй (58–31 гг. до н. э.)
- (14) Фучжун-шаньюй (31–20 гг. до н. э.)
- (15) Соусе-жоти-шаньюй (20–12 гг. до н. э.)
- (16) Чэя-жоти-шаньюй (12–8 гг. до н. э.)
- (17) Учжун-жоти-шаньюй (8 г. до н. э. – 13 г. н. э.)
- (18) Улэй-жоти-шаньюй (13–18 гг.)
- (19) Худуэрши-даогао-жоти шаньюй (18–24 гг.)
- (20) ?-шаньюй (46 г.)
- (21) С ? северный шаньюй (46–783 гг.) (21Ю) Сило-ши-чжун-шаньюй (48–56 гг.) (22) Цюфун-ти-шаньюй (56–57 гг.)
- (23) Ифайлю-ти-шаньюй (57–59 гг.)
- (24) Ситун-шичжун-ти-шаньюй (59–63 гг.)
- (25) Цючун-линь-ти-шаньюй (63 г.)
- (26) Хуе-шичжун-хоу-ти-шаньюй (63–85 гг.)
- (27) Итун-люй-ти-шаньюй (85–88 гг.)
- (28) Сюлань-шичжун-хоу-ти-шаньюй (88–93 гг.)
- (29) ?-шаньюй (93–94 гг.) (30а) Тинду-шичжун-хоу-ти-шаньюй (94–98 гг.) (30б) ?-шаньюй (94–118 гг.)
- (31) Ваньши-шичжун-ти-шаньюй (98–124 гг.)
- (32) Учжун-хоу-шичжун-шаньюй (124–128 гг.)
- (33) Цюцун-жоти-шичжун-цзю-шаньюй (128–140 гг.)

Источник: Eberhard. Türk Tarih Kurumu Belleten. 1940. S. 387–435.

Северные сюнну оставались сильными в период правления Пуну, добывая все необходимое набегами на Китай. В то же время они периодически предпринимали попытки нормализовать свои отношения с двором Хань. После заключения договора о торговле с Китаем в 66 г. Пуну почти удалось поднять бунт среди некоторых кланов южных сюнну, но ему помешали китайские войска. В 73 г. Китай предпринял атаку на северных сюнну в степи, но она провалилась, как только последние отступили и стали недосягаемыми для китайской армии. Последующие 10 лет сохранялась патовая ситуация, и, несмотря на стратегические преимущества юга, север сохранил свою целостность.

Северные сюнну оставались сильны благодаря своим успехам в набегах на китайскую границу и длительному правлению Пуну. Хотя китайские хроники не называют «северного шаньюя» по имени, им был, по-видимому, именно Пуну, который пережил большое количество южных шаньюев и сохранил свою власть над вождями северных племен. Свидетельством в пользу такого предположения может служить стабильность государства северных сюнну вплоть до 83 г., когда, вероятно, Пуну умер. Десятилетие между поражением ханьского экспедиционного корпуса и смертью Пуну было относительно бедно событиями. Напротив, хроники, относящиеся к годам после его смерти, полны сообщений о широко распространившемся дезертирстве северных сюнну на юг, массовых вторжениях соседних племен и междоусобной войне за право обладания престолом. Все это разрушило государство северных сюнну.

Лишившись личного руководства Пуну, многие племена быстро бежали на юг. Тридцать восемь тысяч кочевников со своим скотом в 83 г. ушли к югу. Пытаясь укрепить свое положение, новый шаньюй немедленно начал переговоры с ханьским двором по поводу открытия пограничной торговли. Китайцы приняли предложение, были организованы пограничные рынки, и в 84 г. северные сюнну пригнали на продажу 10 000 овец. Ханьский двор также отправил дары северным сюнну. Эти многообещающие отношения были прерваны южным шаньюем, который организовал рейд с целью ограбления и захвата направлявшихся на рынки северных сюнну. В ответ северный шаньюй пригрозил напасть на Китай, если ему не будет возмещен ущерб. Ханьский двор, оказавшись в центре этого конфликта, старался угодить обеим сторонам. Он приказал южным сюнну возратить захваченных пленников, но согласился и дальше выдавать южанам плату, положенную за каждую отрубленную голову или живого пленника с севера.

Через некоторое время на северных сюнну стали нападать со всех сторон: с востока — сяньби, с севера — динлины, с китайской границы — южные сюнну, с запада — племена Туркестана. Ситуация стала критической в 87 г., когда сяньби обезглавили северного шаньюя. После этого большое число северян перебежало на юг. Согласно ханьским источникам, прибыло 58 племен численностью 200 000 человек. Оставшиеся сюнну разделились на две фракции, каждая из которых поддерживала одного из братьев погибшего шаньюя. Они также двинулись на северо-запад, чтобы уклониться от атак своих соседей. Южный шаньюй потребовал у ханьского двора выделить ему экспедиционный корпус, чтобы уничтожить раздробленную северную орду.

Многие ханьские министры согласились с этим требованием и доказывали, что таким образом «варвары будут использованы для борьбы с варварами» в интересах Китая. В действительности это было выгодно в первую очередь южному шаньюю, который использовал Китай для борьбы со своими конкурентами. В 89 г. войска сяньби, сюнну и Хань разгромили северных сюнну. Северный шаньюй бежал еще дальше на север, в то время как большинство северных сюнну (100 000 юрт, согласно ханьским источникам) приняли название «сяньби» и отложились от северного шаньюя. Хотя ставка северных сюнну упоминается в ханьских дипломатических записях вплоть до 155 г., с их государством как таковым было покончено⁷⁸.

Стратегия внутренней границы снова возобладала, как только юг победил север. Однако, в отличие от первой междоусобной войны, вторая война уничтожила единую власть в степи. Сюнну и ухуани теперь жили вдоль границы, а сяньби установили непрочный контроль над северной степью. Для Китая победа, достижению которой он способствовал, оказалась бесплодной. Разгром северных сюнну вскоре открыл эпоху новых набегов со стороны его бывших союзников.

Указатель основных имен

Важнейшие племена на степной границе

Динлины

Кочевники, обитавшие к северу от сюнну в районе озера Байкал

Дунху

Восточные племена маньчжурской степи

Присоединены к империи сюнну

Сюнну

Первоначально появились в районе Ордоса

Объединили всех кочевников Монголии в единую империю (210 г. до н. э. – 48 г. н. э.)

Поделили степь между южной и северной ветвями правящего рода (48–155 гг.)

Сяньби

Ранее одно из племен дунху в Маньчжурии, находившееся под властью империи сюнну и ставшее самостоятельным во время второй междоусобной войны сюнну

Усуни

Откололись от империи сюнну в середине II в. до н. э.

Образовали самостоятельное государство на землях, покинутых юэчжами

Ухуани

Ранее одно из племен дунху в степи Ляоси

Притеснялись сюнну и Китаем

Цяны

Прототибетские племена на западной границе Китая

Незначительное участие в делах империи сюнну

Юэчжи

Западные кочевники алтайского региона

Вытеснены сюнну

Большая часть юэчжей переселилась на запад, в область Трансоксании

Меньшая часть юэчжей переселилась на юго-восток, к границам Тибета

Ключевые фигуры истории племен

Би

Первый шаньюй южных сюнну (48–56 гг. н. э.) во второй междоусобной войне

Заклучил военный союз с Китаем

Гуньмо

Основатель государства усуней (около 150 г. до н. э.)

Лаошан (Цзиюй)

Сын Маодуня, шаньюй сюнну (174–160 гг. до н. э.)

Завершил территориальную экспансию империи сюнну

Маодунь

Основатель империи сюнну

⁷⁸ XXIII 89 : 11b–18a; XXIII 90 : 9b; *Parker. Turko-Scythian Tribes. Vol. 21. P. 264–267; Vol. 20. P. 93.*

Шаньюй сюнну (209–174 гг. до н. э.)

Пуну

Первый шаньюй северных сюнну (46–83? гг. н. э.) во второй междоусобной войне

Уяньцзюйди

Шаньюй сюнну (60–58 гг. до н. э.), спровоцировавший первую междоусобную войну

Хуханье

Южный шаньюй сюнну (58–31 гг. до н. э.)

Победитель в первой междоусобной войне, вновь объединивший сюнну

Признал данническую систему отношений с Китаем

Чжичжи

Северный шаньюй сюнну (56–36 гг. до н. э.)

Потерпел неудачу в первой междоусобной войне

Династии в Китае

Поздняя Хань (25–220 гг. н. э.)

Восстановление династии Хань

Союз с пограничными кочевыми племенами

Ранняя Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.)

Вновь объединила Китай после гражданской войны, начавшейся после падения династии Цинь

Кочевники сюнну представляли для нее наиболее серьезную внешнюю угрозу

Внешняя политика колебалась от политики умиротворения до агрессии

Синь (9–23 гг. н. э.)

Недолговечная династия Ван Мана

Провал попытки превращения сюнну в настоящих данников

Цинь (221–207 гг. до н. э.)

Впервые объединила Китай в единую империю

Завершила постройку Великой стены для удержания кочевников за ее пределами

Отбросила сюнну от границ Китая

Ключевые фигуры китайской истории

Ван Ман

Основатель династии Синь (9–23 гг. н. э.)

Возобновил враждебные действия против кочевников

Гао-цзу

Основатель династии Ранняя Хань (206–195 гг. до н. э.)

Установил с сюнну отношения мира и родства

Гуан-у-ди

Первый император восстановленной династии Поздняя Хань (25–57 гг. н. э.)

Восстановил даннические взаимоотношения с кочевниками

Передал контроль над границей кочевникам

Заключил союз с южными сюнну

Сюань-ди

Император династии Ранняя Хань (73–49 гг. до н. э.)

Установил данническую систему отношений с кочевниками

У-ди

Император династии Ранняя Хань (140–87 гг. до н. э.)

Вел серию войн, безуспешно пытаясь уничтожить сюнну

Ши-хуан-ди

Первый объединитель Китая

Основатель династии Цинь (221–207 гг. до н. э.)

3. ПАДЕНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ВЛАСТИ: ВОЗВЫШЕНИЕ ИНОЗЕМНЫХ ДИНАСТИЙ

«Империя» сяньби

После поражения северных сюнну власть в степи перешла к сяньби, империя которых почти во всех отношениях была явлением вторичного порядка. Сяньби унаследовали от своих предшественников то, чего не могли создать сами. Китайцам сяньби напоминали сюнну, с которыми Хань имела длительный опыт общения. И все же во многих аспектах они отличались от сюнну, и эти отличия оказывали значительное влияние на их взаимоотношения с Китаем. В отличие от империи сюнну конфедерация сяньби была слабой и общего руководства племенами в ней почти не было. В сяньбийской политической структуре власть принадлежала вождям мелких племен, которые лишь иногда объединялись под руководством харизматического лидера. Такое объединение имело место в период правления Таньшихуа (156–180 гг.), который, однако, никогда не институционализировал свою власть, и централизованная система управления разрушилась вместе с его смертью¹.

Радикальное отличие политических структур сюнну и сяньби объясняется двумя факторами. Сяньби находились под властью сюнну со времен разгрома дунху. Они не были знакомы историкам Ранней Хань, хотя и являлись северными соседями ухуаней — племени, хорошо известного в Китае. Будучи частью империи сюнну, в которой надплеменные рычаги власти находились в руках шаньюя и 24 темников конницы, сяньби обладали лишь самоуправлением на уровне вождей племен. Институт надплеменной власти у них теоретически мог сложиться в случае войны за свержение гегемонии сюнну, но этого не случилось. Сяньби стали самостоятельным государством в результате второй междоусобной войны сюнну. Когда власть сюннуской империи пала, единственной формой политической организацией, оставшейся в степи, была рыхлая конфедерация мелких племен. В ханьской хронике под 108 г. н. э. упоминается 120 небольших даннических племен сяньби, тогда как за весь период властвования сюнну в тех же хрониках упоминается всего-навсего одна или две дюжины племенных групп. Это указывает не на возникновение новых племен после распада империи сюнну, а, скорее, на то, что право осуществления внешних сношений перешло к вождям мелких племен, которые до этого занимались только местными вопросами.

Стремления к централизации у сяньби не наблюдалось даже после того, как они получили независимость и стали могущественными. Их принцип государственного управления был совершенно иным, чем таковой у сюнну и степных племен запада, например усуней и юэчжей. В этом восточном, или маньчжурском типе государственного управления на первый план выдвигалась эгалитарная политическая система, в которой не было наследственной передачи власти и иерархической клановой структуры, тогда как у сюнну существовала иерархия кланов, строгое наследование престола и централизованное управление. Хотя описание основных политических структур дунху отсутствует, мы можем утверждать, что все племена, пришедшие им на смену в данном регионе, следовали маньчжурской модели управления. Ханьские авторы указывают, что ухуани и сяньби имели общее происхождение и язык, а также сходную политическую организацию:

Они всегда выбирали самого смелого и сильного из вождей и тех, кто наилучшим образом мог разбирать тяжбы, споры и преступления. Каждое поселение имело своего местного вождя, но его должность не передавалась по наследству. Несколько сотен или тысяч юрт составляли общину. В случае если главному вождю необходимо было отдать какие-либо приказания, он пользовался вырезанной из дерева биркой, хотя знаков для письма не было. У них не существовало постоянных родовых фамилий, однако в качестве таковых использовались личные имена наиболее храбрых вождей. От вождя и ниже каждый сам пас свои стада и скот и сам управлял своим имуществом, друг друга не употребляли в услужение... Если происходили взаимные убийства, племенам дозволялось совершать возмездие, а если вражда не прекращалась, они обращались к главному вождю для решения конфликта².

Сяньби, лишённые строгой организационной структуры, не смогли бы получать значительные субсидии из Китая, если бы не предшествующая деятельность сюнну. Хань имела возможность прогнать или разгромить вождей мелких племен, которые поодиночке не представ-

¹ История ухуаней и их соседей сяньби в период Поздней Хань содержится в *Хоу Хань-шу* (XXIII), гл. 90 (120 — в некоторых изданиях). Дополнительные детали представлены в разделе *Вэй-шу* (История династии Вэй) (гл. 30) сочинения *Сань-го чжи* (СГЧ) [*История Трёх царств*], которое в основном повторяет *Хоу Хань-шу*. Шрайбер (Schreiber) в *Das Volk der Hsien-pi zur Han-Zeit* приводит наиболее полные данные о сяньби этой эпохи.

² XXIII 90 : 1b–3a; Parker. History of the Wu-wan or Wu-hwan Tunguses of the first century; followed by that of their kinsmen the Sien-pi. Vol. 20. P. 73, 75.

ляли для Китая серьезных союзников или противников. Именно объединенное военное и дипломатическое давление, осуществлявшееся сюнну в период Ранней Хань, привело к возникновению системы выплат *хэцин*, получению торговых привилегий и в конце концов введению выгодной даннической системы. В то время когда системой управляли сюнну, мелкие вожди сяньби могли участвовать в ней только опосредованно, через правительство сюнну, которое не разрешало им вести самостоятельные переговоры с Китаем. Все поступающие подарки и товары сосредоточивались в руках шаньюя, который затем перераспределял их между степными племенами. Падение сюннуской империи дало ухуаням и сяньби возможность вести переговоры от своего имени. Данническая система превратилась из системы закрытого типа, при которой использование всех субсидий контролировал шаньюй, в систему открытого типа, при которой любой вождь, прибывающий к ханьскому двору, получал соответствующее вознаграждение. Поскольку политическая организация сяньби столь резко отличалась от сюннуской, в конечном итоге возникла новая форма взаимоотношений между кочевниками и Китаем, гораздо более неприязненных, чем раньше.

Поздняя Хань установила контакты с сяньби в 49 г. н. э. Пять лет спустя два вождя предстали перед двором и получили дары. Вскоре эти и другие вожди сяньби согласились атаковать северных сюнну за вознаграждение, которое выдавалось на ханьской границе по числу отрубленных сюннуских голов. Это стало выгодным бизнесом для сяньби, стекавшихся на ляодунские рынки с целью обмена голов, получения даров и покупки китайских товаров. Ежегодные выплаты сяньби составили 270 миллионов монет, что почти в три раза превышало выплаты южным сюнну. Из этого не следует, что сяньби являлись самым могущественным племенем того времени. Вплоть до 87 г. северные сюнну, хотя и находились вне даннической системы, оставались основной силой в степи. Даже в 130 г. некоторые племена сяньби все еще находились у них на военной службе. И лишь затянувшаяся междоусобная война сделала сяньби важными стратегическими союзниками Китая и южных сюнну в борьбе против северной сюннуской орды.

Раздробленность системы власти у сяньби делала их помощь очень дорогостоящей. Хань, желавшая привлечь на свою сторону сяньбийских наемников, должна была предоставлять субсидии и дары сотням вождей мелких племен. В случае с сюнну даннические выплаты осуществлялись оптом, и шаньюй при этом нес ответственность за всю степь. Выплаты же сяньби осуществлялись, так сказать, в розницу. Цена оказывалась более высокой еще и потому, что ханьское правительство не просто покупало мир на границе, но и финансировало сяньбийские атаки на северных сюнну.

Данническая система открытого типа имела тенденцию сохранять и усиливать продолжающееся дробление сяньби. Если ханьский двор был готов лично сотрудничать с вождем каждой сотни или тысячи семейств, то почему эти мелкие вожди обязаны были постоянно подчиняться какому-то другому правителю? Конфедерация сяньби обычно формировалась на добровольной основе и подчинялась избранному племенами лидеру, однако этот лидер не обладал монополией на получение выгод от даннической системы. Не имея возможности контролировать своих номинальных подданных при внешних сношениях, такие вожди не имели большой власти и во внутренних делах: например, убийц наказывали в соответствии с обычаем кровной мести, что резко контрастировало с суровым законом сюнну, который требовал смертной казни для каждого, кто обнажал свой меч в мирное время. Такая дисперсная структура была очень привлекательна для измученных войной вождей племен северных сюнну. После поражения северного шаньюя они нередко провозглашали себя сяньбийцами. Поскольку у сяньби отсутствовала сильная надплеменная власть, подобные заявления освобождали вождей северных сюнну от обязательств как перед северным, так и перед южным шаньюем и одновременно увеличивали их самостоятельность и властные полномочия. Массовый переход северных сюнну к сяньби в 89 г. не позволил южному шаньюю объединить степь.

Во время правления императоров Мин-ди и Чжан-ди (58–88 гг.) они [сяньби] охраняли границу по Великой стене и никаких столкновений там не происходило. Во время правления императора Хэ-ди (89–105 гг.)... сюнну были разгромлены. Северный шаньюй бежал, а сяньби переселились на его земли и заняли их. Оставшиеся роды сюнну, не ушедшие вместе с ним, все еще насчитывали свыше 100 000 юрт, и все стали называть себя сяньби. С этого времени началось постепенное усиление сяньби³.

Падение северных сюнну не было результатом возникновения империи сяньби. Наоборот, оно положило начало ее возвышению.

³ XXIII 90 : 90b; *Parker. Ibid. Vol. 20. P. 93.*

Возрождение стратегии внешней границы

«Использование варваров для борьбы с варварами идет на благо государству»⁴. Так сказал в 88 г. военный советник ханьского двора после утверждения плана кампании по уничтожению северных сюнну. Война была успешной, но вскоре принесла Китаю новые осложнения. Дело в том, что радикально изменился баланс политических сил в степи и внимание кочевников, ранее направленное друг на друга, переключилось на Китай. Главным, кто ратовал за войну, был южный шаньюй, надеявшийся объединить степь. Однако он не смог достичь своей цели. Вместо этого большое число сюнну примкнули к сяньби, создав новую и очень напряженную ситуацию среди кочевников. Тех северных сюнну, которые были захвачены в плен южными или перешли на их сторону, контролировать было трудно. Они сразу же включились в политические споры по вопросу наследования в южной орде и в 93 г. призывали к набегам на Китай. До тех пор пока южный шаньюй получал от ханьского двора помощь в междоусобной войне, племена под его командованием были мирными и сплоченными. Используя стратегию внутренней границы, он добивался получения военной помощи и материальных благ из Китая на протяжении всего сорокалетнего периода войны с севером. Однако в дальнейшем ситуация изменилась. Южный шаньюй вернулся к политике враждебности по отношению к Китаю. Это означало возврат к стратегии внешней границы с набегам на Китай и с чередованием периодов войны и мира для увеличения ханьских субсидий сюнну. После окончания междоусобной войны союз с Китаем сулил шаньюю гораздо меньше выгод, чем политика вымогательства.

Сяньби также начали враждебные действия против Китая. Крупные выплаты, которые они получали по даннической системе, были обусловлены стратегической важностью их помощи во время междоусобной войны в степи. С окончанием же войны доходная сделка по охоте за головами прекратилась. Кроме того, численность сюнну, перешедших на сторону сяньбийцев, выросла и они начали испытывать растущую потребность в ханьских субсидиях и товарах. Выступив союзниками китайцев в послевоенной атаке на южных сюнну, сяньби вскоре перешли к набегам на Китай: сначала на Ляодун в 97 г., а потом и повсюду вдоль границы. Мирные предложения Хань и крупные даннические выплаты способствовали кратковременному миру в 108 г., но «в дальнейшем они то изъявляли покорность, то восставали, то опять находились в состоянии войны с сюнну и ухуанями»⁵.

Сяньби использовали выработанную сюнну стратегию внешней границы, а именно: жестокие набеги с целью грабежа и устрашения ханьского двора, чередование войны и мира для увеличения выплат и расширения торговли, отказ от оккупации земель империи Хань. Однако в том, как эта политика осуществлялась сяньбийцами, было и существенное отличие. Шаньюй сюнну использовал набеги как средство для достижения новых, более выгодных условий заключения договора. Вслед за набегам в Китай быстро выезжали сюннуские послы с предложениями о мире. Как только заключался выгодный договор, число набегов существенно сокращалось, и общее количество лет мирного сосуществования Китая и сюнну в итоге превышало количество лет войны между ними. Захватившие господство в степи сяньби полагались более на набеги, чем на получение договорных привилегий и выплат, и с Китаем чаще находились в состоянии войны, а не мира. Около 167 г. они даже отвергли выгодное предложение мира со стороны Хань, т. е. сделали то, чего бы никогда не сделали сюнну. Для сяньби набеги сами по себе являлись главной и самой желанной целью.

Более жесткая политика по отношению к Китаю явилась следствием отсутствия сильной центральной власти и раздробленности политической структуры у сяньби. Должность верховного вождя у них не передавалась по наследству и сама по себе не предоставляла больших полномочий: сила и слабость этой должности определялась личностью того, кто ее занимал. Самым простым путем для достижения власти было проявление военного и политического таланта. Как только сяньбийский вождь возвышался до уровня верховного правителя, он обнаруживал, что лучшей стратегией сохранения единства была организация набегов на Китай. Такие набеги немедленно приносили добычу их участникам и предотвращали внутренние усобицы. Первые атаки на Китай были вызваны необходимостью интегрировать в состав сяньби вновь прибывших сюнну. Лучшего способа, чем совместная военная акция, для этого не существовало.

Военные действия против Китая также усиливали власть и значение верховного вождя, который организовывал крупномасштабные набеги. Однако мирные договоры обычно

⁴ XXIII 89 : 18b; *Parker. Turko-Scythian Tribes. Vol. 21. P. 266.*

⁵ XXIII 90 : 10b; *Parker. History of the Wu-wan. Vol. 20. P. 94.*

противоречили его интересам, поскольку, не в пример шаньюю сюнну, он не имел монополии на перераспределение благ, получаемых от даннической системы. С самого начала отношений сяньби и ханьского двора вождь любого мелкого племени имел право непосредственно устанавливать свои контакты с Китаем, и в мирное время все выгоды от этих контактов шли в его руки. Это не позволяло верховному вождю усилить свою власть путем контроля за доступом к товарам, производимым в Китае. Во время войны, однако, сильный вождь мог управлять своими подчиненными, решая, кто будет участвовать в наиболее прибыльных набегах, и используя свою военную власть для запугивания несговорчивых. Таким образом, мирные инициативы Китая с предложением возобновить действие даннической системы отвергались сильными сяньбийскими вождями. Выгоды, получаемые от даннической системы, усиливали центральную власть у сюнну, но приводили к обратному результату у сяньби. В связи с этим сяньби наиболее благосклонно относились к мирным предложениям Китая, когда у них не было собственного сильного вождя, и, естественно, воспринимали их наиболее враждебно во время двадцатилетнего правления Танышихуая, который объединил степь и стал самым могущественным правителем в истории сяньби.

Примером решающего значения личных успехов в сяньбийской системе избрания правителя является возвышение Танышихуая. Несмотря на то что он был незаконнорожденным, Танышихуай уже в юности производил впечатление на своих соплеменников способностями и силой. В 156 г. в возрасте 23 лет он был избран верховным вождем сяньби. В том же году он организовал большой набег на Китай, а затем почти каждый год повторял атаки, применяя отработанную стратегию безудержного грабежа и последующего отступления в степь. В 177 г. за шесть месяцев Танышихуай организовал 30 набегов на всем протяжении ханьской границы. Набеги на Китай он перемежал атаками на другие кочевые племена, и вскоре сяньби стали контролировать всю территорию степи, ранее находившуюся под властью Маодуня.

Танышихуай разделил свою империю на восточную, западную и центральную части. В каждом племени или группе племен были вожди, лично преданные Танышихуаю. Структуры, напоминающей структуру империи сюнну с ее должностями князей и сановников гудухоу, которые помогали управлять государством и оставались лояльными шаньюю вне зависимости от того, кто занимал этот высокий пост, у сяньби не существовало.

Даже достигнув вершины своего могущества, Танышихуай никогда не пытался заключить мирный договор с Китаем. Он уничтожал все ханьские армии, посланные против него.

Двор был сильно обеспокоен этим, но ничего не мог поделать и отправил посла с печатью и шнуром пожаловать Танышихуаю титул *вана* (высший титул Хань), желая заключить с ним договор о мире, основанный на родстве. Танышихуай отверг все предложения и стал нападать еще яростнее, чем когда-либо⁶.

В прошлом выгоды даннической системы заставляли сюнну соглашаться с мирными предложениями Китая, однако теперь подобная политика не работала. Ханьский двор так и не осознал, что вожди сяньби для сохранения своей власти сделали ставку на войну. Власть Танышихуая над сяньби была харизматической. Успешные войны усиливали его харизматический ореол и отбивали у его соперников желание состязаться с ним. Хрупкость такой политической системы стала очевидной, когда около 180 г. Танышихуай умер. Его сын немедленно провозгласил себя наследником отца, но половина племен отложила. Они отказались признать его лидерство, и «после смерти Танышихуая различные вожди были всегда в состоянии войны друг с другом»⁷.

Похоже, что этот опыт позволил Китаю кое-что уяснить для себя в политике сяньби. Когда новый сяньбийский вождь по имени Кэбинэн пришел к власти, Китай наконец-то вместо армии или посла направил в степь наемного убийцу. В 235 г. Кэбинэн был убит, а сяньби снова оказались раздробленными.

Падение Хань — конец двух имперских традиций

То, что объединение кочевников и объединение Китая произошли одновременно, вряд ли было случайным совпадением. Не случайным был и их одновременный коллапс. Разрушение экономики Китая и его распад оказали прямое воздействие на жизнь обитателей степи. Вождь кочевников за счет своей военной доблести мог объединить степь, но поддержание степной империи в целости требовало наличия ресурсов, которые мог дать только Китай. Междоусобные войны сюнну показали, что, когда кочевники были принуждены полагаться только на свои

⁶ XXIII 90 : 14b–15a; *Parker. Ibid. Vol. 20. P. 97.*

⁷ XXIII 90 : 20a; *Parker. Ibid. Vol. 20. P. 88, цит. по: СГЧ Вэй 30 : 2a–2b.*

собственные ресурсы, их крупные политические структуры рушились. Даже империя Таньшихуа в вопросах своего обеспечения зависела от непрерывных набегов и после смерти своего основателя развалилась на части.

В период, предшествовавший падению династии Хань (около 190 г.), кочевники использовали стратегию внешней или внутренней границы для эксплуатации богатств Китая. Таким образом, после 190 г. и до того момента, когда Северный Китай вновь обрел стабильность, никакого единства в степи существовать не могло. Это объяснялось тем, что для успешного осуществления кочевой стратегии необходимы были определенные предпосылки.

1. Процветающий и густонаселенный Северный Китай.
2. Наличие в Китае эффективной административной системы.
3. Преобладающее влияние гражданских чиновников на государственную политику Китая.

Такие условия чаще всего возникали, когда Китай был единым, не раздирался внутренними беспорядками и находился под управлением самих китайцев. На протяжении всей имперской истории Китая его распад и объединение происходили одновременно с аналогичными событиями в степи.

Рассмотрим указанные предпосылки стабильности более подробно.

1. *Процветающий и густонаселенный Северный Китай.* Взаимодействие между кочевниками и Китаем происходило вдоль северной границы. Для поддержания своих империй кочевники использовали средства, полученные от даннической системы или в результате опустошительных набегов. Продукты и товары, которые они захватывали, производились земледельцами или ремесленниками империи Хань. Они бы лишились всего этого, если бы экономическая база Северного Китая была уничтожена или его население значительно уменьшилось. Так или иначе, кочевники вскоре осознали бы, что в покинутых деревнях и у голодающих жителей можно отнять очень немного.

2. *Наличие в Китае эффективной административной системы.* Стратегия внешней границы требовала, чтобы кочевники не занимали земли Китая, поскольку в этом случае проявилась бы их слабость, обусловленная малочисленностью. В течение всего периода правления династии Хань сюнну, а позднее и сяньби, зависели от способности правительства Китая организовывать производство необходимых товаров. Обычно степные кочевники избегали принятия на себя ответственности за руководство оседлым населением. Вся стратегия внешней границы основывалась на устрашении или принуждении имперского правительства Китая к сбору необходимых средств и выплате их кочевникам. Даже такие кочевники, как сяньби, косвенно зависели от ханьского правительства, поскольку, если бы оно не восстанавливало экономику подвергавшихся набегам районов и не оказывало помощь их населению, то не осталось бы ничего, что можно было грабить. В периоды единства Китая кочевники воспринимали его административную структуру как естественное условие всех процессов взаимодействия, поскольку сами не имели реального представления о труде, связанном с производством большого количества товаров, в которых нуждались, и не понимали механизма, с помощью которого правительство Хань получало свои доходы. Когда империя рушилась и китайские правители теряли власть, на проблему пограничных паразитов переставали обращать внимание, поток поступающих богатств иссякал, и никакие новые угрозы или набеги не могли изменить ситуацию.

3. *Преобладающее влияние гражданских чиновников на политику государства в Китае.* Успех стратегии внешней границы зависел от получения предсказуемого и благожелательного ответа на требования кочевников. Правительству Китая оставалось лишь стремиться к удовлетворению нужд номадов, а не объявлять им войну. Как мы уже отмечали, гражданские чиновники, воспитанные в традициях конфуцианства, обычно были противниками наступательных военных планов, поскольку последние приводили к разрушению государства и открывали возможности для выдвижения лиц торгового и воинского сословий. Эти советники отдавали предпочтение позиционной обороне и щедрым данническим выплатам, лишь бы уклониться от военных действий в степи. В качестве примера дурной политики в отношениях со степью, которую Китай никогда не мог включить в свой состав или легко умиротворить, они приводили войны циньского Ши-хуан-ди и ханьского У-ди. Тех, кто поддерживал более агрессивную политику, обычно обвиняли в притеснении населения, растраниживании богатств Китая и потворстве выдвижению недостойных людей. В системе стабильного государственного управления подобных вещей следовало избегать, и если стабильность можно было утвердить с помощью политики умиротворения под видом даннической системы, то выплаты кочевникам оказывались более дешевой и удобной стратегией, чем постоянная война с ними. Таким образом, когда кочевники предъявляли требования ханьскому двору, они могли рассчитывать на благоприятные результаты.

Политика иноземных династий, пришедших на смену Хань, была совершенно иной и, как мы увидим позднее, создала большие трудности для кочевников. Однако традиционные китайские истории, предлагавшие образцы правильного поведения и государственной политики, писались учеными-конфуцианцами, для которых в истории иноземных династий наличествовали только дурные примеры управления и внешней политики.

Часто считается, что падение династии Хань, так же как падение Рима, было следствием вторжения варваров. В обоих случаях на развалинах некогда единой империи возникали иноземные царства. Для Китая, однако, такое утверждение неправомерно. Степные кочевники не играли ключевой роли и вообще принимали очень мало участия в гражданских войнах в Китае, которые последовали за падением Цинь, свержением Ван Мана, а также распадом Поздней Хань. Сами восстания были результатом внутренних неурядиц, и вспыхивали они внутри Китая, а не вдоль границ. Иноземные династии, появление которых обычно считают причиной падения Хань, в действительности не возникали примерно до 300 г., т. е. еще в течение более 100 лет после того, как китайские военачальники своими руками разрушили единство Китая. Только вслед за падением государств, основанных этими военачальниками, пришли «варвары» и собрали на севере Китая их осколки⁸.

Падение династии Поздняя Хань началось с восстания «желтых повязок» в 184 г., которое было внутренним китайским делом. Оно первоначально вспыхнуло и нашло поддержку в Восточном Китае⁹. Плохое управление наиболее заметно сказывалось на центральных провинциях Китая, поскольку ханьский двор традиционно направлял субсидии и товары в пограничные области с целью предотвращения там беспорядков. Имперские войска подавили восстание, но вскоре вспыхнули новые бунты. Тогда многие военачальники поняли, что династии пришел конец и ключи от власти находятся в их руках. Эти люди стали местными военными правителями, прикрывающимися имперскими полномочиями как фиговым листком. После того как в 188 г. умер император Лин-ди, ханьские государи стали просто марионетками в руках собственных военачальников. Династия формально существовала до 220 г., а потом была официально упразднена, и начался период, известный как Троецарствие.

Крушение порядка в Китае не было благом для кочевников. Гражданская война разрушила аграрную экономику, и номады уже мало что могли выкачать из нее. Постоянные войны, начавшиеся после восстания «желтых повязок», привели к значительному уменьшению населения Китая. В послевоенных отчетах с горечью отмечалось, что из 56 миллионов человек, населявших страну при Поздней Хань, выжила лишь 1/10 часть. И хотя подобная оценка, несомненно, является преувеличением, тем не менее правда, что на протяжении жизни всего лишь одного поколения произошли крах экономики и резкое сокращение населения. Из состояния политической стабильности и процветания Китай скатился к анархии и нищете. Некогда богатые города, такие как Чаньань, обезлюдели. Голод и болезни, следующие за бродячими армиями, опустошали китайские земли. Даже придворные самого императора временами были вынуждены собирать дикие растения из-за отсутствия зерна. Это было действительно темное время, но в наступлении его были виноваты не варвары, а сами китайцы¹⁰.

В период, когда началось восстание «желтых повязок», власть в степи принадлежала сяньби, хотя они и раскололись незадолго до этого на множество мелких групп, боровшихся за власть после смерти Тяньшихуая в 180 г. Южные сюнну и ухуани, тесно связанные с ханьским правительством, страдали от набегов Тяньшихуая, так как были «варварами, охраняющими границу» — т. е. исполняли роль буфера между собственно Китаем и степью. Когда начались восстания в Китае, ханьское правительство увидело в кочевниках не только угрозу династии, но и реальную силу, способную эту династию защитить. Подобное двойное отношение складывалось из опасения, что кочевники могут объединенными силами напасть на Китай, и осознания зависимости от военной помощи иноземных варваров в деле подавления беспорядков.

По этой причине северная граница находилась в относительно лучшем положении, чем другие области Китая. Ухуани и сюнну получали прямую помощь из Китая, в то время как сяньби (когда они не участвовали в набегах) активно занимались контрабандой. В 177 г. один из ханьских чиновников пожаловался, что граница стала настолько проницаемой, что железо — традиционно запрещенный для торговли предмет — стало незаконно приобретаться сяньби. И действительно, когда сяньби позднее были призваны в качестве наемников для борьбы с

⁸ Приводимые далее сведения в основном взяты из сочинения Сыма Гуана *Цзычжи тунцзянь* (ЦТ); ср.: *The Last of the Han* Креспиньи (Crespigny) и *The Chronicle of the Three Kingdoms* Фана (Fang).

⁹ Michaud. The Yellow Turbans.

¹⁰ Yang. Notes on the economic history of the Chin dynasty.

восставшими на западе цзянами, они потребовали значительных выплат контрабандными товарами. Когда условия им не понравились, они начали грабежи¹¹.

Беспорядки в Центральном Китае усилили значение северной границы. Ранее ее благополучие поддерживалось через программу субсидий. Цена этой программы была огромной, она финансировалась за счет обложения налогом тех провинций Центрального Китая, где происходили восстания. Когда центральное правительство уже не могло субсидировать северную границу, местные власти стали использовать для поддержания мира ресурсы собственных провинций. Таким образом, пограничные области оставались районами относительного достатка в разгар голода в собственно китайских провинциях и начали привлекать потоки беженцев. Этот процесс наиболее отчетливо проявился в северо-восточной пограничной провинции Ю, наместник которой Лю Юй реорганизовал местную экономику таким образом, чтобы принять беженцев с охваченного анархией юга.

В прошлом провинция Ю была вынуждена взаимодействовать с народами, жившими по ту сторону границы. Расходы были исключительно большими, каждый год более 200 миллионов монет взималось в виде налогов в провинциях Цин и Цзи для восполнения [дефицита в провинции Ю]. В это время (около 190 г.) все пути сообщения были прерваны, привоз зерна прекратился, а Юй носил старую одежду и веревочные сандалии, имел на обед только одну тарелку мяса и считал необходимым быть снисходительным к подданным. Он поощрял разведение шелковицы и открыл процветающий рынок для торговли с варварами [провинции] Шангу, доставил запасы соли и железа из [провинции] Юйян. Население наслаждалось урожаем... и более миллиона знатных людей и простолюдинов бежали от бедствий в [провинциях] Цин и Сюй и пришли к Юю. Он принял их, заботился о них с большим ¹²сочувствием, расселил их и дал средства к существованию. Все беженцы забыли о том, что они изгнанники¹².

Следуя своей обычной политике, кочевники первоначально оставались в стороне от гражданской войны. Тем не менее сюнну и ухуани некоторое время выделяли вспомогательные войска для помощи правительству династии Поздняя Хань, неофициально к нему на службу нанимались и сяньби. По мере усугубления ситуации династия была вынуждена все более полагаться на ненадежную военную помощь кочевников. Например, когда в 184 г. началось восстание в северной пограничной провинции, ханьское правительство отправило на войну с восставшими 3000 воинов-ухуаней. Эти войска не были достаточно подготовлены для долгого похода, взбунтовались и перед возвращением домой ограбили провинцию Цзи. В 188 г. ханьское правительство обратилось к сюнну с просьбой о предоставлении войск для ведения военных действий в Центральном Китае, однако, когда шаньюй попытался собрать войска, сюнну «испугались, что требования предоставить войска никогда не прекратятся». Они убили шаньюя и возвели на престол его сына. После этих бунтов вожди сюнну и ухуаней начали переговоры с соперничающими военачальниками на севере¹³.

Самым знаменательным аспектом пограничных отношений было то, что кочевники в своем взаимодействии с различными китайскими военачальниками выступали на вторых ролях. Теоретически они могли создать свою собственную коалицию, в которой доминировали бы политически. Но на практике они предпочитали занимать второстепенные роли и искали союза с сильными пограничными военачальниками. Последние выступали в качестве их новых покровителей и снабжали их предметами роскоши, зерном и ремесленными товарами, которые в прошлом распределялись центральным правительством. Истоки такого рода позиции коренились в старой стратегии внешней границы, которая сознательно освобождала кочевников от обязанности управлять оседлым населением. Китайские военачальники нуждались в любой военной силе, особенно в быстрой маневренной коннице, и были готовы предложить за нее достойное вознаграждение.

Когда началась война, ухуани и сюнну заключили союз с Юань Шао, крупным военачальником на границе. Последний был давно знаком с вождями кочевых племен и успешно использовал старые связи для создания личной армии. Его основным соперником был Цао Цао, который контролировал марионеточный ханьский двор. Они оба понимали, что союз с кочевниками мог решить исход борьбы за Северный Китай. Однако в 203 г. Юань Шао умер, и его войска были поделены между родственниками, значительно ослабив политическое положение семейства Юань.

Для семейства Юань решающее значение имел союз с ухуанями, поэтому Цао Цао использовал любые доступные средства для нейтрализации последних. Когда ухуани собрали для

¹¹ XXIII 48 : 15–15b, XXIII 90 : 17a; *Yü. Trade and Expansion in Han China*. P. 109, 132; *Parker. History of the Wu-wan*. Vol. 20. P. 98.

¹² ЦТ 1915–1916; *Crespigny. Last of the Han*. P. 70–71.

¹³ ЦТ 1885–1886, 1889; *Crespigny. Op. cit.* P. 34, 38. Ср.: *Haloun. The Liang-chou rebellion*.

юаньской армии отряд, насчитывающий 5000 конников, Цао Цао направил посланника к князю ухуаней, пытаясь убедить его в том, что поступать так будет неразумно. Во время официальной аудиенции вождь ухуаней Супуянь попросил посланника Цао Цао объяснить ему, кто на самом деле правит в Китае, и сказал следующее:

Однажды господин Юань сказал, что он получил приказ от Сына Неба сделать меня шаньюем. Теперь господин Цао говорит, что он доложит Сыну Неба и сделает меня шаньюем по-настоящему. И кроме всего этого, имеется посланник со знаками отличия из Ляодуна. Так кто же из вас настоящий?¹⁴

Поскольку император Хань и его печати захватывались то одним военачальником, то другим, законность вновь присвоенных титулов постоянно оспаривалась, однако такие темные протокольные вопросы оставались непонятными для пограничных племен. Ухуани недоумевали, почему ханьский двор должен был объявлять их вождя шаньюем два раза. Посланник Цао Цао имел готовый, хотя и сложный, ответ, который сводился к тому, что все жалованные титулы должны подтверждаться императорской печатью. Он заявил, что титул, дарованный Юанем, не имеет законной силы, но в знак признания значения ухуаней Цао Цао ныне жалует их вождю настоящий, законный титул. Посол Цао Цао добавил также, что посланник из Ляодуна (представитель семейства военачальников Гунсунь) вообще не имеет права жаловать титулы кому-либо, поскольку он просто «мелкий командиришка». Когда посланник из Ляодуна высказал возражения против этой инсинуации, посол Цао Цао попытался отрубить ему голову. Супуянь вмешался с целью предотвратить кровопролитие, а затем выслушал подлинное послание самого Цао Цао, «толкующее о том, кто победит и кто проиграет и каким нужно следовать путем». Пораженный происходящим царь ухуаней на некоторое время распустил свои войска, которые он собрал ранее¹⁵.

Эта история наглядно показывает, какой хаос царил в гибнущей империи Хань и как изменился характер внешней политики Китая. Гражданские министры-конфуцианцы, когда они доминировали в правительстве, гордились тем, что общение с иноземцами осуществляется в рамках определенного этикета, поражающего варваров утонченностью ханьской цивилизации. Новые военачальники были людьми другой породы — «людьми скорее дарования, чем добродетели», как свидетельствует историческое клише для их описания. Попытка обезглавить посланника во время официальной аудиенции была проявлением дурных манер, чтобы не сказать более. Знаменательно также то, что Супуяню был предложен титул шаньюя, т. е. сюннуское, а не ханьское звание. Кроме этого, борьба за союз с ухуанями не соответствовала политике Поздней Хань «руками варваров подавлять варваров». Поддержка варваров была теперь необходима китайцам для борьбы с другими китайцами.

Цао Цао осознавал, что ухуани были военным оплотом семейства Юань. Чтобы устранить угрозу, исходящую от них, он в 207 г. двинулся в поход, намереваясь внезапно атаковать ухуаней в районе их отдаленных северных пастбищ. Это было рискованным предприятием: легковооруженная и мобильная армия Цао Цао должна была полагаться на скорость и внезапность атаки, чтобы застать кочевников врасплох; в случае неудачи, как предупреждали Цао Цао его высокопоставленные советники, сражающаяся в одиночку армия могла быть полностью уничтожена. Когда замысел атаки был преждевременно раскрыт, Цао Цао втянул ухуаней в решительное сражение возле горы Болан. Кочевники потерпели тяжелое поражение, потеряли Тадуня и других вождей больших племен, а оставшихся ухуаней Цао Цао включил в свою армию. Под его власть попало и большое число китайских семей, находившихся ранее под властью семейства Юань. Власть дома Юань была разрушена, его предводители бежали в Ляодун, где военачальник Гунсунь обезглавил их, а головы прислал Цао Цао в качестве подарка. В битве за северные земли кочевники оказались на стороне проигравших¹⁶.

Военачальники этого периода в глазах кочевников являли собой образцы нового типа китайского лидера — человека агрессивного, ставившего военные вопросы выше гражданских дел. Эти военачальники были полевыми командирами, которые сами вели войска в бой. Этим они более походили на вождей степных племен, руководителей самостоятельных и активных, нежели на традиционных ханьских императоров, редко покидавших двор и полагавшихся в политических вопросах на помощь чиновников. Даже их тактика напоминала тактику пограничных варваров. Атака на ухуаней, осуществленная Цао Цао, нарушила почти все принципы классического китайского военного мышления. Его ставка на внезапность и быструю маневренную армию, а также стремление нанести удар по врагу в тот момент, когда последний был к этому не готов, были заимствованы из тактических приемов кочевников. Военачальники, подобные Цао

¹⁴ ЦТ 2057–2058; *Crespigny*. Op. cit. P. 231–232.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ ЦТ 2072–2073; *Crespigny*. Op. cit. P. 247–248.

Цао, были склонны даже к большему риску, чем вожди кочевников. Очень немногие кочевые лидеры рискнули бы принять генеральное сражение с неясным исходом в том случае, если этого сражения можно было избежать. Цао Цао позднее сам признавал, что чистейшим безрассудством было рисковать своей жизнью и судьбой государства в битве, происходившей далеко за пределами Китая. Его готовность пойти на риск свидетельствует о том, что кочевники встретились с самыми опасными китайскими лидерами, которых они знали со времен династии Цинь. В эти смутные времена пропасть между воинственными китайскими военачальниками и вождями кочевых племен уменьшилась: связь между двумя мирами осуществлялась напрямую и базировалась на сходных принципах применения военной силы и достижения экономических выгод.

После того как Цао Цао взял под свой контроль Северный Китай, он заставил сюнну и ухуаней вести себя более смирно. В 216 г., однако, возникла опасность новой угрозы со стороны сюнну.

До этого времени южные сюнну долгое время проживали в наших пределах. Они были почти такими же, как и местные [китайские] реестровые жители, но не посылали податей и не платили налогов. Многие люди опасались того, что их число становится слишком большим и будет все труднее держать их под контролем¹⁷.

Решением проблемы для Цао Цао стала политика непрямого управления. Шаньюя удерживали при дворе в качестве заложника, а его брат, правый мудрый князь, занимался местными делами. Кроме этого, племена были разделены на пять частей, каждая из которых имела своего вождя, находившегося под наблюдением специального представителя Китая.

Осуществление этой политики оказалось возможным благодаря тому, что сюнну имели глубоко укоренившуюся систему потомственных правителей и жесткую схему наследования. Удерживая шаньюя заложником, разделяя племена и ежегодно обеспечивая шаньюя и других представителей сюннуской знати шелком, зерном и деньгами, основанная Цао Цао новая династия Вэй надеялась контролировать сюнну с минимальными затратами. Цао Цао мог также рассчитывать на их лояльность по отношению к Китаю и на то, что он сможет использовать племенные армии в ходе собственных войн. Конечно, сюнну больше не являлись основной силой в степи, как в былые дни; они были теперь обычными пограничными племенами. Однако коренные сюннуские племена и их имперская организация продолжали существовать. Все это наряду с тем фактом, что сюнну проживали на китайской территории, делало их постоянным объектом внимания со стороны Китая. Ни один народ, кроме сюнну, не имел такой длинной, восходящей к эпохе Цинь родословной правителей, а об их способности возрождаться после поражений ходили легенды.

Политика Цао Цао по отношению к ухуаням была иной. В отличие от сюнну у них не было традиции передачи власти по наследству и они были склонны к междоусобицам. В 216 г., например, ухуани в провинции Дай разделились на три группы, причем каждая имела своего вождя, именовавшегося шаньюем. Они представляли значительную проблему для Китая, пока не появился опытный пограничный начальник Пэй Цянь. В деле умиротворения границы он отказался от применения силы, полагаясь на политические манипуляции. Это представляло задачу куда более трудную, чем осуществление контроля над сюнну посредством их собственной политической организации. Для этого требовалось умение усмирять большое число мелких правителей. В частности, Пэй Цянь предупреждал, что колебания политического курса, такие как послабление, а затем внезапное ужесточение контроля над ухуанями, могут привести к восстанию. Его преемник поступил именно таким образом и вверг северо-восток Китая в пучину войны. Цао Чжан, сын основателя династии Вэй, возглавил армию, которая в 218 г. разгромила ухуаней и уничтожила остатки их сил.

При разгроме ухуаней присутствовал Кэбинэн — новый влиятельный вождь сяньби. Как всегда, сяньби не были едины, но, поскольку территория, подконтрольная Кэбинэну, вплотную примыкала к северной границе, именно он являлся для Китая наиболее важной фигурой среди местных племен. Пораженный мощью китайской армии, он заключил торговые соглашения с династией Вэй, которая испытывала потребность в лошадях для проведения южных кампаний. В 222 г. 3000 сяньби пригнали 70 000 голов крупного рогатого скота и лошадей к границе на продажу. Поскольку Вэй стремилась избежать осложнений с другими группами сяньби, титулы князей были пожалованы всем их вождям¹⁸.

Проблемы с сяньби, учитывая историю их взаимоотношений с Китаем, были, вероятно, неизбежны. Политика династии Вэй по привлечению сяньбийских племенных вождей к охране северной границы создавала дополнительную напряженность, так как пограничная стража

¹⁷ ЦТ 2146–2147; *Crespigny*. Op. cit. P. 327; *Boodberg*. Two notes on the history of the Chinese frontier. P. 292.

¹⁸ Биография Кэбинэна содержится в СГЧ Вэй 30 : 7b–9b.

периодически переходила с одной стороны на другую, вовлекая династию в соперничество между различными сяньбийскими племенами. В 233 г., например, Кэбинэн спровоцировал на севере восстание одного из племен и сам присоединился к восставшим. Войска Вэй устроили за ним погоню в степи, но были уничтожены. Это поражение привело к тому, что пограничные племена сяньби перешли на сторону Кэбинэна и атаковали те поселения, которые ранее защищали. Главные силы Вэй были брошены на границу, но Кэбинэн отступил к северу от пустыни Гоби и сумел избежать сражения.

В конце концов отказ вождей сяньби признать власть Кэбинэна привел к распаду коалиции. Мятежные племена вернулись к охране границы и, после вручения им подарков, были размещены в тех самых провинциях, которые недавно ограбили. У Вэй имелось опасение, что, если сила Кэбинэна возрастет, контроль над границей будет утрачен. Хорошо представляя себе политическую структуру сяньби, Вэй больше не рисковала посылать армию в глубь степи. Вместо этого она направила к кочевникам наемного убийцу, который в 235 г. убил Кэбинэна, после чего сяньби распались на отдельные племена. В отличие от сюнну, которые оказывали поддержку династии шаньюев в целом, власть вождей сяньби была личностной, харизматической. Со смертью вождя заканчивалась и его власть над сподвижниками.

Такое отсутствие единства среди сяньби было бы явным недостатком при столкновении с сильным и единым Китаем. Когда Китай был силен, мелкие племена либо подпадали под влияние централизованной власти в степи, либо переходили на сторону Китая. Независимые пограничные государства не могли существовать самостоятельно и обязательно уничтожались либо одной, либо другой стороной. Теперь, однако, неразвитая политическая организация сяньби стала преимуществом, поскольку в период Троецарствия ослабленный Китай был не в состоянии охранять свою границу, не говоря уже об уничтожении соперников, и степь также была раздроблена. Мелкие племена устанавливали собственные торговые отношения с Китаем, предъявляли права на различные пограничные районы и впервые начали брать на себя административные обязанности. По причинам, которые будут рассмотрены в следующем разделе, эти новые гибридные государства, располагавшиеся вдоль северной границы, стали почвой для возникновения иноземных династий, управлявших Северным Китаем на протяжении последующих трех веков и коренным образом изменивших взаимоотношения между Китаем и кочевниками.

Системный распад: период Шестнадцати государств

Эпоха Шестнадцати государств (301–439 гг.) явилась своего рода водоразделом в отношениях Китая с его северными пограничными соседями, поскольку в это время иноземные династии впервые основали собственные государства на севере Китая. Тем не менее данный период традиционно изучался хуже остальных, поскольку «варварские» царства не представляли большого интереса для китайских ученых и казались им своего рода темной ночью, пролегавшей между закатом Ханьской и восходом Танской империй, двух самых славных периодов в истории Китая. Такое отношение усугубляется, однако, и вполне объективными трудностями, возникающими при попытках проанализировать кажущуюся бесконечной череду иноземных династий в Китае и их конфликтов. Основным требованием для такого анализа является рассмотрение иноземных династий исходя из их собственной логики, а не просто в качестве истории развития отклонений от китайского образца. В это смутное время появился новый тип политической структуры, который коренным образом отличался от имперских конфедераций центральной степи. Это был тип дуальной организации, соединявший в рамках единого государства племенную организацию и китайский стиль управления. Хотя еще и не вполне развитый в данный период, он стал моделью для последующих более сильных иноземных династий (таких как киданьская Ляо и чжурчжэньская Цзинь), образовавшихся после падения Танской династии, и маньчжурская Цин, которая правила Китаем после краха Минской династии¹⁹.

Согласно традиционному взгляду, падение Хань произошло в результате опустошения страны племенами, нападавшими на границы. Предполагается, что пограничные племена просто выжидали ослабления оборонной мощи Китая, чтобы начать захватнические войны и установить непосредственный контроль над северной частью Поднебесной. В действительности столетие между падением Хань и первыми завоеваниями иноземцев просто выпадало из поля зрения иссле-

¹⁹ Этот период китайской истории является одним из наименее изученных. Ему было посвящено сравнительно небольшое число исследований, причем меньше всего изучались эфемерные иноземные династии севера. Основные сведения о нем содержатся в *Цзинь-шу* (ЦШ), но в связи со сложностью данного источника, большинство историков в качестве справочного материала используют сочинение Сыма Гуана *Цзычжи тунцзянь*.

дователей, и таким образом складывалось впечатление, что эти два события можно рассматривать как причину и непосредственное следствие. Однако, как мы отмечали ранее, кочевники отказались выступить на первых ролях в войнах, приведших к образованию Трех царств.

Когда произошло падение Хань, номады стали искать новых покровителей. Они не собирались управлять Китаем сами, хотя такие племена как сюнну проживали в пределах Китая начиная с середины периода Поздняя Хань. В период Троецарствия вэйское правительство заменило ханьский двор в роли торгового контрагента и непосредственного спонсора кочевников. Вэй попыталась обезопасить границы Китая, проводя политику непрямого управления кочевыми племенами, расселенными внутри его границ. Тем кочевникам, которые жили за его пределами, она выплачивала щедрую дань и открыла доступ к торговле. Когда в Китае произошел переворот, приведший к образованию в 265 г. династии (Западная) Цзинь, это мало обеспокоило север, так как новая династия проводила в его отношении прежнюю вэйскую политику. Присутствие сюннского шаньюя на цзиньской церемонии коронации несомненно сделало это мероприятие более величественным, поскольку шаньюй, хотя и был варваром, все же являлся единственным участником церемонии, чья непрерывная родословная восходила к временам, предшествовавшим появлению династии Хань.

В 280 г. войска Цзинь разгромили южное царство У, и Китай впервые со времен падения Поздней Хань снова объединился. Однако внутренние трудности привели к тому, что это крупное завоевание было вскоре утрачено. Главная проблема заключалась в попытке расформировать большую часть войск после объединения страны. Солдаты остались без дела, и многие из них продали оружие пограничным племенам. Но еще важнее то, что многочисленные цзиньские князья в провинциях отказались разоружить свои личные армии.

Северная граница продолжала оставаться довольно устойчивой, но потенциально весьма опасной. На большей части Северного Китая были расселены группы иноземцев, в той или иной степени подчинявшиеся китайской администрации. На равнине Гуаньчжун, в старом Чанъаньском столичном округе, среди населения преобладали тибетцы, представители племени ди. В провинции Тайюань обитали 19 племен сюнну, которые и внутри Китая продолжали сохранять свой прежний образ жизни и политическую организацию. На северо-востоке обитали многочисленные племена сяньби, жившие по обе стороны маньчжурской границы, такие как тоба, юйвэнь, дуань, туфа, цифу и муюн. Северо-западные земли Ганьсу, на границе с Туркестаном, населяли разноязыкие народы различного происхождения.

Наибольшей враждебностью отличались сяньби. Они уже не были только кочевниками, а завоевали отдельные территории за пределами маньчжурского пограничья, где под их властью находились земледельцы и жители городов. В 281 г. они предприняли большую атаку на Китай, но в следующем году были разгромлены цзиньской армией. Вскоре после этого 29 сяньбийских кланов согласились заключить мир с Китаем, но их отдельные независимые группы продолжали нападать на границу, как только представлялась такая возможность.

Сюнну также оставались потенциальной опасностью для Китая, поскольку реорганизация Вэй в 216 г. оказалось неэффективной. То, что шаньюя удерживали в качестве заложника, просто увеличило власть местных вождей. В 251 г. цзиньский чиновник так объяснял сложившуюся ситуацию:

Со времени, когда шаньюй прибыл в Центральный Китай, варвары потеряли своего вождя и нуждаются в правителе, который руководил бы ими как в мирный период, так и в период смуты. В настоящее время династия шаньюя с каждым днем все больше приходит в упадок, а власть внешних областей ежедневно усиливается. Мы должны предпринять все возможные меры предосторожности в отношении варваров... Очистить их территорию, ослабить их войска и воздать им посмертные почести — вот лучший план защиты границы²⁰.

Лучшей защитой для династии было покровительство кочевникам. Пока она предоставляла им дары и открывала рынки, номады старались вымогать у династии, а не уничтожать ее.

Начиная примерно с 292 г. в правительстве Западной Цзинь не утихали внутренние конфликты. Придворные группировки использовали наемных убийц для устранения соперников. Провинциальные князья начали домогаться власти, ища поддержки у пограничных племен. Эти конфликты достигли своего апогея около 300 г., когда братоубийственные войны разрушили единство Цзинь. Отказавшись поддерживать китайских военачальников, сюнну в 304 г. восстали и создали собственное государство.

Решение сюнну отказаться от пятисотлетней традиции стало результатом действия двух факторов. Во-первых, в результате гражданской войны распалось китайское государство и стало

²⁰ СГЧ Вэй 28 : 19ab; *Fang*. Chronicle. Vol. 2. P. 85–86; ЦШ 56; ср.: *Boodberg*. Two notes. P. 292–297.

ясно, что преемники Хань не смогут быть надежными покровителями, способными удовлетворять нужды кочевников. Во-вторых, вэйско-цзиньская политика удержания шаньюя в качестве заложника привела к появлению нового — «китаизированного» — типа лидера сюнну, который претендовал на то, чтобы править Китаем самостоятельно.

Шаньюй Лю Юань происходил из царского рода и являлся потомком Маодуня. Будучи заложником при цзиньском дворе, он получил классическое образование. Сюннуский царский род на протяжении длительного времени использовал фамилию Лю, которая являлась также фамилией ханьского правящего дома. Периодически шаньюи сюнну утверждали, что благодаря родству по женской линии со старинным императорским родом они в действительности имеют больше прав на китайский престол, чем узурпаторы из династий Вэй и Цзинь. Располагая пятидесятитысячным войском, Лю Юань основал собственную династию — Северную Хань (в дальнейшем переименованную в Чжао) — и превратился в могущественного противника Цзинь. Сюнну снова оказались первопроходцами. Шаньюй вполне подходил на роль первого иноземного правителя Северного Китая.

Важно понять, почему сюнну основали первое иноземное государство на территории Китая и почему оно просуществовало так недолго. Прежние отношения Хань и сюнну достаточно легко интерпретировать, поскольку эти державы представляли собой части биполярного мира. Пограничные районы были вынуждены присоединяться либо к сюнну, либо к Хань, выбирая между совершенно противоположными типами хозяйства и общества. Мы уже показали, что существовала тесная связь между единством степи и единством Китая, причем последнее способствовало первому. Если единство рушилось, то рушилось одновременно. В эти смутные эпохи народы пограничья, ранее зажатые между Китаем и степью, получали возможность развиваться самостоятельно. Это развитие происходило по-разному, в зависимости от конкретных исторических обстоятельств и мест их обитания.

Эволюционный цикл пограничных династий

Последовательность смены иноземных династий была не результатом действия случайных факторов, а проявлением системной социально-политической последовательности. Происходил переход от менее стабильных к более стабильным государственным формам, причем каждая вновь образовывавшаяся династия готовила почву для преемницы. Эта циклическая последовательность, которая позднее неоднократно повторялась в истории пограничья, происходила по следующей схеме.

1. Когда порядок внутри Китая рушился, наилучшую возможность для проникновения в страну получали пограничные народы, населявшие центральную степь, такие как сюнну. Они обладали значительными военными силами, выкованными в недрах имперской конфедерации. Их превосходная военная организация гарантировала им победу над всеми соперниками на севере Китая. Однако, поскольку они традиционно воздерживались от захвата собственно китайской территории, предпочитая заниматься вымогательством у правящих династий, то опыта руководства оседлым населением им не доставало. Такие династии могли покорять, но не были способны эффективно управлять.

2. Эти милитаристские династии, хотя нередко и могущественные, были недолговечными, и на смену им приходили более совершенные пограничные государства, которые создавали систему управления, соединявшую в себе племенные армии кочевников и бюрократию китайского образца. Такая модель развития обычно реализовывалась в течение жизни двух поколений и имела место на окраинных землях вроде Маньчжурии или Ганьсу. Окраинные земли были географически изолированы и избегали участия в постоянном противоборстве соперничающих милитаристских государств на севере Китая. «Маньчжурские династии», основанные различными племенами сяньби, были не хищниками, подобно милитаристским государствам сюнну, а, скорее, «падальщиками». У них было достаточно сил, чтобы защитить себя от вторжений, но в борьбе с военачальниками юга они не добились больших успехов. Только после того, как из-за плохого внутреннего управления сюннуские династии рушились, маньчжуры устремились подбирать их осколки.

3. Ранние маньчжурские династии успешно справлялись с анархией первых лет своего правления, поскольку были хорошо организованы и консервативны. Но после обретения контроля над территорией Северного Китая их консерватизм становился помехой. Содержать многочисленные вооруженные силы и гражданское чиновничество, не прибегая к экспансии, было накладно. Когда же династии этого типа не удавалось захватить остававшиеся независимыми северокитайские государства, она в конце концов становилась жертвой финансового кризиса, который значительно

ослаблял ее обороноспособность. Это открывало возможности для создания новых династий, которые основывались пограничными вассалами маньчжурских династий более раннего периода. Воинственные и часто самые нецивилизованные из числа вчерашних вассалов вторгались на юг и устраняли верхушку правящей династии, но старались сохранить ее дуальную военно-бюрократическую организацию. Их приход часто приветствовался чиновниками прежней династии, которых привлекали перспективы обогащения и получения новых должностей, появившиеся в результате проведения агрессивной захватнической политики. Эта третья волна вторжений приводила к появлению наиболее сильных иноземных династий, которые быстро распространяли свою власть на весь север Китая. Однако они неизбежно становились наследниками династий предшествующих двух типов. Они не могли создать дуальную систему самостоятельно.

Условия, соответствовавшие различным этапам эволюционного цикла, возникали в строго определенных местах границы. У степных племен в центре уже была готовая военная организация. Имея опыт вхождения в кочевую конфедерацию под управлением наследственных племенных вождей, они могли быстро создать военную коалицию и выставить на поле боя внушительные силы. Во времена анархии степные племена были самыми сильными претендентами на власть. Вместе со старым кочевническим прошлым они наследовали и соответствующую стратегию поведения: атаковать слабые места врага, жить за счет грабежа, стремиться к тому, чтобы уничтожить соперника, а не обратить его в бегство. О том, как организовать систему управления оседлым населением, они предпочитали не думать.

Более сложное государственное устройство было у государств, возникавших в районах, находившихся вне зоны основных конфликтов, на территории которых могли одновременно проживать китайцы и представители племенных народов. В этих регионах правители, опираясь как на опыт, так и на эксперимент, научились организовывать и использовать дуальную систему управления в ограниченном масштабе, в котором политические ошибки не были столь фатальными. Наиболее перспективным районом для такого диверсифицированного развития была пограничная маньчжурская область в бассейне реки Ляохэ. Здесь, на территории сравнительно небольшого государства, могли одновременно проживать кочевые скотоводы степи Ляоси, китайские крестьяне и обитатели городов Ляодунского полуострова, а также обитатели лесов в истоках реки Ляохэ. Этот район был колыбелью почти всех стабильных иноземных династий в Китае. Условиями, пригодными для создания государств смешанного типа, обладали и территории северо-западного коридора Ганьсу, где проживали оазисные земледельцы, степные племена и китайские колонисты. Однако северо-западные государства не имели большого исторического значения, поскольку располагались слишком далеко для того, чтобы захватить центр Китая. Маньчжурская граница, пускай и не самыми исхоженными тропами, соединялась с густонаселенной северокитайской равниной. Когда маньчжурские войска двигались к центру Китая, их источники снабжения располагались неподалеку. Династии третьей волны также приходили с северо-востока — их представители были некогда вассалами династий второй группы. Они могли происходить из степной или лесной зоны, но обязательно должны были проживать неподалеку от границ Маньчжурии, если хотели отобрать власть у своих соперников, не располагая при этом собственной развитой политической организацией. По иронии судьбы именно ужасная отсталость новых завоевателей вынуждала их оставлять без изменений ту военно-политическую структуру, которая была создана их соперниками.

Милитаристские государства сюнну

В ходе военных действий сюнну разгромили династию Цзинь. Наиболее значительным событием этой войны было падение Лояна и пленение цзиньского императора в 311 г. Падение Лояна было ужасной потерей для Китая, поскольку великий город был сожжен дотла, а столица и император впервые попали в руки неприятеля. Вначале сюнну держали императора в качестве прислужника, однако затем казнили его из опасения, что он может оказаться в центре заговора против иноземцев. В 316 г. сюнну захватили Чаньань и второго цзиньского императора. Судьба этого монарха была такой же, как и судьба его предшественника. Теперь сюнну властвовали на всем севере Китая, за исключением государства Лян на северо-западе и государств сянби на северо-востоке. Цзиньский двор и большая часть китайской знати бежали на юг. К 325 г. 60-70 % представителей высших классов Китая ушли на юг²¹. Они продолжали называть себя единственными законными правителями Китая — династией, известной как Восточная Цзинь.

²¹ Yang. Notes on economic history.

Завоевания сюнну были обширны, но их государственная структура не соответствовала по своей эффективности военной организации. Почти с самого начала мнения сюнну относительно завоевания Китая разделились. Одна из партий была за то, чтобы создать правительство наподобие китайского, в то время как остальные настаивали на установлении простого господства над Китаем с сокращением административных функций до минимума. В основе этого конфликта лежал вопрос о пригодности использования стратегии внешней границы после того, как оборона Китая была разрушена.

Сюннуский шаньюй Лю Юань (правил в 304–310 гг.) получил образование при цзиньском дворе, который стал для него моделью управления новой династией. Он создал точную копию цзиньского двора в своей столице в Пинчэне²². Лю Юань, вероятно, полагал, что, именуя себя императором на китайский манер, он в конце концов добьется признания со стороны китайской знати. Так или иначе, его двор был островком стабильности, привлекавшим к себе многих беженцев, включая чиновников, бежавших от беспорядков в других частях Китая. Источником власти Лю Юаня над племенами являлось звание шаньюя. Лю Юань обладал необходимыми опытом и харизмой для исполнения двойственной роли повелителя китайцев и варваров, однако его сын и наследник Лю Цун (правил в 310–318 гг.) таковых уже не имел. Именно в период его правления сюннуские завоевания достигли наивысшей точки, но при этом цзиньская модель двора проявила свою полную непригодность для организации государства.

Создание государства по модели китайского не было популярной идеей среди сюнну. Хотя на первый взгляд позиции шаньюя и императора были схожи, их глубинная сущность коренным образом различалась: должность императора предполагала полную власть над всеми подданными, в то время как шаньюй являл собой верхушку племенной системы, в которой его главной заботой было благополучие собственного народа. Для сюнну созданный по китайскому образцу двор с китайскими чиновниками был бесполезен и представлял опасность их племенной знати. Выразителем интересов последней стал сюннуский вождь старой закалки по имени Ши Лэ.

Карьера Ши Лэ началась после того, как он бежал из китайского плена и стал знаменитым разбойником. В дальнейшем из бандита он с легкостью превратился в генерала армии Лю Юаня. При завоевании Китая Лю Юань предпочитал не трогать местное население — в расчете на то, что его можно будет эксплуатировать в будущем. Ши Лэ в своих походах не соблюдал это правило, поскольку был приверженцем традиционной стратегии внешней границы — крайней жестокости, награждавшим своих сподвижников награбленным добром и отбиравшим у местного населения последние крохи. В 310 г. Ши Лэ осуществил обширный рейд по территории Китая и, согласно источникам, уничтожил 100 000 китайцев. Он убил 48 цзиньских принцесс, попавших ему в руки, а на следующий год, во время захвата Лояна, чрезвычайно отличился в деле разрушения города. Во время кампаний 314–315 гг. он захватил еще большую территорию, но, как и его предшественники, предпочитал политику грабежа политике удержания захваченного.

Методы Ши Лэ были методами степных орд. Его примеру последовали многие из тех, кого не устраивала политика Лю Цуна. Лю Цун с трудом мог составить конкуренцию Ши Лэ, поскольку стремился сохранить в Китае устойчивую производственную базу, а Ши Лэ интересовался только ближайшим будущим. Ши Лэ полагал, что если под его властью Северный Китай превратится в одно большое пастбище, тем лучше будет для лошадей сюнну. Традиционный подход Ши Лэ к войне был очень привлекательным. Вскоре власть Лю Цуна ограничилась преимущественно Западным Китаем. Ши Лэ колебался, уничтожать ли ему своего соперника, и не торопился создавать собственную династию, поскольку не был членом царского рода сюнну, а являлся выходцем из провинциального племени цзе, обитавшего на западе конфедерации. Как и про усуней, про представителей этого племени говорили, что они имеют густую бороду и светлые волосы²³. На протяжении более 500 лет предводителями сюнну становились потомки Маодуня. Однако, создав двор наподобие китайского, правители Чжао подорвали свое влияние в качестве племенных лидеров и позволили таким фигурам, как Ши Лэ, бросить им вызов. Несмотря на свое огромное могущество, Ши Лэ вел себя очень осторожно, отстраняя от власти старинный правящий род. Когда в 319 г. умер Лю Цун, Ши Лэ вначале отказался признать его наследником Лю Яо, а затем основал собственную династию Поздняя Чжао. Спустя 10 лет он захватил оставшуюся у Лю Яо территорию, а затем убил всех членов клана Лю, которых только смог найти, чтобы избавиться от соперников в будущем.

Победа Ши Лэ не оставила сюнну ни одного шанса на установление стабильной власти в

²² Вероятно, имеется в виду Пинъян, который располагался в районе современного города Линьфынь на юге провинции Шаньси (КНР). Лю Юань перенес туда столицу в 309 г. — *Примеч. науч. ред.*

²³ Райт (Wright) в *Fu-t'u-teng* обращает внимание на альтернативную гипотезу, согласно которой термин *цзе* мог обозначать также наемников с запада и таким образом указывал скорее на род занятий, чем на этническую принадлежность.

Китае. Военная сила сделала их верховными владыками страны, но практика разрушительных набегов и игнорирования административных функций обрекла в конечном счете на поражение. Лю Юань осознавал необходимость государственной организации, однако ему не удалось создать государство, в котором соответствующий бюрократический аппарат был бы объединен с племенными армиями. Его соперники, такие как Ши Лэ, заботились о благополучии только племенной составляющей государства. После смерти Ши Лэ началась небольшая смута, победителем из которой вышел Ши Ху (правил в 334–349 гг.). Он в основном следовал традициям своего предшественника, но теперь, когда большая часть Северного Китая находилась под контролем сюнну, проблема управления встала особенно остро. Он отправлял в походы огромные армии, терроризировавшие весь Китай. Однако благосостояние Поздней Чжао уже не могло более базироваться на стратегии внешней границы, так как для управления китайцами в этом случае обязательно требовалось государство-посредник. Длительные гражданские войны в Китае и завоевательные походы сюнну уничтожили этого посредника. Грабительская тактика кочевников привела к смерти жертвы.

Чтобы продолжать управлять Китаем, Ши Ху было необходимо создать собственную администрацию. Он не мог доверять китайцам, которые стали жертвой его политики, однако и племенная организация не подходила для этой цели. Он решил привлечь на службу иностранцев — людей, лишенных собственных рычагов власти, преданных ему лично и руководствовавшихся личными интересами. Это был режим, при котором порядок насаждался сверху. Когда Ши Ху умер, разразилась кровавая битва за престол и государство Чжао раскололось. К власти пришел приемный сын Ши Ху — Жань Минь, китаец по происхождению и ярый поклонник всего китайского. В 349 г. он организовал погром иностранцев — обитателей столичного региона, в ходе которого, по сведениям источников, было убито 200 000 человек. Хотя эта цифра, вероятно, очень завышена, она наглядно демонстрирует основную слабость государства Чжао. Без поддержки большинства китайского населения малочисленные иноземные правители рисковали быть сметенными бурей восстания, как только ослабевала их сдерживающая хватка. Им на смену пришли династии-«падальщики», подобные сяньбийским муюнам, которые имели более совершенную государственную структуру и были способны справиться с этими трудностями.

Маньчжурское пограничье — колыбель дуальной организации

Когда в Китае и в степи существовали централизованные империи, маньчжурская граница не представляла собой независимого целого. Степь Ляоси была восточным крылом владений кочевников. Ляодунский полуостров, хотя и соединявшийся с собственно Китаем только узким перешейком, по своей организации и культуре всегда был китайским. Леса к северу от него были населены различными племенами, организованными в небольшие поселки и в культурном отношении связанными как с Китаем, так и с Кореей. На относительно небольшой территории можно было обнаружить лесные поселки, стойбища кочевников, китайские земледельческие поселения и города. Пока северная граница оставалась биполярной, эти разнородные группы не могли стать частью единого политического образования. Ханьские источники, освещающие вопросы торговли и пограничного администрирования, ясно указывают, что с экономической точки зрения данное разделение не было слишком резким. И ухуани, и сяньби активно участвовали в пограничной торговле, а китайские чиновники имели тесные связи со всеми торгующими племенами.

Когда биполярный мир на границе рушился, прежде разрозненные народы объединялись, чтобы создать новое государство смешанного типа. Какая из групп будет доминировать в таком объединении, предсказать было трудно. В разные периоды истории и степные кочевники, и лесные народы, и китайцы из пограничья могли формировать доминирующий социальный слой. Однако, как правило, это были либо степные, либо лесные племена, которые брали в свои руки бразды правления, поскольку китайцы из пограничных областей охотнее присоединялись к новому государству, чем создавали свое собственное, которое было бы вынуждено конкурировать с династией, правящей в Китае.

Для развития такому государству требовалось определенное время. И оно у него имелось, поскольку северо-восток оставался в стороне от основных сражений в Китае и степи. Во времена анархии правители Китая — как свои, так и иноземные, — не обращали на северо-восточную границу особого внимания, предоставляя ее жителям значительную самостоятельность. Именно в период междоусобиц и развивался новый тип государственной структуры. Он принимал форму дуальной организации — с раздельным управлением

племенными народами и китайцами. Вновь возникавшая династия контролировала племена посредством жестко регламентированной и централизованной военной структуры, пришедшей на смену рыхлой племенной конфедерации с автократическим управлением. Китайским населением эта династия правила, используя китайских чиновников и институты. В обязанности династии входила интеграция племенного и китайского элементов, которая достигалась за счет системы раздельного управления, сочетавшей преимущества китайской гражданской администрации и племенной по своему происхождению военной знати. Подобная комбинация не обеспечивала государству такой же военной мощи, как в централизованной степной конфедерации, и такого же отлаженного аппарата управления, как у национальных китайских династий, но все-таки это сочетание было действенным: степные племена теряли возможность самостоятельно организовывать завоевания, а китайские чиновники лишались рычагов военной власти. Когда китайские военачальники и агрессивные степные племена уничтожали друг друга и разоряли большую часть Северного Китая, маньчжурские по происхождению государства становились той силой, с которой связывались надежды на восстановление порядка.

Для создания подобной структуры требовались усилия нескольких поколений, изменения происходили медленно. Необходимо было, чтобы группа племен сначала закрепила за собой определенную территорию, а затем расширила свои владения и включила в их состав китайские поселения. Следующий шаг — обеспечение раздельного управления китайской бюрократии в сельскохозяйственных районах и вождей племен в военной сфере. Это делалось для облегчения администрирования и в связи с тем, что вождь племени, осуществлявшего завоевания, осознавал, что обособленная китайская сфера управления гарантирует ему серьезную дополнительную поддержку за пределами племенной структуры. Опираясь на эту поддержку, он или его преемник постепенно уменьшали автономию племен, пока последние не превращались в дисциплинированную и централизованную военную силу под контролем династии. В финальной стадии династия полностью отказывалась от своих племенных корней и предъявляла права на абсолютную власть в Китае. Когда армия, состоявшая из племен, захватывала китайскую территорию, последняя уже не делилась (как добыча), а управлялась государственными чиновниками из числа китайцев. Хотя племенной компонент и становился подчиненным, он не подпадал под контроль чиновничества, а продолжал существовать отдельно, имея свои собственные законы, привилегии и обязанности. С его помощью династия обеспечивалась военной силой для подавления восстаний внутри Китая и для обороны страны. Раздельные системы гражданского и военного руководства объединялись в руках императора, который теоретически имел абсолютную власть над ними обоими.

Данная тенденция впервые обозначилась именно в период Шестнадцати государств и деления страны на север и юг. Конечно, можно возразить, что само по себе это еще не дает оснований для построения теоретических заключений, тем более что детали рассматриваемого процесса неясны. Однако именно в эту пору анархии впервые появилась модель, которая позднее реализовывалась в те эпохи, которые следовали за падением других династий. В дальнейшем данный процесс протекал все более ярко выражено, так как сокращался промежуток времени между падением кочевой династии и образованием очередного маньчжурского государства. Между падением Хань и образованием первого маньчжурского государства он составил 150 лет, после падения Тан — около 75 лет, а падение Мин произошло одновременно с установлением власти Цинов. Время развертывания процесса сокращалось, но его суть оставалась прежней.

Государства сяньби

Возможность автономизации маньчжурского пограничья впервые стала очевидна в момент основания Цао Цао династии Вэй. Его соперник Юань Шао сильно зависел от ухуаней, и упадок семейства Юань был окончательно предрешен разгромом последних в Маньчжурии. Еще более впечатляющим фактом является длительное господство военачальников семейства Гунсунь на Ляодунском полуострове. Они никогда не обладали особым могуществом, но выгодное расположение полуострова позволяло им успешно отражать атаки гораздо более сильных противников. Падение Ляодуна произошло только в 253 г., много позже того, как весь Северный Китай перешел в руки Вэй, и лишь после совместной атаки корейских и китайских армий²⁴. Ляодун и прилегавшие районы обеспечивали ресурсами государство по модели китайского, однако географически отделенное от Китая. В период анархии Ляодун всегда был провинцией, которая первой отделялась от Китая. Когда Китай был единым, Ляодун всегда находился в его составе.

Во времена династий Вэй и Цзинь господствующей силой в маньчжурском пограничье стали

²⁴ Gardiner. The Kung-sun warlords of Liao-tung 189–238.

сяньби. Малая численность и отсутствие единства никогда не позволяли им сделаться такой же мощной державой, как сюнну. Однако в новых условиях, сложившихся на пограничных землях, малая численность имела свои преимущества. Каждая группа предъявляла права на определенную территорию, которую была готова защищать и развивать, постепенно трансформируясь в государство смешанного типа. Данный процесс происходил во многих племенах сяньби, периодически то усиливавшихся, то ослабевавших. Из этих племен наибольшего успеха добились муюны, которые основали первую после падения сюннского государства Чжао сяньбийскую династию в Китае. Организация, созданная муюнами, явилась той основой, на которой родственные им кочевники тоба объединили весь Северный Китай²⁵.

Муюны в эпоху Северной Вэй были лишь одним из многих кочевых племен на северо-востоке. Они выступали одновременно как союзники Китая и как его враги, следуя сяньбийской стратегии внешней границы, описанной выше. После смерти Кэбинэна сяньби уже не могли создать межплеменной союз, и вожди племен действовали самостоятельно. В 237 г. вэйский Сюань-ди использовал муюнов против военачальников семейства Гунсунь в Ляодуне. За эту помощь они получили дары и титулы от двора Вэй. Еще большее вознаграждение они получили за проведение аналогичной кампании в 264 г. Цзинь в основном следовала политическим курсом Вэй. В 281 г. цзиньцы, надеясь получить поддержку сяньби, признали вождя муюнов Шэгуя «шаньюем сяньби». Хотя к тому времени титул шаньюя потерял былое значение, обладание им все еще было очень привлекательным для глав пограничных племен. Это указывает на то, что сяньби продолжали придерживаться старых обычаев и сюннский титул значил для них больше, чем китайский. Когда вожди кочевников начали проявлять больше интереса к Китаю, ситуация поменялась на прямо противоположную. Посчитав себя достаточно сильным, Шэгуй предал своих китайских покровителей уже несколько месяцев спустя после получения титула. Он повел муюнов к Ляодуну и совершил набег на свои прежние земли в Ляоси. В следующем году китайская карательная экспедиция нанесла муюнам тяжелое поражение. Они, вероятно, были в числе 29 северо-восточных племен, которые возобновили союз с Китаем шестью месяцами позднее.

В ходе контактов с пограничными чиновниками все сяньбийские племена познакомились с образом жизни и манерами китайцев. Они перестали быть «чистыми» кочевниками и закрепили за собой занимаемые территории. Шэгуй был первым из вождей муюнов, который дал своим сыновьям китайское образование и сам перенял некоторые китайские обычаи. Новое поколение муюнских вождей уже по-другому оценивало свою политическую роль и приступило к созданию собственно государственных структур. В отличие от Лю Юаня, основателя сюннской династии Чжао, который был их современником, муюнские вожди никогда не пытались полностью заимствовать структуру китайского двора. На протяжении многих лет они имели возможность экспериментировать, создавая новую организацию, которая не оттолкнула бы их соплеменников, но при этом имела бы централизованный бюрократический аппарат. Это превращение муюнов из группы племен в государство смешанного типа было заслугой их вождя-долгожителя — Муюн Гуя (правил в 283–333 гг.). Его полувековое правление обеспечило стабильность и последовательность в проведении основных реформ.

Муюн Гуй начал свою карьеру правителя в пятнадцатилетнем возрасте, выступив в роли племенного вождя, как и его отец. Пока Китай был единым, другого выбора у него не было. Китай был еще слишком силен, чтобы одиночное племя сяньби могло победить его. Это не означало, что Гуй находился в более зависимом положении, чем его отец, поскольку продолжал политику «чередования войны и мира» на границе. Однако, получив образование в Китае, он видел и другие перспективы, помимо грабительских набегов или участия в даннической системе. В китайской системе образования акцент делался на важности сельскохозяйственного производства и бюрократического государства. В Маньчжурии можно было контролировать небольшие сельскохозяйственные районы, не вступая в противоборство со всем объединенным Китаем.

В 285 г. Гуй организовал поход против сельскохозяйственных районов в соседней области Ляоси и северном царстве Фууй. Фууй, находившееся в верховьях реки Сунгари между Кореей и территорией сяньби, было небольшим, но процветающим государством с хорошо вооруженным населением численностью в 80 000 человек, проживавшим в городах, окруженных системой крепостей. Его экономика базировалась на выращивании зерновых культур и ремесленном производстве. Кроме этого, фууйцы разводили лошадей, а также продавали собольи шкуры, красную яшму и жемчуг в Китай, спорадические контакты с которым они поддерживали еще во времена династий Цинь и Хань. Гуй уничтожил все крепости и города в царстве Фууй и увел с собой 10 000 пленников, но не смог присоединить захваченные территории. Экономическое значение пограничных с Кореей земель для государств смешанного типа в Нижней Маньчжурии

²⁵ Работа Шрайбера (Schreiber) *The history of the former Yen dynasty* представляет собой исключительно скрупулезное исследование истории муюнов, в котором использованы различные источники.

ранее, вероятно, недооценивалось, поскольку наши знания о них очень скудны, их главными источниками являются официальные отчеты китайских чиновников²⁶.

Предпринятые Гуем в следующем году атаки на Ляодун, еще один район со смешанным городским и сельским населением, были отбиты. Затем Гуй заключил мир с Китаем и во время официального визита поразил тамошних сановников своим знанием китайского этикета. Набеги на Фууй продолжались, и Гуй обогащался за счет продажи пленников в Китай. Дело, по-видимому, было поставлено широко, поскольку император Цзинь пытался запретить эту торговлю и наложил запрет на владение купленными у муюнов рабами в столичном округе и на северо-востоке.

Государство Гуя еще более укрепилось, когда в 294 г. он основал новую укрепленную столицу и стал поощрять земледелие, т. е. продолжил начинания своего отца. Он пытался производить собственный шелк, заказывая у цзиньского двора гусениц шелкопряда и кусты шелковицы. Все эти программы должны были быть весьма успешны, поскольку известно, что когда в 301 г. от наводнения пострадала большая часть провинции Ю, Гуй отправил зерно в Китай. Муюны не были единственной развитой группой сяньби в этом регионе. У них были соперники — сяньбийское племя дуань, с которым они заключили брачный союз, и юйвэнь, которому они платили дань.

В китайских источниках приводится мало сведений об этих и других переменах на границе, и особого значения им не придается. Несмотря на это, можно выделить три основные новации. Во-первых, появились и поощрялись земледелие и занятие ремеслами. При использовании стратегий и внешней, и внутренней границы зерно и одежда рассматривались как предметы, которые должны приобретаться в процессе торговли, в качестве даров или при грабеже. Гуй же и соседние племена сяньби начали брать на себя административную ответственность за организацию их производства, пускай поначалу и в небольшом количестве. То, что Гуй оказался способен экспортировать зерно в Китай, указывает на экономическую самостоятельность его государства. Во-вторых, Гуй использовал китайских чиновников для руководства новой отраслью экономики. Маловероятно, что он заставлял заниматься земледелием муюнов, однако имелось большое число пленников, захваченных в царстве Фууй, и китайцев из пограничных областей, которые могли быть использованы в этих целях. Для того, чтобы руководить ими, требовались чиновники китайского образца. Безусловно, это начинание на первом этапе задумывалось как исключительно прагматичный шаг, поскольку кочевники сяньби не годились для этой роли, но уже по прошествии нескольких лет сформировался целый государственный аппарат, построенный по китайской модели. В-третьих, Гуй использовал китайских советников для реорганизации своей армии. Верховное командование оставалось в руках сяньби, и армия по-прежнему строилась по племенному принципу, но способность местных племенных вождей к самостоятельным действиям была ограничена. В бою и при разработке планов они получали приказы от верховного командования.

В новую армию вошли пешие войска, руководимые китайскими офицерами, и она получила возможность участвовать в осаде и обороне укрепленных позиций. Превосходство муонской армии было продемонстрировано в 302 г., когда она была дважды атакована юйвэнями. В обоих случаях юйвэни, несмотря на свое численное превосходство, были разгромлены и понесли тяжелые потери. Под впечатлением этих военных подвигов ряд сяньбийских племен перешли на сторону Муон Гуя.

Лучшего времени для победы муюнов невозможно было представить. Цзиньский двор был втянут в братоубийственную войну и потерял большую часть территории Северного Китая, перешедшей к сюнну. Сяньби северо-восточных областей стали полностью автономными. Интенсивные военные действия превратили Центральный Китай в сплошное поле боя. Муюны не принимали участия в этих конфликтах. Муон Гуй после победы 302 г. получил возможность в течение почти 20 лет мирно развивать свое государство, если не считать небольших стычек с соседями. Импульсом для развития послужил приток китайских беженцев с юга. Различные сяньбийские царства, хотя их и называли варварскими, обеспечивали беженцам пищу и безопасность. Хотя большинство беженцев были земледельцами, среди них имелись также ремесленники и бывшие чиновники. Беженцев принимали все сяньбийские государства, но Муон Гуй прилагал особые усилия для их привлечения, так как стремился расширить производственную базу своих владений. Китайские чиновники, дававшие советы в области стратегии и управления, стали важной частью муонского двора. Гуй, который в 308 г. провозгласил себя «великим шаньюем», вскоре стал проводить политику по китайской модели и заложил основы новой династии.

Эти нововведения были осуществлены на основе рекомендаций, полученных Гуем от его китайских советников. Они убедили его обратиться к цзиньскому двору за получением

²⁶ *Ikeuchi. A study of Fu-yü.*

официального императорского предписания, которое подтвердило бы его властные полномочия. Гуй, как самостоятельный лидер сяньби, не нуждался в признании со стороны пришедшей в упадок династии, разрываемой на части сюннуцами. Однако он понимал, что такое назначение будет иметь огромное значение для китайских чиновников, которых он старался привлечь к себе на службу. Они чувствовали себя неудобно, служа при дворе «варвара». Их службу было бы легче оправдать, если бы Муюн Гуй действовал в качестве «вассала» законной династии Цзинь на юге. Если бы Муюн Гуй захотел расширить свое государство за счет территории Китая, такое прикрытие могло оказаться полезным. Вождь племени, не получивший классического китайского образования, мог просто отвергнуть подобное предложение, однако Гуй достаточно хорошо знал Китай, чтобы осознавать, что символы легитимности являются важными политическими инструментами. Он направил посланника к цзиньскому двору и был должным образом признан²⁷.

Еще более важно, что китайские советники обрисовали ему широкие перспективы завоеваний на юге. Именно они подняли вопрос о возможности управления территорией собственно Китая. Они утверждали, что дезорганизованные соседние племена можно объединить и затем использовать в качестве вооруженной силы для захвата Китая. Около 322 г. муюны начали атаки на соседние государства сяньби. Каждое захваченное племя включалось в муюнское государство в качестве самостоятельной единицы, увеличивая тем самым численность армии последнего. Китайцы из пограничных областей также были покорены и принуждены работать под управлением гражданской администрации. Власть Муюн Гуя значительно усилилась, и он сделался фигурой гораздо более значительной, чем обычный вождь племени. Китайское искусство управления государством было использовано им для того, чтобы задействовать военную силу северо-восточных племен. К моменту смерти в 333 г. Гуй стоял во главе нарождающейся династии.

Военная стратегия Муюн Гуя была консервативной. Его основное внимание было направлено на оборону, а не на экспансию. Такая стратегия была характерна для пограничных сяньбийских государств в Маньчжурии и в северо-западной пограничной провинции Лян. Они имели мало шансов выстоять в открытом сражении против мощных армий в Центральном Китае, но, имея хорошее снабжение и укрывшись за городскими стенами, обычно могли принудить врага к отступлению. Правители таких государств сосредоточивали свое внимание на внутренней организации и экономике. Экспансию они осуществляли лишь от случая к случаю, когда появлялась возможность воспользоваться поражением соперника. Эффективность такой стратегии была доказана в 338 г., когда Ши Ху двинул против муюнов большую армию, но не смог блокировать их столицу. При отступлении из Маньчжурии Ши Ху потерял десятки тысяч воинов, а муюны в итоге расширили свои владения.

Трансформация кочевого племени муюнов в государство китайского типа ускоренно протекала в период правления преемника Муюн Гуя — Муюн Хуана. Сначала это сопровождалось определенными трудностями. У сяньби существовала давняя традиция наследования по боковой линии, которая противоречила китайскому идеалу первородства. В результате было принято компромиссное решение, согласно которому наследование происходило по китайской традиции, однако наследник назначал своих дядьев и братьев на ключевые посты. Высшие военачальники и советники являлись представителями императорского рода и рассматривали государство как свою общую собственность. Вероятность междоусобных войн при наследовании была, таким образом, уменьшена, но не устранена, поскольку правитель часто руководствовался личной враждой или завистью по отношению к своим родственникам. Хуан, например, завидовал своим талантливым братьям и с самого начала вынудил их стать изгнанниками или бунтовщиками.

Что касается символов, то самой главной новацией Хуана было провозглашение его царем Янь в 337 г. Имя Янь представляло собой название древнего северо-восточного царства эпохи Борющихся царств. Принимая это название, Хуан отказывался от принадлежности к определенному племени и предъявлял права на абсолютную власть. В соответствии с прецедентом, имевшим место во времена узурпации Ван Маном империи Хань, существовала определенная политическая процедура получения «мандата Неба» из рук умирающей династии. Претендент вначале провозглашал себя царем, а уже потом, когда представлялся удобный случай, императором. Начиная со времени правления Хуана государство муюнов официально именовалось Янь и старалось не вспоминать лишний раз о своем племенном происхождении.

Использование китайских титулов и ритуалов было важно с политической точки зрения, но подлинным новшеством стала экономическая трансформация маньчжурского пограничья, наполнившая эти титулы содержанием. В проводимой сяньбийскими правителями прагматичной политике, направленной на усиление государства, ключевую роль играли китайские советники.

²⁷ *Schreiber*. *Former Yen*. Vol. 14. P. 125–130.

Именно они преодолели традиционное предубеждение племен против важности земледелия. В частности, беженцы могли стать обузой, а не приобретением, если бы они не были правильно трудоустроены. За время правления Муюн Гуя население увеличилось в десять раз, и китайский советник по имени Фын Юй заметил, что 30-40 % жителей не работают из-за нехватки земли, которую им обязано предоставить государство. Далее он объяснил Муюн Хуану:

Ваши земли расширились на 3000 ли, а население увеличилось на 100 000 семей. Теперь Вы должны разделить пастбища и превратить их в обрабатываемые поля, чтобы обеспечить вновь прибывших работой. Земледелец, не имеющий тяглового скота, должен получить его от правительства. Поскольку земледелец является Вашим подданным, скот будет оставаться Вашей собственностью. Таким образом, Вы склоните на свою сторону людей, и в случае войны подданные Ши Ху предпочтут Вас собственному правителю²⁸.

Ясно, что, несмотря на полученное Хуаном китайское образование, его нужно было убеждать в необходимости замены низкоинтенсивного скотоводства высокоинтенсивным земледелием для того, чтобы Янь смогла успешно развиваться. Составитель петиции приложил особые усилия, чтобы заверить Хуана, что разрешить земледельцам пользоваться царским скотом вовсе не означает раздарить его, из чего следует, что Хуан по-прежнему оставался в плену традиционных ценностей сяньби. Таким обходным путем китайские советники заставили Хуана осознать, что он является повелителем как кочевников, так и земледельцев и при недостатке пахотных земель следует пожертвовать землями пастбищ. Шаг за шагом государство Янь брало на себя все новые виды ответственности по управлению оседлым населением.

Фын Юй настаивал на более глубокой реорганизации государства Янь в соответствии с традиционными для Китая принципами. Он предложил программу из шести пунктов.

1. Восстановить и содержать в исправности водохозяйственные сооружения.
2. Заставить заниматься земледелием большее число беженцев.
3. Избавиться от лишних чиновников.
4. Принудить заниматься земледелием лишних купцов и ремесленников.
5. Ограничить число учащихся, и принудить лишних заняться земледелием.
6. Правителю должно прислушиваться к критике.

Эти шесть пунктов отражали китайское отношение к земледелию, земледельцам и ирригации как объектам первостепенной государственной важности, наряду с конфуцианским предубеждением против ремесленников и купцов. Они явились попыткой привить на почве могучей военно-племенной организации муюнов китайские установки в области земледелия, политики и социальных вопросов. Настаивая на своих предложениях, китайские советники не касались внутриведомственных дел; не делалось даже намека на то, что лишние сяньби должны стать земледельцами. Предлагалось только более рационально использовать беженцев под руководством администрации, созданной по китайской модели.

Муюн Хуан одобрил все эти предложения, за исключением одного — уменьшить число чиновников. В конце концов, заметил Хуан, он ведет войну и расширяет свое государство. Это требовало щедрой раздачи должностей и денег. Подобный взгляд был отражением старинной степной традиции, согласно которой правитель должен обильно раздавать вознаграждения и не жалеть денег. Одной из проблем, с которыми столкнулись пограничные маньчжурские государства, было исчерпание финансовых ресурсов, поскольку они были вынуждены покупать союзников, содержать значительное количество войск и поддерживать большой бюрократический аппарат. До тех пор пока происходило расширение государства, приток новых ресурсов всегда мог заполнить эту брешь. Но как только экспансия прекращалась, расходы на содержание большого числа государственных служащих, уже не играющих важной политической роли, приводили к возникновению кризисной ситуации. Для того чтобы дальше двигаться по китайскому пути развития, был необходим рачительный и экономный император, который отказался бы от степных традиций. Он должен был провозгласить, что империя отныне не является общей собственностью правящей элиты, а принадлежит исключительно его династии.

В 348 г. Муюн Цзюнь унаследовал престол своего отца. Доставшееся ему государство Янь включало в себя большую часть территории Маньчжурии, и цзиньский двор официально признал его государем. Когда в гражданской войне рухнуло государство Чжао, яньцы, согласно своей старой стратегии, бросились подбирать его осколки. Цзюнь начал движение на юг в 350 г., позволив перед этим различным лидерам Чжао уничтожить друг друга. Яньские войска никогда не принимали бой с основными силами соперников, а только с их разрозненными остатками. Цзюнь

²⁸ ЦТ 97 : 3064; *Schreiber*. Op. cit. Vol. 14. P. 475.

стал рассматривать себя как императора Китая. В 352 г. войска Янь захватили чжаоского императора Жань Миня. Находясь на пике славы и могущества, Цзюнь стал упрекать Жань Миня в том, что тот называл себя императором. Резкий ответ Жань Миня во многом отражал отношение Китая к новым иноземным династиям: «Если сейчас, когда в империи царствует смута, такие варвары, как ты, относящиеся скорее к животным, чем к человеческой расе, осмеливаются называть себя императорами, то почему я, герой китайского народа, не могу называть себя императором?»²⁹ В качестве наказания за свои оскорбительные речи Жань Минь получил 300 плетей, поскольку Цзюнь готовился официально провозгласить себя императором.

Муюн Цзюнь был полон решимости стать императором, но для официальной истории изображал себя (вернее, таким его старались изобразить придворные историки) недостойным подобной чести, вероятно чтобы доказать, что он не является алчным варваром и может получить власть в полном соответствии с китайской традицией. Когда чиновники обратились к нему с просьбой принять императорский титул, он ответил смиренно, рассчитывая затронуть сердца сторонников конфуцианства:

Нашим домом первоначально были пустыня и степь, а мы были варварами. Как я могу с такой родословной осмелиться поместить себя в один ряд с блистательными китайскими императорами? Вы страстно желаете новых должностей и титулов, на которые не имеете права, но это не повод для того, чтобы удовлетворить вашу просьбу³⁰.

Конечно, в глазах китайцев муюны всегда оставались варварами, но в течение 70 лет они развивали государство, доказавшее свою способность управлять Китаем. В отличие от сюнну муюны не просто грабили китайскую территорию, но включили ее в состав жизнеспособной системы власти. Три поколения муюнских вождей получали китайское образование. Лицемерные отказы Муюн Цзюня вписывались в модель китайского государственного управления. Хорошие манеры и скромность должны были придать легитимность новой династии и привлечь на ее сторону тех влиятельных китайцев, сердца которых разрывались между привлекательными должностями в государстве Янь и почти мистической привязанностью к старой династии Цзинь. Один из главных пороков сюннуского государства Чжао заключался именно в том, что оно прилагало очень мало усилий для получения поддержки со стороны китайцев. Не столь важно, действительно ли Цзюнь ответил традиционным вежливым отказом на предложенный ему императорский титул, гораздо важнее его убежденность в политической необходимости действовать в рамках культурных традиций Китая. Цзюнь провозгласил себя императором в начале 353 г.

Следующие несколько лет государство Янь было занято подавлением мелких восстаний и установлением своей власти в Восточном Китае. Западный Китай попал под власть Фу Цзяня — правителя из тибетского рода, который служил при дворе Чжао. Земли к югу от Янцзы оставались во владении старой династии Цзинь. В 357 г. Янь обратила свое внимание на угрозу со стороны степных племен. Кочевники чилэ усилились и начали угрожать ее пограничным территориям. Янь снарядила армию в 80 000 человек, нанеся тяжелое поражение чилэ, которые, по дошедшим до нас сведениям, потеряли 100 000 человек убитыми или взятыми в плен. Было захвачено также 130 000 лошадей и миллион овец. Эта победа так поразила шаньюя сюнну, что он с 35 000 своих подданных присоединился к государству Янь³¹.

В этой войне была использована стратегия, совершенно не похожая на ту, которая применялась национальными китайскими династиями для борьбы с кочевниками. Политика пограничных династий в отношениях со степными конфедерациями была гораздо более эффективной. Иноземные династии, несмотря на то, что их дворы были китаизированы, в пограничных войнах использовали тактику и стратегию степных кочевников. Они хорошо понимали, каким образом были устроены степные конфедерации и в чем состояли их сила и слабость. Традиционный китайский подход подразумевал оборонительные стены, подарки, торговлю, а также периодические массированные атаки на кочевников. Маньчжурская стратегия была более совершенной. Племенных вождей привлекали в сети брачных союзов, которые привязывали их к династии. Вся племенная политика строилась на основе брачных обменов, и было вполне естественно расширить их сеть, чтобы включить в нее новые народы. Маньчжурские правители по своему опыту знали, насколько трудно было создать в степи конфедерацию племен, и пользовались любой возможностью, чтобы разрушить ее, сея раздоры среди вождей или нанося прямой удар по набиравшему силу объединению кочевников. При атаках на кочевников использовались быстрые маневренные войска, хорошо знакомые с условиями степи. Целью мань-

²⁹ ЦТ 99 : 3126; *Schreiber*. Op. cit. Vol. 15. P. 28.

³⁰ ЦТ 99 : 3150; *Schreiber*. Op. cit. Vol. 15. P. 32.

³¹ ЦТ 100 : 3162; *Schreiber*. Op. cit. Vol. 15. P. 47.

чжурских военачальников было не только нанести поражение вражеской армии, но и захватить как можно больше пленников. Пленники переселялись на территорию Янь, туда же перегонялся захваченный скот. Будучи государством с дуальной организацией, Янь могла эффективно использовать этих людей, тогда как традиционные китайские династии видели в них только угрозу своей безопасности. Иноземные династии сочетали племенные и китайские традиции таким образом, что пограничная политика становилась чрезвычайно эффективной. Иноземный император мог опереться на людские и материальные ресурсы Китая в своем стремлении разбить степняков. Не зараженный традиционной конфуцианской антипатией к степным войнам, он знал о своих врагах то, чего о них никогда не знали императоры национальных династий.

Во время иноземного правления в Китае в этот и более поздние периоды кочевникам было трудно создать сильную конфедерацию. Наиболее успешно, почти без поражений, они действовали против традиционных китайских династий и наименее успешно — против своих маньчжурских «кузенов», ставших правителями Китая. О степи вообще мало что было слышно, пока в Китае не пали иноземные династии и не появились династии Суй и Тан, а в степи — тюрки, что привело к восстановлению старого биполярного мира.

Несмотря на длительный период становления государства Янь, время его господства в Китае было непродолжительным. Консервативная военная стратегия, которая обеспечивала выживание в тот период, когда другие государства рушились, со временем стала помехой. Попытка Янь завоевать весь север Китая так и не была реализована из-за дворцовых интриг и страстного желания эксплуатировать то, что уже было захвачено.

Эта политика свидетельствует о финансовой слабости государства Янь. Муюнские правители раздали политической элите огромное число подарков и пожаловали массу официальных должностей. Такая щедрость притягивала к муюнам и китайских чиновников, и племенных вождей. Возглавляя структуру с дуальной организацией, император Янь был вынужден проявлять щедрость к своим военачальникам, преимущественно представителям племен, и в то же время следить, чтобы удовлетворение их запросов не стало тяжким бременем для государства. Подобная система успешно работала под началом сильных правителей, которые могли поддерживать баланс между потребностями государства в целом и интересами политической элиты. Когда же власть оказывалась в руках слабых правителей, эта система становилась неустойчивой, поскольку политическая элита старалась присвоить себе как можно больше государственных доходов, что крайне отрицательно сказывалось на Янь в целом.

Внутреннее напряжение усиливалось трудными поисками компромисса между китайской и сяньбийской системами наследования. Сяньби предпочитали избирать на царство наиболее способного из императорских сыновей, а при отсутствии такового были готовы передать престол брату императора, т. е. стремились привести к власти самого сильного претендента. Придворные китайские чиновники, однако, отдавали предпочтение праву первородства, вынуждая избирать наследника независимо от его таланта. Отрицательное влияние такой тенденции в какой-то степени нивелировалось тем, что посты крупных военачальников и советников занимали одаренные дядья и братья наследников. Когда в 360 г. умер император Цзюнь, то престол унаследовал его юный сын Вэй. Это обеспокоило многих придворных, которые сомневались в способности последнего управлять государством, поскольку даже отец жаловался на отсутствие у сына таланта. Они постарались убедить Муюн Кэ, брата Муюн Цзюня, занять престол, ссылаясь на старую традицию наследования по боковой линии у сяньби. Муюн Кэ отказался сделать это, но стал регентом и в этом качестве эффективно управлял государством. Во время его регентства государство Янь достигло вершины своего могущества, поскольку он осуществлял новые завоевания³².

Император был малолетним, и это означало, что власть в стране в любом случае оставалась в руках регента. На смертном одре в 367 г. Муюн Кэ предложил своему брату Муюн Чую сменить его на посту регента. Муюн Чуй, так же как и Кэ, являлся одним из лучших яньских военачальников и был очень талантливым человеком. Он долгое время пребывал в опале, поскольку Муюн Хуан однажды назвал его возможным наследником после смерти своего старшего сына Цзюня. С того времени Цзюнь, а позднее его преемники, с ревностью относились к Чую и отказывали ему в назначении на ключевые посты. Теперь же Кэ заявил, что Чуй является единственным дальновидным человеком, достойным быть регентом. Остальных кандидатов на этот пост он назвал близорукими и корыстолюбивыми. Одним из тех, кого он больше всех осуждал, был Муюн Пин, который затем объединил вокруг себя врагов Чую, захватил власть и низвел Чую до уровня малозначительного чиновника.

Под властью Пина государство Янь стало быстро приходить в упадок. Историки конфуцианского толка, естественно, связывали это с падением нравов, однако гораздо более

³² *Schreiber. Op. cit. Vol. 15. P. 59ff, 120–122.*

важными были его внутренние структурные проблемы. Закладывая основы Янь, Кэ и предшествовавшие ему императоры держали политическую элиту государства под жестким контролем. Они щедро раздавали вознаграждения, но заботились и о том, чтобы элита служила на благо империи и династии. Пин же являлся приверженцем старой племенной традиции, согласно которой государство было собственностью всех представителей знати пропорционально могуществу каждого из них. Поскольку Янь быстро расширялась за счет захвата земель Восточного Китая и могла получать оттуда несметные богатства, соблазн расслабиться и разделить добычу был очень велик. Для того чтобы не дать элите поставить свои интересы выше интересов государства, необходима была сильная центральная власть. Кэ подобный контроль осуществлял и был готов пожертвовать многим ради процветания династии. С его смертью положение изменилось. Юнь император являл собой образец неумеренности. В его гареме находились 4000 женщин и 40 000 слуг, и содержание их обходилось в 10 000 унций серебра ежедневно. Представители политической элиты, которым за службу жаловались поместья с приписанными к ним крестьянами-арендаторами, начали расширять свои владения, что привело к уменьшению поступления доходов в государственную казну.

Ситуация стала угрожающей, поскольку Янь противостояли сильные в военном отношении соперники — Цинь на западе и Цзинь на юге. Один из государственных чиновников, Юэ Вань, попытался привлечь внимание двора к этой проблеме и обрисовал ее следующим образом:

В настоящее время три государства противостоят друг другу. Каждое из них намеревается захватить два других. В этих трудных условиях нарушаются основные законы нашей страны. Могущественные представители знати поступают незаконно, [увеличивая число своих арендаторов] и тем самым резко уменьшая число налогоплательщиков, что приводит к сокращению поступления налогов в казну. Вследствие этого чиновники не могут регулярно получать жалованье и прекращается выплата солдатам денежного содержания. Чиновники разворовывают зерно и шелк для собственных нужд. Обо всех этих делах не должны знать наши враждебные соседи; к тому же они не способствуют поддержанию мира в нашей стране. Мы должны покончить с арендаторами и вернуть их в юрисдикцию властей округов и уездов³³.

В ходе недолгого периода реформ выяснилось, что сказанное не было преувеличением: более 200 000 семей (из общего числа в 2 500 000) были выведены из-под налогового бремени в течение нескольких месяцев после того, как к власти пришел Пин. Реформы закончились с убийством Юэ Ваня в 368 г. Аналогичная докладная записка, представленная двору на следующий год, содержала жалобы на то, что правительство не выполняет свои самые основные обязанности. Несправедливое налогообложение, злоупотребления в отношении воинской повинности и принудительных общественных работ, а также широко распространенное дезертирство подрывали боеспособность армии. Муюн Чуй, который в 369 г. отразил иноземное вторжение, ради спасения своей жизни был вынужден бежать к Фу Цзяню — самому яростному противнику Янь на западе. В 370 г., всего три года спустя после смерти Кэ, государство Янь под натиском армий Фу Цзяня рухнуло, вся его территория была завоевана, а двор захвачен в плен.

Другие северные государства — Цинь и Лян

Династия Цинь была основана в 352 г. в период смуты, последовавшей за падением Чжао. Ее основатели были выходцами из племени ди, родственного цяням, которое длительное время населяло область Гуаньчжун. Имя, выбранное для новой династии, напоминало о величии более раннего государства Цинь, располагавшегося в этом районе в эпоху Борющихся царств. Это государство, как и вновь образованная династия, имело свою столицу в городе Чанъань. Место расположения столицы и имя династии были выбраны удачно, поскольку именно древняя династия Цинь впервые объединила Китай под властью одного императора, т. е. осуществила то, к чему стремился Фу Цзянь.

Цинь была основана дядей Фу Цзяня и строилась на принципах, отличных от тех, на которых основывалась Янь. Янь возникла в результате процесса постепенного семидесятилетнего развития. Она оставалась удивительно стабильной вплоть до эпохи царствования своего последнего императора. Цинь, напротив, родилась на волне смуты, разрушившей династии сюнну, и образовалась на руинах этих династий. Ее вожди воспользовались удобным случаем для того, чтобы захватить власть на местах, а затем уничтожили соперничавших военачальников. Наследование власти обычно происходило насильственным путем (например, Цзянь пришел к власти после убийства своего дяди и брата), а периоды царствования были сравнительно

³³ ЦТ 101 : 3211; *Schreiber*. Op. cit. Vol. 15. P. 81–82.

недолгими. Основная проблема заключалась в создании центрального правительства, способного удерживать под контролем склонные к раздорам племена и в то же время проводящего административную политику, приемлемую для китайцев. Первая сюннуская династия Чжао пала потому, что ее двор показался кочевникам слишком китаизированным, и они изменили ей. Вторая династия Чжао — династия Ши Лэ и Ху — пала, поскольку не смогла создать компетентное правительство для управления своими китайскими подданными. Последние восстали и начали уничтожать иноземцев, как только военная мощь государства ослабела.

Государство Янь строилось на принципах дуальной организации, в соответствии с которыми гражданскими делами ведала бюрократия китайского образца, а рассмотрение вопросов племенной и военной политики осуществлялось представителями племен. Идея подобной организации была логическим выводом, сделанным сяньби на основе опыта, полученного ими в Маньчжурии. Там им приходилось иметь дело с самыми различными народами и экономическими укладами еще до того, как они вышли на равнину Северного Китая. Династии, основанные в самом Китае, имели более узкий взгляд на вещи и настаивали на создании единой администрации для решения гражданских и военных вопросов, внутри которой иноземцы и китайцы вели между собой борьбу за власть. Цинь была военно-бюрократическим государством, похожим на существовавшие до него государства сюнну, в которых гражданские чиновники выполняли также и военные функции.

Администрация, созданная по китайскому образцу, привлекала к себе множество китайских и иноземных военачальников, поскольку во главе ее стоял правитель, обладающий абсолютной властью над всеми подданными. Однако иноземцы, выходцы из племен, традиционно рассматривали государство как договорную структуру, в которой властью принято делиться. Если же властью не делятся, то лидер, подобный шаньюю сюнну, по крайней мере должен отдавать предпочтение людям из своего племени при распределении земель и государственных экономических ресурсов. Для улаживания этой проблемы требовались значительное время и искусная дипломатия. Основной трудностью для Фу Цзяня было сохранение поддержки со стороны своей этнической группы в условиях, когда правительство было организовано по китайскому образцу. Ди не имели такой сильной племенной организации, как сюнну, поэтому Фу Цзянь сразу же заставил их занять подчиненное положение в своем автократическом государстве. Это подготовило почву для восстаний, которые и привели к убийству Фу Цзяня и падению династии.

Во главе циньского правительства стоял надежный, но жестокий министр Ван Мэн, китаец по происхождению, который взял на себя решение задачи уменьшения власти ди. Он контролировал деятельность правительства и делал все возможное, чтобы уменьшить влияние племен на двор. Например, в 359 г. влиятельный диский вождь из клана Фу по имени Фань Ши при встрече с ним сетовал:

«Хотя мой клан в старину участвовал вместе с государями в их делах, мы в настоящее время не получили серьезной власти. Тебе даже не приходилось заставить вспотеть своего коня, так как же осмелился ты присвоить себе столь огромную власть? Не тот ли это случай, когда мы пахали и сеяли, а ты поедашь плоды?» Мэн ответил: «Тогда мы сделаем тебя главным поваром. Почему ты должен только пахать и сеять?» Ши пришел в большую ярость; он сказал: «Я обязательно вывешу твою голову на городских воротах Чаньани; если я этого не сделаю, не жить мне на этом свете!»³⁴

Фу Цзянь поддерживал подход Мэна, поскольку хотел уменьшить власть собственной семьи и родственников на правительство и в конце концов убедить их, что они не имеют особых прав на государственные должности. Он казнил Фань Ши и этим спровоцировал бунт дисцев, которые протестовали против тирании Мэна. Ударами плетей их выгнали из дворца. Год спустя китайские чиновники провели жестокую чистку, в ходе которой были казнены 20 родственников императора и его супруги, а также другие влиятельные лица. Двор заимствовал многие характерные черты конфуцианской администрации, такие как организация литературных академий и преследование торговцев. Правда, в эти беспокойные времена многие китайские чиновники при дворе также были вынуждены выступать в нетрадиционной для них роли военачальников. Ван Мэн, в частности, оказался хорошим полководцем.

Отчуждение ди от императорского клана оказалось почти фатальным для Цинь. Государство Янь, лучше организованное, начало войну, и в 365 г. его крупный военачальник Муюн Кэ захватил Лоян и двинулся к области Гуаньчжун. Воспользовавшись моментом, на севере восстали сюнну. Когда эти и другие атаки были отбиты, в 367 г. взбунтовались наместники западных провинций, являвшиеся членами правящего клана. Чтобы покончить с

³⁴ ЦШ 113 : 2b; Rogers. The Chronicle of Fu Chien. P. 116.

восстанием, Фу Цзянь вынужден был оголить восточные рубежи обороны. Янь, впрочем, не смогла воспользоваться этим обстоятельством из-за своих внутренних проблем. Один из лучших яньских генералов, Муюн Чуй, перешел на сторону Цзяня, и с его помощью Фу Цзяню удалось в 370 г. напасть на Янь и завоевать ее. В течение нескольких последующих лет под его натиском пали все другие северные государства, и династия Цинь сделалась властительницей Северного Китая.

Необходимость создания хорошо организованной государственной структуры стала очевидной после покорения других северных государств. Обычно циньская администрация в полном объеме включала в систему управления чиновничество завоеванных стран. В 375 г., сразу после завоеваний, умер Ван Мэн, и династия не смогла заменить его столь же одаренным и преданным государственным деятелем. Ее бывшие противники (такие как Муюн Чуй) с этого времени стали главными политическими фигурами при циньском дворе. Фактически в Восточном Китае была сохранена вся политическая структура Янь, и сходное положение дел существовало в западной провинции Лян. Если чиновники были лояльны по отношению к циньской власти, они сохраняли за собой свои посты. Таким образом, хотя Фу Цзянь и завоевал весь север Китая, он не был настоящим объединителем. Его власть оставалась стабильной лишь до тех пор, пока опиралась на достаточную для усмирения недовольных силу. В 383 г. Фу Цзянь организовал большой военный поход на юг, но потерпел поражение в битве на реке Фэй, что привело к волнениям во многих районах. Возродились прежние государства Янь и Лян, а также тобасское государство Дай, известное с того времени под именем Вэй. В 385 г. Фу Цзянь был задушен предводителем соперничающего диского клана Яо, который взял под свой контроль область Гуаньчун и создал собственное государство. Появление после смерти Фу Цзяня большого числа удельных царств и влиятельных кланов свидетельствует о том, что местные элиты при нем не были смещены, а лишь временно подавлены.

Северо-западное государство Лян занимало Ганьсуйский коридор — цепочку оазисов, протянувшуюся от пустыни Ордос до границ Хами и Туркестана. На севере Лян соприкасалось с окраиной монгольской степи и оттуда подвергалось набегам кочевников. На юге его граница проходила в горной местности, занятой оседлыми племенами цянов и ди, а также кочевниками туюйхунями, которые использовали пастбища вокруг озера Кукунор. На западе находились оазисы Туркестана, имеющего с Лян тесные культурные и экономические связи. В самих ганьсуйских оазисах проживало многочисленное китайское население, и со времен ханьского У-ди этот регион являлся неотъемлемой частью пограничных оборонительных рубежей династии Хань.

Район Лян, подобно северо-восточной границе, стал родиной целого ряда новых династий, возникших после падения Цзинь в начале IV в. Эти династии инкорпорировали племена кочевников и оседлое население деревень и городов, создавая государства смешанного типа. Однако данный регион, в отличие от северо-восточных окраин, играл в тот период незначительную роль в политической истории Китая. Причинами этого были особенности его стратегического положения и экономической структуры.

Экономической базой Лян служили несколько самостоятельных оазисов. Большие расстояния между поселениями и трудности, связанные с транспортировкой зерна, вынуждали каждый оазис обеспечивать себя продовольствием самостоятельно. Внешняя торговля, обеспечивавшая экономическое процветание провинции, была основана не на экспорте продовольственного зерна, а на караванной торговле предметами роскоши, продуктами скотоводства и минералами (например, солью). В этой торговле Лян играла очень важную роль. Оазисы также являлись частью региональной экономической структуры, в которой земледелие и скотоводство были тесно связаны друг с другом. Таким образом, лянские правители могли практически не опасаться внешнего экономического давления. Даже находясь во враждебных отношениях с государствами, расположенными к югу, они могли получать значительный доход от караванной торговли, поскольку, независимо от того, кто правил Китаем, при китайском дворе всегда существовала потребность в экзотических товарах.

В стратегическом смысле Лян представляла собой прекрасную базу для организации мятежа, но не для экспансии. Она находилась слишком далеко от густонаселенных территорий и центров власти Китая, чтобы оказывать на них существенное влияние. Любая армия, отправившаяся из Лян, оказалась бы в опасном отдалении от своих источников снабжения, что могло привести ее к сокрушительному поражению. Ни одна из династий, основанных здесь, никогда не завоевывала север Китая даже на короткое время. С другой стороны, позиция для обороны у Лян была исключительно выгодной. Противники должны были тратить огромные усилия только на то, чтобы дойти до этого региона, а затем на движение от оазиса к оазису.

Контраст с северо-востоком — разительный. Лян была отделена от Центрального Китая огромным расстоянием и пустынными территориями, а район Ляо отделялся от равнины Северного Китая только несколькими горами и узким ущельем. Любая армия, двигавшаяся оттуда в Китай, не отрывалась от баз снабжения и всегда имела поблизости место, куда можно было отступить в случае поражения. Таким образом, когда Китай погружался в анархию, северо-западные и северо-восточные пограничные области становились автономными, но только на северо-востоке местные автономии могли достичь того уровня политического и экономического развития, который позволил бы им доминировать над остальным Северным Китаем. Вершиной развития Лян в лучшем случае могло стать создание сильного регионального государства, подобного тангутскому Си-Ся (990–1227 гг.); но обычно здешние царства становились добычей государства, объединившего под своей властью остальную Северную Китай.

Наместники, посланные из столицы, играли ключевую роль при возникновении новых династий в Лян, поскольку под их началом находились и местная администрация, и военные гарнизоны. Чжан Гуй, бывший цзиньский наместник, основал династию Ранняя Лян (313–376 гг.), которая, хотя и была независимой, поддерживала тесные официальные отношения с цзиньской империей на юге. Династия была создана по традиционному китайскому образцу и не подвергалась вмешательству извне, пока Фу Цзянь не отправил туда своего генерала Люй Гуана с армией, уничтожившей старую династию и установившей циньский контроль над целым рядом государств Туркестана. После падения власти Фу Цзяня Люй Гуан использовал эту армию и создал династию, известную как Поздняя Лян (386–403 гг.). Еще при его жизни Поздняя Лян начала распадаться и вскоре уступила место династиям Северная Лян (397–439 гг.), Южная Лян (397–414 гг.) и Западная Лян (400–421 гг.). Эти династии были основаны предводителями различных местных племен и существовали до того момента, когда династия Тоба Вэй не включила их в состав объединенного Северного Китая.

Тоба: третья волна завоевания

В эпоху безвластия, наступившую вслед за падением государства Фу Цзяня, на исторической арене появилась новая сила — тоба (тобасцы), или табгачи. На протяжении полутора веков они были правителями и объединителями Северного Китая. Историю и организационную структуру тоба невозможно понять без учета опыта Янь и сяньбийцев-мююнов, поскольку тобасский успех был немислим без использования внедренной мююнами системы дуальной организации.

Тоба являлись самыми западными из сяньбийских племен Маньчжурии (не считая туюхуней, полностью покинувших регион). Из всех сяньби на северо-востоке они были наименее развитыми и наиболее приверженными кочевому образу жизни и старым степным традициям, что резко отличало их от других сяньбийцев, бравших на себя ответственность по управлению городами и сельским хозяйством. Раннее тобасское царство именовалось Дай, по названию расположенного к югу от него китайского округа. Это царство никогда не признавалось одним из Шестнадцати государств в китайской историографии, по-видимому, из-за того что представляло собой плохо организованную и нестабильную кочевую конфедерацию. Большую часть периода Шестнадцати государств тоба находились в вассальной зависимости от более сильных соседей или бежали в горы, когда на них кто-нибудь нападал. Когда в 376 г. Фу Цзянь атаковал Дай, тобасский вождь Шицзянь скрылся в горах, где и умер. В отличие от других местных государств, тоба не имели собственной столицы, довольствуясь временной ставкой для вождя. Основатель династии Тоба Гуй (правил в 386–409 гг.) на протяжении половины своего царствования не имел постоянного двора. Спрашивается: каким образом эта племенная группа смогла победить и основать стабильное государство, в то время как ее соперники потерпели неудачу³⁵?

Выше мы отмечали, что первыми, кто получал выгоду от распада Китая, становились народы, располагавшие могущественными армиями, но не способные надлежащим образом управлять завоеванными землями и поэтому быстро терявшие власть. Пограничные государства, такие как Янь, успешно преодолевали трудности этого периода, уделяя большое внимание обороне и внутренней организации. Они первыми ввели использование системы дуального управления представителями племен и китайцами, когда те и другие находились на службе у государства Янь. Именно Янь лучше других была подготовлена для того, чтобы собрать осколки рухнувшего сюннуского государства Чжао. Однако ее консервативная политика превратилась в помеху, так как она не предпринимала серьезных усилий для захвата Северного Китая. Даже после временного триумфа Фу Цзяня мююньские чиновники использовали налаженные организационные структуры Янь для того, чтобы восстановить свой контроль над Восточным Китаем.

³⁵ Стандартная история тоба представлена в *Вэй-шу* (VIII); см. также: Eberhard. Das Toba-Reich Nord Chinas.

В такой ситуации у тоба имелось преимущество. Приверженность степным традициям означала наличие сильной армии, а тобасские вожди оказались неутомимыми завоевателями. Они могли бы закончить так же, как сюннуская Чжао или фуцзяневская Цинь, но сумели найти более совершенные завоевательные стратегии, чем предыдущие милитаристские государства. Когда тоба пришли на территорию Восточного Китая, они сначала планировали ввести систему наделного землепользования³⁶ и выступить в роли властителей местного китайского населения — идея, привлекательная для племенного этноса. Но для их племенных вождей было очевидно, что такая ситуация ставит небольшое число кочевников тоба в очень уязвимое положение в случае восстания численно преобладавших китайцев. Это также открывало бы возможности для усиления местных племенных элит, боровшихся против передачи властных функций центральному правительству. Выходом из сложившейся ситуации явилось заимствование у Янь системы дуальной организации, уже действовавшей на местах. Она была создана родственными тобасцам муянами для решения тех же проблем, с которыми теперь предстояло столкнуться тоба. Районы, населенные китайцами, передавались в ведение китайских чиновников, составлявших аппарат гражданской администрации. Вопросы племенной и военной политики рассматривались отдельно. Таким образом, тоба сохранили политическую структуру, которая была им наиболее выгодна, и добавили к ней экспансионистский элемент.

Тоба не создавали систему дуальной организации — они получили ее по наследству вместе с чиновниками, знавшими, как она работает. Многие яньские чиновники происходили из сяньби, имели те же язык и племенные корни, что и их более отсталые тобасские «кузены». Они обеспечили тоба средствами для учреждения государственной организации, которая вобрала в себя все лучшее, что было создано муянами и другими сяньби. Дуальная организация также привлекала многих китайских советников, которые поняли, что смогут приобрести большее влияние, сотрудничая с династией, нуждавшейся в гражданской администрации и хорошо оплачивавшей услуги чиновников. Преимущество тобасских правителей заключалось в том, что такая система концентрировала огромную власть в руках императора и подрывала влияние старых эгалитарных традиций сяньби.

Подтверждением этого процесса стали события, последовавшие за падением Цинь. В 396 г. Тоба Гуй объявил себя императором новой династии Вэй. Первой его целью было завоевание города Е — бывшей яньской столицы, которая пала в 396 г., а к 410 г. он контролировал весь северо-восток Китая и Южную Маньчжурию. Несмотря на эти победы, следующие 20 лет власть новой династии в основном ограничивалась данным регионом. Именно в этот период, привлекая к себе на службу муонских воинов и китайских чиновников, тоба совершенствовали навыки управления Северным Китаем. Государственная структура Вэй была почти полностью построена по образцу яньской. Следуя политике Янь, Гуй уничтожил степную конфедеративную организацию своего народа. Большинство кочевников тоба и других племен были зачислены в состав военных подразделений, находившихся на государственной службе. Были определены земли, на которых им следовало обосноваться и создать поселения-гарнизоны. Кочевать запрещалось. Тобасской столицей стал построенный в степи город Пинчэн³⁷ — центр военного могущества новой династии. Хотя для его обеспечения в степь переселили множество земледельцев и ремесленников, был сооружен дворцовый комплекс и разбиты парки, гости, приезжавшие с более развитого юга, описывали столицу просто как большой пограничный город. Однако, когда в 420 г. Цзинь пала жертвой гражданской войны и была основана династия (Лю) Сун (420–478 гг.), царский двор Восточной Цзинь бежал в Вэй, поскольку это государство было более привлекательным для южан, чем его соперник — сюннуское государство Ся³⁸.

Династия Ся (407–431 гг.) была основана Хэлянь Бобо, еще одним потомком кажущегося бессмертным рода Маодуня. В отличие от своих непосредственных предшественников, перенявших китайский образ жизни и ханьскую императорскую фамилию Лю, Бобо был приверженцем степных традиций и возвратил себе старое клановое имя сюнну — Хэлянь. Систему управления в государстве он сознательно строил на родовом принципе, китайские формы правления отвергались. Ся стала серьезной силой, когда отвоевала область Гуаньчжун у цзиньских войск, вторгшихся в 415 г. в этот регион с юга, однако серьезных попыток продолжить экспансию не предпринимала. Данное обстоятельство позволило Тоба Вэй перехватить инициативу у Ся и взять под свой контроль китайскую равнину (захватив в 423 г. Лоян) и северные степи (во время крупных кампаний 425 и 429 гг.). В 430 г., начав новое

³⁶ Система наделного землепользования, т. е. наделения всего трудоспособного населения определенными участками пахотной земли, начала вводиться еще Тоба Гум. Официально закреплена указом 485 г. как «система равных полей» (*цзюнь тянь*). — *Примеч. науч. ред.*

³⁷ В районе современного города Датун на севере провинции Шаньси (КНР). — *Примеч. науч. ред.*

³⁸ *Jenner. Memories of Loyang. P. 20–25.*

наступление, тоба захватили Чаньань, и в течение года династия Ся была уничтожена. В 439 г. пало последнее пограничное государство, которым правила династия Северная Лян, и весь север Китая оказался под властью Вэй.

Жуаньжуани: иноземные династии и степь

Империя жуаньжуаней была основана в начале IV в. Мугулюем (правил в 308–316 гг.). Союз племен под его началом образовался в самый разгар гражданской войны в Цзинь. Жуаньжуани были не очень могущественны, и от их первых пяти правителей до нас дошли только имена. К концу века они разделились на восточную и западную ветви, возглавляемые соответственно братьями Пихоубой и Юньгэти (табл. 3.1). Оба брата в 391 г. подверглись атакам вэйского императора Тоба Гуя, в результате чего, как сообщают источники, половина жуаньжуаней была захвачена в плен, а остальные вынуждены были бежать. В 394 г. вождь западной ветви Шэлунь, убив своего дядю Пихоубу, стал верховным правителем жуаньжуаней. Сыновья Пихоубы перешли на сторону Вэй, получили титулы, женились на тобасках и были включены в состав династии. Сила Вэй была настолько велика, что Шэлунь не рискнул враждовать с нею. Вместо этого он ушел на север, где объединил племена и объявил себя каганом. В 399 г. вэйская армия вновь двинулась на север и нанесла поражение еще одному крупному степному племени — гаоче, захватив в плен, по сообщениям источников, 90 000 человек. Несколькими годами позднее Шэлунь смог, пользуясь слабостью гаоче, завоевать их и другие северные племена, обитавшие на территории Монголии. Его успех был в значительной мере обусловлен поражениями, уже нанесенными этим племенам тобасскими войсками³⁹.

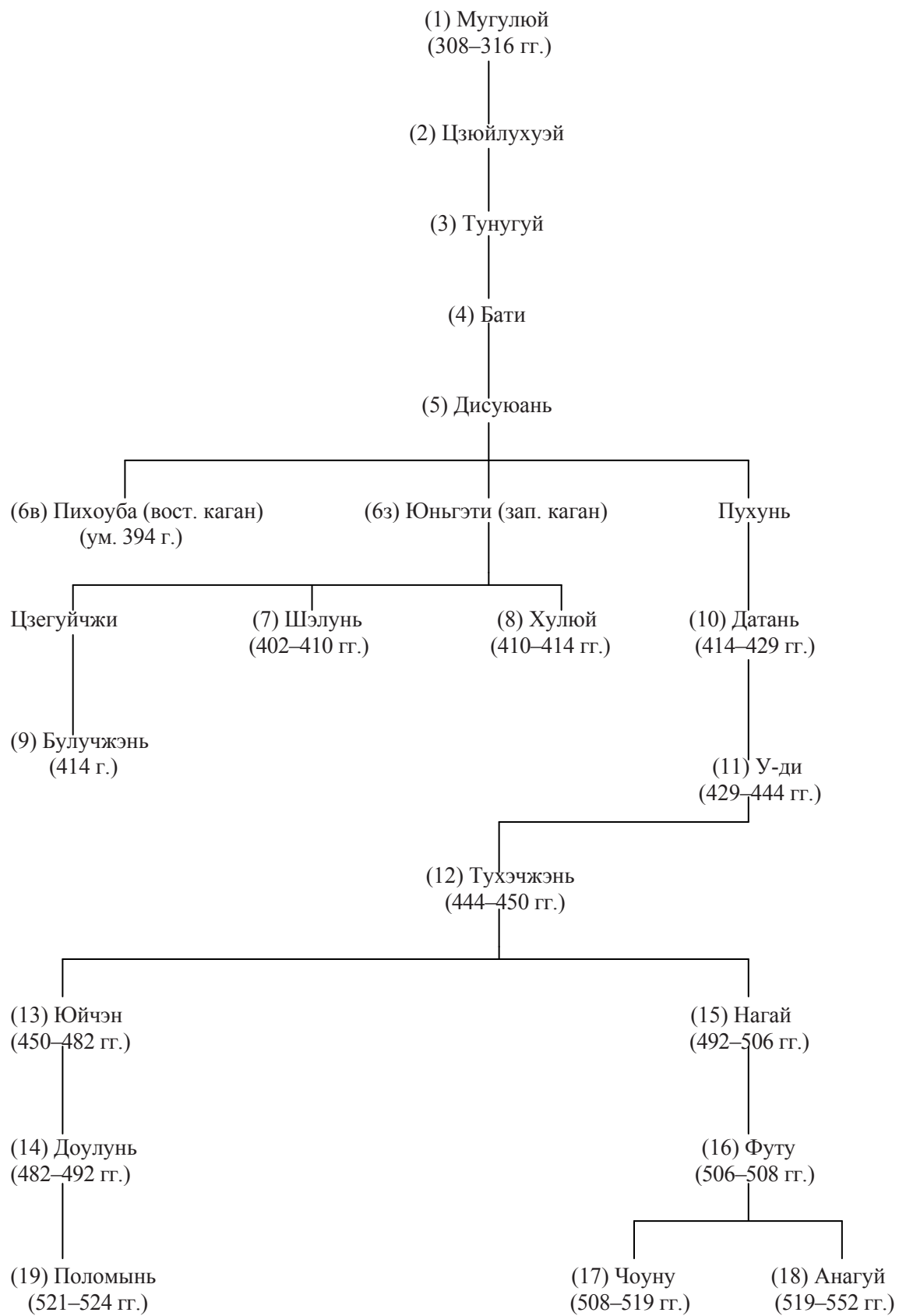
Возвышение империи жуаньжуаней происходило по обычной модели, в соответствии с которой объединение Северного Китая влекло за собой объединение степи, и жуаньжуани, таким образом, получали выгоду от завоеваний тоба. До тех пор, пока границы Китая не были укреплены тобассами, кочевые племена в степи имели полную свободу действий, то мигрируя на юг, чтобы вступить в союз с Китаем, то возвращаясь на север, чтобы избежать неприятностей на границе. Некоторые племена сюнну образовывали собственные династии, такие как Ся или Северная Лян, в то время как кочевники гаоче (чилэ) просто перебрались из района озера Байкал к югу, где были более плодородные пастбища. В этих постоянно меняющихся условиях даже выдающемуся военному деятелю было трудно удержать в повиновении своих людей. Слишком уж большие возможности открывались перед ними. Завоевания тоба переломили эту ситуацию. Граница теперь находилась под их строгим контролем, и все пограничные племена напрямую подчинялись династии Вэй. Поэтому, когда в 402 г. жуаньжуани разгромили гаоче и получили верховную власть в степи, у покоренных ими племен оставался небольшой выбор. Они могли либо признать верховенство жуаньжуаней, либо поднять восстание, либо уйти на юг в Китай, где их ожидало подчинение куда более жесткой власти Тоба Вэй. Таким образом, независимые племена оказались между молотом и наковальней и в конце концов были вынуждены присоединиться к степной конфедерации.

Сначала жуаньжуани по сравнению с великими степными империями сюнну были слабы. Стратегия внешней границы, которая так успешно применялась во времена Хань, в отношении Вэй не действовала. Вплоть до конца эпохи Вэй жуаньжуани не могли вымогать богатства у Китая ни посредством нападения, ни посредством даннической системы. Вследствие этого их империя оставалась слабой и подверженной внутренним беспорядкам. В начале VI в. ситуация радикально изменилась. Жуаньжуаньская империя обрела новую жизнь и стала осуществлять успешные набеги на юг, вынуждая Вэй и пришедшие ей на смену государства идти на политические уступки. Для того чтобы понять причину первоначальных неудач и последующего успеха жуаньжуаней, следует внимательнее взглянуть на пограничную политику Тоба Вэй.

Иноземные династии практиковали в отношении северных кочевников совершенно иной подход, нежели китайские. Властители Тоба рассматривали жуаньжуаней не как чужеземцев, а как такое же, как они сами, племя, но только менее развитое, слабостью которого можно воспользоваться. Дуальная организация позволяла Тоба Вэй иметь могущественную армию, неподконтрольную гражданским чиновникам — китайцам. Военная политика и стратегия находились в руках людей, хорошо знавших кочевников. Когда китайский советник прочел Тоба Тао традиционную лекцию об опасностях войны в степи, его доводы были отвергнуты одним тобасским военачальником, который объяснил, что кочевники вовсе не непобедимы и имеют свои слабые места.

³⁹ *Jou-jan tzu-liao chi-lu* (Собрание исторических сведений о жуаньжуанях). Р. 3–6.

Таблица 3.1. Наследование власти и даты правления жуаньжуаньских каганов

Летом их люди и скот рассеяны по степи, а осенью собираются вместе, когда животные хорошо откормятся. Зимой они избирают новый путь и двигаются на юг, чтобы грабить наши границы. Если мы неожиданно нападём на них [весной] с крупным войском и застанем врасплох, они рассыплются в панике и убегут. Жеребцы будут оберегать свои стада, а кобылы подгонять своих жеребят, улепетывая в беспорядке. Через несколько дней они не смогут найти траву и воду, люди и животные ослабнут, и мы сможем нанести нашим врагам неожиданное поражение⁴⁰.

Китайцы веками воевали с кочевниками, и многие командиры на границе хорошо знали тактику степняков, но двор никогда не пытался глубоко вникнуть в их психологию. Степные племена являлись внешними врагами, с которыми следовало бороться, только прекратив войны внутри Китая. Поэтому во времена войн, приведших к установлению династий Ранняя и Поздняя Хань, борьба с кочевниками не имела первостепенного значения. Основатели обеих ханьских династий, Гао-цзу и Гуан-у-ди, начинали враждовать с сюнну только после того, как обеспечивали мир в Китае. Это позволяло степным кочевникам без помех объединяться в союзы. В китайских династиях всегда существовали практические и идеологические ограничения, влиявшие на пограничную политику. Исходя из идеологических принципов, гражданские чиновники при дворе утверждали, что хороший правитель всегда отдаёт предпочтение идее гражданского действия (*вэнь*), а не военной силе (*у*). Действия правителей, которые игнорировали этот совет, например ханьского У-ди, подвергались осуждению. Гражданские чиновники противились активной пограничной политике, поскольку она позволяла военачальникам играть важную роль в системе управления.

Будучи завоевателями с кочевым прошлым, правители Вэй применяли совершенно другой подход. Преимущество тобасской верхушки заключалось в том, что она одинаково хорошо разбиралась в тонкостях китайского образования и в традиционных методах ведения войны в степи. Она мало зависела от рекомендаций китайских советников, когда дело касалось военных вопросов. Политика Вэй не предполагала полного уничтожения кочевников; вместо этого ставилась задача их ослабления. Они должны были быть ослаблены до такой степени, чтобы не представлять более угрозы для границы. С этой целью Вэй содержала хорошо оснащенную конницу, которая при необходимости могла проникать далеко в глубь степи. Правители династии также понимали, каким образом действует племенная система и как ею манипулировать. Но что еще более важно, тоба рассматривали степное пограничье как важнейшую составную часть своей империи. Они сражались здесь даже тогда, когда были вынуждены вести войны внутри Китая, тем самым не давая кочевникам возможности усилиться.

Пограничная политика Тоба Вэй была агрессивной. Ее императоры на протяжении многих десятилетий проводили военные кампании, которые не давали жуаньжуаням окрепнуть. Тоба Гуй организовал первый поход против жуаньжуаней в 391 г., а против гаоче — в 399 г., т. е. еще до того, как Вэй смогла закрепить свою власть в Китае. Его преемник Тоба Сы (правил в 409–423 гг.) в 410 г. предпринял атаку на Шэлуня, но жуаньжуани ретировались и оказались вне пределов досягаемости вэйских войск. Во время этого похода Шэлунь умер, и его преемники Хулой и Датань предпочитали держаться подальше от границы, пока не скончался Тоба Сы. После его смерти жуаньжуани вторглись в Китай. Тоба Тао (правил в 423–452 гг.) отбил это нападение и в 425 г. приказал организовать контратаку в глубь Северной Монголии. Достигнув южной оконечности пустыни, его войска оставили тяжелое вооружение и двинулись далее на север. Их сопровождал отдельный ударный отряд и имелся запас провизии на пятнадцать дней. Кочевники были захвачены врасплох и потерпели поражение. В 429 г. Тоба Тао организовал чрезвычайно успешный военный поход в степь, во время которого 300 000 жуаньжуаней и гаоче были захвачены в плен и переселены на границу. Кроме того, он захватил миллионы голов скота. Хотя эти цифры могут быть завышенными, масштаб операции говорит о том, что политика Вэй была направлена на уменьшение населения степи и подрыв могущества жуаньжуаней. Эти кампании проводились в то время, когда Вэй еще всю вела войны по захвату Северного Китая⁴¹.

Каган Датань умер во время нападения вэйских войск, и власть унаследовал его сын У-ди, направивший посланника с дарами к вэйскому двору. Был заключен брачный союз, и каган женился на одной из дочерей императора, а император взял в жены одну из сестер кагана. Такие брачные союзы заключались еще династией Хань, однако тогда они были односторонними: в

⁴⁰ Kollautz and Hisayuki. Geschichte und Kultur eines völkerwanderungszeitlichen Nomadenvolks. Vol. 1. P. 110; BIII 35.

⁴¹ Jou-jan. P. 6–10.

степь отправлялась женщина из императорского рода. Иноземные же династии стремились заключать двусторонние брачные союзы, которые были более надежными и безопасными. Однако, как только У-ди почувствовал себя достаточно сильным, он начал нападать на границы Вэй. В ответ со стороны Вэй были организованы несколько кампаний в 438, 439, 443 и 444 гг., которые, однако, увенчались успехом лишь частично, поскольку жуаньжуани всегда уходили от расплаты. Только в 449 г., когда Тоба Тао лично возглавил большой поход, жуаньжуани понесли тяжелое поражение и отступили от границы. Вэй продолжала доминировать и в период правления Тоба Цзюня (правил в 452–465 гг.), организовавшего в 458 г. поход на жуаньжуаней, в котором приняли участие 100 000 воинов и для которого было снаряжено 150 000 повозок с припасами. Это нападение заставило жуаньжуаней отойти на запад, и они утратили контроль над многими подчиненными им племенами. После этого жуаньжуани обратили свое внимание на Туркестан и захватили в 460 г. Турфан. Тот факт, что они сосредоточили внимание на районе, находившемся вне досягаемости атак тоба, свидетельствует о сильном давлении, которое оказывалось на них на востоке⁴².

Характерной чертой военной политики тобасцев было то, что на протяжении жизни одного поколения они старались организовать хотя бы одно крупное вторжение на север. Такие вторжения были призваны разрушить экономическую и политическую базу государств кочевников путем массового угона людей и скота, и жуаньжуаням обычно требовалось по меньшей мере 10-20 лет для того, чтобы восстановить свои силы. Вэй находила пленным кочевникам хорошее применение, размещая их на границе в качестве воинских частей, дислоцированных в шести больших гарнизонах. Эти гарнизоны служили отправными точками, откуда начинались военные походы в Монголию, и буферами, которые не позволяли жуаньжуаням подходить слишком близко к границе. По существу, Вэй пыталась установить контроль над степью, переселяя кочевое население в пределы вэйских границ, где оно становилось частью тобасской военной машины. Такая стратегия была бы отвергнута национальной китайской династией, поскольку означала расселение внутри государства большого количества враждебно настроенных кочевников, которые в будущем могли стать еще более опасными. Тобасцы не испытывали таких опасений, поскольку сами вели свое происхождение от кочевых племен. Дуальная организация позволяла им инкорпорировать народы пограничья в состав государства под управлением отдельной администрации, учитывая обычаи кочевников и наилучшим образом используя их военный потенциал. Вэйская политика массовой депортации номадов оставляла империю жуаньжуаней без подданных. Когда же она начинала приходить в себя после очередного погрома, Вэй организовывала новые наступления.

Начиная с 485 г. жуаньжуани стали атаковать Вэй ежегодно. Каган Доулунь (правил в 482–492 гг.) был особенно агрессивен, и это привело к тому, что вэйцы в 492 г. организовали против него военную кампанию. Эта кампания по сравнению с предыдущими не привела к массовому захвату людей и скота, но смогла расколоть жуаньжуаней. Популярность Доулуня упала, поскольку он постоянно проигрывал сражения, и многие кочевники начали требовать, чтобы правителем стал его дядя Нагай, более успешный военачальник. После вэйского похода вокруг Нагая сформировалась группа заговорщиков, которые убили Доулуня и сделали каганом Нагая.

Вэйская кампания против Доулуня явилась последней попыткой династии следовать традиционной политике подрыва кочевых империй. В дальнейшем ответных военных действий Вэй уже не предпринимала, поскольку в ее внутренней и внешней политике стали происходить радикальные изменения. По мере того как династия китаизировалась, ее внешняя политика постепенно все больше напоминала политику национальных китайских династий, в основе которой лежали позиционная оборона и выплата дани кочевникам. В этих благоприятных условиях сила кочевников стала расти.

Китаизация Тоба Вэй

В системе дуальной организации император был фигурой, которая поддерживала равновесие китайской и племенной элит, являвшихся опорами династии. Любое изменение баланса этих двух групп имело для Вэй критический характер. Размещение вэйской столицы в Пинчэне, на окраинных племенных землях, являло собой пример компромисса китайцев и варваров, несмотря на то, что возникли сложности со снабжением города и он плохо подходил на роль административного центра. В нем бок о бок существовали китайские, сяньбийские и заимствованные за границей буддийские традиции. Такое положение дел изменилось со смертью Тоба Цзюня. Его жена, вдовствующая императрица Фын, предприняла попытку китаизировать

⁴² Ibid. С. 10–18.

государство Вэй. По обычаям сяньби, мать наследника предполагалось убить, чтобы она не могла оказывать влияние на двор, но Фын, китаянка по происхождению, смогла избежать этой участи, управляя государством через своего пасынка — Тоба Хуна (правил в 465–471 гг.), который позднее отрекся от престола в пользу своего малолетнего сына, а в 476 г. умер. Вдовствующая императрица продолжала управлять через сына своего пасынка Тоба Хуна II (правил в 471–499 гг.) и скончалась в 480 г. Хун II, больше известный под своими китайскими титулами Гао-цзу и Сяо-вэнь-ди, не только полностью одобрял политику китаизации, но и сделал ее еще более радикальной, когда власть полностью перешла в его руки⁴³.

Гао-цзу способствовал ряду нововведений, направленных на устранение влияния сяньби на государство, начав с того, что сформировал правительство почти из одних только китайцев. Он предпринимал попытки запретить сяньбийские обряды и поощрял браки между представителями тобасской и китайской знати. Главным событием, однако, было перенесение в 494 г. столицы в Лоян. Таким образом племенные элементы были отстранены от рычагов власти и потеряли свое прежнее государственное значение. Это привело к обнищанию многих кланов, которые жили за счет поставок в старую столицу продовольствия. Чтобы еще более подчеркнуть свои антиплеменные настроения, двор в 494 г. запретил ношение сяньбийской одежды, в 495 г. запретил молодым чиновникам пользоваться сяньбийским языком при дворе, в 495 г. ввел единую систему званий для сяньбийской и китайской знати, а в 496 г. изменил фамильное имя Тоба на китайское Юань. В 496 г. короткий мятеж среди пограничных племен несколько замедлил темпы реформ, но династия уже была перестроена по китайскому образцу.

Проводимая двором политика китаизации начала заметно сказываться на северной границе после смерти Гао-цзу в 499 г., когда вэйское правительство оказалось в слабых руках. Переезд в Лоян коренным образом изменил отношение пограничных войск к династии. В прежние времена о них заботились, их командиры с почетом принимались при дворе, а на северную границу было обращено постоянное внимание власти. После переезда в Лоян получил развитие традиционный китайский взгляд на северную границу как на малозначительный регион империи. Племенные армии больше не считались опорой государства, они стали политически неблагонадежными. Гарнизоны лишались довольствия из-за коррумпированных чиновников, для которых назначение на границу было своего рода ссылкой. Кроме того, к службе на границе приговаривались преступники. Агрессивная политика подрыва государства жуаньжуаней сменилась консервативной, началась эпоха оборонительных укреплений и выплаты дани. Таким образом, когда двор начал использовать систему управления, созданную по китайскому образцу, он вернулся к традиционному подходу к делам на границе, принятому еще в эпоху Хань. Основная трудность заключалась в том, что он по-прежнему зависел от племенных войск, которые пополняли состав императорской стражи, подавляли крестьянские восстания и участвовали в защите границы. В 519 г., например, когда правительственный чиновник предложил лишить представителей армии права занимать высшие государственные посты, императорская стража в Лояне взбунтовалась. Такое предложение вполне согласовывалось с конфуцианскими принципами, однако правительство было вынуждено согласиться с требованиями военных и не допустить его реализации.

Изменения, ставшие следствием политики китаизации, наиболее наглядно проявились в том, что жуаньжуаньский каган Анагуй начал манипулировать вэйским двором. Он стал каганом в 519 г. после смерти своего брата, однако несколько месяцев спустя престол захватил его соперник Поломынь. В следующем году Анагуй появился при дворе Вэй и попросил помощи в борьбе за престол. На аудиенции он обратился к императору с просьбой предоставить ему войска и оружие. В прошлом Вэй уже принимала представителей соперничавших группировок жуаньжуаней, но всегда требовала, чтобы они входили в состав вэйской знати путем принятия титулов и заключения браков. Анагуй же попытался использовать стратегию внутренней границы, применявшуюся в подобных ситуациях группировками сюнну. Питая надежду разделить жуаньжуаней на две постоянно враждующие группировки, вэйский двор поддержал его, но эти надежды не оправдались. Как только Анагуй вновь захватил престол, он в 523 г. организовал крупный набег на территорию Китая и захватил большое количество скота.

В Вэй подняли гарнизоны, расположенные на границе, и организовали тщетную погоню за жуаньжуанями. Небрежение и плохое управление армией сделали свое дело — поход провалился, что спровоцировало на следующий год восстание среди пограничных войск. Непосредственным толчком к нему послужил отказ коррумпированных чиновников выдать зерно голодающим войскам. Восстание быстро распространилось почти по всей границе. По иронии судьбы единственными союзниками двора Вэй оказались жуаньжуани. Анагуй разорил

⁴³ Обстоятельства переезда столицы в Лоян можно найти у Дженнера (Jenner) (*Memories*. P. 38–62), а анализ политики, приведшей к закату Тоба Вэй, — у Холмгрена (Holmgren) (*The Empress Dowager Ling of the Northern Wei and the T'o-pa sinicization question*).

пограничную область и временно подавил восстание. Во избежание дальнейших волнений многие из взбунтовавшихся войск были направлены на юг, где, как предполагалось, их будет легче контролировать. Это оказалось смертельной ошибкой, поскольку в 525 и 526 гг. они снова восстали и начали угрожать самой столице. Император отправлял Анагуя письма, в которых восхвалял его и официально признавал равным себе государем.

Предводитель племени цзе Эржу Жун в 528 г. двинулся на Лоян, чтобы возвести на престол нового наследника. Войдя в город, он казнил весь вэйский двор (от 1300 до 3000 человек) и одним махом покончил с экспериментами по введению китайского стиля управления. Лоян вскоре оказался заброшен, и Вэй раскололась на Западную Вэй (Чжоу), где преобладали сяньбийские обычаи, и Восточную Вэй (Ци), где соблюдались китайские традиции. Обе державы очень опасались кочевников и пытались умиротворить Анагуя с помощью даров и брачных союзов.

Падение Вэй ознаменовало окончание маньчжурского правления в Китае. Одновременно с этим начался процесс возвращения власти этническими китайцами, которые в итоге объединили страну под властью династий Суй и Тан. Крах Вэй продемонстрировал, что, как только иноземная династия проникалась китайскими идеями, она становилась уязвимой для нападков со стороны недовольных племенных групп и страдающей ксенофобией китайской знати. С одной стороны, племенная армия ощущала себя преданной, когда династия уменьшала ее влияние при дворе, выдвигая на важнейшие должности китайцев и урезая экономические и политические привилегии племен, воспринимавшиеся ранее как сами собой разумеющиеся. С другой стороны, северокитайская знать никогда полностью не признавала власть иноземных династий, даже если последние создавали сходные с китайскими учреждения и соответствовали политическим критериям легитимности. Хотя иноземные династии утверждали, что получили власть в соответствии с принятыми в Китае правилами наследования и включались в стандартные династийные истории, они никогда не могли избавиться от печати своего «варварского» происхождения.

С падением Вэй завершился еще один полный цикл. Выше уже говорилось о том, что степные империи и китайские династии, такие как Хань и сюнну, зарождались и приходили в упадок одновременно, поскольку были взаимозависимыми. После их крушения наступал период анархии, в котором именно племена северо-востока, обладающие дуальной организацией, могли выстоять, захватить на волне смуты власть и основать сильные государства на севере Китая. Со временем северо-восточные династии, поставленные перед выбором, какие задачи им следует решать — пограничные или внутрикитайские, — оставляли без внимания северную границу и начинали думать только о Китае. Без военной силы племен удержать его было невозможно, и в конечном итоге китайцы свергали иноземные власти. Пока маньчжурские династии занимались Китаем, не обращая внимания на северную границу, степные племена объединялись. После свержения выходцев из Маньчжурии китайцы увидели перед собой объединенную степь, готовую использовать стратегию внешней границы и обладающую такой силой, о которой не слыхивали со времен сюнну.

Указатель основных имен

Важнейшие племена на степной границе

Гаоче (Чилэ)

Подчиненная жуаньжуаням племенная группа

Ди

Подгруппа цянов, жившая в районе Чанъани (III–V вв.)

Жуаньжуани

Доминирующее племя в Монголии (380–555 гг.)

Терпели поражения от войск Тоба Вэй

Сюнну

Разделились на мелкие группы по обеим сторонам границы с Китаем

Шаньюи из рода Маодуня находились у власти до V в.

Сяньби

Преемники сюнну в Северной Монголии (130–180 гг.)

Основали династии в Маньчжурии и Северном Китае (IV–VI вв.)

Туюйхуни

Кочевники сяньбийского происхождения, жившие вокруг озера Кукунор

Ухуани

Кочевники на северо-восточной границе Китая
В культурном отношении близки сяньби
Как политическая группа исчезли после 300 г.

Ключевые фигуры истории племен (все достаточно неясные)

Кэбинэн

Вождь сяньби в период падения династии Хань

Супуянь

Вождь ухуаней после падения династии Хань

Таньшихуай

Единственный вождь сяньби, объединивший степные племена (156–180 гг.)

Династии в Северном Китае после падения Хань

Династии диского происхождения

Западная Лян (400–421 гг.) (Сев.-Зап.)

Поздняя Лян (386–403 гг.) (Сев.-Зап.)

Поздняя Цинь (384–417 гг.)

Цинь (352–410 гг.) (Сев.)

Династии китайских военачальников

Западная Цзинь (265–316 гг.) (Сев.)

Лян (313–376 гг.) (Сев.-Зап.)

Северная (Цао) Вэй (220–266 гг.) (Сев.)

Династии сюннуского происхождения

Поздняя Чжао (319–352 гг.) (Сев.)

Северная Лян (397–439 гг.) (Сев.-Зап.)

Ся (407–431 гг.) (Сев.)

Хань/Чжао (304–329 гг.) (Сев.)

Династии сяньбийского происхождения

Ранняя Янь (348–370 гг.) (Сев.-Вост.)

Поздняя Янь (383–409 гг.) (Сев.-Вост.)

Северная Янь (409–436 гг.) (Сев.-Вост.)

Южная Лян (397–414 гг.) (Сев.-Зап.)

Южная Янь (398–410 гг.) (Сев.-Вост.)

Западная Вэй (534–557 гг.) (Сев.)

Северная (Тоба) Вэй (386–534 гг.) (Сев.)

Примечание к «Династиям в Северном Китае после падения Хань»

(Сев.) = Северный Китай (Сев.-Вост.) = Северо-Восточный Китай

(Сев.-Зап.) = Северо-Западный Китай

Полужирный прямой шрифт = власть распространялась на весь Северный Китай

Полужирный курсивный шрифт = власть над частью Северного Китая

Ключевые фигуры китайской истории

Семейство Гунсунь

Династия военачальников — правителей Ляодуна (189–237 гг.)

Цао Цао

Китайский военачальник (155–200 гг.)

Основатель династии Вэй, сменившей Позднюю Хань

Подавлял пограничные племена

Юань Шао

Китайский военачальник, вступивший в союз с кочевниками
Потерпел поражение в борьбе с Цао Цао

Ключевые фигуры иноземных правителей

Лю Юань

Сюнну, основатель династии Хань / Чжао (правил в 304–310 гг.)

Первый шаньюй, создавший государство в Китае

Муюны

Клан сяньби, основавший династии Янь (около 300–400 гг.)

Создали дуальную организацию управления

Название правящего дома Янь

Гуй: организовал муюнское пограничное государство (правил в 283–333 гг.)

Цзюнь: первый официальный император Янь (правил в 348–360 гг.)

Тоба

Клан сяньби, основавший династию Вэй (около 400 г.)

Объединили весь Северный Китай

Название правящего дома Вэй

Гуй: основатель династии (правил в 386–409 гг.)

Хун (II) (известный также как Гао-цзу или Сяо-вэнь-ди) император Вэй (правил в 471–499 гг.)

Проводил политику китаизации, спровоцировал восстание

Фу Цзянь

Военачальник из племени ди

На короткое время объединил Северный Китай под властью Цинь

Ши Лэ и Ши Ху

Цзеско-сюннуские военные правители династии Поздняя Чжао

Разорили Северный Китай

4. ТЮРКСКИЕ ИМПЕРИИ И КИТАЙ ЭПОХИ ТАН

Объединение Китая династиями Цинь и Хань и степных племен державой сюнну произошло на протяжении жизни одного поколения после долгого периода анархии. Три века спустя падение централизованной власти в Китае и степи завершилось в эти же сроки. То, что степь и Китай стали зеркальными отображениями друг друга, не было случайностью. В конечном счете государственная организация в степи нуждалась в наличии устойчивой государственной власти в Китае, чтобы пользоваться ресурсами последнего. История взаимоотношений тюркских империй и династии Тан предоставляет нам редкую возможность проверить этот тезис. Политические методы, которыми пользовались Тан и тюрки, очень напоминали применявшиеся Хань и сюнну в аналогичных условиях. Однако имелись и существенные различия, поскольку период иноземного владычества оказал глубокое влияние на Китай. Это влияние было настолько сильным, что национальному китайскому императору Ли Ши-миню (танскому Тай-цзуну) на короткое время удалось объединить степь и Китай под своей единоличной властью. Его преемники, однако, не смогли сохранить новый политический курс и вернулись к оборонительной стратегии в отношении степи, характерной для династии Хань. Возврат к старой стратегии говорит о том, что, как только к власти в Китае приходила национальная династия, в игру включались могущественные силы, выступавшие за проведение оборонительной внешней политики и сохранение власти просвещенных бюрократов, противостоявших сословиям торговцев и военных. В конце концов это привело к тому, что кочевники превратились в охранников слабой династии Тан и защищали ее от внутренних и внешних смут за определенную плату, подарки и привилегии. Отношения, которые первоначально были хищническими, стали симбиотическими. Когда в 840 г. пала держава уйгуров, династия Тан лишилась своего защитника и вскоре была разрушена китайскими повстанцами.

Первая Тюркская империя

Туцзюэ, наиболее известное из кочевых тюркских племен, появляется в китайских исторических сочинениях около середины VI в.¹ Их родиной был Алтай, хотя, по другим сведениям, они происходили из области Пинляна на востоке Ганьсу. Они подчинялись жуаньжуаням и славились как искусные кузнецы.

Степь только периодически находилась под полным контролем жуаньжуаней. Войска Тоба Вэй отбросили их от границы сразу после создания ими империи. Позднее, когда Вэй перенесла свою столицу в Лоян и оставила прежнюю агрессивную политику, жуаньжуань были слишком заняты внутренними раздорами, чтобы воспользоваться этой переменой. Показателем их слабости было существование независимой группы кочевников туюйхуней в области Кукунора, которые контролировали торговые пути в Туркестан. Китай мог использовать территорию последних для того, чтобы обходить жуаньжуаней². Жуаньжуань также никогда полностью не подчиняли гаоче (теле), которые периодически восставали против своих властителей. В 546 г. на первый план выдвинулись тюрки, которые разбили взбунтовавшихся против жуаньжуаней гаоче и захватили в плен 50 000 их кибиток. Предводитель тюрков Тумынь в качестве награды за службу попросил у кагана жуаньжуаней Анагуя брачного союза. В ответ он услышал язвительную отповедь, в которой тюрки были названы дерзкими рабами. Тумынь убил послов, передавших ему эти слова, и поднял восстание.

Тумынь усилил свою политическую позицию путем союза с Западной Вэй (Чжоу) в 551 г. В следующем году он сразился с жуаньжуанями и разбил их. Каган жуаньжуаней Анагуй кончил жизнь самоубийством. В том же году умер и Тумынь. На короткое время преемником Тумыня стал его сын Коло, который организовал еще одну атаку на жуаньжуаней. Он также вскоре умер, и престол унаследовал его брат Муган, который отправился в погоню за оставшимися в живых предводителями жуаньжуаней на восток Китая и убил их. В дальнейшем он завоевал туюйхуней и с помощью своего дяди Истеми раздвинул границы тюркской империи от Маньчжурии до

¹ История первых двух тюркских империй изложена в китайских династийных историях Суй и Тан, каждая из которых содержит главу о кочевниках. Описание отношений тюрков с наследниками династии Вэй и падения жуаньжуаней имеется в *Чжоу-шу*, *Бэй-ши* (99) и *Суй-шу* (84). Взаимоотношения тюрков с династией Тан описаны в *Цзю Тан-шу* [ЦТШ] (144) и *Синь Тан-шу* [СТШ] (215). Хотя оба источника описывают события одного и того же периода, их свидетельства несколько отличаются друг от друга. В книге Лю Мао-цзая (Liu Mau-tsai) *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)* весь указанный материал представлен в переводе на немецкий язык.

² Molè. The T'u-yü-hun from the Northern Wei to the Time of the Five Dynasties.

Каспийского моря.

Империя была организована по образцу имперской конфедерации. Как и у сюнну, в ней имелись три основных уровня: 1) имперское правительство и чиновники двора, 2) имперские чиновники для управления племенами на всей территории империи и 3) наследственные племенные вожди, ведавшие вопросами местного самоуправления.

Высшим титулом в империи был титул кагана, но, в отличие от шаньюя у сюнну, он мог принадлежать не одному, а нескольким лицам. Старший каган иногда назначал малых каганов для управления частями империи. Официальный наследник кагана носил титул *ябгу*. До возникновения тюркской империи этот титул, похоже, был самым высоким, поскольку туцзюэ впервые обрели могущество под предводительством «великого ябгу», еще находясь в составе империи жуаньжуаней. Имперские наместники носили титул *шад*. Они вместе с *ябгу* управляли племенами, входившими в империю. Обладатели этих титулов являлись сыновьями, братьями или дядьями кагана и назывались *тегинами* (принцами). Все они являлись членами правящего клана Ашина.

Племена в составе империи имели собственных правителей, называемых *бегами*. Вожди могущественных племен именовались *эльтеберами*, а менее могущественных — *иркинами*. Все они подчинялись одному из имперских наместников. Совокупность этих местных племенных групп подразделялась на восточное и западное крылья — *Толис* и *Тардуш*. За племенами, которыми тюрки непосредственно не управляли, присматривали *тудуны* — доверенные лица, назначаемые каганом для того чтобы взимать дань и удерживать в повиновении наиболее отдаленные племена. Согласно китайским источникам, во всей тюркской системе управления существовало 28 передававшихся по наследству званий³.

Тюркская империя, судя по имеющимся данным, была не столь централизована, как империя сюнну. Готовность кагана назначать малых каганов, которые часто вели себя независимо, приводила к раздробленности государственной структуры и ограничивала власть старшего кагана. Тюрки не имели десятичной системы военной организации (темники, тысячники и т. д.), и их каган обладал меньшей властью над своими подчиненными, чем шаньюй сюнну.

Как и у сюнну, возвышение империи тюрков было обусловлено их военной мощью. Укрепившись, они сразу же стали вымогать субсидии у двух соперничавших государств на севере Китая — Чжоу и Ци. Тюркам не требовалось завоевывать Китай, чтобы произвести впечатление на его правителей. Оба двора были напуганы предшествующим уничтожением жуаньжуаней и покорением степи. Тюрки получали от обоих дворов щедрые подарки и периодически выступали в качестве наемников, помогая Чжоу атаковать Ци. Тюрки обменивали лошадей на шелк, и их торговля процветала. В 553 г. они пригнали к границе 50 000 лошадей. Во времена правления Мугана (553–572 гг.) двор Чжоу ежегодно преподносил кагану 100 000 кусков шелка и был вынужден в качестве жеста доброй воли с расточительным гостеприимством встречать в своей столице тюркских посланников. В деле подкупа не отставал и циский двор. Двор каждого из государств опасался, что тюрки могут занять сторону его соперника. Кагану нравилось быть в центре такого соревнования, которое чрезвычайно обогащало тюрков. Передают, что он сказал однажды: «Только бы на юге два мальчика были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности»⁴.

Торговля шелком была основным фактором, способствовавшим интеграции Тюркской империи в единое целое. Восточные тюрки получали шелк от Китая, а западные продавали его в Иран и Византию. Восточный и западный тюркские правители имели мощную политическую поддержку на местах, которая делала их почти независимыми друг от друга. Пока родственные узы между двумя правителями оставались тесными, обе части империи мирно взаимодействовали между собой. После смерти основателей каганата эти связи постепенно ослабли и преемники первых государей развязали междоусобную войну, которая навсегда разделила западную и восточную части государства. Война началась, когда тюркская империя находилась в зените своего могущества. Причины войны были сходны с таковыми у сюнну и заключались в трудности управления политической системой, в которой наследование по боковой линии было нормой. Наследование по боковой линии стало губительным для тюрков, поскольку они не смогли добиться согласия в вопросе о том, каким образом следует исключать тех или иных лиц из числа потенциальных наследников. В отличие от сюнну у тюрков не было строгой иерархии званий, которая определяла бы основного претендента на престол в случае смерти всех братьев из одного поколения. В конечном итоге обеспечить наследование можно было только с помощью силы. Тюрки оставили в

³ Mon. Historical Studies of the Ancient Turkic Peoples (по-японски с английским резюме). P. 3–25.

⁴ Суй-шуй 84 : 5a; Ecsedy: 1) Trade and war relations between the Turks and China in the second half of the 6th century; 2) Tribe and tribal society in the 6th century Turk empire.

наследство своим преемникам насильственный способ решения вопроса о наследовании⁵.

Тюркская империя распалась на враждующие между собой Восточный и Западный каганаты около 581 г., когда восточные тюрки были заняты междоусобной войной. Раскол и междоусобная война были вызваны, по-видимому, теми трудностями, с которыми они столкнулись в процессе передачи власти новому поколению.

Неформально империя была разделена еще при Тумыне. Он пожаловал своему брату Истеми право управления западными землями и титул симянь-кагана (кагана западных земель). Когда в 553 г. Тумынь умер, Истеми, похоже, не предпринимал попыток стать верховным правителем империи. Титул старшего кагана перешел к его племянникам, сыновьям Тумыня. Истеми пережил большинство из сыновей своего брата и умер в 576 г., в период правления Тобо. Его сын Тарду стал править на западе. Даже если Тарду и был недоволен тем, что находился в статусе формального подчинения своим двоюродным братьям, он не стал поднимать восстание. Тобо (или Тапар) с точки зрения генеалогии стоял несколько выше Тарду, обладал достаточно крепкой властью и был признан старшим каганом еще Истеми.

Тарду стал представлять серьезную проблему только после смерти Тобо, когда отказался признать права потомков последнего на престол. С точки зрения родственных связей Тарду отныне являлся старшим представителем своего поколения и по статусу занимал более высокое положение, чем сыновья его двоюродных братьев. В связи с этим он мог утверждать, что, поскольку все сыновья Тумыня уже умерли, высший титул должен перейти к следующему из оставшихся в живых сыновей Истеми. Это была прекрасная возможность для могущественного Западного каганата пересмотреть порядок наследования, установленный в период основания империи. На руку Тарду играли и трудности, с которыми сталкивались восточные тюрки при передаче власти новому поколению правителей. Они никак не могли договориться о принципах мирного наследования престола.

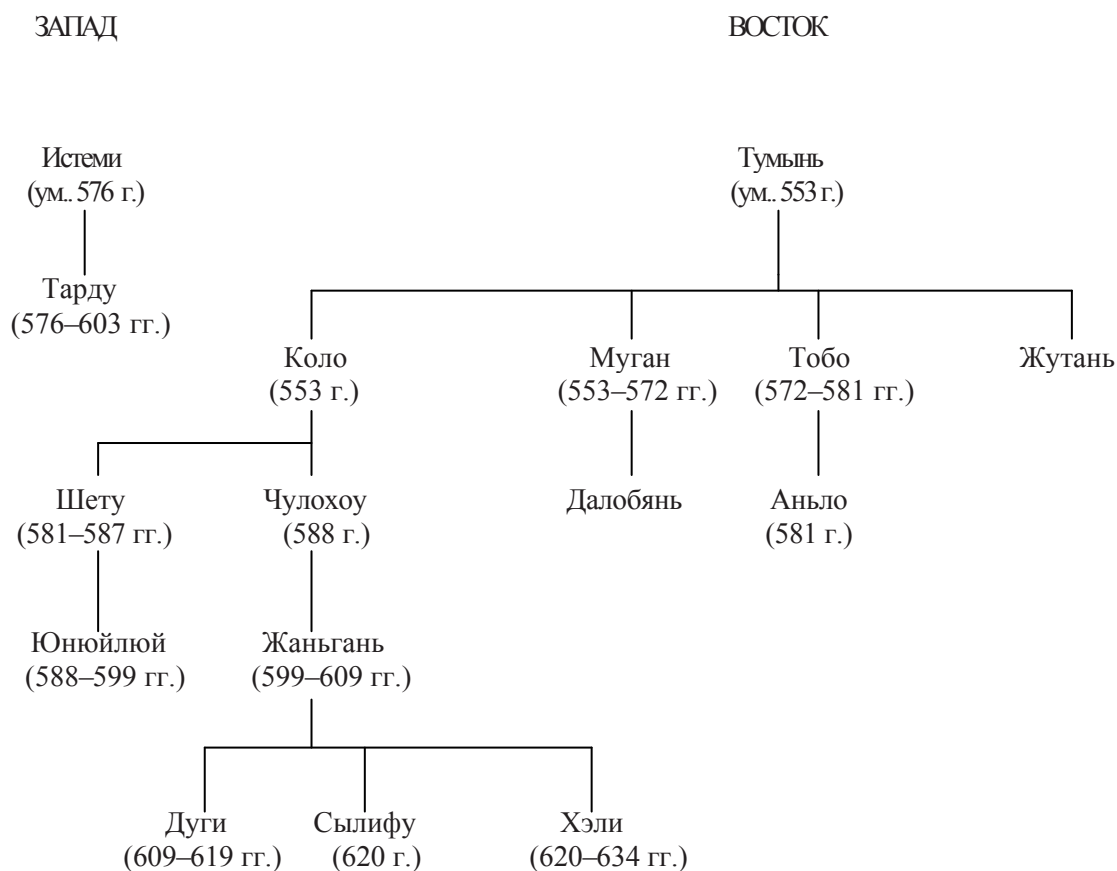
В восточно-тюркских землях все было относительно спокойно, и престол переходил от старшего брата к младшему, пока не умерли все сыновья Тумыня. Подобная система наследования становилась чрезвычайно уязвимой, когда власть должна была перейти к новому поколению правителей. Двоюродных братьев мало что связывало между собой, и каждая из партий могла предъявить определенные права на престол, апеллируя к тому, что ее ставленники были сыновьями каганов. Как только власть переходила к новому поколению, представители всех ветвей родственников, кроме победившей, навсегда лишались возможности наследовать престол в будущем. Теоретически все должно было быть гладко. Старший сын старшего из братьев получал право на престол после того, как все его дядя умирали. После смерти его самого и его братьев престол переходил к одному из оставшихся в живых двоюродных братьев, представлявших младшую ветвь того же поколения. (Это, по существу, и обеспечивало право Тарду на наследование.) Однако эта модель наследования строго в соответствии со старшинством не учитывала некоторые важные проблемы политического характера. Самый старший из мужчин младшего поколения часто был сыном кагана, умершего многие десятилетия назад, в то время как сыновья недавно правивших каганов были ближе к реальной власти и могли использовать политических союзников отцов в собственной борьбе. Несмотря на формально существовавшие права и привилегии, окончание правления братьев одного поколения давало возможность их преемникам, т. е. группам двоюродных братьев, побороться за престол, опираясь на свое политическое влияние и военную мощь. Внезапный упадок Первой Тюркской империи как раз в тот период, когда она достигла вершины своего военного и экономического могущества, был следствием раскола в среде тюркской знати.

Динамику подобного противостояния вокруг права наследования лучше всего можно видеть, анализируя детали первой междоусобной войны. Каганы и их родственные связи представлены в табл. 4.1. При первом наследовании власть перешла от Тумыня к его сыну Коло. Истеми ко времени смерти своего брата уже получил западную часть империи и титул кагана. Хотя Истеми и был потенциально более могущественным, чем его племянники, и по праву наследования по боковой линии мог попытаться стать старшим каганом, он не стал оспаривать их приход к власти. Коло умер почти сразу после того, как стал каганом, и власть перешла к его младшему брату Мугану, который правил на протяжении последующих 18 лет. Муган был наиболее сильным правителем своего поколения. Именно в период его правления были окончательно уничтожены жуаньжуани, а дядя Мугана Истеми изгнал из Афганистана эфталитов. Однако даже он назначал своих младших братьев на должности малых каганов. Тобо обосновался в Восточной Монголии в качестве дунмян-кагана (кагана восточных земель). Он держал под контролем племена, обитавшие вдоль маньчжурской границы, и производил набеги на киданей.

⁵ Fletcher. The Mongols: ecological and social perspective. P. 17.

Жутань, имевший титул Були-кагана, контролировал Западную Монголию.

Таблица 4.1. Даты правления каганов Первой Тюркской империи

Когда в 572 г. умер Муган, каганом стал его брат Тобо. Эта передача власти была мирной, но уже имелись свидетельства напряженности в отношениях между членами правящего дома. Сыновей каганов обошли в пользу их дядьев, и новое поколение планировало захватить власть, как только умрет Тобо — последний здравствовавший сын Тумыня. В то время многие его представители являлись малыми каганами. Тобо назначил Жутаня, сына своего младшего брата, Були-каганом, а сына Коло, Шету, — дунмьянь-каганом. Вскоре после этого Истеми умер, и его сын Тарду стал симянь-каганом. Из четырех каганов Тарду был самым влиятельным, хотя Тобо и был выше его по статусу. Сильная армия существовала также у Шету. Тобо постепенно терял свою власть над империей, поскольку набирали силу малые каганы. Такое ослабление верховной власти означало, что с его смертью борьба за престол примет особенно ожесточенный характер. Так и вышло: в 581 г., когда Тобо умер, разразилась междоусобная война.

Тюркский каган избирался из числа потенциальных наследников на особом совете, пытавшемся выработать приемлемое для всех решение, но, в отличие от сюнну, у тюрков такие выборы сопровождались серьезными дебатами. В 581 г. среди кандидатов на престол были потомки четырех сыновей Тумыня, носившие титул кагана. Основными соперниками были: 1) Аньло, сын Тобо; 2) Далобянь, сын долгожителя Мугана и 3) Шету, сын Коло, старшего из братьев, который представлял старшую линию наследников. Соперники угрожали друг другу применением силы.

Когда [Тобо] умер, его люди во главе правительства намеревались возвести на престол Далобяня, но большинство, учитывая низкое происхождение его матери, воспротивилось этому. Аньло же был благородного происхождения и пользовался уважением тюрков. Последним явился Шету и обратился к собранию со следующими словами: «В случае если будет возведен Аньло, я и мои братья будем служить ему; если будет возведен Далобянь, я, охраняя свою землю, буду общаться с ним с помощью меча и копья». Поскольку Шету был в совершенном возрасте и храбр, постольку собрание не противоречило ему, и Аньло был поставлен преемником. Далобянь, который не добился наследования, в душе питал непокорность к Аньло и несколько раз подсылал

людей поносить его. Аньло не мог укротить его и поэтому отрекся от престола в пользу Шету⁶.

Шету стал Шаболио-каганом. В качестве утешения он назначил Аньло вторым каганом. Когда же Далобянь заявил, что он остался единственным, кто не имеет титула кагана, Шеду пожаловал ему титул Або-кагана.

Власть Шету над империей была слабой. У него были могущественные соперники в степи, и, кроме того, как только он пришел к власти, Китай прекратил выплату дани. В 581 г. династия Суй объединила весь Северный Китай и намеревалась завоевать юг, чтобы создать единую империю. Когда ее основатель император Вэнь-ди (правил в 581–604 гг.) уничтожил государство Чжоу, он первым делом выслал всех тюрков, живших при дворе, обратно в степь и прекратил разорительные выплаты шелком. Это представляло большую угрозу для Тюркской империи, чье могущество и благосостояние зиждились на торговле и подарках, вымогавшихся у слабых преемников Тоба Вэй. Ответом Шету на этот вызов стала организация крупномасштабного набега на Китай в 582 г. Вторжение имело своей целью обогащение тюркских племен за счет грабежа и оказание давления на суйский двор, чтобы он сделал свою политику в отношении к степи более гибкой.

Набег был чрезвычайно успешным. Тюрки угнали почти весь домашний скот, находившийся у границы. Это, однако, не положило конец междоусобной борьбе за власть. Шету по-прежнему сомневался в лояльности Далобяня, хотя тот и пришел ему на помощь в отражении суйских контратак, последовавших за вторжением тюрков в Китай. Когда Далобянь был занят войной с китайцами, Шету напал на его людей и попытался уничтожить опорную базу своего соперника. С этой атаки начался период жестокой междоусобной войны, продлившейся два десятилетия.

Попытка Шету убрать конкурента не удалась. Далобянь бежал на запад в поисках помощи Тарду. Тарду использовал раскол среди восточных тюрков, чтобы объявить себя независимым каганом и верховным тюркским правителем. Он всеми силами стремился помочь Далобяню и снарядил армию, которая вскоре нанесла поражение Шету, вынужденному в 584 г. бежать к китайской границе.

После поражения, понесенного им в степи, Шету в поисках помощи Китая стал следовать политике внутренней границы, уже использовавшейся южными шаньюями сюнну: переходя в подчинение Китаю, он терял свою независимость, но взамен получал покровительство и помощь в борьбе с враждебными вождями. Шету, конечно, не был знаком с этим историческим прецедентом, хотя китайцы о нем знали. Он просто ухватился за одну из немногих возможностей, имевшихся у разгромленного правителя. Вожди жуаньжуаней безуспешно стремились получить такое покровительство, когда бежали в Ци после поражения от тюрков. Опасаясь мести тюрков, цисцы отправили их обратно, и жуаньжуани были убиты⁷. Империя Суй имела более сильные позиции и приветствовала переход на свою сторону племенных вождей, предполагая таким образом сохранять степь разделенной. Она защитила Шету от атак его тюркских противников и киданьских племен из Маньчжурии.

У Китая имелись серьезные идеологические причины приветствовать переход тюркского кагана. После веков иноземного владычества Китай теперь был объединен под началом национальной династии. В умах конфуцианских историков формальное подчинение тюркского кагана, хотя и лишенного власти, было еще одним указанием на то, что династия Суй правила в соответствии с «мандатом Неба». Это напоминало славные дни династии Хань. По этой причине китайцы недооценивали политический характер действий Шету. Он был, конечно, недоволен своим зависимым положением от Китая и действовал по отношению к китайским посланникам грубо, хотя в переписке с суйским двором использовал вежливые выражения. Шету присоединился к Китаю, поскольку хотел заложить основу для будущего возрождения, а не потому, что ему нравилась династия Суй.

Шету умер в 587 г., и власть перешла к его брату Чулохоу, который повел наступление на Далобяня. Многие тюркские племена, полагая, что Чулохоу получает военную поддержку от Суй, перешли от Далобяня к нему. В последовавшей вслед за этим битве Далобянь был захвачен в плен и вскоре умер. Чулохоу продолжил наступление на запад, но был убит в сражении. Его преемником стал Юньюлюй (Дулань-каган), сын Шету.

Поражение Далобяня не означало конца междоусобной войны. Тарду все еще контролировал большую часть степи и надеялся стать единственным правителем — каганом. Внутри самой восточной тюркской аристократии царили раздоры, так как представители нового поколения вступили в борьбу за престол. Как и ранее, в этот конфликт были вовлечены соперничающие группы двоюродных братьев.

⁶ Бэй-ши 99 : 6b–7a; *Parker. The early Turks. Vol. 25. P. 2.*

⁷ Имеются в виду Дыншунцы и его сподвижники, выданные тюркам и казненные в 555 г. — *Примеч. науч. ред.*

Юньюйлой стал преемником своего дяди, поскольку он был старшим по возрасту в старшей линии наследников. Сын Чулохоу, Жаныгань, объявил себя Тули-каганом и властителем северных племен теле (гаоче). Наследование Юньюйлоем престола привело к вытеснению сыновей Чулохоу, хотя именно Чулохоу способствовал успехам восточных тюрков, в то время как Шету был повинен в их неудачах. При суйском дворе были хорошо осведомлены об этом соперничестве и способствовали его эскалации. Суйцы обещали Жаныганю в жены принцессу и в 597 г. прислали многочисленные дары. Целый поток даров Жаныганю (за год с небольшим к нему было отправлено 370 делегаций) привел в ярость Юньюйлую, который атаковал границу Суй и заключил союз с Тарду. Жаныгань потерпел несколько крупных поражений и был вынужден отступить за линию китайских укреплений.

Именно в этот период Тарду достиг наибольшего успеха. После того как Юньюйлой в 599 г. был убит своими вассалами, Тарду объявил себя единственным законным каганом тюрков. Он предпринял широкомасштабные атаки с целью устранения восточной ветви тюркских правителей. В 601 г. он угрожал Лояну — суйской столице, а в следующем году в Ордосе напал на Жаныганя. Династия Суй, пытавшаяся посеять раздор в степи, теперь пожинала яростную бурю приграничной войны, грозившей привести к объединению тюрков под властью воинственного Тарду.

К счастью для Суй и Жаныганя, военные кампании Тарду на востоке, вдалеке от его коренных земель, подготовили почву для внутренних восстаний. Племена *Толис* воспользовались его отсутствием, чтобы сбросить владычество тюрков. Тарду оставил Монголию восточным тюркам и возвратился на запад, где и умер. С помощью Суй Жаныгань взял под свой контроль племена Южной Монголии, но его власть над кочевниками к северу от Гоби была слабой. Когда в 609 г. Жаныгань умер, титул кагана перешел к его сыну Дуги (Шиби-кагану) и двум его братьям, которые успешно управляли восточными тюрками вплоть до разгрома каганата танской армией в 630 г.

Тюрки гораздо чаще, чем сюнну, развязывали междоусобные войны. Это было связано с наличием большого числа потенциальных наследников и необходимостью устранять претендентов по боковой линии силой. Анализируя теоретические проблемы, характерные для таких систем, антрополог Джек Гуди отметил:

С каждым следующим поколением проблема определения старшинства становится все более запутанной и число возможных кандидатов становится слишком большим даже для выборной системы или системы назначения преемников.

Одним из решений могла стать передача власти потомкам только одного брата [в третьем поколении потенциальных наследников]. В результате возникла бы модифицированная система единородства⁸. Однако эта система была бы наиболее взрывоопасной, поскольку по ее законам некий человек мог быть правителем, а его ребенок — нет. По правде говоря, я не знаю случаев реализации этой системы на практике⁹.

Первая Тюркская империя, похоже, как раз и была реализацией подобной системы на практике, и, следовательно, ситуация в ней обострялась до предела, когда власть должна была перейти от одного поколения к другому. В конечном счете потенциальные наследники могли быть устранены только физически. Междоусобная война стала чрезвычайно распространенным явлением, поскольку в обществе, где было разрешено многоженство, число потенциальных наследников обычно оказывалось весьма большим. Во времена Османской империи турки решали проблему наследников по боковой линии путем убийства всех братьев нового султана — жестокий, но эффективный метод.

Китайский каган

Жаныгань был обязан Суй своим положением, и китайцы стали рассматривать восточных тюрков в качестве важных союзников. В 605 г. Суй отправила армию из 20 000 тюрков против киданей, которые были полностью разбиты. Однако суйский император Ян-ди (правил в 605–616 гг., умер в 618 г.) обнаружил, что он не всегда может полагаться на их помощь. Во время посещения каганской ставки он узнал, что Жаныгань ведет переговоры с посланниками из Кореи, а на следующий год тюрки обещали помочь Китаю овладеть оазисом Хами в Восточном Туркестане и не выполнили своего обещания. Но, несмотря на свою ненадежность, тюрки стали важной составной частью экспансионистских планов Ян-ди. Например, он угрожал корейцам, что, если

⁸ Единородство (*unigeniture*) — одноклещность, наличие в семье одного ребенка. — *Примеч. науч. ред.*

⁹ Goody. Succession to High Office. P. 35–36.

те не признают его власть, на них нападут тюрки. Для поддержания союза с тюрками Ян-ди организовывал пограничные рынки для кочевников, делал их вождям подарки и держал при дворе заложников. Однако в то же время он строил вдоль Хуанхэ линию укреплений для защиты Китая на случай нападения кочевых армий¹⁰.

Надежды, которые Ян-ди возлагал на тюрков, основывались на том, что Суй долго помогала Жаньганю. Жаньгань сделал карьеру кагана на сотрудничестве с Китаем. Ситуация быстро изменилась после того, как в 609 г. он умер во время официального визита в Лоян. К власти пришел его сын Дуги (Шиби-каган), который относился к Китаю гораздо более холодно, чем его отец. Когда Ян-ди с большой армией напал на Корею, ожидая подкрепления от тюрков, он неожиданно оказался в изоляции, поскольку последние не пришли ему на помощь. Эта и две другие корейские кампании закончились настолько катастрофически, что по всему Китаю начались восстания. Первоначально тюрки выступали союзниками Китая, но лишь в той степени, в какой это было необходимо для сохранения даннической системы. В 615 г. они стали откровенно враждебными и атаковали Ян-ди, который отдыхал неподалеку от границы. Гражданская война в империи Суй вспыхнула с новой силой. В 618 г. Ян-ди был убит.

При падении Китая тюрки заняли выжидательную позицию. Они с радостью принимали посланников с дарами от всех соперничавших между собой китайских группировок. Они также приняли многих беженцев, включая часть суйских придворных, с которыми кагана связывали отношения свойства. Несмотря на свою огромную мощь, тюрки не участвовали в создании новой династии и не пытались завоевать Китай. Они снабжали лошадьми и поддерживали небольшими военными отрядами полдюжины мятежных китайских группировок, лидерам которых пожаловали титулы, однако сам каган активных военных действий не предпринимал. Тюрки, как и предшествующие кочевые империи, действовали в качестве посредников. Они в основном ограничивались тем, что находились рядом и наблюдали, что случится в Китае. Они предпочитали эксплуатировать Китай на расстоянии или совершать на него набеги; помогали то одной, то другой группировке, чтобы ни одна из них не могла чувствовать себя в безопасности. Даже после того как династия Тан объединила Китай, она была вынуждена проводить по отношению к тюркам политику умиротворения. Стратегия внешней границы в период правления первого танского императора вновь доказала свою эффективность в деле обогащения и укрепления их могущества.

В течение 300 лет Северный Китай находился под властью иноземцев. За это время иноземные правители во многом китаизировались, примером чего может служить политика Тоба Вэй лоянского периода. Этапы данного процесса стали предметом глубокого и тщательного изучения, но гораздо меньше внимания уделялось встречному процессу «варваризации» Северного Китая. Появление династии Тан обычно рассматривают как возвращение к традиционным китайским ценностям и политике. Однако более пристальный взгляд на семейство Ли, представители которого основали новую династию, доказывает, что столетия иноземного владычества оказали на северокитайскую знать большое влияние. Ее ценности, привычки, поведение и политика — все указывает на сильное воздействие степных традиций. Это влияние было настолько значительным, что к концу своего правления второй танский император Ли Ши-минь мог управлять как Китаем, так и степью в качестве признанного правителя обоих обществ. Его преемники оказались неспособными одновременно исполнять обе эти роли, и уникальная комбинация Китая и степи в рамках единого политического пространства сменилась привычным биполярным миром.

Влияние иноземного владычества на жизнь и обычаи Северного Китая являлось предметом многочисленных дебатов между южанами, сохранявшими власть национальной китайской династии в бассейне реки Янцзы, и северными китайцами, жившими на исконной территории китайского государства под владычеством иноземцев. Южане рассматривали себя как наследников древней культуры Хань. Они считали северян утратившими литературные способности и хорошие манеры, но опытными в военном деле, непостоянными в личных отношениях и равнодушными к правилам этикета. Женщины с севера обладали гораздо большей свободой. Они вели юридические дела, занимались коммерческой деятельностью и отстаивали свои права при дворе. По мнению писателей-южан, которые выступали против прав женщин, такое печальное состояние дел можно было отнести на счет степных традиций Тоба Вэй. При дворах северян пили разбавленный водой йогурт, а не чай. Северяне посмеивались над привычкой изнеженных южан пить чай. Список характерных различий севера и юга можно было бы продолжить, но и так ясно, что большое число степных обычаев вошло в обыденную жизнь северян, особенно среди китайской знати, служившей при дворе¹¹.

¹⁰ Wright. *The Sui Dynasty*. P. 187–194.

¹¹ Ibid. P. 21–53.

Политика и военное дело претерпели глубокие изменения под влиянием традиций степи. Объединение Китая осуществлялось под руководством семей, ведших свое происхождение из северо-западного региона. После падения Северной Вэй за объединение Китая взялась династия Северная Чжоу — наследница тех самых мятежников, которые противились политике китаизации последних вэйских императоров. Она почти преуспела в выполнении этой задачи, но пала жертвой борьбы за престол, которая позволила основателям Суй воспользоваться своим положением родственников императора по женской линии и основать новую династию, вновь объединившую Китай. Семейство Ли, которое основало династию Тан, происходило из кругов той же самой региональной знати. Северо-западная аристократия придавала большое значение воинской доблести и высоко ценила личное участие в военных действиях и охоте, т. е. в тех видах деятельности, которые были более свойственны тюркской кочевой культуре, чем традициям Китая. Однако даже тогда, когда предпочтение отдавалось не каллиграфии, а выездке, северяне получали традиционное китайское образование. В этническом отношении эти семейства представляли собой смесь китайцев из пограничных областей, сюнну, сяньби и тюрков, однако со временем утратили специфические племенные связи и сформировались в социальный класс с сильными аристократическими традициями¹².

После падения Суй семейство Ли выступило одним из многих претендовавших на императорский престол. Ли Юань, будущий император Гао-цзу, был крупным военачальником на границе в Тайюани, сохранявшим верность династии. После того как анархия в Китае усилилась, он воспользовался своим положением военачальника и в 617 г. поднял мятеж. Для успеха ему необходимо было договориться с тюркским каганом, который обладал большей силой, чем любая отдельно взятая повстанческая армия в Китае. Не заключая официального союза с тюрками, как делали некоторые его соперники, Ли Юань пообещал отдать им всю добычу, которая будет захвачена в ходе военных действий. Он также заявил, что, восстановив порядок в Китае, можно будет восстановить и прежнюю данническую систему, которая была так выгодна кочевникам. Каган дал Ли Юаню несколько тысяч лошадей и несколько сотен воинов. С помощью армий, созданных его сыновьями (и одной армией, сформированной его дочерью), Ли Юань быстро захватил Чанъань и в 618 г. провозгласил себя императором новой династии Тан. Война за объединение Китая продолжалась вплоть до 623 г. Много выдающихся военных подвигов было совершено Ли Ши-минем — вторым сыном Ли Юаня¹³.

В тактике, примененной Ли Ши-минем в ходе многих сражений, чувствовалось влияние традиций пограничья. Он был мастером стратегического отступления, сначала изматывая превосходившие по численности армии противника отходом, а затем атакуя их. Он лично вел войска в бой, и под ним четырежды убивали лошадь. Он повелел увековечить этих лошадей в камне, тщательно передав все физические особенности каждой лошади, включая число ран, нанесенных стрелами. Такое внимание к особенностям лошадей и перипетиям сражений было характерно для степных вождей, но не для основателей китайских династий. Многие императоры были великими полководцами, но совсем немногие — умелыми воинами, и поэтому обычно не принимали личного участия в битвах. Однако наряду с военной подготовкой Ли Ши-минь получил и традиционное китайское образование, с изучением классической литературы и каллиграфии, причем его искусство каллиграфа высоко ценилось на протяжении многих последующих столетий. Будучи наделен достоинствами ученого мужа, он одновременно соответствовал степным идеалам прекрасного всадника, великого лучника и воина.

Степные обычаи в политике, особенно применение насилия, были характерны для эпохи основания Тан. Ли Ши-минь вступил в конфликт со своим старшим братом Ли Цзянь-чэном, который по китайской традиции имел преимущественное право на престол. Наследник и его младший брат, находившиеся при дворе, организовали заговор против Ли Ши-миня. Они опасались его военной силы, поскольку в 621 г. Гао-цзу назначил Ли Ши-миня гражданским и военным начальником восточной равнины (со ставкой в Лояне). Кроме того, престиж Ли Ши-миня в империи в целом был гораздо выше, чем у наследника. Цзянь-чэн опасался, что Ли Ши-минь воспользуется своим влиянием, чтобы сместить его. Последовала яростная политическая борьба между двумя братьями. Некоторое время казалось, что у наследника имеется преимущество и Ли Ши-миню не избежать смерти от рук заговорщиков. Он избежал этой участи, предприняв в 626 г. активные действия против старшего брата: привел группу своих сторонников к воротам дворца, где устроил для наследника и его младшего брата засаду, в которой они оба погибли под градом стрел. Гао-цзу дал понять, что в его услугах больше не нуждаются, и спустя несколько дней он был вынужден отречься от престола в пользу Ли Ши-миня, который стал императором Тай-цзуном.

¹² Twitchett. The composition of the T'ang ruling class. P. 47–87.

¹³ Bingham. The Founding of the T'ang Dynasty.

Это событие потрясло приверженцев конфуцианства, для которых братоубийство и отсутствие сыновней почтительности являлись преступлениями против человеческой природы. Подобные действия больше походили на традиционную борьбу за власть у тюрков или на создание Маодунем империи сюнну. Среди других «кочевнических» черт ранней Тан можно назвать возвышение наследственной аристократии. Идея наследственной аристократии глубоко укоренилась в период существования Северной Вэй. В этом отношении аристократам северо-западных областей была ближе тюркская идеология наследования знатности, чем старый китайский идеал «заслуженной» бюрократии, и их звания и должности могли наследоваться по закону (это называлось правом *инь*). Государственное управление также первоначально имело дуалистический, военно-гражданский характер, свойственный династиям сяньби. Хотя создание Тан и означало восстановление национальной китайской власти над объединенной империей, резкого разрыва с традициями предшествовавшего периода не произошло.

Тюркское влияние на императорскую фамилию еще ярче проявилось в Ли Чэн-цяне — сыне и наследнике Ли Ши-миня. Он любил тюркскую музыку и обычаи и окружил себя слугами из числа тюрков. Он игнорировал принятые у китайцев нормы поведения и применял насилие против любого, кто его оскорблял. Его обвинили в поведении не приличествующем наследнику и лишили тюркских слуг. В дальнейшем Ли Чэн-цянь соблюдал внешние формы приличия, но держал во дворце приближенных из числа китайцев, которые выглядели как тюрки, и говорили на тюркском языке. Он соорудил во внутреннем дворе юрту, украшенную знаменами с головой волка. Однажды для развлечения он устроил инсценировку похорон кагана, причем сам играл роль покойника, окруженного плачущими всадниками. Он часто выражал желание уйти в степь, где мог бы вести более свободную жизнь. Чэн-цянь никогда не правил страной. Он организовал в 643 г. заговор против своего отца, был сослан и спустя год умер.

Столь детальное описание тюркских привычек Чэн-цяня было составлено придворными историками для того, чтобы доказать, что он не подходил на роль правителя. Однако его поведение даже в своих наиболее экстравагантных проявлениях не было в то время необычным. За исключением эпатирующей приверженности всему тюркскому, его действия вполне соответствовали традициям семейства Ли. Один из младших братьев Ли Ши-миня испытывал удовольствие от того, что терроризировал жителей главного города провинции, наместником которой он являлся, и стрелял в них из лука со стен своего дворца. По ночам в компании отъявленных головорезов он ради развлечения врывается в частные дома. Сам Ли Ши-минь убил двух из своих братьев, которые задумывали отравить его. Он силой заставил своего отца отречься от престола. Более того: Ян-ди, последний суйский император, был печально известен своей жестокостью. Блестящая дворцовая культура, благодаря которой Тан заслуженно прославилась в более поздние времена, не должна заслонять того факта, что на первом этапе танская знать северо-западных областей была настолько глубоко пропитана тюркскими обычаями, что Ли Ши-минь, не изменяя себе, мог занять место тюркского кагана.

С падением Суй тюрки вернули себе господствующее положение на северо-востоке Азии. Все степные племена и новые правители Китая признали могущество тюркского кагана. Вновь образовавшаяся династия Тан особенно старалась угодить тюрков, которые прислали ей лошадей и воинов для помощи в захвате Чанъани.

Когда Гао-цзу вступил на престол, он [Шиби-каган, Дуги] получил бесчисленное множество подарков. Шиби, злоупотребляя своими заслугами, становился все более и более наглым, постоянно направляя в Чанъань посланников, большинство из которых держали себя очень высокомерно. Гао-цзу вел себя всегда с исключительным терпением, поскольку положение Китая было неустойчивым¹⁴.

Дуги умер в 619 г., и на престол вступил его брат Сылифу (Чуло-каган). В Тан был официально объявлен траур, и в качестве погребального дара в степь было отправлено 30 000 кусков шелка. Сылифу умер на следующий год, и престол занял его брат Хэли-каган. Во время правления Хэли тюрки стали вести себя более агрессивно и их набеги на границу стали более частыми и масштабными. За 75 лет, предшествовавших правлению Хэли, в исторических хрониках упоминалось около двух дюжин набегов, а за первые 10 лет его правления таких нападений стало в три раза больше¹⁵. Однако в 630 г. все тюрки покорились династии Тан, а Хэли-каган был захвачен в плен. Такая быстрая смена власти явилась результатом возобновившихся разногласий по поводу наследования престола среди тюрков, а также исключительно продуктивной внешней политики, проводимой Ли Ши-минем.

Постоянные набеги тюрков под предводительством Хэли вынудили Тан содержать

¹⁴ ЦТШ 144А : 1aff; Parker. Early Turks. Vol. 25. P. 164.

¹⁵ Liu Mau-tsai. Geschichte der Ost-Türken. P. 433–439.

многочисленную императорскую армию даже после того, как Китай был объединен. Со своей стороны, Хэли применял классический вариант стратегии внешней границы. Он организовывал бесчисленные нападения с целью грабежа, уничтожал китайские армии, которые рисковали подходить слишком близко к границе степи, и избегал сражения с хорошо организованным и сильным противником. Его конечная цель была, несомненно, той же, что и у предшествовавших каганов и шаньюев, а именно: заключение с Тан мирного договора для получения субсидий и развития торговли (как в эпоху Чжоу и Ци), обеспечивавших его деда с братьями. У него было достаточно военных сил для достижения этой цели, но, как и прежде, даже если тюрки находились на вершине своего могущества, их превосходство неизменно рушилось из-за борьбы за престол. Дело усугублялось тем, что новый китайский император Ли Ши-минь хорошо разбирался в нюансах политической жизни степи и в конце концов оказался способен манипулировать тюрками в интересах Китая. В частности, он осознавал важность личного руководства кочевниками, что было чуждо большинству китайских императоров, которые редко показывались на глаза, предпочитая уединяться за стенами дворца.

Тюркское государство оказалось слабее, чем его считали — в связи с раздорами, вспыхнувшими после смерти Дути. В соответствии с традицией наследования по боковой линии два младших брата Дути имели полные права на престол, однако его сын Шибоби также мог рассчитывать на получение каганского титула как совершеннолетний представитель старшей генеалогической линии. Тюрки никогда не могли прийти к согласию относительно того, кто имел больше прав унаследовать престол — сыновья или братья. Требования Шибоби были частично признаны, и он получил титул Тули-кагана, после чего стал править племенами на юго-востоке Монголии. Такой способ решения проблемы был традиционным, но при этом Хэли не дал никому из прочих претендентов звание выше *шада* и смог централизовать власть в гораздо большей степени, чем его предшественники.

Большое число набегов на Китай со стороны Хэли возможно было вызвано необходимостью консолидации власти в степи. Успешные набеги приносили добычу племенным лидерам империи и занимали их войной с внешним врагом. Попытки Тан пресечь тюркские набеги поначалу оказались безуспешными, несмотря на наличие опытных военачальников и закаленных войск. В 622 г., после получения сообщений о разразившемся в степи голоде, танские войска начали наступление на север, но были разбиты тюрками, которые впоследствии стали производить еще более глубокие набеги на территорию Китая.

Успешно противостоять тюркам Танская династия смогла только при Ли Ши-мине, который знал наиболее уязвимые стороны кочевников. Его тактической целью было вынудить тюрков отступать. Он утверждал, что, если предоставить тюрков самим себе, они уничтожат друг друга во внутренних распрях. В соответствии с традициями иноземных династий, предшествовавших Тан, Ли Ши-минь в совершенстве овладел искусством политической игры в степи. При этом он обнаружил глубокие знания степных традиций и культуры. То, как он использовал личную харизму, интриги, знание обычаев кочевников и военную тактику, доказывает, что ему было под силу стать естественным властителем двух совершенно разных миров — китайской империи и конных кочевников-скотоводов. В 624 г. тюрки вторглись в район Чанъани и посеяли панику в танских войсках. Ли Ши-минь оставил основные силы и с сотней человек выдвинулся вперед, чтобы вызвать Хэли на личный поединок. Когда тот отказался, он вызвал на дуэль Шибоби. Последний тоже отказался. Тогда Ли Ши-минь в одиночку двинулся к линиям тюркских войск. Это убедило подозрительного Хэли, что его соперник Шибоби заключил с китайцами сделку, и он согласился на переговоры. После этого Ли Ши-минь «послал опытных интриганов к Тули, который обрадовался и принял его сторону, выразив нежелание воевать. Дядя и племянник, таким образом, оказались обманутыми, а Хэли не мог больше воевать, даже если бы хотел...»¹⁶.

Неспособность тюрков вести боевые действия не следует, однако, преувеличивать, поскольку после начала переговоров Тан была вынуждена выплатить крупную сумму денег, чтобы кочевники вернулись в степи.

В 626 г. тюрки вновь атаковали район Чанъани сразу после того, как Ли Ши-минь сместил своего отца и стал императором. Советники уговаривали Ли Ши-мина укрыться за стенами города, поскольку считали, что у него слишком мало войск для победы над тюрками в открытом бою. Ли Ши-минь не последовал этому совету и в сопровождении всего лишь шести конников

выскочил из ворот Сюань-у, приблизился к реке Вэй и через реку стал упрекать кагана в нарушении договора. Старейшины, увидев императора, ужаснулись и все слезли со своих коней, чтобы приветствовать его. Неожиданно подошла китайская армия с гордо развернутыми знаменами, ее облаченные в доспехи воины

¹⁶ ЦТШ 144А : Zaff; Parker. Early Turks. Vol. 25. P. 166.

двигались безмолвными и величественными рядами. Разбойники оцепенели. Хэли и император опустили поводья, делая знак своим войскам отойти назад. Сяо Юй, стоя на коленях перед лошадей императора, увещевал его не относиться с таким презрением к врагам. Император ответил: «Я хорошо обдумал все это; такого рода вещи недоступны для твоего понимания. Сейчас тюрки, собрав по своим землям мужчин для нападения на нас, думают, что после недавней смуты мы не можем управлять армией. Если бы я укрылся в городе, они ограбили бы всю округу. Поэтому я вышел один, чтобы показать, что мы их не боимся, и показал им войска, чтобы они знали, что я решился дать сражение. К удивлению тюрков, я сумел расстроить их первоначальный план, и сейчас они, продвинувшись достаточно далеко в глубь нашей территории, испугались, что не смогут вернуться назад. Поэтому, если придется сразиться с ними, мы их одолеем, а если придется заключить мир, то договор будет твердым. Мой поступок даст нам превосходство над неприятелем»¹⁷.

План сработал. Хэли предложил мир, который был принят и закреплён на следующий день принесением в жертву коня.

В обоих случаях Ли Ши-минь проявил качества, которые ценились тюрками. Заключив с каганом клятву и принеся в жертву коня, он установил личные связи с большинством наиболее влиятельных тюркских вождей. Защищая Китай, он не организовывал больших военных походов в степь, откуда не начались раздоры среди самих кочевников. Китайские войска были наиболее эффективны на территории Китая, где в их распоряжении находились припасы и оборонительные сооружения. Слова Ли Ши-миня о том, что Тюркская империя, предоставленная сама себе, падёт, оказались пророческими.

После заключения мира с Китаем тюрки вернулись домой, где в 627 г. началось восстание подвластных им племен. На подавление восстания Хэли отправил Шибоби, который, однако, потерпел неудачу. Это вызвало гнев Хэли, и на некоторое время Шибоби был взят под стражу. Этот год оказался очень трудным еще и потому, что из-за обильных снегопадов в степи погибло огромное количество овец и лошадей. На следующий год Шибоби взбунтовался и развязал новую междоусобную войну. Многие поддержали его, поскольку Хэли передал большую часть руководящих должностей империи иноземцам, — вероятно, согдийцам с запада, которые стремились руководить ею как оседлым государством. В связи с этим многие родственники Хэли остались без должностей в правительстве и начали роптать. Кроме того, советники кагана, по-видимому, пытались ввести принцип регулярного налогообложения кочевников. После того как в степи разразилась катастрофа, эти чиновники продолжали регулярно взимать налоги. Возмущение правлением Хэли охватило все слои населения, и вспыхнуло восстание. В 629 г. Тан атаковала степь, отправив туда большое количество войск. Большинство главных вождей тюрков, включая Шибоби, перешли на сторону противника, а Хэли бежал. На следующий год он подвергся нападению и был схвачен танскими войсками. В течение нескольких лет оставшиеся тюркские племена либо предалися Тан, либо бежали на запад.

Перед Китаем встала проблема: что делать с огромным количеством тюрков, покоренных империей? Один из министров предложил переместить их на юг и заставить заниматься сельским хозяйством. Император отверг эту идею. Вместо этого он поселил их в Ордосе, разделил на мелкие племена и поставил 500 тюркских старейшин управлять ими. Несколько тысяч знатных семей были направлены в Чаньань, причем около 100 знатных тюрков служили при дворе. Таким образом император включил тюркскую племенную структуру в танскую систему управления, а тюркские вожди превратились в императорских чиновников. Тюрки признали свое новое положение отчасти потому, что Ли Ши-минь обладал всеми необходимыми качествами степного правителя, а отчасти потому, что он хорошо обращался с ними. Тюркские войска под знаменами Тан отодвинули границы Китая далеко в глубь Центральной Азии. В течение последующих 50 лет тюрки были верными союзниками «небесного кагана».

Взлет и падение Второй тюркской империи

Танское правительство, опираясь на поддержку тюркских войск, подняло могущество Китая на новую высоту. Завоевания Тан намного превосходили по своим масштабам те, которые были сделаны великими воинственными императорами прошлого — циньским Ши-хуан-ди и ханьским У-ди. Воспользовавшись уроками, полученными на протяжении трех столетий иноземного владычества, Ли Ши-минь, похоже, смог решить проблему северной границы в пользу Китая. Используя тюрков в качестве военной силы для проведения операций в отдаленных районах, он создал обширную буферную зону между собственно Китаем и границами империи Тан в Монголии, Туркестане и Маньчжурии. Тюрки стали хорошо организованной частью китайской административной системы, получая вознаграждения в обмен на лояльность к правящей

¹⁷ СТИШ 215А : 5bff; *Parker. Early Turks. Vol. 24. P. 238–239.*

династии. Однако после смерти Ли Ши-миня эта система стала приходить в упадок, и уже в эпоху правления его сына восточные тюрки вновь объединились и стали нападать на Китай. Китай ответил возвращением к оборонительной политике, уходящей своими корнями во времена Хань.

Почему же уроки, полученные Ли Ши-мином и иноземными династиями, были забыты, а на смену эффективной пограничной политике пришли стратегия позиционной обороны и пораженческое отношение к кочевникам? Ответ, вероятно, нужно искать в изменении политической системы Китая, а не в переменах настроений номадов. Воспользовавшись раздорами среди «варваров», танский император нарушил существовавший баланс сил. Действуя как степной вождь, он поддерживал лояльность кочевников с помощью вознаграждений и привлечения их к участию в широкомасштабных военных кампаниях. Ли Ши-минь обладал традиционными для номадов качествами лидера и был очень деятельным правителем, способным успешно проводить свою политику. Использование тюрков в качестве части административной системы Тан означало нарушение ряда классических китайских принципов. Тюркам было разрешено сохранить племенную структуру и обычаи. Талантливые тюркские военачальники за заслуги были пожалованы крупными должностями и стали влиятельными членами танской знати. Другими словами, Ли Ши-минь закрепил модифицированный вариант дуальной организации, в рамках которой пограничные племена сохраняли за собой приоритет в военной области, но при этом находились в подчинении. Традиции иноземных династий поддерживались в среде танской знати, поскольку последняя сама была северо-западного происхождения и являлась наследницей Северной Вэй.

Для поддержания такой системы преемнику Ли Ши-миня необходимо было уметь лично договариваться со степными племенами или попытаться подчинить тюрков танской администрации. Если бы официальный наследник Ли Чэн-цян, страстный поклонник всего тюркского, занял престол, возможно, его знание степи и любовь к ней дали бы Китаю второго «китайского кагана», который бы обеспечил тюркам процветание. Вместо этого на престол взошел император Гао-цзун (649–683 гг.), который оказался болезненным и вскоре погряз в дворцовых интригах. При безвольном императоре власть переходила либо к дворцовым фаворитам, либо к растущему классу профессиональных чиновников, набираемых на службу посредством системы экзаменов. Не в их интересах было допускать вхождение тюрков в административный аппарат, а тем более — их продвижение по службе. Особенно чиновники старались уменьшить влияние военнслужаших при дворе. До тех пор пока империя расширялась, этот конфликт себя не проявлял. Например, восточные тюрки под предводительством Тан в 657 г. нанесли поражение западным тюркам, и Китай навязал последним свою систему управления. Когда экспансия прекратилась и Тан перешла к обороне, вопрос встал более остро. В 670 г. тибетцы атаковали и захватили Таримский бассейн, а западные тюрки снова стали враждебными. Тогда министры двора предложили прекратить наступательные войны в отдаленных районах. Это поставило восточных тюрков в затруднительное положение. Оказавшись между наступающими тибетцами и западными тюрками, они получали все меньше и меньше помощи от Китая. Существовала также и проблема смены поколений: военачальники, преданные Ли Ши-миню, ушли, а их сыновья не были искренне привязаны к Гао-цзуну. Тюрки почувствовали себя обманутыми и в 679 г. восстали.

В орхонских надписях тюрки описали свои жалобы, став первыми обитателями степи, чей голос дошел до потомков:

Те беги, которые находились в Китае, взяли себе табгачские [китайские] титулы и подчинились кагану табгачей [китайскому императору]. Пятьдесят лет отдавали они ему свои труды и силы. Они отдали кагану табгачей свою империю и ее законы. Вся масса тюркского народа сказала так: «Я была народом, имевшим свою империю. Где теперь моя империя? Для кого я добываю государства?» Она сказала: «Я была народом, имевшим своего кагана. Где теперь мой каган? Какому кагану отдаю я свои труды и силу?» — говорила она. Вот так сказав, она стала врагом табгачскому кагану¹⁸.

Первая попытка добиться самостоятельности, предпринятая тюрками неподалеку от китайской границы, провалилась, поскольку танские войска сумели напасть на них до того, как тюрки перегруппировали свои силы. Часть племенных вождей после этого покинули пограничные земли и ушли на древнюю родину тюрков — Отокенскую чернь в Монголии. Среди них был и Кутлуг. Он происходил из царского рода и носил титул *шада*. В 680 г. Кутлуг получил титул

¹⁸ Прицак (Pritsak) в *The Origin of Rus'* (Vol. 1. P. 75–76) цитирует мемориальную надпись в честь Кюль-тегина. Я заменил термином «империя» термин «мир» (*пах*), употребленный автором для того, чтобы подчеркнуть отличие кочевых империй от империй у оседлых народов.

Ильтериш-кагана. Первоначально с ним пошли только 200 человек, но после успешных атак на соседние племена его влияние усилилось, и вокруг него сплотились многие тюрки. В течение 10 лет, согласно тюркским надписям, он 47 раз ходил с войском в поход и участвовал в 20 сражениях. Он установил контроль над большей частью степи и постоянно нападал на Китай. Когда в 692 г. Кутлуг умер, на престол вступил его брат Мочжо (Капаган-каган), который присоединил к себе еще много племен, и вскоре Вторая Тюркская империя по своим размерам приблизилась к Первой.

При Мочжо тюрки полностью вернулись к стратегии внешней границы. Прослужив империи Тан 50 лет, они хорошо ознакомились с ее внутренней структурой. Крупный тюркский военачальник Тоньюкук родился в Китае. Успехам тюрков способствовало и то, что, пока они устанавливали контроль над степью, в Китае произошел политический переворот. Танский престол был занят императрицей У, которая приобрела большое влияние во второй половине правления Гао-цзуна, а после его смерти лишила прав на престол всех прямых наследников и стала править сама. Таким образом, Мочжо мог осуществлять свои нападения на Китай и оказывать давление на танский двор под лозунгом восстановления в правах законных наследников престола. На основании этого некоторые исследователи выдвинули предположение, что Мочжо имел намерение завоевать Китай, что, однако, не соответствовало обычной стратегии степных империй, да и характер нападений на Китай и сопутствовавших им переговоров не подтверждает завоевательских планов тюрков.

Мочжо организовал союз пограничных племен, выступивший против Тан, и в 693 г. вторгся далеко в глубь Западного Китая. Однако его враждебное отношение к Китаю носило стратегический характер. Когда из-под тюркского контроля вышли племена киданей, которые стали самостоятельно нападать на Китай, Мочжо немедленно начал переговоры с танским двором о военных действиях против них. После получения многочисленных даров из Китая он атаковал киданей и разбил их в 696 г., однако в том же году организовал три набега на китайскую границу. Двумя годами позднее, договорившись о свадьбе своей дочери и племянника императрицы У, Мочжо дождался прибытия молодого человека в степь, но отказался исполнить свое обещание под тем предлогом, что жених не являлся законным наследником китайского престола¹⁹. В том же году каган двенадцать раз нападал на Китай. Множество набегов имело место также в 702 и 706 гг.

В результате этих набегов тюрки существенно обогатились и захватили большое число пленных. Однако в остальные годы правления Мочжо набегов на Китай было сравнительно немного, поскольку каган переключил свое внимание на завоевание западных земель. Прекращение мощного давления на Китай произошло как раз в тот момент, когда последний был наиболее уязвим. В 705 г. императрица У была свергнута с престола, и в китайском правительстве начались столкновения враждующих группировок. Именно это время являлось наиболее благоприятным для интервенции, — если бы тюрки действительно были заинтересованы в захвате Китая. Но, как и предшествующие степные империи, они думали о его эксплуатации, а не о захвате.

В 706 г., после ряда набегов, предпринятых для демонстрации силы, тюрки получили от китайского двора предложение нового брачного союза, а также дары в виде шелка. Переговоры о браке возобновились в 710 г., и даже было названо имя принцессы — невесты кагана, однако в связи с переворотами при танском дворе эта свадьба не состоялась. Преемники императрицы У были озабочены тем, как избежать тюркских атак. Поскольку предложение о браке всегда сопровождалось преподнесением большого количества даров, логично предположить, что Мочжо, заключив с Китаем выгодный договор о выплате субсидий, этим удовлетворился, и перенаправил свои атаки в сторону западной границы. С точки зрения тюрков, военные кампании на западе имели большее значение, чем продолжение военных действий против Китая. Набеги на Китай не были прелюдией к завоеванию: они были направлены на обогащение степной империи и принуждение Поднебесной к уступкам. Чем неустойчивей становилось положение династии в Китае, тем сговорчивее она была. Поэтому тюркские набеги обычно совпадали с периодами усиления власти в Китае, когда танский двор отказывался удовлетворять требования тюрков. При ослаблении власти число нападений уменьшалось, поскольку претенденты на престол стремились умиротворить тюркского кагана, уступая его требованиям.

Сами тюрки вполне осознавали характер своих взаимоотношений с Китаем, и Бильге-каган, преемник Мочжо, в назидание потомкам выбил на камне слова, отражающие суть

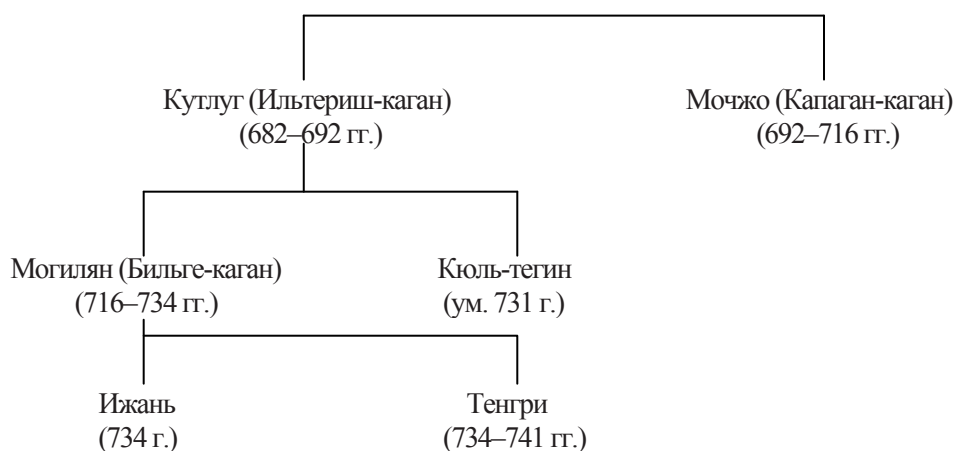
¹⁹ История этого принца по имени У Янь-сю достаточно интересна. После пребывания в течение нескольких лет у тюрков он вернулся в Китай, где заметно выделялся своей тюркской одеждой и манерами. В 708 г. он женился на принцессе, но погиб во время дворцового переворота в 710 г. Ср.: Cambridge History of China. Vol. 5. Sui and T'ang. P. 317, 324, 335.

стратегии внешней границы. Он указал на важность эксплуатации Китая на расстоянии и опасность чрезмерного приближения к китайской границе:

Нет земли лучшей, чем Отюкен. Лучше всего повелевать племенами из Отюкенской черни. Осев в этой земле, я установил дружественные отношения с народом табгач.

Они [китайцы] дают [нам] в изобилии золото, серебро и шелк. Речь табгачей всегда сладкая, а драгоценности мягкие. Прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселясь вплотную к ним [китайцам], затем усваивали себе там дурное мудрование. Табгачи не давали по-настоящему мудрым и смелым людям выдвинуться. Но если уж один человек прегрешал, то никого, [начиная с его ближайших родственников] и заканчивая семьями его клана или племени, они не оставляли в покое. Прельстившись сладкой речью и мягкими драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в великом множестве. О тюркский народ, ты погибнешь, если захочешь поселиться в горах Чугай и на равнине Тёгюльтон на юге! О тюркский народ, ты погибнешь! Там дурные люди тебя вот так научали: «Кто далеко, тому [китайцы] дают плохие дары, кто близко, тому [китайцы] дают хорошие дары». Несомненно, такие губительные советы давали дурные люди. Вы, неразумные люди, вняв этим речам, подошли к китайцам близко и погибли в великом множестве. Когда ты идешь в ту страну, о тюркский народ, ты можешь погибнуть. Оставаясь же в Отюкенской черни и посылая только караваны, ты не имеешь горя. Если ты останешься в Отюкенской черни, ты будешь жить, вечно властвуя над племенами²⁰.

Таблица 4.2. Даты правления каганов Второй Тюркской империи

Тюрки не «жили, вечно властвуя над племенами». Мочжо в 716 г. попал в засаду, устроенную его врагами — западными тюрками, и был обезглавлен. Вспыхнула междоусобная война. Как и прежде, воевали между собой двоюродные братья. Мочжо присвоил некоторым своим сыновьям титул «малый каган» с намерением обеспечить им успех в борьбе за престол. Представителям старшей линии, сыновьям Кутлуга, он дал более низкие титулы. Главным действующим лицом в войне был сын Кутлуга по имени Кюльтегин. Он нанес поражение сыновьям Мочжо, убил всех представителей его рода и всех советников Мочжо, за исключением престарелого Тоньюкука. Сам Кюльтегин не стал каганом, но возвел на престол своего старшего брата Могиляна под титулом Бильге-кагана. Они вместе долгое время вновь покоряли те племена, которые вышли из-под власти тюрков во время междоусобной войны.

Спустя год после короткой войны с Китаем в 720 г. братья заключили с двором Тан мирный договор на очень выгодных условиях. В танских отчетах за 727 г. сказано, что император Сюань-цзун (713–756 гг.) ежегодно передавал в дар кагану 100 000 кусков шелка. Тюрки стали настолько богатыми, что Могилян планировал построить в степи город. Тоньюкук отговаривал его, доказывая, что залогом существования тюрков является их подвижность. Для жителей города одно-единственное поражение может стать фатальным, в то время как кочевники могут нападать или отступать в зависимости от силы своего неприятеля.

Могилян был убит в 734 г. Власть перешла к его сыну Ижаню, который умер в том же году. Каганом был избран малолетний Тенгри, а регентом стала его мать, дочь Тоньюкука. Империя вскоре была поделена на части «дядьями» Тенгри — представителями старшего поколения правящей династии, но, по-видимому, из другой линии наследования. Обстановка стала нестабильной. Тенгри в 741 г. был убит восточным *шадом*, и племена, некогда подчиненные империи, взбунтовались. В 744 г. союз трех племен (басмылов, карлуков и уйгуров) разгромил старую династию. Затем уйгуры нанесли поражение своим бывшим союзникам и основали новую

²⁰ Tekin. Grammar. P. 261–262.

империю. Новая имперская конфедерация состояла из 30 племен: 12 тюркских и 18 огузских. Половину численности огузов составляли уйгурские племена, во главе которых стоял род Яглакар²¹.

Постоянная вражда между правящими племенами привела к падению тюркской державы. Тюрки понимали, что междоусобицы — их ахиллесова пята, и Бильге-каган, говоря о прежних междоусобных войнах, негодовал в своей надписи:

Вы, тюркские и огузские беги и народ, слушайте! Если Небо сверху не давило и земля внизу не разверзалась, о тюркский народ, кто мог погубить твоё государство и законы? О тюркский народ, покайся! Перед твоим мудрым каганом, возвысившим тебя, ты провинился, и перед твоим хорошим государством, которое было свободным и независимым, ты допустил низость. Разве откуда-нибудь пришли вооруженные воины и рассеяли тебя? Разве откуда-нибудь пришли вооруженные копьями люди и увлекли тебя? Ты сам, о народ священной Отюкенской черни, покинул родную землю²².

Уйгурская империя

Традиционная история всегда описывала степных кочевников как агрессоров, чьей основной целью был захват Китая. Я же считаю, что, хотя кочевники и представляли угрозу для Китая, они избегали возможности устанавливать над ним свою власть. Вероятно, лучшим подтверждением этого тезиса может служить политика уйгуров по отношению к династии Тан. С самого начала уйгуры оказывали поддержку слабеющей династии, защищая ее от внутренних возмущений и вторжений извне. За это они получали огромное количество шелка, что сделало их самыми богатыми кочевниками Монголии. Они построили поразительную по своим размерам столицу и создали высокоразвитую культуру.

Эти выгодные отношения с Китаем явились следствием того, что национальная китайская династия ослабела и остро нуждалась в союзниках. Степные кочевники были общедоступным источником наемной военной силы. Попав в трудное положение, династия стала зависеть от внешней помощи, и в то же время ее беспокоило, что сохранение этой помощи обеспечивал лишь нескончаемый поток богатств, направляемый в степь. С точки зрения кочевников подобная ситуация являлась наилучшей. Слабая династия, управляющая Китаем, имела доступ к огромным богатствам, которые расходовала, вынуждаемая страхом и обстоятельствами. Часть этих богатств, по-видимому, направлялась через кагана на финансирование разветвленной государственной структуры степной империи. Любая угроза безопасности китайской династии являлась косвенной угрозой кочевому государству. Поэтому правители кочевников предпочитали сохранять выгодный для них *status quo* и противились всяким изменениям. Восстания в Китае или внешние вторжения могли уничтожить династию и привести к власти новых людей, отнюдь не склонных угождать номадам. По этой причине уйгуры были лично заинтересованы в сохранении династии Тан. Когда в 840 г. уйгурская империя была разрушена, Тан потеряла своего защитника и вплоть до очередного внутрикитайского восстания продолжала существовать лишь формально.

Уйгурские обычаи, титулы и политическая организация были во многом схожи с таковыми у тюрков. Но в ряде аспектов уйгуры имели серьезные отличия. Они поддерживали мир с Китаем и выступали в качестве союзников империи Тан, их политическая структура была гораздо более устойчивой, чем у тюрков, они являлись создателями более высокой цивилизации, достижения которой продолжали оказывать влияние на культуру Внутренней Азии в течение многих лет после заката уйгурской империи. Учет всех этих особенностей помогает объяснить причины успеха уйгуров и понять ту сложную систему торговли, государственного управления и военной политики, которая обеспечивала существование их государства.

Сила уйгурского государства базировалась на военном доминировании в степи и внешней помощи со стороны Китая. В первые годы после создания империи уйгурский каган Кули отправил в Китай несколько посольств для установления дипломатических отношений. В 745 г. в качестве доказательства того, что уйгуры установили свой контроль над всей степью, он передал танскому двору голову последнего тюркского кагана. Подобно тюркам, уйгуры стремились контролировать прибыльную торговлю шелком. Не организуя нападений на Китай, они использовали стратегию внешней границы, эксплуатируя южного соседа на расстоянии. Китай относился к их требованиям благосклонно, поскольку опасался спровоцировать недовольство кочевников. В эпоху императора Сюань-цзуна у танского двора уже были проблемы с лояльностью

²¹ Племенной состав уйгурского государства по-прежнему остается предметом широких дискуссий, см.: Pulleyblank. Same remarks on the Toquz-oghuz problem.

²² Tekin. Grammar. P. 267.

военачальников на границе, и не в его интересах было отказывать уйгурским посольствам.

В 755 г. в Китае вспыхнуло большое восстание под предводительством бывшего императорского фаворита Ань Лу-шаня, который имел смешанное тюркско-согдийское происхождение и был направлен командовать пограничными армиями на северо-востоке. Заключив союз с другими военачальниками на границе, он на следующий год объявил себя независимым правителем и основателем новой династии Янь. В его мощную армию входили китайцы из пограничных регионов и иноземные племена. Восставшие захватили Лоян и Чанъань, вынудив танский двор бежать на юго-запад. Вскоре после этого Ань Лу-шань был убит, но восстание продолжилось под началом его сына. Танский двор, казалось, был обречен на уничтожение²³.

В отчаянии двор Тан обратился к союзникам. В 756 г. танский принц отправился на переговоры с Моюн-чором. Моюн-чор завершил начатое отцом завоевание степи и основал уйгурскую столицу Карабалгасун²⁴. Каган согласился помочь Тан. В знак заключения союза он выдал свою приемную дочь за танского принца. Затем Моюн-чор повел уйгурские войска к границе, где они нанесли поражение племени теле, примкнувшему к повстанцам. Каган поставил своего официального наследника, *ябгу*, во главе экспедиционных сил, направлявшихся в Китай²⁵.

В середине 757 г. 4000 уйгурских всадников прибыли в Китай. По сравнению с огромными сухопутными армиями обеих сторон, они представляли собой незначительную силу, однако их помощь оказалась решающей. В том же году в битве неподалеку от Чанъани уйгуры ударили в тыл повстанцев и обратили их в бегство. Кочевники убеждали танских генералов начать немедленное преследование врага, однако последние отказались. Этот случай указывает на основное различие в стратегиях кочевников и Китая. В сражениях кочевники выискивали слабые места противника, молниеносный удар по которым мог решить исход схватки, в то время как традиция для сокрушения врага полагались на использование маневренных групп тяжелой пехоты. Традиция кочевников требовала полного уничтожения разгромленного неприятеля, в то время как классическая китайская стратегия предостерегала от слишком долгого преследования разбитой армии — из опасения, что последняя в отчаянии нанесет поражение своим преследователям. Несколько недель спустя армии вновь встретились близ Лояна. Уйгуры снова внезапно атаковали и разгромили арьергард повстанцев, обеспечив танской армии победу. Обе древние столицы Китая были возвращены под власть империи.

Высокая цена была заплачена за эту помощь. Уйгуры потребовали, чтобы им разрешили ограбить захваченные города. Им не позволили ограбить Чанъань на том основании, что война еще не была закончена, но, когда пал Лоян,

уйгуры три дня производили большое грабительство в восточной столице. Негодяи служили им вожаками, и государственные казнохранилища совершенно опустели. Князь Гуан-пин [наследник танского престола] пытался остановить их, но не мог. Однако старейшины [города] подкупили уйгуров огромным количеством шелковых тканей и вышитых изделий и смогли остановить разграбление²⁶.

В дополнение к награбленному было велено ежегодно преподносить в дар уйгурам 20 000 кусков шелка, а их предводителям были пожалованы почетные титулы и подарки. Доказав Тан свою силу, каган уйгуров предложил заключить брачный союз. Ему в жены была отдана дочь императора. Хотя предшествующие династии также заключали подобные брачные альянсы, династия Тан была одной из немногих, посылавших в степь настоящих дочерей императора, что показывает, насколько важны были для нее отношения с уйгурами. Такие свадьбы сопровождалась передачей большого количества даров. Именно в этот период уйгуры организовали с империей Тан выгодный обмен лошадьми. Уйгуры получали 40 кусков шелка за каждую лошадь, покупаемую Китаем. Это был грабительский «обменный курс», поскольку в степи лошадь стоила только один кусок шелка, а тюрки умудрялись получать за нее лишь четыре или пять кусков шелка. Каждый год уйгуры пригоняли в Китай десятки тысяч лошадей, причем они были самого плохого качества. Китай не мог отказаться от предложенных лошадей, однако танский двор часто на годы задерживал выплаты²⁷.

²³ Пуллиблэнк (Pulleyblank) исследует дворцовую политику и обстановку на границе, которые привели к этому восстанию (*The Background of the Rebellion of An Lu-shan*). Ход войны описывается Леви (Levy) в *Biography of An Lu-shan*, а также Ротуром (Rotours) в *Histoire de Ngan Lou-chan*.

²⁴ Карабалгасун — позднее монгольское название этого города. Уйгуры называли его Ордубалык. — *Примеч. науч. ред.*

²⁵ Взаимоотношения уйгуров с Китаем описаны в ЦТШ 195. Маккерас (Mackerras) в своей работе *The Uighur Empire* приводит сравнительный перевод этих источников и дает всесторонний анализ содержащегося в них материала.

²⁶ ЦТШ 217А : 3b; Mackerras. *Uighur Empire*. P. 59.

²⁷ Mackerras. *Sino-Uighur diplomatic and trade contacts*.

В то же время уйгуры вели военные действия в степи. Имеются сведения о том, что они в 758 г. разгромили своих северных соседей — кыргызов. На следующий год уйгуры вернулись, чтобы помочь Китаю, но на этот раз действовали без особого успеха и возвратились домой. Несколько месяцев спустя умер Моюн-чор. Его преемником стал Идицзянь, взявший титул Моуюй-кагана. Старший брат Идицзяня, официальный наследник и *ябгу*, был к тому времени убит.

Победа уйгуров в Китае восстановила власть Тан, но не положила конец беспорядкам. Давно назревавшее восстание вскоре вспыхнуло с новой силой, и мятежники снова заняли Лоян. В 762 г. умер император Су-цзун. Воспользовавшись этим, повстанцы попросили помощи у уйгуров. Они сообщили, что император умер и династии Тан больше не существует. Уйгуры двинулись на юг в надежде на богатую добычу и возможность основать новую, зависимую от них китайскую династию. Передавали, что на берегах Хуанхэ появилась армия численностью в 100 000 человек. В действительности уйгуры послали, как обычно, лишь около 4000 воинов. Танский посланник — зять кагана²⁸ — смог убедить их, что династия Тан все еще сохраняет власть в лице императора Дай-цзуна, который участвовал вместе с уйгурами в предыдущих кампаниях, когда был наследником. Каган отклонил доводы восставших и предложил свою помощь Тан.

Дай-цзун послал своего наследника Ли Гуа на переговоры с уйгурами. В отличие от своего отца, который успешно сотрудничал с кочевниками, Ли Гуа оказался упрямым по части соблюдения формальностей человеком, что привело к конфликту. Он отказался приветствовать кагана, а затем стал спорить по поводу исполнения церемониального танца. Уйгуры отомстили ему, забив его советников до смерти, прежде чем наследник вернулся в свой лагерь. Уйгуры не были уже просто вассалами, приходившими на помощь своим патронам, но являлись серьезной силой, равной по могуществу империи Тан. Несмотря на этот инцидент, уйгуры вместе с танскими войсками в конце 762 г. подошли к Лояну. Сражение и его результат оказались такими же, как и пять лет назад: восставшие покинули Лоян. Уйгуры грабили город с необыкновенной алчностью. Люди в надежде найти защиту бежали к башням двух буддийских храмов. Уйгуры сожгли храмы, уничтожив при этом 10 000 человек. Затем они ограбили другие части страны. Тан была вынуждена закрыть глаза на эти бесчинства и наградить уйгуров за их помощь в борьбе с повстанцами. После этого кочевники вернулись на родину.

Уйгуры снова появились в Китае три года спустя — на этот раз, чтобы выступить на стороне мятежников. Китайский генерал Хуай-энь, который ранее помогал спасать династию, теперь встал во главе восставших. Его дочь была замужем за каганом, и поэтому некоторая часть уйгуров (но не сам каган) пришла ему на помощь, так же как и большое число тибетцев. Вскоре после их прибытия Хуай-энь умер, и уйгуры предложили свою поддержку Тан. Они разгромили своих прежних союзников — тибетцев, устроив страшную резню. Тан была вынуждена заплатить уйгурам 100 000 кусков шелка, забирая из казны последнее, только чтобы они убралась восвояси.

Это была последняя военная кампания уйгуров на территории Китая, по окончании которой, однако, они и их согдийские союзники начали играть важную роль в торговле и ростовщичестве в Чанъани. Брачные союзы продолжали связывать Китай и степь. Такие союзы обогащали уйгуров, однако кочевники, которые предпочитали более агрессивную политику, сделали попытку отказаться от них. Еще во время второго ограбления Лояна Моуюй-каган Идицзянь попал в зависимость к своим согдийским советникам и вскоре обратился в их религию — манихейство. Когда император Дай-цзун умер в 779 г., эти советники предложили кагану напасть на Китай. Идицзянь был склонен последовать их совету, поскольку еще в прошлом году позволил осуществить большой набег на границы Тан. Двоюродный брат Идицзяня Тунь противился изменению политики и влиянию согдийцев. Он убил Идицзяня и провозгласил себя каганом, убрав согдийцев с руководящих должностей. Переход к политике войны поставил бы под угрозу ежегодные огромные выплаты уйгурской знати, а это лишило бы ее важного источника обогащения. Политика уйгуров оставалась политикой вымогательства вплоть до самого падения их империи.

Уйгуры больше никогда не проводили военных кампаний в Китае, но страх перед их могуществом заставлял Китай увеличивать выплаты степным владыкам. Танский двор постоянно опасался того, что небольшие нападения уйгуров могут предшествовать широкомасштабному вторжению. Уйгуры и их согдийские союзники в Китае, используя эти опасения, безнаказанно совершали преступления, поскольку Китай боялся обидеть кагана. Однако в 780 г. китайцы, посчитав, что уйгуры не смогут адекватно ответить в связи со смертью Идицзяня, убили большое количество уйгуров и согдийцев, собравшихся выступить с караваном из Чанъани. Были захвачены 100 000 кусков шелка. Тунь, получив известие об этом, пришел в крайнюю ярость и потребовал компенсации в размере 1 800 000 связок монет, которые все еще

²⁸ В «Таншу» (гл. 217) сказано, что этим посланником был евнух Лю Цин-тань, однако Барфилд, по-видимому, имеет в виду китайского генерала Хуай-эня, дочь которого была замужем за Идицзянем, и который также вел переговоры с уйгурами. — *Примеч. науч. ред.*

причитались уйгурам за ранее поставленных лошадей. Тан согласилась заплатить золотом и шелком, еще более укрепив Туня во мнении, что вымогательство более выгодно, чем нападение. Некоторое представление о тяжести этих выплат для династии дает их сравнение с ежегодным доходом богатой юго-восточной области, который составлял примерно 200 000 связок монет. В 787 г. уйгуры запросили новый брачный союз и получили согласие. Такой союз требовал очень большого количества даров. Согласно подсчету, сделанному несколько лет спустя, он обошелся казне в 5 000 000 связок монет, хотя другие чиновники утверждали, что указанная сумма была лишь маленькой частью произведенных выплат. Как бы то ни было, богатые дары были лишь дополнением к регулярным расходам на оборону границы, которые съедали одну треть ежегодного государственного бюджета²⁹.

Несмотря на выплаты, уйгуры ослабели в результате нападений тибетцев. В 790–791 гг. они попытались помочь Тан защитить оазисный город Бэйтин в Туркестане. Кампания провалилась, город пал, а армия, попытавшаяся отбить его, была уничтожена. Это свидетельствовало об упадке уйгуров, но после поражения под Бэйтином в их империи произошла смена династий. В 795 г. на престол вступил новый каган Гудулу, и уйгурам вновь улыбнулась удача. Отношения с Китаем прервались примерно на 10 лет, во время которых Гудулу вел боевые действия в степи, отвоевывая Бэйтин. Порядок был восстановлен, и с 805 г. в Китай вновь начали прибывать уйгурские посольства. Новый брачный альянс, предложенный уйгурами, был поначалу отвергнут, но номады продолжали настаивать. В конце концов в 821 г., незадолго до смерти уйгурского кагана Бао-и, танский император Му-цзун согласился на это дорогостоящее предложение. Страх перед нападением тибетцев и желание уменьшить расходы на охрану границы заставляли Тан поддерживать хорошие отношения с уйгурами. В 822 г. уйгуры послали войска, чтобы помочь Тан подавить новые восстания. Памятуя об ограблении Лояна, танский двор отверг эту помощь, но был вынужден заплатить уйгурам 70 000 кусков шелка, чтобы заставить их повернуть обратно.

Последние десятилетия существования уйгурской империи характеризовались значительным увеличением выплат шелком. Плата за лошадей достигла рекордных величин: 50 кусков шелка за лошадь. Танские источники содержат сведения о партиях шелка, исчисляемых в сотнях тысяч кусков, в то время как ранее они обычно исчислялись десятками тысяч. Арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посещавший Карабалгасун, был свидетелем перетекания этого богатства в степь и сообщал, что каган ежегодно получал 500 000 кусков шелка от Тан³⁰.

На основе вышесказанного можно сделать ряд выводов. Уйгуры понимали важность контактов с китайцами и, разгромив тюрков, сразу заняли их место. Помогая Тан бороться с восстаниями, они охраняли и одновременно запугивали слабеющую китайскую династию. Учитывая небольшое количество выделяемых уйгурами войск, в частности конницы, такое предприятие обходилось кагану исключительно дешево, а добыча после двух ограблений Лояна была огромной. После оказания помощи уйгуры в течение почти 75 лет почти ничего не делали для династии, однако количество получаемого ими шелка неумолимо увеличивалось, что отражало острую потребность Тан в защитнике. Защита со стороны уйгуров носила двойственный характер. Несколько раз они спасали династию, но Тан всегда опасалась, что уйгуры могут сами начать нападать на нее. Создается впечатление, что уйгуры во всем следовали советам авторов орхонских надписей. Из глубины степи они успешно эксплуатировали Китай, не позволяя ему вмешиваться в дела кочевников.

Уйгуры гораздо успешнее, чем тюрки, руководили степной империей, хотя их завоевания не были столь обширны. Это в значительной мере обуславливалось устойчивой системой управления в уйгурской империи. Тюрки часто достигали огромного могущества, однако разногласия по вопросу бокового наследования неизменно повергали их государства в пучину междоусобных войн. Уйгуры этой проблемы не знали, поскольку придерживались линейного наследования. Это не означает, что в их империи все изменения происходили мирно, но разногласия среди знати не приводили к междоусобным войнам. Подобно аристократии сюнну, уйгурская знать оставалась единой и предотвращала все попытки племен, входивших в империю, отделиться от центра.

Политическая организация уйгурской империи во многом напоминала организацию ее предшественницы — империи тюрков. Титулы и должности, по-видимому, были одинаковы. Это была имперская конфедерация, чей государственный аппарат монополизировал право на внешние сношения и поддерживал порядок в степи. Внутри государственного аппарата особый слой образовывали грамотные министры-согдийцы, не являвшиеся кочевниками. Вероятно, потребность в них была вызвана участием уйгуров в международной торговле и необходимостью

²⁹ СТИШ 219А : 7b–8a, 217А : 11a, 217В : 1a; *Mackerras*. Uighur Empire. P. 89–93, 113–115.

³⁰ *Minorski*. *Hudud al-'Alam* «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 A. H. — 982 A.D.; *Mackerras*. Sino-Uighur diplomatic and trade contacts.

формирования чиновничества степных городов.

Стремление к стабильности со всей очевидностью проявилось в государственной политике империи. На смену междоусобным войнам в борьбе за власть пришла практика спланированных убийств, и число потенциальных претендентов на престол значительно уменьшилось. В табл. 4.3 указаны имена и даты правления каганов двух уйгурских династий. Китайские хроники содержат полные генеалогии только для каганов первой династии, тогда как для каганов второй подобные сведения сообщаются лишь от случая к случаю³¹.

Схема наследования у уйгуров имела линейный характер. Власть без кровопролития перешла от Кули к его сыну Моюн-чору и далее к внуку Идицзяню. В 779 г. Идицзянь предложил изменить политику по отношению к Китаю и начать с ним войну. Этому плану воспротивился его двоюродный брат и первый министр Тунь. Тунь убил Идицзяня и захватил власть. После смерти Туня титул кагана перешел к его старшему сыну Долосы, который вскоре был убит своим младшим братом (не названным в источниках). Уйгуры отказались признать самозванца и убили его, возведя на царство младшего сына Долосы по имени Ачжо. Последний умер, не оставив наследников, и престол перешел в руки новой династии.

В Первой и Второй Тюркских империях борьба за власть начиналась после смерти кагана и приводила к междоусобной войне. У уйгуров политическое противостояние чаще всего заканчивалось убийством правящего кагана соперником, который сменял его на престоле. Например, Тунь убил своего двоюродного брата Идицзяня, который находился у власти в течение 20 лет, а затем убил всех членов его рода, чтобы обезопасить свою власть. Несмотря на подобную жестокость, уйгурская знать не разделилась на противоборствующие группы и империя сохранила единство. Империя не раскололась и тогда, когда боролись друг с другом за престол сыновья самого Туня. Хотя передача власти у уйгуров часто сопровождалась насилием, у них не было междоусобных войн даже в период смены династий в 795 г. До этого времени все каганы происходили из рода Яглакар, а во время правления Ачжо реальная власть сосредоточилась в руках одного из уйгурских военачальников. Последний происходил из рода Эдиз, в детстве остался сиротой и был усыновлен влиятельным племенным вождем. Когда Ачжо умер, не оставив наследников, этот военачальник был объявлен каганом. В качестве меры предосторожности он выслал родственников Ачжо в Китай.

Родственные связи последующих каганов не столь ясны из-за недостатка генеалогических сведений. После великой реставрации времен правления Гудулу (795–808 гг.) и Бао-и (808–821 гг.) царствования каганов стали гораздо короче и больше омрачены насилием. Каган Чун-дэ умер в 824 г., пробыв на престоле всего три года. Его сменил младший брат — князь Хэса, который был убит царедворцами в 832 г., и на престол вступил племянник Хэсы — князь Ху (сын Чун-дэ?). В 839 г. Ху раскрыл заговор против престола и казнил заговорщиков. Один из его министров в отместку заключил союз с тюрками шато, которые жили на востоке вдоль танской границы, и напал на кагана. Ху покончил с собой, а изменивший ему министр поставил каганом князя Хэсу II, представителя царского рода. Он правил очень недолго, до вторжения в 840 г. кыргызов, которые, воспользовавшись политическими беспорядками у уйгуров, атаковали уйгурскую столицу и ограбили ее, положив конец империи. Как и две предшествующие тюркские империи, государство уйгуров рухнуло тогда, когда разногласия между двумя линиями наследников ослабили его единство и сделали уязвимым для атак соперников.

Таблица 4.3. Даты правления уйгурских каганов

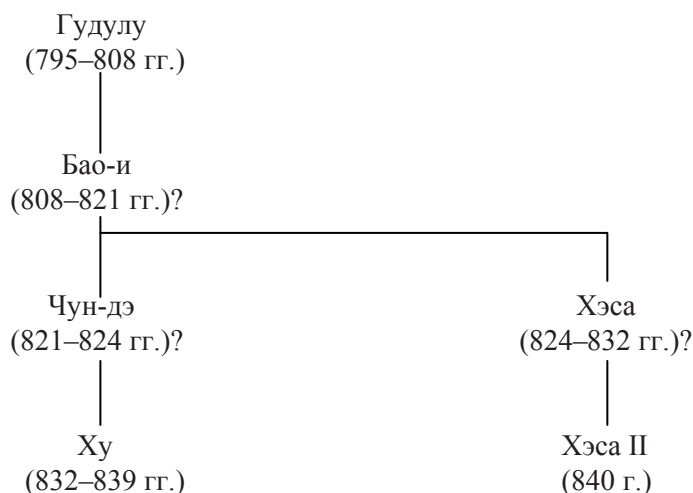
Первая династия

³¹ Mackerras. Uighur Empire. P. 191–193.

Вторая династия

Степная цивилизация

Часто отмечается высокий уровень цивилизации уйгуров. Уйгуры имели постоянную столицу, из которой управляли империей, вели записи, развивали сельское хозяйство в степи и тесно взаимодействовали с ираноязычным миром в области религии и системы управления. В то время как большинство кочевых империй оставили в наследство только воспоминания о великих завоеваниях, уйгуры создали оригинальный синтез степных традиций и цивилизации и сохранили его даже после утраты политической власти. Уйгурский опыт стал связующим звеном между кочевниками и окружающими цивилизациями. Монголы, создавшие государство через четыреста лет после падения уйгурского каганата, во многом полагались на мнение уйгурских советников.

Идея создания в степи городов не была изобретением уйгуров. Сюнну также периодически основывали и покидали города. Тюркский каган Могилян хотел основать город, но его отговорили. Уйгуры основали свою столицу Карабалгасун вскоре после образования империи. Арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посетивший Карабалгасун в 830-е гг., описывает его как большой город с двенадцатью железными воротами и крепостью. Он был «густо населен и многолюден, с большим числом рынков и разнообразными товарами». Земли вокруг города тщательно возделывались³². Город был расположен в центре территории, подвластной кочевникам, на реке Орхон, в том месте, где монголы позднее построили Каракорум.

Города, как правило, прочно ассоциируются с наличием сельскохозяйственного производства, и поэтому часто высказывалось мнение, что уйгуры были оседлым народом. Однако похоже, что это не так. Кочевая империя могла переселять людей, занимающихся сельским хозяйством, в глубь своей территории, где они обрабатывали землю, но города кочевников не были естественным итогом развития сельского хозяйства. Скорее, города кочевников строились по приказу сверху и функционировали как центры по сбору налогов и дани. Уйгуры получали огромные количества шелка и других даров из Китая, и им нужно было место, где бы они могли хранить эти богатства, принимать купцов и отправлять правосудие, закрепив за собой роль посредника в прибыльной торговле шелком. Интенсивное сельскохозяйственное производство, налаженное в окрестностях городов, было вторичным явлением. Оно обеспечивало продуктами питания жителей

³² *Minorski*. Tamim ibn Bahr's journey to the Uighurs. P. 283.

столицы и поддерживалось за счет международной торговли. Такие города, расположенные в глубине Монголии, не зависели в своем развитии от местных ресурсов. Как и сама имперская конфедерация, они возникали в результате эксплуатации экономики Китая. Это были цветы растения, корни которого находились в Чаньани. Когда связь с Китаем разрушалась, степные города были обречены на вымирание. Даже местное сельское хозяйство зависело от устойчивости уйгурского государства. Сельское хозяйство в Монголии могло существовать только в том случае, если кочевники были защищены от нападений, а земледельческие общины — от угрозы разрушения. Будучи разрушенными, общины исчезали, поскольку не было достаточного количества сельскохозяйственного населения, чтобы восстановить их. Весь комплекс городской жизни, производства сельскохозяйственной продукции и централизованной торговли зависел от сохранения уйгурами контроля над степью.

Город Карабалгасун был построен по согдийскому, а не по китайскому образцу. Успех уйгурской цивилизации во многом определялся широким применением в степи иранских моделей организации. Иранское влияние на территории Монголии впервые стало заметно в конце существования Первой Тюркской империи, когда одним из обвинений, выдвинутых против кагана Хэли, было то, что он широко привлекал согдийцев в органы власти. До того единственной моделью цивилизации в восточной части Центральной Азии была китайская. Китайские модели организации, тесно связанные с сельскохозяйственной экономикой и во многих отношениях противоположные кочевому образу жизни, никогда не укоренились в степи. В иранском мире не существовало такого резкого разделения на оседлое население и кочевников. Правители ираноязычных народов имели долгий опыт общения с кочевниками. Они поддерживали тесные связи со скотоводами, проживавшими на их территории и стремившимися установить контакты с соседними городами и селами. Значительная часть иранского мира находилась под властью династий, основанных могущественными кочевыми племенами. Например, юэчжи властвовали над землями в районе Амударьи. Природа этого региона позволяла им оставаться скотоводами-кочевниками, осуществляющими сезонные миграции, и при этом поддерживать тесные контакты с оседлым населением. Точно так же западные тюрки являлись частью гораздо более сложной системы, чем та, в которой жили родственные им племена на востоке, резко дистанцировавшиеся от сельскохозяйственного Китая.

Согдийцы контролировали оазисы Туркестана. Они славились как торговцы и основывали торговые сообщества в Китае. Отношение китайского правительства к внешней торговле было традиционно отрицательным, поэтому согдийцы и другие иноземные купцы с самого начала искали союза с могущественными кочевыми империями. В связи с этим кочевники придавали большое значение торговле, заставляя Китай открывать рынки и вымогая у него шелк. Затем иноземные купцы, желавшие принять участие в частной торговле, стали присоединяться к посольствам, отправлявшимся из степи в Китай. Кроме того, купцы выступали в качестве скупщиков полученного из Китая шелка и других товаров для перепродажи их на западе. Напомним, что кочевники контролировали большую часть территории, связывавшей иранские земли с Китаем. Поэтому для обеспечения безопасности караванной торговли необходимо было поддерживать дружеские отношения со степными племенами. Наконец, согдийцы рассматривали степные племена как союзников, а не как врагов и могли служить им как чиновники, мастерски владеющие искусством компромисса. Обе группы рассматривали торговлю как жизненно важный источник существования.

Связи согдийцев с уйгурами стали еще теснее после второго ограбления Лояна. Именно тогда каган познакомился с манихейством, исповедуемым согдийцами, и впоследствии принял его. Затем в степь прибыли проповедники и большое число согдийских советников. Они познакомили уйгуров с согдийским алфавитом. Манихейство с его акцентом на вегетарианстве и пацифистских идеалах могло показаться неподходящим для кочевников, однако следовать строгим положениям веры полагалось только избранным. Как и при принятии буддизма, имевшем место до и после обращения в манихейство, интерес степных племен к этим мировым религиям всегда сдерживался прагматическим признанием войны и скотоводства неизменными нормами кочевого образа жизни.

Среди уйгуров существовало и противодействие влиянию согдийцев, проявившееся в убийстве Идицзяня в 779 г., однако в скором времени согдийцы вернули себе расположение властей. Согдийцы весьма выигрывали от союза с уйгурами. Их торговые колонии в Китае находились под защитой уйгуров, которые обеспечивали им дипломатический иммунитет. Они стали влиятельными ростовщиками и основными скупщиками шелка. Иранская культура распространилась среди уйгурской знати, которая обнаружила в ней формы гораздо более гибкие, чем те, что ранее заимствовались кочевниками у Китая.

Часто полагают, что обращение уйгуров в манихейство и возведение ими города в степи

сделало их «мягкими» и уязвимыми для атак других номадов. Однако, хотя падение уйгурской империи было неразрывно связано с падением их столицы, поражение от кыргызов не явилось следствием того, что они стали худшими, чем прежде, воинами. Это поражение было обусловлено действием целого ряда других, менее заметных факторов. Когда Могилян предложил основать тюркский город, Тоньюкук сказал ему, что это создаст угрозу для существования государства тюрков, которое опиралось на мобильность кочевников. Как кочевники тюрки всегда были готовы к маневру, но, превратившись в защитников стационарных укреплений, они могли быть уничтожены одним сокрушительным ударом. Уйгуры наверняка знали об этой опасности; по этим же причинам покидали свои города и сюнну. Для любой группы кочевников позиционная оборона сулила опасность. Но основание городов имело много позитивных аспектов. Город-крепость служил надежным хранилищем товаров для внешней торговли. Чем больше таких товаров получало кочевое общество, тем менее мобильным оно становилось, поэтому в конце концов хранить сокровища в укрепленном городе становилось безопаснее, чем возить их с собой по степи. Кроме того, город-крепость редко становился добычей кочевников, поскольку последние не умели осаждать города или штурмовать их стены. Великие монгольские завоевания, сопровождавшиеся быстрым разрушением крепостей, казалось бы, противоречат этому факту. Однако первоначально монголы не умели захватывать города-крепости. Такую возможность они получили лишь после того, как у них появились опытные китайские и мусульманские инженеры, применявшие свои знания под контролем монголов. Отрицательный аспект заключался в том, что богатый город представлял собой естественную и постоянную цель набегов для других кочевников. Нередко степные империи терпели многочисленные поражения, но быстро перегруппировывали свои силы и возрождались вновь. Однако, если в столичном городе сосредоточивались слишком большие материальные ценности и силы, падение его оказывалось фатальным.

Уйгуры обладали слишком большим богатством, чтобы позволить себе не иметь постоянной укрепленной столицы. Это означало, что ее необходимо было защищать при любых обстоятельствах. Многочисленные враги хотели захватить город — они готовы были пережить дюжину отступлений в надежде на единственную победу. Кыргызы, жившие к северу, были одними из них. Они находились в состоянии войны с уйгурами примерно с 830 г. В 840 г., когда в Карабалгасуне начались волнения, кыргызы, воспользовавшись случаем, захватили и ограбили город. Власти уйгуров над степью был нанесен смертельный удар. Уйгурская знать отступила в оазисы Туркестана, где ее представители стали правителями княжеств Ганьжжоу (840–1028 гг.) и Кочо (840–1209 гг.)³³. Несмотря на ограниченное влияние, уйгурская организационная модель продолжала действовать и позднее как связующее звено между кочевыми и оседлыми обществами. И сегодня, спустя более чем 1100 лет после падения уйгурской империи, жители оазисов Синьцзяна в Китайской Народной Республике с гордостью продолжают называть себя уйгурами.

Указатель основных имен

Важнейшие племена на степной границе

Жуаньжуани

Разгромлены своими прежними вассалами — тюрками в 555 г.

Кидани

Кочевое племя в Маньчжурии

Разбиты тюрками и китайцами

Кыргызы

Племя на Енисее и в Прибайкалье

Разграбили столицу уйгуров в 840 г. и уничтожили их империю

Не смогли основать собственную империю

Тюрки (Туцзюэ)

Первая империя (552–630 гг.)

Властвовала над всей степью от Маньчжурии до Каспийского моря

Вторая империя (683–734 гг.)

Властвовала в Монголии

Уйгуры

Пришли на смену тюркам, создав новую империю (745–840 гг.)

Основной военный союзник династии Тан

³³ Pinks. Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit (960–1028).

Ключевые фигуры истории племен

Анагуй

Последний каган жуаньжуаней (519–552 гг.)

Истеми

Вместе со своим братом Тумынем основал Первую Тюркскую империю
Тюркский каган на западе (ум. 576 г.)

Кутлуг (Ильтериш-каган)

Основатель Второй Тюркской империи (правил в 680–692 гг.).

Кюль-тегин

Во второй междоусобной войне тюрков победил наследников Мочжо
Возвел на престол своего брата Бильге-кагана (правил в 716–734 гг.)

Мочжо (Капаган-каган)

Каган Второй Тюркской империи (правил в 692–716 гг.)

Брат Кутлуга, вновь подчинил западных тюрков

Моюн-чор

Уйгурский каган (правил в 747–759 гг.)

Помогал династии Тан в подавлении восстания Ань Лу-шаня

Муган

Тюркский каган на востоке (правил в 554–572 гг.)

Сын Тумыня, при котором военное могущество тюрков достигло своего апогея

Тарду

Тюркский каган на западе (правил в 576–603 гг.)

Сын Истеми, основной претендент на власть в первой междоусобной войне

Тоньюкук

Военачальник Кутлуга, Мочжо и Кюль-тегина

Наиболее влиятельный политический лидер Второй Тюркской империи

Тумынь (Бумын)

Основал вместе с братом Истеми Первую Тюркскую империю

Тюркский каган на востоке (ум. 553 г.)

Хэли

Последний каган Первой Тюркской империи (правил в 620–634 гг.)

Пленен танскими войсками

Иноземные династии в Северном Китае

Северная Ци (550–577 гг.)

Северная Чжоу (557–581 гг.)

Национальные общекитайские династии

Суй (581–618 гг.)

Тан (618–907 гг.)

Ключевые фигуры китайской истории

Ань Лу-шань

Фаворит двора, согдиец по происхождению

Едва не уничтожил династию Тан во время восстания в 755 г.

Императрица У

Единственная в Китае женщина-император, правившая под своим именем (660–705 гг.)

Платила дань каганам Второй Тюркской империи

Ли Ши-минь (танский Тай-цзун) Второй император Тан (правил в 626–649 гг.)

«Китайский каган» после завоевания Первой Тюркской империи

Сюань-цзун

Император Тан (правил в 713–756 гг.)

Заключал военные и брачные союзы с уйгурами Резко увеличил выплаты шелка кочевникам

Ян-ди

Второй и последний император Суй (правил в 605–616 гг.)
Его военные кампании привели к закату империи

5. МАНЬЧЖУРСКИЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ

Падение централизованной власти в степи и Китае

Победа кыргызов привела не к созданию кыргызской империи, а к хаосу и анархии. Образование всех тюркских империй происходило при финансовой поддержке Китая. Кыргызы, дикие кочевники с окраин Сибири, не имели представления о том, каким образом осуществляется подобное взаимодействие, и не предприняли попыток установить его. Они также не пытались установить свое господство над другими степными племенами, покоренными уйгурами. Похоже, они удовлетворились награбленным в Карабалгасуне и отправились восвояси. Внутреннему порядку, который уйгуры поддерживали в степи, пришел конец. Племена получили возможность действовать по собственному разумению, но ни одно из них не имело достаточно сил, чтобы восстановить централизованную власть. Когда китайцы услышали о разгроме уйгуров, они с удовольствием констатировали факт гибели своих врагов, империя которых больше не возрождалась. Однако эта радость была преждевременной. Уничтожение уйгуров, какие бы неприятности они с собой ни несли, оставляло Китай незащищенным как от восстаний внутри страны (в подавлении которых уйгуры были столь полезны), так и от нападений киданей из маньчжурской степи, которые в период Тан сдерживались силами тюрков и уйгуров, подавлявшими своих кочевых соперников.

Неспособность кыргызов осуществлять политику экспансии поражает. В течение 300 лет сменявшие друг друга тюркские и уйгурские династии стремились к этой цели. Для тюрков установление связей с Китаем после атаки на жуаньжуаней стало приоритетной задачей. Уйгуры направили в Китай посланника сразу же после победы над тюрками, чтобы сообщить о разгроме последних и потребовать предоставления им выплат в рамках прежней даннической системы. Как тюрки, так и уйгуры понимали, что стабильность имперской конфедерации зависела от получения субсидий из Китая или добычи, захваченной при нападениях на него. На протяжении многих лет они превратили вымогательство в высокое искусство. Они защищали династию от внутренней оппозиции, чтобы не иссякал поток даннического шелка. Кыргызы же ограничились Орхоном, позволив степи разделиться на части и не обращая внимания на Китай. В Монголии началась анархия, которая не прекращалась 350 лет, пока к власти не пришли монголы.

Имперская конфедерация не являлась простой или естественной формой политической организации в степи. Для ее создания и сохранения требовалось наличие опытного и умелого руководства. У кыргызов оно отсутствовало. Кыргызы пришли из Южной Сибири, с верховьев Енисея. Там проходила самая северная граница степи, за которой начинались обширные леса, населенные охотниками и оленеводами. Исторически это был бедный, но самодостаточный в экономическом отношении край, находившийся в стороне от международных торговых путей. Кыргызы могли участвовать в торговле пушниной, которой славились северные леса, но у них не было столь сложной организации, как у тюрков или уйгуров, имевших давние связи с крупными центрами мировой цивилизации: Китаем, Согдом, Персией и Византией. Короче говоря, кыргызы были диким кочевым племенем, хотя и могущественным в военном отношении. Для них Карабалгасун сам по себе уже представлялся источником большого богатства. Единственным их желанием было захватить его. Неискушенные кочевники появлялись на границах Китая с похожими целями и ранее, но имела существенная разница между ограблением китайского города и ограблением столицы уйгуров. Китайский город был продуктом оседлой аграрной цивилизации, которая могла восстановиться, используя собственные ресурсы. Столица уйгуров была торговым городом, основанным по приказу кочевых правителей. Она могла восстановиться только в том случае, если бы кыргызы воссоздали всю старую систему. Однако они не сделали этого. Карабалгасун вновь превратился в пастбище для овец.

Ситуация могла развиваться и по-другому, если бы кыргызы использовали старую уйгурскую знать в своем новом государстве. Уйгурские советники могли бы объяснить кыргызам, какие средства необходимы для сохранения даннической системы. Вместо этого уйгурские аристократы бежали на юг и стали руководителями двух оседлых оазисных городов-государств в Туркестане. Эти государства, Ганьчжоу и Кочо, предоставили уйгурам новую базу для продолжения их прежней деятельности как торговых посредников. Именно уйгуры, а не кыргызы, продолжали направлять посланников в Китай, торговать лошадьми и обменивать яшму на шелк. Хотя уйгуры и утратили военное могущество, необходимое для того, чтобы вымогать большие субсидии, они сохранили заметную роль в международной торговле. Как независимое государство Кочо просуществовало до эпохи монголов, на которых уйгуры оказали большое влияние. Не забыли уйгуры и о важности связей с Тан. В последние годы существования Танской династии их оазисные царства продолжали направлять посланников ко двору и даже предлагали

Китаю военную помощь¹.

Кыргызы, несмотря на военные успехи, превратили Орхон в захолустье. Пятьдесят лет спустя они были изгнаны оттуда армиями киданей, поскольку именно кидани, выходцы из Маньчжурии, в конце концов извлекли выгоду из анархии в степи.

Тан приветствовала падение уйгуров. В 843 г. она атаковала и уничтожила уйгурские племена, которые бежали в поисках убежища на границу с Китаем. По счастливому стечению обстоятельств в то же время исчезла и угроза вторжения в Китай со стороны тибетцев, поскольку последний царь Тибета был свергнут и в его стране начались беспорядки. Кыргызы не выказывали каких-либо намерений нападать на Китай. На некоторое время могло даже показаться, что пограничные проблемы Тан сошли на нет. Однако это было не так. Крушение централизованной власти в Монголии и Тибете привело к росту влияния и самостоятельности мелких племенных вождей. Хотя и не представляя большой угрозы для Китая, эти вожди создавали достаточно проблем, чтобы заставить Тан поддерживать старые оборонительные укрепления вдоль границы.

Основная проблема, стоявшая перед Тан, но не признававшаяся ею, заключалась в том, что своим продолжительным существованием империя была обязана военной поддержке кочевников. Несмотря на заносчивость и жадность, уйгуры были верными союзниками, сыгравшими большую роль в подавлении восстания Ань Лу-шаня. Не желая признавать свою зависимость от кочевников, Тан не смогла понять, что их падение лишило ее важной военной опоры, которая могла быть использована в крайних случаях. Конец уйгуров стал предвестником заката самой Тан.

Внутренние проблемы Китая не были чем-то новым для Тан. Еще до восстания Ань Лу-шаня северная часть империи была поделена между множеством самостоятельных военных правителей, которые признавали легитимность, но не власть двора в Чанъани. Со временем двор стал все более зависеть от доходов, получаемых на юге, в бурно развивающейся области на реке Янцзы. По мере роста налогов возрастали и волнения в этом регионе, хотя ко времени падения уйгуров династия еще могла противостоять атакам мятежников. Несмотря на это, в течение последующих 20 лет ситуация вышла из под контроля Чанъани. В 859–860 гг. предводитель мятежников Цю Фу смог объединить многочисленные банды грабителей в единую армию и начал создавать аппарат управления на южном берегу Янцзы. После ожесточенной борьбы Тан сумела подавить восстание, но командуя императорской армией вынужден был использовать несколько сотен уйгурских и тибетских наемных конников, чтобы укрепить свои войска².

Восстание было первым из целой серии мятежей на юге, включая бунты в гарнизонах. Наиболее известным из последних было восстание под предводительством Пан Сюня. Он был одним из военачальников на южной границе, когда, получив приказ остаться на дополнительный срок службы, его солдаты восстали. Двинувшись на север, они ограбили большую территорию в районе Янцзы и в 868–869 гг. перерезали канал, снабжавший Чанъань. Правительственные войска смогли подавить восстание только с помощью тюрков шато. Тюркский предводитель Чжун Чжи-синь командовал трехтысячным войском — т. е. тем самым количеством воинов, которое присылали Тан уйгуры для атаки на Ань Лу-шаня. Как и в случае с уйгурами, этот небольшой конный отряд сыграл решающую роль в ряде сражений. Предводителю тюрков было обещано почетное право использовать императорскую фамилию, и он стал известен как Ли Го-чан.

В обеих кампаниях танские военачальники опирались на иноземные войска. Правда, в отличие от уйгуров, тюрки проживали вблизи границы и использовали свою силу для того, чтобы получить территориальные уступки на севере. Тем не менее тюрки шато оказались более преданны Тан, чем большинство китайских военных наместников. Как и большинство степных кочевников, они не имели желания управлять всем Китаем. Они поддерживали Тан до самого конца. Эти варвары оказались самыми преданными сторонниками династии.

Падение Тан началось в 875 г., когда на юге произошло огромное восстание, возглавляемое Хуан Чао. В 880 г. восставшие заняли Лоян и Чанъань. Танский двор бежал в Сычуань. Годом позже контратаки танских войск остановили продвижение восставших, однако военачальники, опасаясь потерять армии, придерживались оборонительной стратегии. В отчаянии танский двор обратился к своему единственному надежному защитнику — тюркам шато, невзирая на то, что они нападали на другие племена, поддерживаемые Китаем. Под предводительством Ли Кэ-юна, сына прежнего шатосского лидера, тюрки сформировали 35-тысячную армию, выступившую против восставших в 883 г. Вместе с примкнувшими к нему войсками из китайских провинций Ли атаковал и унич-

¹ Hamilton. Les Ouïghours à l'époque des Cinq Dynasties d'après les documents chinois.

² Cambridge History of China: Sui and T'ang. P. 688–692.

тожил гораздо более многочисленные войска мятежников. Хуан Чао оставил Чанъань и отошел на юг. Несмотря на ряд последовавших поражений, он смог выстоять против новых танских атак. Двор опять обратился к Ли Кэ-юну, который в 884 г. двинулся на восток вместе с пятидесятитысячной армией. Потерпев ряд поражений и пережив несколько стихийных бедствий, Хуан Чао бежал с небольшим отрядом сподвижников, преследуемый тюрками. В конце концов, загнанный в ловушку, он кончил жизнь самоубийством, чтобы не позволить Ли получить награду за его пленение.

Ли была обещана должность военного наместника на большей части северных территорий. Такое обещание практически узаконивало его власть, поскольку Китай теперь был разделен на множество милитаризованных провинций под началом независимых правителей. Тюрки могли попросту устранить династию, чья власть более не распространялась за пределы столицы. Вместо этого они сохраняли видимость централизованной власти вплоть до 907 г., пока один из китайских военачальников официально не положил конец династии Тан³.

Киданьская династия Ляо

Политическая ситуация на границах и внутри Китая после падения Тан по своему характеру напоминала ту, что имела место после падения Хань и захвата власти иноземными династиями. Анализируя события постханьского периода, мы предположили, что в такие периоды действовал определенный тип политической экологии⁴, который устанавливал прогнозируемый порядок смены иноземных династий, обусловленный различиями их внутренней структуры. Предложенная модель позволяет выделить три основных типа иноземных династий, обусловленных их происхождением и организацией.

Степные кочевники. Базировались на северной границе Китая и использовали свою племенную военную организацию для того, чтобы стать правителями значительной части Северного Китая. Принимали на себя основную тяжесть борьбы с китайскими военачальниками и образовывали первые иноземные династии в Китае. Однако постоянные военные действия и неспособность создать устойчивую административную систему, а также трудности сочетания китайской и кочевой моделей управления приводили к быстрому их падению.

Консервативные маньчжурские пограничные государства. Начинали как небольшие царства на северо-востоке Китая, объединявшие степных кочевников, лесные племена, китайских земледельцев и горожан. Имели дуальную форму управления. Одна часть административного аппарата была представлена кочевниками, занимавшимися делами племен и военными вопросами, другая — китайскими чиновниками, ведавшими гражданскими делами. Обе части системы находились под контролем императора, который манипулировал ими в своих целях, используя, с одной стороны, китайские законы, чтобы ограничить самостоятельность кочевников, а с другой — военную организацию племен, чтобы предотвратить восстания гражданского населения. Этот тип дуальной организации был результатом длительного развития и мог появиться только в тех районах, где существовала относительная стабильность — т. е. вне зон основных конфликтов в Китае. Такие государства отличались консервативностью и возникали только после падения степных династий. Они были скорее «падальщиками», чем завоевателями, и в лучшем случае контролировали только часть Северного Китая. Хотя такие пограничные государства возникли как на северо-востоке, так и на северо-западе, те, что находились на северо-востоке, имели стратегическое преимущество, поскольку располагались гораздо ближе к равнинным территориям Северного Китая.

Агрессивные маньчжурские пограничные государства. Основывались вождями «диких» племен, происходивших из лесов или из степи. Первоначально находились в зависимости от граничивших с ними консервативных маньчжурских государств. Неспособность последних распространить свою власть на весь Северный Китай означала, что они в конечном итоге сталкивались с серьезными финансовыми проблемами, которые вызывали недовольство основной массы чиновников и армейских офицеров. Нецивилизованные и агрессивные пограничные племена извлекали выгоду из экономических трудностей и военной слабости консервативных государств, изгоняли их династическую элиту, гальванизировали государственные институты и начинали проводить агрессивную политику полномасштабной экспансии с целью подчинить себе весь Северный Китай. Они использовали уже сложившуюся дуальную организацию системы управ-

³ Wang. Structure of Power in the Five Dynasties.

⁴ Политическая экология (*political ecology*) — совокупность взаимоотношений между людьми, сообществами, хозяйственным и политическими институтами, анализируемая в понятиях экологии. — *Примеч. науч. ред.*

ления и привлекали для создания нового политического порядка большую часть старого правящего класса.

Династия Ляо, основанная киданями, представляет собой отличный пример маньчжурского завоевания. Она, хотя и просуществовала дольше Янь, основанной сяньбийцами-муянами в IV в., была сходна с ней по форме. Ее политика в отношении степных племен и Китая показывает, каким образом подобные династии возникали и удерживали свою власть.

Кидани были кочевниками-скотоводами и представляли собой крупную силу в среде племен северо-востока на последнем этапе существования Тоба Вэй. Однако все многочисленные попытки создания ими независимого государства пресекались Китаем или степными империями, поскольку хозяева биполярного мира не желали мириться с появлением на границе новой державы. Иллюстрацией этому служит большое число безуспешных восстаний, предпринятых киданями против своих угнетателей в VI–IX вв. В 605 г. кидани напали на Китай и Суй разбила их с помощью тюркских войск. Позднее, в 648 г., кидани признали власть Тан и находились под контролем ее генерал-губернатора вплоть до 695 г. В 695 г. они восстали, так как не получили продовольственной помощи во время голода и их вожди посчитали себя обманутыми китайским правительством. Кидани двинулись на юг и начали закрепляться в районе современного Пекина. Хотя Китай и находился в состоянии войны с восточными тюрками, Тан временно объединилась с ними, чтобы в 697 г. разбить киданей. Китай атаковал армию киданей на юге, в то время как тюрки вторглись в их коренные земли на севере. Восстание захлебнулось, и кидани признали власть тюрков. Когда в 714 г. власть тюрков ослабела, кидани вновь перешли под контроль Китая. Местные киданьские вожди накапливали силы и в 730 г. объявили о своей независимости. В последующие 10 лет кидани отбивали атаки и Тан, и тюрков, но к 740 г. опять покорились Китаю — после того, как вооруженные силы Тан, находившиеся у границы, были существенно увеличены. Такая милитаризация границы вкупе с проблемами организации военных действий против киданей в 745 г. и привела к восстанию под предводительством Ань Лу-шаня, который командовал обороной Тан на северо-востоке. Кидани не возобновляли активных действий до тех пор, пока уйгуры не были уничтожены кыргызами⁵.

Эта история неудавшихся восстаний очень типична. Пока степь и Китай были едины, они образовывали биполярный мир, в котором пограничные народы подпадали под власть той или другой стороны. Сохранение биполярного мира на границе было делом настолько важным, что, когда против китайских властей вспыхивали крупные восстания, они подавлялись кочевниками из центральной степи. Возникновение маньчжурского государства после падения централизованной власти в Китае и Монголии должно было состояться. Маньчжурские лидеры в течение 300 лет пытались основать такое государство, но в этом стратегически важном районе они могли надеяться получить власть только при отсутствии противостоящих внешних сил. В более спокойных районах, расположенных к северу, вдоль границы с Кореей, бохайцы в начале VIII в. уже создали царство, организованное по китайскому образцу. Государство Бохай оставалось независимым, поскольку располагалось на окраине как Китая, так и Монголии, войска которых подавляли своих потенциальных соперников на юге. Пока тюрки шато были заняты борьбой с мятежными китайскими военачальниками, а в степи после кыргызов установилось затишье, киданьские правители развернули процесс государственного строительства, которому суждено было заложить основы новой могущественной династии.

В конце IX в. кидани подразделялись на 8 племен под управлением верховного вождя из рода Яолянъ. Верховный вождь обладал ограниченной властью, поскольку племена, объединенные под его началом, были достаточно независимыми. Время от времени, после военных поражений, руководство конфедерацией переходило от одного племени к другому. На уровне племен власть была еще более ограниченной, поскольку вождь их избирался на три года. Например, на протяжении четырех поколений в племени ила были избраны 12 вождей из большого рода Елюй. Наследование власти в основном проходило по боковой линии, и предполагалось, что братья и двоюродные братья должны были занимать этот пост по очереди. Большинство из них находились на нем всего один срок, однако Дела занимал этот пост в течение 27 лет. Это указывает, что сильная личность могла стать доминирующей в племенах киданей. Однако длительное правление Делы не привело к изменениям базовой структуры киданьской племенной организации, и в дальнейшем передача власти продолжала осуществляться по ротационному принципу. Если считать, вслед за китайскими хрониками, что кидани являлись потомками сяньби, то складывается впечатление, что на северо-востоке поддерживались стойкие традиции выборности правителя и местной племенной автономии⁶.

⁵ Pulleyblank. The Background of the Rebellion of An Lu-shan.

⁶ Wittfogel and Feng Chia-sheng. The History of Chinese Society: Liao. Виттфогель и Фэн Цзя-шэн предприняли

Разрушение племенной политической системы у киданей началось во времена беспорядков, последовавших за падением уйгурской державы и дезинтеграцией империи Тан. Предводитель племени ила по имени Елюй Салади постепенно укреплял свою власть, расширяя экономическую базу подвластного ему племени. Он заключил брачный союз с соседним уйгурским племенем сяо, владевшим древними традициями металлообработки. Салади основал первые железоплавильни для производства орудий в киданьских землях, а его брат сыграл важную роль в развитии ткачества и постройке городов. Земледелие к тому времени уже было внедрено их отцом и сделало племя ила богатым.

Когда в 901 г. Абаоцзи, сын Салади, стал правителем племени ила, он использовал эту базу для расширения своей власти. В 902 г. он организовал масштабное нападение на границу Китая и, согласно источникам, захватил 100 000 голов скота и пленил 95 000 человек. В последующие годы он атаковал и разгромил соседние тюркские племена на востоке, чжурчжэней на севере, а также военачальника Лю Шоу-гуана на северо-востоке Китая. В начале 907 г. он объявил себя «императором» киданей⁷. Это означало резкий отказ от традиционной эгалитарной племенной структуры и стало возможным лишь благодаря тому, что Абаоцзи разрушил старую политическую организацию с помощью китайских советников и ресурсов, полученных из захваченных районов.

Сунские историки, враждебные киданям, рассказывают кровавую историю о том, как он превратил киданьскую конфедерацию племен в государство:

В то время население страдало от жестокостей Лю Шоу-гуана, и многие люди из провинций Ю и Чжо бежали к киданям. Абаоцзи воспользовался этим, пересек границу, атаковал и захватил города и взял в плен их жителей. Следуя системе округов и уездов династии Тан, он строил города и поселял в них пленников.

Китайцы сказали Абаоцзи, что «в Китае государь не меняется». Поэтому Абаоцзи прилагал огромные усилия для удержания господства над племенами и не соглашался на замену. По прошествии 9 лет племена обратились к нему с вопросом, почему он не уступает престол в течение столь длительного времени. У Абаоцзи не было другого выхода, как передать свои знамя и барабан (символы власти) другому. Однако он обратился к племенам: «Китайцы, которых я приобрел в течение 9 лет моего правления, весьма многочисленны. Я хотел бы создать свое независимое племя и управлять Китайским Городом⁸. Возможно ли это?»

Племя дало согласие.

Китайский город, который находился к юго-востоку от горы Тань, на реке Луань, отличался выгодным месторасположением, поскольку там добывали соль и железо... Земля там была пригодна для выращивания пяти видов хлебных злаков. Абаоцзи во главе китайцев занялся земледелием и построил город, дома и рынки по образцу провинции Ю. Китайцы были довольны этим и не помышляли о возвращении.

Абаоцзи понял, что может положиться на свой народ, последовал плану своей жены Шулюй и направил посланников к вождям племен, чтобы сказать им: «У меня есть соленое озеро, из которого вы едите [соль]. Однако племена знают только пользу от употребления соли в пищу, но не знают, что у соли есть хозяин. Справедливо ли это? Вы должны приехать и угостить меня».

Племена нашли это справедливым, и все собрались у соленого озера с быками и вином. Неподалеку от озера Абаоцзи укрыв в засаде воинов. Когда собравшиеся стали пьянеть, спрятанные воины вышли из засады и убили вождей племен. После этого Абаоцзи занял престол и более не сменялся⁹.

Могущество Абаоцзи зиждилось как на имеющейся у него племенной коннице, так и на сельскохозяйственном производстве, организованном китайцами. В войне, которую Абаоцзи устроил вождям племен, были устранены его возможные конкуренты. Китайские подданные, которых он приобрел, изменили государство, принеся с собой новые навыки земледелия и ремесел. Из их числа вышли также служащие оседлого административного аппарата киданей. В связи с тем что внутри Китая продолжались гражданские войны, пограничные государства всегда могли рассчитывать на приток беженцев или пленных, который способствовал развитию производства. Заботы племени ила об экономическом росте позволили ему стать более могущественным, чем другие племена, и постепенно установить над ними свой контроль.

Военные кампании Абаоцзи и его преемников являлись отражением консервативной стратегии, характерной для пограничных маньчжурских государств первой волны. Они никогда не

частичный перевод *Ляо-ши* (ЛШ) — истории киданьской (*цидань*) династии Ляо, сгруппировав сведения источника по тематическим разделам, из которых я почерпнул основные материалы для моих рассуждений и выводов.

⁷ ЛШ 1 : 1–2b; Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 573–574.

⁸ Т. е. Ханьчэном. — *Примеч. науч. ред.*

⁹ *У-дай ши-цзи* Оуян Сю (УДШ) 72 : 2b–2a; Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 142.

проникали глубоко внутрь Китая и обычно присоединяли новые территории, заключая брачные союзы или захватывая уже полностью обессилевших соперников. В степи кидани использовали политику сдерживания, устанавливая контроль над соседними племенами и подрывая могущество отдаленных племен. Территориальный рост киданьского государства Ляо происходил относительно медленно, и каждое новое завоевание предпринималось после длительной разработки его плана.

Первые военные кампании киданей были направлены на соседние племена, а не на Китай. В 916 г. Абаоцзи нанес поражение ряду тюркских племен, включая тюрков шато, а в 924 г. его войска достигли покинутого уйгурами города на реке Орхон. Там он приказал соскоблить с древней каменной стелы надпись в честь уйгурского Бильге-кагана и заменить ее надписью о своих собственных деяниях¹⁰. Эти военные кампании сделали киданей фактическими хозяевами степи, но не степной империи. Проживая в пограничном государстве, тесно связанном с Китаем, они рассматривали Монголию как отдаленный и малозначительный регион. Они планировали свои кампании в степи лишь для того, чтобы избавиться от граничивших с ними опасных соперников. Кроме того, кидани были вынуждены вести войны с племенами в Маньчжурии. Лесные племена чжурчжэней и степные племена тюрков си (хи) были силой присоединены к их государству.

Трансформация киданей из конфедерации племен в бюрократическое государство, управляемое императором, была непростой задачей. Убив своих соперников — племенных вождей, Абаоцзи устранил сопротивление киданьских племен и кланов, однако давняя идея коллективного управления продолжала существовать внутри императорской фамилии. Хотя Абаоцзи сохранял стойкую преданность своей фамилии, он отказывался делиться верховной властью с ее членами, позволяя им занимать ответственные, но все-таки подчиненные посты в рамках государственной структуры. Его братья и другие ближайшие родственники, однако, по-прежнему симпатизировали традиционным племенным обычаям киданей ограничения власти вождей и наследования по боковой линии. Именно этот вопрос и стал основной причиной несогласия племен с новой, имперской, системой управления.

Активные возмущения начались только в 911 г., когда истекал традиционный трехлетний срок правления Абаоцзи, упразднившего племенную систему ротации власти. Дядя, племянники и двоюродные братья Абаоцзи организовали несколько заговоров и прямых выступлений против него — с целью захватить власть. Первые две попытки провалились, однако император простил братьев и даже назначил их на важные должности. В 913 г. они организовали широкомасштабное выступление, которое также закончилось поражением. Абаоцзи убил большинство из руководителей восстания, но не смог заставить себя убить братьев и в конце концов отпустил их. Последнее восстание произошло в 918 г. и закончилось с тем же результатом. Эти восстания показали, что принцип автократического правления приживался с большим трудом. Нежелание Абаоцзи наказывать братьев, участвовавших в восстании, возможно, было обусловлено тем, что он сознавал, что нарушил племенной закон киданей, лишив прав наследования родственников по боковой линии. Так или иначе, последние, как и их потомки, были навсегда исключены из числа наследников, хотя на протяжении всей истории династии предводители заговоров и восстаний в основном происходили из семейств отлученных от власти братьев, двоюродных братьев и дядьев правящего императора.

Борьба за введение принципа линейного наследования поддерживалась китайскими советниками, которые склоняли Абаоцзи к более решительному заимствованию элементов китайской культуры. В 916 г. он избрал девиз правления по китайскому образцу и назначил наследником своего старшего сына. Эти действия, а также официальное признание и одобрение конфуцианской философии были попытками нового императора укрепить свое положение с помощью идеологии, легитимизирующей его единоличное правление, поскольку обосновать подобный принцип исходя из эгалитарных племенных традиций киданей было невозможно. Например, когда допрашивали Сяди, дядю Абаоцзи, относительно его участия в восстании 913 г., он язвительно выразил традиционные племенные взгляды киданей на новое положение дел (возможно, слишком язвительно, поскольку вскоре после этого был умерщвлен): «Сперва я не осознавал, насколько велик Сын Неба. Затем Ваше Величество заняло престол. В окружении личной гвардии Вы необыкновенно облагородились и стали разительно отличаться от простого народа»¹¹.

Установив вначале контроль над несколькими китайскими городами в Ляодуне, добившись гегемонии среди киданей и покорив соперничавшие с ним племена в степи, Абаоцзи заложил основы государства Ляо. К концу своего правления он обратил внимание на земледельческие районы в корейском царстве Бохай, которое завоевал незадолго до своей смерти в 926 г.

¹⁰ ЛШ 1 : 9а, 2 : 4б–5а; *Wittfogel and Feng Chia-sheng*. Liao. P. 576.

¹¹ ЛШ 112 : 12а; *Wittfogel and Feng Chia-sheng*. Liao. P. 412; cp.: 398–402.

Преемником Абаоци стал его второй сын Яогу (также известный как Дэ-гуан или Тай-цзун), который с помощью своей могущественной матери отстранил официально объявленного наследника — старшего брата, заняв вместо него императорский престол. Яогу продолжал экспансионистскую политику отца, воспользовавшись падением государств, основанных бывшими китайскими военачальниками на юге, и начал нападать на северо-восточные районы Китая.

В период правления Абаоци и Яогу государство Ляо развивалось и росло в относительной безопасности. Это продолжалось в течение 40 лет — до тех пор, пока его власть не распространилась на север Китая. Именно в это время династия усовершенствовала систему дуального управления, которая стала краеугольным камнем стабилизации в Китае. С самого начала Абаоци понимал, что не сможет управлять китайскими городами в Ляодуне таким же образом, каким он управлял киданьскими племенами. Для того чтобы извлечь пользу из своих завоеваний, ему были необходимы китайские чиновники, обладающие знаниями в области администрирования и сбора налогов. Поэтому китайские чиновники были оставлены на своих местах и продолжали действовать в рамках танской организационной системы. Однако Абаоци был человеком достаточно проницательным и видел, что окончательный переход на управление государством по китайскому образцу оттолкнет племенную часть населения, составлявшую костяк его армии. Дуальная организация позволила ему править новым государством единовластно, причем каждая группа управлялась в соответствии с привычными для нее законами и обычаями.

Такая система управления была создана сяньбийцами-мююнами при основании Янь, а затем унаследована Тоба Вэй. Ее повторное появление несколько столетий спустя было не результатом сознательного подражания, а, скорее, естественным решением проблемы, с которой сталкивались большинство основателей маньчжурских государств — организации единого государства, в которое входили бы как представители племен, часто ведущих кочевой образ жизни, так и оседлое китайское население. Кочевники из центральной степи с их представлениями об иерархии не были способны эффективно решить эту проблему, поскольку колебались между использованием чисто китайского административного аппарата, который лишал их поддержки племен, и назначением на ответственные должности в Китае племенных вождей, что вело к развалу системы управления и экономическому краху. В Маньчжурии же правители, подобные Абаоци, могли опробовать социальные новации на сравнительно небольшой территории, а кроме того, поскольку у северо-восточных племен не существовало наследственной аристократии, нуждались в китайских советниках и политической философии для того, чтобы оправдать узурпацию власти. Поначалу это был достаточно простой маневр, когда Абаоци попросил разрешения управлять китайским населением, которое он завоевал, как своим «независимым племенем», а затем привлек на службу китайских чиновников. После того как границы Ляо расширились, система стала более сложной, и в период правления Яогу была официально создана дуальная административная структура.

В старину уклад жизни киданей был простым, система служб своеобразной, а система управления простой, безыскусной и не запутанной терминами. Их возвышение было воистину стремительным. В 921 г. был издан эдикт, касающийся упорядочения чинов и званий. Когда Тай-цзун [Яогу] пришел к власти в Китае, он разделил правительственные учреждения на северные и южные. Кидани управлялись согласно их собственной системе, в то время как китайцы руководствовались своей системой. Киданьская система была простой и ясной. В китайской системе сохранялись традиционные термины. Правительственные учреждения государства Ляо были разделены на северные и южные. Северные занимались вопросами дворцов, юрт, племен, родов и зависимых государств, а южные рассматривали вопросы налогов и военных дел в китайских округах и уездах. Руководить в соответствии с обычаями в действительности означает достигать нужного¹².

Вероятно, самым странным аспектом этой дуальной организации (по крайней мере для китайцев) было то, что на всем протяжении истории династии императоры сохраняли привычку ежегодно покидать столицу и переезжать из одной временной ставки в другую. Китайские чиновники, таким образом, оставались руководить повседневной работой южных правительственных учреждений, а император и придворные занимались рыбалкой, охотой на тигров и медведей, посещали подчиненные племена или просто радовались пребыванию на свежем воздухе. Чиновники должны были периодически приезжать в эти временные ставки, чтобы участвовать в совещаниях двора.

Каждый год, в первой декаде первой луны, когда император отправлялся в путешествие, чиновники в ранге от первого министра и ниже возвращались в центральную столицу, где приступали к службе и разбирали дела, касающиеся китайцев, а также выпускали приказы о временном назначении на те или иные должности разных лиц. Они ожидали утверждения этих приказов после их обсуждения во временной ставке императора и затем издавали официальные имперские документы о назначении. Гражданских чиновников в ранге от окружного

¹² ЛШ 45 : 1a–b; Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 473.

начальника, регистратора и ниже было разрешено избирать секретарскому совету без доклада императору. О назначении военных начальников следовало докладывать императору. В пятой луне, когда император наслаждался прохладой своей временной ставки, совещания проводились совместно с чиновниками северных и южных учреждений правительства. Таким же образом совещания проходили и в десятой луне, когда император проводил в своей временной ставке зиму¹³.

В течение 40 лет Ляо в основном занималась военными кампаниями в Маньчжурии и степи. Абаоцзи никогда не предпринимал серьезных вторжений на территорию Северного Китая. С самого начала правления он вступил в союз с тюрками шато — наиболее влиятельными военачальниками на севере Китая, которые несли на себе основную тяжесть вооруженных конфликтов в этом регионе. В дальнейшем, когда шатосская династия Поздняя Тан (923–936 гг.) пала, кидани не предпринимали попыток завоевать Северный Китай, а, напротив, поддерживали правителей пришедшей ей на смену династии Поздняя Цзинь (936–947 гг.), которая впоследствии попала в зависимость от киданей. Ляосский двор защищал Цзинь от соперников, и в награду за это кидани получили небольшую территорию в Китае. Более агрессивное государство на их месте захватило бы всю территорию своего вассала. Кидани, однако, ограничились установлением системы непрямого контроля, поскольку, как и другие маньчжурские династии, целью которых было выжить в период анархии, они начали завоевывать Северный Китай только после того, как милитаризованные государства, основанные военачальниками, уничтожили друг друга.

Кидани не вторгались в Китай до тех пор, пока в 945 г. цзиньский двор не попытался разорвать с ними отношения. Вначале они почти не имели успеха и были наголову разбиты при деревне Байтуаньцзэй, причем ляосский император был вынужден бежать с поля боя верхом на верблюде. Несмотря на эту неудачу, ляосцы в 946–947 гг. разгромили армии Цзинь и захватили цзиньскую столицу Кайфын. Однако уже через несколько месяцев они потеряли большую часть захваченных территорий в результате политических разногласий, возникших после смерти Яогу (императора Тай-цзуна), и местных восстаний, которые вынудили их отойти на север. Земли, на которых разворачивались боевые действия, оставались в руках местных военачальников, пока в 960 г. не была основана династия Сун¹⁴.

Консервативный подход Ляо к завоеваниям в Китае наиболее явно проявился в ее взаимоотношениях с новой империей Северная Сун, которая захватила все небольшие царства в Китае, за исключением территорий, подконтрольных киданям, и объединила страну под властью национальной династии. Сун сумела захватить ряд важных царств, которые были союзниками киданей, и не встретила при этом существенного сопротивления. В 979 г., а затем и в 986 г. Сун нападала на самих киданей. Сунские атаки в обоих случаях были отбиты, причем во втором случае поражение сунцев было катастрофическим. В ответ на эти вторжения кидани, перешедшие к глухой обороне, признали в 990 г. новое тангутское царство Си-Ся, расположенное на северо-западе Китая, чье существование угрожало границам Сун. Баланс сил начал изменяться в пользу Ляо, и в 994 г. сунский двор направил к киданям два посольства для переговоров о мире, однако обоим было отказано в приеме. К 1004 г. кидани были уже достаточно сильны, чтобы контратаковать Сун, и это заставило сунцев просить мира на условиях Ляо. В 1005 г. мирный договор был подписан. Согласно ему, Сун должна была предоставлять киданям 20 000 кусков шелка и 100 000 *лянов* серебра ежегодно. Со своей стороны, кидани обещали признать старые границы. Этот договор положил конец борьбе между Сун и киданями на 100 лет¹⁵.

Способность киданей выдерживать атаки Сун, а затем и контратаковать зависела от могущества их армии. При существующей дуальной системе управления военные дела находились в ведении северного канцлера, т. е. в сфере влияния племен. Несмотря на то что несколько китайцев стали военачальниками, представители китайской административной структуры не допускались к обсуждению военных дел. Все назначения в армии должны были утверждаться лично императором. Хотя войска, состоявшие из кочевников, составляли основу ляосской армии, они вместе с тем представляли угрозу для династии, поскольку находились под началом старой племенной знати. Именно эта племенная знать больше всех была недовольна единоличной властью императора. Абаоцзи и его преемники пытались уменьшить влияние племенных вождей, создавая постоянное воинское сословие из представителей различных племен (и даже китайцев), которое функционировало в качестве личной императорской гвардии и частей быстрого реагирования. Эти войска, известные под названием *ордо*, располагались в стратегически важных пунктах империи и в случае войны первыми подлежали мобилизации.

¹³ ЛШС 32 : 3b–4a; Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 484.

¹⁴ ЛШС 4 : 9b–16a.

¹⁵ ЛШС 9 : 3a, 11 : 4a, 13 : 5a–b; 14 : 5b–6a; cp.: Tao. Barbarians of Northerners: Northern Sung images of the Khitans.

Тай-цзу [Абаоцзи] после восшествия на престол при поддержке племени ила разделил свое племя на Пять округов и Шесть округов, которые управлялись членами императорского клана. Но так как ему недоставало личной гвардии, были учреждены войска *ордо*. Все округа, уезды, дворы и отдельные подданные были разделены таким образом, чтобы усилить ствол и ослабить ветви. Этот принцип использовался и последующими поколениями; каждый новый правитель набирал свою гвардию *ордо*. Когда император вступал [в резиденцию], гвардейцы располагались рядом с ним, чтобы защитить его, а когда он выходил, сопровождали его. После погребения императора они охраняли его мавзолей. В случае военных действий опорные базы пяти столиц и двух областей быстро рассылали воззвания и собирали [войска] таким образом, что не было необходимости ожидать окончания мобилизации по уездам, округам и племенам, поскольку армия в 100 000 конных воинов уже была наготове¹⁶.

В действительности армии *ордо* никогда не насчитывали 100 000 воинов, но всегда служили костяком гораздо большего по численности (вплоть до миллиона человек) войска, которое собиралось со всей страны. По мере расширения государства Ляо увеличивалась численность войск *ордо* и связанных с ними дворов, хотя некоторые новые *ордо* создавались заимствованием личного состава уже имевшихся¹⁷.

Период	Дворы	Взрослые мужчины	Конные воины
926 г.	15 000	30 000	6000
951 г.	51 000	102 000	24 000
969–983 гг.	73 000	146 000	36 000
До 1031 г.	110 000	220 000	61 000
1101–1125 г.	140 000	280 000	76 000

Кидани создали более устойчивое государство, чем сяньбийцы-муюны в IV в. Учредив войска *ордо* и более жестко контролируя членов императорского клана, династия Ляо эффективно уменьшила могущество племенной знати. Кроме того, она сумела избежать, по крайней мере на первом этапе, финансовых проблем, поразивших предшествующую династию Янь. Правители Янь обнаружили, что содержание большого числа чиновников, необходимых для дуальной системы управления, ложится слишком тяжелым бременем на их сравнительно немногочисленных подданных. Ляо, вероятно, столкнулась бы с той же проблемой, если бы не получала от Сун крупных выплат в рамках даннической системы, установленной в соответствии с мирным договором 1005 г. Наконец, Ляо посчастливилось иметь целый ряд императоров-долгожителей, поэтому политические неурядицы, вызванные спорами вокруг вопроса о престолонаследии, происходили у киданей относительно редко.

Однако в отношении внешней экспансии стратегия Ляо и Янь была похожей. Это были маньчжурские династии, которые в условиях анархии сумели выжить и расширить свои владения, опираясь на консервативную военную политику. Иными словами, они очень умело защищались от нападения, но ограничивались относительно небольшими завоеваниями на севере Китая. Династия Ляо, опасаясь внутренних восстаний, оказалась неспособной удержать территории, захваченные ею у Цзинь, и признала власть Сун на большей части Северного Китая, хотя ее армии были сильнее сунских. Она стремилась к признанию тангутского царства Си-Ся, которое было выгодным союзником в борьбе против Сун и фактически признало власть киданей на северо-западе. Мирный договор с Сун, согласно которому Ляо признавала старые границы в обмен на денежные выплаты и поставку шелка, показал, что ляосский двор придерживался в основном оборонительной политики во взаимоотношениях с югом. «Окруженная с четырех сторон воинственными народами, [Ляо] припала к земле подобно тигру, которому ни один из них не посмел бросить вызов»¹⁸.

В отношениях со степью и Маньчжурией кидани вели себя более агрессивно. Их контроль над пограничными племенами был политическим и военным. Они назначали вождями племен людей, лояльных династии, которые должны были выплачивать дань двору Ляо. Ляосские поборы и повинности часто бывали очень обременительными, и династия была непопулярна среди племенных подданных. Последние периодически восставали и убивали назначенных Ляо вождей. Подавив в 986 г. восстание чжурчжэней, ляосский двор осознал, какая опасность исходит от подвластных племен. Мирный договор с Сун, согласно которому ежегодно производились большие выплаты, позволял киданям направлять войска на север и оплачивать дорогостоящие военные экспедиции против пограничных племен и царств. Начиная с 1010 г. на

¹⁶ ЛШ 35 : 1b; Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 540.

¹⁷ Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 516.

¹⁸ ЛШ 46 : 14b; Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 554.

протяжении 10 лет было организовано несколько военных кампаний против Кореи, которые, однако, не принесли заметных успехов. Кидани направляли армии против уйгуров на западе и против тюрков в степи. В 1029 г. было подавлено крупное восстание бохайцев, а также организовано несколько карательных рейдов против чжурчжэней. Эти военные кампании, как и предшествующие пограничные рейды, способствовали либо непосредственному подчинению племен, либо (в более отдаленных районах) принуждали их к признанию зависимости от киданей. Основным средством, используемым киданями в целях обороны, были многочисленные пограничные заставы. Даже когда династия вступила в длительный период спокойствия и процветания по окончании войн с Сун, северо-восточную границу становилось все труднее и труднее контролировать.

Гарнизоны, расположенные вдоль северо-восточной границы, были сосредоточены вокруг двух городов и 70 укрепленных пунктов, численность регулярных войск в которых достигала 22 000 человек. Самый большой гарнизон насчитывал 10 000 человек, в более мелких крепостях размещалось несколько сотен воинов. Солдат на службу набирали часто, и предполагалось, что они в основном будут сами обеспечивать себя продовольствием. Такие пограничные заставы находились и на северо-западной границе. С самого начала у династии возникли проблемы с содержанием оборонительных линий, поскольку условия службы на заставах были очень плохими. Один из министров, стремившийся реформировать эту систему, изложил состояние дел на границе в период между 983 и 1012 гг., когда династия еще находилась на вершине своего могущества.

В северо-западных областях во время сельскохозяйственных работ на каждого человека, участвующего в дозорной и караульной службе, приходится один обрабатывающий общественную землю и двое обслуживающих офицеров *цзю*. Обычно ни один из этих четырех взрослых мужчин не живет дома. Работы по содержанию и выпасу скота ложатся на плечи их жен и детей. В случае ограбления или неурожая они немедленно разоряются. Весной и летом им оказывается помощь посредством благотворительных акций [правительства]. Однако чиновники часто смешивают [правительственное зерно] с мякиной, тем самым увеличивая совершаемые в отношении их злоупотребления, и через несколько месяцев они вновь оказываются в бедственном положении... Более того, в связи с дезертирством и смертями солдаты для охраны границы постоянно замещаются лицами, непривычными к естественным условиям данной местности. Таким образом, день за днем все приходит в упадок, а набеги продолжают месяц за месяцем, так что они постепенно доходят до полного изнеможения¹⁹.

Ситуация не улучшалась. В докладе, представленном полвека спустя (около 1034–1044 гг.) и посвященном северо-восточной границе, говорилось следующее:

Недавно для охраны границы мы отбирали справных людей, способных обеспечить себя зерном. Путь длинен и труден, так что поездка занимает много времени. Когда они достигают мест расположения гарнизонов, припасы уже более чем наполовину израсходованы. Соответственно, скот и повозки обычно не возвращаются.

Семьи без взрослых мужчин, [способных нести воинскую службу], дают двойную цену за наем [человека, который бы отслужил за них], но эти люди боятся трудностей и убегают на полпути, таким образом, припасы для пограничных войск часто не могут быть доставлены. Если служащим на границе требуется ссуда, то проценты с нее увеличиваются в 10 раз. Дело доходит до того, что возвращение долга становится невозможным, даже если дети и поля продаются. Тем не менее, хотя имеют место постоянное дезертирство и высокая смертность в армии, на место выбывших набирают молодых и здоровых мужчин. Примерно так обстоят дела в отношении службы в пограничных гарнизонах к востоку от реки Ялу. Более того, бохайцы нюйчжэнь [чжурчжэни] и корейцы образуют союзы. Против них постоянно проводятся карательные экспедиции. Богатые вступают в армию, а бедные участвуют в дозорах и караулах. Помимо имеющих место наводнений и засух, бобы и просо дают плохой урожай, что ежедневно увеличивает страдания людей. Это происходит под действием обстоятельств²⁰.

Чжурчжэньская династия Цзинь завоевывает Северный Китай

Договор 1005 г. с Сун знаменовал собой начало периода стабильности в истории Ляо. Ляосский двор оставил надежды на какие-либо крупные завоевания и старался сохранить существующее положение. Для династии, построенной в результате завоеваний, это было серьезной проблемой, поскольку дуальная организация государства Ляо обходилась слишком дорого, даже с учетом денежных вливаний со стороны Сун. Все более интенсивные войны на северной границе истощали династию, так как одержанные там победы не приносили новых доходов. Так как армия и бюрократический аппарат существовали на средства государства, эта

¹⁹ ЛШС 104 : 2a–b; *Wittfogel and Feng Chia-sheng*. Liao. P. 556.

²⁰ ЛШС 103 : 2a–3b; *Wittfogel and Feng Chia-sheng*. Liao. P. 557.

проблема встала чрезвычайно остро. Во второй половине XI в., несмотря на новый договор с Сун, подписанный в 1042 г. и значительно увеличивший объем выплат с юга, разразился финансовый кризис. Существенное сокращение налоговых сборов произошло, когда знатные кидани сделались крупными землевладельцами. Представители киданьской знати, которые до этого почти все время участвовали в военных действиях, в период длительного мира с Сун обзавелись собственностью и старались уклониться от уплаты налогов, пользуясь своей властью. Это ослабляло финансовую базу Ляо и все больше переключало внимание киданьской знати на личное обогащение. Расширение земельных владений киданей провоцировало также восстания среди китайских крестьян, которые изгонялись со своих земель или превращались в арендаторов. Разбой и бродяжничество оставшихся без земли крестьян стали столь распространенным явлением, что к 1087 г. правительство объявило, что ситуация во многих сельскохозяйственных районах вышла из-под контроля²¹.

На границе в результате жесткого правления киданей участились восстания чжурчжэней и бохайцев. Беспорядки среди пограничных племен и ухудшающееся состояние пограничных гарнизонов на северо-востоке представляли для династии наибольшую опасность. Чжурчжэни, в частности, жаловались на злоупотребления чиновников и чрезмерность усилий, которые им приходилось прилагать для того, чтобы предоставить редкие меха и животных — дань двору Ляо. Такие племена всегда были ядром сопротивления династии, но они мало что могли сделать, пока кидани были хорошо организованы. Когда внутренняя слабость государства Ляо снизила его способность контролировать соседей, приграничные лидеры стали отделяться. Неповиновение чжурчжэней открыто проявилось в 1112 г., когда их вождь Агуда наотрез отказался танцевать по приказу лясоского императора, отправившегося на ежегодную рыбную ловлю в места обитания лесных племен. Это было актом неповиновения, равнозначным призыву к восстанию. В течение нескольких последующих лет Агуда собрал под свои знамена всех чжурчжэней и атаковал позиции Ляо.

Чжурчжэни жили к северу от коренных киданьских земель на реке Ляохэ. У них была смешанная экономика, в которой земледелие сочеталось с разведением скота, охотой и рыбной ловлей. Климат и почва не позволяли чжурчжэням достигнуть высокого уровня жизни, но, несмотря на свою бедность, они имели хорошую конницу. Кидани включили некоторых чжурчжэней в государство Ляо, они назывались «покорные» чжурчжэни, а их родичи, не находившиеся под контролем киданей, были известны под названием «дикие». Ранние сведения о чжурчжэнях указывают на наличие у них раздробленной политической структуры и отсутствие общего лидера. Отдельные личности приобретали влияние на местах, участвуя как посредники в спорах между деревнями, нередко приводивших к кровной вражде. Выделившиеся внутри рода лидеры избирались на должность *боцзинь* (*богиле*) и командовали родами во время войны. После возникновения киданьской династии Ляо власть в племенах чжурчжэней становится более централизованной. Клан Ваньянь, происходивший из корейских пограничных земель, подчинил своей власти другие «дикие» племена в течение XI в., осуществляя управление через совет племенных вождей, которые носили титул *боцзиле*. Основатель чжурчжэньской династии Цзинь Агуда был членом правящего рода Ваньянь и в соответствии с чжурчжэньской традицией наследования по боковой линии унаследовал власть от брата²².

Агуда получил в наследство агрессивную, но плохо организованную конфедерацию племен. Когда чжурчжэни начали свои завоевания в Китае, они не имели ни письменности, ни административной системы для создания государства. Переход от восстания племен к завоеванию Китая был настоящим подвигом. Авторы официальной истории Цзинь, написанной в период Юань, приписывали возвышение чжурчжэней их воинственному характеру и суровым условиям жизни.

Причинами такого быстрого успеха явилось то, что обычаи чжурчжэней отличались жестокостью и это придавало им значительную силу, а также то, что эти люди отличались упорством и решительностью. Все братья, сыновья и племянники были искусными военачальниками, а все племена и основные роды состояли из добрых воинов. Кроме того, территория, занимаемая ими, была небольшой, а земля бедной — и не отличающейся плодородием. В мирное время они много работали на полях, чтобы обеспечить себя продовольствием. Во время войны они посвящали себя сражениям, чтобы захватить добычу. Они постоянно упражнялись физически, так что могли переносить и жару, и холод. Призыв и отправка воинов на войну были чем-то вроде семейного дела. Военачальники отличались храбростью и единодушием; воины были умелыми и обладали большой силой. Однажды возвысившись и превратившись из слабого племени в сильное, они с небольшим числом воинов смогли захватить в плен большое число людей²³.

²¹ Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 286, 377, 406.

²² Franke H. Chinese texts on the Jurchens. Династийная история чжурчжэней содержится в *Цзинь-шу* (ЦШ).

²³ ЦШ 40 : 1a; Tao. The Jurchen in Twelfth Century China. P. 21–22.

Однако многие пограничные племена могли похвастаться крепкими родственными связями и хорошими бойцами. Быстрому успеху чжурчжэней вслед за их первой атакой на киданей в 1114 г. способствовало резкое снижение обороноспособности государства Ляо. Если бы ляосские воины упорно защищали свою династию, чжурчжэням не удалось бы вторгнуться в Китай. Однако Ляо пережила ряд крестьянских восстаний, которые ослабили ее и посеяли недовольство двором даже среди самих киданей. Когда граница подверглась нападению, ни киданьское племенное ополчение, ни императорские армии не оказали серьезного сопротивления. В 1115 г., всего год спустя после того, как Агуда начал первую военную кампанию, огромная по размеру императорская армия (по сведениям источников, 700 000 человек) была уничтожена в первом же сражении сравнительно немногочисленным войском чжурчжэней, в результате чего последние захватили большую часть территории Маньчжурии. Восточная столица Ляо покорилась чжурчжэням на следующий год, а члены императорского клана, служившие в соседних округах, капитулировали. В 1117 г. ляосская армия, находившаяся на северо-востоке, рассеялась, так и не вступив в бой²⁴.

Недовольство со стороны подчиненных киданям племен легко понять, однако разгром ляосцев на их родной территории, поражение огромных по численности армий и капитуляция членов императорского клана указывают на то, что династия утратила связь также со своим собственным народом. Уменьшение доходов от сельского хозяйства, отсутствие новых завоеваний и проведение политики, от которой выигрывала только дворцовая верхушка, означали, что киданьские племена больше не могли рассчитывать на вознаграждение за поддержку династии. Особенно это касалось войск передовой линии, защищавших северо-восточные рубежи и больше всего страдавших от пренебрежения двора делами пограничных гарнизонов. Чжурчжэни обещали этим воинам добычу, захваченную во время сражений, и новые завоевания. Такое поведение чжурчжэней было типично для племен завоевателей, поскольку их вожди в первую очередь искали союзников для будущих, еще более кровопролитных сражений.

Племенная организация чжурчжэней являлась основой их военной структуры. Завоеванные племена под командованием собственных командиров свободно входили в состав чжурчжэньского войска в качестве новых воинских частей. Первоначально армия чжурчжэней состояла из подразделений, насчитывавших 100 (*моуке*) и 1000 (*мэньань*) человек. Агуда увеличил их численность, и в дальнейшем в каждом *мэньань* насчитывалось 10 *моуке* по 300 дворов. Даже китайцы, перешедшие на сторону чжурчжэней, могли рассчитывать на получение племенных титулов и включение в эту структуру, лидеры которой составляли элиту чжурчжэньского государства. Таким образом, для многих вождей киданьских племен и для китайских чиновников чжурчжэньское завоевание предоставляло гораздо более радужные перспективы, чем подчинение власти агонизирующей династии Ляо, которая уже не могла вознаграждать их. По этой причине чжурчжэни гораздо успешнее, чем Сун, воспользовались расколом в правительстве Ляо. Сун не могла предложить киданьской знати подобных сделок, поскольку ее целью было разрушение Ляо, ради чего она «заигрывала» с чжурчжэнями, полагая их своими союзниками.

К 1126 г. чжурчжэни не только покорили Ляо, но и захватили весь север Китая. Их проникновение на территорию Ляо было столь стремительным, что его правильнее было бы назвать не завоеванием, а переворотом. Государственная структура Ляо осталась нетронутой, поскольку у чжурчжэней не было альтернативной модели управления и они просто заменили непопулярный двор, придерживавшийся оборонительной тактики, на более агрессивное руководство. Китаизированные чиновники из числа бохайцев и киданей модифицировали административную структуру Ляо таким образом, чтобы она соответствовала потребностям чжурчжэней. Многие чиновники из числа киданей оказались в выигрыше, поскольку новая династия укрепила высшие «эшелоны власти» бывшего киданьского государства и значительно расширила их, увеличив доходы чиновничества и создав новые административные должности.

Завоевание Северного Китая явилось тяжелым ударом для династии Сун, которая вынуждена была оставить эту территорию. Любопытно, что Сун поощряла чжурчжэньские атаки на киданей в надежде получить обратно китайские земли, удерживаемые Ляо. Этот союз не имел большого военного значения для чжурчжэней, поскольку военные неудачи Сун лишней раз доказали слабость южной династии. После победы над киданями чжурчжэни не позволили Сун присоединить принадлежавшие ей прежде земли, а в 1125 г. начали открытые военные действия против южан. В течение двух лет вся территория Северного Китая, включая сунскую столицу Кайфын, перешла в их руки. Эти кампании осуществлялись в первую очередь с помощью чжурчжэньской конницы, хотя чжурчжэни также очень быстро освоили сложные системы китайского вооружения и стали использовать пеших воинов для штурма городов. Как и предшествующие

²⁴ Wittfogel and Feng Chia-sheng. Liao. P. 596.

завоеватели, чжурчжэни не смогли изгнать Сун из Южного Китая даже после множества попыток, поскольку их конница оказалась неэффективной на болотистых рисовых полях юга. Чжурчжэньская династия Цзинь никогда не обладала флотом, достаточно сильным для того, чтобы бросить вызов владычеству Сун на водных путях, лежащему в основе оборонительной стратегии многих государств юга. Неудача в противостоянии с югом положила начало периоду сосуществования Сун и Цзинь, наминавшему прежнее противостояние Сун и Ляо.

Чжурчжэни были гораздо более искусны в военном деле, чем в политике или в системе управления. Необходимость управлять всем Северным Китаем легла тяжелой ношей на плечи руководителей новой династии Цзинь. Вскоре чжурчжэни начали использовать на административной службе бывших чиновников Ляо — китайцев, бохайцев и киданей. Не имея опыта управления, они с готовностью переняли у киданей модель дуальной администрации. Для чжурчжэней она была особенно привлекательной, поскольку позволяла отдельно управлять племенами и китайским населением. На самом деле для Цзинь дуальная система управления была еще более удобна, чем для киданей в последние годы существования Ляо, когда различия между китайцами и киданями начали стираться. Кидани создали систему, которая была приспособлена для удовлетворения потребностей племен, ведущих завоевательные войны, а чжурчжэни распространили ее по всему Северному Китаю.

Для Цзинь был характерен высокий уровень китаизации, которого она достигла за 120 лет. Чжурчжэни в гораздо большей степени, чем предшествующие им кидани или пришедшие им на смену монголы, переняли китайскую философию и методы управления. Ко времени монгольского завоевания династия Цзинь по своему характеру стала более китайской, чем Ляо в любой из периодов своей истории. Показатель этой культурной ассимиляции — диспут (по метафизическому вопросу о том, какие именно элементы, согласно китайской традиции, наиболее соответствуют его династии), который устроил цзиньский император, в то время как армии Чингис-хана опустошали Северный Китай²⁵.

Причины интенсивной китаизации чжурчжэней были многообразны, однако в конечном итоге рост китайского влияния был связан с политической эволюцией их государства. Цзинь управляла всем Северным Китаем, а не его частью, как это делала предшествующая династия Ляо. Чжурчжэни были вынуждены использовать китайских советников и китайские структуры управления в гораздо большей степени, поскольку китайская территория составляла основную часть их империи. В то время как в Ляо соотношение численности китайцев и киданей составляло 3 : 1, в государстве чжурчжэней оно достигало 10 : 1. В гораздо более обширной империи Цзинь пограничные маньчжурские земли играли менее значительную роль, чем в государстве киданей, особенно после того, как большинство чжурчжэней расселились на исконно китайской территории. Расселение чжурчжэней означало исчезновение обособленного резервуара племенной культуры, которая могла бы противодействовать китайскому влиянию. Даже в период заката Ляо многие кидани все еще проживали в пограничном регионе, где (по иронии судьбы) они сменили чжурчжэней в качестве главных возмутителей спокойствия на границе. Восстания киданей стали одной из самых больших проблем для Цзинь на позднем этапе ее истории²⁶.

Еще одним важным фактором был низкий уровень культуры чжурчжэней на момент завоевания ими Северного Китая. Кидани до начала своей экспансии с территории Маньчжурии уже имели письменность и собственную административную систему. В течение жизни нескольких поколений киданьские лидеры создали пограничное государство, которое до некоторой степени объединило китайскую культуру с культурой племен. Таким образом, когда кидани стали продвигаться на северо-восток Китая, они имели за плечами почти вековой период самостоятельного местного развития. Под предводительством Агуды чжурчжэни были «вброшены» прямо в Северный Китай без прохождения подобного подготовительного периода. Их традиционные ценности, обычаи и даже язык были быстро утрачены в новой обстановке, особенно среди чжурчжэньской придворной знати, несмотря на периодическую реализацию правительством программ по защите культуры чжурчжэней и издание соответствующих указов. Однако это объяснялось не какой-то особой склонностью чжурчжэней (по сравнению с киданями) к заимствованию китайской культуры, а непригодностью их культурных традиций в новых, более сложных жизненных условиях. Чжурчжэни перенимали китайскую культуру потому, что она представляла собой единственную модель цивилизации, которая была им доступна.

Процесс заимствования Цзинь китайской культуры был частью политической борьбы за право осуществлять власть в государстве. После эпохи завоеваний большое число районов оказалось в руках чжурчжэньских военачальников. С 1123 по 1150 г. шла борьба за власть между

²⁵ Chan. *Legitimation in Imperial China: Discussions under the Jurchen-Chin Dynasty (1115–1234)*. P. 116.

²⁶ Tao. *Jurchen*. P. 51.

группировками, близкими к императорскому двору, и военачальниками, которые обосновывали свое право на власть личными завоеваниями. Поскольку их притязания зиждились на обычном праве чжурчжэней, где подчеркивалась необходимость разделения власти внутри племенной системы, цзиньский двор посчитал выгодным постепенно переходить на китайский стиль управления, чтобы покончить с независимостью племен. Такая же борьба имела место при формировании и государства Янь у муюнов, и Ляо у киданей, но закончилась еще до их вступления в Китай. Чжурчжэни осуществили этот «переход», уже захватив власть в Китае. Двор быстро перенял китайские политические институты с их ориентацией на императора и таким образом укрепил династию за счет ослабления позиций вождей племен. Хотя династия Цзинь и нуждалась в войсках, создаваемых на племенной основе, как в надежной военной силе, она руководила ими напрямую через свой двор, а не через вождей племен в качестве посредников²⁷.

Централизация сопровождалась усилением роли китайской культуры. В период правления императора Дая (1135–1149 гг.) совет племенных вождей *боцзиле* был упразднен. Была проведена реорганизация правительства по образцу Тан и Сун, при дворе введены конфуцианские церемонии и ритуалы. Централизация достигла наиболее высокого уровня при четвертом цзиньском императоре Ляне (1149–1161 гг.), который был ярким приверженцем китайской культуры. В 1150 г. он положил конец системе дуального управления и казнил многих чжурчжэньских военачальников, включая тех представителей императорского рода, которые ему сопротивлялись. В 1153 г. он перенес столицу на юг, чтобы лучше контролировать китайскую территорию, перенял целый ряд ритуалов китайского двора. Он также отменил ряд ранее изданных законов, являвшихся составной частью кампании по «чжурчжэнизации», направленной на сохранение традиционных чжурчжэньских обычаев и начатой в 1126 г. В 1158 г. император Лян развернул огромное строительство в столице Северной Сун — городе Бянь (Кайфыне), где, по его замыслу, должен был находиться центр великой объединенной империи после завоевания юга. Работы над проектом прекратились с убийством императора в 1161 г., после провала военной кампании против Сун. Чжурчжэньская знать велела вычеркнуть имя Ляна из официального списка императоров.

Пятый цзиньский император Юн, или У-лу (1161–1189 гг.), попытался кардинально изменить политику своего предшественника, которая отталкивала от династии представителей племен. Он поощрял охоту, способствовал более широкому использованию чжурчжэньского языка, увеличил долю чжурчжэней в составе органов управления и наделял землей чжурчжэньских простолюдинов²⁸. Однако эта политика потерпела крах, поскольку процесс китаизации зашел слишком далеко. Структура системы управления полностью следовала китайской модели, что было выгодно императору. «Трайбализация» правительства в любом случае означала передачу власти местным племенным вождям, а взять курс на такие перемены центральное правительство было не готово. Многие делали для возрождения чжурчжэньской культуры, однако традиционные племенные обычаи мало что значили для чжурчжэней, живших в Китае. Формальное возвращение к племенным обычаям не могло привести к каким-либо фундаментальным изменениям. Если не для самих китайцев, то для иноземцев Цзинь представлялась типичной китайской династией по своему характеру и системе управления. Однако внешняя политика Цзинь весьма отличалась от традиционной китайской политики. Для того чтобы поддерживать разобщенность кочевников, проживавших вдоль северной границы, она вела с племенами политические игры. Когда династия неожиданно оказалась перед угрозой самого серьезного в истории вторжения степных племен на территорию Китая — монгольского нашествия под предводительством Чингис-хана, она использовала для обороны от агрессоров всю свою военную силу. Цзинь отказалась признать условия мира, по которым должна была выплачивать дань кочевникам, что ранее на протяжении длительного времени делали династии Хань, Тан и Сун. Хотя монголы, возможно, и рассматривали Цзинь как китайское государство, она таковым не являлась. Чжурчжэни стойко, хотя в конечном итоге и безрезультатно, более четверти века обороняли Северный Китай от атак монголов, пока их династия не была уничтожена в 1234 г.

Расколота степь

Завоевание Северного Китая иноземными династиями поставило кочевников Монголии в невыгодное положение. Эти династии были знакомы с политикой и обычаями племен, имели многочисленную конницу и успешнее вели дела с номадами, чем национальные китайские династии. Одним из их важных преимуществ была дуальная организация системы управления,

²⁷ Чан (Chan) подробно описывает политическую борьбу у чжурчжэней (*Legitimation*. P. 57–72).

²⁸ Tao. Jurchen. P. 68–83.

которая позволяла устанавливать в пограничных районах особые законы и практики делопроизводства, а также освобождала армию от контроля китайских чиновников, позволяя военачальникам проводить более активные военные действия. Однако главное отличие, вероятно, находилось в области психологии. Китайские династии рассматривали кочевников как нечто чужеродное, подобное скорее птицам и зверям, чем людям, и полагали их действия и социальную организацию необъяснимыми. У иноземных династий взгляд на вещи был шире, поскольку их государства с самого начала включали в себя не только китайское население городов и сел, но и народы из пограничных лесов и степей. Племенная организация и кочевое скотоводство составляли в недавнем прошлом часть их собственного жизненного уклада. Иноземные династии знали слабые места степных племен.

Это отличие ярче всего проявилось в изменении стратегии нападений на степь. Иноземные династии не ставили своей целью выигрывать генеральные сражения, а стремились захватить как можно больше людей и скота. Поскольку население степи и ее экономика были мобильны, власть вождей кочевников можно было подорвать только путем массового изъятия у них человеческих и материальных ресурсов. Китайские династии редко проводили подобную политику, поскольку она означала расселение врага на территории империи и давала ему возможность наносить вред государству. Для иноземных династий такое положение дел не представляло большой опасности, поскольку для контроля над племенами была выработана система дуального управления. Такая же гибкость демонстрировалась и в торговле. Китайские династии часто отказывали кочевникам в праве торговать или накладывали на них строгие ограничения. Переговоры о регулярно действующих рынках были источником вечных разногласий. Иноземные династии, напротив, не препятствовали торговле и не закрывали границу, поэтому степные племена, видимо, имели возможность торговать без затруднений. Подобный подход ликвидировал основную причину набегов и подрывал традиционные основы власти степных вождей.

Иноземные династии в зависимости от характера угрозы придерживались различных типов оборонительной политики. Тоба Вэй полагалась на сильные гарнизоны, расположенные на границе, которые использовались для нападения на жуаньжуаней и предотвращения вторжений на территорию Китая. Она также старалась способствовать распрям среди жуаньжуаней, чтобы расколоть их политически. Киданьская Ляо и чжурчжэньская Цзинь (на первом этапе своего существования) не имели особых проблем с кочевниками, поскольку степь находилась в состоянии анархии и в ней отсутствовала централизованная власть. Они применяли тактику зональной обороны, включая в состав империи племена, обитавшие вблизи границы, и использовали их в качестве буфера, сдерживавшего атаки племен из отдаленных районов. Те племена, которые непосредственно подчинялись Ляо или Цзинь, находились под строгим контролем, что порождало недовольство и частые восстания в пограничных землях. В отношении племен, обитавших вдалеке от границы, проводимая политика была более гибкой. Ляо и Цзинь обычно использовали внутреннее противоборство в среде кочевников и лишь изредка возводили в степи крепости с целью их устрашения. Кидани и чжурчжэни всячески поддерживали мелкие племена, чтобы уничтожать более крупные, а затем предавали своих временных союзников. Сутью ляоско-цзиньской политики было поддержание состояния анархии и предупреждение появления в степи какой-либо могущественной фигуры.

Монголы впервые упоминаются в исторических источниках именно в качестве жертв чжурчжэньской политики «разделяй и властвуй». Они были одним из многочисленных племен на севере Гоби, которые могли причинить беспокойство южным соседям. Во всех этих племенах имелись честолюбивые лидеры, мечтавшие захватить власть в степи. Потенциальными соперниками монголов были, например, татары, керейты, найманы, меркиты и онгуто. Границу сторожили не только чжурчжэни. От Памира до Тихого океана вся степная граница находилась в руках могущественных иноземных племенного происхождения, костяк армий которых составляла конница. На западе находился Туркестан, управляемый каракитаями. Это государство было основано киданьским князем, который привлек местных тюрков-кочевников для защиты стратегических оазисов в этой области. Ганьсуйский коридор и Ордос находились под властью тангутского царства Си-Ся. Разбогатевшее на торговле, оно могло похвастаться многочисленными городами-крепостями и отлаженной системой обороны. К востоку от Ордоса, на землях Южной Монголии и Маньчжурии, протянулись гарнизоны и крепости чжурчжэней, которые защищали династию Цзинь от набегов и оказывали поддержку союзным им племенам. Потенциальные лидеры кочевников сталкивались на своих южных рубежах не с одним, а с тремя могущественными государствами.

Чжурчжэни, стремясь контролировать северные племена, часто делали им подарки и приглашали их вождей посетить Китай. Если поощрительная политика не имела успеха, они применяли силу. Когда Хабул-хан стал первым влиятельным монгольским лидером, он был при-

глашен к цзиньскому двору и принят по-царски. Позднее, решив, что он представляет слишком большую опасность, чжурчжэни задумали избавиться от него и в 1137 г. организовали военный поход против монголов. Чжурчжэньская армия глубоко проникла на монгольскую территорию, но нигде не обнаружила кочевников. Когда припасы экспедиционных войск подошли к концу и пора было возвращаться в Китай, монголы неожиданно атаковали цзиньцев и разбили их. Вскоре после этого Хабул-хан умер, и власть перешла к его племяннику Амбагаю. Татары выдали Амбагаю чжурчжэням, которые казнили его в Китае. Монголы перегруппировали свои силы под предводительством Хутулы, сына Хабул-хана, и в отместку совершили набег на границу. В 1143 г. чжурчжэни предприняли контратаку на монголов, но успеха не имели. Монголы находились слишком далеко от Китая, чтобы их можно было легко преследовать, а лучшие цзиньские войска были брошены на войну с империей Сун. В 1147 г. один из цзиньских генералов посоветовал заключить мирный договор с монголами в качестве наилучшего решения пограничного вопроса. Частью этого соглашения было согласие Цзинь убрать ряд крепостей, которые угрожали монголам, и выплатить им дань. На первый взгляд это выглядело как крупное поражение Цзинь и переход ее внешней политики на традиционные китайские рельсы, но это было не так. Просто Цзинь вела против монголов более тонкую «игру чужими руками».

Сразу же после подписания мирного договора монголы атаковали татар для того, чтобы отомстить за смерть Амбагаю, положив этим начало длительным междоусобным войнам. Однако монголы страдали от внутренних разногласий, в ходе которых Хутула и большинство его братьев были убиты. Цзиньскому двору было известно, что у монголов имелось много завистливых соседей, которые могли поспособствовать их падению. Чжурчжэни воспользовались этим и в 1161 г. заключили союз с татарами для проведения совместной военной экспедиции против монголов. Одержанная победа возвысила татар и заставила чжурчжэней искать для борьбы с ними новых союзников, которыми стали керейты. В 1198 г. войска керейтов, монголов и чжурчжэней объединились, чтобы уничтожить татар²⁹.

Эти события наглядно иллюстрируют чжурчжэньскую политику «разделяй и властвуй». Это была долговременная стратегия, которая позволяла оказывать интенсивное давление на набирающие силу конфедерации племен. Чжурчжэни поддерживали вождей слабых племен с целью ограничить могущество сильных. При всяком удобном случае они меняли своих союзников и уничтожали наиболее опасные кочевые конфедерации, часто задействуя для этого те самые племена, которые разгромили несколькими десятилетиями ранее. В отношении монголов такой период составлял 25 лет, в отношении татар — 37 лет. Осуществление подобной политики требовало от цзиньских императоров и их окружения пристального наблюдения за кочевым миром. Конечно, эта политика имела и свой потенциальный недостаток: поддержка более слабого соперника в борьбе с более сильным могла обернуться для чжурчжэней появлением нового лидера, которого им было бы не под силу остановить с помощью традиционных племенных междоусобиц.

Указатель основных имен

Важнейшие племена на степной границе

Бохай (X в.)

Царство на границе Кореи

Разгромлено киданями

Кидани (X–XI вв.)

Кочевые племена в Маньчжурии

Основали династию Ляо на северо-востоке Китая в начале X в.

Кидани (XII в.)

Кочевые племена в Маньчжурии

Государство, уничтоженное соседями-чжурчжэнями в начале XII в.

Кочевые племена, оставшиеся в маньчжурских степях

Оседлые кидани стали важным компонентом чиновничества в государстве Цзинь

Кыргызы (X в.)

Изгнаны киданями с территории, ранее занимаемой уйгурами

Монголы (XII в.)

Небольшое племя в Монголии

Притеснялись чжурчжэньской династией Цзинь

²⁹ *Martin. The Rise of Chinggis Khan. P. 55–59.*

Си (X–XI вв.)

Тюрки-кочевники, соседи киданей

Основной объект военных кампаний Ляо в степи

Чжурчжэни (X–XI вв.)

Лесные племена в Северной Маньчжурии

Завоеваны киданями

Чжурчжэни (XII в.)

Лесные племена в Северной Маньчжурии

Двинулись на юг и завоевали киданьскую династию Ляо

Основали династию Цзинь

Шато (X в.)

Тюрки, вступавшие в союз с уйгурами, а затем с двором Тан

Основали династию Поздняя Тан (923–936 гг.)

Смещены киданями

Основные племенные государства и китайские династии

Каракитай (1143–1211 гг.) Государство в Туркестане

Основано бежавшими представителями императорского клана киданей

Ляо (907–1124 гг.)

Киданьская династия на северо-востоке Китая

Си-Ся (990–1227 гг.)

Тангутское царство на северо-западе Китая

Сун (Северная 960–1127 гг.; Южная 1127–1279 гг.)

Китайская национальная династия, ставшая преемницей Тан

Правила на большей части территории Китая в свой «северный» период

Чжурчжэньская династия Цзинь ограничила ее власть Южным Китаем

Цзинь (1115–1234 гг.)

Чжурчжэньская династия, правившая на большей части территории Северного Китая

Ключевые фигуры

Абаоцзи

Основатель киданьской династии Ляо

Агуда

Основатель чжурчжэньской династии Цзинь

Ли Кэ-юн

Вожь тюрков шато

Оказывал военную помощь династии Тан

Лян (Дигунай)

Четвертый император Цзинь (1150–1161 гг.)

Проводил политику «китаизации»

6. МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

Возвышение Чингис-хана

Темучжин, будущий Чингис-хан, родился, по-видимому, в 1167 г., во времена, когда монголы не обладали значительной властью. Их конфедерация была уничтожена атаками татар и цзиньцев, и монгольские племена находились либо в союзе с кереитами, либо под властью татар. Отцом Темучжина был Есугей-баатур, сын единственного выжившего в войне брата Хутула-хана. Он был вождем рода кият клана борджигин, который объединил монголов под предводительством Хабул-хана. Даже в период поражений существовала борьба между борджигинами и тайджигинами (кланом Амбагая и его потомков) за то, кто должен править монголами. Они были почти равны по силе, и титул хана переходил от одного клана к другому, однако после войны, разгоревшейся между кланами, монгольские племена стали настолько раздробленными, что больше не имели единого правителя. Таким образом, Темучжин являлся представителем рода, из которого происходили многие монгольские лидеры, но такая родословная сама по себе мало что значила, поскольку кланы объединялись вокруг талантливого вождя в период его успехов и побед, но союз их распадался в случае неудач или после его смерти¹.

Так как сохранились подробные описания жизни Чингис-хана, он часто рассматривается как типичный основатель степной империи. Лэттимор утверждал, что именно в представителе не очень знатного рода могли удачно совмещаться привилегированное социальное положение, необходимое для создания собственной партии, и желание изменить существующее положение вещей, чтобы основать новое государство². В действительности люди, занимавшие такое положение, обычно не становились основателями государств кочевников.

Основатели домонгольских степных империй могут быть разделены на три основных типа. Большинство являлись наследственными вождями в долговременных племенных союзах, которые уже обладали властью над одной из частей степи. Правители этих племен могли прассчитывать на постоянную поддержку своего племени. Имея такую поддержку, они приступали к экспансии путем завоевания соседних племен или включения их в состав имперской конфедерации, которая в итоге охватывала всю степь. Племенная знать основателей империи становилась имперской знатью. Местные племенные группы, которые покорялись власти империи, обычно сохраняли внутреннюю организацию и продолжали управляться традиционными вождями. Именно таким образом были основаны классические империи Маодуня у сюнну, Бумына у тюрков и Кули у уйгуров.

Лидеры второго типа создавали империи путем реорганизации кочевого государства, которое находилось в состоянии распада или было недавно уничтожено. Такие династии основывались представителями существующей политической элиты с помощью переворотов, междоусобных или объединительных войн. К этому типу относится, например, южный шаньюй у сюнну, который происходил из правящей элиты старой империи. Более наглядным примером может служить основатель Второй Тюркской империи Кутлуг Ильтериш. Имея вначале в своем распоряжении лишь небольшое число сподвижников, он возродил прежнее тюркское государство, чему во многом способствовала сохранившаяся память о престиже и могуществе Первой империи. Переворот Гудулу привел к укреплению уйгурского государства под руководством новой династии. Во всех указанных случаях воссоздатели империй успешно пользовались уже существовавшими традициями централизованного управления.

К третьей категории относятся выборные правители. Так, Танышхуай у сяньби, хотя и имел низкое происхождение, был чрезвычайно талантлив, и поэтому его избрали главой конфедерации, которая под его руководством захватила власть в степи. Такие конфедерации отличались рыхлой структурой, и власть в них не могла передаваться по наследству. Они были типичны для степных районов Маньчжурии, где институт наследования власти никогда не получал такого развития, какое он имел среди кочевников центральной степи. Абаоцзи, основатель киданьской династии Ляо, был избран в соответствии с обычаем, однако уничтожил племенную структуру для того, чтобы создать пограничное государство, основанное на

¹ Основным источником сведений о политических и социальных условиях жизни в Монголии в эпоху Чингис-хана является *Тайная история монголов* (ТИ), записанная вскоре после его смерти (хотя о точной дате ее составления до сих пор спорят). В основном она рассказывает об истории племен и дает очень краткие сведения о монгольских военных кампаниях в районах проживания оседлого населения. Клифз сделал полный перевод памятника на английский язык. См. также работу *Чингис-хан* Владимирцова. Династийная история монголов в Китае изложена в *Юань-ши* (ЮШ).

² *Lattimore. Inner Asian Frontiers of China. P. 543–549.*

совершенно иных принципах.

Возвышение Чингис-хана не подпадает ни под одну из этих категорий. Хотя он и происходил из правящего клана, у монголов не существовало собственной надплеменной власти, и Чингис-хан никогда не имел в их среде надежной опоры. Монголы постоянно изменяли ему во время многочисленных войн, которые он вел для объединения степи. Чингиса нельзя отнести и ко второму типу основателей империй. Последняя степная империя, уйгурская, была разрушена более чем за 300 лет до его рождения. Не существовало ни традиции, ни памяти о степной империи, которая могла бы быть использована в качестве исходной модели. Нельзя утверждать также, что Чингис-хан получил свою власть в результате выборов. Хотя его и провозгласили монгольским ханом, когда он был еще молод, примерно половина кланов отказались признать его лидерство, и даже те, которые поклялись всегда следовать за ним, дезертировали при первых признаках неудачи. В отличие от Таньшихуая, который был избран правителем в раннем возрасте и использовал свое положение для укрепления власти сяньби, Чингис-хан был избран ханом монголов, когда последние были младшими партнерами в конфедерации кереитов и не обладали полной самостоятельностью.

Чингис-хан вззошел на вершину власти великой кочевой империи, начав свой путь в исключительно неблагоприятных условиях. Он не имел надежной поддержки со стороны племен и встретился со множеством трудностей при попытке захватить власть и объединить кочевников. Горький опыт степной политики и постоянные измены племенных армий сформировали базовые принципы военной стратегии и политической организации будущего лидера. Чингис-хан гораздо чаще рисковал во время сражений, чем другие вожди степных племен, поскольку он нуждался в победах для утверждения собственной власти. Не имея твердой поддержки со стороны племен, он не мог пользоваться тактикой стратегического отступления для того, чтобы избежать встречи с могущественным противником. Армией и империей командовали люди, лично преданные Чингис-хану, в то время как члены его собственного рода обычно не назначались на важные посты. Поскольку Чингисхан не доверял ни своим близким родственникам, ни представителям других монгольских кланов, он рассматривал автократию в качестве единственного способа удержания власти.

К моменту рождения Темучжина в степи царила анархия. Основной формой политической организации были сегментарные конфликты: враждующие племена или кланы объединялись против общего врага только для того, чтобы после победы над ним вновь разделиться и продолжить войну друг с другом. Некоторую безопасность могло дать вступление в конфедерацию племен, но ни одна из конфедераций не могла подчинить себе остальные. Любой лидер, захвативший власть, вместе с ней наживал врагов и провоцировал заключение новых союзов, направленных против его власти. Цзиньскому двору не требовалось больших усилий, чтобы использовать такое соперничество и успешно противодействовать любой конфедерации, которая становилась слишком могущественной.

Жизнь и имущество простых людей подвергались постоянной опасности. Война между племенами, взаимные набеги, засады, кражи скота, похищения и убийства были обычным делом. В годы детства и юности Темучжина таких опасностей было достаточно, поэтому большую часть своей взрослой жизни он потратил на завоевание степи и установление в ней порядка. Темучжин был еще почти ребенком, когда его отца убили, и монголы бросили оставшуюся без кормильца семью на произвол судьбы. Отец Темучжина, Есугей, решил женить своего девятилетнего сына на девушке из племени хунгиратов и, согласно традиции, отвез его к будущему тестю. По дороге домой Есугей повстречался с несколькими татарами и был ими отравлен. Его вдова Оэлун-учжин попыталась удержать контроль над людьми своего мужа, но тайджиуты подговорили их покинуть ее. Оставленная всеми семья укрылась в горах, где выжила, охотясь на сурков и птиц, ловя рыбу и собирая плоды диких растений. Гармония в семье была нарушена соперничеством двух братьев — Темучжина и Бектера. Темучжин убил брата. Оэлун была в ярости:

Сейчас, когда нет у тебя друзей, кроме собственной тени,

Сейчас, когда нет у тебя плети, кроме хвоста,

Сейчас, когда ты не можешь вынести обид, нанесенных тайджиутскими братьями, когда ты спрашиваешь: «Кто нам поможет отомстить им?», ты содеял это со своим родным братом. Приговаривая: «Как мы будем жить?», она была крайне недовольна своим сыном³.

Вскоре проблемы усугубились. Тайджиуты опасались, что, пережив изгнание и

³ ТИ 78; *Cleaves*. Secret History. P. 24.

возмужав, Темучжин начнет им мстить. Поэтому они напали на его лагерь, и Темучжин был взят в плен, однако сумел бежать.

Примерно в шестнадцатилетнем возрасте Темучжин вернулся, чтобы жениться на сосватанной ему отцом Борте, и начал принимать участие в племенных делах. Частью приданого Борте была соболья шуба, которую Темучжин прислал в качестве дара Тогорил-хану, лидеру конфедерации керейтов. Тогорил являлся побратимом (*анда*) Есугея и был рад ценному подарку. Он пообещал помочь Темучжину вернуть людей его отца. Однако вскоре Темучжину потребовалась более действенная помощь, так как несколько меркитов атаковали его кочевье и украли Борте. Тогорил-хан двинул против меркитов войско и освободил Борте. В этом походе Темучжин впервые получил возможность возглавить значительную по численности армию, а победа над меркитами укрепила его авторитет, позволив восстановить власть над людьми, принадлежавшими некогда его отцу.

Но Темучжин был лишь одним из многих честолюбивых молодых людей в конфедерации керейтов. У него имелся соперник среди монголов — Чжамуха, который в детские годы был его побратимом. После войны с меркитами их кочевья располагались рядом, но поскольку они боролись за лидерство в одном и том же племени, то в конце концов поссорились, а когда многие сподвижники Чжамухи перешли на сторону Темучжина, окончательно расстались. В это время (1190 г.?) монгольские племенные вожди, старшие из потомков Хабул-хана, избрали Темучжина монгольским ханом. Обстоятельства этого события неясны, но представители клана Темучжина, по-видимому, отказались от собственных властных амбиций и поддержали кандидатуру непримиримого соперника Чжамухи потому, что избрание последнего могло лишить власти потомков Хабул-хана. Так или иначе, Темучжин являлся ханом только для части монголов, поскольку военные силы его и Чжамухи были примерно одинаковы (30 000 воинов у каждого). Тогорил-хан был доволен результатами выборов. Подчеркнув, что монголам нужен хан, он призвал их подчиняться избранному правителю. Его предупреждение свидетельствует о том, что пышный титул монгольского хана в действительности не делегировал его обладателю больших полномочий. Первоначально Чжамуха не протестовал против результатов выборов, однако, когда атака со стороны нескольких сподвижников Темучжина закончилась смертью его двоюродного брата, поднял свои племена и напал на Темучжина, который потерпел поражение и бежал. Чжамуха живьем сварил нескольких пленников, оскорбив таким образом ряд кланов, которые после этого перешли на сторону Темучжина.

Темучжин был не слишком заметной фигурой в степной политике вплоть до 1196 г., когда он помог Тогорил-хану восстановить власть над керейтами. Тогорил-хан длительное время был непопулярной фигурой, поскольку убил двух своих младших братьев при захвате власти, а третьего вынудил бежать к найманам. В 1194 г. этот брат сверг Тогорил-хана, который обратился за помощью к Гур-хану, правителю каракитаев. Ему было отказано в помощи, и годом позднее он прибыл в лагерь Темучжина в качестве несчастного беженца. Темучжин собрал войско и восстановил власть своего бывшего патрона. Затем он отбил атаку меркитов, пытавшихся воспользоваться слабостью керейтов. Захваченные трофеи Темучжин отослал Тогорил-хану. В 1198 г. Цзинь решила заручиться поддержкой монголов и керейтов в борьбе с татарами, которые становились серьезной силой. Монголы были рады отомстить своим старым врагам, и войска союзников разгромили татар. Тогорил-хан в знак признания заслуг получил от Цзинь титул Онг(Ван)-хана; Темучжин получил более скромный титул.

Поражение татар привело к изменению расстановки сил в степи, сделав конфедерации найманов и керейтов наиболее серьезной силой в Северной Монголии. Атака Цзинь также показала, что чжурчжэни отнюдь не утратили контроль над границами и остаются активными и сильными фигурами в степной политике. После разгрома татар Темучжин не пытался стать независимым. Он все еще контролировал только часть монголов и в конфедерации керейтов был не самым значительным лицом. Возможно, он старался установить более тесные связи с Ван-ханом в надежде стать предводителем конфедерации после его смерти. Однако растущее влияние Темучжина и зависимость от его поддержки вызывали страх и зависть у вождя керейтов. Ван-хан старался, чтобы монголы занимали в конфедерации подчиненное положение, и поэтому проявлял благосклонность попеременно то к Темучжину, то к Чжамухе.

После того как умер найманский хан и конфедерация найманов раскололась, Ван-хан организовал нападение на нее. В нападении участвовали Чжамуха и Темучжин. В ночь перед сражением Чжамуха вынудил Ван-хана отойти, оставив Темучжина в одиночестве против найманов, рассчитывая, что войска последнего будут разгромлены. Заговор провалился, поскольку найманы, не обращая внимания на монголов, погнались за керейтами. Ван-хан был вынужден обратиться за помощью к Темучжину, чтобы отразить атаку найманов. Темучжин отбил также нападение меркитов, надеявшихся воспользоваться ситуацией.

Страх перед могуществом керейтов привел к образованию новой межплеменной коалиции

под предводительством Чжамухи, который принял титул Гур-хана. В ожесточенном бою Чжамуха потерпел поражение. Темучжин воспользовался предоставившейся возможностью для того, чтобы организовать преследование и разгром тайджиутов; эту тактику он также использовал потом против оставшихся татар.

За помощь в спасении конфедерации Ван-хан сделал Темучжина приемным сыном. Его собственный сын резко противился действиям отца, и, когда Темучжин в целях укрепления связей с патроном запросил у Тогорила брачного союза, сын Ван-хана и Чжамуха (который снова стал любимчиком Ван-хана) убедили хана отказать ему на том основании, что такое предложение является оскорбительным⁴. Они также обвинили Темучжина в подготовке заговора вместе с найманами. Чувствуя, что Темучжин теряет расположение Ван-хана, многие монгольские кланы откололись от него. Была предпринята неудачная попытка отравить Темучжина, за которой последовало нападение кереитов. Темучжин проиграл и был вынужден отступить. В это трудное время у него оставалось всего лишь 4600 воинов. С ними он разбил лагерь у озера Балчжуна. Темучжин попытался начать переговоры с кереитами, но получил отказ. Однако удача все-таки улыбнулась ему. Посланники доложили, что кереиты пируют и веселятся, а значит, большинство из них пьяны. Темучжин немедленно атаковал. После трехдневного сражения Ван-хан был вынужден бежать и вскоре погиб⁵. Темучжин стал единоличным главой конфедерации кереитов, которая несколькими неделями ранее собиралась уничтожить его.

Этот неожиданный поворот событий привел к тому, что враги Темучжина создали новую коалицию под предводительством найманов. Спустя год (в 1204 г.), реорганизовав свою армию, Темучжин встретился с противниками на поле боя. Если бы он потерпел поражение, его карьере пришел бы конец. Но он одержал большую победу, разгромив найманов и рассеяв их союзников. Хотя впереди было еще много военных кампаний, именно с этого момента он стал повелителем Монголии. В 1206 г. он устроил большое собрание, *хурилтай*, на котором принял титул Чингис-хана.

Политическая организация монголов

Чингис-хан создал степную империю, полагаясь в основном на своих сподвижников, а не на лояльность племен. Большинство монгольских кланов доказали свое непостоянство, то избирая его ханом, то отказываясь от своих решений. Даже дядья и братья Чингис-хана время от времени заключали союзы с его противниками. Этот опыт оказал большое влияние на мировоззрение Чингис-хана, и он никогда не соглашался делегировать власть своим родственникам или другим монгольским вождям без того, чтобы каким-либо образом не ограничить их самостоятельность. Монголы никогда не были так же тесно связаны с Чингис-ханом, как сунну со своим шаньюем или тюрки — с каганом.

Во главе политической организации монголов традиционно стояли родовые и клановые вожди (*тусы*), управлявшие группами родственников. Во времена анархии, однако, их власть зависела от конкретных условий и была неустойчива. Чингис-хан сам был оставлен людьми своего отца, будучи еще мальчиком. Вожди были вынуждены вербовать личных сподвижников, не полагаясь исключительно на сородичей. Набиравшие силу лидеры подбирали себе компаньонов, *нукеров*, которые, будучи свободными людьми, приносили клятву верности своим патронам и становились их телохранителями, личной гвардией и доверенными лицами. В глазах Чингис-хана предательство *нукера* было наиболее отвратительным делом. Он убивал тех вражеских *нукеров*, которые нарушали клятву верности своему господину, и награждал тех из них, которые не изменяли ей, даже если они сражались против монголов. Человеку, который однажды нарушил клятву, нельзя было верить снова. Другим типом личных сподвижников кочевых лидеров были домашние слуги («рабы у порога»), которых отдавали на службу в определенную семью. Хотя такие люди были несвободны, они часто становились неотъемлемой частью семьи и достигали в ней высокого положения. Когда Чингис-хан был впервые избран ханом монголов, на должности крупных военачальников он назначил двух своих ближайших сподвижников — *нукера* Боорчу и домашнего слугу Чжелме.

Такие назначения подчеркивали важность личной преданности в отношениях между господами и их слугами. Принцип побратимства (*анда*) двух предводителей подразумевал связи аналогичного характера, но основанные на равенстве. Это позволяло создавать союзы вне уз кровного родства. Побратимство подразумевало не только личную помощь, но и поддержку со стороны всей группы побратима. Темучжин использовал побратимство своего отца с Тогорил-

⁴ Сына Ван-хана звали Сангум. Темучжин просил руки его сестры — Чаур-беки. — *Примеч. науч. ред.*

⁵ Его убил командир найманского караула Хорису-бечи. — *Примеч. науч. ред.*

ханом для того, чтобы получить от последнего помощь в вызволении Борте из меркитского плена. Вероятно, наиболее известными побратимами были Чжамуха и Темучжин, однако со временем их отношения расстроились. В отличие от нарушившего клятву *нукера*, которому не было прощения, Чингис-хан смотрел на противостоявшего ему побратима скорее с сожалением, чем с гневом. После того как Чингис-хан объединил степь, отношения побратимства почти исчезли, поскольку вожди кочевников стали частью новой империи и утратили былую свободу выбора.

Когда Чингис-хан в 1206 г. был провозглашен властителем всей Монголии, он был гораздо могущественнее, чем тремя годами ранее на берегу озера Балчжуна, однако своих прежних неудач не забыл и учел их в деле реорганизации армии. На самые важные посты назначались не члены его семьи или традиционные племенные вожди, а наиболее преданные Чингису военачальники. Кроме этого, его личная стража (*кешик*) была превращена в императорскую гвардию. Всю последующую жизнь Чингис-хан относился с подозрением к любому, кто мог каким-либо образом поколебать его положение, особенно к членам собственной семьи. Только после смерти Чингис-хана его родственники стали играть главные роли в делах империи.

В 1206 г. монгольская армия насчитывала 95 000 человек. Чингис-хан разделил ее между 86 нойонами-тысячниками. Большинство этих подразделений имели в своем составе представителей разных племен. Исключение было сделано для тех племен и кланов, чьи вожди постоянно поддерживали Темучжина начиная со времени его первого избрания ханом около 1190 г. или добровольно признали его власть после объединения монголов и в результате брачных союзов стали ханскими зятями (*гюреген*). Часто их подразделения насчитывали более 1000 человек. Другим же дозволялось собирать вместе разрозненных представителей одного клана только в качестве особой награды за усердную службу. Тысячников можно разделить на три категории. Первые являлись давними сподвижниками Чингиса (20 %), которые получили за свою службу высокие звания и специальные привилегии. Именно из этой группы вышли самые известные монгольские военачальники. Вторую группу составляли тысячники, связанные с Чингис-ханом посредством брачных союзов или усыновлений (10 %) и игравшие заметную роль в государственном управлении и руководстве армии. Подавляющее большинство тысячников (70 %) прежде не имели связей с Чингис-ханом, отмеченных в «Тайной истории монголов», и в дальнейшем на большие должности не выдвигались. Вероятно, они являлись традиционными вождями кланов (*тусы*)⁶.

Самым крупным тактическим подразделением в монгольской армии являлся *тумен*, состоявший из 10 000 человек, хотя не все подобные соединения в действительности были укомплектованы войсками такой численности. *Тумены* находились под командованием наиболее преданных сподвижников Чингис-хана. Предводители *туменов* напрямую командовали примерно половиной всех войск монгольской армии. Первый *нукер* Чингис-хана Боорчу командовал *туменом*, базировавшимся в горах Алтая. Мухали, домашний слуга, был назначен командующим *туменом* на маньчжурской границе, а также пожалован наследственным титулом Гуй-онга. Один из первых сподвижников Чингис-хана, Хорчи, некогда предсказавший Чингису великое будущее, получил в свое распоряжение *тумен*, контролировавший лесные племена севера. Наяа, пленивший врага Чингис-хана, тайджинского хана, но не запятнавший себя убийством природного государя, стал командовать центральным *туменом*. Хунан был назначен командующим *тумена*, находившегося в ведении сына Чингиса, Джучи. Несколько других военачальников командовали 4000-5000 воинов из числа представителей своих собственных племен. Командовать всей армией был поставлен Хубилай, младший брат лучшего друга Чингис-хана, Чжелме. Оба брата в свое время являлись домашними слугами Чингиса⁷.

Главная особенность таких подразделений заключалась в том, что родственникам Чингис-хана по мужской линии не позволялось занимать в них командные должности. Ни племянники, ни дядя, ни братья, ни двоюродные братья, ни сыновья Чингиса (за исключением Джучи) поначалу не получили непосредственной власти над воинскими частями. В конце концов, когда Чингис-хан все же распределил войска между представителями своей семьи, он явно поспешил (см. табл. 6.1), несмотря на то, что со временем численность монгольского войска увеличилась. Те подразделения, которые подчинялись родственникам Чингис-хана, были укомплектованы тысячниками, доказавшими свою лояльность Чингису. Опасения Чингиса были в известной мере оправданны, поскольку сразу же после распределения постов в армии начались заговоры военачальников с целью захватить господствующее положение в войске.

Недоверие Чингис-хана к своим родственникам по мужской линии проявлялось на протяжении всей его жизни. Наиболее важные дела, если это только было возможно, он доверял своим личным сподвижникам. Эти люди, которых он отбирал сам, оказались не только верными,

⁶ ТИ 202; *Cleaves*. Secret History. P. 141–142.

⁷ ТИ 205, 206, 207; *Cleaves*. Secret History. P. 145–150.

но и удивительно талантливыми. В отношениях с ними он был благороден и радушен, так как не опасался, что его обманут. В отношениях с родственниками он проявлял совсем другие качества: подозрительность, неприязнь и ревность. Почти каждый, кто рассчитывал на благосклонность Чингис-хана по праву родства, вызывал его гнев, так как он считал такие милости незаслуженными и полагал просьбы о них оскорблением. Малейший слух о том, что кто-то из близких родичей посягает на его права или власть, приводил Чингиса в ярость, и число родственников, которых он убил или угрожал убить, составляло примерно дюжину (почти все его родственники по мужской линии, имевшие право на власть). Подобное отношение Чингис-хана к ним сформировалось под воздействием трех основных событий: во-первых, дезертирства ближайшего окружения его отца после смерти последнего, во-вторых, измены тех родственников, которые избирали его ханом, и, в-третьих, разногласий с родственниками после того, как он стал верховным государем.

Вероятно, наиболее трагичным событием в жизни Чингис-хана был момент, когда монголы под давлением тайджиутов бросили семью Есугея на произвол судьбы. Семья осталась без средств к существованию и не получала никакой помощи или поддержки от младшего брата Есугея. Именно этим в «Тайной истории» обосновывается важность для Чингис-хана его личных сподвижников. Как будто для того, чтобы лишний раз подчеркнуть свою независимость от родственных связей, именно во время разлада с соплеменниками возмущенный Темучжин убил своего единокровного брата, которого не любил. В 1190 г., когда монголы избрали Темучжина своим ханом, были и другие, более знатные претенденты на этот пост, которые также являлись потомками Хабул-хана, но поддержали кандидатуру Темучжина. Через несколько лет эти люди оставили Чингиса, а затем и напали на него. Чингис поставил себе целью убить их всех. Он взял в плен и казнил Сача-Беки и Тайчу, которые являлись представителями старшей линии наследников. Бури-Бобо, разгневавший Чингиса, был пойман, и по приказу хана ему сломали позвоночник. Алтан, сын Хутула-хана, был слишком влиятелен, и его убили только после того, как нанесли поражение найманам. Даже дядя Чингиса, Дааритай, должен был быть убит, однако сподвижники хана убедили его, что подобное деяние будет выглядеть слишком некрасиво. С помощью этих убийств Чингис-хан уничтожил представителей всех родственных линий, которые могли претендовать на власть.

Подозрительность Чингис-хана по отношению к родственникам проявилась также в его смертельном противостоянии со сводным братом Теб-Тенгри, сыном Мунлика, которое вспыхнуло после *хурилта* 1206 г. Теб-Тенгри был необычным человеком. Монголы опасались его, потому что он был шаманом, который мог общаться с небесными духами, лечить болезни, напускать порчу на врага и предсказывать будущее. Его пророчество о том, что божественное провидение избрало Чингис-хана в качестве верховного правителя, много сделало для придания законности новой императорской власти. Хотя Мунлик был женат на матери Чингиса, звался первым тысячником, а в «Тайной истории» почтительно именуется «отцом Мунликом», ни он сам, ни один из его семи сыновей не получили командования над *туменом* или другим воинским подразделением. После смерти Оэлун-учжин, матери Чингиса, Теб-Тенгри попытался захватить власть над *туменом*, подчиненным ей и Темуге-Отчигину, самому младшему брату Чингис-хана. Когда Темуге-Отчигин потребовал возвращения своих подданных, сыновья Мунлика отказались сделать это, а затем оскорбили его. Чингис при появлении угрозы своей власти обычно действовал беспощадно, но, поскольку монголы испытывали благоговейный страх перед шаманскими способностями Теб-Тенгри, не решался ответить до тех пор, пока Борте не сказала ему, что любой, кто унижает брата Чингиса-хана, представляет угрозу для его семьи в целом. Как только Теб-Тенгри в очередной раз прибыл ко двору, он был схвачен стражниками, которые вместе с Темуге-Отчигином сломали ему позвоночник. Мунлика же строго предупредили, чтобы он не рассчитывал на былую благосклонность для себя и своих сыновей в будущем. Наследуемые должности для них не предусматривались⁸.

Хотя этот конфликт часто интерпретируют как столкновение светской и духовной власти у монголов (отчасти потому, что здесь мы имеем дело с одним из тех крайне редких случаев, когда шаман выступал в качестве политического деятеля в кочевой среде), он скорее всего представлял собой попытку сыновей Мунлика получить причитающуюся им по наследству долю власти. Теб-Тенгри полагал себя сводным братом Чингиса, имеющим право управлять хотя бы несколькими племенами, в то время как Чингис-хан стремился сохранить единоличную власть любой ценой. Даже после того как Чингис-хан постановил, кто будет его наследником, он чрезвычайно остро реагировал на любое проявление неповиновения со стороны своих сыновей. Например, он крайне разгневался, когда последние решили разделить добычу, захваченную в Ургенче, не выделив ему доли. Он грозился жестоко наказать их, но его успокоили советники. В конце жизни Чингис чуть не

⁸ ТИ 243–246; *Cleaves*. Secret History. P. 176–182.

начал войну со своим сыном Джучи, вняв необоснованным слухам о готовившемся им восстании.

Таблица 6.1. Воинские подразделения, находившиеся под командованием родственников и наследников Чингис-хана

Первое распределение (1206–1210 гг.)

Родственники	Численность
Мать и Темуге	10 000
Хасар	4000 (тайно уменьшены до 1400)
Алчидай	2000
Бельгутай	1500
Наследники	
Джучи	9000
Чагатай	8000
Угедэй	5000
Толуй	5000
Всего	44 500

Распределение войск на момент смерти Чингис-хана (1227 г.)

Родственники	Численность
Мать (умершая)	3000
Темуге	5000
Алчидай	3000
Сыновья Хасара	1000
Наследники	
Джучи	4000
Чагатай	4000
Угедэй	4000
Кюлькан	4000
Всего	28 000

Источник: *Secret History*. § 242; *Cleaves*. P. 175; *Hsiao*. Military Establishment. P. 11.

Вероятно, из-за этих инцидентов Чингис-хан еще существеннее уменьшил количество войск, находившихся под командованием членов его семьи, и к 1227 г. (когда он умер) оно значительно отличалось от первоначального (табл. 6.1). При первом распределении 44 500 из 95 000 воинов подчинялись ближайшим родственникам Чингис-хана (47 %). В 1227 г. это число снизилось до 28 000 при общей численности армии в 129 000 человек (22 %), что является как абсолютным, так и относительным уменьшением. Все сыновья получили одинаковые по размеру армии, но гораздо менее многочисленные, чем прежде. Впервые Кюлькан, сын молодой любимой жены Чингис-хана, был включен в состав военачальников наряду со своими братьями. Толуй не получил личных войск, поскольку, будучи самым младшим сыном, он наследовал отцовские очаг и «имущество» (заклучавшееся в 110-тысячной монгольской имперской армии). Существенные изменения коснулись и армий родственников. Потомки Хасара продолжали испытывать на себе последствия ссоры, когда-то имевшей место между Чингис-ханом и его братом, и получили наименьшее число воинов. Потомки Бельгутая, единокровного брата Чингиса, были вообще исключены из списков. Только армии Алчидая и его сыновей, потомков Чингисова брата Хачиуна, умершего еще до того, как Чингис-хан пришел к власти, были несколько увеличены. В целом сподвижники Чингис-хана получили гораздо больше, чем родственники.

Главным нововведением Чингис-хана было создание гвардейского корпуса *кешик*. *Кешик* возник из его личной стражи, насчитывавшей 70 дневных и 80 ночных стражников. Позднее их число было увеличено до 800 ночных и предположительно 700 дневных (включая стрелков-колчаносцев, посыльных и кравчих). В дальнейшем численность *кешика* была снова увеличена, и в 1206 г. он состоял из 10 000 человек, набранных из всех подразделений армии. Командовали *кешиком* 10 тысячников. Наиболее важной частью *кешика* считалась ночная стража, которая была личной гвардией хана. Затем следовали элитное подразделение стрелков-колчаносцев, *баатуды* (отборные бойцы) и 7 отрядов дневной стражи. Служившие в старом

кешике считались старшими по отношению к новобранцам⁹.

Чингис набирал в *кешик* представителей всех слоев общества. Командирами в *кешике* являлись сыновья или иногда младшие братья тысячников. Таким образом, *кешиктены* (гвардейцы *кешика*) были представителями младших ветвей или поколений в армии.

При составлении для нас корпуса нашей гвардии надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных находиться при нас как по своим способностям, так и по выдающейся силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с 10 товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей же нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого, сопровождают по одному младшему брату и по три товарища...¹⁰

Кешик был не просто гвардейским корпусом Чингис-хана. Набранные в него сыновья и младшие братья военачальников становились гарантами лояльности собственных семей правительству и формировали первую значительную группу знати, которая была обязана своим продвижением руководству империи, а не племенам. Представители старшего поколения любили вспоминать времена разбойной вольницы и могли в будущем замыслить мятеж с целью восстановления своей независимости. Их сыновья и младшие братья, напротив, связывали свое будущее с империей и представляли собой серьезную спланированную силу. Для того чтобы подчеркнуть значение *кешика*, Чингис-хан издал указ, в котором приказал считать *кешиктенов* рангом выше, чем обычных солдат и военачальников, составлявших основу регулярной армии:

Мой рядовой гвардеец выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянный моего гвардейца выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими гвардейцами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими гвардейцами ответственность падет на тысячников¹¹.

Служба в гвардии позволяла использовать талантливых людей на благо империи, и гвардия стала стартовой площадкой для будущих монгольских лидеров. Эта стратегия была настолько эффективной, что по мере расширения империи старое деление по племенному принципу потеряло свое значение. Ни один человек под страхом смерти не имел права переходить из одного воинского подразделения в другое без специального на то разрешения. Введение этого неуклонного условия и создание императорской гвардии придали монгольской армии такую монолитность, о которой ранее в степи не слыхивали. Армия имела строгую дисциплину, подчинялась центральному командованию и была подготовлена скорее к коллективному, чем к индивидуальному бою. Тех, кто, невзирая на приказы, нарушал боевой порядок ради грабежа или самовольно начинал сражение, сурово наказывали.

Многие из идей Чингис-хана, касавшихся армии, не были новыми. Десятичная система организации использовалась уже сюнну. Кидани были первыми, кто создал конные части, подчинявшиеся жесткой дисциплине, тогда как сюнну и тюрки имели хоть и грозные, но плохо организованные армии. Укрупнение *кешика* и стремление уменьшить значение племенных институтов в империи было делом совершенно новым и объяснялось, по-видимому, тем, что Чингис-хан как правитель не имел надежной опоры среди племен. Прежние степные правители также имели личных сподвижников, но только Чингис-хан поставил лично преданную ему разноплеменную знать выше собственной семьи. Таким образом, политическая организация монголов не была высшей стадией развития древней степной традиции, а являлась скорее отклонением от нее. Как и маньчжурские правители, Чингис-хан пытался создать институционализированное государство, которое не основывалось бы более на конфедеративных принципах. По этой причине оно оказалось самым эффективным (и уникальным) из всех степных империй. После распада Монгольской империи кочевники вернулись к старой и менее эффективной модели имперской конфедерации.

Монгольские завоевания

Из всех иноземных династий, правивших Северным Китаем, только монголы происходили из северной степи. Предшествующие кочевые империи, которые возникали в этом районе и противостояли национальным китайским династиям, всегда эксплуатировали Китай на расстоянии.

⁹ Hsiao. Military Establishment. P. 34–38; ср.: Allsen. Guard and government in the reign of the Grand Qan Möngke.

¹⁰ ТИ 224; Cleaves. Secret History. P. 162.

¹¹ ТИ 228; Cleaves. Secret History. P. 166.

Лишь династии маньчжурского происхождения, рождавшиеся из хаоса вслед за падением централизованной власти в Китае и степи, были заинтересованы в захвате сельскохозяйственных районов и управлении ими. Именно маньчжурские династии также традиционно сопротивлялись возвышению и экспансии степных империй. Таким образом, случай с монголами является аномальным в двух отношениях. Монголы добились могущества, выступили против крепко стоящей на ногах иноземной династии и завоевали в итоге Северный Китай, основав собственную династию. Это отличие монголов от всех других степных кочевников было не случайным. Повидимому, первоначально они использовали стратегию внешней границы для того, чтобы эксплуатировать Китай на расстоянии. Но стратегия потерпела крах, потому что чжурчжэньская династия Цзинь отказалась следовать традиционной китайской политике умиротворения. Вместо этого чжурчжэни начали военные действия и воевали с монголами до тех пор, пока Цзинь не была уничтожена. Огромное число жертв резни, устроенной монголами в Северном Китае, первоначальное нежелание монголов брать на себя функции управления оседлым населением и их частые отходы из захваченных городов и регионов — все это указывает на традиционный для кочевников характер ведения войны. Захват Китая не был основной целью монголов; по злой иронии судьбы он явился следствием полного уничтожения Цзинь, которую они планировали эксплуатировать для собственного обогащения.

Стратегия внешней границы была разработана для того, чтобы компенсировать основные слабости кочевого государства — неустойчивость и невозможность поддержания государственной структуры при опоре только на ресурсы экстенсивной и сравнительно слабо дифференцированной скотоводческой экономики. Китай же являлся традиционным источником необходимой сельскохозяйственной продукции и ремесленных товаров. Стратегия внешней границы, применявшаяся в классическом виде сюнну, тюрками и уйгурами в ходе контактов с империями Хань и Тан, была нацелена на получение торговых привилегий и субсидий от национальных китайских династий, которые, с одной стороны, не желали оказывать помощь кочевым империям, но, с другой стороны, опасались разорения пограничных районов и связанного с этим увеличения расходов на оборону, представлявшего угрозу внутренней стабильности. Кочевники не были заинтересованы в захвате Китая и нарушали различные мирные договоры с целью увеличения даннических выплат, а не окончательного разрыва отношений.

Иноземные династии в Китае использовали другую политику. В первый период своего существования они пытались предотвратить объединение степи. Военные кампании против монголов, а затем и татар были попытками чжурчжэней предотвратить появление в степи доминирующего племени. Позднее Цзинь поддержала найманов, когда те попытались уничтожить Чингис-хана, но, будучи втянутой в войну с Сун на южной границе, не вмешивалась в этот конфликт напрямую. Если тому или иному племени все же удавалось захватить власть в степи и организовать нападение на Китай, оно сталкивалось с перспективой изнурительных боев с пограничными гарнизонами и конницей, по своим качествам не уступавшей коннице кочевников. Жуаньжуани, например, так и не смогли использовать политику вымогательства в отношении Тоба Вэй вплоть до самого конца существования династии, когда восстали пограничные гарнизоны.

Монголы столкнулись с той же проблемой. Чжурчжэни во много раз превосходили их по численности и обладали системой соединенных друг с другом пограничных оборонительных сооружений. Хотя чжурчжэньский двор был в значительной степени китаизирован, его войска все еще оставались эффективными, агрессивными и способными оказать серьезное сопротивление. В отличие от империи Сун, которая на протяжении длительного времени выплачивала тяжелую дань киданям и чжурчжэням, Цзинь использовала выплаты только для того, чтобы выиграть время, необходимое для развертывания новых армий. Таким образом, когда монголы применили стратегию внешней границы, они не добились заключения выгодного мирного договора, а втянулись в изнурительную войну, разорившую Северный Китай. Окончательная победа монголов над династией Цзинь явилась результатом отчаянной схватки. Никогда еще степь не сражалась столь яростно против могущественной китайской династии, способной постоять за себя.

Завоевание монголами Китая, большей части Юго-Западной Азии и Восточной Европы привело к созданию новой империи, не имевшей в мире аналогов по своей силе и протяженности. С одной стороны, она объединила восточную и западную части Евразии в рамках единой политической системы, способствуя беспрепятственному перемещению народов, товаров и идей. С другой стороны, ее создание стало результатом завоеваний, сопровождавшихся беспрецедентными по масштабам убийствами и разрушениями. Захваченные земли часто превращались в пустыню, а народами, которые вошли в состав империи, монголы управляли гораздо менее искусно, чем прежние правители. Военная стратегия, государственная политика и ценностные ориентиры монголов постоянно озадачивали как древних, так и современных историков.

Ситуация, однако, прояснится, если мы внимательнее взглянем на действия Чингис-хана и увидим в них попытку применения традиционной племенной стратегии террора и вымогательства

в тех частях мира, где она была непродуктивна, или против тех китайских династий, которые отказывались от выплаты дани. Хотя преемники Чингис-хана и претендовали на всемирное владычество, взгляд на вещи самого Чингис-хана был более узким и сосредоточенным на вопросах степной политики. Завоевание больших культурных областей с оседлым населением, по-видимому, происходило скорее стихийно, нежели по плану, и так было до тех пор, пока к власти не пришли внуки Чингис-хана.

Во времена объединения монголов Чингис-хан не терпел соперников в степи, но предпочитал заниматься вымогательством у своих оседлых соседей, а не завоевывать их. Он приветствовал создание союзов с оседлыми государствами. Когда глава уйгуров Барчук (*идикут*) отложился от каракитаев и заключил союз с монголами, Чингис принял его как своего «пятого сына» и обещал в жены дочь¹². Во время правления Чингис-хана уйгурские оазисы оставались автономными, а позднее превратились в первое вассальное государство в составе империи. С этого момента монголы всегда старались опираться на местных правителей, которые становились вассалами в обмен на предоставление им автономии¹³.

Аналогичные цели преследовали и атаки на тангутское государство в 1207 и 1209 гг. Чингис-хан организовал свой первый поход против тангутов сразу после *хурилтая*, на котором он был провозглашен правителем Монголии, поскольку для поддержания жизнеспособности новой степной империи ей требовались материальные средства. Целью первого нападения был сравнительно небольшой грабеж. Вторая экспедиция была гораздо более масштабной и закончилась осадой тангутской столицы. Хотя монголы и испытывали трудности при захвате фортификационных сооружений, правитель тангутов оказался в тяжелом положении. Он был вынужден заключить мирный договор, согласно которому тангуты обязались отправлять войска в армию Чингис-хана, а также снабжать монголов верблюдами, шерстяными тканями и охотничьими соколами, которыми славилась их страна. Тангутский государь также отдал свою дочь замуж за Чингис-хана. Судя по содержанию мирного договора, монголы вовсе не намеревались завоевывать Тангут, а были вполне удовлетворены соглашением, гарантировавшим им денежные выплаты и оказание военной помощи. Ни уйгурского, ни тангутского правителей они не вынуждали отказываться от суверенитета.

Военная кампания против чжурчжэней началась в 1211 г. Предлогом для нее стала месть за цзиньское нападение на монголов, состоявшееся полвека назад. Как самое богатое государство на монгольских границах, государство чжурчжэней было лакомой, но отнюдь не легкой добычей. Цзинь создала целую сеть укрепленных городов, призванных воспрепятствовать вторжениям с севера. Обладая сильной конницей и многочисленной пехотой, она совсем недавно нанесла поражение сунцам и тангутам. В сентябре монголы атаковали большое цзиньское войско при Гуань-эр-цзюе и разгромили его, получив доступ к стратегически важным горным проходам в Китай. Отдельные колонны монгольских войск двинулись через Маньчжурию и из Ордоса, чтобы предотвратить подход чжурчжэньского подкрепления. Несмотря на то что монголы захватили ряд укрепленных городов, они покинули занятую ими территорию (кроме стратегически важных горных проходов) и в феврале 1212 г. возвратились в Монголию. Цзинь восстановила контроль над утраченными регионами¹⁴.

Осенью 1212 г. монголы вернулись. На этот раз им помогли восставшие в Маньчжурии кидани, вождь которых заключил с Чингис-ханом союз. Эти кидани также были кочевниками, которые до вторжения монголов представляли собой основную опасность для цзиньских границ и часто устраивали восстания. Как и уйгуры, кидани получили автономию внутри Монгольской империи, примкнув к монголам. В эту кампанию монголы снова опустошили большую территорию Северного Китая, однако после того, как Чингис-хан был ранен, покинули захваченные у Цзинь районы и ушли на север.

Самым опустошительным монгольским вторжением было третье, начавшееся осенью 1213 г. Цзиньская столица была окружена, но оказалась хорошо укрепленной и выдержала все атаки. Отказавшись от ее штурма, монголы повернули на юг и двинулись через северокайтскую равнину на восток, в Шаньдун, а также на запад, в Шаньси и на юг, к Хуанхэ. К зиме 1214 г. они ограбили большую часть территории Цзинь, а затем снова осадили ее столицу, Чжунду. После острых политических дебатов при цзиньском дворе чжурчжэни заключили мирное соглашение с монголами. Император выдал дочь своего предшественника замуж за Чингис-хана¹⁵, а также подарил ему лошадей, золото и шелк. Монгольская армия, нагруженная подарками и

¹² За Барчука (Баурчака) была выдана дочь Чингис-хана — Ал-Алтуна. — *Примеч. науч. ред.*

¹³ *Allsen. The Yüan dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century.* P. 243–280.

¹⁴ Мартин (Martin) в своей книге *The Rise of Chinggis Khan and his Conquest of North China* попытался реконструировать вероятный ход военных кампаний монголов против Цзинь, используя китайские источники.

¹⁵ Император Сюань-цзун выдал замуж за Чингис-хана младшую дочь своего предшественника Вэйшаована — принцессу Циго. — *Примеч. науч. ред.*

добычей, взятой на юге, опять ушла из Китая: «Наши воины нагрузили [своих животных] атласом и товарами в таком количестве, какое только им было под силу увезти с собою, так что даже выюки перевязывали шелковыми кипами, и с тем удалились»¹⁶.

В отличие от киданей и чжурчжэней, которые сразу вслед за захватом китайской территории принимали китайские династийные имена и начинали напрямую управлять китайскими землями, монголы придерживались степной стратегии косвенного контроля над оседлым населением. К моменту заключения мирного соглашения с Цзинь они уже установили такой контроль над уйгурами, киданями и тангутами. Велись переговоры с хорезмшахом на западе. Мирное соглашение, предусматривавшее выплату дани, монголы заключили в 1218 г. с Кореей. Те районы, которые приняли новые порядки (Маньчжурия, Корея, уйгурские оазисы), избежали разрушительных монгольских нашествий и продолжали управляться своими прежними правителями. Те же районы, которые отказались от мира на монгольских условиях или нарушили предшествующие соглашения (империя Цзинь, Западный Туркестан и государство тангутов), превратились в арену бесчисленных войн, которые уничтожили большую часть их населения и экономического потенциала. При жизни Чингис-хана войны на уничтожение велись против государей, нарушивших прежние обязательства. Эти кампании были столь разрушительны, что привели к полному уничтожению правящих династий и, как следствие, к прямому включению несговорчивых государств в Монгольскую империю.

Несмотря на значительные масштабы, все три военные кампании монголов против Цзинь не привели к каким-либо существенным территориальным приобретениям. Не предприняли монголы и попыток сменить чжурчжэней в качестве правителей Китая. Они просто вернулись с награбленной добычей обратно в степь. Однако цзиньский император чувствовал себя очень уязвимым для монгольских атак и решил переехать из Чжунду в более защищенное место. Некоторые чиновники уверяли его, что цзиньский двор должен перебраться в Ляодун, поближе к родной Маньчжурии, где легче будет обеспечить оборону и можно рассчитывать на поддержку маньчжурских племен. Показателем того, насколько далеко зашел процесс китаизации Цзинь (как и других маньчжурских династий в аналогичных условиях), стал отказ императора сделать это. Вместо этого он двинулся к югу от Хуанхэ, в Кайфын, бывшую сунскую столицу, расположенную в самом центре цзиньской державы.

Монголы сразу же заподозрили в этом переезде неладное, поскольку пребывание чжурчжэньского двора в Чжунду делало династию Цзинь их заложником, а на юге она в значительной степени освобождалась от давления. Чингис-хан увидел в этом попытку сопротивления и сказал: «Император Цзинь заключил со мной мирное соглашение, однако сейчас он перенес свою столицу на юг; очевидно, он не доверяет моему слову и использовал мир, чтобы обмануть меня!»¹⁷ В свете дальнейших монгольских завоеваний заявление Чингис-хана может выглядеть как предлог для начала давно запланированной войны. Однако история степных империй сюнну и тюрков показывает, что кочевники северных степей избегали завоевательных войн, а «Тайная история» утверждает, что именно отказ цзиньского императора пропустить монгольских послов к сунскому двору спровоцировал возобновление монгольских атак¹⁸. В этот период политика примирения еще могла оградить Цзинь от дальнейших вторжений монголов.

Монголы окружили Чжунду осенью 1214 г., однако город был так хорошо укреплен, что взять его штурмом не удалось. Захватчики были вынуждены ограничиться блокадой в надежде взять город измором. Их армия состояла не только из монгольских войск, но также из китайцев и киданей, поскольку Чингис-хан активно набирал в свои войска людей из разбитых цзиньских армий. Так он увеличивал численность личного состава и приобретал военачальников, имевших опыт в искусстве осады и пехотной тактике. Только в начале лета 1215 г. командующие обороной оставили Чжунду и город покорился монголам. Чингис-хан при этом не присутствовал, он еще ранее ушел на север. Несмотря на капитуляцию, разграбление города сопровождалось огромным количеством убийств и целые кварталы были сожжены дотла. Посланник хорезмшаха сообщал, что земля была скользкой от человеческого жира и была покрыта разлагающимися телами¹⁹.

Падение Чжунду знаменовало собой первый реальный опыт включения китайской территории в империю монголов. Огромное число китайцев, киданей и чжурчжэней попало в руки завоевателей. Многие из них быстро возвысились как военачальники и администраторы. Под их влиянием монголы предприняли первые неуверенные шаги для того, чтобы взять на себя ответственность за управление Китаем. Несмотря на это, Чингис-хан не придавал большого значения дальнейшим завоеваниям в Китае. Он вместе с основной частью монгольской армии

¹⁶ ТИ 248; *Cleaves. Secret History*. P. 185.

¹⁷ *Martin. Conquest of North China*. P. 173–174.

¹⁸ ТИ 251; *Cleaves. Secret History*. P. 186.

¹⁹ *Cambridge History of Iran*. Vol. 5. P. 303–304.

вернулся в степь, чтобы провести военную кампанию против остатков найманов и меркитов. В Китае был оставлен личный слуга Чингис-хана, Мухали, который командовал двадцатитысячным монгольским войском и сводными частями китайцев, чжурчжэней и киданей. Чингис-хан больше не принимал участия в войне с Цзинь, которая закончилась только при правлении его сына Угедэя вместе с падением Кайфына в 1234 г. Но даже после этой победы монголы вывели из Китая так много своих войск, что династия Сун попыталась занять большую часть бывшей цзиньской территории. Монгольские войска отбросили сунцев назад.

Другие военные кампании Чингис-хана против районов с оседлым населением осуществлялись по той же схеме. Когда вслед за падением Чжунду посланники хорезмшаха прибыли к Чингис-хану, то последний заверил их, что считает хорезмшаха властителем Запада (Трансоксании и Ирана), а себя полагает властителем Востока. Чингис-хан просил только, чтобы его купцам было разрешено беспрепятственно перемещаться между двумя империями. Монгольское посольство прибыло в Хорезм весной 1218 г., чтобы подписать мирный договор. Хотя хорезмшах и был возмущен тем, что Чингис-хан назвал его «сыном», он согласился подписать договор. Однако через несколько месяцев торговый караван монголов был уничтожен наместником Отрара. Монгольский посол, направленный выразить протест против таких действий, был убит. Согласно монгольской традиции, убийство дипломатов и нарушение договора считались ужасными преступлениями и требовали возмездия. Чингис-хан собрал для похода на запад почти всю свою армию. В 1219 г. Отрар был уничтожен. В 1220 г. были захвачены самые большие города Трансоксании (Бухара, Самарканд, Термез и Ургенч), при этом было убито огромное количество людей. На следующий год монголы ограбили Хорасан, разрушили Мерв, Балх, Герат и Нишапур. К 1222 г. они достигли берегов Инда. Отдельная группа монгольских войск обошла вокруг Каспийского моря и разбила кочевников-кипчаков на юге Руси²⁰.

Это был первый случай, когда крупная кочевая держава прямо с границ Китая приступила к захватам оседлых государств на западе. Стратегия внешней границы с ее террором и опустошением посеяла хаос в хрупкой экологической системе региона. Если Китай мог восстановить большие потери в населении за относительно короткий период, то разрушения в Средней Азии давали о себе знать еще многие годы. Города, чье население достигало сотен тысяч человек, были полностью уничтожены. Ирригационные системы были разрушены, что крайне затруднило восстановление экономики. Один из очевидцев, побывавший в этом районе целых 100 лет спустя после монгольского нашествия, все еще говорил о

руинах, оставшихся после разрушений, учиненных монголами, и всеобщего истребления людей, произошедшего в те дни... Более того, несомненно, что, даже если в течение тысячи лет никакие бедствия не коснутся этой страны, невозможно будет восстановить все разрушенное и вернуть землю обратно в то состояние, в котором она была ранее²¹.

Как и в Китае, Чингис-хан увел свои войска из большинства районов Средней Азии, которые он опустошил. Под контролем монголов остался только Хорезм, управляемый немонгольским правительством. Трудно понять, почему монголы нанесли этому региону такой огромный вред, а затем покинули его. Кочевники, которые до этого проникали в Юго-Западную Азию из степи, всегда пытались, и обычно успешно, основывать новые династии и сами становились правителями. Монголы же, с их опытом противостояния на китайской границе, отказывались брать на себя функции управления.

Последним вторжением Чингис-хана в области проживания оседлого населения была война против тангутов. Тангутский правитель отказался прислать ему войска для проведения военных кампаний на западе, сказав: «Если ты не имеешь силы, чтобы победить других, зачем же ходить так далеко, чтобы стать ханом?»²² Когда война с хорезмшахом закончилась, Чингис-хан направил против тангутов монгольскую армию, которая полностью разрушила их государство и уничтожила города. Как и другие военные кампании, это вторжение было не столько завоеванием, сколько наказанием за нарушение договора. Во время последнего из сражений тангутского похода в 1227 г. Чингис-хан умер.

Стратегия и политика монголов

Стратегия внешней границы, нацеленная на вымогательство, оказалась ненужной в связи с огромными военными успехами Чингис-хана. Политика разрушения и ограбления Китая

²⁰ Barthold. *Turkestan down to the Mongol Invasion*. P. 381–462; Boyle. *The History of the World Conqueror*.

²¹ *Le Strange*. *The Lands of the Eastern Caliphate*. P. 34.

²² ТИ 256; Cleaves. *Secret History*. P. 198

закончилась полным разорением китайской территории. Монголы, похоже, не осознавали масштабов своих политических просчетов в Китае и продолжали действовать скорее как грабители, чем как завоеватели.

Прежде кочевники также неоднократно проникали в глубь территории Китая: сюнну, например, один раз ограбили предместья Чанъани, а тюрки несколько раз атаковали Чанъань и Лоян. Военное вторжение монголов, однако, было лучше организовано. Монгольское войско, в отличие от других степных армий, было дисциплинированным, маневренным и, самое главное, владело навыками осады городов и крепостей. Монголы быстро привлекли в свою армию китайских инженеров, обладавших опытом осады городов, тогда как для других кочевников городские стены оставались неприступными. Сочетание скорости, огромной силы и технической оснащенности давало монгольской армии преимущества даже перед численно превосходящим противником. Монголы разработали тактику молниеносной войны, которая до сих пор изучается военными стратегами²³.

Чингис-хан отличался от других предводителей кочевников одним очень важным качеством: он любил давать генеральные сражения. Традиционный подход кочевников к ведению боевых действий при встрече с многочисленным, хорошо организованным противником заключался в том, чтобы уклоняться от сражения до тех пор, пока враг не истощит свои силы и не начнет отступление. Военные кампании персов против скифов или ханьского У-ди против сюнну доказали эффективность такого подхода. Кочевники обычно нападали на слабого соперника и отступали при встрече с сильным. Чингис-хан, напротив, был склонен к рискованным операциям, полагаясь на эффективность своих войск и тактических приемов в открытом бою. Впервые он продемонстрировал это при атаках на Ван-хана, а затем на найманов. Конечно, он был знаком с опытом использования тактического отступления для заманивания врага в засаду (наиболее часто применявшейся монголами ловушки), но никогда не использовал стратегического отступления на длительные расстояния для того, чтобы избежать встречи с противником. Вместо этого он выбирал наилучшую тактическую позицию для боя и атаковал.

Преимущества такого подхода обнаружились в первом походе монголов против империи Цзинь. В решающем сражении у Гуань-эр-цзюя в 1211 г. Чингис-хан, имея всего около 65 000 конников, встретился с цзиньским войском, насчитывавшим по крайней мере 150 000 человек, причем цзиньская конница по численности равнялась всей монгольской армии²⁴. Большинство предводителей кочевников отступили бы, не рискуя начать сражение против столь крупной армии. Чингис-хан же атаковал и разбил войска Цзинь. Подобные решительные действия Чингис-хана определялись двумя факторами. Первый, позитивный, заключался в том, что монголы были очень дисциплинированы в бою. Все подразделения четко выполняли приказы, а командующие *туменами* являлись талантливыми военачальниками. Вторым, отрицательным, фактором был страх Чингис-хана перед последствиями своего отступления. Не имея твердой поддержки со стороны племен, он опасался, что бесславное возвращение в Монголию политически дискредитирует его и созданный с таким трудом племенной союз распадется. Чингис-хан стал правителем степи, постоянно рискуя всем, что у него было: поражение в любом из сражений против керитов, найманов или чжурчжэней могло положить конец его карьере. Даже укрепив свое положение, он продолжал отвечать агрессией на любые угрозы.

Центром мира для Чингис-хана всегда была степь. Ко времени его смерти Монгольская империя состояла из степных земель, находившихся ранее под управлением тюрков, и территорий с оседлым населением, расположенных по окраинам степной зоны. Первоначально Чингис-хан стремился к установлению контроля над степными племенами, а не к захвату Китая или Ирана. Окраинные регионы с оседлым населением казались ему лишь полезным придатком к степной империи. Этот взгляд был совершенно противоположен взгляду советников монголов — представителей оседлого населения, которые, напротив, именно степь полагали полезным придатком оседлых цивилизаций. Грандиозное преобразование монголов в правителей оседлых империй произошло во времена правления внуков Чингис-хана, которые уже не видели перспектив в кочевом образе жизни.

«Степноцентричная» идеология монголов нигде не проявлялась столь отчетливо, как в разрушении городов и деревень. Жестокие набеги были старым тактическим приемом степных племен, однако у монголов жестокость приобрела гипертрофированный характер. Они хорошо сознавали свою малочисленность и использовали террор, чтобы сломить в людях волю к сопротивлению. Города, подобные Герату, который сначала сдался, а потом восстал, были преданы мечу. Монголы не могли содержать сильные гарнизоны и поэтому предпочитали стирать с земли целые области, которые представляли для них опасность. Такое поведение было необъ-

²³ Liddell-Hart. Great Captains Unveiled.

²⁴ Martin. Conquest of North China. P. 336–337.

ясным для историков оседлых государств, которые основной целью любой войны считали установление господства над трудоспособным населением. Еще более важная особенность монгольской политики заключалась в том, что монголы не имели опыта общения с оседлыми культурами. В своих взаимоотношениях с Китаем степные племена севера не общались с производителями сельскохозяйственной продукции напрямую. Они либо вели торговлю на пограничных рынках, либо получали дары непосредственно от китайского двора. Для монголов Китай представлялся сказочным хранилищем богатств, но их совершенно не интересовало, каким образом эти богатства появляются на свет или как китайцы организуют управление и налогообложение миллионов крестьян и ремесленников. Сельскохозяйственное производство, основа китайской экономики, недооценивалось кочевниками, в политическом универсуме которых крестьяне занимали не большее место, чем домашние животные в степи. Крестьяне попадали в категорию бесполезных людей, которые не были пригодны к какой-либо службе у монголов. Они использовались монголами в качестве живых щитов при нападении на города, изгонялись из своих домов и не допускались к занятиям сельским хозяйством. Согласно переписи населения, проведенной Цзинь в 1195 г., в Северном Китае проживало около 50 000 000 человек. В первой переписи, осуществленной монголами в 1235–1236 гг., было зафиксировано лишь 8 500 000 человек²⁵. Даже с учетом того, что в монгольской переписи численность населения могла быть занижена на 100 или 200 % в связи с продолжающимися беспорядками на севере и отменой регистрации населения, подчиненного частным землевладельцам-монголам, становится ясно, что производительность труда и численность населения в Северном Китае катастрофически сократились. Как указывалось ранее, еще трагичнее была ситуация на западе, где монгольская политика разрушения и устрашения не оправдывалась никакими практическими целями.

Широкомасштабные разрушения были одним из следствий традиционной монгольской точки зрения, согласно которой Китай был объектом грабежа и вымогательства. Монголы длительное время отказывались брать на себя управление захваченными территориями. Они забирали зерно, шелк, серебро, заставляли пленных ремесленников ковать оружие, однако (в отличие от предшествующих иноземных династий) не опирались на гражданскую китайскую администрацию, которая играла столь важную роль в сохранении традиционных государственных ценностей. В случае необходимости монголы действовали по принципу *ad hoc*, делегируя обязанности управления иноземным чиновникам, которые работали под монгольским контролем. На первых порах для того, чтобы стать чиновником, не требовалось даже знания китайской письменности. Традиционные формы китайского управления, поддерживавшиеся иноземными династиями Ляо и Цзинь, были отвергнуты — особенно в области налоговой политики. Поначалу монголы использовали для сбора налогов в Китае среднеазиатских откупщиков-мусульман из торговых корпораций *ортак*. Откупы разрушали экономику Китая, но не менее губительной для восстановления хозяйственной жизни была практика передачи земли и крестьян в удельное владение монгольским военачальникам и членам императорской семьи. Перепись, проведенная монголами в 1235–1236 гг., показывает, что в Северном Китае 900 000 из 1 730 000 зарегистрированных хозяйств (т. е. более 50 %) попадало в эту категорию²⁶.

Только после падения Цзинь, в период правления Угедэя, премьер-министр Елюй Чу-цай смог организовать должное управление. Он предложил покончить с откупщиками и использовать более прогрессивную и продуманную систему налогообложения. Однако в действительности злоупотребления, в частности связанные с откупами, еще долгое время сохранялись. Несмотря на то что Угедэй правил огромной империей, его основные ценности были тесно связаны со степной культурой. Угедэй перечислил четыре главных деяния своего правления, которыми он наиболее гордился: победа над народом чжахудов²⁷, создание монгольской почтовой системы, рытье колодцев для создания новых пастбищ и размещение оккупационных войск в районах проживания оседлого населения²⁸. Словно следуя наставлениям автора орхонской надписи, Чингис-хан старался не впутывать кочевников в дела иностранных государств. В течение 30 лет после смерти великого завоевателя его преемники продолжали верить, что столицей империи должен быть степной город-ставка Каракорум, который на короткий промежуток времени стал центром политической власти в Евразии.

Наиболее явным просчетом монгольской политики было пренебрежительное отношение к сельскохозяйственному производству и крестьянам-земледельцам. Огромное количество китайских крестьян всегда приводило монголов в замешательство. Крестьян считали негодными к

²⁵ Bielenstein. Chinese Historical Demography AD 2–1982. P. 85–88; cp.: Ho. An estimate of the total population of Sung-Chin China.

²⁶ Schurmann. The Economic Structure of the Yüan Dynasty. P. 66–67.

²⁷ Т. е. чжурчженей. — Примеч. науч. ред.

²⁸ ТИ 281; Cleaves. Secret History. P. 227–228.

военной службе. Кроме того, они не обладали никакими профессиональными навыками, в отличие от ремесленников, купцов или ученых. Угедю было предложено уничтожить этих бесполезных людей, а их земли превратить в пастбища. Елюй Чу-цай активно протестовал против такого предложения, доказывая, что, если предоставить ему возможность наладить систему налогообложения, а крестьянам — возможность мирно работать, он сможет ежегодно поставлять в казну полмиллиона *лянов* серебра, 400 000 мешков зерна и 80 000 кусков шелка. Только племена из северной степи, совершенно не знакомые с реалиями оседлой цивилизации, были способны вообразить, что столь ценимые ими сельскохозяйственные товары появляются независимо от труда крестьян. Как только эти товары стали поступать в Каракорум, разговоры об уничтожении крестьян прекратились²⁹.

Полувековой период беспорядочного правления монголов в Китае закончился только с приходом к власти Хубилая (1260–1294 гг.). Во время междоусобной войны со своим младшим братом Хубилай приказал войскам, расположенным на территории Китая, отрезать Каракорум от источников снабжения продовольствием и таким образом продемонстрировал уязвимость степной столицы. Центр власти монголов в Восточной Азии переместился в глубь Китая, и Хубилай перенес монгольскую столицу из Каракорума в Пекин. В 1271 г. он объявил о создании династии Юань. Все предшествующие иноземные династии провозглашали свои имена задолго до того, как они завоевывали китайскую территорию, стараясь получить хотя бы минимальное признание среди китайского населения. Чингис-хану никогда не приходило в голову рассматривать себя в качестве китайского императора. Он не предпринимал попыток соединить монгольскую государственность и исторические традиции Китая. Политика Хубилая была более взвешенной, поскольку он рассматривал себя и в качестве китайского императора, и в качестве степного кагана³⁰.

Начиная с Хубилая династия Юань стала следовать традиционным китайским формам управления, заботясь о сохранении и приумножении производственного потенциала государства. Представители знати, сохранившие свои уделы, продолжали получать от них доходы, но уже по каналам центрального правительства. Особенно наглядно новая стратегия монголов проявилась при завоевании империи Сун. Хубилай атаковал ее с целью завоевания, а не грабежа (его войска в основном состояли из китайской пехоты и хорошо подходили для боевых действий на юге). Экономике был нанесен относительно небольшой ущерб, а местные землевладельцы удержали за собой прежние позиции. При завоевании Сун была сохранена экономическая база юга. Оно не сопровождалось безудержным грабежом, ранее вызвавшим разруху на севере. Однако в других частях империи продолжала действовать старая стратегия внешней границы. Брат Хубилая Хулагу завоевал Иран и Ближний Восток и основал династию Ильханов. Потребовалось еще 30 лет, прежде чем его правнук Газан установил соответствующий государственный порядок на захваченной территории.

Отдельные положительные аспекты, впрочем, были обусловлены и степными традициями монголов, особенно в области торговли и коммуникаций. В Китае роль торговли в государственной политике длительное время занижалась, несмотря на ее все возрастающую важность для экономики (или в связи с ней). Национальные китайские династии считали идеалом самообеспечивающееся государство и официально признавали земледелие важнее торговли. Торговцы обычно не допускались к участию в императорских экзаменах на получение чиновничьих должностей. Таким образом потенциально могущественный торговый класс был отстранен от политической власти и жил в постоянном страхе перед конфискацией имущества. У монголов и других степных кочевых народов был совершенно иной взгляд на торговлю. Они поощряли визиты торговцев в степи и обеспечивали безопасность их караванов. Будучи не в состоянии, в отличие от Китая, обеспечивать себя всем необходимым, кочевники получали большую выгоду от обмена товарами. Китайское правительство рассматривало международную торговлю как потенциальную форму выкачивания ресурсов, а кочевники видели в ней средство обогащения. Основной целью отправки послов к хорезмшаху было заключение договора о безопасном движении караванов через границу. После монгольских завоеваний купцам стало проще перевозить товары по всей Евразии. Монгольское правительство способствовало торговле, выпуская бумажные деньги и даже финансируя коммерческие предприятия. Безопасный транзит товаров по территории Монголии также являлся существенным стимулом развития торговли. Однако это не значит, что Северный Китай или Иран были процветающими областями, — слишком сильно их экономика пострадала от монгольского нашествия — просто монголы смотрели на торговлю совершенно иначе, чем национальные китайские династии, и обеспечивали ей большее признание и поддержку.

²⁹ De Rachewiltz. Yeh-lü Ch'u-ts'ai.

³⁰ Dardess. From Mongol empire to Yüan dynasty: Changing forms of imperial rule in Mongolia and central Asia.

Система коммуникаций была удивительным достижением монголов. По всей огромной территории империи быстро распространялись новости, перемещались официальные лица и была налажена система почтовых станций с перекладными лошадьми и сменными курьерами. Забота о быстрой связи была одной из первоочередных для кочевников. Такие почтовые станции существовали уже в уйгурской империи. Монголы рассматривали сеть почтовых станций как жизненно важный элемент сохранения целостности империи. Угедэй считал ее одним из высших достижений периода своего правления. Содержание станций, однако, обходилось государству довольно дорого, а также являлось предметом постоянных злоупотреблений: несанкционированное использование лошадей было поводом для бесконечных жалоб при дворе. Однако без системы коммуникаций монгольский мировой порядок рухнул бы гораздо раньше, чем это произошло в действительности.

Политическая преемственность в Монгольской империи

Поддерживать единство огромной Монгольской империи было еще труднее, чем предшествующих тюркских империй. Проблемы обострялись каждый раз при переходе власти к новому хану. Со временем монгольские лидеры начали ставить местные интересы выше интересов монгольского государства в целом. В большой империи это было неизбежно, но в данном случае еще усугублялось постоянными трудностями с избранием верховного правителя. Подобно тюркам, монголы не имели четкой системы наследования, а обладали, скорее, несколькими основополагающими принципами (подчас противоречившими друг другу), с помощью которых можно было оправдать различный исход выборов. В конечном итоге право на власть должно было опираться на военную силу, достаточную для устрашения или уничтожения противника. Военный успех всегда оправдывал незаконное наследование степного престола³¹.

Монголы и тюрки сталкивались со сходными проблемами, когда власть должна была перейти к внукам основателя объединенной империи. Форма наследования по боковой линии, принятая у тюрков, обеспечивала стабильность государства на время, пока у власти оставались сыновья основателя, но приводила к острым разногласиям и междоусобной войне, когда власть переходила к представителям следующего поколения. Каждая из групп двоюродных братьев могла предъявить определенные права на престол, хотя в конечном итоге он наследовался представителями только одной группы, а остальные исключались из числа наследников. Монголам также грозили подобные конфликты, но, так как твердого правила наследования по боковой линии у них не существовало, монгольская практика была более сложной. Чтобы разобраться в этом вопросе, следует выделить основные принципы, использовавшиеся монголами для избрания верховного правителя.

Наследование у монголов сопровождалось правовым и политическим противостоянием. Каждая группа приводила соответствующие доводы в свою пользу и указывала на недостатки соперников. Выделить основные принципы наследования у монголов помогают сохранившиеся в различных источниках тех лет речи, обвинения и рассуждения, которыми сопровождался каждый акт передачи власти. Эти источники очень важны для проводимого анализа, поскольку они в равной степени были как описаниями событий, так и политическими документами, в которых монголы пытались объяснить происходящее.

Единственное строгое правило наследования в Монгольской империи заключалось в том, что каждый новый великий хан должен был быть мужчиной из дома Чингис-хана, под которым обычно подразумевались четыре сына Чингис-хана от его старшей жены и их потомки, хотя первоначально к ним могли относиться и братья Чингис-хана. Таким образом ограничивалось число законных претендентов на престол, но не предполагались их автоматический выбор или исключение. Чистота происхождения потомков могла быть оценена двумя способами. Во-первых, нужно было доподлинно выяснить, кто их родители. В патрилинейном обществе проверка генеалогической чистоты являлась очень важным моментом. Сомнение в том, что Чингис-хан был отцом своего старшего сына Джучи, всегда использовалось против Джучи и его потомков. Во-вторых, иерархическое положение каждой ветви потомков можно было определить в соответствии с ее возрастом, происхождением матери и порядком рождения. При такой системе сыновья старшей жены всегда считались выше, чем сыновья младших жен или приемные сыновья. Подобно тому как старшие братья считались выше младших братьев, представители старшего поколения имели больше прав, чем представители младшего, однако имелись два разных подхода к вопросу об определении старшинства — по боковой линии и по прямой линии, и монголы использовали оба. В действительности правила старшинства определяли лишь исходные условия схватки за

³¹ Fletcher. The Mongols: ecological and social perspectives.

наследство. Они устанавливали, кто может бороться за престол, но не называли имени победителя.

При наследовании по боковой линии основной акцент делался на принадлежности к тому или иному поколению. Политическая власть передавалась внутри поколения от старшего брата к младшему до тех пор, пока не переходила к следующему поколению. В следующем поколении власть должен был наследовать старший из сыновей в старшей линии, а затем она передавалась внутри группы братьев. В этом случае основное значение придавалось старшинству поколения, поскольку престол всегда возвращался к старейшему представителю самой старшей линии рода основателя империи. При такой системе власть никогда не должна была передаваться с пропуском поколений.

Другим подходом к определению старшинства было следование линейной системе наследования, при которой престол передавался отцом сыну (обычно старшему, но не всегда). В этом случае власть каждый раз переходила к представителям нового поколения, т. е. к сыновьям. Основополагающее значение придавалось связи между поколениями (отец — сын) в ущерб связям внутри поколения (старший брат — младший брат). В соответствии с этой логикой младший брат мог унаследовать престол только в том случае, если у старшего не было сыновей. В крайнем случае престол переходил к внуку (сыну скончавшегося престолонаследника) до того, как его занимал сын (брат престолонаследника).

В некоторых случаях при определении права наследования принцип старшинства переворачивался с ног на голову. Согласно тюрко-монгольскому обычаю, самый младший сын наследовал отцовский очаг и хозяйство и распоряжался отцовским имуществом. Таким образом, существовала практика наследования младшими сыновьями. При этом наследовалось только личное имущество, но не должность (в отличие от английского обычного права, в котором они неразделимы). Должность могла перейти кому-либо другому, а отцовское имущество доставалось самому младшему сыну. Однако право распоряжаться имуществом отца было доводом в пользу того, чтобы политическая власть также переходила к младшему сыну без учета более старших родственников.

Выбор престолонаследников у монголов был далеко не простым делом, и противоборствующие партии могли ссылаться на различные принципы определения старшинства, а также на принцип наследования имущества младшим сыном. Все эти принципы противоречили друг другу. Большое число лиц не просто считали себя кандидатами на престол, но и готовы были пойти на мошенничество, если им не удавалось прийти к власти законным путем. Каждая система наследования была чревата серьезными противоречиями. Если наследование происходило по боковой линии, среди двоюродных братьев неизменно вспыхивала война, поскольку принцип старшинства, который требовал возвращения престола представителям старшей линии нового поколения, противоречил реальной политической ситуации, в которой сыновья умершего хана не желали отдавать власть без боя. Линейная система наследования часто приводила к вражде между братьями, особенно когда младший брат на момент смерти хана был в расцвете сил, а его сыновья были еще юны. На практике существовала переменная форма наследования. В борьбе против системы наследования по боковой линии часто побеждали сыновья умершего правителя, настаивавшие на своих правах на престол в соответствии с линейной формой наследования и исключавшие из числа наследников собственных дядьев и двоюродных братьев. Линейной системе наследования часто угрожали могущественные братья умершего правителя, которые перехватывали престол у своих племянников и осуществляли права на наследование по боковой линии. Неудивительно, что степь была почти беспрестанно охвачена междоусобными войнами: ведь они были логическим следствием противоречий в системе наследования.

Для того чтобы избежать этих трудностей, великий хан обычно старался назначить наследника еще при жизни. Теоретически он мог нарушить любые правила и тем не менее рассчитывать на исполнение своей воли. Однако на практике назначение наследника не всегда было эффективным. Выбор, сделанный великим ханом, не мог быть проигнорирован, но по прошествии времени он становился все менее и менее значимым, если только его не поддерживали могущественные лидеры империи. «Выбор хана» становился лишь одной из многих приправ в том блюде, которое готовилось на имперской политической кухне.

Все принципы, перечисленные выше, могли быть использованы для демонстрации прав того или иного претендента на престол. Однако помимо них существовали еще пять практических соображений, которые часто имели решающее влияние на выбор великого хана.

1. *Регентство*. В большинстве случаев после смерти великого хана наступал период регентства, которое обычно осуществлялось старшей женой умершего великого хана и (гораздо реже) его младшим сыном или братом. Считалось, что регент должен править до тех пор, пока великий хан не будет избран на племенном собрании (*хурилтае*). Монгольская империя была такой

огромной, что часто для созыва такого собрания требовались годы. Контролируя кадровую политику и имперские финансы в период междоусобицы, регент имел возможность продвинуть своего кандидата в ущерб другим претендентам (вдовы-регентши обычно выдвигали собственных сыновей). Предпочтения регента, который *de facto* являлся правителем империи, значили очень многое.

2. *Контроль над вооруженными силами империи.* Командование армией в период междоусобицы имело большое политическое значение: вооруженные силы можно было использовать как напрямую — если командующий лично претендовал на власть, так и не напрямую — если он поддерживал какого-либо претендента на престол. Право наследования в конечном счете опиралось на возможность устранения соперников, в том числе с помощью силы. Наличие регулярной армии давало существенное преимущество перед соперниками, которым необходимо было создавать коалиционную армию на пустом месте.

3. *Расстояние.* (а) Удаленность удела: Монгольская империя была настолько велика, что те лидеры, которые контролировали ее удаленные территории, проявляли гораздо меньше интереса к вопросам наследования имперского престола, чем те, которые находились ближе к центру. Обычно роль лидеров удаленных уделов была пассивной, они ограничивались поддержкой тех или иных близких к центру империи кандидатов, которые в дальнейшем учитывали их интересы. (б) Личная удаленность от центра событий: смерть великого хана порождала смуту в империи. Претендент на престол, первым прибывший в столицу, имел преимущество перед своими соперниками. Он, как минимум, мог защитить свои права перед лицом самозванцев, а как максимум — захватить власть, пока его соперники были слабо организованы и находились далеко от столицы.

4. *Репутация.* Популярность претендента, основные черты его характера (воинственность, честность, благородство, склонность к пьянству, скупость и т. д.), а также характеров его друзей и советников, состояние здоровья, молодость или зрелость — все это были факторы, которые влияли на исход выборов. Любой позитивный или негативный фактор сам по себе не являлся решающим. Он давал лишь некоторое общее представление о том, насколько широкой поддержкой может пользоваться претендент. Личностные факторы обычно служили для оправдания незаконного отстранения наследника. Наиболее частыми причинами недопущения к власти являлись молодость и плохое здоровье. Поражение в войне объяснялось монгольскими историками личными недостатками побежденного, а не стратегическими трудностями, с которыми ему пришлось столкнуться. Напротив, победителю приписывались всевозможные личные достоинства, но не упоминались такие факторы, способствовавшие его победе, как боеспособная армия или лучшие источники материального снабжения.

5. *Хурилтаи.* Конечным этапом наследования власти у монголов являлись выборы великого хана *хурилтаем* — собранием всех влиятельных людей империи. *Хурилтаи* не подразумевал прямого голосования с целью выбора победителя, он скорее являлся юридическим закреплением единственного кандидата. С выбором великого хана завершался период, когда претенденты на престол угрожали соперникам, собирали сторонников и демонстрировали свою силу. В какой-то момент один кандидат начинал превосходить других, и *хурилтаи* подтверждал этот политический факт единогласным решением. Резкое возражение против избрания на престол того или иного кандидата высказывалось путем неявки на *хурилтаи*. Отсутствие достаточного количества влиятельных лиц могло служить доказательством нелегитимности *хурилтая*.

Принципы наследования, племенная политика и военная сила играли большую роль при избрании нового великого хана. Важность каждого из этих факторов со временем изменялась. Политическая жизнь у монголов не была статичной, она находилась в постоянном движении, и любой анализ проблемы наследования престола, проведенный в хронологическом порядке, дает обманчивые результаты. Хотя набор основных принципов оставался неизменным, существовала тенденция к уменьшению значения генеалогических и юридических принципов и увеличению значения военной силы.

Выбор Угедэя в качестве наследника после смерти Чингис-хана был предопределен. Его назначил сам основатель империи, которому никто не мог перечить. Передача престола Гуюку была произведена в основном по политическим мотивам. Юридические права служили здесь лишь благовидным предлогом для исключения других кандидатов на престол и подкреплялись угрозой применения военной силы против недовольных. Только внезапная смерть Гуюка предотвратила междоусобную войну. С помощью сходных методов пришел к власти Мункэ, могущество которого опиралось на военную силу. Открытых военных действий удалось избежать, поскольку Мункэ умертвил своих противников, обвинив их в государственной измене. Последним всемонгольским великим ханом был Хубилай. Он вступил на престол после междоусобной войны, и традиционный *хурилтаи* для его утверждения так и не был созван. Теперь рассмотрим некоторые отдельные эпизоды монгольской истории для того, чтобы выяснить, каким образом принципы наследования и

ограничения политического характера становились частью сложной и постоянно меняющейся системы.

Борьба за власть: четыре великих хана

Перспектива передачи власти преемнику была тем вопросом, который ни друзья, ни родственники не решались обсуждать с Чингис-ханом. Все хорошо знали его реакцию на высказывание любых мыслей о разделении власти и боялись гнева монарха. Только в начале военной кампании против хорезмшаха в 1218 г. одна из любимых наложниц Чингиса осмелилась напомнить ему, что даже великие завоеватели умирают, и вынудила назвать имя преемника. Согласно традиции, он должен был назвать имя своего старшего сына Джучи, однако Чагатай злобно возразил отцу, что Джучи, вероятно, был рожден от меркита и поэтому не имеет прав на престол. Имелось в виду, что Джучи родился вскоре после освобождения Борте из меркитского плена. Чингис всегда воспринимал его как сына, и обвинение в незаконнорожденности Джучи стало кульминацией длительного противостояния двух братьев. В качестве компромисса Чингис выбрал наследником третьего сына — Угедэя. Все братья хорошо относились к нему, хотя он был несколько ленив и славился пристрастием к спиртным напиткам. Старшие братья Джучи и Чагатай и младший брат Толуй поклялись следовать воле отца. Напомнив им о наказании, которое понесли Алтан и Хучар, обещавшие помогать Чингису, а затем изменившие ему, отец призвал их быть верными. В то же время Чингис назначил преемников из числа сыновей своих братьев, которые должны были возглавить самостоятельные линии наследования³².

Это назначение не давало, по-видимому, исключительных прав линии Угедэя. Чингис-хан сказал:

Если согласитесь с этим и выберете на царство одного из моих сыновей, не станете нарушать мое повеление и не станете его как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего не потеряете. Ну а если потомство Угедэя народится [таким негодным, что]

Если завернуть его в зеленую траву,

Оно не будет съедено быком;

Если завернуть его в сало,

Оно не будет съедено собакой,

Неужели среди моих потомков [даже] одного достойного не народится?³³

Выбор, сделанный Чингис-ханом, был удобным компромиссом для его враждовавших сыновей, которые любили Угедэя, но с неприязнью относились друг к другу. После смерти Чингис-хана в 1227 г. последовал двухлетний период междоусобия. Хотя Толуй, выполнявший функции регента, имел под своим контролем армию, он не решился захватить власть, нарушив волю отца и данное им слово, а также опасаясь спровоцировать ответные действия со стороны Чагатая. Джучи умер раньше Чингиса. Угедэй в своей традиционной речи, в которой он поначалу церемониально отказывался принимать власть, обозначил многие юридические принципы, которые были нарушены Чингисом при назначении преемника:

«Хотя приказ Чингиз-хана³⁴ действует в этом смысле, но есть старшие братья и дядя, в особенности старший брат Толуй-хан, достойнее меня, чтобы быть облеченными властью и взять на себя это дело, так как по правилу и обычаю монголов младший сын из старшего дома замещает отца и ведет его *юртом* и домом, а Улуг-нойон [Толуй] — младший сын старшей ставки и всегда находился при Чингиз-хане... Как я воссяду на ханство при его жизни и в их присутствии?» Царевичи единогласно сказали: «Чингиз-хан из всех сыновей и братьев это дело вверил тебе и право вершить его закрепил за тобой. Как мы можем допустить изменение и переименование его незыблемого постановления и настоящего приказа?»³⁵

В этой речи упомянуты четыре основные юридические принципа, приведенные выше. Отмечая, что у Чингис-хана оставались здравствующие братья, Угедэй тем самым признавал традицию наследования по боковой линии — от старшего брата к младшему. Отмечая, что он имеет старшего брата, Угедэй подтвердил и право линейного наследования — от отца к

³² ТИ 254; *Cleaves*. Secret History. P. 184–194.

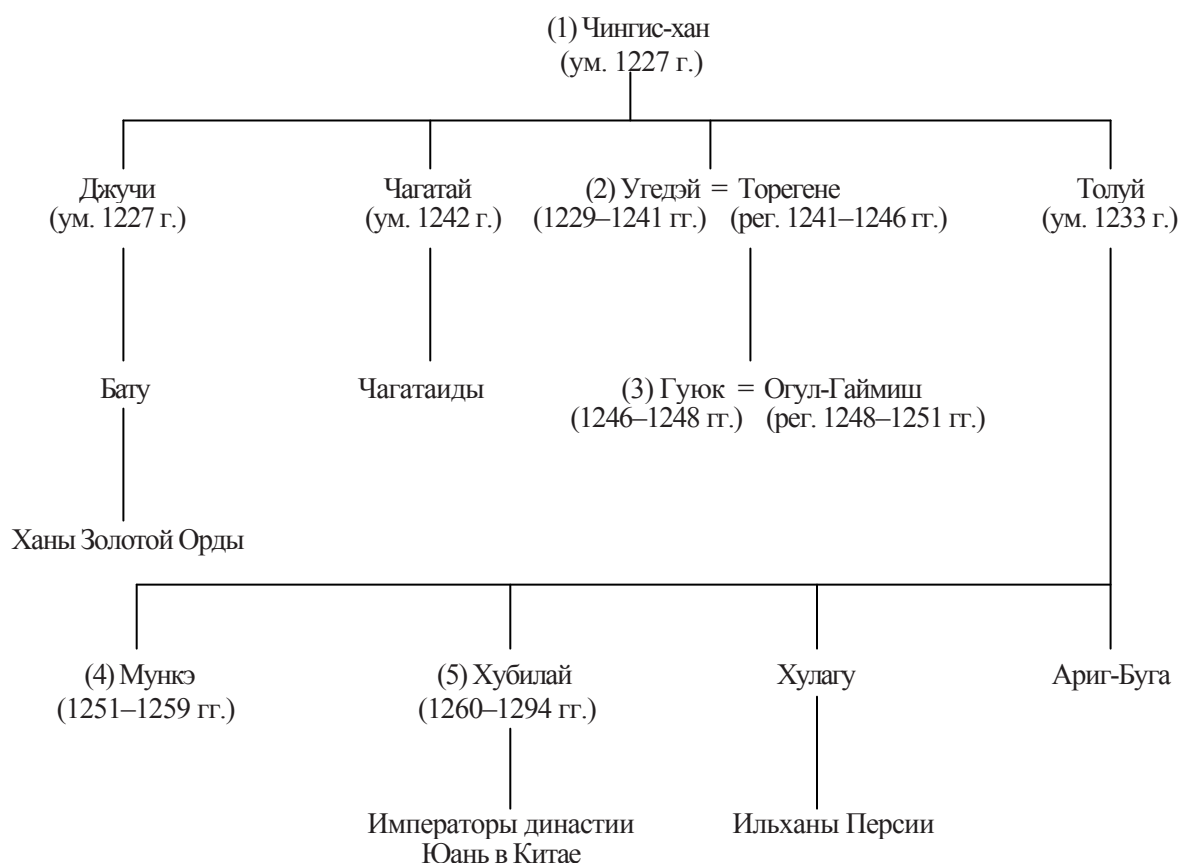
³³ ТИ 255; *Cleaves*. Secret History. P. 197.

³⁴ Написание «Чингиз» характерно для мусульманских источников (в отличие от оригинального монгольского «Чингис»). — *Примеч. науч. ред.*

³⁵ Boyle. The Successors of Genghis Khan (translated from the Persian of Rashid al-Din). P. 30–31.

старшему из живущих сыновей. Отмечая, что у него есть младший брат, он подтвердил существование у монголов традиции передавать власть младшему сыну. (Многоречивое признание прав Толуя было попыткой продемонстрировать легитимность его потомков, впоследствии основавших династии Ильханов и Юань, хотя из всех упомянутых родственников у Толуя были наименьшие формальные права на престол.) Принимая власть, Угедэй признавал право великого хана самостоятельно назначать себе преемника, отвергая при этом другие принципы наследования. Тот факт, что все четыре принципа противоречили друг другу, во многом объясняет внутренние распри монголов. Время шло, родственные связи между монгольскими лидерами ослабевали, и разброд в мнениях относительно принципа наследования явно начинал провоцировать конфликты. У тюрко-монгольских народов на смену единству братьев почти всегда приходила вражда двоюродных братьев.

Таблица 6.2. Великие ханы

Выбирая Угедэя, Чингис-хан надеялся избежать проблем, которые должны были встать перед новым великим ханом в деле консолидации власти. Даже находясь при смерти, он рассматривал империю как принципиально неделимое и в первую очередь степное государство. Каждому сыну был предоставлен улус (личная территория) в степи. Потомки Джучи получили в наследство северо-западные территории и кипчакскую степь. Угедэй, видимо, унаследовал район Алтая и верховьев Енисея, в то время как Чагатай занял долину реки Или. Толую как младшему сыну достались древние коренные земли монголов. Эти улусы никогда не были четко разграничены, поэтому существуют определенные разногласия по поводу их действительных размеров, однако первоначально они располагались достаточно близко друг к другу и не охватывали всю территорию империи. При распределении земель Чингис не раскалывал империю, поскольку он выделил своим сыновьям в качестве личных слуг только по 4000 семей. В отличие от тюрков, монголы никогда не допускали дробления ханского титула. Существовал только один законный великий хан Монгольской империи, который должен был управлять своей наследной державой как представитель всей императорской фамилии. Чингис лишь хотел обеспечить своих сыновей пастбищными землями; богатые же земли с оседлым населением, захваченные в результате завоеваний, оставались под контролем великого хана и управлялись специальными имперскими чиновниками. Жалованные земли и их население позднее составили основу отдельных мон-

гольских ханств, но это произошло уже в период правления Угедэя и его преемников. Когда Чагатай, например, попытался установить личную власть над Трансоксанией, он получил выговор от Угедэя за превышение полномочий. Однако впоследствии Угедэй передал Трансоксанию Чагатаю в качестве личного удела, который позднее стал основой Чагатайского ханства. Тем не менее при жизни сыновей Чингис-хана центральная имперская власть всюду признавалась³⁶.

Выбор в пользу Угедэя давал ему и его потомкам значительные преимущества, однако Толуй унаследовал личное войско отца, что сделало его исключительно могущественным. Чингис-хан объявил:

Дело престола и царства — дело трудное, пусть им ведает Угедэй. А всем, что составляет *юрт*, дом, имущество, казну и войско, которые я собрал, — пусть ведает Толуй³⁷.

Таким образом, существовал баланс сил между сыновьями. Толуй сохранил огромное личное влияние в качестве командующего армией. Чагатай, проигравший на имперском уровне, унаследовал одни из лучших земель империи, включавшие в себя богатые города Трансоксании и великолепные пастбищные угодья для скотоводов. Джучи, который был не в ладах с Чингис-ханом, оставил своим преемникам меньше всех, однако Угедэй, разгромив в 1234 г. династию Цзинь, направил монгольскую армию на запад, чтобы помочь Бату, наследнику Джучи, в расширении подвластной Джучидам территории. Получив поддержку из центра империи, Бату завоевал огромную русскую степь, переходившую на западе в Среднеевропейскую равнину, и основал ханство, равное по масштабам любому другому в составе империи.

Смерть Угедэя в 1241 г. знаменовала собой окончание правления поколения сыновей Чингис-хана. Толуй умер еще на раннем этапе правления Угедэя (вероятно, был отравлен³⁸), а Чагатай пережил Угедэя всего на несколько месяцев, что породило споры о кандидатуре следующего великого хана. Соперниками уже были не родные братья, а своенравные и упрямые кузены. Двумя основными вопросами были: станет ли преемником Угедэя представитель его линии, и если да, то будет ли он признан?

Было совершенно неясно, останется ли власть в руках линии Угедэя, поскольку Чингис-хан объявил его своим наследником, но не наделил его потомство какими-либо династическими правами. Согласно принципу наследования по боковой линии, престол мог перейти к сыновьям Джучи, которые были самыми старшими наследниками в следующем поколении; если же его линия отвергалась из-за подозрений в незаконнорожденности, тогда наиболее предпочтительными кандидатами в наследники становились сыновья Чагатая. Памятуя о правах младшего сына на наследование престола, можно было поставить вопрос и о передаче власти старшему сыну Толуя, который унаследовал коренные земли и войско основателя империи. С меньшим успехом, в соответствии с принципом наследования по боковой линии права на престол мог предъявить и брат Чингис-хана Темуге-Отчигин, который являлся старшим представителем Чингисова дома и был старше своих соперников на два поколения, хотя он, конечно же, не был потомком Чингис-хана.

Сыновья Угедэя настаивали на признании принципа линейного наследования власти, по которому престол доставался одному из них. Признание такого принципа имело бы широкие последствия, поскольку в будущем оно могло привести к исключению других родов из числа возможных наследников и созданию династической традиции, в которой исключительная роль принадлежала бы потомкам Угедэя. Ситуация осложнялась еще и тем, что Угедэй прочил в преемники внука. Первоначально он хотел сделать наследником своего третьего сына Кучу, однако, когда последний умер, назначил преемником его сына Ширемуна. Таким образом, из числа наследников исключался старший сын Угедэя Гуюк и его второй сын Кудэн, которого Чингис-хан однажды назвал будущим великим ханом.

После смерти Угедэя его старшая жена Торегене стала регентшей. В соответствии с традицией, она должна была править до созыва *хурилта* и избрания нового великого хана. В то время многие важные лица Монгольской империи находились в Европе, участвуя в военных кампаниях Бату. Везде им сопутствовал успех, сопровождаемый, однако, постоянными внутренними разногласиями, которые позднее проявились в борьбе за наследование. В частности, Гуюк, старший сын Угедэя, и Бури, один из внуков Чагатая, серьезно конфликтовали с Бату. В связи с этим императору стали поступать жалобы, и попавший в опалу Гуюк был отозван в Монголию. По смерти Угедэя военная кампания в Европе закончилась и Бату также отправился в Монголию. Поскольку Гуюк был отозван

³⁶ Barthold. Turkestan. P. 392–393, 464–465.

³⁷ Boyle. Successors. P. 17–18.

³⁸ Fletcher. Mongols. P. 33–39.

ранее, у него было преимущество и он поспешил первым прибыть в монгольскую столицу Каракорум. Близость к центру власти была большим преимуществом перед соперниками, и, прибыв в столицу, Гуюк мог рассчитывать на более эффективное отстаивание своих прав и прав своей семьи. Необходимость спешки стала очевидной, когда столицы достигла весть о том, что брат Чингис-хана Темуге выступил в поход с огромной армией. Последний намеревался сам захватить престол, но колебался, встретив сопротивление, и в конце концов отступил, услышав, что Гуюк уже прибыл в столицу. Вдова Угедэя Торегене, будучи регентшей, не собиралась следовать воле мужа и возводить на трон Ширемуну. Вместо этого она организовала заговор, чтобы отстранить его от власти и возвести на престол своего сына Гуюка. Полномочия регента способствовали ей в решении этой задачи. Имея доступ к казне, она делала подарки влиятельным лицам, чтобы последние поддерживали Гуюка. Она также издала указы, по которым противники Гуюка лишались своих должностей, что позволило ей непосредственно руководить империей. К 1245 г., когда был созван *хурилтай*, Гуюк уже обладал всеми преимуществами для того, чтобы стать великим ханом. С учетом политических реалий Ширемун и Кудэн вынуждены были отойти в сторону, и престол занял Гуюк. Решение отклонить выбор Угедэя было юридически обосновано личными недостатками противников Гуюка.

Так как Кудэн, которого Чингиз-хан назначил преемником *каана* [Угедэя], не совсем здоров, Торегене оказывает предпочтение Гуюку, а Ширемун, наследник по завещанию *каана*, еще не достиг зрелого возраста, то самое лучшее — назначим Гуюк-хана, который является старшим сыном *каана*³⁹.

Гуюк занял престол, заверив собравшихся, что передача власти в будущем будет происходить только между потомками Угедэя.

Это была большая победа рода Угедэя. Отныне только его представители рассматривались в качестве наследников, хотя многие другие также могли предъявить обоснованные претензии на престол в соответствии с принципами наследования по боковой линии. Торегене эффективно организовала выборы своего сына и обеспечила сохранение власти потомками Угедэя, несмотря на то, что личная воля Угедэя была проигнорирована. Выбор в пользу Гуюка не был единогласным. Бату, наследник по линии Джучи, отказался прибыть на *хурилтай* своего врага, хотя и прислал на него своих братьев. Как уже было сказано, в соответствии с монгольской политической практикой, на *хурилтай* прибывали не для того, чтобы избрать великого хана, а для того, чтобы подтвердить заранее согласованное решение. Явное несогласие выражалось в виде отказа прибыть на *хурилтай* и поддержать выбор собравшихся. Поскольку Бату являлся старшим из потомков Чингис-хана и был в плохих отношениях с Гуюком, его отсутствие имело большое политическое значение.

От своего много пившего и беззаботного отца Угедэя Гуюк отличался большей жесткостью. Он немедленно занялся укреплением личной власти и взял империю в крепкие руки, поскольку титул правителя Монгольской империи был лишь первой ступенькой на пути получения полного контроля над ней. Предоставив право на наследование престола только потомкам Угедэя, Гуюк создавал династию, которая в итоге должна была отлучить потомков других линий от доступа к престолу и уменьшить их самостоятельность. Впервые он продемонстрировал свою власть, когда лишил жизни младшего брата Чингис-хана Темуге-Отчигина, обвинив его в государственной измене и попытке захватить престол. Он также обуздал коррупцию, которая расцвела во время регентства Торегене, когда происходило повсеместное злоупотребление властью, разорявшее монгольскую казну. Гуюк публично выступил против многих монгольских аристократов и их злодеяний, сурово наказав худших преступников. Основными жертвами этой чистки стали непопулярные советники его недавно умершей матери, которых Гуюк предал смерти.

Концепция управления империей, которой придерживался Гуюк, требовала уничтожения самостоятельности других линий Чингисидов, владевших собственными уделами. Впервые эта политика проявилась в том, что Гуюк вмешался в процесс передачи власти в роду Чагатай. Чагатай назначил своим наследником старшего сына Мутугена, однако, когда Мутуген умер еще до смерти отца, Чагатай проигнорировал права оставшихся в живых сыновей в пользу своего внука Кара-Хулагу, старшего сына Мутугена. Гуюк отклонил это назначение, заявив: «Как может стать наследником внук, когда имеется сын?», и назначил преемником Чагатай его сына Есу-Мункэ⁴⁰. Есу-Мункэ был политическим союзником императора, и Гуюк надеялся с его помощью контролировать Чагатайский улус. Этот назначение внесло смятение в ряды потомков и родственников Чагатай, поскольку Кара-Хулагу был не только избран своим дедом в качестве

³⁹ Boyle. Successors. P. 181.

⁴⁰ Ibid. P. 182.

наследника, но и являлся популярной фигурой. Переход власти от старшего сына к старшему сыну был оправдан логикой линейного права наследования. Действия же Гуюка походили на политику двойных стандартов, так как он сам проигнорировал выбор своего отца Угедэя в пользу внука.

Гуюк попытался ограничить власть рода Толуя, уменьшив число имперских войск, находившихся под его контролем. Под руководством вдовы Толуя Соркактали-Беки семья избежала обвинений в коррупции и внешне полностью поддерживала Гуюка, не выказывая открытого протеста против утраты части своего военного корпуса. За кулисами же вдова Толуя тайно помогала многим противникам Гуюка, организуя широкую политическую поддержку своим сыновьям. Самой трудной проблемой для Гуюка была борьба с наследниками Джучи, которые представляли наибольшую угрозу для его власти. Нелюбовь к нему со стороны Бату была хорошо известна, к тому же Бату принимал участие в военных действиях в Европе и командовал сильной армией. Гуюк собрал на востоке войско и выступил с ним против Бату. Соркактали-Беки предупредила Бату о выступлении Гуюка, и первая междоусобная война среди монголов уже казалась неизбежной, однако в 1248 г., во время похода, Гуюк умер, пробыв у власти всего лишь два года. Борьба за престол вспыхнула вновь⁴¹.

Огул-Гаймиш, вдова Гуюка, стала регентшей, однако не смогла установить эффективный контроль над империей, поскольку центральная власть на местах очень ослабела и широко распространились всякого рода самоуправство и неповиновение. Род Угедэя также столкнулся с серьезными проблемами. Оба сына Гуюка были еще молоды и у них был соперник — их двоюродный брат Ширемун. Представители других родов были в лучшем положении, чем в то время, когда происходили выборы Гуюка, поскольку последний только начал консолидировать власть и его вдова не обладала силой, присущей ее свекрови Торегене. Бату, старший из потомков Чингис-хана, потребовал, чтобы *хурилтаи* был собран на западе, поскольку он страдал подагрой и не мог ездить на дальние расстояния. Разногласия вокруг престолонаследия вскоре стали достоянием гласности. Сыновья Угедэя, Гуюка и Чагатая отказались участвовать в *хурилтае*, позднее объяснив это тем, что *хурилтаи* должен собираться только на родине монголов. Соркактали-Беки увидела в этом для себя возможность передать престол роду Толуя. Она посоветовала своим сыновьям ехать в лагерь Бату, где последний выдвинул на великоханский престол Мункэ. Бату объявил Гуюка узурпатором, поскольку тот проигнорировал волю Угедэя, назначившего своим преемником Ширемуну. Однако Бату не сделал ничего, чтобы устранить эту несправедливость. Вместо этого он выступил с заявлением, апеллировавшим к принципу наследования власти младшим сыном:

Сегодня один Мункэ-каан обладает дарованием и способностями, чтобы стать правителем. Он происходит из рода Чингиз-хана, и никто из царевичей, кроме Мункэ-каана, не способен управлять империей и войском с таким пронзительным умом и верным рассуждением — один только Мункэ-каан, сын моего милого дяди Толуй-хана, младшего сына Чингиз-хана, владевшего его великим *юртом*. [А хорошо известно, что согласно Ясе и обычаю место отца достается меньшему сыну.] Поэтому все предпосылки для вступления на царство у Мункэ-каана⁴².

Поддержка Мункэ со стороны Бату имела решающее значение. Будучи старшим из потомков Чингис-хана, Бату имел больше прав на престол, чем Мункэ. Выдвигая Мункэ, Бату отказывался от этих прав, но не бескорыстно. В обмен он обретал полную независимость на западе. В европейских источниках Бату даже объявлялся соправителем империи вместе с Мункэ⁴³. Причина такой сделки лежит на поверхности: земли Бату на западе находились дальше всех от коренных земель Монголии и сами по себе были огромны. Бату неизбежно столкнулся бы с непреодолимыми трудностями при попытке управлять империей из Каракорума и одновременно править собственным улусом. Он пошел на компромисс, признав свершившимся фактом раскол империи, подобный расколу на западную и восточную части чрезмерно разросшегося Первого Тюркского каганата. Именно с Бату начинается настоящая история независимой Золотой Орды, как позднее было названо его ханство.

Союз Бату и Мункэ значительно ослабил положение потомков Угедэя. Последние имели нескольких сторонников среди князей из рода Чагатая, но другие Чагатаиды поддерживали Мункэ, включая и Кара-Хулагу, который лишился своей должности из-за Гуюка. Первой линией защиты потомков Угедэя стало выдвижение претензий по поводу незаконности *хурилтая*, поскольку он был созван не в Монголии. В ответ на эти возражения Бату приказал своей армии вместе с войсками Толуя идти в Монголию, чтобы собрать *хурилтаи* согласно традиции и подтвердить на нем свое решение. Однако князья из рода Угедэя и многие Чагатаиды отказались прийти на

⁴¹ Ibid. P. 180–186, quote p. 182.

⁴² Ibid. P. 201–202.

⁴³ Jackson. The dissolution of the Mongol Empire.

хурилтай в надежде, что без их присутствия он не сможет состояться. Они отправили Бату свои протесты, выражая несогласие с передачей власти другому роду: «Мы возражаем против этого соглашения, великоханский титул принадлежит нам. Как можешь ты передать его другому?»⁴⁴

Бату ответил, что уже сделал свой выбор и что обязанности великого хана слишком обременительны, чтобы возложить их на претендентов со стороны Угедэя, поскольку последние слишком молоды. После получения серии угроз несговорчивые князья решили прибыть на *хурилтай*, но двигались крайне медленно. Берке, брат Бату, являвшийся его доверенным лицом на *хурилтае*, сообщил о том, что задержка *хурилтая* ставит под сомнение его проведение: «Два года мы ждем, чтобы возвести на престол Мункэ-хана, а сыновья Угедэя и Гуюк-хана и Есу-Мункэ, сын Чагатая, еще не прибыли». Краткий ответ Бату положил конец неприкосновенности *хурилтая*: «Возводите его на престол. Тот, кто выступит против Ясы, пусть не снесет головы». «Охвостье» *хурилтая*⁴⁵ в 1251 г. провозгласило Мункэ великим ханом⁴⁶.

Князья из рода Угедэя все были еще в пути на *хурилтай*, когда состоялись выборы. После того как Мункэ получил сообщение, что Ширемун, наследник Угедэя, и Наку, сын Гуюка, выступили в поход с войском, он велел перехватить и задержать их. Не вполне ясно, действительно ли они планировали мятеж или это обвинение было состряпано Мункэ, чтобы устранить своих соперников. Так или иначе, вслед за этим последовала чистка, в ходе которой регентша, заговорщики, их сподвижники из рода Угедэя, а также многие военачальники были казнены. В деле престолонаследия монголы сделали еще один шаг от политических методов к насилию как основному способу управления государством. Чистка также позволила Мункэ наградить своих союзников. Кара-Хулагу был вновь восстановлен в правах главы рода Чагатая. В распоряжение Бату (кроме полной независимости) достался его старый враг Бури, внук Чагатая, которого он предал смерти. Так был положен конец борьбе за престолонаследие, и отныне престол стал постоянно наследоваться представителями рода Толуя, однако ценой тому стало первое фактическое разделение империи.

Мункэ был последним из великих ханов, чьей столицей был степной город Каракорум. По окончании междоусобной борьбы он продолжил реформы, которые начал Гуюк. Мункэ укрепил власть внутри империи, в частности благодаря тому, что в период чистки удалил многих могущественных лидеров и заменил их преданными ему людьми. Захватнические войны, приостановленные на время борьбы за наследство, возобновились. Однако Мункэ отказался продолжить военную кампанию в Европе, поскольку ханство Бату после достижения им независимости больше не имело права на помощь со стороны войск империи. Вместо этого Мункэ разделил армию на две части и послал одну из них под предводительством своего брата Хулагу в Иран, а вторая атаковала китайскую империю Сун. Иран должен был стать частью земель, наследуемых родом Джучи, но Мункэ использовал свое положение великого хана, чтобы создать новое ханство для своей семьи. Эти новые кампании по захвату густонаселенных и цивилизованных земель оказали глубокое влияние на политическую структуру монгольского государства, поскольку подготовили переход власти от монголов-степняков к монголам, контролировавшим развитые центры сельскохозяйственного и промышленного производства. Именно потомки Мункэ стали основателями династии Юань в Китае и государства Ильханов в Иране, изменив баланс сил в империи.

После неудачного начала войны с Сун Мункэ принял на себя непосредственное руководство войсками в Китае. В походе его сопровождал младший брат Хубилай, а самый младший брат Мункэ, Ариг-Буга, остался управлять в Каракоруме. Во время военной кампании 1259 г. Мункэ умер. Ариг-Буга и Хубилай (оба) объявили себя великими ханами, не заручившись поддержкой должным образом созванного *хурилтая*. Ариг-Буга пользовался поддержкой вождей степных племен, Хубилай поддерживала армия в Китае. Хулагу, находившийся в далеком Иране, не принимал прямого участия в споре.

Эта борьба и ее последствия весьма отличались от предыдущих степных междоусобиц, поскольку затрагивали вопросы, определявшие основное направление государственного развития. Ариг-Буга следовал политике, которую начал Чингис-хан и продолжили следующие великие ханы. В соответствии с этой политикой центр империи располагался в степи и в ее столице — Каракоруме. Оккупация сельскохозяйственных регионов и городов считалась полезной, даже необходимой для обеспечения нужд населения степи, но действительная власть принадлежала тому, кто управлял степными территориями Внутренней Азии. Хубилай, осуществлявший командование войсками в Китае, понимал, что центр власти должен

⁴⁴ Boyle. Successors. P. 203.

⁴⁵ Барфилд проводит аналогию с историей Англии, в которой «Охвостьем» (*Rump*) называют остатки Долгого парламента после изгнания оттуда депутатов-пресвитериан (т. н. Прайдова чистка 1648 г.). — *Примеч. науч. ред.*

⁴⁶ Ibid. P. 204.

переместиться из степи в захваченные сельскохозяйственные регионы. К моменту смерти Чингис-хана эти регионы составляли лишь небольшую часть империи, но после завоевания Угедэем Цзинь, вторжения Хулагу в Иран и атаки Мункэ на империю Сун положение коренным образом изменилось. Основным условием сохранения могущества стал контроль над захваченными землями с оседлым населением. Борьба велась не между кочевой и оседлой державами, поскольку прародиной Ариг-Буги и Хубилая была степь, а между кочевниками, контролировавшими сельскохозяйственные регионы, и степными кочевниками. Действия Хубилая продемонстрировали, что Китай должен был стать будущим центром монгольской власти в Восточной Азии, а собственно Монголия — периферией. Таким образом, резко уменьшалось влияние кочевой знати, проживавшей на территории степи.

Война Хубилая против Ариг-Буги доказала, что баланс сил в Восточной Азии изменился. Хубилай разбил Ариг-Бугу и отрезал Каракорум от источников снабжения. «Еду и питье в Каракорум обычно доставляли повозками из Китая. Хубилай-хан запретил такое сообщение, и в этой области разразился великий мор и голод»⁴⁷. Монгольская столица для своего существования нуждалась в поставках извне. Этот город, хотя и являлся административным центром империи, располагался в местности, в которой ничего не производили. Хубилай показал, что тот, кто контролирует источники снабжения, контролирует и Каракорум. Ариг-Буга был вынужден перейти к поискам новой ресурсной базы. Первоначально он двинулся на северо-запад, в район Енисея, который отличался несколько большей, чем монгольская степь, производительностью, но все-таки был слишком скудным, чтобы удовлетворить требования Ариг-Буги.

Ариг-Буга оказался в безвыходном положении и сказал: «Самое лучшее — это чтобы Алгу, сын Байдара, сына Чагатая... отправился ведать столицей и улусом своего деда, прислал бы нам помощь, оружие и продовольствие и охранял бы границу вдоль Амударьи, чтобы войска Хулагу и Берке не могли прийти с той стороны на помощь Хубилай-каану»⁴⁸.

Даже сторонникам степной партии для обеспечения своих нужд были необходимы районы с оседлым населением, занимающимся сельским хозяйством и промышленным производством. План Ариг-Буги провалился, когда, захватив чагатайские земли, Алгу отказал ему в предоставлении помощи. Вместо этого он убил представителей Ариг-Буги и заключил союз с Хубилаем. Это была выгодная сделка, так как Хубилай оценил помощь Алгу и разделил с ним империю. Он оставил ему западные земли, сохранив за собой восточные, и писал в одном из писем к Алгу:

В областях смута. От берегов Амударьи до ворот Египта земли тазиков должно тебе, Хулагу, ведать и хорошо охранять; с той стороны Алтая и до Амударьи пусть охраняет и ведает улусом и племенами Алгу; а с этой стороны от Алтая и до берегов моря-океана [все земли] я буду охранять⁴⁹.

Земля от кипчакской степи до Европы по решению Мункэ уже была отделена и отдана Бату; таким образом, власть Хубилая на нее не распространялась. Берке, брат Бату, не принимал участия в конфликте и пытался выступать в качестве посредника между враждующими партиями.

Ариг-Буга был вскоре окружен и разгромлен. Он сдался Хубилаю и был помилован, однако его сподвижников казнили. Таким образом, империя, созданная Чингис-ханом, прекратила свое существование и распалась на четыре великих ханства: Золотую Орду в русской степи, государство Ильханов в Иране, Чагатайское ханство на территории от Амударьи до Алтая и государство династии Юань в Китае и Монголии.

Династия Юань

Хубилай столкнулся с проявлениями недовольства со стороны вождей кочевников, особенно Хайду из рода Угедэя, однако эти конфликты уже не являлись междоусобными войнами, а были раздорами между иноземной династией в Китае и ее соседями в степи. Политика, проводимая Хубилай-ханом и его преемниками из династии Юань по отношению к Монголии, была похожа на политику других иноземных завоевателей Китая. Подобно им, монголы научились сочетать ресурсы Китая и свои знания о степи для того, чтобы контролировать племена, жившие вдоль китайской границы. Они были способны проводить эффективные военные кампании в степи, но исключительно с целью защиты своих владений в Китае. Наибольшее внимание Хубилай уделял

⁴⁷ Ibid. P. 253.

⁴⁸ Ibid. P. 253–254.

⁴⁹ Ibid. P. 255–256.

Китаю и завоеванию Сун.

В период правления Хубилай-хана центр монгольской державы переместился в Китай, что имело важные последствия для степных кочевников. Переезд столицы из Каракорума в Пекин и выбор династийного имени символизировали приоритет Китая над степью. Некогда «маргинальные» сельскохозяйственные районы стали фундаментом, на который опирались все монгольские ханства. В то время как Чингис-хан олицетворял собой империю, основу которой составляли исключительно степные области, его внуки посчитали необходимым сочетать степную экономику с экономикой районов, в которых проживало оседлое население. Чагатайское ханство зависело от эксплуатации ресурсов Трансоксании, государство Ильханов — экономики Ирана, а Золотая Орда — от взимания дани со славян и русских городов. Улус потомков Угедэя не имел такой экономической базы и перестал существовать как независимое ханство.

Система управления династии Юань в Китае весьма отличалась от системы управления ее маньчжурских предшественников. Маньчжуры полагались на дуальную форму государственной организации с разделением административных структур племен и китайского населения. В такой дуальной организации гражданская администрация находилась в руках китайских чиновников, игравших важную роль в управлении. Они также служили противовесом племенной знати, которая доминировала в военных структурах и пограничных районах. Почти сразу после основания маньчжурские династии начинали использовать квалифицированных китайских чиновников и попадали в зависимость от них. Монголы, напротив, первоначально игнорировали китайскую бюрократию, а в качестве чиновников привлекали иноземцев из Западной и Средней Азии. Иноземцы, использовавшие собственные методы управления, языки и алфавиты, не нуждались в услугах просвещенных китайских чиновников и их культурном багаже. Они не были связаны нормами китайской административной практики, которые вынуждены были признавать предшествующие иноземные династии.

Вместо дуальной организации монголы для поддержания власти в Китае использовали единую систему управления с иерархическим разделением этнических групп. В этническую иерархию входили четыре категории: монголы, *сэму* (выходцы из Западной и Средней Азии), *ханьжэнь* (выходцы из Северного Китая, Маньчжурии и Кореи) и *наньжэнь* (выходцы из Южного Китая). Численность населения, входившего в эти группы, была далеко не одинакова. Перепись населения, проведенная в империи Юань в 1290 г., показала примерно следующее распределение по группам⁵⁰:

монголы	1 000 000
<i>сэму</i>	1 000 000
<i>ханьжэнь</i>	10 000 000
<i>наньжэнь</i>	60 000 000

Монголы и их союзники *сэму* занимали примерно 30 % всех официальных должностей, включая самые высокие должности в военном и гражданском руководстве. Они также сохраняли фактическую монополию на службу в императорской гвардии — преемнице бывшего *кешика*, — из рядов которой рекрутировались многие высокопоставленные чиновники. Даже когда Юань применяла такой классический китайский метод отбора, как система экзаменов, распределение присвоенных званий по группам сохраняло прежнюю пропорцию. Это обеспечивало монголам и *сэму*, сдававшим экзамены, гораздо лучшие шансы, чем их китайским соперникам. Кроме того, монголы и среднеазиаты получали более легкие задания. Для того чтобы преодолеть эти препятствия, некоторые китайцы изучали иностранные языки и брали себе иноземные имена, стремясь пройти экзамены как члены привилегированных категорий. Периодически юаньские власти пытались искоренить такую практику. Тем не менее, в отличие от структур с дуальной системой управления, китайцы были представлены в государстве Юань во всех ветвях власти⁵¹.

Реорганизация монгольской власти в Китае, проведенная Хубилаем, имела ряд характерных для степи черт. Империя Юань, обладавшая собственным двором и иерархией министерств, подчиненных всемогущему императору, внешне выглядела высокоцентрализованной и авторитарной. Однако внимательное изучение полномочий местных органов управления и сферы действия прямой императорской власти показывает, что регионы были весьма самостоятельны и на удивление слабо связаны с центром⁵².

Лишенное китайского показного лоска государство Юань имело много общего со степной имперской конфедерацией. Юаньский двор сохранял монополию на внешние сношения и проведение экономической политики, однако имперское правительство управляло напрямую лишь обширной столичной провинцией и степными территориями. Провинции, располагавшиеся

⁵⁰ Langlois. China Under Mongol Rule. P. 15. Not. 34.

⁵¹ Dardess. Conquerors and Confucians. P. 35–36, 60, 68.

⁵² Farquhar. Structure and function in Yüan imperial government. P. 52–53.

внутри империи, такие как Юньнань и Ганьсу, напоминали отдельные царства. Даже более тесно связанные с центром провинции управлялись не напрямую, а через наместников-*даругачи*, монгольских чиновников или чиновников *сэму*, в чьи обязанности входило присматривать за администрацией провинций и округов и обеспечивать поступление необходимых средств в государственную казну⁵³.

Использование доверенных лиц для контроля над местной администрацией было давней традицией кочевников. По этой традиции местные племенные вожди управляли своими людьми под наблюдением имперского наместника. Китай не имел племенной структуры, однако монголы приспособили степные обычаи управления к бюрократии оседлых народов. Таким образом, государственная система Юань, как и кочевой имперской конфедерации, производила двойственное впечатление. Верхние эшелоны власти являли собой картину авторитарного централизованного руководства, в то время как на местах существовала значительная самостоятельность провинций. Слабым звеном организации управления и в степи, и в Китае были хрупкие отношения между центральным правительством и местными лидерами. Причем в Китае эти отношения усугублялись необходимостью регулярного взимания больших налогов в доход государства, тогда как в традиционных степных империях насильственное изымание средств было нерегулярным и экономически менее тягостным для населения. В обеих системах центральное правительство предотвращало распад государства, отправляя имперские войска на подавление восстаний и щедро вознаграждая лиц, участвовавших в управлении империей.

Монголы составляли элитную группу населения в империи, однако при Юань условия жизни рядовых монголов как в Китае, так и в степи значительно ухудшились в связи с увеличением требований к ним со стороны правительства. Юаньское правительство рассматривало монгольскую армию как наследственное и самообеспечивающееся войско. Несмотря на то что монголы составляли меньшинство в армии, завоевывавшей Китай, они считались наиболее преданными династии воинами. Вслед за последними крупными военными кампаниями, которые привели к захвату в 1279 г. империи Сун, в районе нижнего и среднего течения Хуанхэ (к северу от реки Хуайхэ) были размещены монгольские гарнизоны. Река Хуайхэ являла собой экологическую и древнюю политическую границу между Северным и Южным Китаем. К северу от нее сохраняла свою эффективность степная конница. Монгольские гарнизоны занимали важные стратегические позиции, с которых было удобно защищать столичную область на севере. Эти войска можно было также отправить для подавления восстаний на юге, однако на влажных рисовых полях юга использование конницы было неэффективным и династия в качестве основной силы в гарнизонах использовала китайские войска под командованием монголов и *сэму*.

Идея самообеспечивающейся наследственной армии, которая была давней традицией степняков, с трудом находила себе применение на новом месте. Для пастухов-кочевников не существовало больших различий между жизнью в мирное и в военное время. Каждый мужчина должен был по первому требованию являться на военную службу. Кроме того, предполагалось, что войска кочевников сами обеспечивают себя снаряжением, оружием, лошадьми и припасами для проведения военных кампаний. Это было оправданно в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, где навыки езды на лошади и стрельбы из лука были естественной частью культуры. Трудовые обязанности перекладывались на лиц, которые не участвовали в походах, что позволяло каждому хозяйству выставить одного-двух воинов. Для оседлого населения аграрных государств подобные нормы мобилизации были немыслимы. Кроме того, войны обычно приносили добычу, поэтому они были экономически выгодным предприятием.

Однако при организации гарнизонов в Китае следовать этой традиции стало гораздо труднее. Юаньское правительство поначалу раздавало землю, которая в избытке имела в Северном Китае, и рабов для ее обработки, чтобы рядовые монголы могли обеспечить себя всем необходимым для выполнения воинских обязанностей. Однако размер выделенных земель оказался недостаточным для того, чтобы прокормить семьи и оплачивать издержки военной службы. Многие монголы вынуждены были продавать землю для того, чтобы должным образом снарядиться и подготовиться к дальним пограничным войнам, но эти войны не приносили добычу, способную компенсировать затраты. Масштабы мобилизации, обычные по степным меркам, наносили также экономический урон монгольским семьям, старавшимся присматривать за своими сельскохозяйственными угодьями. Со временем число монголов, прикрепленных к гарнизонам, уменьшилось, а их боеспособность снизилась. Когда к середине XIV в. разразилось несколько восстаний, монгольские гарнизоны оказались неспособны справиться с ними в одиночку⁵⁴.

⁵³ Endicott-West. Imperial governance in Yüan times.

⁵⁴ Hsiao. Military Establishment of the Yüan Dynasty. P. 17–24.

Одной из причин снижения эффективности войск, размещавшихся в гарнизонах на территории Китая, были затяжные дорогостоящие войны, которые юаньское правительство вело в Монголии и Туркестане против соперничавших с ним монгольских ханов и князей. Начиная с войны между Хубилаем и Ариг-Бугой Монголия превратилась в поле битвы. Поражение Ариг-Буги показало, что монгольские князья, полагавшиеся исключительно на ресурсы степи, имели слабые шансы на победу над монголами, имевшими доступ к ресурсам Китая. Однако Монголия и Туркестан находились достаточно далеко от Китая, и поэтому кочевников этого региона можно было победить, только заплатив за победу высокую цену. В отличие от других иноземных династий, которые просто старались поддерживать в степи анархию, империя Юань управляла Северной Монголией напрямую и брала на себя охрану ее границ. Родина Чингис-хана, колыбель монгольской государственности, имела большое символическое значение для монголов, и династия ни в коем случае не хотела оставлять ее.

Территории, граничившие с Монголией, особенно Алтайские горы и оазисы Туркестана на юге, являлись очагами конфликтов, поскольку представляли собой буферные зоны между Юань и соперничавшими с ней ханствами. Спустя четыре года после того, как в 1264 г. Хубилай нанес поражение Ариг-Буге, столкновения вспыхнули с новой силой, — когда Хайду, потомок Угедэя, вступил в союз с Чагатайским ханством и организовал серию нападений на Китай, повторявшиеся на протяжении всего времени правления Хубилая. Его действия дали толчок к восстанию потомков Темуге-Отчигина в Маньчжурии в 1287 г., которое, однако, было быстро подавлено. Только в 1303 г., спустя несколько лет после того как умерли Хубилай и Хайду, был восстановлен мир.

Чтобы ответить на военные угрозы, юаньское правительство разместило в Монголии и Туркестане войска численностью в 300 000 человек. Для их снабжения необходимо было ежегодно выделять большое количество зерна — до 200 000 *шэ*. К началу XIV в. эта цифра увеличилась до 300 000 *шэ*. Даже после заключения мира с потомками Хайду угроза нападения со стороны Чагатайского ханства оставалась достаточно серьезной для того, чтобы Юань сохраняла большие гарнизоны на севере. Чиновники юаньского двора сообщали, что к 1311 г. одна треть государственного дохода (6-7 миллионов *динов*) расходовалась на оборону Монголии⁵⁵. Такие огромные расходы были бы невозможны без постоянного поступления ресурсов из бывших сунских земель. По странному стечению обстоятельств контроль монголов над их прародиной оказался возможным только благодаря тому, что Юань имела доступ к богатствам Южного Китая, недоступным для всех предшествующих иноземных династий.

Для укрепления контроля над границами юаньский двор в 1307 г. включил Монголию в систему имперских провинций, расположив китайский гарнизон в Каракоруме. Положение рядовых кочевников было плачевным в связи со все возрастающими потребностями империи в войсках, припасах и лошадях, которые ложились тяжелым бременем на экономику степи. Даже получая помощь из Китая, кочевники становились все беднее. Имеются письменные свидетельства об организации целой серии неотложных мер по оказанию продовольственной помощи сотням тысяч семей. Зерно выдавалось непосредственно центральным правительством, остальная помощь шла через местных монгольских князей. Эти князья, потенциально составлявшие оппозицию династии, привлекались ею к сотрудничеству за щедрое вознаграждение, получаемое от юаньских владений в Китае. Вероятно, никогда до образования маньчжурской династии Цин контроль над Монголией со стороны Китая не был столь жестким, а монгольские кочевники столь бедными, как во времена Юань⁵⁶.

Распад империи Юань в Китае

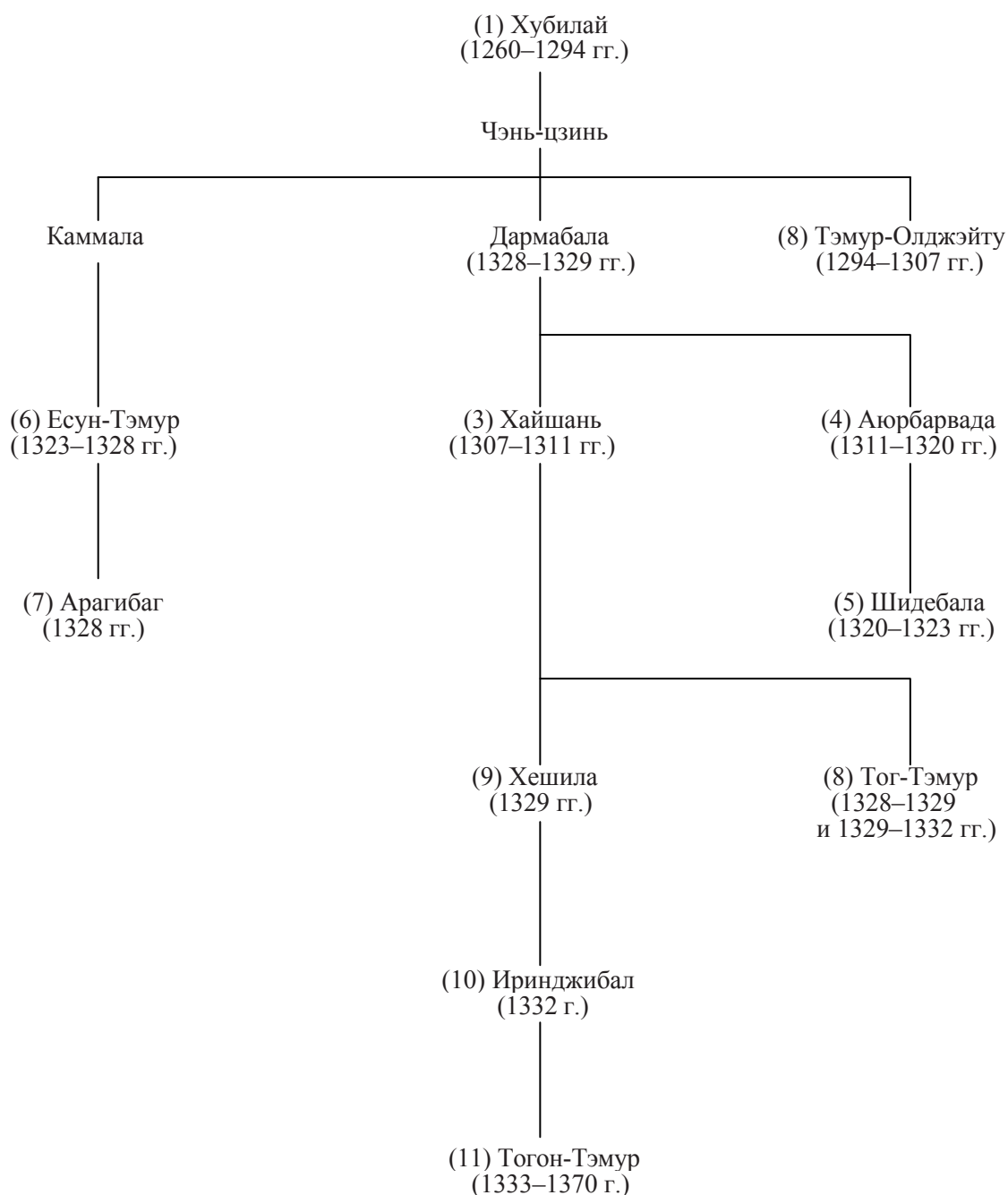
После смерти Хубилай-хана юаньский двор раскололся на множество группировок. Монголы сохраняли традиционные правила наследования, которые позволяли претендентам со стороны прямых и боковых ветвей императорского рода рассчитывать на престол. Сохранялось и узаконенное насилие, свойственное политической жизни степи, в которой убийство императора было обычным делом. Это привело к тому, что вся история Юань пестрит заговорами, убийствами, отравлениями и политическими чистками. В сущности, династическое древо юаньских правителей (табл. 6. 3) напоминает родословную скорее тюркских каганов, чем китайских императоров. Для Юань было характерно беспрецедентное по китайским стандартам число убийств и случаев незаконного восшествия на престол младших братьев и племянников. Хотя монголы, вероятно, переняли многие конфуцианские ценности и институты в деле организации двора, в борьбе за власть они возвращались к старым степным традициям.

⁵⁵ Ibid. P. 59–60.

⁵⁶ Serruys. The Mongols in China During the Hung-wu Period.

Одним из результатов этих схваток в борьбе за престол было появление при дворе разного рода временщиков, которые правили от имени императора, но проводили самостоятельную политику. Политическая история империи до 1330-х гг. представляла собой поочередное выдвижение различных кланов, которые захватывали власть и контролировали правительство, пока их внезапно не устраняли соперники. Быстротечные конфликты в столице отвлекали внимание центрального правительства от углубляющихся проблем в провинциях, где голод, дурное управление и недовольство крестьян грозили вылиться в серьезное восстание. Такие восстания вспыхивали в различных районах Южного и Центрального Китая на протяжении 1330-х гг. Хотя центральное правительство подавляло их, они представляли большую угрозу экономике, поскольку империя зависела от поставок зерна и денег из района Янцзы, составлявших основу ее финансового и продовольственного благополучия. Любые нарушения в системе функционирования каналов, морских путей или сельскохозяйственных угодий юга непосредственно отражались на власти династии. Поставки зерна из южных регионов в столицу достигли своего пика в 1329 г., составив 3 340 306 *шэ*. В последующие 10 лет объем поставок уменьшился на 25%⁵⁷.

Таблица 6.3. Императоры династии Юань в Китае

⁵⁷ ЮШ 93 : 21а, 97 : 1б–2а; Schurmann. Economic Structure. P. 112–113, 125; Dardess. Conquerors and Confucians. P. 88.

После этого положение стало ухудшаться. В 1344 г. Хуанхэ вышла из берегов и ее русло сместилось к северу, разом опустошив 6000 квадратных миль сельскохозяйственных земель, а также сделав Великий канал несудоходным. Морской путь, представлявший собой альтернативный коридор для снабжения северной части государства зерном, попал в руки пиратов, а войска местных гарнизонов не могли справиться с широко распространившимся бандитизмом. Однако Юань, если ею руководила сильная рука, была далеко не беспомощной державой, что продемонстрировал бывший министр двора Токто, который захватил власть в 1349 г. и приостановил процесс распада государства. Он немедленно разработал масштабный план возвращения Хуанхэ в прежнее русло и повторного открытия Великого канала. Всего 6 месяцев спустя после начала работ, в 1351 г., проект был завершен, что лишило морских пиратов возможности угрожать правительству. Это эффективное вложение средств позволило производить постоянные оптовые перевозки зерна на север даже после того, как пало юаньское правительство. Другим проектом Токто была программа значительного расширения сельскохозяйственных угодий, которое сделало бы север менее зависимым от импорта продуктов. Токто в своих действиях не походил на человека, который считал династию обреченной⁵⁸.

После завершения речного проекта разразилось большое восстание в районе Хуайхэ, возглавляемое группой так называемых «красных повязок». Несмотря на первоначальные успехи и распространение восстания в район Янцзы, в 1354 г. Токто подавил его с помощью китайских войск. В том же году он осадил крепость одного из военачальников, который блокировал Великий канал в Гуо-ю. Когда Токто отсутствовал в столице, он стал жертвой заговора дворцовых политиков и был смещен. Власть перешла к китайским и монгольским региональным военачальникам, которые вели борьбу друг с другом и с юаньским двором. В конце концов из этого хаоса возникла фигура Чжу Юань-чжана — основателя династии Мин. Базируясь на юге, войска Мин выступили против соперничавших военачальников и в 1368 г. захватили Пекин. Юаньский двор бежал в Монголию.

Отступление из Северного Китая перед лицом нападения было нетипичной формой поведения правящей династии. Каждая вторая из крупных иномонгольских династий в китайской истории упорно боролась за свои владения в Китае. Однако эти династии были маньчжурскими по происхождению, имели наступательную идеологию и хорошо развитую административную структуру. Монголы же происходили из степи и являлись наследниками стратегии внешней границы. Во времена правления Чингис-хана они отказывались управлять завоеванными в Китае территориями или защищать их. Только после падения в 1234 г. династии Цзинь они стали брать на себя ответственность за управление сельскохозяйственным производством, и лишь Хубилай-хан перенес столицу в Китай и официально основал династию.

Уход монголов из Китая можно объяснить только с учетом одной из самых древних степных традиций — стратегического отступления. Столкнувшись с решительным наступлением минских войск с юга, монголы предпочли отступить, а не биться насмерть, хотя в последнем случае они могли бы сохранить опорные базы Юань в Китае, как это сделали ранее кидани, сопротивляясь атакам Северной Сун. Кочевники всегда предпочитали мобильную оборону, при которой они сами избирали место и время схватки, не рискуя прибегать к позиционной обороне. Это имело смысл в степи, где не было городов и сельскохозяйственных угодий, которые мог захватить враг. Но уход из Китая был совсем иным делом. Юань оставляла монгольские войска на произвол судьбы и жертвовала своим основным плацдармом в Китае. Юаньские лидеры, вероятно, надеялись опереться на войска в Монголии, которые охраняли границу и могли помочь им в организации контрнаступления. Однако, отступив, династия уже имела мало шансов вернуться в Китай. Несмотря на то что юаньские лидеры давно не жили жизнью степняков-кочевников, они в полном соответствии со степными традициями покинули Китай в той самой небрежной манере, в какой их предки захватили его, — не слишком задумываясь о последствиях.

Указатель основных имен

Важнейшие племена на степной границе

Кереиты

Лидирующее племя в Монголии в конце XII в.

Управляло конфедерацией, в которую входили монголы

Меркиты

⁵⁸ Dardess. *Conquerors and Confucians*. P. 95–146.

Кочевое племя в районе озера Байкал Часто соперничали с монголами в XII в.

Монголы

Небольшое племя в Монголии в XII в.

Собственное племя Чингис-хана

Найманы

Кочевое племя в районе Алтая

Возглавляли могущественную конфедерацию в конце XII в.

Онгуты

Кочевники на границе Китая в XII в.

Пограничные войска династии Цзинь

Татары

Небольшое племя в Монголии в XII в.

Кровные враги монголов

Ключевые фигуры

Бату

Сын Джучи, внук Чингис-хана

Правитель Золотой Орды

Борте

Жена Чингис-хана

Мать Джучи, Чагатая, Угедэя и Толуя

Гуюк

Сын Угедэя, внук Чингис-хана

Преемник отца в качестве великого хана (1246–1248 гг.)

Джучи

Старший сын Чингис-хана

Его потомки правили Золотой Ордой

Елюй Чу-цай

Бывший чиновник правительства Цзинь, происходил из киданей

Создатель регулярной монгольской администрации в Северном Китае при Угедэе

Мункэ

Сын Толуя, внук Чингис-хана

Преемник Гуюка в качестве великого хана (правил в 1251–1259 гг.)

Мухали

Монгольский военачальник, руководивший военной кампанией в Китае

Личный слуга Чингис-хана

Оэлун-учжин

Мать Чингис-хана

Соркактани-Беки

Жена Толуя, мать Мункэ, Хубилай-хана и Хулагу

Выдвинула род Толуя на лидирующие позиции

Теб-Тенгри

Знаменитый монгольский шаман

Сводный брат Чингис-хана

Тогорил (Онг-хан)

Предводитель конфедерации кереитов

Первый покровитель Чингиса

Токто

Решительный юаньский государственный деятель в XIV в.

Пытался сохранить династию в период восстаний в Китае

Толуй

Младший сын Чингис-хана

Его сыновья стали правителями Китая и Ирана

Торегене

Старшая жена Угедэя

После его смерти стала регентом империи (1241–1246 гг.)

Угедэй

Третий сын Чингис-хана

Преемник отца в качестве правителя империи (1229–1241 гг.)

Хубилай

Внук Чингис-хана

Первый монгольский император династии Юань в Китае (правил в 1260–1294 гг.)

Завоевал империю Сун

Хулагу

Сын Толуя, внук Чингис-хана

Основатель государства Ильханов в Иране

Чагатай

Второй сын Чингис-хана

Его потомки правили западной частью Центральной Азии

Чжамуха

Анда (побратим) Чингис-хана

Соперник Чингиса в борьбе за лидерство среди монголов

Чингис-хан (Темучжин)

Основатель Монгольской империи

Завоеватель большей части известных в ту пору стран

7. СТЕПНЫЕ ВОЛКИ И ЛЕСНЫЕ ТИГРЫ: ДИНАСТИЯ МИН, МОНГОЛЫ И МАНЬЧЖУРЫ

Циклы власти

Монгольская империя и захват ею Китая были исключительными явлениями, которые нарушали обычную форму взаимоотношений между Китаем и его соседями на северной границе. Традиционный цикл этих отношений определялся взаимодействием военной силы, политической организации и экономической структуры трех основных регионов: Монголии, Маньчжурии и Северного Китая. Существовали две основные формы взаимодействия. В рамках первой национальная династия, управляющая Китаем, противостояла объединенной империи кочевников в степи. В этой ситуации вся граница попадала под контроль одной из двух сверхдержав, а система биполярного разделения не оставляла места для развития пограничных государств. При второй форме взаимодействия маньчжурская династия брала под свой контроль Северный Китай, поддерживая раскол среди степных кочевников и сдерживая китайцев на юге. Установление одной из форм взаимодействия обычно исключало возникновение другой, и распад одной из систем закладывал основу для возвышения второй. Таким образом, история пограничья во Внутренней Азии, по-видимому, имела циклический характер. Динамику этого взаимодействия лучше всего можно понять, анализируя сильные и слабые стороны каждого из его участников.

Степная империя была наиболее уязвимой в период формирования, когда ее руководство пыталось объединить кочевников. Военное или политическое вмешательство извне в это время часто оказывалось фатальным. Маньчжурские династии были непревзойденными мастерами по части такого рода вмешательств и поддерживали степь в состоянии разобщенности. Однако династии, основанные выходцами из Маньчжурии, также несли ответственность за управление обширными территориями Китая, которые были исключительно важны для их существования. Когда эти династии внутренне ослабевали, они прекращали вмешательство в дела степи для того, чтобы сконцентрировать усилия на защите собственной безопасности от врагов внутри Китая.

В этот период вожди степных племен могли создавать империю — при наименьшей вероятности вмешательства извне. К тому моменту, когда маньчжурская династия рушилась и замещалась национальной китайской, степь уже была реорганизована. Крупное государственное образование во Внутренней Азии не могло обеспечивать себя с помощью недиверсифицированной скотоводческой экономики, и поэтому объединенные степные империи немедленно обращались к новому китайскому государству как к экономической базе, с помощью которой они собирались поддерживать имперскую государственную структуру в степи. Для получения субсидий и выгодных условий торговли с Китаем кочевники использовали военную силу. Пограничье делилось между двумя великими державами: сельскохозяйственные районы в смешанных областях (таких как Маньчжурия или Ганьсу) переходили под контроль Китая, а кочевым государствам отходили районы пастбищ. Поскольку степная империя не могла выжить без связей с Китаем, не удивительно, что великие степные империи и национальные китайские империи не только одновременно существовали, но и одновременно приходили в упадок. Как только кочевники заключали договор с династией, у них появлялась кровная заинтересованность в ее сохранении. В таком случае они часто помогали слабейшим китайским династиям противостоять восстаниям внутри страны. Но как только рушилась одна из империй, вскоре вслед за ней разваливалась и другая, так как кочевые империи утрачивали экономическую базу, а китайские теряли своих защитников.

Только эти периоды упадка как в степи, так и в Китае были временем, когда внутренне слабые пограничные регионы, такие как Маньчжурия, могли становиться автономными. Используя царившую вокруг анархию, они создавали небольшие государства, способные захватывать Северный Китай и управлять им с помощью дуальной организации, состоявшей из китайских чиновников и племенной армии. Степное происхождение и военная сила давали им возможность разрушать политическую структуру в степи и поддерживать раздробленность в среде кочевников. Закат этих маньчжурских государств открывал начало новому циклу национальных китайских восстаний, ведущих к объединению Китая и реорганизации степи.

Эта модель впервые появилась во времена одновременного расцвета и заката династии Хань и империи сюнну. За ними последовал период разделения севера и юга, когда династия Тоба Вэй завоевала Северный Китай и пресекла все попытки жуаньжуаней объединить кочевников. Последующее новое объединение Китая и степи во времена взаимодействия династий Суй и Тан с тюрками и уйгурами завершилось вторым периодом разделения, когда китайская

династия Сун правила на юге, а выходцы из Маньчжурии — кидани и чжурчжэни — оккупировали Северный Китай.

Монголы разрушили эту форму взаимодействия, создав кочевую империю вопреки упорному сопротивлению маньчжурской по происхождению династии. Так сложилась крайне необычная ситуация противоборства сильной объединенной степной империи и маньчжурского государства в Китае. Это беспрецедентное противостояние привело к созданию монгольской военной машины, обладающей мобильностью степняков и совершенными техническими навыками оседлых народов. С ее помощью весь Китай и большая часть Евразии были покорены. Опыт пережитого монгольского нашествия еще долго сохранялся в памяти и глубоко повлиял на последующие взаимоотношения Китая со степными кочевниками. Отношение династии Мин к степи окрашивалось воспоминаниями о юаньском завоевании. Поэтому пограничная политика Мин отличалась от политики других национальных династий. Но, как и в прошлом, реальная угроза захвата власти в ослабевшем Китае исходила не из степи, а из Маньчжурии.

Период существования Мин был единственным периодом за все 2200 лет династийной истории в Китае, когда кочевники в степи не смогли создать объединенную и прочную империю, противостоящую национальной династии в Китае. Такая неспособность была не результатом отсутствия заинтересованности или плохого руководства. В период правления Мин несколько раз происходило объединение степи, и каждый новоявленный надплеменной лидер пытался следовать стратегии внешней границы, чтобы получать субсидии и товары из Китая. Монголы и ойраты совершали беспощадные набеги на Китай и грабили его. Они требовали даров и открытия торговли в качестве награды за мир. И то и другое было необходимо для поддержания кочевого государства. Однако на протяжении большей части своей истории Мин отказывалась уступать требованиям кочевников, несмотря на уже имеющиеся классические примеры проведения даннической политики династиями Хань и Тан. Отказ Мин привел к падению по крайней мере одной из кочевых империй и бесконечной череде нападений на северную границу Китая, причем число и интенсивность этих нападений увеличивались со временем. Таким образом, минская политика отличалась от политики других национальных династий. Отвергая требования кочевников, династия Мин страдала от военных столкновений на границе гораздо чаще, чем династии, которые молчаливо соглашались с требованиями «варваров». На первый взгляд может показаться, что Мин преуспела там, где Хань и Тан не добились успеха, однако при более внимательном рассмотрении становится ясным, что такая близорукая политика подорвала могущество Мин как с военной, так и с экономической точки зрения. Она не обеспечила безопасность династии, продолжавшей слабеть все более и более. Как бы китайцы не ненавидели великие кочевые империи, последние по крайней мере обеспечивали стабильное состояние степи и охраняли ослабевшие династии от внутренних восстаний. Падение Мин в результате восстаний и вторжения из Маньчжурии в 1644 г. явилось, по крайней мере частично, горьким плодом ее неправильной пограничной стратегии.

В период существования Мин история степи характеризовалась тремя большими неудачами в деле создания империй. Эти неудачи часто расцениваются как свидетельство слабости и беспомощности монголов после падения Юань, как будто кочевники израсходовали всю свою энергию в эпоху великих завоеваний двухсотлетней давности. Большинство сторонников этой точки зрения полагают, что возвышение Чингис-хана и создание им империи явились закономерным итогом развития степной традиции. Однако они упускают из виду, насколько своеобразна была Монгольская империя по сравнению с империями сюнну, тюрков или уйгуров. Кочевники в период Мин не являлись юаньскими реваншистами, стремившимися восстановить свое господство в Китае; они, скорее, напоминали более ранних кочевников, использовавших стратегию внешней границы. Они намеревались эксплуатировать Китай на расстоянии, а не планировали вновь захватить его. Неспособность Эсэна, Даян-хана или Алтан-хана создать долговечную кочевую империю в минский период имеет большое значение не потому, что свидетельствует об упадке в степи, а потому, что проливает свет как на структуру степных империй, так и на внешнюю политику династии Мин. Сравнение с эпохой Чингис-хана не помогает выявить структурных причин того, почему кочевники, которым прежде сопутствовал успех, начали терпеть неудачи. Ее можно понять лишь в том случае, если мы сосредоточимся на самой истории попыток создания кочевых государств в минскую эпоху¹.

¹ Китайские материалы, касающиеся истории степи этого периода, содержатся в *Мин-ши* (МШ), в главах, посвященных кочевникам, особенно в гл. 327, посвященной монголам (да-дань), и в гл. 328, в которой речь идет об ойратах (ва-ла). Имеются также монгольские хроники послеюаньского периода, особенно *Эрдений тобчи* Саган-сэцэна (см. перевод Шмидта (Schmidt)) и *Алтан-тобчи* неизвестного автора (см. перевод Боудена (Bawden)). Описание исторических событий, приведенное в настоящей главе, в основном дается по работе:

Монголия после падения династии Юань

Свержение Юань не было результатом китайского восстания против иноземцев; оно представляло собой традиционное восстание против слабеющей династии, которое привело к падению монголов, но сохранило в неприкосновенности многие политические институты и принципы Юань. Основатель Мин, император Хун-у (1368–1398 гг.), способствовал переходу на свою сторону оставшихся в Китае после падения Юань монгольских военных частей и включил их в свою армию. Он также издал ряд декретов, способствовавших ассимиляции большого числа иностранцев, служивших ранее в монгольской администрации, намереваясь таким образом предотвратить появление у себя в тылу «пятой колонны». Значительная часть новой государственной структуры была создана по маньчжурской и монгольской моделям; в частности, армия на первых порах представляла собой наследственную и потенциально самообеспечивающуюся группу².

Для Минов бегство юаньского двора в Монголию явилось одновременно неожиданной удачей и угрозой. Северный Китай был покорен минскими завоевателями без длительного сопротивления, которое могло бы истощить ресурсы новой династии и обескровить ее войска. Несмотря на это, монголы, оставшиеся в степи, являлись потенциальной угрозой для власти Мин на севере. Сохранение правителей из династии Юань представляло также идеологическую проблему, поскольку последние могли утверждать, что минские императоры не обладают исключительным правом на престол. Династия Юань, несмотря на то, что была иноземной, после объединения Китая стала отвечать требованиям конфуцианской идеологии в отношении легитимности. Поскольку Мин была не в состоянии уничтожить наследников Юань или принудить их к отречению, претензии монголов имели под собой определенное моральное обоснование, которое в соответствии с китайской традицией воспринималось достаточно серьезно. С точки зрения реальной политики подобная угроза была ничтожной, так как у монголов не было достаточно сил для того, чтобы вновь захватить Китай, однако для целого ряда минских правителей она сохраняла актуальность (особенно после унижительного поражения, нанесенного династии ойратами в 1449 г. при Туму). Атаки монголов на Китай часто рассматривались как попытки возродить империю Юань много лет спустя после того, как кочевники отказались от претензий такого рода.

Стратегическая политика императора Хун-у на севере была преимущественно оборонительной. Для династии, происходившей из долины Янцзы и имевшей столицу на юге, северная граница являлась периферийным, малозначительным регионом. Минские нападения на войска Юань в Монголии не были попытками аннексировать степные территории, но были направлены на уничтожение военного могущества прежней династии и охрану границы от монгольских вторжений. В 1372 г. войска Мин двинулись в сторону Каракорума тремя колоннами, но монголы нанесли мощный удар по первой из них, и две другие отступили. Вторая кампания, начатая 8 лет спустя, также закончилась поражением. Однако в 1388 г. Мин одержала блестящую победу, неожиданно разгромив североюаньские войска около озера Буюр-нор. Это поражение практически стало концом династии Юань, и ее власть в степи утратила реальную силу.

Тем не менее и после поражения у озера Буюр-нор представители Юань продолжали провозглашать себя правителями степи. В последующие 12 лет на престоле быстро сменили друг друга пять юаньских императоров, причем каждый из них умирал насильственной смертью. Должность хана стала почти символической. Так же, как и в других монгольских владениях, формальная власть традиционно находилась в руках потомков Чингис-хана, поскольку лишь они имели право носить титул хана или хагана³. В связи с этим властители, не являвшиеся Чингисидами, были вынуждены назначать ханом Чингисида, а для себя обычно избирали титул *тайши* (что-то вроде заместителя при великом хане). В западной части Туркестана во времена правления Тамерлана такие трюки были явлением обыденным: никто не путал хана из рода Чингисидов, чье имя фигурировало на монетах династии, с настоящим правителем

Покотилов. История восточных монголов в период династии Мин с примечаниями В. Франке (W. Franke), с привлечением обширных исследований Серрайса (Serruys) (особенно его работ 1959, 1967, 1975 гг.). Биографии большинства вождей кочевников и минских пограничных чиновников можно найти в: *Goodrich and Fang. Dictionary of Ming Biography 1368–1644*. 1976.

² Serruys. *The Mongols in China During the Hung-wu Period*.

³ Последовательность правления этих ханов слишком запутанна и сложна, чтобы излагать ее здесь в конспективной форме. Самое подробное описание можно найти в: *Pelliot. Notes critiques d'histoire kalmouke*. 2 vols.

империи. Для китайцев признание такого принципа в качестве пустой формальности было более трудным делом, поскольку на востоке Чингисиды являлись также потомками императорского дома Юань. Таким образом, когда монголы избирали ханами Чингисидов, как того требовала монгольская традиция, китайцы думали, что это происходило потому, что вновь избранные ханы принадлежали к представителям дома Юань, подозревая здесь установку на избрание правителей, способных претендовать на китайский престол. Китайцы, имевшие склонность внимательно следить за «легитимным» родом, часто заблуждались относительно роли этих номинальных ханов в степной политике, детально фиксируя все их возвышения, правления, убийства и смещения. Монголы, видимо, отчасти сами давали повод для подобных подозрений со стороны Мин, поскольку присваивали своим ханам царские имена на китайский манер. Однако они, вероятно, делали это по традиции, без скрытого умысла — по той же самой причине, по которой продолжали использовать титулы, принятые среди чиновников в империи Юань⁴. Для китайцев, которые рассматривали политику племен как «варварскую» и в принципе недоступную для понимания, внимательное наблюдение за исчезающей династией Юань давало ощущение чего-то упорядоченного посреди растущей анархии в Монголии⁵.

Падение северной династии Юань открыло новые возможности для вождей степных племен, не принадлежавших к Чингисидам. В период существования Юаньской империи они были интегрированы в структуру монгольского государства и отвечали за охрану границ Монголии от атак соперничавших ханств. Эта охрана ложилась тяжелым бременем на плечи осуществлявших ее кочевников — бременем, которое исчезло вместе с падением династии. Первоначально юаньский двор и его войска поддерживали в степи твердый политический порядок. Однако без реальной экономической и политической базы этот порядок стал чужеродным трансплантатом, не имевшим шансов на выживание. Сокрушительное поражение в 1388 г. и последовавшая серия династических убийств создали условия для возвышения местных племенных вождей, что было необходимо для основания новой степной империи.

К 1400 г. кочевники разделились на две соперничавшие группы. Район Алтая стал прибежищем западных монголов или ойратов под предводительством Махмуда, а власть в центральных и южных районах Монголии сосредоточилась в руках восточных монголов под предводительством Аруктая. Оба лидера не являлись потомками Чингис-хана, что говорило о появлении новой племенной элиты, хотя верховный титул хана все еще сохранялся за Чингисидами. Первоначально восточные монголы обладали более обширными землями, граничившими с Китаем на юге и ойратами на западе и севере. В степях Маньчжурии имелись три небольших, но стратегически важных степных племен, известных в минских источниках как «три округа» или «Урянхайские округа». Когда власть Юань в степи рухнула, борьба за главенство в этом регионе разгорелась между восточными монголами и ойратами.

После поражения Юань возле озера Буюр-нор все шло к тому, что Мин не будет обращать особого внимания на степь, перейдя к пассивной обороне. Внутренние династические раздоры коренным образом изменили ход событий, и северная граница заняла центральное место во внешней политике Мин. Такое изменение отношения к северной границе произошло в период борьбы за престолонаследие, развернувшейся после смерти императора Хун-у в 1398 г.

Для осуществления контроля над северной границей Хун-у разделил стратегическую территорию в этом районе на уделы, переданные некоторым из его многочисленных сыновей. Эта стратегия преследовала две цели. Поскольку северная граница была очень далеко от Нанкина (столицы Мин), сыновья Хун-у помогали сохранить ее в орбите влияния династии. Кроме того, отсылая своих сыновей в удаленные владения и в то же время удерживая назначенного им наследника в столице, Хун-у стремился сделать менее острой проблему наследования власти и избежать гражданской войны. Потенциальные претенденты на престол были слишком далеко от резиденции императора, чтобы вмешаться в борьбу. Эта политика имела, впрочем, и явные минусы, так как передача каждому из сыновей личного войска и отдельной территории подрывала императорскую власть.

Надежды Хун-у на мирную передачу власти расстроились из-за преждевременной кончины наследника. Однако вместо того чтобы объявить новым наследником одного из своих сыновей, он назначил преемником сына умершего принца. Таким образом, молодой внук должен был унаследовать власть вместо своих дядьев. После смерти Хун-у советники императора-мальчика решили устранить всех крупных вассальных владетелей, способных претендовать на престол, изгнав или убив их. Это, естественно, представляло угрозу и для Чжу-ди — старшего из оставшихся сыновей умершего императора, который был популярным и опытным пограничным военачальником. Он возглавил восстание вверенных ему войск и разгромил плохо управляемые

⁴ Например, «тайджи» («князь»), «чинсан» («министр»), «зайсан» («племенной старшина»). — *Примеч. науч. ред.*

⁵ *Serruys. Mongols. App. 3. P. 286–293.*

императорские армии, ослабленные проведенной Хун-у чисткой командного состава и изгнанием наиболее талантливых генералов. Эта чистка проводилась, чтобы уменьшить угрозу власти со стороны лиц, не принадлежавших к императорскому роду. Нанкин пал, и находившийся в нем дворец был полностью разрушен. Чжу-ди провозгласил себя императором Юн-ло и перенес столицу в Пекин — свою прежнюю ставку на севере⁶.

То, что Пекин был выбран столицей для новой династии, оказало большое влияние на политику Мин в отношении границы. В Пекине размещалась бывшая монгольская столица Даду, а еще ранее — столицы династий Ляо и Цзинь. Для маньчжурской или монгольской династии Пекин имел исключительно благоприятное расположение — на самом севере традиционной территории Китая с исключительно легким доступом к войскам и припасам Маньчжурии или степи. По той же причине у национальной китайской династии подобный выбор вызывал недоумение, поскольку помещал двор в непосредственной близости к оборонительной линии границы и делал его уязвимым для атак из степи и Маньчжурии, а также весьма отдаленным от мест проживания основной массы китайского населения и сельскохозяйственного производства на юге. Пекин являлся конечным пунктом очень длинной и сложной системы распределения материальных благ, в основе которой были промышленные и сельскохозяйственные районы Центрального и Южного Китая. Север же едва мог прокормить собственное население, не говоря уже о дополнительных войсках и правительственных чиновниках, сконцентрированных в столице империи — Пекине. Зерно сюда доставлялось баржами по Великому каналу или кораблями по морскому пути, что обходилось весьма недешево. Такие неудобства в снабжении были приемлемы для монгольской династии Юань, поскольку Пекин имел стратегические преимущества, и именно монголы вложили много средств в дорогостоящую систему каналов, снабжавших север⁷.

Национальная династия, имевшая столицу на северной границе (границе, которую Китай не мог отодвинуть даже в лучшие времена), обостряла проблему отношений с монголами до неоправданно высокой степени. Конечно, для двора, базирующегося в Нанкине, вторжение кочевников также представляло собой проблему, но проблему достаточно далекую, которую можно было решить с помощью гибкой политики. Для двора же, расположенного в Пекине, каждая атака кочевников несла в себе непосредственную угрозу безопасности. Выбор Пекина в качестве столицы не учитывал этих долговременных трудностей. Тем не менее имелся ряд соображений в пользу новой столицы. Во-первых, Пекин некогда являлся личным уделом Юн-ло, и он пользовался популярностью в расквартированных там войсках. Во-вторых, императорский дворец в Нанкине был полностью разрушен, что делало этот город гораздо менее привлекательным. В-третьих (и это самое важное), Юн-ло приобрел в Пекине первый опыт борьбы с монгольской угрозой на границе. Как лидер, живущий на севере, он относился к монголам со всей серьезностью и планировал воевать с ними. Как человек военный, Юн-ло понимал, что не сможет организовывать эффективные атаки на мобильные группы кочевников, оставаясь в южной столице. Для императора, придерживающегося агрессивной политики, как Юн-ло, Пекин представлял собой прекрасный плацдарм для осуществления долговременной стратегии подавления кочевников. Это было то самое место, которое успешно использовалось маньчжурскими династиями для того, чтобы одновременно контролировать Китай и подрывать единство степи.

Юн-ло немедленно улучшил систему каналов, которую Мин унаследовала от Юань, таким образом чтобы в дальнейшем с их помощью можно было осуществлять обеспечение широкомасштабных военных экспедиций. Он также восстановил старые пограничные укрепления и построил новые внутренние оборонительные линии для защиты столицы. Для такого активного лидера, как Юн-ло, разбиравшегося в особенностях пограничной войны и в политике племен, северная столица обладала большими преимуществами. Проблема национальных китайских династий заключалась в том, что императоры вроде Юн-ло были для них не характерны, и после смерти таких монархов гражданские чиновники при дворе, противившиеся активной политике и военным кампаниям на границе, прекращали следовать прежнему политическому курсу. Военные кампании ханьского У-ди в степи прекратились после его смерти. Таким же образом при Тан наступательная политика Тайцзуна, который обеспечил Китаю временный контроль над степью, была оставлена его преемниками и заменена пассивной обороной. После смерти Юн-ло, когда Мин вернулась к более традиционной форме позиционной обороны, пекинский плацдарм стал чрезвычайно уязвимым для атак кочевников. Минский двор

⁶ Dreyer. Early Ming China. P. 65–172. В отличие от большинства предшествующих династий, императоры Мин (а потом и Цин) имели только один девиз правления, под которым они обычно фигурируют в большинстве исторических сочинений. Хотя эти девизы технически являются титулами (т. е., например, «император [деви́за правления] Юн-ло»), я, ввиду их значительной распространенности, использую данные титулы в качестве эквивалентов личных имен императоров.

⁷ Farmer. Early Ming Government — The Evolution of the Dual Capitals. P. 134–188.

постоянно опасался нападения кочевников все последующие 200 лет.

Когда Юн-ло в 1403 г. захватил власть, угроза со стороны юаньских войск уже осталась в далеком прошлом, однако росла угроза со стороны новых кочевых конфедераций. Крах политической власти Юань на территории Монголии предоставил возможность новым лидерам попытаться объединить степь. Под контролем двух кланов, не принадлежавших к Чингисидам, возникли две большие конфедерации. Наиболее близко к китайской границе располагались восточные монголы, которые угрожали поглотить маньчжурские племена, достаточно формально подчинявшиеся Минам, а затем объединить всю Монголию. Более далекую, но постоянно растущую угрозу представляли их соперники, западные монголы, или ойраты, которые властвовали в районе Алтая и намеревались создать собственную империю, отобрав власть у своих соплеменников на востоке.

Пытаясь защитить границы Мин, Юн-ло начал вести политические игры с племенами, заключая союзы то с одним, то с другим из них и атакуя те племена, которые, как казалось, были способны объединить степь. Чтобы защитить уязвимую для вторжения провинцию Ляодун и подступы к Пекину, династия Мин организовала систему номинальных союзов с урянхайскими племенами доянь, фу-юй и тай-нин. Эти племена помогали Юн-ло во время гражданской войны, блокируя лояльные императору войска и позволяя Юн-ло свободно двигаться на юг. В качестве награды урянхайским вождям были пожалованы титулы, а племена были объявлены иноземными военными подразделениями (*вэй-со*) в составе минской армии. Такая форма организации была заимствована из юаньской практики. Она означала не фактическое подчинение, а получение привилегированного статуса. Хотя урянхайцы иногда проявляли враждебность к Китаю, они сохраняли статус «самых благоприятствуемых варваров». Уже в 1407 г. Юн-ло организовал для них рынки по продаже лошадей, в то время как другим группам кочевников было отказано в праве на торговлю. С помощью этого союза Юн-ло защитил уязвимый фланг своей империи и отстоял северо-восточные территории от других, более агрессивных, кочевых правителей.

На востоке, в лесах Маньчжурии, Юн-ло проводил такую же политику. Маньчжурия являлась частью Китая при династии Юань, однако у Мин не было сил для обеспечения непосредственного контроля над этой территорией, как у династий Хань и Тан. Поэтому Мин пожаловала вождям раздробленных чжурчжэньских племен титулы, признав за ними около 200 небольших воинских подразделений *вэй-со*. Это давало чжурчжэням право торговать на пограничных рынках и приезжать ко двору за подарками. Такая политика была наиболее дешевым способом распространить влияние Китая и пресечь притязания Кореи на этот регион. Сами по себе маньчжурские племена не представляли в это время какой-либо серьезной военной угрозы.

Политика Юн-ло по отношению к степи была направлена на предотвращение ее объединения. Непосредственную угрозу представляло возвышение вождя восточных монголов Аруктая. Чтобы противодействовать его растущему влиянию, Мин попыталась использовать вражду между восточными монголами и ойратами — направила посланников к ойратам и в 1409 г. пожаловала их вождям титулы, призывая атаковать Аруктая. Это была классическая политика «руками варваров подавлять варваров». Опасность такой политики заключалась в том, что кочевники также хорошо понимали, как использовать помощь Китая для усиления собственной власти. Если бы Китай не соблюдал осторожность, поддержка одного племени в его борьбе против другого могла бы привести к возникновению объединенной степной империи.

Трудности в проведении этой политики возникли сразу после того, как ойраты в 1409 г. атаковали Аруктая и одержали победу. Надеясь воспользоваться поражением своего противника, Юн-ло послал войска численностью 100 000 человек для нападения на восточных монголов. Однако они попали в засаду и были уничтожены Аруктаем. Разъяренный неудачей, Юн-ло собрал еще большее войско и в 1410 г. выступил против Аруктая с 500 000 воинов. Размах этой экспедиции впечатляет (даже если численность войск, указанных в минских источниках, преувеличена). Подготовка к операции началась сразу после того, как стало известно о поражении 1409 г. В несколько базовых лагерей, сооруженных на расстоянии десятидневного пути один от другого, было завезено на 30 000 тяжелых повозок 26 000 000 фунтов зерна. Были подготовлены разнообразные припасы, проведен дополнительный набор рекрутов. Военная экспедиция продолжалась четыре месяца, и минская армия разбила восточных монголов в двух сражениях. Под впечатлением военной мощи Мин Аруктай согласился отправить дань к минскому двору. Мирный договор не обеспечил Мин непосредственной власти над восточными монголами, но уменьшил угрозу, исходившую от них на границе. Однако победа Юн-ло поставила восточных монголов под удар прежних союзников Китая — ойратов.

Ойраты вскоре атаковали Аруктая, убили состоявшего при нем номинального правителя из числа Чингисидов и назначили на его место своего ставленника. В 1412 г. вождь ойратов Махмуд

направил к минскому двору посланников, чтобы известить о своей победе и потребовать наград за разгром кочевников, которые только что заключили мир с Китаем. Махмуд также просил оружие, чтобы окончательно уничтожить Аруктая. Мин не могла позволить ослабленным восточным монголам пасть под натиском ойратов, поэтому в следующем году Юн-ло разорвал отношения с ойратами и объявил о поддержке Аруктая, пожаловав ему в 1413 г. титул Хэнин-вана. Юн-ло был втянут в противоборство двух сил в степи, каждая из которых стремилась получить от Китая помощь. Вожди кочевников вовлекли Мин в финансирование своих попыток захватить власть. Для того чтобы сохранить баланс сил, Юн-ло был вынужден оказывать поддержку то одной, то другой стороне и осуществлять дорогостоящие военные походы — для того, чтобы ни ойраты, ни восточные монголы не смогли установить господство в степи.

Вождь ойратов Махмуд в ответ на то, что китайцы поддержали восточных монголов, собрал свои племена для нападения на Мин. Тогда Юн-ло в 1414 г. выступил с императорской армией в поход против ойратов. Как и предшествующая кампания, этот поход лег тяжелым бременем на финансовую систему Мин, поскольку потребовал формирования огромного обоза. Продвинувшись в Монголию, к северу от реки Керулен минские войска выиграли сражение, используя против кочевников пушки, хотя и сами понесли тяжелые потери. Аруктай, который мог бы обеспечить решающую помощь Мин, не сумел принять участие в сражении. Вместо этого он прислал извинения, объяснив свое отсутствие болезнью. Таким образом, Мин вынуждена была в одиночку сражаться с ойратами, теряя людей и деньги. Юн-ло, хотя и был недоволен своим союзником, не стал предъявлять официальных претензий Аруктаю и даже прислал ему дары в ознаменование победы.

Поражение, нанесенное ойратам Юн-ло, значительно усилило могущество Аруктая, который всего несколькими годами ранее находился в весьма бедственном положении. Не пошевелив и пальцем, Аруктай снова повысил свои ставки в игре за лидерство в степи. Предоставив Мин самой бороться с набегами ойратов, которые происходили вслед за кампанией 1414 г., он покорил урянхайцев на востоке и атаковал ойратов на западе. В 1416 г. восточные монголы убили Махмуда и распространили свое влияние далеко на запад. Для того чтобы продемонстрировать независимость, Аруктай также ограбил нескольких китайских посланников и разорил минскую крепость в Калгане.

Восточные монголы теперь снова представляли непосредственную угрозу для Мин. Юн-ло изменил политику и предпринял ряд атак на Аруктая. Восточные монголы столкнулись со всей военной мощью Мин в 1422 г., когда Юн-ло организовал еще одну большую военную кампанию против кочевников. В источниках сообщается об использовании 340 000 ослов, 117 000 повозок и 235 000 тягловых лошадей. Все это потребовалось для перевозки 48 000 000 фунтов зерна. Аруктай попросту ретировался перед лицом превосходящей силы, но был вынужден оставить большое количество припасов китайцам. Не желая или не имея возможности преследовать восточных монголов, Юн-ло повернул свою военную машину против несчастных урянхайских племен, которые были вынуждены ранее вступить в союз с Аруктаем. В следующем году была организована еще одна небольшая военная экспедиция, но ее участники так и не встретились с Аруктаем. В том же году, однако, ойраты атаковали Аруктая и нанесли ему поражение. В 1424 г. Юн-ло организовал пятую по счету степную кампанию, но Аруктай снова оказался вне пределов досягаемости китайских войск, и эта кампания также окончилась ничем. Это была последняя наступательная операция Мин в степи. Юн-ло умер по дороге в Пекин, а его преемники не имели желания возобновлять дальние и рискованные степные походы⁸.

Смерть Юн-ло ознаменовала собой окончание военных кампаний против кочевников, но его энергичная внешняя политика оставила династии в наследство массу проблем. Восточные монголы и ойраты контролировались исключительно с помощью постоянного изменения вектора направлявшейся им военной помощи. В то время как одна сторона становилась жертвой китайских атак, другая вновь обретала силу. Восточные монголы имели несчастье быть последней жертвой этой политики на момент смерти Юн-ло. Они были вынуждены защищаться от Китая, в то время как ойраты окрепли и без всяких помех захватили на западе огромные земли. Более того, ойраты объединились под властью сына Махмуда, Тогона, который убил двух других вождей, деливших власть с его отцом. Тогон стал единовластным ойратским правителем, хотя и прикрывался именем послушного ему Чингисида.

Это поставило Аруктая в трудное положение. Он был вынужден уйти на восток, чтобы избежать атак ойратов. В 1425 г. Аруктай завоевал урянхайцев и отправил посланников в Китай с просьбой о помощи. Возможно, он предполагал, что новый минский император будет следовать политике Юн-ло и двинет войска в степь против Тогона, поскольку теперь могущество ойратов возросло. Он ошибся. Преемник Юн-ло не намеревался выводить войска в степь — вместо этого придворные чиновники предложили ему покинуть Пекин и переехать в более безопасное

⁸ Ср.: *Franke. Yung-lo's Mongolei-Feldzüge.*

место.

Обращение посланников Аруктая за помощью смягчило опасения Мин, ожидавшей нападения восточных монголов, и посланникам были вручены дары. Теперь Мин надеялась, что восточные монголы станут буфером между ней и ойратами, позволив императорскому двору сосредоточить свое внимание на укреплении оборонительных сооружений вблизи столицы. Такая пассивная поддержка мало что значила для Аруктая, который вскоре оказался перед лицом катастрофы. В 1431 г. ойраты наголову разбили восточных монголов. Урянхайцы воспользовались этим, чтобы восстать, но Аруктай подавил восстание. В 1434 г. ойраты атаковали вновь, убили Аруктая и изгнали часть восточных монголов на запад, рассеяв их вдоль китайской границы. Предприняв популярные, но близорукие меры, минский двор снарядил армию для того, чтобы уничтожить остатки сил восточных монголов, оставив ойратов хозяевами в степи.

Ойраты и Мин

Тогон умер в 1439 г., оставив своему сыну Эсэнуну фундамент для создания ойратской империи. Именно Эсэнун привел ойратов к самым громким победам, однако не смог основать крепкое государство и создать империю, сравнимую с империями сюнну, тюрков и уйгуров. Неудача, постигшая Эсэнуну на вершине могущества, наглядно демонстрирует, что кочевое государство не могло поддерживать свое существование без помощи извне. Вождь кочевников, который оказался неспособным организовать эффективную систему вымогательства у Китая, строил свою политическую организацию на песке. Такая организация рушилась вместе с его смертью или даже ранее.

Эсэнун был типичным представителем степных лидеров, которые получили в наследство степные вотчины и трансформировали их в кочевое государство. Так как его отец еще ранее устранил своих соперников из числа ойратских вождей, Эсэнун смог направить всю свою энергию на завершение завоевания степи. На протяжении 10 лет он постепенно увеличивал власть ойратов на пограничной территории, пока она полностью не оказалась под их контролем. На востоке он отвоевал маньчжурскую степь у Минов, покорив в 1444 г. два урянхайских племена, а третье вынудил бежать в Китай. На западе ойраты атаковали китайский протекторат Хами в 1443, 1445 и 1448 гг. и вынудили Мин оставить ее стратегический рубеж в Туркестане, а также нейтрализовали силы племен в Ганьсу, которые действовали в качестве минской пограничной гвардии.

Войны, которые Эсэнун вел на границах, были лишь первой частью более масштабного плана. Как и другие кочевники, Эсэнун готовился применить стратегию внешней границы, которая заключалась в использовании политических и военных сил объединенной степи для получения у Китая экономических уступок. Пограничные войны против слабых противников служили к этому необходимой прелюдией. Как вождь кочевников, он в конечном счете должен был сосредоточиться на организации военной кампании против Китая; однако, чтобы избежать угрозы со стороны других номадов, находившихся в тылу и с флангов, намеревался предварительно нейтрализовать всю потенциальную оппозицию в степи и лишь затем начать регулярные атаки на Китай.

Первой целью этих нападений была добыча, второй — заключение мирного соглашения, обеспечивающего поступление денег и открытие торговли. Это не было попыткой завоевать Китай. Хотя степные кочевники всегда старались эксплуатировать Китай на расстоянии с помощью набегов и даннических миссий, рано или поздно наступал момент, когда любой разумный вождь «варваров» осознавал потребность в постоянном источнике доходов и предметов роскоши, который удовлетворял бы запросы окружавшей его политической элиты, а также необходимость открытия пограничных рынков, которые давали бы возможность рядовым кочевникам торговать. Военные кампании Эсэнуну против Мин были попыткой ойратов превратить военное превосходство в степи в перманентное господство. Именно это в свое время успешно проделали сюнну, тюрки и уйгуры, когда столкнулись с национальными китайскими династиями.

Взятие Эсэнуну под контроль восточной и западной границ степи позволило ойратам направить энергию против минского Китая. Контакты ойратов с Мин начались еще во времена деда Эсэнуну — Махмуда. Ойраты ежегодно посылали в Китай даннические миссии, несмотря на то, что часто нарушали мирные договоры и были враждебно настроены к Китаю. Посольства обычно были небольшими, меньше 100 человек. Они приводили лошадей и привозили меха, за которые получали китайские товары. После того как власть перешла к Эсэнуну и ойраты усилили свое влияние, количество людей в таких посольствах резко увеличилось. В 1431 г. — первом году правления Эсэнуну — посольство ойратов уже насчитывало более 1000 человек, а в 1444 г. прибыло более 2000 человек. Китайцы протестовали против увеличения численности ойратских посольств, так как всех их участников им приходилось кормить и награждать.

При дворе Мин резкое увеличение числа ойратов, приходивших с посольствами, объясняли жадностью Эсэна, однако не личная жадность предводителя степи была основной причиной его экономических требований к Китаю. Очевидно, таким образом он вознаграждал политическую элиту своего ханства. Поскольку каждый из посланников получал угощение и дары, а также возможность участвовать в торговле, вхождение в состав участников посольской миссии давало ощутимые материальные преимущества. Даннические миссии доставляли вожделенные предметы роскоши, которые в дальнейшем распределялись среди кочевников или продавались в другие страны. В связи с этим ойраты были заинтересованы в расширении возможностей международной торговли. Мусульманские купцы часто сопровождали ойратские посольства, чтобы извлекать выгоды из этой ситуации.

Когда Эсэн стал правителем степи, на него тяжелой ношей легли новые финансовые обязательства, справиться с которыми помогали многочисленные даннические миссии. В 1446 г., например, послы пригнали с собой 800 лошадей, а также привезли 130 000 беличьих шкурок, 16 000 шкурок горностая и 200 шкурок соболя и обменяли их на различные китайские товары, в основном предметы роскоши, которые ойраты не могли получить в ходе набегов на Китай⁹. Позже китайцы утверждали, что знать военным действиям предпочитала торговлю, поскольку она обеспечивала ее предметами роскоши, в то время как рядовые кочевники предпочитали набеги, позволявшие им получить необходимые зерно, металл и скот. Увеличение численности участников посольств при Эсэне можно интерпретировать как ловкий политический ход для обогащения элиты кочевого государства, привязывавший ее к новой ойратской империи. Участвовавшие даннические миссии (или требования, чтобы Мин принимала подобные миссии) являлись следствием политической централизации степи. В течение 10 лет (1439–1449 гг.), пока Эсэн был занят войнами в степи, он ограничивался в контактах с Мин простым увеличением числа людей, участвующих в посольствах.

В 1448–1449 гг. даннические миссии стали основным камнем преткновения в отношениях между Эсэном и Мин. В 1449 г. в составе ойратского посольства, прибывшего к границе, насчитывалось уже 3500 человек. Китайцы решительно выступили против придания даннической системе столь массового характера. Хотя они и приняли посольство, минский двор старался экономить средства, уменьшая количество и качество предоставляемых даров. Эсэн, должно быть, осознал, что достиг пределов того, что можно было получить от Мин в рамках даннической системы в ее тогдашнем виде, а также то, что этого было недостаточно для финансирования его империи. Кроме того, большинство кочевников, которым необходимы были пограничные рынки, вообще ничего не получали от этой системы. Минский двор упорно оказывался организовывать рынки для пограничных племен (за исключением урянхайцев). Всё увеличивающиеся в численности посольские миссии ойратов предвещали предъявление еще больших требований, поскольку за год до присылки самой многочисленной миссии Эсэн завершил последнюю из своих пограничных военных кампаний. Ойраты теперь контролировали всю границу, имели опытное войско и знали, что китайцы были плохо подготовлены к войне. У них имелась прекрасная возможность перейти к стратегии внешней границы.

Эсэн атаковал Китай вскоре после возвращения посольской миссии. Он планировал массированное вторжение, которое позволило бы кочевникам ограбить огромные территории и одновременно заставить Мин заключить новое соглашение в рамках даннической системы. Ойраты разделили свое войско на три части: первая направилась грабить Ляодун, вторая — терроризировать укрепленный район Сюаньфу, а третья под руководством Эсэна двинулась на захват Датун. Хотя все три армии угрожали безопасности Пекина, Эсэн, вероятно, не планировал нападение на сам город, поскольку его конница не была приспособлена для захвата укреплений. Вместо этого он стремился своим вторжением напугать минский двор и наглядно продемонстрировать уязвимость столицы. Добычу он намеревался захватить в незащищенных городах и земледельческих поселениях.

Новости о вторжении ойратов, естественно, обеспокоили минский двор. Самым безопасным выходом было положиться на оборонительные линии, охраняемые императорскими войсками. Однако главный дворцовый евнух убедил молодого императора Чжэн-гуна (Чжу Цичжэня), что, если он возьмет с собой в степь полумиллионное войско, Эсэн обратится в бегство. Войска Мин двинулись из столичной области в сторону границы. Эсэн первоначально избегал столкновений с такой внушительной армией, как, впрочем, это делали и прежние предводители кочевников (за исключением Чингис-хана). Однако минская армия не представляла собой реальной военной силы. Почти четверть века после смерти Юн-ло военная политика Мин носила чисто оборонительный характер, и эффективность войск резко снизилась. Армия не была

⁹ Farquhar. Oirat-Chinese tribute relations, 1408–1459. P. 60–68.

приспособлена для ведения мобильных военных действий. Экспедиция против Эсэна была плохо подготовлена, отличалась неумелым руководством и скверным снабжением. Ко всему прочему, стояла ужасная погода, постоянно шел дождь. Отступление, приказ о котором был отдан еще до того, как армия достигла границы, с началом контратак ойратов превратилось в беспорядочное бегство. Осознав, что, несмотря на свои размеры, вооруженные силы Мин были не в состоянии сражаться, Эсэн уничтожил их арьергард, а затем напал на основную часть войск, которая расположилась лагерем близ Туму. Здесь половина минских войск была уничтожена, а вторая половина бежала. Минский император был захвачен Эсэном в плен, и теперь только символическая линия обороны отделяла ойратов от Пекина¹⁰.

Эсэн начал размышлять, как использовать эту впечатляющую победу. Он решил потребовать огромный выкуп и двинулся назад в сторону границы. То, что Эсэн не пошел прямо на Пекин, в котором отмечались беспорядки в связи с пленением императора и поражением основной армии, защищавшей этот район, может показаться удивительным. Однако Эсэн возглавлял только часть ойратских войск (по китайским источникам, примерно 20 000 человек) и сомневался в безопасности продвижения своего сравнительного небольшого отряда в глубь укрепленных минских территорий, где его могла поджидать другая китайская армия. Кроме того, Эсэн мог надеяться взять город только измором, но не приступом. Он планировал получить огромный выкуп и, возможно, организовать брачный союз с императорским домом Мин, а затем заключить выгодный договор с совершенно запуганным императором — почти так же, как это сделал Маодунь с Гаоцзу во времена Поздней Хань. Эта была традиционная стратегия вождей степных кочевников, которая подзабылась после необычайно масштабных завоеваний Чингис-хана и его преемников.

План Эсэна был нарушен неожиданным поворотом событий. Минские придворные чиновники сместили захваченного императора, возвели на престол его брата и отказались от переговоров с ойратами. Кочевники немедленно предприняли поход на Пекин, но не смогли взять его штурмом. Когда Эсэн получил известие о том, что на помощь столице с юга должны подойти свежие войска, он вернулся в степь, ограбив территорию вокруг Пекина. Эсэн имел теперь на руках лишь пленного императора, причем последний не только стал совершенно ненужным, но и превратился с политической точки зрения в обузу. Захватив императора, ойраты поначалу надеялись получить за него огромный выкуп и заключить выгодный мирный договор. Эсэн был шокирован, узнав, что Мин намеревается оставить ему своего правителя без выкупа. Ничего не получив, в 1450 г. Эсэн возвратил бывшего императора в Китай. Это нанесло огромный удар по престижу лидера кочевников.

Империя Эсэна была в 1450 г. на вершине могущества, но неспособность получить огромный выкуп за минского императора разочаровала многих последователей ойратского правителя, и их недовольство вскоре привело к появлению политической оппозиции. Эсэн подавил восстание, которое разразилось среди восточных монголов после того, как он казнил одного из их вождей. Он также столкнулся с восстанием, организованным его собственным марionеточным ханом из числа Чингисидов Токто-бухой, которое вспыхнуло после попытки изменить форму наследования этой должности. Токто-буха был убит, и на его место поставлен новый хан. Чтобы централизовать империю и предотвратить возможные попытки захвата реальной власти со стороны Чингисидов, Эсэн убил преемника Токто-бухи и в 1453 г. провозгласил себя ханом. До этого он довольствовался титулом *тайши*, но вынужден был нарушить традицию, согласно которой ханом мог быть только представитель линии Чингисидов.

План Эсэна мог бы стать успешным, если бы он добился большого выкупа и торговых привилегий от Китая и тем самым ослабил оппозицию. Разрыв с почтенной генеалогической традицией после периода внутренних раздоров и непродуктивных взаимоотношений с Китаем был очень рискованным делом, так как политическое положение, особенно среди покоренных восточных монголов, оставалось нестабильным. Сначала, однако, Эсэну как будто повезло. Китай наконец согласился принять ойратское посольство, которое пригнало к границам Мин лошадей и получило взамен 90 000 кусков ткани. И все-таки возмущение монголов тем, что они считали узурпацией верховной власти, было велико. Эсэн не являлся потомком Чингис-хана, и его действия были расценены как противозаконные именно тогда, когда он столкнулся с политическими проблемами и восстаниями по всей территории империи. Несколько вождей, решивших, что их вознаграждение недостаточно, в 1455 г. убили Эсэна. Ойратская империя распалась.

Политическое поражение Эсэна после ряда военных побед указывает на слабость кочевой империи на данном этапе ее развития. Единство ойратской империи удерживалось с помощью силы, да еще благодаря популярности Эсэна среди народа. Если бы Эсэн оказался способен

¹⁰ Mote. The T'u-mu incident. P. 243–272.

организовать выгодные взаимоотношения с Китаем, этот хрупкий политический контроль был бы подкреплён увеличением потока товаров из Китая в степь и обратно. Первоначально вторжение Эсэна в Китай и имело целью создание такой системы. Пленение императора, хотя и было великой победой, стало в конце концов фатальной ошибкой на пути достижения этой цели. Кочевники, жаждавшие немедленного обогащения, не получили ничего. В этом они обвинили Эсэна, и те вожди, которые были недовольны его правлением, использовали предоставившуюся возможность, чтобы уничтожить своего хана. Смерть Эсэна ознаменовала собой конец первой попытки создания кочевого государства в период существования династии Мин.

Возвращение восточных монголов

С падением ойратской империи в степи начался период анархии. Оставшиеся вожди ойратов не были способны удерживать власть в Монголии и были вынуждены отойти на свои коренные земли на западе. Китайцы, однако, не успели обрадоваться падению империи Эсэна, поскольку получившие независимость племена восточных монголов под руководством хана Болая предприняли ряд набегов на границу. Болай не сумел покорить другие племена в степи, но очень успешно нападал на Китай и посылал туда даннические миссии. Именно в его царствование кочевники начали двигаться к югу, захватывая окраинные земли вдоль границы. Около 1457 г. минский двор получил известие, что монголы проникли на территорию Ордоса и заставили китайцев уйти оттуда. Потеря Ордоса была как экономическим, так и стратегическим ударом для Китая, поскольку Мин использовала его в качестве источника снабжения своих пограничных войск. Вслед за этим мощные атаки кочевников обрушились на столичную область и Ганьсу. К 1465 г. Болай в союзе с другими вождями кочевников уже организовывал самые крупные набеги на Китай со времен Эсэна. Мин была не в состоянии эффективно сдерживать монголов, поскольку возможности ее обороны были ограничены. Цензор Чэнь Сюань нарисовал мрачную картину состояния границы в докладе, представленном двору в 1464 г.:

Монголы печально известны склонностью к грабёжам, однако наши пограничные начальники следуют рутинным обычаям и стали совершенно ленивы. Города и защитные сооружения давно не ремонтировались, обмундирование и оружие находятся в плачевном состоянии. Имеют место вопиющие злоупотребления: богатые солдаты каждый месяц дают взятки своим начальникам, откупаясь таким образом от службы. В это же время бедные солдаты должны либо переносить холод и голод, либо дезертировать. В связи с этим охрана границы находится в таком жалком состоянии¹¹.

Однако угроза со стороны Болая не была для Китая критической, поскольку разрозненные монгольские племена, участвовавшие в набегах, постоянно конфликтовали друг с другом. После ошеломительных нападений на минскую границу Болай стал жертвой межплеменных противоречий и был убит. Без единства и безопасности в степи ни один из вождей кочевников не мог сосредоточить свои усилия на атаках против Китая.

Раздоры, временные союзы, сражения и убийства — вот чем характеризовалась политическая жизнь степи после смерти Эсэна. Несколько племенных вождей пытались объединить восточных монголов, но успеха не имели. Даннические миссии становились все реже и к 1500 г. окончательно прекратились. Если, как мы предположили ранее, регулярная отправка все увеличивающихся в численности даннических миссий в Китай указывала на растущую политическую централизацию степи, то упадок в деле снаряжения миссий являлся свидетельством политической нестабильности и разлада. Ойраты находились слишком далеко от Китая, чтобы иметь регулярные отношения с Мин. В то же время восточные монголы были слишком заняты внутренними раздорами и набегами на Китай, чтобы интересоваться обменом в рамках даннической системы.

Анархия среди восточных монголов позволила ранее малозаметным ханам из числа Чингисидов возвыситься, поскольку им было легче добиться признания в качестве законных лидеров кочевников, в то время как представители менее знатных родов могли захватить власть лишь на короткий срок с помощью силы. В конце XV в. члены рода Чингисидов под руководством Баян-Мункэ (Даян-хана) смогли восстановить свое влияние. Даян-хан родился в 1464 г. и пришел к власти в 1488 г. После смерти на западе своего соперника Исмаила он установил власть над большинством племен восточных монголов¹².

Даян-хан нападал на Китай почти постоянно. Его задача облегчалась плачевным состоянием

¹¹ МШ 327 : 10b–11a; *Покотилов*. История восточных монголов. С. 70–71.

¹² *Wada*. A study of Dayan Khan; *Okada*. The life of Dayan Qaghan.

обороны Мин, которая стала дорогостоящей и неэффективной из-за коррупции. Небольшие столкновения с монголами часто изображались минскими военачальниками как крупные победы китайского оружия. Так, в 1501 г. 210 офицеров были повышены в звании за мужество, проявленное ими в сражении, в котором было убито лишь 15 монголов. Минские рейды в степь свелись к небольшим атакам на одинокие кочевья, населенные женщинами и детьми¹³.

Даян-хан при создании государства столкнулся с совершенно иными проблемами, чем Эсэн. Эсэн в первый период своей карьеры много времени отдавал установлению в степи политического господства. Он всерьез занялся нападениями на Китай только после того, как покорил племена вдоль границы. Даян-хан предпринял атаки на Китай, не установив контроля над своими соседями. Он сумел склонить последних к сотрудничеству, поскольку был официально признанным ханом из рода Чингисидов и широко известным организатором набегов, столь популярных среди кочевников. Однако Даян-хан всегда встречал активное сопротивление, когда пытался навязать свою волю вождям племен в вопросах, не связанных с военными предприятиями. В 1509 г., когда он назначил одного из своих сыновей руководить племенами в Калгане и Ордосе, среди последних началось восстание. Оно продолжалось около четырех лет, и для того, чтобы подавить его, Даян-хану пришлось прекратить нападения на Китай вплоть до 1514 г.

Перед тем как возобновить атаки, Даян-хан реорганизовал кочевников и изменил применявшуюся им военную тактику с целью увеличения давления на минский двор. Он создал около 30 укрепленных лагерей, служивших постоянными опорными базами, откуда можно было осуществлять регулярные набеги на границу. Даян-хан также сформировал гвардейский корпус из 15 000 воинов для нападения на крепость Сюаньфу, которая была одним из наиболее важных стратегических пунктов Мин на границе. Все это позволило монголам взять Пекин в кольцо, и в 1516 г. монгольская армия численностью около 70 000 человек вторглась в район к востоку от столицы и разорила там несколько городов. В следующем году 50 000 монголов атаковали столичный округ. Отражая это нападение, Мин добилась одного из редких успехов в борьбе против Даян-хана и вынудила его отойти.

Усиливающееся военное давление монголов ослабло только тогда, когда в степи начались внутренние раздоры. Даян-хан был вынужден прекратить нападения, чтобы подавить восстания в Ордосе и Кукуноре. Только в 1522 г. он опять серьезно потревожил границы Китая, а в следующем году организовал набег на окрестности Пекина. Одновременно он послал отряд для захвата Ганьсу. Даян-хан продолжал ежегодные нападения до 1532 г., а потом предпринял попытку заключить мир. Несмотря на все возрастающую военную слабость, Мин с конца XV в. значительно ужесточила свою позицию в отношении кочевников. До этого она принимала даннические миссии и награждала их участников, а теперь даже отказалась принимать посольства из степи. После того как миссии Даян-хана было отказано в приеме, он предпринял новую серию нападений, которые прекратились только с его смертью в 1533 г.

После смерти Даян-хана под властью восточных монголов находились вся Южная Монголия и восточная часть Северной Монголии. Длительное правление и чингисидское происхождение Даян-хана, а также слава его потомков позволили ему занять важное место в монгольской истории. Однако, несмотря на свои многочисленные победы, он не смог добиться установления централизованной внутренней власти над всеми племенами в степи. Даян-хан происходил из дома Юань, и это помогло ему добиться официального подчинения со стороны местных племенных вождей, так как марионеточные династии Чингисидов всегда признавались в качестве формальных властителей в степи, но превращение формального признания в реальную политическую власть было весьма трудным делом. Эсэн и Аруктай хорошо понимали это, поскольку использовали марионеточных Чингисидов и организовывали военные кампании не только для того, чтобы добиться признания своих чингисидских ставленников, но и для усиления собственной власти.

Когда возникало кочевое государство, степные правители обращались к Китаю за финансовой поддержкой, однако безуспешные действия Даян-хана указывают на то, что перед тем, как проводить политику вымогательства у несговорчивого китайского двора, необходимо было добиться единства в степи. После того как Даян-хан начал претворять в жизнь стратегию внешней границы, оказывая все большее и большее давление на Китай, его планы разбились не об оборонительные сооружения Минской империи, а о подводные камни внутренних восстаний, то и дело вынуждавших его прекращать военные кампании. Широкомасштабные войны против Китая требовали от вождя кочевой империи огромной концентрации сил. В то время как центральная монгольская армия сражалась на границе, мятежные вожди племен, находившиеся в

¹³ МШ 173 : 18b; *Покотилов*. История восточных монголов. С. 85–86.

своих уделах, могли воспользоваться ее временным отсутствием для проявления неповиновения. Поэтому честолюбивый и дальновидный вождь кочевников должен был сперва установить контроль над степью, а уж потом предпринимать серьезные попытки вымогательства у Китая. Лишь объединив степь, вождь кочевников мог переключить свое внимание на Китай и изменить отношения между правящей династией и степью. Даян-хан попытался ввязаться в борьбу с Китаем, не обеспечив необходимого контроля над степью. Этому способствовали слабость обороны Мин, а также популярность у степных племен набегов с целью получения добычи. Однако с каждым успехом Даян-хана в Китае росли опасения местных племенных вождей, которые боялись, что он будет все более жестко подчинять их своей воле. Они сделали ставку на восстание еще до того, как Даян-хан преуспел в военных кампаниях в Китае, и таким образом свели на нет все его усилия по созданию государства.

Алтан-хан и капитуляция Мин

Потомки Даян-хана быстро поделили между собой оставленную им территорию. Исследователи объясняют это разделение традициями монголов и сравнивают его с разделением империи Чингис-хана. В действительности империя монголов официально не была поделена в период правления великих ханов и оставалась единым государством вплоть до междоусобной войны. Точно так же не было раскола и в ойратской империи от Махмуда до Тогона и Эсэна. Разделение территории Даян-хана было доказательством ее внутренней нестабильности. Даян-хану не удалось объединить племена или даже начать создание кочевого государства, которое досталось бы его преемникам. Его сыновья унаследовали отдельные территории, на которых пытались утвердиться, образовав свободную конфедерацию племенных уделов. Сыновья и внуки Даян-хана принимали совместное участие в больших походах, но никто из них не пытался всерьез распространить свою личную власть на всю степь.

Наиболее известным из этих правителей был Алтан-хан (1507–1582 гг.) — внук Даян-хана, который правил более 40 лет и благодаря знатности и таланту стал неофициальным главой конфедерации¹⁴. Он унаследовал власть над монгольскими племенами тумэтов к северу от Шаньси, что давало ему контроль над центральным участком границы. Его брат Цзи-нан получил территорию к северу от Шэньси. После смерти Цзи-нана Алтан стал наиболее влиятельным лидером в степи. Именно он в конце концов принудил Мин изменить ее политику и предоставить субсидии кочевникам, а также открыть пограничные рынки. Любопытно, что эта уступка была сделана слишком поздно для того, чтобы возникло централизованное кочевое государство, поскольку Алтан-хан никогда не пытался монополизировать поступающие из Китая богатства, и получаемые ресурсы служили лишь для поддержания имевшегося состояния раздробленности в степи.

Алтан-хан продолжил даян-хановскую политику давления на минский двор с помощью набегов. Под его предводительством восточные монголы ежегодно нападали на Китай, и за 40 лет граница не знала ни одного года мира. Алтан-хан использовал набеги в двух целях: чтобы непосредственно вознаграждать участвовавших в них монголов и чтобы принудить Китай к признанию даннической системы и к открытию рынков для торговли лошадьми, на которых монгольская знать приобретала предметы роскоши. Отказ Мин организовать пограничные рынки был основной причиной, толкавшей монголов на нападения. Например, когда в 1541 г. минский двор отверг предложение монголов о заключении мира в обмен на организацию пограничной торговли, они на следующий год организовали опустошительное вторжение в Шаньси.

Такая форма взаимоотношений, при которой за отклонением предложения о мире следовали набеги, сохранялась в течение десятилетий. Набеги достигли своего апогея в 1550 г., когда Алтан-хан дошел до самых ворот Пекина. Китайцы отказались покинуть стены города, и Алтан-хан был вынужден отступить. Эта атака вынудила китайцев пересмотреть свои позиции. Многие чиновники утверждали, что крайне неразумно отказывать монголам в организации рынков и подвергаться ежегодным атакам. Рынок для торговли лошадьми был открыт, а Алтан-хану передали в дар большое количество денег. Но те же рынки были немедленно закрыты, как только монголы потребовали, чтобы на них торговали также зерном и тканями. Дворцовые чиновники утверждали, что это было уловкой монголов, с помощью которой последние хотели получить зерно для обеспечения продовольствием китайских пленников в Южной Монголии. Ответ не заставил себя долго ждать. В 1552 г. на Китай было произведено 8 крупномасштабных нападений, за которыми последовали набеги аналогичной интенсивности, продолжавшиеся еще пять лет. К 1557 г. набеги

¹⁴ Goodrich and Fang. Dictionary of Ming Biography. P. 17–20.

стали настолько серьезными, что минский двор стал рассматривать вопрос о переносе столицы из Пекина в более безопасное место. Такое предложение в последний раз рассматривалось и было отвергнуто столетием ранее — после того, как Эсэн захватил в плен императора.

Этот казавшийся бесконечным цикл пограничных вторжений неожиданно прекратился, когда минский двор изменил свою позицию по вопросам субсидий и торговли. В 1570 г. Ван Чун-гу, опытный пограничный военачальник Мин, добился капитуляции одного из любимых внуков Алтан-хана. Будучи тонким дипломатом, он удачно использовал этот случай для того, чтобы обеспечить изменение минской политики в отношении монголов. Был заключен мирный договор, по которому Китаю гарантировалась безопасность границ в обмен на титулы, выплату субсидий и организацию пограничных рынков. Эти требования были стандартными требованиями монголов на протяжении более 70 лет. После длительной войны на границе наконец установился мир, достигнутый в результате ожесточенных споров в минском правительстве¹⁵.

Однако мир на монгольских условиях не привел к созданию кочевого государства. Алтан-хан был лишь одним из многих племенных вождей, хоть и связанных между собой, но не зависящих друг от друга. Таким образом, договор с Алтан-ханом не распространялся автоматически на многочисленные племена в Ордосе, с которыми надо было договариваться отдельно. Он также не распространялся на восточномонгольское племя чахаров, нападавшее на Ляодун. Чахарами руководил великий хаган Тумэнь, который, будучи старшим из Чингисидов, на генеалогической лестнице занимал положение выше Алтан-хана. Тумэнь отказался присоединиться к даннической системе, поскольку

Алтан-хан является подданным Тумэнь-хагана, однако ныне он [Алтан-хан] получил такой пышный титул и такую огромную золотую печать, как будто бы стал мужем, а Тумэнь-хаган [его господин] низведен в статус жены¹⁶.

Тумэнь и его потомки продолжали нападать на Ляодун.

Новая политика Мин открывала для монголов множество перспектив. Субсидии и открытие пограничных рынков были действительно более прибыльным делом, чем набеги. Это становилось все более и более очевидным. В трех военных округах — Сюаньфу, Датуне и Шаньси — рынки по продаже лошадей и прямые субсидии принесли монголам около 60 000 *лянов* серебра в 1571 г., 70 000 *лянов* в 1572 г. и 270 000 *лянов* в 1577 г., причем субсидии составили примерно 10 % от общей суммы. К 1587 г. одни только субсидии составили 47 000 *лянов* серебра, хотя, возможно, увеличился их удельный вес в итоговой прибыли. Если разложить общую сумму (в пересчете на *ляны*), полученную в 1612 г. от прямых выплат и продажи лошадей на рынках, по трем пограничным округам, то будет видно, насколько прибыльной была эта система для тумэтов¹⁷.

Округ	Выручка от продажи лошадей	Выплаты	Всего
Сюаньфу	185 000	52 000	237 000
Датун	100 000	22 000	122 000
Шаньси	40 000	14 000	54 000
Всего	325 000	88 000	413 000

Сверх того тумэтский хан получил личную «премию» в размере 20 000 *лянов* серебра.

Договор обеспечивал представителям монгольской знати, участвовавшим в даннической системе, титулы и дары в соответствии с их рангом, а также право на торговлю. Число монголов, участвовавших в даннической системе, все время увеличивалось, поскольку умершие никогда не вычеркивались из списков, а новые имена вносились в них постоянно. В сущности, такая политика вольно или невольно консервировала децентрализованную политическую систему в степи, существовавшую на момент подписания договора 1570 г. Централизованное кочевое государство могло финансироваться за счет ресурсов Китая лишь в том случае, если оно сохраняло монополию на контакты с китайским правительством. В этих условиях местный вождь, если он желал получать товары из Китая, должен был действовать через иерархическую имперскую структуру, поскольку не имел права вести переговоры напрямую с китайским двором. Алтан-хан никогда не стремился создать такую монополию. При нем каждый вождь кочевников имел право устанавливать личные связи с Китаем и принимать участие в даннической системе. Это укрепляло власть местных правителей, которые могли получать ресурсы непосредственно из Китая, не жертвуя своей независимостью.

¹⁵ Serruys. The Tribute System and the Diplomatic Missions (1400–1600). P. 64–93.

¹⁶ Ibid. P. 104.

¹⁷ Ibid. P. 308–313.

Китайские чиновники на границе жаловались на эту раздробленность. Иметь дело с одним правителем, таким как Алтан-хан, было гораздо проще, чем с множеством мелких племенных вождей в Ордосе, с каждым из которых нужно было договариваться отдельно. Многие из монгольских правителей имели лишь номинальную власть над племенами в своем регионе. Некоторые неизменно полагали более выгодным нарушать мир. Один из командующих китайскими войсками на границе, контролировавший район Ордоса, направил ко двору доклад, в котором объяснял причины того, почему его округ постоянно испытывает большие трудности:

Племена, кочующие в Хэ-тао, не похожи на тех монголов, которые живут к востоку от реки. На востоке все дела сосредоточены в одних руках. Если мы хотим вступить с их вождем в соглашение, то наши отношения, раз завязавшись, не изменятся и в 30 лет. В отличие от этого, ордосские племена разделены на сорок два отдела, из которых каждый претендует на наибольшее значение и вес.... Все население Ордоса составляет несколько десятков тысяч человек, но поскольку оно разделено на сорок два отдела, каждый состоит не более чем из 2000-3000 человек, а некоторые лишь из 1000-2000 человек. При ведении с ними дела должно разделять их силы и принимать приносимую ими дань. Причем те, кто выразит свое подчинение ранее, должны милостиво приниматься и награждаться, прочих же следует прогонять. При всем том необходимо быть всегда готовыми к войне, дабы они знали, что Китай силен¹⁸.

Несмотря на трудности, мирный договор обеспечил период относительного мира на границе и огромное сокращение военных расходов. Расходы на армию в военных округах Сюаньфу, Датун и Шаньси в 1577 г. составили лишь 20-30 % от расходов, существовавших до заключения договора. Расходы на организацию рынков и прямые выплаты, которые обеспечили мир с тумэтами, составляли лишь 10 % от затрат на содержание пограничных войск в 1580-е гг., хотя по мере того как запросы кочевников росли, объем сберегаемых средств уменьшался¹⁹. Для китайцев такой договор заключал в себе еще и то преимущество, что уменьшал возможность объединения степи, о чем в свое время заботился Юн-ло, поддерживая многочисленных мелких и жадных степных правителей, которые противились любой централизации. Эта политика была успешной, однако остается непонятным, почему династии Мин потребовалось так много времени, чтобы последовать тем советам, которые уже давно высказывались ее пограничными чиновниками.

Мнения минских политических деятелей по вопросу о выплате дани кочевникам всегда расходились. Как и при предшествующих династиях, даннические миссии являлись легитимным способом предоставления субсидий и товаров северным «варварам». Посланники приносили «дань» (обычно чисто символическую), а в ответ получали богатые дары, щедрое угощение и доступ к доходным рынкам. Китай получал моральное удовлетворение, обращаясь с посланниками так, как будто они прибыли из подчиненных государств. Это позволяло двору выплачивать большие суммы денег, часто просто разорительные, официально не признавая, что он является объектом вымогательства. Таким образом поддерживалась видимость китаеццентричного мирового порядка с несравненным и всемогущим императором во главе, в то время как на практике осуществлялся гораздо более гибкий подход. Рациональным зерном этой политики было то, что данническая система и рынки обходились гораздо дешевле и были менее обременительны, чем войны. Еще одно ее редко признаваемое преимущество заключалось в том, что слабая династия всегда могла положиться на военную помощь кочевников при подавлении восстаний или отражении нападений, поскольку кочевники стремились поддерживать выгодный им порядок. Те же, кто был противником даннической системы, указывали на ее дороговизну и утверждали, что дары и возможность торговать просто усиливают врагов Китая. Эти чиновники настаивали либо на агрессивной военной политике, либо на глухой обороне.

Доводы в пользу любого внешнеполитического курса могли подкрепляться ссылками на прецеденты, имевшие место в истории Китая. Династии Хань и Тан, образцовые с точки зрения китайских политиков, на ранних этапах своего существования заключали с кочевниками неблагоприятные сделки. Обе они полагались на выплаты в рамках даннической системы и пограничные рынки в целях умиротворения кочевников. Военные кампании в степи в период существования обеих династий были дорогостоящими, непопулярными и быстро сворачивались. Договоры, признающие ценность мирных взаимоотношений с северными кочевыми племенами, приобретали гораздо большее значение по мере того, как династии приходили в упадок. В частности, Тан для сохранения своей власти была вынуждена полагаться на защиту уйгуров.

Ни Хань, ни Тан не пытались следовать пассивной политике самоизоляции, которая стала проводиться после смерти Юн-ло. При ней кочевникам было отказано в возможности торговать и получать субсидии, в то время как китайские войска сдерживали постоянные нападения. А нападения были: династия Мин пережила больше атак, чем любая другая из китайских династий.

¹⁸ МШ 327 : 30a-b; *Покотиллов*. История восточных монголов. С. 144-145.

¹⁹ *Serruys*. Tribute System. P. 68. Not. 11.

Однако Мин отказывалась сотрудничать со степью даже в условиях ухудшения ситуации на границе. Еще более удивительно, что отказ исходил от династии, чьи экономические проблемы и трудности в поддержании вооруженных сил были гораздо большими, чем у Хань и Тан. Китай эпохи Мин никогда напрямую не контролировал северо-восточные и северо-западные пограничные регионы, а после смерти Юн-ло не проводил кампаний в степи. С учетом военных проблем и экономических трудностей встает вопрос: почему династия Мин отказывалась иметь дело со степью, как это делали другие китайские династии?

Ответ, по-видимому, заключается в значительно более остром восприятии минским двором опасности, которую представляли кочевники для Китая. Монгольское завоевание нанесло Китаю такой урон, что оставило после себя в наследство страх, неведомый во времена Хань и Тан. Больше всего Мин опасалась, что кочевники снова вознамерятся завоевать Китай. Династии Хань и Тан также подвергались нападениям номадов, однако они никогда не рассматривали последних как возможных завоевателей Китая. Такое предположение было справедливым: стратегия внешней границы требовала, чтобы кочевники избегали оккупации китайских земель, создавая династии в Китае только после падения в нем централизованной власти. Мин же, напротив, сменила монгольскую династию Юань — единственный образец прямого завоевания степью Китая. После вытеснения Юань из Китая ойраты и восточные монголы вновь обратились к традиционной стратегии сюнну, тюрков и уйгуров. Однако Мин больше не желала рассматривать кочевников как простых вымогателей. Для нее их атаки были предвестниками нового завоевания Китая степью. Особенно большую тревогу вызывало расположение минской столицы в центре беспокойной пограничной области. Это отношение особенно укрепилось после поражения при Туму, поскольку Мин была единственной династией, потерявшей своего императора в сражении со степными племенами.

Кроме того, Мин боялась, что она вероятнее повторит судьбу слабой династии Сун, чем могущественных династий Хань и Тан. Минский двор опасался, что выплаты и торговля будут усиливать его соперников до той поры, пока последние не окажутся достаточно сильными, чтобы уничтожить династию. Сун выплачивала огромные суммы киданям, чжурчжэням и, наконец, монголам только для того, чтобы сначала потерять Северный Китай, а затем быть поглощенной монголами. Мин четко осознавала, что она, как и Сун, была династией южного происхождения, которая в первый период существования захватила большую часть северных земель, а потом оказалась неспособной должным образом организовать пограничную оборону. Таким образом, вместо того чтобы обратиться к созданию рынков и выплате субсидий кочевникам в качестве обычных средств дипломатии, Мин рассматривала эти действия как первый шаг на пути, который привел династию Сун к падению. Некоторые чиновники ратовали за более реалистичную политику. Пограничные военачальники, в частности, настаивали на уступках требованиям кочевников в вопросе рынков и выплат, однако им противостояли другие чиновники, опасавшиеся «неискренности» монголов. Во время обсуждения пограничной политики в 1542 г., когда Алтан-хан разорял столичную область, Ян Шоу-цзянь раскритиковал доводы, основанные на использовании аналогий с династией Сун. Он указал, что взаимоотношения в рамках даннической системы были надежным средством предотвратить войну, и это средство уже использовалось на других участках границы²⁰.

Даннические миссии, конечно, были частью минской политики во времена правления Юн-ло. Юн-ло открыл рынки для торговли лошадьми с урянхайскими племенами и осуществлял торговлю чаем на западе, приобретая таким образом себе союзников. После его смерти и объединения степи под властью Эсэна отношение Мин к кочевникам в корне изменилось. Китайцы утратили контроль над даннической системой, когда Эсэн стал направлять к ним все больше и больше посольских миссий. После того как Мин воспротивилась этому, Эсэн развязал войну с целью реорганизации даннической системы, чтобы увеличить поступление в степь товаров в обмен на мир. Как мы видели, захват Эсэном императора породил неожиданные проблемы и привел к падению могущества ойратов. Это событие дало передышку Китаю, поскольку политическая организация степи разрушилась, даннические миссии кочевников численно уменьшились, а затем и вовсе прекратились. Позднее, около 1530 г., когда кочевники потребовали восстановления прежней системы и расширения ее за счет торговли, Мин ответила отказом, опасаясь, что таким образом будет финансировать собственное падение. Эти страхи росли по мере того, как падала обороноспособность Мин.

Минские чиновники на границе были озлоблены такой политикой. Они утверждали, что, хотя выплаты кочевникам и являлись дорогостоящим предприятием, они все-таки были дешевле, чем сбор войск и строительство укреплений. Они также утверждали, что минский двор неправильно понимает данническую систему, когда полагает, что в ее основе должно лежать «искреннее» уважение кочевников к Китаю. Напротив, успех данной системы зависит от личной материальной заинтересованности кочевников. Однако этот совет не был услышан. В течение 70 лет

²⁰ Ibid. P. 59–61.

минская граница испытывала беспрецедентные для истории Китая удары.

Изменение политики в 1570 г. принесло на границу мир в обмен на выплаты и разрешение торговли. Почему политика изменилась именно в этот момент, не вполне ясно, поскольку ответ, вероятно, нужно искать в дворцовой политике Мин, а не в характере военных действий на границе. Несомненно, что правительство уже не могло справиться с возросшими военными расходами, а армия перестала действовать эффективно. Граница годами подвергалась нападениям. Ежегодные военные расходы увеличились с 430 000 *лянов* серебра в период с 1480 по 1520 г. до 2 300 000 *лянов* в 1567–1572 гг.²¹ Они продолжали расти и далее в связи с усмирением маньчжуров, а также восстаний внутри страны. Без договора о мире с монголами Минская держава скорее всего рухнула бы на 50 лет раньше действительной даты своего падения. Вероятно, заключение договора с Алтан-ханом было привлекательным еще и потому, что он к тому времени был пожилым человеком и не имел больших амбиций. Однако в целом это решение было скорее всего связано с общим изменением внешней политики Мин, вызванным натиском на южные прибрежные районы японцев и европейцев и стремлением совладать с выходящей из-под контроля ситуацией. Как на северных, так и на южных рубежах минский двор ослабил ограничения на торговлю и стал проводить менее враждебную политику по отношению к иностранцам. Политика примирения, какими бы причинами она ни была вызвана, вскоре доказала свою эффективность в установлении более мирных отношений со степными племенами. Когда вожди монголов начали страстно гнаться за титулами и дарами, набеги стали сравнительно редким явлением.

Однако Мин решила пограничную проблему слишком поздно. Реальную опасность для ее власти представляли вовсе не степняки, а восстания внутри страны и племена в Маньчжурии. И эта опасность нарастала. В третий раз за 1800 лет крах внутреннего порядка в Китае и анархия в степи выпустили маньчжурского тигра из клетки и положили начало наиболее успешной и договорной из всех иноземных династий в Китае.

Возвышение маньчжуров

На протяжении всей истории династии Мин она испытывала на границе проблемы с кочевниками. После заключения договора об установлении даннической системы с 1571 г. длительный конфликт между Китаем и кочевниками был в значительной мере исчерпан. Согласно условиям договора, большинство вождей многочисленных монгольских племен получили субсидии и право на торговлю. Кроме того, Мин пожаловала им различные титулы. Мирный договор закрепил раздробленность политической структуры монголов того времени. Так как каждый вождь небольшого племени получал выплаты самостоятельно, он противился любым попыткам объединения степи под властью единого правителя.

Как раз тогда, когда пограничные проблемы Мин в отношениях с кочевниками приобретали все меньшее и меньшее значение, в конце XVI и начале XVII в. на северо-восточной границе с Маньчжурией произошел ряд существенных изменений, которые стали представлять серьезную угрозу минским интересам. Воспользовавшись доходами, полученными от Мин в рамках даннической системы, и военной слабостью Китая, раздробленные племена чжурчжэней начали объединяться и образовали пограничное государство. Случись это раньше, восточные монголы тотчас бы разрушили его, но сейчас они не вмешивались, так как были заняты внутренними раздорами.

Чжурчжэни были потомками того самого народа, который основал династию Цзинь, уничтоженную монголами. В эпоху Мин они проживали в небольших разрозненных деревушках, населенных группами родственников, и занимались земледелием, разведением скота и охотой. В политических целях китайцы разделяли чжурчжэней Маньчжурии на три группы: цзяньчжоу, которые занимали северо-восточную территорию к западу от реки Ялуцзян; конфедерацию хайси, или хуньлунь, состоявшую из племен хада, ехэ, хойфа и ула и занимавшую земли к северо-западу от Мукдена; и племена е, или «диких» чжурчжэней, которые проживали в лесах еще дальше на севере. Первые две группы имели непосредственные связи с Китаем, «дикие» чжурчжэни с ним напрямую не контактировали.

На протяжении большей части минского периода племена чжурчжэней, дружественные Китаю, были организованы примерно в 200 небольших подразделений *вэй-со* по старому юаньскому образцу. Теоретически эти подразделения являлись вспомогательными частями минских вооруженных сил, но в действительности были не чем иным, как удобным политическим орудием, с помощью которого Китай мог сохранять влияние в данном регионе и сдерживать проникновение в него Кореи. В отличие от национальных китайских династий Хань

²¹ Chan. The Glory and Fall of the Ming Dynasty. P. 197.

и Тан или монгольской династии Юань, Мин не контролировала территории за пределами Ляодуна и частично Ляоси. Подразделения *вэй-со* подрывали власть чжурчжэньских племенных конфедераций, что было на руку многочисленным вождям местных племен. Признание последних со стороны Мин позволяло им самостоятельно торговать на границе и участвовать в выгодных даннических миссиях, отправлявшихся в китайские города. Союзники Мин также выступали буфером против монгольских племен, населявших степи к западу от Маньчжурии²².

Возвышение чжурчжэней началось на фоне обычных пограничных конфликтов, описания которых полны историй о загадочных убийствах и заговорах с целью мести. Основателем маньчжурского государства стал Нурхаци (1559–1626 гг.), сын вождя племени цзяньчжоу, погибшего в одной из бесчисленных войн между племенами чжурчжэней. В 1585 г. Нурхаци дал клятву отомстить за смерть отца, убив Никан-вайлана, хана соперничавшего с ним племени, поддерживаемого китайцами. Первоначально Нурхаци попытался получить компенсацию от Китая, но ему было отказано в помощи, поскольку его соперник был союзником Китая. Кроме того, Нурхаци узнал, что только малая часть его родственников имела желание сражаться с человеком, располагавшим столь мощной поддержкой. Таким образом, он начал кампанию с очень небольшой группой сподвижников (все вместе они смогли собрать лишь 13 комплектов вооружения). Ко всеобщему удивлению, он успешно атаковал всех своих соседей и установил власть над племенем цзяньчжоу, а в течение года смог уничтожить Никан-вайлана. Его победа вызвала смятение в чжурчжэньской политической жизни²³.

Это были мелкие войны, в которых друг другу противостояли вооруженные отряды численностью с десяток человек. Согласно сведениям корейских источников, в 1596 г. «великий вождь» Нурхаци командовал всего 150 воинами, да еще делил при этом власть со своим братом Шурхаци — «малым вождем», командовавшим 40 воинами²⁴. Даже если предположить, что Нурхаци мог собрать и большее число войск, заключив союз с вождями других племен, ни один уважающий себя разбойник в Китае не привлек бы к себе внимания, имея под рукой столь малые силы. Важность первой победы Нурхаци заключалась не в количестве людей, участвовавших в сражении, а в том, что она позволила ему установить над племенами чжурчжэней более централизованную власть. Военные успехи изменили характер политической организации чжурчжэней, постепенно превратив конфедерацию небольших племен в сложно структурированное пограничное государство. Нурхаци также начал заботиться о поддержании военной мощи, стимулируя процессы социально-экономического развития, что обеспечило его продовольственной базой и возможностями производства оружия.

Ранняя история маньчжурского государства под управлением Нурхаци может быть разделена на два периода: племенной период, продолжавшийся до 1619 г., и период пограничных завоеваний, который продолжался вплоть до смерти Нурхаци в 1626 г. Первый, гораздо более продолжительный, период характеризовался попытками подчинения и объединения чжурчжэньских племен. Нурхаци использовал для достижения своих целей традиционную военную тактику, брачные союзы и китайскую данническую систему. В этот период он делил власть с родственниками. После объединения большинства племен и централизации власти он в 1615 г. объявил себя ханом, однако вплоть до 1619 г. не приступал к завоеваниям китайской территории. На протяжении второго периода Нурхаци стремился заложить основы настоящего государства, но ему мешала ограниченность собственного политического кругозора. Создавать настоящее государство и основывать подлинную династию пришлось сыну Нурхаци.

После смерти Никан-вайлана влияние Нурхаци на северо-востоке значительно возросло. В 1588 г. он заключил два брака: один — с внучкой вождя племени хада, другой — с дочерью недавно умершего вождя племени ехэ. Оба брака имели важное значение, поскольку связывали его родственными узами с чжурчжэнями конфедерации хуньлунь. В 1590 г. Нурхаци отправился с даннической миссией в Китай и получил небольшой титул. Такие миссии имели для Нурхаци

²² Майкл (Michael) в *Origin of Manchu Rule in China* делает акцент на минских корнях позднейшей маньчжурской организации, однако свидетельства в пользу того, что маньчжуры следовали курсом иноземных династий, являются более убедительными. Кроме того, организация *вэй-со*, использованная Мин, была перенята ею у Юань, см.: Farquhar. The Origins of the Manchus' Mongolian Policy.

²³ Судя по китайским историческим хроникам, описывающим события этого периода, приход к власти Нурхаци и создание Хунтайцзи государства Цин состоялись без всяких осложнений, однако оригинальные маньчжурские документы открывают перед нами гораздо более содержательную картину трудностей и внутренних конфликтов. Наш анализ базируется на данных, почерпнутых из работы Гертрауде Рот Ли (Gertraude Roth Li) *The Rise of the Manchu State: A Portrait Drawn from Manchu Sources to 1636*. Эта работа заслуживает того, чтобы быть более известной; тем не менее многие ее выводы можно найти в следующих очерках Рот: *The Manchu-Chinese relationship, 1618–1636* и *The rise of the Manchus*, написанных в соавторстве с Джозефом Флетчером (Joseph Fletcher) для *Cambridge History of China* (Vol. 9. Part 1).

²⁴ Li. Rise of the Manchu State. P. 15.

большое значение. В Китае он похитил около 500 минских даннических грамот, предоставлявших их обладателям право на получение даров, и вознаградил ими своих сподвижников. Небольшой титул был полезным дополнением к его авторитету в тех районах, где при установлении отношений с другими племенами влияние Китая было важным фактором.

Рост могущества молодого Нурхацы вскоре привел к формированию оппозиции со стороны других племенных вождей. Вождь племени ехэ (одновременно являвшийся шурином Нурхацы) потребовал передать часть земель в распоряжение ехэ. Когда Нурхацы ответил отказом, племена ехэ, хада и хойфа атаковали несколько деревень Нурхацы и сожгли их. В 1593 г. они организовали еще более крупное нападение, однако Нурхацы успешно отразил его и таким образом значительно усилил свою власть.

Власть Нурхацы зиждилась не только на военной силе. Подвластная ему территория, со столицей в Хулуань Хада, обладала различными природными богатствами — такими, например, как жемчуг, меха, женшень и серебро. Кроме того, он грабил соседние регионы в поисках добычи и пленников, которых заставляли работать и осваивать новые сельскохозяйственные угодья. В то же время он заимствовал у китайцев методы металлообработки. Возможно, именно экономическое развитие и растущее доминирование Нурхацы в рамках минской даннической системы привели к тому, что другие, более авторитетные, вожди племен выступили против него. Рост влияния Нурхацы был признан и двором Мин, который в 1595 г. даровал ему генеральский титул. Спустя несколько лет Нурхацы почувствовал себя достаточно сильным, чтобы начать политику включения больших чжурчжэньских племен в свое государство. Он завоевал племена хада (1599–1601 гг.), хойфа (1607 г.) и ула (1613 г.). Только племя ехэ на время отбило его атаки.

Эта экспансия ознаменовалась перенесением столицы в город Хэтуала (1603 г.) и реорганизацией только что созданного государства. Кузнецы начали ковать оружие, а для обеспечения экономической самостоятельности Нурхацы построил зернохранилище. Он продолжал использовать стратегию набегов на Китай с целью захвата новых пленников и расширения обрабатываемых ими земельных угодий. Для финансирования своих предприятий Нурхацы не полагался на прямое налогообложение, а, вероятно, следовал старой племенной традиции, согласно которой каждая деревня была обязана содержать 10 семей, работавших на государство. Группы завоеванных или покорившихся племен входили в состав новообразующегося государства, не изменяя прежнюю родовую структуру. Они были организованы в военные подразделения, известные как «стрелы», создававшиеся на основе местных кланов. Согласно источникам, во времена Нурхацы в каждую из стрел входили примерно 150 семей, а в некоторые — всего лишь 100 семей. Таким образом, изменения на местном уровне были минимальными и хорошо адаптированными к уже существовавшей военно-племенной структуре. В 1614 г. существовало 400 стрел, 308 из которых состояли из чжурчжэней и монголов, 76 — только из монголов, а 16 — из китайцев²⁵.

Основное новшество, привнесенное Нурхацы, касалось высших уровней организации, где он создал надплеменную армию, состоявшую из «знамен». Каждое знамя состояло из пяти полков, а полк формировался примерно из 50 стрел. В итоге были сформированы 8 знамен, которые составили ядро политической и военной организации чжурчжэней. Стрелы могли оставаться под руководством местных вождей, однако обязаны были выполнять приказы всех вышестоящих органов империи. Система знамен, хотя и инкорпорировала в себя племенные группы, вытеснила старые военные подразделения и упразднила прежние организационные структуры. Как показывают данные по составу стрел, приведенные выше, первые 8 чжурчжэньских знамен состояли из стрел, удивительно разнородных по своему этническому составу и никогда не являвшихся чисто чжурчжэньскими. Это помогает объяснить ту простоту, с которой новые союзники входили в организационную структуру Нурхацы, и те трудности, с которыми столкнулись исследователи, пытавшиеся провести разграничения между отдельными этническими группами, вошедшими при преемниках Нурхацы в единое «маньчжурское» государство.

Первоначально Нурхацы делил власть со своим братом Шурхацы и старшим сыном Чуином. Такое разделение было достаточно эффективным, когда им подчинялись всего несколько деревень, однако, покорив другие чжурчжэньские племена, Нурхацы решил укрепить свое положение верховного правителя. В 1611 г. Шурхацы был казнен — после того, как выразил недовольство властью брата. Два года спустя, во время кампании против племен ула и ехэ, Нурхацы доверил управление своему сыну Чуину. Однако по возвращении он узнал, что Чуин планировал заговор с целью захвата власти. Нурхацы арестовал Чуина и казнил его в 1615 г.

Нурхацы всегда рассматривал ближайших родственников как соперников в борьбе за власть. Именно страх перед конкурентами на престол, похоже, явился причиной первой

²⁵ Ibid. P. 29.

большой реорганизации в зарождающемся маньчжурском государстве. Она началась в 1615 г., когда Нурхацци принял титул хана и объявил себя единоличным правителем новой династии Цзинь. Таким образом он поставил себя во главе государства, что явилось большим шагом вперед по сравнению с должностью племенного вождя. Одновременно он удвоил число знамен, доведя их до 8.

В 1601 г., в начале завоеваний, Нурхацци создал четыре знамени (желтое, красное, белое и голубое) и поставил во главе них своих сыновей Дайшаня, Мангултая, Хунтайцзи (Абахая)²⁶ и племянника Амина. Во время реорганизации 1615 г. он ограничил их власть, создав четыре новых «пограничных» знамени и назначив других своих сыновей руководить ими. Князья, командовавшие первыми четырьмя знаменами, после этого стали именоваться «старшими *бэйлэ*», а князья, возглавившие пограничные знамена, — «младшими *бэйлэ*». Расширение состава знамен создало напряженность в «высших эшелонах» власти, поскольку князья, руководившие знаменами, рассматривали подчиненные им войска как личную собственность. Для того чтобы уменьшить могущество группы *бэйлэ*, Нурхацци выбрал пять человек из числа своих давних соратников, не являвшихся его кровными родственниками, и назначил их на должности ближайших советников. Они носили звание *амбань* и в дальнейшем породнились с Нурхацци посредством браков. Эта внесемейная группа обладала очень большой властью, превосходившей полномочия даже сыновей Нурхацци, князей знамен. Она контролировала личный доступ к Нурхацци и могла не пустить к нему даже «старших *бэйлэ*». *Амбани* также действовали как представители Нурхацци в отдельных знаменах.

С точки зрения Китая, самым важным шагом Нурхацци было провозглашение династии Цзинь. По традиционным китайским нормам, это означало декларативный отказ от признания сюзеренитета Мин и объявление независимости. После 1615 г. Нурхацци стал для Мин чрезвычайно грозной фигурой, поскольку она уже не могла с прежней легкостью находить среди чжурчжэней союзников для противодействия ему. Однако то, что Нурхацци избрал себе монгольский титул «хан», показывает, что он все еще был тесно связан с миром племенной политики и не считал себя равным минскому императору.

С точки зрения чжурчжэней, основные события происходили в организационной, а не в идеологической области. Нурхацци отказался от всякого совместного управления и заставил своих родственников занять подчиненное положение. Предпринятые им шаги были небольшими, но чрезвычайно важными. На раннем этапе существования династии Нурхацци и его преемники сталкивались с одной и той же дилеммой: глава государства мог централизовать власть только в том случае, если забирает ее у своих родственников, отдававших предпочтение слабой конфедерации автономных племен.

Расширение государства вскоре поставило перед Нурхацци ряд экономических проблем. Первоначальная основа его власти надежно обеспечивалась имеющимися природными ресурсами, и он укреплял эту основу, участвуя в торговле с Китаем. Набеги с целью грабежа и захвата пленников также обогащали Нурхацци. Такой подход к финансированию имел два недостатка. Во-первых, плодородная земля вокруг города Хэтуала и других населенных пунктов, находящихся под контролем чжурчжэней, была вскоре полностью освоена. После того как все доступные земли начали обрабатываться, большого смысла в захвате новых пленников уже не было. Во-вторых, чжурчжэни имели чрезвычайно обременительную с финансовой точки зрения военную структуру — массу не занятых в производстве солдат и офицеров, которые требовались во время войны, но слишком дорого обходились государству в периоды мира. Еще в 1615 г., когда *бэйлэ* хотели напасть на монголов, Нурхацци отложил акцию, объяснив это так: «Мы не имеем достаточно еды, чтобы прокормить себя. Если мы их завоюем, как мы будем кормить их?»²⁷

Обладая большой военной силой, но имея слабую экономическую базу, чжурчжэни часто были вынуждены заниматься набегами просто для того, чтобы прокормить себя. Наконец в 1618 г. они покорили племя *эхэ*, но не потому, что это давало какие-то стратегические преимущества, а потому, что чжурчжэням было крайне необходимо продовольствие. Нурхацци предупредил своих монгольских союзников, чтобы они не забирали пищу в качестве добычи, поскольку он сам нуждался в ней для выживания во время зимы. В дальнейшем он просил монголов, чтобы они запасались собственной провизией перед походами. Предпринятая ранее в том же году атака на пограничные позиции Мин также была спровоцирована экономическими трудностями, вызванными решением минского правительства в 1618 г. прекратить торговлю в ответ на набеги чжурчжэней. Мин задолжала Нурхацци значительную сумму денег за женитьбу, поэтому именно чжурчжэни и пострадали. Поскольку династия, помимо этого, отказывалась признавать украденные грамоты, которые ранее обогащали сподвижников Нурхацци, он был впервые

²⁶ Матерью Дайшаня была Хаханацзяцин, Мангултая — Гундай, Хунтайцзи — Сяоцзяо. — *Примеч. науч. ред.*

²⁷ Ibid. P. 34.

вынужден завоевать расположенный на китайской территории пограничный город Фушунь (в Ляодуне), и таким образом компенсировать свои потери.

В ретроспективе эти два завоевания рассматриваются как осуществление великого плана маньчжурской экспансии. В действительности оба были сделаны от отчаяния. Они свидетельствовали о характерной особенности, которая проявилась в более поздних кампаниях, когда обладавшие большой военной силой чжурчжэни были вынуждены нападать не потому, что это было выгодно с военной точки зрения, а ввиду крайней экономической необходимости. Великая эпоха маньчжурских завоеваний была результатом скорее экономической нестабильности, нежели четкого военного планирования.

Хотя пограничные набеги были обычным делом, атака чжурчжэней на Фушунь стала первым серьезным конфликтом между Нурхацци и Мин. В ответ Китай отправил против чжурчжэней в 1619 г. экспедиционный корпус численностью 80 000-90 000 человек. Нурхацци разгромил его при Сарху, что повлекло за собой капитуляцию городов Ляодуна, и к 1621 г. вся территория полуострова к востоку от реки Ляохэ оказалась в руках чжурчжэней. Впервые власть Нурхацци распространилась на бывшие минские провинции, и ему пришлось заняться незнакомым делом — налаживанием административной системы на коренных китайских землях. Именно в связи с этим и появилась дуальная форма организации управления, которая была создана не по плану, а методом проб и ошибок. По форме новая структура напоминала модель организации, созданной сяньбийцами-муюнами и киданями, поскольку предшествующие маньчжурские династии сталкивались с теми же проблемами, что и чжурчжэни, и находили аналогичные решения, когда захватывали территорию Ляодуна.

Захват Ляодуна не встретил всеобщей поддержки со стороны чжурчжэньской знати. До 1619 г. Ляодун представлял собой пограничье, на которое совершались набеги с целью захвата рабов и добычи. Поскольку знамена имели право присваивать себе всю захваченную добычу, они нуждались в постоянной территории для набегов. Несмотря на то что включение Ляодуна в состав чжурчжэньской империи увеличило ее размеры, набеги на эту территорию стали невозможны, а доходы от налогов шли теперь имперскому правительству, а не знаменам. Вторым предметом недовольства была неплеменная форма управления, используемая Нурхацци в Ляодуне. Традиционно новые подданные распределялись между знаменами в качестве дополнительных стрел, увеличивая личный состав каждого знамени и усиливая возглавлявшего его *бэйлэ*. Нурхацци нарушил эту традицию, объявив, что, поскольку весь Ляодун населен китайцами, с его жителями будут обращаться как с подданными государства, не имеющими отношения к племенным знаменам, а китайские чиновники останутся на своих местах, чтобы исполнять незнакомые кочевникам административные функции. Это явилось двойным ударом по *бэйлэ*. Им было отказано в праве на добычу и захват пленников, которые являлись основным источником дохода. Более того, китайские подданные и территория должны были оставаться под единоличным контролем Нурхацци. Таким образом, государство чжурчжэней создало модель дуальной организации, которая предполагала, что нечжурчжэньские подданные будут лояльны ему, не являясь частью его племенной основы.

Оппозиция новой политике проявилась открыто, когда Нурхацци перенес столицу на юг, в бассейн китайской реки Ляохэ, т. е. за пределы территории племен. Первоначально она была перенесена в Сарху, а затем в Ляоян (Мукден). Кроме того, Нурхацци потребовал, чтобы вслед за столицей на юг переместились и знамена. Его племянник Амин, сын Шурхацци, самый своенравный из *бэйлэ*, открыто бросил вызов Нурхацци, поначалу отказавшись занять предписанную ему территорию. Некоторые из сыновей Нурхацци вместе с сочувствующими им *амбанями* планировали захватить престол и вернуться к старым порядкам. Нурхацци раскрыл заговор и, чтобы удержать власть, отреагировал незамедлительно. Казнив некоторых из своих старых советников, он, чтобы уменьшить силу *бэйлэ*, отобрал у них многие китайские семьи, пожалованные им ранее. Экономическая независимость знамен была еще раз подорвана в 1622 г., когда Нурхацци объявил, что отныне вся добыча, взятая во время набегов, будет распределяться поровну между всеми 8 знаменами. Это было сделано для того, чтобы предотвратить усиление какого-то одного из знамен. Во исполнение приказа *амбаням* было предписано лично наблюдать за распределением трофеев и вести их строгий учет.

Политика Нурхацци по отношению к китайским подданным первоначально по форме напоминала его политику по отношению к чжурчжэням. Хотя китайцы и не входили в систему знамен, Нурхацци нуждался в их труде, чтобы развивать сельскохозяйственное производство. Он попытался переманить земледельцев из степи Ляоси, управляемой Минами, на земли чжурчжэней, обещая им лучшую жизнь: «Если вы пойдете внутрь [Китаю], ваш император, поскольку он плох, не будет заботиться о вас. Если вы пойдете в Гуан-нин, монголы примут вас. Но есть ли у них зерно или одежда? Если вы придете в Ляодун на востоке, я дам вам землю и буду

хорошо обращаться с вами. Приходите в Ляодун»²⁸. Эта бесхитростная пропагандистская кампания провалилась, потому что условия жизни в Ляодуне на самом деле не были такими уж хорошими, а гражданские беспорядки в Китае еще не довели людей до такого состояния, чтобы они готовы были уйти. В прежние эпохи массовый переход населения к правителям «варварских» государств происходил только тогда, когда действующая в Китае система управления полностью рушилась. В такие периоды инородческие пограничные государства обеспечивали лучшую защиту от бродячих вооруженных отрядов и голода. Состояние дел в минском Китае еще не достигло этой критической точки.

Нурхацци начал правление в Ляодуне, предполагая, что проживающие там китайцы могут быть интегрированы в чжурчжэньское государство так же, как прежде были интегрированы чжурчжэни, монголы и пограничные китайцы. После неприятностей с *бэйлэ* Нурхацци, должно быть, видел в китайцах полезный противовес влиянию племен. Однако, как только он приказал китайским и чжурчжэньским семьям, проживавшим вдоль границы, переселиться в общие деревни, вспыхнули острые разногласия (план переселения был предложен китайцами, чтобы избежать депортации). Хотя чжурчжэням и китайцам было приказано обрабатывать землю совместно, чжурчжэни обращались с китайцами как со своими слугами, а не как с равноправными работниками. Китайцы, проживавшие в Ляодуне, были разочарованы таким отношением и в 1623 г., после неурожая, восстали. Хотя восстание и было быстро подавлено, оно серьезно напугало чжурчжэней, поскольку китайцы применяли тактику тайного отравления своих соседей-чжурчжэней. Эти отравления убедили Нурхацци, что его планы по ассимиляции китайцев не сработали. Поэтому он стал проводить политику сегрегации, направленную на разделение чжурчжэньской и китайской общин, создавая специальные чжурчжэньские поселки и обособленные чжурчжэньские кварталы в городах. Письмо Нурхацци к руководителям знамен, в котором он описывает новую политику в области правовых вопросов, дает представление о его резком, безыскусном стиле. В позднейшие эпохи этот стиль был смягчен цинскими историками, которые пытались подретушировать образ основоположника великой династии в китайских хрониках.

Давайте сделаем так, чтобы все наши *бэйлэ* и чиновники жили счастливо. Если нынче я разгневан и плюю в ваши лица, так это потому, что вы неверно судите преступников. Почему вы позволяете китайцам, занимающим высокие посты, быть равными вам? Если маньчжур совершил какое-либо преступление, обратите внимание на его заслуги. Спросите, что он сделал. Если имеется какой-нибудь небольшой предлог, используйте его как основание, чтобы простить его. Если же китаец совершил какое-либо преступление, заслуживающее смертной казни, или он не трудится так усердно, как обязан, или своровал что-либо, почему бы не убить его и всех его потомков и родственников вместо того, чтобы освобождать его после побоев? Тех же китайцев, которые были с нами со времен Фэйяла, судите, как чжурчжэней. Как только приговор вынесен, вы не можете снова изменить его. Он подобен мулу, который не знает дороги назад. Вы, восемь *бэйлэ*, тайно прочтите это письмо *бэйлэ* и чиновникам различных знамен. Не допускайте, чтобы люди услышали это. Знаете ли вы, что они [китайцы] отравили наших женщин и детей в Яо-чжоу после ухода наших войск?²⁹

Основы маньчжурской дуальной системы управления с ее разделением чжурчжэньской и китайской администраций родились вместе с первым опытом управления Ляодуном. Эта политика пришла на смену старой племенной модели управления, которая не годилась для руководства китайским населением в китайских провинциях. Нурхацци добился включения в свое государство небольших племен чжурчжэней и монголов, а также групп китайцев, проживавших вдоль границы, однако многочисленность китайцев Ляодуна и опасность восстания с их стороны убедили его в необходимости проведения новой политики. Разделение чжурчжэней и китайцев не было вызвано, однако, расовыми предрассудками, поскольку в письме, цитируемом выше, говорится, что старые китайские семьи, которые находились в союзе с чжурчжэнями еще до завоевания Ляодуна, нужно рассматривать как равные семьям чжурчжэней. По-видимому, это была политическая стратегия, направленная на сохранение власти небольшого числа завоевателей над гораздо большим числом китайцев.

В соответствии с новыми правилами китайцам и монголам было запрещено носить оружие, тогда как чжурчжэни были обязаны носить его. Были созданы отдельные чжурчжэньские кварталы в городах. Китайские чиновники, которым были пожалованы должности для управления китайским населением, были переведены на низшие ступени иерархической лестницы. Последняя мера озлобила многих из них, ведь они переходили на сторону чжурчжэней в надежде сохранить прежние звания и должности. Они оставались лояльными во время восстания 1623 г., поднятого местными китайскими крестьянами, однако новые притеснения со стороны

²⁸ Ibid. P. 38–39.

²⁹ Roth. The Manchu-Chinese relationship. P. 19.

чжурчжэней подтолкнули их к восстанию, которое вспыхнуло в 1625 г. Этот бунт, как и предыдущий, был быстро подавлен чжурчжэнями. Многие мятежные чиновники лишились своих должностей. Масштабы чисток, однако, были ограниченными, поскольку чжурчжэни нуждались в китайском опыте управления и участии китайского населения в обработке земли и ратной службе. Когда, вслед за восстанием 1625 г., большое число китайцев бежало, Нурхацци предостерег своих командиров от массовых убийств. «Если жители Ляодуна восстали и бежали, они совершили преступление. Но зачем убивать их? Берите их в солдаты, и пусть китайцы сражаются с китайцами. Это пойдет на благо чжурчжэням»³⁰. Чжурчжэни учились искусству управления, но делали это медленно.

Раннее государство Цин

Нурхацци скончался в 1626 г. после безуспешной атаки на Ляоси, во время которой войска Мин использовали против чжурчжэней пушки. Он оставил своим наследникам небольшое пограничное государство, все еще плохо организованное и отягощенное проблемами государственного роста, которые было не так-то просто решить. Он очень умело манипулировал политическими силами племен для создания системы знамен и был достаточно умен, чтобы централизовать власть, обеспечивавшую контроль над этой системой. Однако его взгляд на мир был скорее местечковым, нежели имперским. Даже после провозглашения себя ханом Нурхацци не был способен отделить интересы чжурчжэньского государства от интересов чжурчжэньских племен, за исключением тех случаев, когда под угрозой находилась его личная власть. Поэтому его успехи в завоевании Китая и управлении знаменами были ограничены. Хотя Нурхацци в борьбе против соперников и стремился централизовать власть, он все еще был приверженцем идеи совместного племенного правления. В своем завещании он призывал к созданию общей конфедерации, управляемой советом с периодически сменяющимся руководителем. По иронии судьбы в этом призыве слышится ностальгия по маньчжурской клановой форме правления, с которой Нурхацци так яростно боролся при жизни. Его сыну Хунтайцзи удалось достичь большего и превратить чжурчжэньское племенное ханство отца в «маньчжурское» государство, способное бросить вызов Китаю.

После смерти Нурхацци началась борьба за власть, которая выявила все противоречия в политической организации чжурчжэней. На протяжении всей своей жизни Нурхацци ориентировался на племена. Он пытался контролировать чжурчжэней путем роспуска прежних племенных союзов или путем их реорганизации. Однако он делал это для сохранения своей личной власти, а не в рамках единого плана действий по созданию постоянного централизованного правительства. В своем завещании Нурхацци предлагал, чтобы управление осуществлялось советом из восьми *бэйлэ*, каждый из которых командовал бы знаменем. Они должны были собираться вместе и принимать коллективные решения, причем каждый должен был по очереди становиться руководителем совета. Такой совет существовал с 1621 г., однако, поскольку Нурхацци твердо удерживал бразды правления в своих руках, он не играл большой роли. Передача власти совету племен была весьма популярной у многих *бэйлэ*, поскольку она означала возврат к старым племенным формам правления и обещала каждому *бэйлэ* большую власть и автономию. *Бэйлэ* были готовы с радостью отказаться от любых общечжурчжэньских имперских планов, чтобы укрепить собственное положение, как они это сделали пятью годами ранее, когда выступили против оккупации Нурхацци Ляодуна. В ближайшей перспективе уже маячили разделение территории ханства на несколько частей и превращение каждого руководителя знамени в независимого правителя.

Хунтайцзи, самый младший из «старших *бэйлэ*», был противником развала государства и быстро захватил верховную власть, воспользовавшись раздорами среди *бэйлэ*. Согласно завещанию Нурхацци, каждый из трех сыновей императрицы Сяо-ле — Доргонь, Додо и Ацзиге — должен был получить по знамени. «Старшие *бэйлэ*» опасались, что, если эти три брата будут действовать совместно со своей матерью, которая оставалась вдовствующей императрицей, они захватят власть в государстве. Этот страх усиливался слухами о том, что Нурхацци выбрал своим наследником Доргоня. В ответ «старшие *бэйлэ*» принудили Сяо-ле к самоубийству и передали знамена только Доргоню и Додо. Хунтайцзи забрал себе дополнительное знамя, став, таким образом, командующим простым и окаймленным желтыми знаменами. Он привлек на свою сторону (или вынудил перейти) Дайшаня, самого старшего из *бэйлэ*, который был предводителем простого красного знамени, и его сына Йото, который возглавлял окаймленное красное знамя.

³⁰ Li. Rise of the Manchu State. P. 111–112.

Они согласились поддержать кандидатуру Хунтайцзи на ханский престол. Самый старший сын Сяо-ле, Ацзиге, в борьбе за власть не участвовал, поскольку ему отказали в получении знамени. В то же время Додо и Дайшань³¹ были слишком молоды, чтобы эффективно использовать подчиненные им знамена. Таким образом, Амин, двоюродный брат Хунтайцзи, соглашавшийся признать Хунтайцзи правителем только в обмен на независимость своего окаймленного голубого знамени, оказался в изоляции. В отличие от своего отца Нурхацзи Хунтайцзи имел представление об управлении империей, что ясно видно из письма, в котором он отвергает план Амина по отделению: «Если я разрешу ему [Амину] уйти, то тогда и два красных, два белых и одно простое голубое знамена смогут пересечь границу и жить вне наших пределов. Тогда я останусь без страны, и чьим императором я буду? Если я последую этому предложению, империя развалится на части»³². Избрание Хунтайцзи ханом было лишь первым шагом к созданию настоящего имперского государства, в котором все племена должны были полностью подчиняться династии. Проводимая им политика централизации включала в себя три основных пункта: отстранение от власти «старших *бэйлэ*», увеличение численности и полномочий китайских чиновников и уменьшение самостоятельности знамен.

Если бы «старшие *бэйлэ*» действовали совместно, они смогли бы отстранить Хунтайцзи от власти. Для того чтобы воспрепятствовать этому, Хунтайцзи срочно отстранил «старших *бэйлэ*» от руководства знаменами и упразднил в 1629 г. чередование *бэйлэ* на посту главы совета империи. Его первой жертвой стал Амин, сын Шурхацзи. Амин всегда был самым непокорным *бэйлэ* еще во времена Нурхацзи. Сыновьям последнего он приходился двоюродным братом и не имел среди них большой поддержки. После того, как он скверно руководил войсками в кампании против Китая (1630 г.), Амин был лишен знамени. Им завладел Хунтайцзи, ставший отныне предводителем трех из 8 чжурчжэньских знамен. В следующем году он выступил против своего единокровного брата Мангултая, который был арестован, смещен с должности и умер в тюрьме спустя два года. Мангултай был посмертно обвинен в измене, что привело к аресту и казни всей его семьи. Последний из «старших *бэйлэ*», Дайшань, спас свою жизнь, предложив в будущем передать всю верховную власть Хунтайцзи. Однако даже он не избежал чистки, устроенной Хунтайцзи. Он был обвинен в неповиновении, но помилован. Таким образом, «старшие *бэйлэ*» были либо умерщвлены, либо окончательно запуганы. Когда в 1636 г. Хунтайцзи официально провозгласил себя императором, открытой оппозиции его власти среди племенной знати уже не существовало.

Однако Хунтайцзи не просто устранил своих соперников — он также изменил структуру управления, чтобы навсегда уменьшить политическое влияние вождей племен. Для этого он стал опираться на растущую прослойку китайских чиновников, которая была предана новому маньчжурскому государству и его лидеру, а не *бэйлэ*. Эти чиновники могли достичь успеха только в том случае, если управление в чжурчжэньском государстве строилось не столько на племенных традициях, сколько на основе централизованного бюрократического аппарата. Китайские чиновники были лучше знакомы с искусством государственного управления, чем соперничавшие с ними представители племен, и предпочитали имперскую модель государственной власти. Хунтайцзи осознал, что китайцы могут стать важным противовесом племенным чиновникам знамен, и поэтому усиливал как их военную мощь, так и влияние в государстве. Первое китайское знамя было создано в 1630 г., второе — в 1637 г.; к 1639 г. уже существовало четыре, а к 1642 г. — 8 китайских знамен. После маньчжурских завоеваний на территории Внутренней Монголии были созданы и монгольские знамена. Это коренным образом изменило значение первоначальных чжурчжэньских знамен, которые все еще были закреплены за отдельными *бэйлэ*. Новые знамена подчинялись непосредственно имперскому правительству, а их предводители не имели той автономии, которая была у предводителей чжурчжэньских знамен. Таким образом, правительство могло использовать их, чтобы удерживать чжурчжэньских *бэйлэ* в повиновении.

Официальное объявление о создании династии Цин в 1636 г. продемонстрировало возросшие амбиции и организационную зрелость государства Хунтайцзи. Годом ранее Хунтайцзи запретил использование терминов «чжурчжэнь» и «[династия] Цзинь». Оба названия, как он считал, напоминали о том времени, когда его народ был небольшим племенем и управлялся крохотной династией. Династия «Великая Цин», повелевающая народом, которой отныне стал именоваться «маньчжурами», претендовала на большее. Подготовка к этим грандиозным переменам началась еще в 1629 г., когда была создана канцелярия на китайский манер. В том же году прекратилось чередование *бэйлэ* на посту главы совета империи. Вместе с созданием в 1631 г. системы «шести

³¹ Вероятно, имеется в виду не Дайшань, которому тогда было 43 года, а четырнадцатилетний Доргонь. — *Примеч. науч. ред.*

³² Ibid. P. 120.

палат» появились новые места для китайских чиновников. Провозглашая создание новой династии, Хунтайцзи учредил и надзирающий орган для контроля за «шестью палатами» и *бэйлэ*. Были созданы также три ведомства по ведению внутридворцовых дел: ведомство по составлению записей, кадровое ведомство и собственно секретариат.

Все эти административные изменения передавали власть непосредственно в руки императора в ущерб *бэйлэ* и другим чжурчжэньским чиновникам. Значение маньчжурских знамен было уменьшено до роли важных «подпорок» маньчжурского государства, частью которого они являлись, но которое уже не контролировали. Дуальная организация, отделившая китайское население от маньчжуров, также могла быть использована императором для того, чтобы лишить племенных вождей независимого доступа к источникам обеспечения и сделать их лояльными политике двора.

Китайские чиновники помогали Хунтайцзи уменьшить силу знамен, разрабатывая реформы, нацеленные на централизацию политической и экономической власти в руках императора. В одном из проектов они предлагали разрушить саму основу независимости знамен и выдвигали требование, чтобы добыча, захваченная во время пограничных военных кампаний, уже не делилась поровну между знаменами, а поступала непосредственно хану, который распределял бы ее так, как сочтет нужным. По иронии судьбы первоначально Нурхаци настаивал на равном распределении добычи между 8 маньчжурскими знаменами, чтобы предотвратить возвышение одного из них, однако теперь, поколение спустя, Хунтайцзи намеревался изменить эту политику, чтобы сделать знамена более зависимыми от престола и уменьшить их автономию. То, что Хунтайцзи опирался на китайских чиновников и институты, созданные на китайский лад, оказалось в этом деле чрезвычайно полезным. Однако маловероятно, чтобы в ту эпоху имела место существенная китаизация маньчжурского двора. Например, китайцы, составляя докладные записки для маньчжурских чиновников и периодически вставляя туда философское обоснование достоинств автократии, старались выразить свои мысли в упрощенной форме: так, один из авторов предупреждал, что «если десять овец имеют девять пастухов.., то, думаю, через несколько лет обязательно начнутся беспорядки и разлад, и положение станет неуправляемым»³³.

Войны, которые вел Хунтайцзи, были широкомасштабным продолжением политики набегов и захвата пленных, проводившейся Нурхаци для финансирования государства и армии. Оборонительные сооружения Мин на северо-востоке, особенно в стратегическом Шаньхайгуаньском проходе, взять штурмом не удалось. Для того чтобы нападать на Китай, маньчжуры нуждались в сотрудничестве с монголами, с территории которых можно было осуществлять успешные атаки. Поэтому внешние сношения имели решающее значение для успеха маньчжуров. Проблема Хунтайцзи заключалась в том, что маньчжурская армия и аппарат росли быстрее, чем расширялась экономическая база государства Цин. Кроме этого, постоянно не хватало продовольствия, которым можно было заплатить за поддержку соседних монгольских племен. В 1627–1628 и 1635–1636 гг. на территории Маньчжурии отмечался голод. Серебро, которого во времена Нурхаци было в избытке, стало дефицитным металлом, и члены маньчжурской администрации вместо регулярного жалованья получали рабов. Таким образом, военная стратегия и тактические задачи маньчжуров определялись в основном необходимостью получения дополнительных ресурсов, а не генеральным планом завоевания и присоединения новых территорий. Кратковременные военные успехи доставляли средства, необходимые для финансирования маньчжурского государства, и побуждали Хунтайцзи начинать одну военную кампанию за другой в надежде, что династия Мин рухнет прежде, чем Цин.

Первые дипломатические шаги Хунтайцзи после захвата власти были направлены на получение денег. В 1627 г. он попытался договориться с китайцами о мире в обмен на золото и серебро. Минское правительство, учитывая нанесенное маньчжурам годом ранее поражение, отказалось рассматривать это предложение. Хотя Мин и потеряла изолированный район Ляодуна, ее оборонительные сооружения на северо-востоке оставались крепкими. Неспособность маньчжуров преодолеть пограничные укрепления Мин (по сравнению с более ранними успехами монголов) означает, что маньчжурские войска не были слишком сильными. Получив от Китая отказ, Хунтайцзи вторгся в Корею. Корейский король согласился снабжать маньчжуров серебром и тканями, позволив таким образом Хунтайцзи в том же году возобновить атаки на минскую границу — но все они были отбиты.

Поскольку прямые нападения на защитные сооружения Мин в Ляоси оказались безуспешными, Хунтайцзи в 1629 г. попросил помощи у своих монгольских союзников, надеясь использовать их территорию как плацдарм для атак на Китай. Это было первое из многочисленных вторжений маньчжурских войск через территорию Монголии. Оно наглядно

³³ Roth. The Manchu-Chinese relationship. P. 21–22.

продемонстрировало стратегическую важность позиции, занимаемой монголами. Еще в 1619 г. Нурхаци подписал договор с пятью халха-монгольскими племенами Внутренней Монголии в целях создания наступательного союза против Мин. Десятью годами позже Хунтайцзи подписал такое же соглашение с монгольским племенем харачинов³⁴. Эти договоры имели большое значение по двум причинам: во-первых, маньчжурам нужна была монгольская территория в качестве базы для набегов на Китай, а во-вторых, монголы представляли угрозу для экспансии самих маньчжуров. Монголы располагались по флангам маньчжурского государства и могли напрямую атаковать его или просто помочь китайцам, отказав маньчжурам в лошадях и в праве передвижения по своим землям. К счастью для маньчжуров, монголы были раздроблены, а минский двор слишком консервативен для того, чтобы вести политические игры с племенами.

Китайско-монгольский союз стал реальной угрозой, когда Лигдан-хан (правил в 1604–1636 гг.) попытался в 1620-е гг. объединить монгольские племена под своим руководством. Он был предводителем монгольского племени чахаров, внуком Тумэнь-хагана и представлял собой самую старшую линию Чингисидов в Монголии. Однако со времен Алтан-хана титул хагана утратил быллой авторитет. Лигдан-хан попытался вернуть себе власть, которая была у его предшественников, с помощью силы, чтобы создать в степи новую империю. Это поставило его в оппозицию к большинству монгольских племенных вождей, которые довольствовались положением иждивенцев, живущих за счет минских субсидий. Чахары были единственным крупным монгольским племенем, отказавшимся присоединиться к даннической системе и, следовательно, не заинтересованным в ее сохранении. Вожди других степных племен рассматривали чахаров как угрозу существовавшему *status quo* и активно противились любой попытке объединения монголов. Некоторые племена вместе с маньчжурами составили оппозицию Лигдан-хану.

Хотя чахары были враждебны Китаю, династия Мин осознавала все выгоды дружбы с ними в качестве противовеса маньчжурам. После того как в 1618 г. пал Ляодун, Мин фактически заключила союз с Лигдан-ханом. Такие союзы со степными кочевниками оберегали династии Хань и Тан от внешних угроз и внутренних восстаний, однако Мин не сумела воспользоваться преимуществами союза с чахарами. Например, когда в 1621 г. старый пограничный чиновник Ван Сян-цзянь предложил, чтобы минское правительство ежегодно выделяло 1 000 000 *лянов* серебра на поддержание монгольского буферного государства, блокирующего Шаньхайгуаньский проход, это предложение было отвергнуто, а принята идея повторного завоевания прилегающего к проходу района (хотя Мин и продолжала производить выплаты чахарам). Лигдан был зависим от этих денежных вливаний из Китая, с помощью которых он финансировал свои притязания на власть. Когда в 1628 г. выплаты были прекращены, чахары прекратили войны в степи и возобновили нападения на Китай. В течение года Лигдан утратил контроль над степью, и в 1629 г. маньчжуры смогли использовать монгольскую территорию в качестве плацдарма для широкомасштабного нападения на Китай, предпринятого с помощью тумэтов и харачинов. Близорукая пограничная политика лишила Мин единственной силы, способной сдерживать маньчжуров.

Маньчжуры использовали распри среди монголов с целью организации наступательного союза против чахаров. В 1632 г. они внезапно атаковали чахаров и разгромили их, вынудив Лигдана со своими людьми бежать на запад. Через два года маньчжуры опять напали на чахаров и нанесли им поражение. Лигдан-хан умер от оспы в следующем, 1635 г., и с его смертью окончательно прекратилось сопротивление маньчжурам в Южной Монголии. Все пограничные монголы от Маньчжурии до Ганьсу были включены в систему знамен. Избавившись от оппозиции на западе, Хунтайцзи укрепил свой титул императора. Теперь маньчжуры могли сосредоточиться на Китае и атаковать по всей границе.

Единство монголов всегда представляло смертельную угрозу планам маньчжуров. Если бы кто-то из монгольских вождей сумел организовать единый фронт, то маньчжуры, окруженные с запада и юга, пали бы жертвой внешнего вторжения или просто прекратили свое существование, лишившись объектов для набегов. Поэтому политические отношения с монголами были для Хунтайцзи так же важны, как отношения с Мин. Отчасти это объяснялось финансовой несостоятельностью маньчжуров и их потребностью в набегах. Маньчжурские земли могли прокормить местное население, но не могли удовлетворить потребности союзных монгольских племен. Таким образом, добыча из Китая и серебро из Кореи шли на оплату богатых даров монголам, чтобы склонить последних к сотрудничеству. Маньчжуры шли на эти расходы, чтобы предотвратить объединение монголов под руководством Лигдана и не дать Мин заменить пассивные даннические договоры наступательным альянсом. Маньчжуры помогали монголам даже

³⁴ Farquhar. The Origins of the Manchus' Mongolian Policy.

за счет собственных подданных. Зерно, которого всегда недоставало Цин, в первую очередь направлялось союзным монгольским племенам на западе, обеспечивавшим маньчжуров лошадьми и соглашавшимся (за плату) прекратить отношения с Китаем. Автор одного документа, написанного вскоре после заключения маньчжурско-монгольского союза, жаловался: «К настоящему времени [1633 г.] маньчжурские чиновники полностью продали все зерно, чтобы купить лошадей. Поэтому не осталось никакой пищи, и население страдает уже несколько лет»³⁵.

Хотя присоединение монголов усилило военную мощь маньчжуров и обеспечило последним важные стратегические преимущества, Цин по-прежнему не могла прорваться через ключевые оборонительные позиции Мин в Шаньхайгуанском проходе. Почти ежегодные нападения на Китай стали обычным делом, однако своей целью они имели грабеж, а не завоевание. В 1638 г. вновь было совершено вторжение в Корею, целью которого было увеличение размеров получаемой дани и обеспечение Маньчжурии зерном. Военные походы на север привели к покорению диких и слабоорганизованных племен, населявших маньчжурскую лесную зону. Однако все это были операции, направленные лишь на сохранение *status quo*. Подобно стратегиям других династий-«падальщиков», стратегия Цин состояла в поддержании военной мощи и эффективной организации для того, чтобы воспользоваться политическими беспорядками в Китае. Шанс представился в 1644 г., год спустя после смерти Хунтайцзи, после неожиданного краха династии Мин и последовавшего вслед за ним развала пограничной оборонительной системы.

Указатель основных имен

Важнейшие племена на степной границе

Восточные монголы

Монгольские племена в Северной и Южной Монголии

Управлялись представителями рода Чингисидов

Основу составляли племена чахаров и тумэтов

Ойраты (западные монголы)

Монгольские племена в области Алтая и Тянь-Шаня

Управлялись представителями нечингисидских родов

Урянхайцы

Кочевые племена вдоль северо-восточной границы Китая

Состояли из племен доянь, фу-юй и тай-нин

Чжурчжэни

Лесные племена Северной Маньчжурии

Объединены Нурхацци в начале XVII в.

Ключевые фигуры истории племен

Алтан-хан

На протяжении 40 лет (1507–1582 гг.) вождь монгольского племени тумэтов

Внук Даян-хана

Установил даннические взаимоотношения с двором Мин

Аруктай

Вождь восточных монголов в ранний период существования Мин

Убит ойратами в 1434 г.

Даян-хан

Вождь восточных монголов (правил в 1488–1533 гг.)

Восстановил власть и авторитет Чингисидов в Монголии

Лигдан-хан

Вождь монгольского племени чахаров (правил в 1604–1636 гг.)

Представлял самую старшую ветвь Чингисидов в Монголии

Не сумел объединить монголов против маньчжуров

Нурхацци

Объединитель племен чжурчжэней (1559–1626 гг.)

Заложил основы династии Цин

³⁵ Li. Rise of the Manchu State. P. 171–172.

Хунтайцзи (Абахай)

Преемник Нурхацы (правил в 1626–1643 гг.)

Реорганизовал государственную структуру и провозгласил создание династии «Великая Цин»

Изменил название «чжурчжэни» на «маньчжуры»

Эсэн

Вождь ойратов (правил в 1439–1455 гг.)

Объединил Монголию, захватил в плен императора Мин

Китайская династия

Мин (1368–1644 гг.)

Ключевые фигуры китайской истории**Император Хун-у**

Первый император династии Мин (правил в 1368–1398 гг.)

Изгнал монголов из Китая

Император Юн-ло

Второй император династии Мин (правил в 1402–1424 гг.)

Проводил успешные кампании в степи против монголов

Перенес столицу в Пекин

8. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ: ПОКОРЕНИЕ ЦИНАМИ МОНГОЛИИ И ДЖУНГАРИИ

Маньчжурское завоевание Китая

Минский Китай столкнулся не только с маньчжурскими и монгольскими набегами на границу. Плохое государственное управление и возрастающие налоги, взимаемые для финансирования деятельности правительства, истощали его внутренние ресурсы. Наиболее серьезными последствиями этого были восстания крестьян, которые разразились на северо-западе страны после голода 1620-х гг. Для разгрома повстанческих армий были направлены войска, и военные действия вскоре нанесли экономике региона такой же экономический урон, как и предшествующие стихийные бедствия. Северо-запад стал гноящимся очагом смуты, который имперские армии сумели блокировать, но не смогли уничтожить. Ли Цзы-чэн, известный как Одноглазый Ли, встал во главе одной из наиболее мощных армий восставших. В 1641 г. он обосновался в Хэнани, и его силы росли так стремительно, что уже на следующий год он одержал крупную победу, захватив древний столичный город Кайфын. Его тактика была жестокой, но эффективной: он открыл плотины на реке Хуанхэ, чтобы затопить защитников города, уничтожив при этом сотни тысяч людей и разорив всю округу. Оттуда он двинулся на север, блокируя или захватывая на своем пути все стратегические территории, имевшие значение для обороны столицы. Пограничные крепости и гарнизоны были бесполезны в борьбе с восставшими, пришедшими с юга. Минский император осознал, что столица вскоре падет и, подавленный мыслями о предстоящем крахе империи, кончил жизнь самоубийством. Ли Цзы-чэн вступил в Пекин в качестве главы недавно провозглашенной династии Шунь¹.

Правление Ли было коротким. Административный аппарат династии Шунь состоял в сущности лишь из самого Ли, его советников и военачальников, т. е. не включал никого, кто имел бы опыт государственного управления — слишком молниеносной была военная кампания против Мин. Армия восставших не отличалась дисциплинированностью и после нескольких недель спокойствия обратилась к грабежам и убийствам горожан. Ли столкнулся также с угрозой со стороны минской пограничной армии, расположенной в Шаньхайгуаньском проходе и возглавляемой У Сань-гуем. У Сань-гуй не смог направить войска к Пекину до того, как город пал, но его армия была по-прежнему боеспособна. Ли попытался склонить его к быстрой капитуляции, предлагая деньги, а затем и угрожая безопасности семьи У Сань-гуя. Ни один из планов не сработал, и войска Шунь приготовились к атаке на гарнизон У Сань-гуя. У Сань-гуй тем временем заключил союз с маньчжурами, объединив свои силы с маньчжурскими войсками в обмен на княжеский титул в правительстве Цин. Маньчжурская армия быстро продвинулась по Шаньхайгуаньскому проходу и успела как раз вовремя, чтобы помочь У Сань-гую в решительном сражении с войсками Ли. Шуньская армия бежала, бросив Ли, и последний был вынужден оставить Пекин. Маньчжуры вошли в город 1 июня 1644 г. и провозгласили власть династии Цин. Дисциплинированные цинские войска восстановили порядок в городе. Многие части китайской армии были реорганизованы и вместе с войсками знамен отправились на завоевание остальных районов Китая уже от имени новой династии. Хотя на юге и сохранялись сторонники Мин, цинские завоевания продвигались с удивительной быстротой, и к 1652 г. все области Китая, за исключением самых южных, находились в руках Цинов. К 1660 г. Цинам уже принадлежал весь Китай, только остров Тайвань оставался минским, да сохранялось еще несколько южных полуавтономных районов, находившихся в руках китайских перебежчиков, таких как У Сань-гуй.

Маньчжурское завоевание Китая представляло собой типичную стратегию династии-«падальщика» и продемонстрировало скорее организационные, чем военные успехи маньчжуров. На протяжении правления Хунтайцзи маньчжуры беспрепятственно нападали на Китай, но оказались неспособны удержать города вне Ляодунского полуострова или уничтожить войска Мин, охранявшие столицу. Ли Цзы-чэн, напротив, завоевывал целые провинции, захватывал стратегически важные города и крепости и легко разбивал минские армии в открытых сражениях. Именно он, а не маньчжуры, положил конец династии Мин. Однако, как и многие военачальники, возвысившиеся в период падения централизованной власти в Китае, Ли направил свои усилия почти исключительно на военные действия. Когда Мин пала, новый шуньский правитель оказался не в состоянии восстановить порядок (т. е. выполнить основную задачу любого правительства). Маньчжуры избежали этой неудачи. Борьба, которую вели Нурхаци и особенно Хунтайцзи за то, чтобы подчинить интересы военно-племенной верхушки интересам государства, обладающего

¹ Wakeman. The Shun Interregnum of 1644.

бюрократической структурой, обеспечила организационную стабильность маньчжурской империи. Маньчжуры имели хорошо организованную армию, которая подчинялась приказам, и небольшую, но хорошо развитую бюрократическую систему, готовую управлять китайской территорией. После того как Ли Цзы-чэн выполнил грязную работу, почти уничтожив династию Мин, маньчжуры разгромили его — но не потому, что обладали большей военной мощью, а потому, что были лучше организованы. Союз с У Сань-гуем обеспечил их обученными китайскими войсками, без помощи которых они не в состоянии были взять столицу. После первого значительного поражения армия и правительство Шунь распались. Шуньская армия, легко управляемая в период успехов, была не готова извлекать уроки из поражений².

После захвата Пекина маньчжуры сразу столкнулись с проблемой престолонаследия, поскольку в 1643 г. Хунтайцзи умер, не назвав имени наследника. У маньчжуров не было четкой традиции «автоматического» наследования, и они обращались к различным, часто противоречившим друг другу обычаям, которые могли обеспечить поддержку целому ряду кандидатов. Так, например, существовала традиция избрания самого способного члена императорской фамилии голосованием в совете. В своем завещании Нурхаци приказал собрать такой совет после его смерти. Это было не открытое пространство для дискуссий, а место борьбы за власть между хорошо известными всем собравшимся соперниками, где различные группировки проталкивали своих кандидатов.

Наиболее сильным претендентом был Доргонь (1612–1650 гг.). Четырнадцатый сын Нурхаци, он был волевым человеком и талантливым полководцем. Во время предшествующей борьбы за власть он и его братья (сыновья императрицы Сяо-ле) стали жертвами политики Хунтайцзи, направленной на консолидацию власти, но во время правления Хунтайцзи Доргонь стал влиятельной фигурой в маньчжурском государстве. Еще одним крупным претендентом на трон был старший сын Хунтайцзи Хаогэ. Он обосновывал свои притязания тем, что его отец был правителем и он как старший сын должен был унаследовать престол. Опять возникла та же проблема, которая была настоящим бичом многих маньчжурских и степных династий: претенденты по боковой линии выступали против наследников по прямой. В рядах маньчжурской знати произошел раскол. Сяньбийцы-муюны и кидани, а также тюрки имели давние традиции наследования по боковой линии, согласно которым власть законно переходила от старшего брата к младшему до тех пор, пока поколение братьев не заканчивалось. Наличие большого числа взрослых дееспособных сыновей Нурхаци делало наследование по боковой линии привлекательным. Этому предложению, естественно, противились сподвижники Хаогэ, которые объявили, что традиция требует, чтобы престол наследовал сын последнего правителя. Эту идею поддерживали китайские чиновники, которые признавали законным только линейное наследование. Признание линейного принципа также подразумевало исключительное династическое право для Хунтайцзи и его потомков, обеспечивавшее им преимущество перед другими сыновьями Нурхаци и их потомками. Смерть Хунтайцзи потому и имела столь важное политическое значение, что после нее маньчжуры должны были выработать престолонаследные правила новой династии, которые на тот момент не были установлены.

Борьба за престол в основном велась с опорой на маньчжурские знамена. Хотя Хунтайцзи и подчинил знамена имперскому правительству, выбор наследника по-прежнему оставался племенным делом. В период междоусобия знамена приобретали большое значение, поскольку каждое знамя подчинялось только собственному предводителю. Все претенденты на престол, как, впрочем, и другие крупные политические деятели, контролировали знамена. В критической ситуации число знамен, поддерживающих того или иного претендента, определяло вероятную военную силу последнего, которая, в свою очередь, подкрепляла право на власть. Таким образом, собрание, посвященное выборам преемника Хунтайцзи, могло положить начало междоусобной войне как раз в то время, когда маньчжуры более всего нуждались в единстве.

Собрание с самого начала зашло в тупик, поскольку Доргонь и Хаогэ контролировали примерно равное число знамен. Другие предводители знамен предложили компромиссное решение, которое заключалось в том, чтобы провозгласить императором пятилетнего сына Хунтайцзи — Фулиня, Доргоня назначить первым регентом, а Цзиргалана (брата Амина) — вторым регентом. Чтобы удовлетворить далеко идущие амбиции Доргоня, ему отдали второе знамя, являвшееся одним из знамен Хунтайцзи. В результате Доргонь стал нетитулованным правителем маньчжурского государства. Он лично командовал двумя знаменами — как раньше император. Партия Хаогэ добилась того, что право наследовать престол теперь имели только сыновья Хунтайцзи, но это достижение стоило Хаогэ трона. Маньчжурская знать стремилась выработать этот компромисс для того, чтобы избежать междоусобной войны и воспользоваться выгодами от распада Китая. После того как разногласия, по крайней мере временно, были

² Ср.: Hsi. Wu San-kuei in 1644: a reappraisal. P. 443–453.

преодолены, Доргонь двинулся к Пекину и возвел на трон Фулиня под именем императора Шуньчжи.

Ведя завоевательные войны против еще не покоренных территорий Китая, Доргонь продолжил политику Хунтайцзи по централизации маньчжурского государства, избавляясь от рудиментов коллегиального управления, которое импонировало вождям племен, и расширяя сферу деятельности китайской бюрократии. Вначале Доргонь выступил против самого слабого из предводителей знамен — второго регента Цзиргалан. Как и его брат Амин, Цзиргалан имел с остальными *бэйлэ* очень дальние родственные связи, и в конце 1644 г. Доргонь понизил его в должности — до помощника регента, а затем, в 1647 г., отправил в отставку. После смерти своего брата Додо, которого он назначил на место Цзиргалан, Доргонь стал единоличным регентом, при этом под его непосредственный контроль перешло третье знамя. В 1648 г. Доргонь арестовал Хаогэ, который, как и большинство арестованных претендентов на маньчжурский престол, скончался спустя год. Будучи полновластным, хоть и нетитулованным, правителем, Доргонь продемонстрировал свою власть при распределении территорий, захваченных в районе Пекина. Он пожаловал лучшие земли подчиненным ему белым знаменам, хотя это означало пренебрежение к традиционному порядку старшинства, по которому предпочтение отдавалось личным желтым знаменам императора.

Как и Хунтайцзи, Доргонь усилил централизацию власти при дворе (как для того, чтобы править Китаем, так и для противодействия влиянию знамен). Он сохранил большую часть минских административных институтов и даже оставил на своих местах мелких чиновников старой династии, контролируя их с помощью цинских официальных лиц (в основном представителей китайских знамен) — как в провинциях, так и при дворе. Любопытно, что эта политика подверглась нападкам как со стороны китайских чиновников, так и со стороны представителей маньчжурских знамен. Китайцы протестовали против того, что маньчжуры монополизировали реальную власть. Маньчжуры же, входившие в систему знамен, жаловались, что Доргонь отдает предпочтение китайцам.

Интересы представителей маньчжурских знамен и государства Цин были различны с самого начала. Маньчжурская племенная знать стремилась к быстрейшему получению выгод и противилась любым политическим шагам, уменьшавшим ее независимость, даже если они были необходимы для развития империи. Именно знать протестовала против завоевания Нурхацци Ляодуна и перенесения столицы на юг. Именно она сопротивлялась созданию Хунтайцзи бюрократического аппарата, укомплектованного китайскими чиновниками, и присоединения к цинской армии знамен, состоящих из неманьчжуров. Каждый правитель, включая Нурхацци, стремился оградить имперское правительство от давления со стороны племен. Сохранение Доргоном минских чиновников и учреждений было логическим продолжением этой политики. Племенная знать рассматривала цинский административный аппарат как орудие для расширения своего господства в Китае. Имперское руководство отвергало такой взгляд и пыталось, в свою очередь, сделать маньчжурские знамена орудиями династии. Вследствие этого противоречия имперское правительство видело в представителях китайских знамен лояльных чиновников, жизненно необходимых цинской власти. Дело в том, что китайское население в целом полагало и называло представителей китайских знамен маньчжурами, а маньчжурские племена считали их самозванцами, которые украли плоды победы у «настоящих», племенных маньчжуров — как раз к этому и стремилось цинское правительство.

Династия Цин происходила из Маньчжурии, но она была полна решимости освободиться от давления со стороны представителей знамен, которые ограничивали имперскую власть. Добиться этого можно было, опираясь на китайских чиновников, служивших противовесом племенным маньчжурам. Заимствование Цинами столь большого числа китайских учреждений после падения Пекина иногда рассматривается как доказательство их быстрой китаизации. Пока при дворе спорили о том, в какой степени можно перенимать китайский стиль управления, не ослабляя позиции маньчжуров, партии, участвовавшие в спорах, больше интересовались самой властью, чем ее формой. Племенные традиции были на руку старой маньчжурской знати и способствовали сохранению ее значения при новом режиме. Китайские же учреждения были предназначены для сохранения имперской автократии, которая не допускала разделения власти, и их заимствование освобождало двор из-под контроля племен. Верхушка империи постоянно ограждала себя от притязаний племен и прилагала все усилия, чтобы стать имперской династией, призванной управлять как Китаем, так и маньчжурами.

Проблема выбора между автономией и централизацией становилась особенно острой в периоды кризисов, связанных с наследованием власти, когда представители имперской знати были вынуждены искать поддержки у знамен. Однако каждый вновь избранный правитель неизбежно начинал там, где заканчивал его предшественник, каждый раз оставляя знаменам все меньше власти. Никогда это не проявилось так явно, как в период очередного витка централизации после нежиз-

данной смерти Доргона в 1650 г.

После смерти Доргона вновь вспыхнула борьба за власть, поскольку он не оставил преемника, а его партия оказалась не способна в одиночку удержать в своих руках бразды правления. Первоначально регентом был назван Цзиргалан, однако в 1653 г. он утратил этот пост, уступив сторонникам нового императора Шунь-чжи, ратовавшим за то, чтобы император правил единолично. Принятие Шунь-чжи властных полномочий ознаменовало значительные структурные изменения в политике династии. Предшествующие правители маньчжуров были людьми с богатым опытом ведения племенных дел и организации военных действий и могли обоснованно утверждать, что сами проложили себе путь наверх. Они достигли вершин власти благодаря как своему таланту, так и происхождению, и это отвечало требованиям маньчжурской традиции избирать в качестве правителя наиболее талантливого вождя среди представителей одного поколения. Шунь-чжи был первым из маньчжурских правителей, который получил власть по чисто формальным критериям. Избранный в качестве компромиссного кандидата после смерти Хунтайцзи, он был ребенком, не имевшим собственного опыта и не успевшим проявить никаких способностей, а реальным правителем, стоящим за трон, был Доргонь. Когда Шунь-чжи начал править от собственного имени, Цин отбросила племенные традиции и окончательно приняла более сложную систему управления, при которой власть императора определялась почти исключительно занимаемым им положением. Знати, стремившейся к завоеваниям, противостоял маньчжурский император, который удерживал и сохранял власть, манипулируя придворными группировками и бюрократическими структурами правительства.

В глазах племенной знати политика Шунь-чжи имела откровенно прокитайский характер. Он благоволил китайским советникам и китайским учреждениям, а также содержал евнухов. Многим его действия казались действиями китаефила, который утратил маньчжурские корни. Действительно, Шунь-чжи мало интересовался такими традиционными маньчжурскими развлечениями, как охота, скачки или стрельба из лука. Гораздо больший интерес он проявлял к религии и к своим дворцам и паркам. Он следовал линии прежних маньчжурских правителей и пытался заставить агрессивную маньчжурскую знать поступиться независимостью и подчиниться трону. Использование минской административной практики и привлечение на службу китайских чиновников было самым простым путем для достижения этой цели. Поскольку Шунь-чжи правил именно благодаря тому, что занимал должность императора, автократическая структура минской администрации была для него очень привлекательна.

Примером такого рода политики является участие дворцовых евнухов Шунь-чжи в делах правления. После захвата Пекина маньчжурам досталось огромное число евнухов, которые служили старой династии. В конце эпохи Мин многие из них обладали значительной властью и богатством, полученным за службу в качестве тайных осведомителей и помощников императора. Маньчжуры (и многие китайцы) относили падение Мин частично на счет злоупотреблений евнухов. Доргонь строго запретил службу евнухов во дворце во время своего регентства. После прихода к власти в 1653 г. Шунь-чжи вновь вернулся к политике использования евнухов, создав штат личных слуг, известный как «тринадцать приказов», в котором было большое количество евнухов. Приказы были созданы для того, чтобы оградить императора от давления как со стороны племенных знамен, так и со стороны чиновничества. После смерти Шунь-чжи подвергся жестокой критике за воссоздание этого коррумпированного учреждения эпохи Мин. Однако именно этому учреждению, избавленному от евнухов, суждено было стать в дальнейшем одним из наиболее характерных институтов цинской императорской власти, поскольку оно оказалось очень полезным орудием в руках правителей дворцового типа, к которому принадлежали цинские императоры.

Шунь-чжи не забывал, что для руководства дуальной организацией не следует полагаться исключительно на поддержку китайцев. Даже заимствуя все большее количество китайских институтов при дворе в целях централизации власти, он защищал привилегии маньчжуров. Когда в 1656 г. китайские чиновники горько пожаловались на жестокость законов о поимке и возвращении беглых рабов, попросив смягчить их, «китаизированный» император не на шутку рассердился. Он упрекнул китайцев в том, что они ничего не знают о проблемах маньчжуров и о том, что последние обладают правом иметь рабов в качестве привилегии за участие в военных действиях:

Таким образом, у нас нет выбора, кроме как установить очень жестокие законы. Они могут тяжело сказываться на китайцах, но, если мы не будем решительно пресекать беззакония, укрыватели станут еще более наглými, а количество беглых умножится. Кто тогда будет служить нам? Как мы выживем? Неужели никто не беспокоится о трудностях маньчжуров? Императоры предшествующих династий обычно управляли только китайцами, но я управляю и маньчжурами, и китайцами и должен обеспечить тем и другим то, что им положено³.

³ Kessler. K'ang-hsi and the Consolidation of Ch'ing Rule, 1661–1684. P. 17.

«Гнилые китайские манеры» — с помощью этой популярной фразы маньчжуры могли критиковать любой политический шаг по направлению к централизации власти и лишению племен независимости. После смерти Шунь-чжи в 1661 г. его противники намеренно представляли все «китаеццентристские» аспекты политики императора в гипертрофированном виде. Это стало очевидно во время так называемого регентства Обоя (1661–1669 гг.), когда знаменная знать предприняла последнюю отчаянную попытку сохранить и приумножить свое влияние в правительстве Цин под лозунгом возвращения к традиционным маньчжурским обычаям.

Когда умер Шунь-чжи, старая вдовствующая императрица и ее маньчжурские сторонники, предводители знамен, обнародовали поддельное завещание, в котором император якобы денонсировал свою прежнюю политику как плохо продуманную и опасную для интересов маньчжуров. Его семилетний сын (чьим основным достижением на тот момент была победа над оспой) был наречен императором Кан-си и возведен на престол. Правительство осталось в руках вдовствующей императрицы и четырех маньчжурских регентов. Один из этих регентов, Обой, проявил незаурядные способности и большие амбиции. Он быстро стал лидером среди регентов, а затем и фактическим диктатором, заняв позицию, схожую с той, которую занимал ранее Доргонь. Регенты представляли собой новое поколение маньчжурской правящей элиты. Все они отличились в качестве военачальников низшего ранга при завоевании Китая, но никогда не занимали крупных постов. Активно участвуя в политике знамен, никто из них не являлся членом императорского клана, и именно они наиболее пострадали от политики централизации, проводимой Доргоном и Шунь-чжи. Под лозунгом возвращения правительства к маньчжурским ценностям Обой попытался обеспечить маньчжурской военной знати постоянную и главенствующую роль в руководстве Китаем⁴.

Первым шагом, сделанным регентами, было запрещение «тринадцати приказов» на том основании, что евнухам не место в маньчжурском правительстве. Однако регенты вынуждены были признать, что император нуждается в штате личных слуг, и вернулись к древней маньчжурской практике использования рабов для ведения дворцового хозяйства. Первоначально эти рабы обрабатывали сельскохозяйственные угодья и ухаживали за домами знати, однако уже с 1638 г. начался рост их влияния и они превратились в помощников императора, объединенных в рамках учреждения, известного как Управление императорского двора. Таким образом регенты восстановили институт личных слуг императора, заменив евнухов рабами в надежде, что последние будут залогом сохранения маньчжурской племенной традиции при дворе.

Затем регенты атаковали заимствованные у Мин бюрократические структуры. Они отменили институты, в которых преобладали китайцы, такие как Главный секретариат и академия Ханьлинь с ее системой экзаменов по набору чиновников. Вместо них были восстановлены три ведомства по ведению внутриворцовых дел, впервые созданные Хунтайцзи и укомплектованные маньчжурами. (По иронии судьбы Хунтайцзи в свое время учредил эти внутренние ведомства как средство для ослабления знамен. В то время предводители маньчжурских знамен рассматривали их как китайские, но в более поздний период нововведения Хунтайцзи уже воспринимались как традиционно маньчжурские).

Регенты также делегировали значительные полномочия Совещательному совету князей и министров. Первоначально это был совет маньчжурской знати, который затем долго находился в состоянии упадка, частично из-за того, что был заполнен лицами неманьчжурского происхождения, лояльными императору. При Обое все, кроме маньчжуров, были оттуда изгнаны, и совет стал играть ключевую роль в руководстве военными делами. Это делалось для того, чтобы сохранить монополию маньчжуров в военной сфере. Подобно институту рабов при Управлении императорского двора, Совещательный совет князей и министров был задуман как постоянная политическая опора маньчжурской знати. Чтобы подчеркнуть важность союза с монголами, регенты восстановили значение Управления по делам чужеземцев, утраченное при Шунь-чжи.

Все эти шаги преподносились как возвращение к исконным маньчжурским ценностям, которые должны были уберечь династию Цин от тлетворного китайского влияния. В действительности это была попытка возрождения традиций маньчжурского коллегиального правления в правительстве Цин. Попытка провалилась, потому что было слишком поздно возрождать давно умершие традиции и потому что Обой обрек себя на поражение, воспользовавшись своей властью для сведения старых счетов с предводителями других знамен.

⁴ Подробнее о регентстве Обоя см.: *Oxnam. Ruling from Horseback.*

Обой стремился восстановить справедливость в отношении принадлежащего ему окаймленного желтого знамени, которая была поправа Доргоном при завоевании Пекина более 20 лет тому назад. Когда Доргонь распределял участки земли вокруг столицы между маньчжурскими знаменами, он нарушил традиционный порядок старшинства, отдав лучшую землю своему простому белому знамени, а не окаймленному желтому знамени императора. Обретя власть, Обой потребовал, чтобы знамена поменялись землями, несмотря на возражения чиновников, указывавших на огромные трудности, которые при этом возникнут. Обмен землями состоялся в начале 1667 г. и потребовал переселения около 60 000 представителей знамен и еще большего числа китайцев, которые на них работали. Это предприятие объединило могущественных предводителей других знамен против Обою, и они стали поддерживать партию, которая ратовала за отмену регентства. Именно использование власти в мелких, сиюминутных интересах всегда ослабляло маньчжурские знамена перед лицом императорской власти. Хотя маньчжурская знаменная знать поддерживала идею участия племен в делах правления, на практике ее различные группы не могли сотрудничать друг с другом. Позднее император Кан-си воспользовался раздорами между предводителями знамен, чтобы избавиться от всех институциональных изменений, осуществленных Обоєм.

Кан-си принял бразды правления в начале пресловутого обмена землями в августе 1667 г. Несмотря на официальное прекращение регентства, Обой продолжал действовать как диктатор, назначая своих сторонников на всевозможные посты в правительстве. Однако наряду с этим набирал власть и император, который в 1669 г. сместил Обою и арестовал его. Последний умер в тюрьме. Партия, поддерживавшая Обою, была отстранена от дел правления, а многие ее представители казнены. Кан-си удалил значительную часть знаменной знати с ключевых постов в правительстве, и она никогда в дальнейшем не играла самостоятельной роли в спорах о престолонаследии. Однако влияние предводителей знамен в племенной политике было трудно уничтожить полностью, поскольку они продолжали оставаться вассалами принцев из правящего дома Цин и в этом качестве сыграли важную роль в следующей передаче власти в 1723 г. Лишь во времена правления императора Цянь-луна эта последняя связь власти с племенами была оборвана и представители знамен стали подчиняться непосредственно императору.

Кан-си продолжил политику, направленную на централизацию, и открыл эпоху полного перехода власти в руки императора. Он уничтожил власть предводителей знамен, хотя и сохранил структуру некоторых учреждений, созданных Обоєм. Например, продолжило свою работу Управление императорского двора. Оно являлось внеиерархическим учреждением и находилось под личным контролем императора, так и не став центром влияния маньчжурских племен на двор. Управление превратилось в крупный государственный институт, который способствовал укреплению императорской власти как над маньчжурами, так и над китайцами. Важен был не личный состав Управления (евнухи или рабы), а его функции. Рабы были связаны с императором так же тесно, как и минские евнухи, и никогда не были выразителями интересов племен. Кан-си также восстановил Главный секретариат и другие минские учреждения, перенятые Доргоном и служившие личным интересам императора. Совещательный совет князей и министров, который задумывался Обоєм как основа для сохранения власти племенной знати в правительстве, был очищен от сторонников опального регента и низведен до уровня организации, занятой решением вопросов, не представляющих большой важности.

Кан-си победил в длительной борьбе между имперским правительством и предводителями знамен. Победа, однако, заслонила другую потенциально смертельную угрозу для династии. Эта угроза заключалась в существовании могущественных китайских военачальников на юге Китая. Последние перешли на сторону маньчжуров при падении династии Мин. Они и их китайские войска сыграли решающую роль в завоевании Цинами Южного Китая, впервые в китайской истории обеспечив маньчжурской династии контроль над всей территорией страны. За это Цин пожаловала им титулы и отдала под их начало южные провинции, которые они помогали завоевывать. Формально находясь под властью цинского императора, они продолжали командовать собственными войсками и собирать налоги в свою пользу, а также руководить местной администрацией. Они также получали значительные субсидии из казны Цин, хотя нередко действовали наперекор чиновникам империи, назначаемым в этот регион⁵.

Наиболее могущественным китайским военачальником был У Сань-гуй, бывший командующий обороной Шаньхайгуаньского прохода, который способствовал маньчжурам в захвате Пекина. В 1659 г. У Сань-гуй надежно закрепился в Юньнани и стал управлять почти всем Юго-Западным Китаем. Кан-си попытался решить проблему южных военачальников, не позволяя им передавать посты по наследству и переводя их на должности руководителей стратегически менее важных районов. У Сань-гуй отказался передать власть и в 1674 г. поднял восстание. К нему

⁵ Kessler. K'ang-hsi. P. 74–136.

присоединились другие местные военачальники. Вспыхнуло так называемое восстание Саньфань, известное также как «война трех князей-данников». Это восстание охватило весь юг Китая от юго-восточного побережья до Сычуани на западе и Шаньси на севере. Маньчжуры, столь ревностно боровшиеся с коррупцией в государственном и правительственном аппарате, не смогли разглядеть грозную опасность вторжения с юга. Цинскую столицу Пекин охватила паника. Некоторые маньчжуры даже предлагали покинуть Китай и укрыться в более безопасной Маньчжурии. У людей, хорошо знавших историю, могло возникнуть довольно мрачное сравнение с наступлением Северной Сун в XI в., когда под контролем киданей остался лишь мизерный участок земли в Китае, или с изгнанием Минами монгольской династии Юань в XIV в. С позднетанского времени юг был самым густонаселенным и высокопродуктивным районом Китая; теперь он находился в руках восставших.

Кан-си принял жесткие меры, подавил панику в столице и организовал систему обороны, включавшую в себя укрепление флангов и других стратегически важных районов, чтобы предотвратить распространение восстания на север. Первоначально он использовал маньчжурских командующих и знаменные войска, которые были под началом членов императорской фамилии. Однако они потерпели неудачу, разрушив миф о своей непобедимости и убедив императора в том, что он не может полагаться в защите династии только на маньчжуров. Тогда Кан-си обратился к войскам зеленого знамени, солдатами и военачальниками которого были лояльные трону китайцы. Они действовали успешнее, чем армии восставших, и постепенно переломили ситуацию. К 1677 г. повстанцы были оттеснены в горы на юго-западе страны, однако окончательная победа над ними не была достигнута вплоть до 1681 г., когда умер У Сань-гуй.

Завершение этого восьмилетнего противостояния наконец позволило династии Цин установить прямой контроль над всем Китаем, в пределах которого у нее уже не существовало соперников. Провал военного маньчжурского руководства и эффективное использование войск зеленого знамени также указывали на консолидацию государственной системы Цин. Ни предводители знамен, ни старые китайские союзники уже не могли считать себя независимыми от власти Кан-си. Маньчжурские представители знамен, в частности, не могли больше считаться военным оплотом империи, так как не справились с возложенными на них обязанностями. Отныне и навсегда маньчжуры могли сохранять свое положение только поддерживая династию и надеясь получить благосклонность императора. Теперь Кан-си также мог назначать китайцев на гражданские и военные посты по своему усмотрению. Именно он примирил традиционную китайскую бюрократию с властью маньчжуров. Борьба с восстанием также обеспечила Кан-си закаленными в боях войсками и хорошо отлаженной военной машиной. Впервые с момента падения Пекина династия Цин обратила свое внимание на Внутреннюю Азию.

Пограничная политика Цин

Как и другие иноземные династии, маньчжуры были народом, искушенным в вопросах пограничной политики. Стратегия Цин демонстрирует четкое понимание слабостей племенной организации в степи и возможностей их использования. Традиционной маньчжурской стратегией было поддержание анархии среди кочевников в Монголии таким образом, чтобы последние не могли организовать и стать угрозой для Северного Китая. Маньчжуры усовершенствовали эту стратегию, одновременно поддерживая кочевников в состоянии раздробленности и сохраняя некоторую форму прямого контроля над ними со стороны Китая. Проведение столь успешной политики было обусловлено способностью маньчжуров к манипуляции степными племенами, а также необычной политической структурой, сложившейся в степи в конце минского периода.

Договор 1571 г. между Алтан-ханом и Мин принес в степь порядок. В рамках даннической системы значительное число мелких князей, принимавших в ней участие, получили постоянный источник доходов. Эти князья происходили из рода Чингисидов, потомков Даян-хана, и каждый из них властвовал на небольшой части территории Южной Монголии. Предшествующие китайские династии направляли помощь кочевникам через единого правителя степи, который монопольно распределял ее среди своих подданных. В таких условиях предводители небольших племен были вынуждены играть второстепенную роль в более крупной и сложной политической системе. Алтан-хан не пытался создать такую монополию, и каждый мелкий правитель устанавливал собственные связи с двором Мин. Это существенно мешало достижению политического единства. Каждый местный вождь ревностно оберегал свою независимость и не желал утрачивать непосредственную связь с Китаем, получая взамен положение вассала в объединенной степной империи. Династия Мин использовала эту систему пассивно, отказывая в установлении даннических отношений тем монголам, которые доставляли трудности Китаю.

Политика Цин по отношению к монголам была более хитроумной. Цины переманили на свою сторону монгольскую племенную знать, предоставив ей большие субсидии в рамках даннической системы, чем Мин, и закупая монгольских лошадей. Маньчжуры также заключили ряд брачных союзов, которые связали монголов с маньчжурской знатью. Мин об этом никогда не помышляла. Наконец, маньчжуры выступили в качестве защитников монгольских князей от захватнических планов Лигдан-хана. Союз с маньчжурами сохранил *status quo* чингисидской знати и предотвратил создание государства кочевников у китайской границы. Кульминацией этой политики стало включение племен Внутренней Монголии в маньчжурское государство в 1634 г.

Цинское правительство реорганизовало племена Южной Монголии, включив их в систему знамен. Знамена были организованы по племенному признаку; по существу, старые племена стали новыми знаменами. Традиционные монгольские вожди получили посты в цинской администрации. Они сохранили власть над своими людьми, прикрепленными к определенным территориям. Племенное население было размещено в знаменных округах группами по 50 семей. Такая политика вновь подтвердила привилегии консервативной знати Чингисидов, которая была обязана маньчжурам сохранением своей власти. В то же время она уменьшила возможность возникновения волнений и беспорядков, разделив монголов на множество мелких групп, которым было запрещено переходить с места на место или выбирать себе новых предводителей. Был обнародован целый список суровых наказаний, предусмотренных для вождей, допустивших бегство своих подчиненных или укрывательство беглых. В 1662 г. эти законы были еще более ужесточены, даже оставление территории знамени в целях охоты стало считаться преступлением. К 1670 г. во Внутренней Монголии существовало 49 знамен, каждое из которых состояло примерно из 23 стрел. Судьба предводителей знамен и стрел полностью зависела от династии Цин. Цинский двор мог штрафовать, смещать с должности и всячески наказывать монгольских племенных начальников (и в действительности делал это). Таким образом, еще более ослаблялись связи между местными кочевниками и их вождями. Аристократию связывали с двором Цин брачные союзы, а также различные взаимные обязательства, позволявшие монгольским лидерам считать себя частью цинской знати. Утверждая власть консервативной и неамбициозной знати, маньчжуры препятствовали появлению враждебных политических сил. Южные монголы, за исключением одного чахарского вождя, сохранили верность Цинам во время восстания Саньфань⁶.

Система стрел и знамен позволяла Цин контролировать Южную Монголию без особых затрат и свести к минимуму прямое вмешательство в ее внутренние дела. Однако династия сознавала, что слишком большая военно-административная раздробленность монголов затрудняет использование их военной силы. Поэтому, когда в 1674 г. в Южном Китае разразилось восстание, Цины реорганизовали 49 монгольских знамен в 6 дивизий. Это облегчило проведение военных кампаний, поскольку каждая дивизия была обязана сама поддерживать себя в состоянии боевой готовности. Поскольку династия строго контролировала руководителей дивизий, они никогда не превращались в независимые политические организации. Цин извлекала максимальную политическую выгоду из этой системы, так как деление на знамена ослабляло южных монголов, а система дивизий в то же самое время обеспечивала династию военными резервами.

Присоединение Южной Монголии было завершено за 10 лет до того, как маньчжуры захватили Пекин. Северная Монголия оставалась вне контроля Цинов. Разделенная между несколькими воюющими между собой халха-монгольскими ханствами, она не представляла угрозы для династии, однако стала объектом пристального интереса со стороны Цин в связи со своей слабостью. Цин рассматривала Северную Монголию как ключевой для защиты северных рубежей империи регион и строила свою пограничную политику на удержании халха-монголов в маньчжурской сфере влияния.

Существовали четыре основные угрозы власти Цин во Внутренней Азии, которые стали причиной серии войн, продолжавшихся с перерывами на протяжении всего последующего столетия и закончившихся присоединением к Китаю обширных территорий Внутренней Азии в целях обеспечения безопасности цинских границ:

- 1) непрекращающиеся конфликты среди халха-монголов обрекали их на междоусобную рознь и насильственные смены власти;
- 2) русская экспансия в Сибирь и Маньчжурию начала оказывать давление на границы Монголии;
- 3) тибетский буддизм с его церковной иерархией и монастырями, рассеянными по всей территории Монголии, вооружил в целом лояльных монголов альтернативной политической структурой и лозунгами для восстаний;
- 4) джунгарские племена, чьи территории граничили с Монголией, представляли непосредственную военную угрозу для халха-монголов. У джунгаров имелись сила и желание включить Северную Монголию в

⁶ Farquhar. Ch'ing Administration of Mongolia.

состав новой степной империи, которая бросила бы вызов власти Цин над Южной Монголией и продвинулась бы к границам самого Китая.

Все эти четыре угрозы сплелись воедино во время долгой борьбы за власть во Внутренней Азии между Цинами и джунгарами, продолжавшейся вплоть до 1755 г. Поскольку Китай и Россия в итоге стали двумя господствующими силами в сердце Азии, основное внимание исследователей всегда было уделено их первым конфликтам и договорам. Это создало впечатление, что джунгары были лишь небольшим раздражителем на фоне взаимоотношений двух великих держав. Однако с точки зрения внутриазиатской границы главным соперником Цин были джунгары. Продвижение маньчжуров во Внутреннюю Азию и их политика в отношении России во многом определялись необходимостью отвечать на угрозы со стороны джунгаров. Только после разгрома этой последней степной империи политическая активность во Внутренней Азии стала исключительно русско-китайским делом.

Джунгары — последняя степная империя

После смерти Эсэна в середине XV в., когда Южная Монголия оказалась под властью восточных монголов, ойраты почти сошли со сцены истории китайского пограничья. Однако неудача Эсэна не привела к немедленному распаду ойратской конфедерации в других регионах. Ойраты продолжали удерживать контроль над Северной Монголией, а сын Эсэна даже восполнил некоторые территориальные потери конфедерации, атаковав на западе казахов и установив контроль над стратегически важной долиной реки Или. Отсюда ойраты осуществляли управление городами-оазисами Восточного Туркестана и контролировали торговые пути, проходившие через регион. Эта отдаленная, но удивительно крепкая империя, чье существование продолжалось около столетия, правила Северной Монголией до 1552 г., когда после нескольких поражений от восточных монголов уступила Каракорум Алтан-хану. Это заставило ойратов отойти на Тарбагатай, который являлся их родиной. Отступление ойратских племен привело к распаду конфедерации и в дальнейшем к ее реорганизации.

Степь к западу от Алтайских гор долгое время была центром второстепенных кочевых империй. Эта территория была родиной юэжэй и усуней во времена сюнну. Она же была центром Западного Тюркского каганата, а затем местом обитания каракитаев. В монгольский период она являлась очагом восстаний против власти Юань в степи. Кочевые государства к западу от Алтайских гор пользовались преимуществами караванной торговли, осуществлявшейся через территорию Туркестана, и эксплуатировали ресурсы небольших оазисных городов, лежащих на юге. Хотя эти государства редко достигали того уровня богатства и могущества, который имели государства, образованные кочевниками вдоль китайской границы, они все же располагали ресурсами, достаточными для поддержания необходимой стабильности. Часто успешно присоединяя западные территории, такие кочевые государства редко распространяли свою власть до границ Китая, несмотря на крупные военные успехи. Им было трудно сделать это по двум причинам. Во-первых, кочевники в Южной и Северной Монголии противились натиску своих западных «кузенов» и нередко просили у Китая помощи, чтобы противостоять им. Во-вторых, осуществляя походы на восток, вожди западных монголов так далеко отрывались от коренных земель, что появлялась опасность возникновения мятежей в их тылу. Эти проблемы препятствовали попыткам западных тюрков и ойратов установить контроль над китайской границей. Однако отдаленность от Китая выполняла также защитную функцию: даже самые могущественные кочевые государства в Монголии предоставляли независимость или автономии районам к западу от Алтая, поскольку присоединение этих районов обходилось дороже, чем предполагаемые выгоды от их эксплуатации.

После смерти Эсэна конфедерация Дёрбен-Ойрат состояла из четырех главных племен: чоросов, дёрбетов, хошотов и торгоутов. В конце XVI в. она подверглась сильнейшему давлению со стороны соседей. На западе ойратов окружали племена казахов и узбеков, которые под предводительством Шейбани-хана находились на вершине своего могущества, на востоке — восточные монголы, которые во времена правления Алтан-хана вытеснили их из Каракума на запад к Кобдо. Позднее, между 1619 и 1621 гг., ойраты были полностью изгнаны халха-монголами из Северной Монголии, а город Кобдо стал центром государства Алтан-ханов (Алтын-ханов). В итоге дёрбеты и торгоуты отступили на северо-восток⁷ к верховьям Иртыша. Эти переселения стали причиной начала в 1625 г. военных конфликтов между племенами ойратов, значительно ослабивших их. Под давлением чоросов, которые уступили свои земли халха-монголам, торгоуты в 1627–1628 гг. начали широкомасштабную миграцию на запад. Они прошли через казахские земли и около 1632 г. достигли низовьев Волги, где стали известны под именем калмыков. Хошоты переселились восточнее, установив контроль над

⁷ Так в тексте. Скорее всего имеется в виду «северо-запад». — *Примеч. науч. ред.*

Кукунором и Восточным Тибетом. Чоросы овладели Тарбагатаем, включив дёрбетов и подвластных им хойтов в состав новой Джунгарской конфедерации. Таким образом, можно сказать, что джунгары воссоздали западномонгольское государство: вожди чоросов, дёрбетов и хойтов являлись потомками Эсэна⁸.

Главной силой во Внутренней Азии джунгары стали лишь во времена правления Батура-хунтайджи. Отец Батура, Хара-Хула, реорганизовал конфедерацию после междоусобной войны 1625 г. После его смерти в 1634 г. Батур, придя к власти, начал расширять джунгарские территории. Он возобновил отношения с русскими, которые были его соседями на севере и одновременно врагами казахов. Сразу после заключения соглашения с русскими джунгары в 1635 г. атаковали и разгромили казахов, захватив множество пленных, среди которых был и сын казахского хана Джехангир. В 1638 г. Батур помог предводителю хошотов Гушри-хану в нападении на Тибет, которое привело к свержению в 1642 г. последнего царя Тибета и возведению на престол далай-ламы в качестве главы государства и тибетской церкви. В 1643 г. Батур снова нанес поражение казахам. Помимо военных кампаний, Батур с помощью брачных союзов добился сотрудничества со многими монгольскими племенами и заключил с ними мирные соглашения. Джунгары стремились также развивать земледелие и ремесленное производство, которые приобрели особенную значимость после того, как на реке Имил был воздвигнут каменный город Кубаксерай⁹, ставший столицей джунгарского ханства. Этому стремлению к диверсификации социально-экономической базы способствовали дипломатические и торговые отношения с Москвой.

Не позднее 1616 г. произошел обмен посольскими миссиями с москвитями, а в 1618 г. был заключен договор с рядом северо-западных племен. Ойраты стремились заручиться поддержкой русских в борьбе с казахами и халха-монголами, а русские надеялись укрепить свои фланги во время продвижения в Сибирь. По мере того как джунгары восстанавливали свое могущество, взаимоотношения с русскими приобретали все большее значение. После заключения в 1635 г. первого официального соглашения с Русским государством джунгары получили в свое распоряжение золотых дел мастеров и других ремесленников, а также подарки для Батура. Единственной крупной проблемой в отношениях между джунгарами и русскими был статус некоторых пограничных племен, которых обе стороны объявляли своими данниками. Эти разногласия иногда приводили к вооруженным конфликтам (в 1649 г. джунгары атаковали русскую территорию), однако обычно улаживались в ходе переговоров¹⁰.

Хотя сама по себе Сибирь не имела большого значения для джунгаров, исторически сложилось так, что у них были налажены с ней крепкие торговые отношения. До XVI в. Сибирь управлялась монгольскими ханами, собиравшими дань мехами и другими лесными богатствами, значительная часть которых экспортировалась на юг через джунгарские земли. Быстрая экспансия москвитов в Сибирь привела к свержению этих ханов, и сбор дани в виде мехов перешел в руки русских. Хотя москвиты и не встретили сильного сопротивления при покорении Сибири, им было бы трудно защищать занятые территории от согласованных и продолжительных атак, подобных тем, которые осуществляли джунгары против своих врагов-кочевников. Договор о дружеских отношениях с джунгарами был необходим москвитам, особенно в связи с тем, что в XVII в. Россия не имела возможности покорить расположенные рядом казахские земли и Хивинское ханство. Учитывая интересы джунгаров, москвиты избегали вторжений в высокогорные степные районы, пригодные для скотоводства. Джунгаров это вполне устраивало, поскольку их политические интересы были сосредоточены в другом направлении: они стремились в Тибет, восточные оазисы, на границу Китая и в казахские степи.

К 1630-м гг. расстановка сил в регионе изменилась в пользу джунгаров, поскольку их соседи были дезорганизованы. Минский Китай стоял на краю гибели и был занят борьбой с внутренними восстаниями. Большинство восточных монголов в Южной Монголии были присоединены к маньчжурам, что привело к изоляции халха-монголов. В то же время на западе нападения джунгаров заставили казахов перейти к обороне. Наладив политические отношения с Тибетом, джунгары получили возможность распространять свое влияние через сеть буддийских монастырей, которые связывали воедино весь монгольский мир.

Имперские амбиции Батура достигли своей высшей точки во время созыва им в Джунгарию

⁸ Приводимые далее сведения о джунгарах взяты из работы Курана (Courant) *L'Asie centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles: Empire kalmouk ou empire mantchou?*, в основном базирующейся на китайских источниках и дополненной более поздними русскими исследованиями, из которых наиболее полным является: *Златкин. История джунгарского ханства (1635–1758)*. Точная хронология ранних миграций и племенной состав ойратской/джунгарской конфедерации по-прежнему остаются предметом горячих дискуссий, ср.: *Златкин. История...* С. 31–34, 147–148.

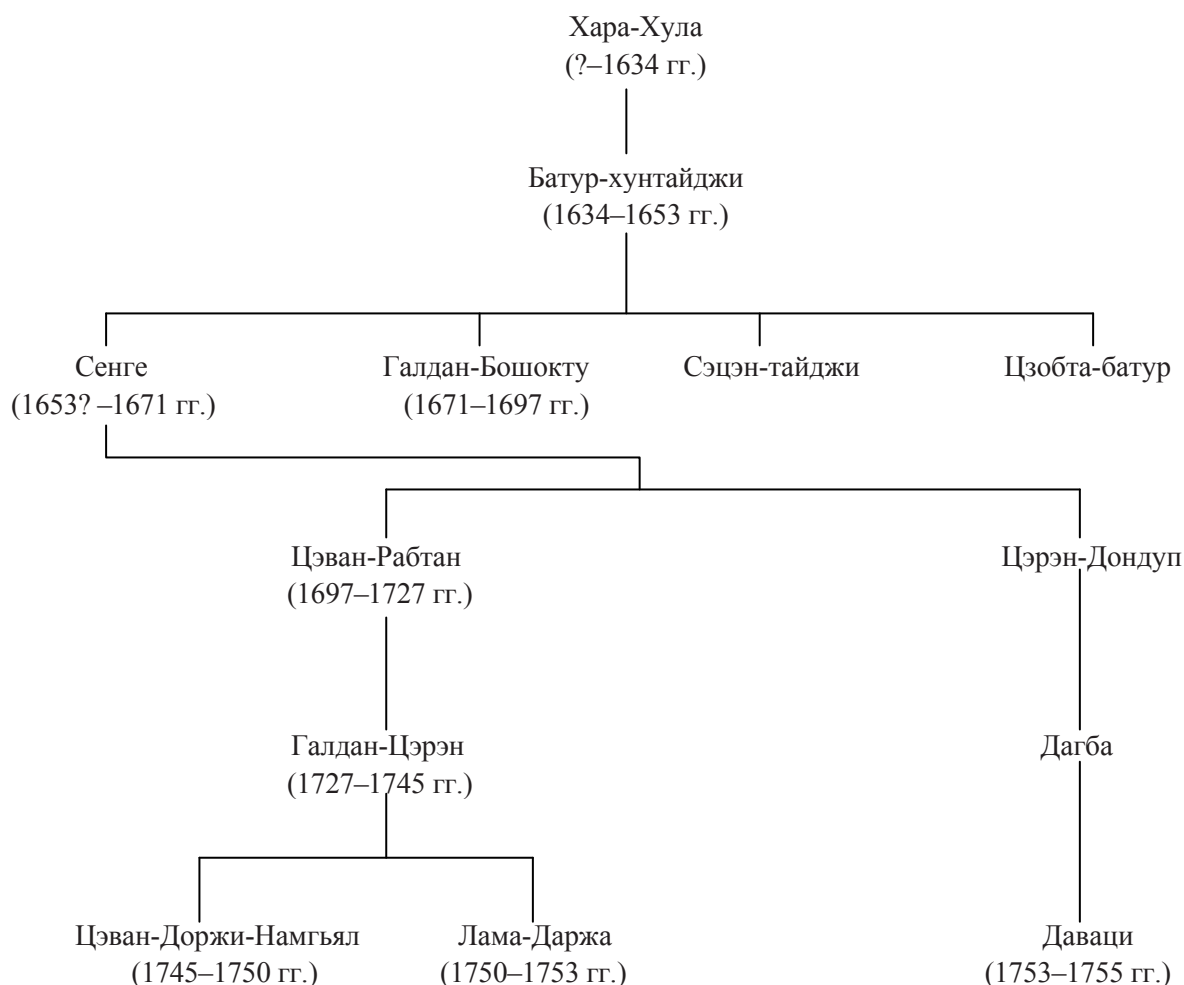
⁹ Современное урочище Кубаксары в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. — *Примеч. науч. ред.*

¹⁰ Baddeley. Russia, Mongolia, and China.

межплеменного съезда, на котором в 1640 г. было провозглашено создание всемонгольской конфедерации. На съезде присутствовали представители всех монгольских племен, даже враждебных ранее халха-монголов и далеких калмыков, за исключением монголов, находившихся под контролем Цин. Они согласились сформировать объединенную монгольскую конфедерацию, которая противостояла бы вторжениям извне и мирным путем урегулировала бы внутренние споры. Тибетский буддизм был объявлен официальной религией монголов, а практика шаманизма осуждена. Хотя подобный союз и просуществовал недолго, он показал, что джунгары стали основной силой среди кочевников Внутренней Азии. Находясь далеко от китайской границы, они могли составить серьезную конкуренцию новым маньчжурским правителям Китая в борьбе за власть над центральной частью Монголии¹¹.

После смерти Батура в 1653 г. у джунгаров начался период политической нестабильности. Сын Батура, Сенге, унаследовал престол, однако ему активно противодействовали два его единокровных брата, Сэцэн-тайджи и Цзобта-батур. Они вступили в союз с недовольным вождем хошотов и чуть было не развязали в 1657 г. междоусобную войну. Сенге добился временного успеха в 1661 г., разгромив противостоящую ему группировку хошотов. Основной проблемой внешней политики Сенге был конфликт с русскими в Сибири и Алтан-ханами в Кобдо по поводу сбора дани мехами (*ясака*) с лесных племен. Джунгары решили этот вопрос, завоевав государство Алтан-ханов в 1667 г. и вернув себе территории, утраченные ими в Северной Монголии полвека назад. В том же году Сенге атаковал русское поселение (острог) Красноярск с целью закрепить за собой право собирать дань с племен, на которые претендовала Москва (в частности, с качинцев и енисейских кыргызов).

Таблица 8.1. Наследование власти и даты правления джунгарских ханов

¹¹ Riazanovskii. Fundamental Principles of Mongol Law. P. 46–52.

Сэцэн-тайджи и Цзобта-батур попытались захватить в 1671 г. власть путем убийства Сенге, однако Галдан-Бошокту, младший брат Сенге, убил их и сам занял престол. Ранее Галдан побывал в Тибете в качестве монаха и в борьбе со своими единокровными братьями получал широкую поддержку от далай-ламы, а также от хошотов, чьи войска воевали на его стороне. Утвердившись на престоле, Галдан выступил против прежних союзников из числа хошотов и в 1676 г. убил их хана, чтобы установить над этим племенем и принадлежащими ему землями непосредственный контроль. В результате многие хошоты бежали в Ганьсу, где стали бесконечной головной болью для правительства Цин, которое было занято подавлением восстания Саньфань на юге Китая. Сразу после победы над хошотами Галдан двинулся на юг, чтобы взять под свой контроль мусульманские оазисы. Он восстановил ойратскую конфедерацию в прежнем виде, и в нее не вошли лишь торгоуты, обитавшие на берегах Волги.

Джунгары завоевали мусульманские оазисы, воспользовавшись междоусобными распрями, имевшими место в регионе. Города-государства этой области формально находились под властью древнего рода чагатайских ханов, однако наиболее влиятельными политическими фигурами в них были предводители двух соперничавших ветвей рода Махдумзада (рода накшбандийских суфиев, известных как *ходжи*, базировавшихся в Кашгаре и Яркенде). В 1677 г. чагатайский хан Исмаил выступил против суфийской элиты и принудил кашгарского ходжу Хазрата Афака бежать. Хазрат Афак обратился за помощью к Галдану, захватившему в 1679 г. расположенные по соседству оазисы Хами и Турфан, а в 1680 г. — Кашгар. Исмаил был заключен в тюрьму, и таким образом наступил конец власти последних Чингисидов в Туркестане. Галдан назначил Хазрата Афака правителем джунгарского протектората в Кашгарии, территория которого вскоре расширилась до Яркенда¹².

Джунгарская политика непрямого управления оазисными государствами имела долгую предысторию. Со времен династий Хань кочевники эксплуатировали ресурсы Туркестана, манипулируя местными правителями. И хотя в некоторых случаях этот контроль основывался на потенциальной угрозе разрушения номадами изолированных оазисных государств, в нем имелся и положительный аспект. Международную торговлю с Китаем традиционно осуществляли купцы из Туркестана, которые нуждались в охране караванных путей, а также в поддержке со стороны могущественных кочевых правителей для проникновения на китайские рынки. Использование Галданом *ходжей* в качестве политического инструмента было джунгарским продолжением этой традиции. В результате туркестанских завоеваний Галдан приобрел целый ряд выгод — налоговые поступления, резервные фонды и торговлю, не обременив себя при этом административными функциями на завоеванных землях. Назначая мусульманских духовных лиц представителями джунгарской власти, он создавал буфер между исламским населением Туркестана и монголами-буддистами из северных степей.

Экспансии, предпринятой джунгарской империей под предводительством Галдана, Китай противостоять не мог, поскольку в то время династия Цин была занята ожесточенной борьбой с У Сань-гуем и саньфаньским восстанием. Однако, хотя Кашгария и находилась вне сферы традиционных китайских интересов, завоевание джунгарами оазиса Хами создавало опасность для западных окраин провинции Ганьсу, захваченной перед этим хошотами, бежавшими от Галдана. Стремительное возвышение новой степной державы на границе Китая представляло явную угрозу для Цин. В памяти искушенных в истории маньчжуров сохранились воспоминания о том, как государство их предшественников чжурчжэней пало под ударами монгольских племен, объединенных под началом Чингис-хана, пока династия Цзинь была занята войной с империей Сун на юге.

Хотя Галдан и захватил огромную территорию, он все еще не имел контроля над центральной частью монгольских земель. Впрочем, цинская власть в этом регионе была отнюдь не прочной. Поскольку войска и внимание Цинов были сосредоточены почти исключительно на юге, маньчжуры были неспособны обеспечить контроль над Монголией и не имели достаточно сил для предотвращения там восстаний. Когда в 1675 г. чахарский князь Барни поднял восстание и двинулся на Мукден, маньчжуры были вынуждены выставить против него армию, состоявшую из поваров и слуг. К счастью для династии Цин, этот сброд смог разбить чахаров¹³.

Шестью годами позднее (в 1681 г.) Галдан попытался разжечь распри между восточными монголами, предложив союз хорчинскому князю (старейшему союзнику маньчжуров). В письме к нему он вопрошал: «Должны ли мы стать рабами тех, кем мы привыкли повелевать? Империя — это наследство наших предков»¹⁴. Хотя хорчинский князь и переслал это письмо Кан-си, угроза

¹² Akimushkin. Le Turkestan oriental et les Oirats; см. также: Akimushkin. Shah-Mahmud ibn Mirza Fadil Churas: Khronika. P. 323–324.

¹³ Hummel. Eminent Chinese of the Ch'ing Period. Vol. I. P. 305; Vol. II. P. 784.

¹⁴ Courant. L'Asie centrale. P. 50.

интересам Цин была очевидной. Она, помимо всего прочего, заключалась в том, что Галдан, ловко манипулируя связями с высшим духовенством Тибета в Лхасе, обеспечил себе влияние среди монголов-буддистов, находившихся под контролем Цин. Используя военные или религиозно-политические средства, Галдан мог перетянуть восточных монголов на свою сторону — прежде всего халха-монголов на севере.

Во времена правления Галдана Северная Монголия принадлежала племенам халха-монголов, которые были разделены на три самостоятельных ханства: Дзасакту-ханов, Тушету-ханов и Сэцэн-ханов (четвертые, кобдоские Алтан-ханы, были завоеваны джунгарами). Кроме ханств, существовало еще буддийское духовенство под руководством джебдзундамбы-хутухты — наиболее важной религиозной фигуры в Северной Монголии. С 1639 г. должность джебдзундамбы-хутухты занимали лица, принадлежавшие к линии официально признанных «перерожденцев» (*хубилганов*). Глава буддистов обладал значительным состоянием и многочисленными подданными. Хотя он и не имел подконтрольной ему территории, его могущество и богатство равнялись таковым у любого из ханов.

Экспансия джунгаров, Цин и Московского государства привела к тому, что халха-монгольские ханства оказались окруженными со всех сторон агрессивными соседями. В связи с тем что территория ханств имела стратегическое значение, она стала ареной борьбы за власть во Внутренней Азии, причем Цины старались противостоять всем остальным соперничающим державам. Для маньчжуров Монголия представляла собой оборонительный форпост, обеспечивавший защиту северной границы Китая от нападений. Власть джунгаров в этом районе угрожала интересам Цин, поскольку отсюда джунгары могли нападать на Северный Китай и перетягивать на свою сторону южных монголов, подчиненных Цинам. Захват этого региона москвитями также был неприемлем для Цин, особенно после того, как маньчжуры узнали о проникновении русских в бассейн Амура. Независимость Северной Монголии вполне устраивала Китай, но ханства были настолько раздроблены, что их шансы противостоять вторжению были минимальны.

Галдан открыто выступил против династии Цин в Монголии после конфликта, который возник между Дзасакту-ханом и Тушету-ханом. Цинский император Кан-си попытался разрешить конфликт путем переговоров, начатых в 1686 г. на межплеменном съезде, где присутствовали представители Галдана и далай-ламы. Халха-монголы согласились уладить разногласия, однако, воспользовавшись инцидентом, во время которого джебдзундамба-хутухта (брат Тушету-хана) оскорбил представителя далай-ламы несоблюдением принятого протокола, Галдан заставил более слабого Дзасакту-хана возобновить конфликт. В 1688 г. Галдан направил своего брата с небольшим отрядом джунгаров на помощь Дзасакту-хану. В ответ на эту провокацию Тушету-хан атаковал Дзасакту-хана и убил его вместе с братом Галдана. Это привело джунгаров в неописуемую ярость, и они вторглись в Монголию с тридцатитысячным войском, которое быстро разбило Тушету-хана и вынудило его бежать в Китай вместе с джебдзундамбой-хутухтой. Вслед за этим джунгары двинулись на Керулен и захватили огромное количество скота и другой добычи, вызвав бегство десятков тысяч халха-монголов в районы Южной Монголии, контролируемые маньчжурами, где Кан-си обеспечил беженцев провизией и деньгами. Теперь джунгары непосредственно противостояли маньчжурам в борьбе за власть над Монголией.

Продвижение джунгаров в Монголию создало военные и дипломатические проблемы для Цин. Цины опасались, что Галдан может вступить в военный союз с русскими против Китая. Маньчжуры уже имели конфликт с Москвой в связи с набегами казаков в Приамурье. Открытые враждебные действия имели место в 1685 и 1686 гг., когда русские строили крепость в Албазине, а цинские войска дважды сжигали ее. Неясно, собирались ли русские помочь джунгарам войсками, однако они, вероятно, поставляли последнее оружие и порох (или мастеровых для их производства). Хотя маньчжуры и доказали свое военное превосходство над русскими на Амуре, цинское правительство стремилось заключить договор с Москвой с тем, чтобы не допустить возможный русско-джунгарский союз. Цинские послы быстро достигли взаимопонимания с русскими, и в 1689 г. был подписан Нерчинский мирный договор. В обмен на обещание нейтралитета маньчжуры гарантировали русским право на торговлю и урегулировали приграничный спор в районе Амура. Стратегия Цин победила, поскольку на следующий год, когда Галдан постарался заключить союз с русским царем, его предложения были отвергнуты¹⁵.

Еще одной дипломатической целью Кан-си было добиться поддержки или хотя бы нейтралитета со стороны тибетского буддийского духовенства. «Великий пятый» далай-лама обладал огромным влиянием на всей территории Монголии, и Кан-си надеялся добиться его поддержки в вопросе об организации новых мирных переговоров между монголами. Переговоры не продвигались, поскольку «великий пятый» был мертв, хотя правивший от его имени регент¹⁶ скрывал данный факт и

¹⁵ Mancall. Russia and China. P. 146–162.

¹⁶ Сангье Гьяцо (1653–1705), позднее казненный хошотским Лацзан-ханом. — Примеч. науч. ред.

утверждал, что далай-лама пребывает в уединении. Регент не только отверг предложение Кан-си, но, будучи сторонником Галдана, убеждал цинского императора согласиться с требованиями джунгаров. В то время как Кан-си переиграл Галдана, предотвратив заключение им союза с русскими, Галдан заручился поддержкой, по крайней мере формальной, наиболее важного духовного лица в буддийско-монгольском мире.

Конечной целью дипломатических усилий Кан-си было распространение прямого контроля Цин на племена халха-монголов. Последние оставались самостоятельными до вторжения Галдана. Первоначально джебдзундамба-хутухта искал поддержки у московитов, чтобы противостоять джунгарам, однако в конце концов последовал за халха-монгольскими князьями на территорию Цин. В связи с частыми джунгарско-халхаскими войнами и уроном, нанесенным восточным монголам вторжением Галдана, союз между джунгарами и халха-монголами был маловероятен. Однако, если бы джунгары укрепили власть над Северной Монголией и предприняли шаги для примирения с халха-монголами, отношение к ним со стороны последних могло измениться. Воспользовавшись незавидным положением халха-монголов, Кан-си принял их как беженцев и в 1691 г. включил в монгольскую систему знамен. Вожди халха-монголов пошли на это в основном потому, что были запуганы Галданом. Кан-си прибыл в Долон-нор, чтобы официально признать их подданство. Халха-монголы были разделены на 32 знамени в соответствии со своей численностью и традиционным племенным делением. В отличие от знамен Внутренней Монголии халха-монголы имели только одну или две стрелы в каждом знамени. Представители племенной знати всех уровней сохранили свое прежнее положение в новой системе, получив назначение на должности предводителей знамен и стрел под контролем Цин¹⁷.

Эти дипломатические шаги показывают, что в XVII в. политическая ситуация в степи стала более сложной и многофакторной. Прежние маньчжурские династии беспокоились почти исключительно о том, чтобы поддерживать степные племена в состоянии разобщенности. Лесные районы Сибири и Амура никогда не играли существенной роли в этом взаимодействии, Тибет также не оказывал большого влияния на Монголию. Распространение власти московитов на Сибирь и включение Монголии в сферу интересов тибетского духовенства нарушили старую расстановку сил. Цинская политика на северных и западных рубежах отныне не могла ограничиваться только племенами Монголии. Чтобы проводить эффективную политику в Сибири, маньчжуры были вынуждены теперь общаться с далеким правительством России, полностью находившимся вне сферы их культурного воздействия, с правительством, отказывавшимся признавать традиционные китайские формы дипломатии. Компромиссы, на которые пришлось пойти Цин в контактах с русскими, были продиктованы необходимостью изоляции джунгаров. Участие Цин в тибетской политике было обусловлено той важной ролью, которую тибетский буддизм играл в Монголии. Буддийская церковь стала альтернативной политической организацией, которая ослабила племенные и региональные связи. Племенные вожди, такие как Галдан, использовали буддийское духовенство для распространения своего влияния на единоверцев вдоль границы Китая. Это духовенство могло стать инициатором восстания монголов, недовольных грубым обращением со стороны маньчжуров. В любом случае пограничная политика Цин все больше втягивала Китай в дела Внутренней Азии — гораздо больше, чем когда бы то ни было ранее, даже в период существования династии Юань.

Усилия Цин по обороне Монголии были неожиданно облегчены самими джунгарами, так как Галдан столкнулся с восстанием, поднятым его племянником Цэван-Рабтаном, сыном Сенге, и временно ослабил давление на Монголию. Эта междоусобная война началась как раз в тот момент, когда могущество джунгаров достигло апогея, и была типичным образцом войн за престолонаследие, погубивших многие кочевые государства. Галдан утверждал, что занимает престол на законных основаниях, ссылаясь на принцип наследования власти по боковой линии — от старшего брата к младшему. Однако джунгары часто применяли и принцип прямого наследования от отца к сыну, поэтому сыновья Сенге представляли угрозу существующей власти. Галдан убил старшего сына Сенге в 1688 г., однако младший брат убитого, Цэван-Рабтан, смог бежать вместе с небольшой группой своих сторонников. Пока Галдан воевал в Монголии, Цэван-Рабтан добился влияния в Джунгарии и организовал восстание против своего дяди. Галдан временно приостановил вторжение в Северную Монголию. Он вернулся домой в 1689 г., чтобы заняться племянником, однако оказался неспособным уничтожить его. Впрочем, тогда, по-видимому, это событие было расценено как незначительный эпизод — по сравнению с грандиозными завоеваниями в Монголии, которые Галдан возобновил на следующий год.

Во время кампании 1690 г. Галдан не встретил серьезного сопротивления в Северной Монголии и провел лето на Керулене. Затем он двинулся в Южную Монголию и был уже на расстоянии 700 ли от Пекина, когда в урочище Улан-Бутун встретился с цинской армией под командованием одного из

¹⁷ Farquhar. Ch'ing Administration of Mongolia. P. 71, 90.

братьев Кан-си. Маньчжуры, в распоряжении которых была артиллерия, предвкушали победу, однако Галдан выбрал удачную позицию для обороны и укрыл свою армию за спинами верблюдов, одетых в войлочные доспехи, которые сделали маньчжурские пушки неэффективными (хотя не ясно, сколько верблюдов выжило). Командующий цинскими войсками согласился на переговоры и заключил перемирие, по условиям которого Галдану было разрешено беспрепятственно уйти вместе с добычей. Кан-си пришел в ярость от малодушия своей армии и сместил ответственных за провал операции военачальников.

Несмотря на победы в Монголии, стратегическое положение Галдана было весьма уязвимым. Цэван-Рабтан стал проводить более активную политику в Джунгарии, лишив своего противника территориальной базы и поддержки племен. Галдан оказался в изоляции. Внутренние раздоры в разгар военной кампании против Китая исторически всегда оказывались фатальными для предводителей кочевников. Дело усугублялось тем, что Кан-си успешно включил племена халха-монголов в состав империи Цин, разрушил планы Галдана по заключению союза с русскими и готовился лично повести цинские армии против джунгаров. Галдан отошел на запад с целью восстановления своей власти в Джунгарии. Вплоть до 1694 г. он не нападал на Монголию, на сей раз из-за нехватки продовольствия, так как, по сведениям источников, в его землях свирепствовал голод. Он опять предложил союз хорчинскому князю, чтобы атаковать халха-монголов с двух сторон. Хорчинский князь передал эту информацию Кан-си, который приготовил Галдану ловушку, подговорив хорчинов согласиться с предложением джунгаров.

Зная о планах Галдана, Кан-си сформировал для борьбы с джунгарами экспедиционный корпус. Маньчжурское происхождение Кан-си отражалось в его отношении к кочевникам северной степи. Он критиковал китайских военачальников за их добровольное невежество относительно природных условий Монголии, которое привело к поражению столь многих армий:

Природные условия в северных областях можно понять, только когда путешествуешь по ним лично; во время движения ты должен обратить пристальное внимание на особенности транспортировки и снабжения. Ты не можешь просто строить догадки по этому поводу, как это делалось при династии Мин. К сожалению, даже сейчас китайские чиновники знают об этом регионе довольно мало. Генералы Боцзи и Сунь Сы-гэ во время кампании 1696 г. против Галдана думали, что достаточно будет уделить внимание военным вопросам, а вопросы снабжения переложить на кого-нибудь другого. Когда на следующий год я проезжал из Байта на север, я видел останки воинов, которые умерли от голода, находясь в составе своих армий в том походе, и приказал похоронить их близ дороги¹⁸.

Личное знакомство с природными условиями Монголии было редкостью среди китайских военачальников во времена правления национальных династий, поскольку служба на границе и знание обычаев кочевников не ценились в обществе. Опытные пограничные чиновники посылали в столицу глубокие и содержательные докладные записки, касавшиеся кочевников, но эти записки обычно игнорировались при дворе, и такие чиновники редко выдвигались на ответственные политические должности. Широкомасштабными военными кампаниями чаще всего руководили люди, сведущие скорее в дворцовой политике, чем в сложных проблемах руководства армией. За исключением нескольких императоров, таких как танский Тай-цзун или минский Юн-ло, китайские правители видели в землях к северу от границы *terra incognita* — единственный регион в Восточной Азии, который неуклонно отвергал китайские представления о мировом порядке.

Иноземные императоры гораздо лучше понимали особенности северных пограничных народов. Помимо прочего, это объяснялось тем, что они любили посещать данный регион. Кан-си с большим удовольствием участвовал в степных кампаниях, рассматривая их как прекрасную возможность отдохнуть от условностей дворцовой жизни и пекинского протокола.

Когда человек оказывается за пределами Великой стены, воздух и земля обновляют его дух: человек сходит с проторенной дороги и вторгается в дикую страну; видит горы, густо покрытые лесами, «зелеными и плотными, как стоящие хлеба». По мере того как он продвигается на север, перед ним открываются все новые виды, его глаза охватывают сотни верст, вместо чувства скованности появляется ощущение свободы¹⁹.

Весной 1696 г. Кан-си стремительно двинул цинскую армию на север и принялся преследовать Галдана, вероятно, опираясь на разведывательные данные, полученные от Цэван-Рабтана, который направил свои войска на восток. Застигнутый врасплох, Галдан ускользнул от первой колонны имперских войск, но тут же попал в ловушку ко второй в районе Чжао Модо. Здесь войска Галдана были уничтожены, а многие из тех, кто выжил, присоединились к Цэван-Рабтану. Сам Галдан бежал вместе с небольшой группой своих сподвижников на Алтай. На следующий год Кан-си продолжил его преследование. Эта экспедиция больше напоминала охоту, чем войну, и закончилась

¹⁸ Spence. Emperor of China. P. 13.

¹⁹ Ibid. P. 8.

самоубийством Галдана. Воспользовавшись своим присутствием в западных землях, Кан-си снова взял под контроль Хами.

В поражении Галдана часто видят закат джунгарской империи. На самом деле это было не так. Успех Кан-си, во многом обусловленный его полководческим талантом, не был бы столь решительным без помощи Цэван-Рабтана, который изолировал Галдана и лишил его поддержки со стороны джунгарских войск. После битвы в Чжао Модо Цэван-Рабтан занял господствующее положение в Западной Монголии и не дал Галдану оправиться от поражения. С точки зрения джунгаров, Цэван-Рабтан просто манипулировал маньчжурами и воспользовался их помощью в междоусобной войне против своего дяди. Джунгарская империя вовсе не была разрушена и сохранила внутреннюю структуру. Кан-си не предпринимал попыток завоевать ее.

После смерти дяди Цэван-Рабтан был признан бесспорным правителем джунгаров. Заклучая соглашение с маньчжурами в интересах свержения дяди, Цэван-Рабтан следовал политике, напоминающей стратегию внутренней границы, когда слабейшая из сторон во время междоусобной войны в степи искала союза с Китаем для уничтожения своего соперника. Такие союзы обычно заключались, когда слабейшая из партий оттеснялась непосредственно к границам Китая и официально подчинялась ему, получая в обмен на это субсидии, право торговать и, в некоторых случаях, военную помощь. Такое взаимодействие с Китаем не обязательно означало реальное подчинение, и кочевники часто разрывали вассальные отношения после окончания междоусобной войны. Цэван-Рабтан никогда не вступал в официальный союз с Китаем, однако он, подобно прежним кочевым правителям, использовал вооруженные силы Китая для завершения междоусобной войны в степи. За свою победу он заплатил утратой Северной Монголии к востоку от Алтая, которая отныне находилась под непосредственным контролем Цин.

Даже после побед Кан-си угроза Северной Монголии со стороны джунгаров оставалась одной из главных проблем цинской пограничной политики, поскольку маньчжуры рассматривали эту территорию как базовую линию своей обороны. Они заставляли халха-монголов выделять людей для охраны ключевых участков границы, сохранять постоянную боеготовность и поддерживать систему почтовой связи с перекладными лошадьми, которая обеспечивала быструю доставку новостей с границы прямо в Пекин. Такие меры предосторожности были оправданны, поскольку цели Цэван-Рабтана были схожи с целями Галдана: он намеревался вернуть себе Северную Монголию, создав стратегические условия, необходимые для отделения халха-монголов от цинской империи.

Конфликт между джунгарами и Цин по поводу Северной Монголии вылился в позиционное противостояние. Джунгары старались занять настолько выгодную стратегическую позицию, чтобы Монголия сама упала к их ногам. Нападения, сражения, действия политиков — все было направлено на достижение контроля над Монголией, однако настоящих, действительных сражений в самой Монголии было немного. Значительное влияние на положение дел в ней оказывали события в Тибете, Туркестане и Сибири. Цин пыталась противостоять комплексной угрозе, вмешиваясь в политические процессы, происходящие далеко за пределами Монголии, и не позволяя джунгарам добиться стратегического преимущества. Подобно двум мастерам-шахматистам, Цэван-Рабтан и Кан-си часто были озабочены скорее шагами своего противника, чем достижением немедленного результата.

Цэван-Рабтану приходилось уделять внимание не только восточному, но и западному фронту. Здесь его соперниками были казахи — большая кочевая конфедерация, сложившаяся в широкой степной полосе между озером Балхаш и рекой Урал к северу от Каспийского моря. В конце XVI в. казахи продвинулись на юг и захватили города Ташкент и Туркестан у узбеков — народа, в значительной своей части перешедшего к оседлости. Туркестан стал столицей казахских ханов, стоявших во главе союза трех довольно самостоятельных орд (*жузов*). Центром конфликта между джунгарами и казахами длительное время был вопрос о контроле над долиной реки Или, где Цэван-Рабтан собирался построить столицу. Этот территориальный спор подогревался резкими религиозными противоречиями между буддистами-джунгарами и мусульманами-казахами.

Поражение Галдана от Цин было радостной новостью для казахов, которые продемонстрировали презрение к джунгарам, убив их послов и захватив торговые караваны. В 1698 г., через год после захвата власти, Цэван-Рабтан ответил на этот вызов, нанеся казахам сокрушительное поражение. Однако, несмотря на то что джунгары постоянно побеждали казахомусульман на западе (так же, как их предшественники ойраты начиная со времен Эсэна), они не обнаруживали большого интереса к расширению своих владений в западном направлении. Для кочевых империй, ориентированных на Китай, Западный Туркестан всегда представлялся второстепенной целью. После завоевания он неизменно отделялся и образовывал самостоятельную государственную единицу, как это происходило во времена Первой Тюркской империи или после смерти Чингис-хана. Традиционно ориентированные на Китай империи редко распространяли

свою власть западнее хребтов Тянь-Шаня и Памира. Джунгары организовывали военные походы на запад только в ответ на провокации казахов или в том случае, если на границе с Китаем складывалось совершенно безвыходное положение.

После казахской кампании Цэван-Рабтан в основном поддерживал мирные отношения с соседями. Он не имел достаточной военной силы, чтобы открыто выступить против Монголии. Таким образом, его целью было увеличение политического и экономического могущества джунгаров. Согласно сведениям китайских источников, под властью Цэван-Рабтана находилось около 600 000 кочевников, или 200 000 юрт²⁰. Выгодное географическое положение позволяло им использовать древние караванные трассы для торговли с Индией, Китаем, Тибетом и Россией. Большинство торговцев, использовавших эти трассы, были не джунгарами, а тюрками-мусульманами из оазисов (русские обычно называли их «бухарцами», хотя они не обязательно являлись выходцами из Бухары). Джунгарский контроль над торговыми путями давал купцам большие преимущества. Джунгары защищали «бухарцев» от произвола со стороны соседних государств и сократили пошлины на торговлю сибирскими мехами, рабами и солью. Пользуясь защитой джунгаров, купцы платили пошлину в размере 1/20 от общей стоимости товара, тогда как русские власти, например, требовали со своих купцов уплаты 1/10 части стоимости; купцы, действовавшие от имени джунгарского хана, пошлин не платили вовсе. Джунгарские торговцы также поставляли китайские товары в Россию и другие страны. Мирные отношения с соседями несомненно способствовали росту караванной торговли. Получив контроль над торговыми путями, Цэван-Рабтан мог богатеть, не прибегая к военным вторжениям с целью грабежа²¹.

Помимо обложения налогом подчиненных джунгарам городов-государств, Цэван-Рабтан увеличил число ремесленников и земледельцев в степи, вывозя их из оазисов, расположенных на юге. Ремесленники, прикрепленные к джунгарским поселениям, производили ткани и железо. За счет пастбищ были расширены сельскохозяйственные угодья в долине реки Или. Русские посланники были поражены увиденными полями пшеницы, проса и риса, а также большим разнообразием фруктов. Развитию аграрного сектора всегда препятствовали скорее политические, нежели природные обстоятельства. Вложения в сельское хозяйство всегда были рискованным делом в связи с возможностью нападения кочевников: однажды уничтоженное, оно не могло быстро восстановиться. Однако, когда имела сильная централизованная власть, контролировавшая степные районы, сельское хозяйство могло процветать. Джунгары также увеличили возможности производства железа и тканей²².

Цэван-Рабтан, организуя военные кампании против Цин, хорошо понимал, что джунгары смогут завоевать Монголию и отбить все последующие контратаки маньчжуров лишь при условии, если тамошние монгольские племена займут сторону джунгаров или по крайней мере будут сохранять нейтралитет. Это объяснялось тем, что маньчжуры весьма зависели от монгольских войск в деле охраны границы во Внутренней Азии, так как именно монголы обеспечивали Цин конницей, необходимой для эффективного ведения войны в открытой и пустынной степной зоне. Цинский двор осознавал потенциальную угрозу со стороны монголов и уделял особое внимание контролю над ними в рамках системы знамен. Для достижения успеха Цэван-Рабтану необходимо было проводить эффективные военные кампании и наступательную внешнюю политику, чтобы получить поддержку со стороны племен, находившихся под властью Цин. Самым эффективным способом заручиться их поддержкой было установление контроля над тибетской церковью, которая распространила свое влияние во всем монгольском мире.

Политическое значение буддизма как связующего звена между Тибетом и монголами начало возрастать еще во времена Юань, но только в эпоху поздней Мин эта религия широко распространилась в степи. Наиболее важным политическим событием в процессе «буддизации» стало обращение в 1578 г. в буддизм Алтан-хана. Он был стойким последователем далай-ламы и школы гелугпа (известной также как «желтошапочники»), помогая ее приверженцам занять лидирующее положение по отношению к другим конкурирующим направлениям тибетского буддизма. «Желтошапочники» отвечали ему взаимностью и тесно связали свою судьбу с монголами, признав в 1601 г. правнука Алтан-хана четвертым далай-ламой. Школа гелугпа достигла вершины своего могущества под руководством «великого пятого» далай-ламы (1617–1682 гг.), который был возведен в ранг верховного религиозного и светского правителя Тибета в 1642 г., после того как хошоты под предводительством хана Гушри сместили последнего тибетского царя. Исполнение обязанностей главы светской власти в значительной степени осуществлялось регентом, который обладал широкими полномочиями и имел резиденцию в Лхасе. Богатства монголов текли в Тибет в виде пожертвований на строительство монастырей и поддержку духовенства. Буддизм стал основной

²⁰ *Courant*. L'Asie centrale.

²¹ *Mancall*. Russia and China. P. 210.

²² *Courant*. L'Asie centrale. P. 67.

религией всего монгольского мира. Тибетские тексты были переведены на монгольский язык, и во многих местах были построены монастыри, ставшие новыми центрами власти, ослабившими племенные различия. Тибетское духовенство играло ключевую роль в монгольской политике, так же как монгольские богатства и военная сила имели решающее значение для Тибета.

Во время правления Галдана джунгары и маньчжуры ожесточенно боролись за поддержку со стороны далай-ламы. Первоначально в этом противостоянии победил Галдан, благодаря тесным связям с религиозным руководством в Лхасе. Однако после его смерти Кан-си попытался привести к власти в Тибете лояльного Китаю правителя. Он способствовал заговору, организованному хошотским Лацзан-ханом (внуком Гушри), который захватил власть и в 1705 г. сверг регента, формально связав Тибет союзным договором с двором Цин. Лацзан-хан оказался в центре религиозно-политического скандала, когда сместил шестого далай-ламу и возвел на его место молодого человека, который, по слухам, являлся его собственным сыном²³. Поскольку далай-лама был официально признанным перевоплощением своего предшественника, большинство тибетцев посчитали такие действия противозаконными. Цинский двор приказал сослать далай-ламу в Китай, однако по дороге он умер. Вскоре в Восточном Тибете выступила оппозиция, которая провозгласила настоящим перевоплощением и преемником умершего шестого далай-ламы маленького мальчика. Лацзан-хан был поставлен в затруднительное положение, поскольку наиболее ярыми сторонниками юного далай-ламы были хошоты из области Кукунор. Они открыто объявили себя противниками Лацзан-хана и укрыли новопровозглашенного далай-ламу в 1714 г. на своей территории. В ситуацию вмешались маньчжуры, которые потребовали, чтобы ребенок был направлен в Пекин, однако хошоты отказались сделать это. Опасаясь восстания и возможного захвата хошотами Тибета, Кан-си двинул против них войска. Сражение не состоялось, и в качестве компромиссного решения ребенок был помещен в монастырь Кумбум, находившийся под охраной маньчжуров²⁴.

Эта запутанная история дала Цэван-Рабтану шанс расстроить пограничную политику Цин. Пользуясь разногласиями, возникшими по вине Лацзан-хана в Тибете и среди монголов, он намеревался захватить Тибет и возвести юного седьмого далай-ламу на престол в Лхасе. Это привело бы к получению джунгарами поддержки от кукунорских хошотов и тибетского духовенства. Обосновавшись в Тибете, джунгары могли бы свободно атаковать Северную Монголию с двух сторон и использовать буддийскую церковь для борьбы с Цинами.

Цэван-Рабтан начал строить свои планы, как только стало известно о раздорах среди хошотов. Активные боевые действия развернулись в 1715 г., когда джунгары атаковали Хами. Они не смогли захватить город — не в последнюю очередь потому, что Кан-си усилил оборону региона в связи с опасностью восстания хошотов. Джунгарское нападение имело две цели: проверить оборону маньчжуров на линии ее самых отдаленных форпостов и отвлечь внимание от Тибета, где джунгары планировали начать свое основное наступление. В 1717 г., после того как главные монастыри Тибета согласились помочь джунгарам в борьбе с Лацзан-ханом, джунгарское войско численностью в 6000 человек под командованием Цэрэн-Дондупа выступило из Хотана в направлении Лхасы. Трудный путь через Северо-Западный Тибет был выбран для того, чтобы нападение было внезапным. Джунгары также отправили 300 вооруженных всадников к монастырю Кумбум, чтобы освободить седьмого далай-ламу и возвести его на престол в Лхасе.

Основные силы джунгаров благополучно прошли через Тибет, однако налет на Кумбум провалился. Цэрэн-Дондуп решил продолжить начатую акцию, несмотря на неудачу. Он выиграл несколько сражений и захватил Лхасу. Лацзан-хан был убит. Значение этой победы оказалось не столь внушительным из-за того, что тибетцы были недовольны отсутствием далай-ламы, которого джунгары обещали возратить на престол, но не смогли выполнить свое обещание. Цэрэн-Дондуп вскоре был вынужден поддерживать свою власть силой оружия. Его войска ограбили Лхасу и ряд монастырей, что привело к многочисленным жертвам среди местного населения.

Маньчжуры были встревожены падением своего ставленника в Тибете. В ответ они в 1717 г. атаковали джунгарскую территорию, но большого успеха не достигли. В следующем году Кан-си отправил семитысячную армию для нападения на джунгаров в Тибете. Цэрэн-Дондуп уничтожил это войско, хотя и сам понес тяжелые потери. В 1720 г. джунгары столкнулись с новой волной агрессии Цин, когда Кан-си приказал двум армиям — из Сычуани и Кукунора — выступить в западном и южном направлениях соответственно. Войска из Сычуани беспрепятственно прошли маршем на Тибет, готовясь захватить Лхасу, так как джунгары в этот момент отступили на север, чтобы противостоять армии, шедшей из Кукунора. Цинская армия состояла в основном из хошотов и прочих монголов, собственно маньчжурских войск в ней было немного. Кан-си заручился поддержкой своих монгольских подданных, согласившись восстановить на престоле в Лхасе

²³ Т. е. молодого ламу Нгаванга Еше Гьяцо (1681–1717). — *Примеч. науч. ред.*

²⁴ В работе Петеча (Peteck) *China and Tibet in the Eighteenth Century* можно найти подробное описание всего этого исторического периода, базирующееся как на китайских, так и на тибетских источниках.

седьмого далай-ламу. По иронии судьбы это обеспечило цинскому двору политическое преимущество, которого первоначально добивались джунгары. Чтобы предотвратить отправку джунгарами подкреплений Цэрэн-Дондупу, еще две армии были использованы для атаки против Цэван-Рабтана. После столкновения с южной армией Цэрэн-Дондуп дал приказ об отступлении, и остатки джунгарских войск повернули домой. Маньчжуры вошли в Лхасу вместе с седьмым далай-ламой и установили протекторат над Тибетом.

С уходом джунгаров из Тибета во Внутренней Азии воцарилось полное скрытой враждебности затишье, поскольку Цэван-Рабтан лишь поджидал благоприятный момент, чтобы нанести Цин ответный удар. События на границе Джунгарии и России открыли для него новые возможности. Петр Великий от российских послов узнал, что в Яркенде находятся месторождения золота, и в 1715 г. отправил вооруженную экспедицию для обнаружения и разработки месторождений²⁵. К несчастью, экспедиция прибыла в Джунгарию как раз в тот момент, когда Цэван-Рабтан подготовил войска для нового нападения на границу Цин. Русские были изгнаны. В 1719 г. для исследования озера Ямыш²⁶ прибыла новая экспедиция. Галдан-Цэрэн, сын Цэван-Рабтана, наголову разбил русских, несмотря на преимущество последних в огнестрельном оружии²⁷.

Цэван-Рабтан был не против соглашения с русским царем. Заинтересованность русских в добыче золота могла создать основу для взаимовыгодного сотрудничества, направленного против Китая, которое помогло бы джунгарам восстановить свое могущество после поражения в Тибете. После завершения предварительных переговоров к царю с официальным предложением в 1721 г. был направлен джунгарский посол. Он предложил открыть для русских золотоискателей свободный доступ на территорию Джунгарии в обмен на заключение антиманьчжурского союза. Петр в принципе был согласен с этим предложением и предложил джунгарам военную и иную помощь в обмен на официальное подчинение их России и право вести разработку золота на их территории. Цэван-Рабтан нуждался в союзе с русскими для того, чтобы остановить новое продвижение Цин в Туркестане, поскольку в 1722 г. Китай захватил Урумчи. Несмотря на имеющуюся угрозу со стороны Китая, некоторые джунгары были противниками союза с русскими на том основании, что подчинение, которого требовал царь, было неприемлемо. Неизвестно, однако, было ли такое условие чем-то большим, чем простой формальностью. Рабтан, конечно, не обнаружил никакого желания поступиться независимостью. Исторически так сложилось, что в Китае и в России существовала традиция требовать от кочевников официального подчинения в качестве предварительного условия для установления с ними дипломатических отношений, даже если на практике это условие не выполнялось. Монголы и другие степные народы были искушены в вопросах признания формы и отрицания содержания в тех случаях, когда им это было выгодно. Споры по поводу союза с Россией продолжались, когда в Джунгарию дошла весть о кончине Канси²⁸.

Смерть маньчжурского императора-долгожителя в декабре 1722 г. изменила политическую обстановку во Внутренней Азии. Принц Инь-ди, которого прочили в преемники, в это время руководил военной кампанией против джунгаров и, находясь вдали от столицы, был вынужден уступить престол своему брату, ставшему императором Юн-чжэном. Будучи квази-узурпатором, Юн-чжэн не желал, чтобы его брат продолжал успешную военную кампанию, опираясь на закаленные в боях войска. Поэтому он склонил на свою сторону некоторых соратников Инь-ди, чтобы внести раскол в пограничную армию Цин. Вслед за этим он отозвал Инь-ди и вывел цинскую армию из региона. Воспользовавшись сложившейся обстановкой, восстали хошоты. Цинские войска вернулись и безжалостно подавили восстание, а область Кукунора была официально присоединена к империи.

Цэван-Рабтан оказался не способен восстановить контроль над кукунорскими монголами, поскольку восстание не было скоординировано, а джунгары были заняты войной с казахами на западе. В этой кампании джунгары доказали, что они все еще представляют значительную силу во Внутренней Азии. Они успешно атаковали города Ташкент и Туркестан и раскололи казахов на три группы. Власть джунгаров распространилась на Западный Туркестан и степные территории вплоть до озера Баркуль. Некоторые предводители казахов из Большой и Средней Орды, так же как и многие киргизы, признали власть джунгаров. Цинский двор был настолько занят внутренними проблемами, что предложил джунгарам перемирие, которое было подписано в 1724 г. Этим шагом

²⁵ Имеется в виду экспедиция подполковника И. Д. Бухгольца 1715–1716 гг. — *Примеч. науч. ред.*

²⁶ Ямыш (ныне Калатуз) — соленое озеро на территории Павлодарской области Казахстана, в прошлом крупный соледобывающий район. В настоящее время соль в озере не добывается. — *Примеч. науч. ред.*

²⁷ Речь идет, видимо, об экспедиции подполковника И. М. Лихарева, которая состоялась в 1720 г. (ей предшествовали несколько экспедиций 1719 г.). В августе 1720 г. на Черном Иртыше отряд Лихарева был атакован калмыками Галдан-Цэрэна, однако после заключения с ними перемирия вернулся в Тобольск. — *Примеч. науч. ред.*

²⁸ *Mancall. Russia and China. P. 211–215.*

китайцы непреднамеренно сорвали заключение русско-джунгарского союза. После победы над казахами и заключения перемирия с Китаем джунгары уже не столь пристально интересовались переговорами с русскими. Интерес к ним со стороны России также пропал после смерти Петра Великого в 1725 г.

Цэван-Рабтан умер в 1727 г., преемником стал его сын — Галдан-Цэрэн. Цинское правительство восприняло эту смерть как шанс вернуться к политике противостояния с джунгарами, поскольку его внутренние проблемы с передачей власти к тому времени уже были решены. Перед тем как начать войну с джунгарами, Юн-чжэну было необходимо нейтрализовать русских, имевших много претензий к Нерчинскому договору. (Именно упадок караванной торговли и сложности во взаимоотношениях с Китаем заставили Петра Великого думать о разрыве отношений с маньчжурами и союзе с джунгарами.) Подписанием широкомасштабного Кяхтинского договора в 1728 г. Цин разрешила многолетние споры с Россией и создала основу для русско-китайских отношений на последующие 100 лет. Эти договоры определили линию монгольской границы, обеспечили установление дипломатических отношений между двумя империями и способствовали развитию регулярной торговли. Как и при заключении Нерчинского договора, к новому соглашению маньчжуров подтолкнуло желание изолировать джунгаров²⁹.

Несмотря на существовавшую при дворе оппозицию, которая не одобряла дорогостоящие военные действия на границе, для борьбы с джунгарами были снаряжены две армии. Северная базировалась в горах Алтая, южная — в Хами. Набеги и взаимные дипломатические выпады начались в 1730 г. В следующем году джунгары, устроив небольшую провокационную атаку, выманили северную армию из ее форпоста в Кобдо. Попавшись на крючок одного из древнейших тактических приемов степных кочевников — ложного отступления, командующий цинской армией неожиданно оказался перед лицом огромной джунгарской военной машины. Кочевники уничтожили северную армию, которая потеряла 4/5 своего личного состава. Маньчжуры покинули Кобдо, а на юге в связи с угрозой джунгарского наступления был оставлен Турфан³⁰.

Это поражение пробило брешь в северной линии обороны маньчжуров и позволило джунгарам напрямую атаковать Монголию. Они пересекли Алтайские горы, ограбили халха-монголов и уничтожили крепости Цин. В связи с тем что халха-монголы уже длительное время были вынуждены отдавать рекрутов для охраны границы, содержать войска, дислоцированные в Монголии, и поставлять цинской армии лошадей, их лояльность по отношению к династии была довольно сомнительной. Только организованное сопротивление Сайн-Ноян-хана (Цэрэна) не позволило джунгарам полностью опустошить Северную Монголию. Джунгары снова вторглись в Монголию в 1732 г., однако в ожесточенной битве при Эрдэни-цзу Цэрэн остановил их натиск. Джунгары, однако, отступили без значительных потерь, поскольку остальные цинские военачальники не сделали ничего, чтобы оказать им сопротивление. Тем не менее маньчжуры отвоевали Улясутай, и война вступила в стагнационную фазу, во время которой стороны обменивались предложениями о мире. Военные расходы и растущая непопулярность войны среди северных монголов, которые несли на себе ее основную тяжесть, вынуждали Цин искать какое-то новое решение. Однако мирное соглашение было подписано лишь в 1739 г., в начале правления императора Цянь-луна. Согласно ему, границей между джунгарами и халха-монголами становились горы Алтая и озеро Убса-Нур. Этот договор обеспечил двадцатилетний период мира на границе.

В 1745 г. Галдан-Цэрэн умер. Хотя его заграничные походы и окончились неудачей, джунгарское государство продолжало оставаться жизнеспособным, могущественным, процветающим и готовым отразить агрессию как России, так и Китая. Наибольшую угрозу для джунгаров, однако, представляли внутренние распри, которые подрывали их могущество.

Преемником Галдан-Цэрэна стал его второй сын — Цэван-Доржи-Намгьял. Он оказался дурным и неумелым правителем, быстро восстановившим против себя джунгарскую знать. Он был смещен в 1750 г., ослеплен и сослан в Аксу. Следующим правителем стал популярный в народе первый сын Галдан-Цэрэна, хотя и рожденный от наложницы, — Лама-Даржа. Это событие вновь породило споры по поводу наследования по боковой линии. Давацзи, внук Цэрэн-Дондупа, предпринял попытку захватить престол в 1751 г., оправдывая свои действия тем, что его дед был братом Цэван-Рабтана. Лама-Даржа легко разгромил Давацзи, и тот был вынужден бежать к казахам, преследуемый по пятам огромной джунгарской армией. Среди сподвижников Давацзи был предводитель хойтов Амурсана, который избежал разгрома, а затем собрал отряд из 1000 своих соплеменников и вторгся в долину Или. Он внезапно атаковал Лама-Даржу и убил его. В результате Давацзи получил возможность вернуться на родину в качестве правителя джунгаров.

Эти заговоры, междоусобные войны, убийства и политические интриги разрушили единство джунгаров. Как и другие степные империи, джунгарское государство представляло собой имперскую

²⁹ Ibid. P. 249–255.

³⁰ Ср.: Parker. Manchu relations with Turkestan. P. 105–118.

конфедерацию с централизованным руководством, отвечавшим за внешние сношения, торговлю, войну и внутреннюю безопасность. На местном уровне потомственные племенные вожди руководили рядовыми кочевниками и были инкорпорированы в имперскую иерархию. В нормальных условиях имперское правительство удерживало вождей в повиновении, однако в период общеимперской нестабильности местные лидеры часто действовали самостоятельно и руководствовались собственными интересами — до тех пор, пока по всей империи не восстанавливался порядок. После падения централизованной власти в Джунгарии в 1750 г. местные вожди поступали так, как им было выгодно, отказываясь выполнять приказы имперского правительства или уходя на подконтрольную Цин территорию. Маньчжурские пограничные военачальники сообщали о прибытии в Китай крупных джунгарских вождей вместе с их племенными подданными. Даже Амурсана вместе с 20 000 хошотов в 1754 г. перешел к Цинам после неудачного сражения с Даваца.

Дезертирство и беспорядки внутри Джунгарии предоставили Цянь-луну удобный шанс завершить завоевания, начатые его дедом Кан-си. В 1755 г. он подготовил новую джунгарскую кампанию, в которой в качестве ключевых фигур использовал перебежчиков вроде Амурсаны. Чтобы еще более укрепить свое политическое положение, Цянь-лун обещал каждому из четырех основных джунгарских племен сохранить за ним его коренные земли и племенных вождей. В отличие от прежних военных кампаний Цин, на этот раз маньчжурская армия двинулась в Джунгарию, не встречая серьезного военного сопротивления, поскольку большинство джунгаров предпочли перейти на сторону противника, а не сражаться за Даваца. Последний был схвачен и выслан в Пекин, где его содержали с княжескими почестями. Столь легкое завоевание, казалось, свидетельствовало о том, что джунгары больше не представляли серьезную угрозу интересам Цин во Внутренней Азии. Цянь-лун быстро вывел большую часть экспедиционных сил из Джунгарии и вернулся в Китай.

Поражение Даваца было обусловлено, однако, скорее политическими причинами и междоусобной войной в Джунгарии, чем могуществом Цин. Амурсана и другие перебежчики не намеревались отказываться от империи. Следуя стратегии внутренней границы, Амурсана использовал богатство и военную мощь Китая, чтобы выиграть в междоусобной войне, подобно тому как Цэван-Рагтан использовал их для уничтожения Галдана. Как только основные военные силы Цин покинули территорию Джунгарии, Амурсана потребовал, чтобы его признали верховным правителем джунгаров. Когда цинский двор отказал ему, Амурсана поднял восстание и создал собственную конфедерацию, состоящую из хойтов и чоросов. Цянь-лун в 1756 г. нанес ответный удар. Вновь пообещав племенным вождям сохранить за ними их должности, он направил огромные армии для повторного захвата долины Или и вынудил Амурсану бежать к казахам. После восстановления власти Цин Цянь-лун снова вывел маньчжурские армии, оставив лишь маленький гарнизон для наблюдения за колонизацией долины Или. Спустя несколько месяцев джунгары восстали, причем под предводительством тех самых местных начальников, которых назначил Цянь-лун. Амурсана вновь встал во главе восставших.

Завоевания, первоначально осуществленные благодаря счастливому стечению обстоятельств, превратились в сложную пограничную проблему для Китая. Вывод маньчжурских войск позволил джунгарам реорганизоваться, но он был необходим, так как содержание на территории Джунгарии большой армии могло спровоцировать восстание халха-монголов, разоренных дорогостоящими кампаниями во Внутренней Азии и вынужденных обеспечивать цинскую армию солдатами и продовольствием. Чтобы начать войну с джунгарами, Цянь-лун проводил реквизиции халха-монгольского скота по цене много ниже его фактической стоимости. Халха-монголы обязаны были также направлять солдат для охраны пограничных укреплений и поставлять провиант в армию. Все это порождало недовольство, которое достигло своей критической точки в период последних джунгарских войн. В 1756–1757 гг., когда ситуация в области Или стала особенно острой, халха-монгольский князь Чингунжаб поднял восстание против военного и экономического притеснения со стороны Цин. Восставшие не координировали свои действия с Амурсаной, неудачно действовали на территории самой Монголии и вскоре были разгромлены. Тем не менее поспешный вывод цинских войск с территории Джунгарии, которая еще не была полностью умиротворена, и попытки создать структуру непрямого управления джунгарами через представителей лояльной по отношению к маньчжурам знати были вызваны необходимостью закончить военную операцию, пока в Монголии не начались еще более серьезные трудности³¹.

Последняя военная кампания против джунгаров была начата в 1757 г. На этот раз успеху цинских войск способствовала межплеменная смута и, что еще важнее, эпидемия оспы, которая, по дошедшим до нас сведениям, привела к гибели примерно половины всего населения

³¹ Bawden. The Mongol rebellion of 1756–1757. P. 1–31.

Джунгарии. Амурсана вновь бежал к казахам, а затем перешел на русскую территорию, где также умер от оспы. Цинская армия под предводительством генерала Чжао-хуэя проводила политику поголовного истребления неприятеля. Чжао-хуэй преследовал и убивал почти всех джунгаров, которых ему удавалось обнаружить. Лишь несколько их групп были депортированы в Маньчжурию. Те джунгары, которые все-таки уцелели, получили в пользование пастбищные земли в долине Или и находились под жестким контролем со стороны маньчжуров. В довершение своей победы Цянь-лун запретил упоминание даже имени джунгаров.

Завоевание джунгаров положило конец истории кочевых империй. В дальнейшем конфликты во Внутренней Азии стали происходить между двумя могущественными оседлыми державами — Россией и Китаем. Окончилась борьба, продолжавшаяся 2000 лет. Это не было следствием простого военного преимущества Цинов. Рухнула сама система, обеспечивавшая возникновение, сохранение и выживание кочевых государств. Изменения в мировой экономике, усовершенствование средств транспорта и связи, а также упадок имперской структуры в самом Китае привели к быстрому исчезновению прежних форм международных отношений. Мир степного кочевника перестал быть его безраздельным владением.

Указатель основных имен

Важнейшие племена на степной границе

Джунгары

Западные монголы на Алтае и в долине Или
Потомки и преемники Эсэна (конфедерация Дёрбен-Ойрат)
Включали в себя племена чоросов, дёрбетов, хошотов и торгоутов
Главные кочевые противники династии Цин
Уничтожены в середине XVIII в.

Казахи

Тюркские кочевники-мусульмане
Населяли большую часть западноевразийской степи в XVI–XX вв.
Часто подвергались нападениям джунгаров

Маньчжуры

Новое название лесных чжурчжэньских племен
Составили основу военной знати династии Цин

Тумэты

Южное монгольское племя в XVI–XX вв.
Потомки и преемники Алтан-хана

Халха-монголы

Монгольские племена в Северной Монголии во времена династии Цин
Их земли были ареной противостояния Цин и джунгаров

Чахары

Южное монгольское племя
Представляло старшую линию Чингисидов в XVI–XX вв.
Оказывало сопротивление власти маньчжуров на раннем этапе

Ключевые фигуры истории племен, иноземные правители, религиозные лидеры

Галдан-Бошокту

Джунгарский правитель (1671–1697 г.)
Захватил Северную Монголию
Разгромлен Кан-си в ходе нескольких степных кампаний

Галдан-Цэрэн

Джунгарский правитель (1727–1745 гг.)
После его смерти начался распад империи

Далай-лама

Представитель линии буддийских «перерожденцев» в Тибете
Одновременно глава школы гелугпа и правительства Тибета
«Великий пятый» (1617–1682 гг.) далай-лама — ключевая фигура в политической жизни Внутренней Азии
Джебдзундамба-хутухта

Высшее буддийское духовное лицо в Северной Монголии в эпоху Цин

Цэван-Рабтан

Джунгарский правитель (1697–1727 гг.)

Захватил власть у своего дяди Галдана

Боролся с Цин за контроль над Внутренней Азией

Цэрэн-Дондуп

Джунгарский военачальник, вторгшийся в Тибет в 1717 г.

Брат Цэван-Рабтана

Династии в Китае

Цин (1644–1912 гг.)

Ключевые фигуры китайской истории

Доргонь

Маньчжурский правитель из императорского рода (1612–1650 гг.)

Кан-си, император

Маньчжурский император Китая (правил в 1661–1722 гг.)

Включил в состав Китая Северную Монголию

Боролся против Галдана

Подавил восстания в Китае

У Сань-гуй

Минский пограничный военачальник, перешедший на сторону маньчжуров в 1644 г.

Правил большей частью Южного Китая в качестве вассала маньчжуров

В 1674 г. возглавил неудачное восстание, едва не сокрушившее династию Цин

Цянь-лун, император

Маньчжурский император Китая (правил в 1736–1796 гг.)

Уничтожил Джунгарское государство и самих джунгаров

Включил в состав Китая Восточный Туркестан и долину реки Или

9. ЭПИЛОГ. ОБ УПАДКЕ МОНГОЛОВ

История кочевников Внутренней Азии традиционно представляется в виде процесса однолинейного развития. Ее первые полтора тысячелетия рассматриваются как период постоянного роста могущества кочевников, во время которого одна кочевая империя сменяла другую, а кульминацией его явились разрушительные завоевания монголов и создание ими кочевого государства, не имевшего себе равных по могуществу и занимаемой территории. После падения Монгольской империи степь вступила в период упадка, или заката, продолжавшийся на протяжении последующих пяти веков¹. Этому периоду упадка большинство историков уделяют очень мало внимания, видя в нем лишь грустный финал истории бывшего могущества кочевников. При этом подразумевается, что с таким трудом создававшаяся в течение полутора тысяч лет организационная и военная структура номадов была безрассудно загублена их заблудшими потомками за 500 лет постепенного вырождения.

Такой взгляд на историю степи совершенно неправомерен. Рассматривать монголов как продукт полторатысячелетнего возвышения кочевников — значит игнорировать наличие сложных структур в более ранних степных империях. В 200 г. до н. э. в государстве сюнну уже были заложены необходимые структурные основы для создания кочевых империй. Сюннуское государство было наиболее устойчивым и долговечным из всех степных держав. Ограничивая себя концепцией однолинейного развития, историки игнорируют также существование длительных периодов анархии, которые следовали за падением империй сюнну и уйгуров. На протяжении более чем половины домонгольского периода степь оставалась слабой и раздробленной. Борьба Чингис-хана за власть показала, что переход от анархии к централизации мог происходить исключительно быстро. Менее чем за поколение кочевники, не имевшие никакого влияния, крепкой организационной структуры и системы безопасности даже у себя дома, стали властителями величайшей в мире империи. Хотя новые империи часто по своей структуре напоминали предшествующие, сами кочевники не догадывались о подобном сходстве, поскольку не помнили о них. По иронии судьбы именно сочинения просвещенных китайских историографов, проповедовавших философскую идею о том, что прошлое должно служить зеркалом для настоящего, акцентировали внимание на преемственности в образовании кочевых государств, разделенных многими веками.

Для воссоздания точной исторической перспективы необходимо исследовать сложные взаимоотношения между Китаем, степью и Маньчжурией, которые приводили к регулярному повторению циклов исторического развития. Возникновение могущественных национальных династий в Китае и объединение степи кочевыми империями связывались воедино политикой торговли и вымогательства. В этом поляризованном мире никакое самостоятельное пограничное государство не могло возникнуть до тех пор, пока Китай или кочевники не утрачивали способность контролировать разделявшую их границу. Анархия в степи и в Китае создавала условия для возникновения маньчжурских династий. Эти пограничные династии выдвигались из бассейна реки Ляохэ для захвата Северного Китая и поддержания разобщенности среди степных племен. Падение иноземных династий в результате восстаний внутри Китая давало возможность объединения как Китая, так и степи. Не являясь логической кульминацией процесса развития длинного ряда степных империй, Монгольская империя стала уникальным гибридом, способным отразить и преодолеть обычно губительное вмешательство со стороны более развитого маньчжурского государства. Чингис-хан соединил дисциплинированную степную конницу кочевников с технически хорошо подготовленными войсками маньчжуров в единую армию. Объединив мобильность, военную мощь и стратегическое мышление кочевников с технологией захвата укрепленных городов, он в итоге встал во главе армии, самой могущественной из всех когда-либо существовавших в Евразии.

Часто считается, что после развала Монгольской империи начался период резкого упадка степных кочевников, однако это преувеличение. Поздние степные правители, конечно, проигрывают в сравнении с Чингис-ханом, но ведь мало кто из правителей любой эпохи не меркнет рядом с ним. Кроме того, это естественное предубеждение осложняется склонностью монгольских и китайских источников рассматривать род Чингисидов как единственный законный источник власти в степи и приуменьшать значение других групп. Например, Эсэн и ойраты создали вполне дееспособную степную империю, которая успешно проникала за пограничные укрепления Мин, разгромила целую императорскую армию и захватила в плен самого

¹ Такая установка достаточно четко прослеживается в библиографических исследованиях, посвященных Внутренней Азии. В типологии Синора (Sinor) используется термин «период упадка» (*Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale*); сходные взгляды высказывает Шварц (Schwarz) в самой свежей западной библиографии по Монголии *Bibliotheca Mongolica*.

императора. Однако ойратскую империю обычно рассматривают лишь как периферийный эпизод в истории совершенно непримечательных князей из рода Чингисидов, которые не идут ни в какое сравнение со своими знаменитыми предшественниками. Предполагаемая ныне исследователями военная слабость монголов в период после падения Юань была совсем не очевидной для династии Мин. Тогда не только ойраты, но и восточные монголы под предводительством Даян-хана и Алтан-хана нападали на китайскую границу и даже атаковали Пекин. Ни при какой другой династии не было столь длительного периода военных столкновений с кочевниками на границе, как при Мин. Это указывает на то, что монголы продолжали оставаться главной военной угрозой для Китая даже столетия спустя после исчезновения их мировой империи. Когда Мин пала, на протяжении первых 100 лет существования династии Цин восточные монголы представляли собой ее военный аванпост во Внутренней Азии, защищавший империю от вторжений джунгаров.

Совершенно очевидно, что к XIX в. в степи наступил период глубочайшего военного и экономического упадка. В цинских источниках и отчетах западных путешественников отражается впечатляющая картина нищеты, угнетения и политического бессилия в Монголии. Это состояние упадка в последние 150 лет существования Цинов чрезвычайно резко контрастировало с могуществом монголов, которым они обладали ранее. Слабость монголов в цинский период обычно объясняется ссылками на появление монашеских общин, разложение аристократии и экономическое угнетение. Все это были плоды цинской политики, так как маньчжуры отдали монголов в руки монгольских и китайских угнетателей сразу же, как только перестали нуждаться в их защите от джунгаров.

Как и другие маньчжурские династии, Цин хорошо умела вести дела с племенными соседями Китая. Будучи выходцами из племенной среды, маньчжуры понимали, на чем строится степная политика: на брачных союзах, на использовании противоречий между соперничающими племенами или родами, на возможности манипулирования степными вождями, которые нуждались в поддержке извне, на своевременном предотвращении угрозы консолидации кочевников под предводительством способных вождей. Предшествующие маньчжурские династии боролись с этой угрозой, проводя активные военные кампании в степи и выделяя помощь соперничавшим племенам. Военные кампании и политическое вмешательство в дела кочевников были направлены не на включение степи в китайское государство, а на поддержание ее в состоянии разобщенности и пресечение любых попыток объединения номадов. Эта политика известна до мельчайших деталей из истории того периода, в котором она неожиданно потерпела крах: когда чжурчжэни натравливали монголов на татар, затем татар на монголов, а потом найманов на Чингис-хана. Чингис-хан, однако, справился со всеми врагами, и его успех перечеркнул всю изощренность и действенность маньчжурской политики, которая до того сослужила хорошую службу династиям Тоба Вэй, Ляо и Цзинь.

Политика Цин отличалась от этой традиционной маньчжурской стратегии. Вследствие договора 1571 г. монголы остались разделенными на мелкие племенные группы, вожди которых лично устанавливали даннические отношения с минским двором. Минская данническая система предотвращала любые попытки объединения, поскольку вожди небольших племен опасались утратить свою независимость и источник обогащения в случае вхождения в состав большой объединенной степной империи. Разобщенность кочевников также поощрялась сложной системой жалованных наград и званий, которые могли быть отобраны у них в случае их плохого поведения. Однако при Мин эта система была довольно пассивной. После Юн-ло минские правители уже не пытались использовать монгольских вождей в своих интересах, а кочевники не являлись частью большой имперской структуры. Мин хотела усмирить номадов и, оказывая поддержку всем племенным вождям, просто признавала существующий *status quo*, вероятно, не осознавая, что таким образом она поддерживает состояние раздробленности в степи. Мин, в отличие от Тан, никогда всерьез не рассматривала кочевников в качестве своих союзников: предложения обратиться за помощью к кочевникам в борьбе с маньчжурами или во время восстаний внутри страны отвергались двором.

Маньчжуры видели гораздо больше возможностей для использования политической раздробленности степи. Первоначально они просто переманили монголов на свою сторону, платя им вместо Мин, однако после поражения Лигдан-хана ввели в Южной Монголии систему знамен. Быстрое признание новой организационной формы было отчасти обусловлено тем, что в ней использовалась привычная племенная структура, в которой знамена и стрелы формировались в соответствии с традиционным племенным делением. Новая система победила и потому, что потоки материальной помощи из минского Китая привели к появлению многочисленных мелких орд, вожди которых закрепили свое привилегированное положение в системе знамен. Представители консервативной чингисидской аристократии сохранили за собой традиционные

должности, а также получили новые титулы, жалования и территории с прикрепленными к ним кочевыми подданными. Эти подданные находились под постоянным контролем и не имели права покидать отведенные для проживания районы.

Цин превратила пассивный минский подход к кочевникам в активный, сохранив руководящие должности за представителями консервативной кочевой знати и сделав последних частью обширной иерархической структуры империи. Каждый мелкий правитель был связан с двором не только данническими отношениями, но и брачными союзами и своим положением в рамках цинской администрации. Агрессивные кочевые вожди находили выход своей энергии, воюя за расширение маньчжурской державы. Монгольская аристократия рассматривала собственные интересы и интересы Цин как общие. Маньчжуры решили проблему интеграции кочевников, согласившись с тем, что ими невозможно управлять бюрократическими методами. Власть в Китае оставалась бюрократической, власть в степи оставалась племенной, но обе были интегрированы в единую систему на уровне империи. В отличие от национальных китайских правителей маньчжуры не видели необходимости в использовании китайской культуры, учреждений или административных структур на территории степи.

Наибольшую угрозу для этой системы представляли джунгары. Их государство являлось образцом кочевой империи старого порядка — имперской конфедерацией, способной атаковать Китай широким фронтом. Джунгары представляли также и политическую угрозу для Китая. Система знамен в Монголии существовала благодаря сотрудничеству с маньчжурами чингисидской аристократии. Аристократы получили огромные преимущества, в то время как их подданные утратили и свободу передвижения, и политическую свободу. Успешное завоевание Северной Монголии могло открыть дорогу для свержения этой аристократии джунгарами, не принадлежавшими к Чингисидам. В результате большинство кочевников могло освободиться от власти Цин, если бы уяснило себе, что объединиться с джунгарами гораздо выгоднее. Халха-монгольская знать боялась такого поворота дел и бежала в пределы Цин после атак Галдана. Цин нуждалась в халхаской знати, тогда как в объединенной степной империи джунгаров от нее было мало пользы.

Монголы выполняли роль щита цинского Китая, а также использовались в качестве ударных войск во Внутренней Азии. Цин зависела от монгольских войск и поставок продовольствия в войне с джунгарами, хотя руководство военными действиями в основном находилось в руках представителей знамен и членов императорского клана. Именно традиционные кочевые армии, а не огнестрельное оружие позволили династии осуществить обширные завоевания во Внутренней Азии в период с середины XVII до середины XVIII в. Галдан смог успешно отразить атаку артиллерии с помощью «бронированных» верблюдов, а позднее Кан-си был вынужден оставить медленно передвигавшуюся артиллерию, чтобы нагнать отступающих джунгаров. Конница оставалась самым важным компонентом военных кампаний в степи. Вне городских и крепостных стен медленно заряжаемые пушки не имели решающего значения. Война с джунгарами велась традиционными способами.

Поражение джунгаров и включение их территории в состав империи Цин положило конец необходимости использовать монголов в качестве степной армии. Именно с этого момента начался резкий упадок монголов, и те изменения, которые накапливались на протяжении 50 лет, внезапно приобрели обвальный характер. Они включали в себя и снижение боеспособности монгольской армии, и распространение буддийских монастырей и монашества, и экономическое угнетение, которое лишало Монголию ее богатств. Все это было естественным порождением цинской административной структуры, в которой монголам отводилась маргинальная роль.

В свое время монгольские армии были организованы в дивизии, чтобы сохранять высокий уровень боеготовности. После победы над джунгарами военная значимость дивизий уменьшилась. Хотя маньчжуры все еще рассматривали монголов в качестве военного резерва, существовавшая ранее жесткая система войсковых инспекций, ежегодных смотров и проверок оснащения войск пришла в упадок. В 1775 г. цинский двор перестал присылать представителей для войсковых проверок, а военные смотры стали проводиться только раз в три года. В то же время число монастырей в Монголии значительно увеличилось. Цин строго следила за численностью монгольских аристократов и других лиц, собиравшихся принять монашество, чтобы предотвратить уменьшение военного резерва. Увеличение числа монахов совпало с уменьшением потребности Цин в монгольских войсках. Гегемония Цин также привела к установлению внутреннего мира в Монголии, что позволило без риска строить монастыри по всей территории степи. Монастыри стали центрами сельского хозяйства, торговли и образования. В XIX в. в некоторых районах Монголии монахи составляли от трети до половины численности мужского населения. Хотя монахи принимали участие в скотоводческой экономике, а иногда даже жили у себя

дома, они не платили налоги и были избавлены от трудовых повинностей. Монастыри получали подарки от аристократии и самостоятельно создавали обширные скотоводческие хозяйства².

Высказывалось предположение, что маньчжуры сознательно способствовали распространению буддизма у монголов в целях умиротворения последних, однако в действительности монголы приняли буддизм при Алтан-хане, задолго до того, как маньчжуры появились в Монголии. Да буддизм и не был надежным лекарством от милитаризма, поскольку ни восточные монголы, ни джунгары не прекратили вести войны после принятия этой религии. Так или иначе, маньчжуры противились сильному желанию монголов увеличить число монастырей и монахов вплоть до того момента, пока джунгары не были разбиты. После окончания джунгарских войн эти ограничения были частично сняты, и на деньги и при поддержке монголов начали возводиться новые монастыри. В этой ситуации распространение монашеских общин не представляло угрозу интересам Цин, поскольку династия сохраняла значительное влияние на тибетское религиозное руководство через своих представителей в Лхасе. Стремление переключить энергию монголов с военных дел на религиозные подвиги было естественной, хотя и неофициальной политикой династии, которая больше не вела активных военных действий во Внутренней Азии.

Цинский контроль над Монголией впервые сделал возможной прямую экономическую эксплуатацию степи со стороны Китая. До сих пор именно кочевники диктовали условия торговли для купцов, приезжавших в их земли, устанавливали цены и организовывали обмен товарами. Кочевники также приходили для торговли на пограничные рынки. Цинский контроль над Монголией позволил китайским купцам самостоятельно путешествовать по степи, гарантировал безопасность им и их имуществу. Административные центры и монастыри служили опорными базами долгосрочной деятельности купечества. Цинская администрация, однако, противилась экспансии китайских купцов в Монголию. Двор издавал декреты, ограничивавшие продолжительность пребывания купцов в Монголии и виды заключаемых сделок, однако лазейки в законодательстве и слабый контроль за его исполнением делали эти декреты пустой бумажкой. Экономике Монголии наносился разного рода ущерб. Например, кочевники получали товары низкого качества в обмен на продукты животноводства, цены на которые намеренно занижались купцами. Однако самым разрушительным аспектом этой торговли было введение кредита и сложных процентов. Китайские купцы, в основном выходцы из Шаньси, организовывали большие компании, которые давали монголам товары и деньги в кредит. Условие погашения кредитов с высокими процентами вскоре привело к тому, что процентные платежи стали приносить больший доход, чем продажа товаров. Ростовщики выкачивали богатства Монголии в Китай, поскольку монголы не могли выпутаться от долгов, сумма которых через некоторое время почти сравнялась по стоимости с имуществом знамен. Часто целое знамя брало на себя финансовую ответственность за выплату долгов своих предводителей, которые увлекались импортом дорогостоящих предметов роскоши³.

Эта торговля и поборы военного времени частично явились причиной восстания в Северной Монголии в 1756–1757 гг. В дальнейшем экономические условия еще более ухудшились, поскольку, когда необходимость в пограничных войсках и выючных животных у Цин уменьшилась, династия отказалась от каких-либо серьезных попыток ограничить торговлю, организованную китайскими купцами в Монголии. Ужасающая нищета Монголии в XIX в. в значительной степени была обусловлена именно этой эксплуататорской системой торговли. Таких кабальных условий торговли прежде никогда не существовало, поскольку они могли сохраняться только под защитой империи. До включения в цинскую систему знамен кочевые вожди, поймав за руку недобросовестного торговца, могли в качестве наказания отобрать у него его товары. Сложные же проценты могли сохраняться только там, где существовала политическая структура, позволявшая выбивать из должника долг. Когда кочевники были независимы, они могли просто откочевать, чтобы избежать выплаты долга. Торговцы, желавшие продолжать дела в Монголии, должны были прощать им долги, которые не могли быть выплачены в связи со значительной потерей скота. В нормальных условиях торговцы не предоставляли кочевникам больших кредитов, но когда кредитование стало юридически регулироваться системой знамен, появилась возможность документального учета и последующего взыскания долгов.

Чингисидская аристократия получала большие выгоды от этой системы, поскольку ее представители имели доступ к почти неограниченному кредиту под залог имущества своих знамен. Столетиями получая жалованье от династий Мин и Цин, монгольские Чингисиды проявляли мало заботы о бедственном положении своих кочевых подданных. Поражение джунгаров устранило

² Farquhar. Ch'ing Administration of Mongolia. P. 115–121, 148–149; cp.: Miller. Monasteries and Culture Change in Inner Mongolia.

³ Bawden. The Modern History of Mongolia; Sandorj. Manchu Chinese Colonial Rule in Northern Mongolia.

последнюю угрозу этой аристократии, которая перестала опасаться, что ее вытеснят более могущественные соперники. Чингисиды стали классом надзирателей и сборщиков дани на окраинах империи. Их отчуждение от рядовых монголов зашло так далеко, что в Южной Монголии они с целью личного обогащения даже продавали племенные земли китайским землевладельцам, разрушая саму основу скотоводческой экономики. Политическая структура Цин с ее многочисленными знаменами, жестким военно-административным делением, бюрократизированной племенной знатью и коррумпированными имперскими чиновниками привела к созданию такой ситуации, при которой купцы могли эксплуатировать монголов, почти не опасаясь за свое имущественное благополучие.

Экономическая эксплуатация усугублялась также развитием капитализма в Китае. Монголия постепенно включалась в систему мировой торговли. Создание железных дорог изменило характер связей между внешними и внутренними землями Китая. Отныне товары с окраин можно было дешево доставлять по железной дороге в городские центры, а китайские колонисты, следуя за железнодорожными путями, заселяли все большие и большие пространства монгольской территории. Поскольку с запада в степь проникали русские, разгромившие на своем пути казахов и киргизов, свободной территории, на которой могли бы укрыться кочевники, не оставалось⁴.

Падение династии Цин в Китае, а затем царского режима в России положило конец существованию старой системы, но не привело к возрождению власти кочевников в степи. Один из самых старых циклов в международных отношениях, долгое время находившийся в состоянии угасания, закончился. Традиционного кочевого мира торговли, политики, внешних контактов, войн и подвигов более не существовало.

⁴ *Lattimore. Studies in Frontier History. P. 134–159.*

Библиография

- Aberle D.* The Kinship System of the Kalmuk Mongols. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1953.
- Akimushkin O. F.* Le Turkestan oriental et les Oirats // *Études Mongoles*. 1974. Vol. 5. P. 157–163 (русский текст: *Акимушкин О. Ф.* Могольское государство и калмыки // Международный симпозиум ЮНЕСКО. Улан-Батор. Май 1973 года. Сб. Улан-Батор, 1974).
- Akimushkin O. F.* (trans.) Shah-Mahmud ibn Mirza Fazil Churas: Khronika. Moscow: Nauka, 1976 (русский текст: *Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас*. Хроника / Крит. текст, пер. с перс., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. М., 1976).
- Allsen Th.* The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century, in China among Equals. Morris Rossabi (ed.). Berkeley: University of California Press, 1983. P. 243–280.
- Allsen Th.* Guard and government in the reign of the Grand Qan Möngke, 1251–1259 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1986. Vol. 46. P. 523–550.
- Andrews P. A.* The white house of Khurasan: the felt tents of the Iranian Yomut and Goklen // *Journal of the British Institute of Iranian Studies*. 1973. Vol. 11. P. 93–110.
- Bacon E.* Types of pastoral nomadism in Central and Southwest Asia // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1954. Vol. 10. P. 44–68.
- Baddeley J.* Russia, Mongolia, and China. N. Y.: Macmillan, 1919.
- Barfeld Th.* The Hsiung-nu Imperial Confederacy: organization and foreign policy // *The Journal of Asian Studies*. 1981. Vol. 41. P. 45–61.
- Barth F.* The land use patterns of migratory tribes of South Persia // *Norsk Geografisk Tidsskrift*. 1960. Vol. 17. S. 1–11.
- Barthold V. V.* Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Berlin: Deutsche Gesellschaft für Islamkunde, 1935 (русский текст: *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения в 9 томах. М., 1963–1977. Т. V. М., 1968).
- Barthold V. V.* Turkestan down to the Mongol Invasion. London: Gibb Memorial Series, 1968 (русский текст: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения в 9 томах. М., 1963–1977. Соч. Т. I. М., 1963).
- Bawden Ch.* (trans.) The Mongol Chronicle Allan Tobci. Wiesbaden: Harrassowitz, 1955 (русский перевод: *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. Л. Шастиной. М., 1973).
- Bawden Ch.* The Modern History of Mongolia. N. Y.: Praeger, 1968.
- Bawden Ch.* The Mongol rebellion of 1756–1757 // *Journal of Asian History*. 1968. Vol. 2. P. 1–31.
- Bielenstein H.* The restoration of the Han dynasty // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 1967. Vol. 39. P. 92, ff.
- Bielenstein H.* Chinese historical demography A. D. 2–1982 // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 1987. Vol. 59.
- Bingham W.* The Founding of the T'ang Dynasty. Baltimore (Md.): Waverley Press, 1941.
- Boodberg P. A.* Two notes on the history of the Chinese frontier // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1936. Vol. 1. P. 283–307.
- Boyle J. A.* (trans.) The History of the World Conqueror, 2 vols (Ata Malik Juvaini). Manchester: Manchester University Press, 1958 (русский перевод: *Ата-Мелик Джувейни*. Чингисхан: История завоевателя мира. М., 2004).
- Boyle J. A.* (trans.) The Successors of Genghis Khan (translated from the Persian of Rashid al-Din). N. Y.: Columbia University Press, 1971.
- Bulliet R.* The Camel and the Wheel. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1975.
- Burnham Ph.* Spatial mobility and political centralization in pastoral societies, in *Pastoral Production and Society*, L'Équipe écologie et anthropologie des sociétés pastorales (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Cambridge History of China: Sui and T'ang*, 589–906. Vol. 3. Part 1. Denis Twitchett (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Cambridge History of China: The Ch'ing Empire to 1800*. Vol. 9. Part 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Cambridge History of Iran: The Saljuq and Mongol Period*. Vol. 5. John Boyle (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

- Chan A.* The Glory and Fall of the Ming Dynasty. Norman (OK.): University of Oklahoma Press, 1982.
- Chan Hok-lam.* Legitimation in Imperial China: Discussions under the Jurchen-Chin Dynasty (1115–1234). Seattle: University of Washington Press, 1984.
- Chang K. C.* Archaeology of Ancient China. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1977.
- Cleaves F.* (trans.) The Secret History of the Mongols. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982 (русский перевод: Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / пер. С. А. Козина. М.; Л., 1941).
- Courant M.* L'Asie centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles: Empire kalmouk ou empire mantchou? Lyon, 1912.
- Crespigny R.* The Last of the Han. Canberra: Australian National University, 1969.
- Dardess J.* Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yüan China. N.Y.: Columbia University Press, 1963.
- Dardess J.* From Mongol empire to Yüan dynasty: changing forms of imperial rule in Mongolia and central Asia // *Monumenta Serica*. 1972–1973. Vol. 30. P. 117–165.
- De Rachewiltz I.* Yeh-lü Ch'ü-ts'ai (1189–1243): Buddhist idealist and Confucian statesman in Confucian Personalities, A. F. Wright and Denis Twitchett (eds), Stanford (CA): Stanford University Press, 1962.
- Des Rotours R.* Histoire de Ngan Lou-chan. Paris: Presses Universitaires de France, 1962.
- Downs J.* The origin and spread of riding in the Near East and central Asia // *American Anthropologist*. 1961. Vol. 63. P. 1193–1203.
- Dreyer E.* Early Ming China. Stanford, CA: Stanford University Press, 1982.
- Dubs H. H.* The History of the Former Han Dynasty. 3 vols. Baltimore (Md.): Johns Hopkins University Press, 1938–1955 (выборочный русский перевод: Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, Т. I–II.; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и прим. В. С. Таскина. Вып. I. М., 1968; Вып. II. М., 1973).
- Eberhard W.* Chronologische Übersicht über die Geschichte der Hunnen in der späteren Han-Zeit (25 n. Chr. — 220 n. Chr.) // *Türk Tarih Kurumu Belleten*. 1940. Vol. 4. S. 387–441.
- Eberhard W.* Das Toba-Reich Nord Chinas: Eine soziologische Untersuchung. Leiden: Brill, 1949.
- Eberhard W.* Conquerors and Rulers. Leiden: Brill, 1970.
- Ecsedy H.* Trade and war relations between the Turks and China in the second half of the 6th century // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1968. Vol. 21. P. 131–180.
- Ecsedy H.* Tribe and tribal society in the sixth century Turk empire // *Acta Orientalia Hungaricae* (B). 1972. T. 25. P. 245–262.
- Endicott-West E.* Imperial governance in Yüan times // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1986. Vol. 46. P. 495–522.
- Fang A.* The Chronicle of the Three Kingdoms (220–265). 2 vols. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1965 (выборочный русский перевод: Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М., 1984).
- Farmer E.* Early Ming Government — The Evolution of the Two Capitals. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1976.
- Farquhar D.* Oirat-Chinese tribute relations, 1408–1459 in *Studia Altaica: Festschrift für Nikolaus Poppe*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957. S. 60–68.
- Farquhar D.* Ch'ing administration of Mongolia. Cambridge (Mass.): Harvard University thesis, 1960.
- Farquhar D.* The origins of the Manchus' Mongolian Policy in *The Chinese World Order*, John Fairbank (ed.). Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968. P. 198–205.
- Farquhar D. M.* Structure and function in the Yüan imperial government in China Under Mongol Rule. J. D. Langlois (ed.), Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1981. P. 25–55.
- Fletcher J.* The Mongols: ecological and social perspective // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1986. Vol. 46. P. 11–50 (русский перевод: Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004).
- Franke H.* Chinese texts on the Jürchen. A translation of the Jürchen monograph in the San-ch'ao pei-meng hui-pien // *Zentralasiatische Studien*. 1975. Bd. 9. S. 119–186.
- Franke W.* Yung-lo's Mongolei-Feldzüge // *Sinologische Arbeiten*. 1945. Bd. 3. S. 1–54.

- Gardiner K. H. J.* The Kung-sun warlords of Liao-tung 189–238 // *Papers on Far Eastern History*. 1972. N 5. P. 59–107; 1972. N 6. P. 141–204.
- Goodrich C., Chaoying Fang.* Dictionary of Ming Biography 1368–1644. N. Y.: Columbia University Press, 1976.
- Goody J.* Succession to High Office. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
- Griffith S.* (trans.) Sun Tzu: The Art of War. Oxford: Oxford University Press, 1963 (русский перевод: *Конрад Н. И.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование. М.; Л., 1950).
- Gryaznov M.* The Ancient Civilization of Southern Siberia. N. Y.: Cowles, 1969.
- Haloun G.* The Liang-chou rebellion, 184–221 AD // *Asia Major* n. s. 1949. Vol. 1. P. 119–138.
- Hamilton J. R.* Les Ouïghours à l'époque des Cinq Dynasties d'après les documents chinois. Paris: Bibliothèque de l'Institut des Hautes Études Chinoises. 1955. Vol. 10.
- Harmatta J.* The dissolution of the Hun Empire // *Acta Archaeologica*. 1952. T. 2. P. 277–304.
- Herodotus* (trans. David Grene). The History. Chicago: University of Chicago Press, 1987 (русский перевод: *Геродот.* История: В 9 кн. / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972).
- Ho Ping-ti.* An estimate of the total population of Sung-Chin China in *Études Song en Memorium* Etienne Balazs, Françoise Aubin (ed.). Paris, 1970. P. 3–53.
- Holder P.* The Hoe and the Horse on the Plains. Lincoln (NB): University of Nebraska Press, 1970.
- Holmgren J.* The Empress Dowager Ling of the Northern Wei and the T'o-pa sinicization question // *Papers on Far Eastern History*. 1978. N 18. P. 123–170.
- Hsi A.* Wu San-kuei in 1644: a reappraisal // *Journal of Asian Studies*. 1975. Vol. 34. P. 443–453.
- Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yüan Dynasty. Cambridge (Mass.): Harvard East Asian Monograph Series no. 77, Harvard University Press, 1978.
- Hsu Cho-yun.* Ancient China in Transition: An Analysis of Social Mobility, 722–222 B. C. Stanford (CA): Stanford University Press, 1965.
- Hulsewé A. F. P.* China in Central Asia: The Early Stage: 125 B. C. — A. D. 23. Leiden: Brill, 1979.
- Hummel A.* Eminent Chinese of the Ch'ing Period. Washington (DC): US Government Printing Office, 1942–1943.
- Ikeuchi H.* A Study of the Fu-yü // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 1939. N 6. P. 23–60.
- Irons W.* Political stratification among pastoral nomads in *Pastoral Production and Society*, L'Équipe écologie et anthropologie des sociétés pastorales (ed.), Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Jackson P.* The dissolution of the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal*. 1978. Vol. 22. P. 186–244.
- Jenner W. J. F.* Memories of Loyang. Oxford: Oxford University Press, 1981.
- Jettmar K.* The Art of the Steppes. N. Y.: Crown, 1964.
- Jou-jan tzu-liao chi-lu (Collection of historical source material on the Jou-jan). Peking, 1965.
- Kessler L.* K'ang-hsi and the Consolidation of Ch'ing Rule, 1661–1684. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Khazanov A.* Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University 1985 (русский текст: *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000).
- Kierman F.* Phases and modes of combat in early China in *Chinese Ways in Warfare*, Frank Kierman and John Fairbank (eds), Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1974. P. 27–66.
- Kollautz A., Hisayuki M.* Geschichte und Kultur eines völker-wanderungszeitlichen Nomadenvolks: Die Jou-jan der Mongolei und die Awaren in Mitteleuropa. 2 vols. Klagenfurt: Rudolf Habelt Verlag, 1970.
- Kostiner J., Khoury Ph.* (eds.). Tribe and State Formation in the Middle East. Berkeley (California), University of California Press, 1990.
- Krader L.* The ecology of central Asian pastoralism // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1955. Vol. 11. P. 301–326.
- Krader L.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963.
- Krader L.* The origin of the state among nomads in *Pastoral Production and Society*, L'Équipe écologie et anthropologie des sociétés pastorales (ed.), Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Langlois J. D.* China Under Mongol Rule. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1981.
- Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. N. Y.: American Geographical Society, 1940.

- Lattimore O.* Studies in Frontier History. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Le Strange G.* The Lands of the Eastern Caliphate. London, 1905.
- Ledyard G.* Yin and Yang in the China-Manchuria-Korea Triangle in China among Equals, Morris Rossabi (ed.), Berkeley, CA: University of California Press, 1983.
- Levy H.* Biography of An Lu-shan. Berkeley (CA): University of California Press, 1960.
- Li G. R.* The rise of the Manchu state: a portrait drawn from Manchu sources to 1636. Cambridge (Mass.): Harvard University thesis, 1975.
- Liddell-Hart B.* Great Captains Unveiled. London, 1928.
- Lindholm Ch.* Kinship structure and political authority: the Middle East and Central Asia // Journal of Comparative History and Society. 1986. Vol. 28. P. 334–355.
- Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). 2 vols. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.
- Loewe M. A. N.* Records of the Han Administration. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
- Loewe M. A. N.* The Campaigns of Han Wu-ti // Chinese Ways in Warfare / Frank Kierman and John Fairbank (eds), Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1974.
- Loewe M. A. N.* Crisis and Conflict in Han China. London: George Allen and Unwin. 1974.
- Mackerras C.* Sino-Uighur diplomatic and trade contacts (744 to 840) // Central Asiatic Journal. 1969. Vol. 13. P. 215–240.
- Mackerras C.* The Uighur Empire (744–840) According to the T'ang Dynastic Histories. Columbia (SC): University of South Carolina Press, 1972.
- Mancall M.* Russia and China: Their Diplomatic Relations until 1728. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971.
- Martin H. D.* The Rise of Chinggis Khan and his Conquest of North China. Baltimore (Md.): Johns Hopkins University Press, 1950.
- Michael F.* Origin of Manchu Rule in China. Baltimore (Md.): Johns Hopkins Press, 1942.
- Michaud P.* The Yellow Turbans // Monumenta Serica. 1958. Vol. 17. P. 47–127.
- Miller R.* Monasteries and Culture Change in Inner Mongolia. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959.
- Minorski V.* Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1948. Vol. 12. P. 275–305.
- Molè G.* The T'u-yü-hun from the Northern Wei to the Time of the Five Dynasties. Rome, 1970.
- Mori M.* Historical Studies of the Ancient Turkic Peoples (in Japanese). Tokyo: Yamakawa Shuppansha, 1967.
- Mori M.* Reconsideration of the Hsiung-nu state — a response to Professor O. Pritsak's criticism // Acta Asiatica. 1973. N 24. P. 20–34.
- Mostaert A.* Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols. Cambridge (Mass.): Harvard-Yenching Institute, 1953.
- Mote F.* The T'u-mu Incident of 1449 // Chinese Ways in Warfare / Frank Kierman and John Fairbank (eds), Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1974. P. 243–272.
- Murzaev E.* Die mongolische Volksrepublik, physisch-geographische. Gotha: Geographisch-Kartographische Anstalt, 1954 (русский текст: Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика: Физико-географическое описание. М., 1948).
- Okada H.* The life of Dayan Qaghan // Acta Asiatica. 1966. N 11. P. 46–55.
- Oxnam R.* Ruling from Horseback: Manchu Politics in the Oboi Regency, 1661–1669. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
- Parker E. H.* Manchu relations with Turkestan // China Review. 1887–1888. Vol. 16. P. 105–118.
- Parker E. H.* History of the Wu-wan or Wu-hwan Tunguses of the first century; followed by that of their kinsmen the Sien-pi // China Review. 1892–1893. Vol. 20. P. 71–92.
- Parker E. H.* The Turko-Scythian Tribes // China Review. 1892–1893. Vol. 20. P. 1–24, 109–125.
- Parker E. H.* The Turko-Scythian Tribes // China Review. 1894–1895. Vol. 21. P. 100–119, 129–137, 253–267, 291–301.
- Parker E. H.* The Early Turks // China Review. 1899–1900. Vol. 24. P. 120, 163, 170, 227.
- Parker E. H.* The Early Turks // China Review. 1900–1901. Vol. 25. P. 1–270.
- Pelliot P.* Notes critiques d'histoire kalmouke. Paris: Librairie d'Amérique et l'Orient Adrien-Maisonneuve, 1960.
- Petech L.* China and Tibet in the 18th Century. Leiden: Brill, 1972.
- Pinks E.* Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit (960–1028). Wiesbaden: Otto

- Harrassowitz, 1968.
- Pokotilov D.* History of the Eastern Mongols During the Ming Dynasty from 1368 to 1634. Philadelphia: Porcupine Press, 1976 (русский текст: *Покотиллов Д. Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). СПб., 1893).
- Pritsak O.* Die 24 Ta-ch'en, Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche // Oriens Extremus. 1954. Bd. 1. S. 178–202.
- Pritsak O.* The Origin of Rus', vol. 1: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1981.
- Prušek J.* Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400–300 BC. Amsterdam: Reidel, 1971.
- Pulleyblank E. G.* The Background of the Rebellion of An Lu-shan. London: London Oriental Series. 1955. Vol. 4.
- Pulleyblank E. G.* Some remarks on the Toquz-oghuz problem // Ural-Altaische Jahrbücher. 1956. Bd. 28. S. 35–42.
- Radloff W.* Aus Siberien. 2 vols. Leipzig: Weigel Nachfolger, 1983 (русский перевод: *Радлов В. В.* Из Сибири: страницы дневника. М., 1989).
- Riazanovskii V.* Fundamental Principles of Mongol Law. Bloomington (Ind.): Ural and Altaic Series. 1965 (1937). Vol. 43 (существует несколько работ этого автора на русском языке).
- Rogers M.* The Chronicle of Fu Chien. Berkeley (CA): Chinese Dynastic Histories Translation Series, 1968.
- Roth G.* The Manchu-Chinese relationship in From Ming to Ch'ing: Conquest, Region, and Continuity in Seventeenth Century China, Jonathan Spence and John Wills (eds), New Haven (Conn.): Yale University Press, 1979. P. 1–38.
- Rudenko S. I.* Die Kultur der Hsiung-nu und die Hügelgräber von Noin Ula. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1969 (русский текст: *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962).
- Rudenko S.* Frozen Tombs of Siberia: The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen. London: Dent and Sons, 1970 (русский текст: *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953).
- Sahlins M.* The segmentary lineage: an organization for predatory expansion // American Anthropologist. 1960. Vol. 63. P. 322–345.
- Sahlins M.* Islands of History. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Sandorj M.* Manchu Chinese Colonial Rule in Northern Mongolia. N. Y.: St Martin's Press, 1980.
- Schmidt I. J.* Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. The Hague: Mouton, 1961 [1829].
- Schreiber G.* Das Volk der Hsien-pi zur Han-Zeit // Monumenta Serica. 1947. Vol. 12. P. 145–203.
- Schreiber G.* The history of the former Yen dynasty // Monumenta Serica. 1949–1955. Vol. 14. P. 374–480; 1956. Vol. 15. P. 1–141.
- Schurmann F.* The Economic Structure of the Yüan Dynasty. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1956.
- Schwarz H.* Bibliotheca Mongolica. Part I: Works in English, French and German. Bellingham (WA): Western Washington, 1978.
- Serruys H.* Sino-Mongol Relations During the Ming. 1: The Mongols in China during the Hung-wu Period. Brussels: Institut Belge des Hautes Études Chinoises, 1959.
- Serruys H.* Sino-Mongol Relations During the Ming. 2: The Tribute System and the Diplomatic Missions. Brussels: Institut Belge des Hautes Études Chinoises, 1967.
- Serruys H.* Sino-Mongol Relations During the Ming. 3: Trade Relations — The Horse Fairs. Brussels: Institut Belge des Hautes Études Chinoises, 1975.
- Shaughnessy E.* Historical perspectives on the introduction of the chariot in China // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1988. Vol. 48. P. 189–238.
- Sinor D.* Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale. Wiesbaden: Harrassowitz, 1963.
- Smith J.* Mongol and nomadic taxation // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1967. Vol. 30. P. 46–85.
- Spence J.* Emperor of China: A Self-portrait of K'ang-hsi. N. Y.: Random House, 1974.
- Spuler B.* History of the Mongols: Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Berkeley (CA): University of California Press, 1972.
- Stenning D.* Savannah Nomads. Oxford: Oxford University Press, 1953.

- Tao Jing-shen*. The Jurchen in Twelfth Century China. Seattle (WA): University of Washington Press, 1976.
- Tao Jing-shen*. Barbarians or Northerners: Northern Sung images of the Khitans in China among Equals, Morris Rossabi (ed.), Berkeley, (CA): University of California Press, 1983. P. 66–88.
- Tapper R.* Your tribe or mine? Anthropologists, historians and tribespeople on tribe and state formation in the Middle East // *Tribe and State Formation in the Middle East*, Joseph Kostiner and Phillip Khoury (eds), Berkeley, California, University of California Press, 1990.
- Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University Press, 1968.
- Twitchett D.* The composition of the T'ang ruling class in Perspectives on the T'ang, Arthur Wright and Denis Twitchett (eds.), New Haven (Conn.): Yale University Press. P. 47–86.
- Tzu Chih T'ung Chien (Comprehensive Mirror for Aid in Government), by Ssu-ma Kuang. Ku-chi ch'u-pan-she edition. Peking, 1956.
- Vainshtein S.* Nomads of South Siberia: The Pastoral Economies of Tuva. Cambridge: Cambridge University Press, 1980 (русский текст: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972).
- Vladimirtsov B. I.* Le régime social des Mongols: le féodalisme nomade. Paris: Adrien Maisonneuve, 1948 (русский текст: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934).
- Vladimirtsov B. I.* The Life of Genghis-khan. Boston (Mass.): Houghton Mifflin, 1930 (русский текст: *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922).
- Wada S.* A study of Dayan Khan // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 1960. N 19. P. 1–42.
- Wakeman F.* The Shun Interregnum of 1644 in From Ming to Ch'ing, Jonathan Spence and John Wills (eds), New Haven (Conn.): Yale University Press, 1979. P. 39–88.
- Wang Gungwu.* Structure of Power in the Five Dynasties. Stanford (CA): Stanford University Press, 1963.
- Watson B.* Records of the Grand Historian of China. 2 vols. N. Y.: Columbia University Press, 1961 (русский перевод цитируемых мест: *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–II. М.; Л., 1950; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина). Вып. I. М., 1968; *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца, вступ. статья Р. В. Вяткина). Т. VIII. М., 2002).
- Wittfogel K., Feng Chia-sheng.* The History of Chinese Society: Liao (907–1125). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949.
- Wolf E.* Europe and the People Without History. Berkeley (CA): University of California Press, 1982.
- Wright A.* Fu-t'u-teng: a biography // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1948. Vol. 11. P. 321–323.
- Wright A.* The Sui Dynasty. N. Y.: Knopf, 1978.
- Wylie A.* (trans.) History of the Heung-noo in their relations with China // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1874. Vol. 3. P. 396–451; 1875. Vol. 5. P. 41–80.
- Yang Lien-sheng.* Notes on the economic history of the Chin dynasty // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1946. 9. P. 107–185.
- Yang Lien-sheng.* Historical notes on the Chinese world order in The Chinese World Order. John Fairbank (ed.), Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968. P. 20–33.
- Yü Ying-shin.* Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations. Berkeley (CA): University of California Press, 1967.
- Zlatkin I. Ia.* Istoriia Dzhungarskogo khanstva (1635–1758). Moscow: Nauka, 1964 (русский текст: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964).

Список источников и литературы, использованных при переводе

- Барфилд Т.* Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М., 2002.
- Барфилд Т.* Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой. Улан-Удэ, 2004.
- Беспрозванных Е. Л.* Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград, 2001.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950; Т. II. М.; Л., 1950; Т. III. М.; Л., 1953.
- Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922.
- Воробьев М. В.* Культура чжурчженей и государства Цзинь. М., 1983.
- Геродот.* История: В 9 кн. / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
- Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983.
- Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер., введ., коммент. и прилож. В. С. Таскина. М., 1979 // Памятники письменности Востока. Т. XXXV. М., 1979.
- Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. I. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX вв.). Владивосток, 1987.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Крадин Н. Н.* Империя хунну. М., 2002.
- Крадин Н. Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
- Кроль Ю. Л.* Отношение империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. Дальний Восток. Кн. 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М., 2005.
- Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1998.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
- Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М., 1984.
- Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну / Пер., предисл. и коммент. В. С. Таскина. М., 1989.
- Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 3. Мужуны / Пер., предисл. и коммент. В. С. Таскина. М., 1992.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. Вып. I. М., 1968; Вып. II. М., 1973.
- Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье: (Раздел «Ши Хо Чжи» из династийных историй). / Пер. А. А. Бокщанина, Лин Кюнъи, вступ.ст. и коммент. А. А. Бокщанина. М., Наука. 1980.
- Очерки истории Китая. С древности до опиумных войн / Под ред. Шан Юэ. М., 1959.
- Покотилов Д. Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). СПб., 1893.
- Попова И. Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
- Путешествия в восточные страны. I: Джованни дель Плано Карпини. История монгалов II: Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. III: Книга Марко Поло. М., 1997.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. В 3 томах. М.; Л., 1946–1960. Пер с перс. А. К. Арендса, Ю. П. Верховского, О. И. Смирновой, Л. А. Хетагурова. Под ред. Е. Э. Бертельса, И. П. Петрушевского, А. А. Ромаскевича, А. А. Семенова, А. Ю. Якубовского. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского. Под ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960.
- Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Пер. С. А. Козина. М.; Л., 1941.
- Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца. Коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца. Вступ. ст. Р. В. Вяткина. Т. VIII. М., 2002.
- Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.

Китайские источники

Бэй-ши («История северных династий») — Ли Яньшоу
Вэй-шу («История династии [Тоба] Вэй») — Вэй Шоу
Ляо-ши («История [киданьской] династии Ляо») — Оуян Сюань
Мин-ши («История династии Мин») — Чжан Тин-юй
Саньго чжи («История Трех царств») — Чэнь Шоу
Синь Тан-шу («Новая история династии Тан») — Оуян Сю
У-дай ши-цзи («История пяти династий») — Оуян Сю
Хань-шу («История ранней династии Хань») — Бань Гу
Хоу Хань-шу («История поздней династии Хань») — Фань Е
Цзинь-шу («История [чжурчжэньской] династии Цзинь») — Оуян Сюань
Цзинь-шу («История династии Цзинь») — Фан Сюаньлин
Цзю Тан-шу («Старая история династии Тан») — Лю Сюй
Чжоу-шу («История династии Чжоу») — Линху Дэфэнь
Ши-цзи («Исторические записки») — Сыма Цянь
Юань-ши («История [монгольской] династии Юань») — Сун Лянь

Оглавление

Предисловие автора

Предисловие редактора американского издания

Предисловие редактора русского издания

1. Введение. Мир степных кочевников

Политическая организация степных кочевников и пограничные отношения

Циклы власти

Культурная экология

Кочевое скотоводство во Внутренней Азии

Племенная организация

Возвышение степных скотоводов

2. Эпоха объединения степных племен: империя сюнну

Имперская конфедерация

Внутренняя организация

Наследование власти

Внешняя политика — связи с Хань

Стратегия внешней границы

Реакция Китая

Новый мир

Междоусобная война сюнну

Стратегия внутренней границы

Ван Ман: Китай пробует новый подход

Стратегия внешней границы во времена смуты

Вторая междоусобная война сюнну

3. Падение централизованной власти: возвышение иноземных династий

«Империя» сяньби

Возрождение стратегии внешней границы

Падение Хань — конец двух имперских традиций

Системный распад: период Шестнадцати государств

Эволюционный цикл пограничных династий

Милитаристские государства сюнну

Маньчжурское пограничье — колыбель дуальной организации

Государства сяньби

Другие северные государства — Цинь и Лян

Тоба: третья волна завоевания

Жуаньжуани: иноземные династии и степь

Китаизация Тоба Вэй

4. Тюркские империи и Китай эпохи Тан

Первая Тюркская империя

Китайский каган

Взлет и падение Второй Тюркской империи

Уйгурская империя

Степная цивилизация

5. Маньчжурские претенденты

Падение централизованной власти в степи и Китае

Киданьская династия Ляо

Чжурчжэньская династия Цзинь завоевывает Северный Китай

Расколота степь

6. Монгольская империя

Возвышение Чингис-хана

Политическая организация монголов

Монгольские завоевания

Стратегия и политика монголов

Политическая преемственность в Монгольской империи

Борьба за власть: четыре великих хана

Династия Юань

Распад империи Юань в Китае

7. Степные волки и лесные тигры: династия Мин, монголы и маньчжуры

Циклы власти

Монголия после падения династии Юань

Ойраты и Мин

Возвращение восточных монголов

Алтан-хан и капитуляция Мин

Возвышение маньчжуров

Раннее государство Цин

8. Последние дни кочевых империй: покорение Цинами Монголии и Джунгарии

Маньчжурское завоевание Китая

Пограничная политика Цин

Джунгары — последняя степная империя

9. Эпилог. Об упадке монголов

Библиография

Список источников и литературы, использованных при переводе

Оглавление

Научное издание

Томас Дж. Барфилд

ОПАСНАЯ ГРАНИЦА

Кочевые империи и Китай

(221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.)

Перевод с английского

Редакторы *И. Ф. Гурвиц, Л. А. Соловьева*

Корректоры *Л. А. Макеева, Л. С. Павлова*